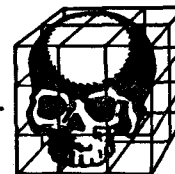

ГИТЛЕР И СТАЛИН

Жизнь и власть

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

ТИРАНИЯ

Алан Буало

ГИТЛЕР И СТАЛИН

ЖИЗНЬ И ВЛАСТЬ

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

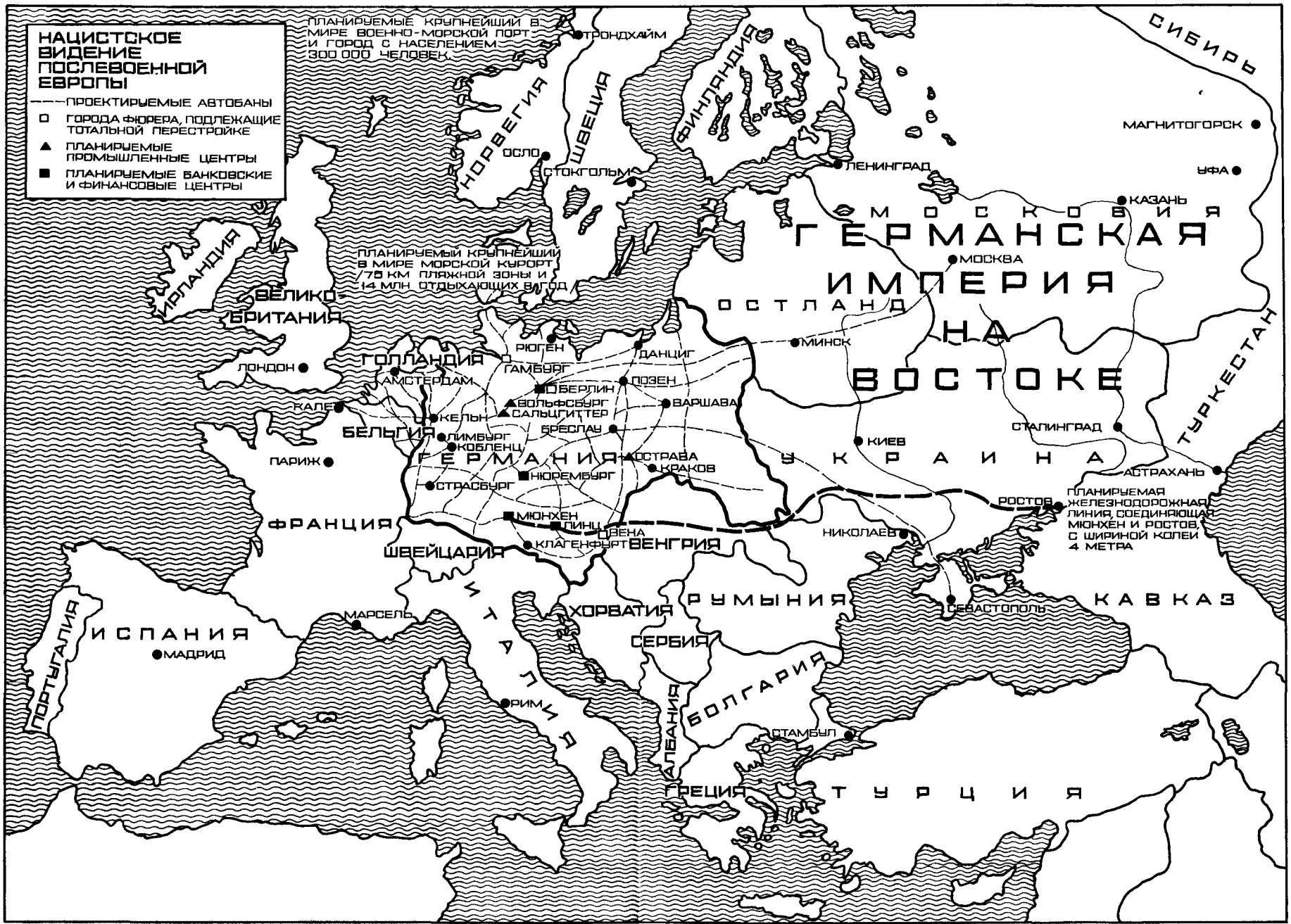
НАЦИСТСКОЕ ВИДЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЫ

- ПРОЕКТИРУЕМЫЕ АВТОБАНЫ
- ГОРОДА ФЮРЕРА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ТОТАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ
- ▲ ПЛАНИРУЕМЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЦЕНТРЫ
- ПЛАНИРУЕМЫЕ БАНКОВСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ ЦЕНТРЫ

ПЛАНИРУЕМЫЕ КРУПНЕЙШИЙ В МИРЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОРТ И ГОРОД С НАСЕЛЕНИЕМ 300 000 ЧЕЛОВЕК
ТРОНДХАЙМ

ПЛАНИРУЕМЫЙ КРУПНЕЙШИЙ В МИРЕ МОРСКОЙ КУРОРТ / 70 КМ ПЛЯЖНОЙ ЗОНЫ И 14 МЛН ОТДЫХАЮЩИХ В ГОД

ПЛАНИРУЕМАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ЛИНИЯ, СОЕДИНЯЮЩАЯ МЮНХЕН И РОСТОВ, С ШИРИНОЙ КОЛЕИ 4 МЕТРА

ББК 63.3(4Г)6

Б 90

УДК [943.0+[947+945]]+929 [Гитлер+Сталин]

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского О. М. Кириченко (1—4 гл.),
Т. Я. Казавчинская (5—6 гл.),
О. А. Глебов (7—8 гл.), Л. И. Котомина (9—10 гл.)

Общая редакция И. Н. Неманов

Художник А. А. Шуплецов

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга — единственное в мировой исторической литературе фундаментальное сопоставительное жизнеописание Гитлера и Сталина. Опубликованная впервые в Англии в 1991 г. и переведенная на десять языков, она на русском языке выходит впервые.

Гитлер и Сталин...

Каждый из них, начав жизнь «в глубинке» в полной неизвестности, собственными силами, и используя стечение исторических обстоятельств, достиг необъятной и бесконтрольной власти в масштабах великих держав и значительной части мира.

Как они распорядились этой властью, как их всевластное своеволие распорядилось судьбами миллионов людей и, в конечном счете, их собственной судьбой; в какой степени история, в особенности II мировая война, была орудием достижения их личных и «сверхличных» целей и в какой степени они были орудием истории — вот о чем эта книга.

То обстоятельство, что каждый из них видел конечный смысл своих усилий в изменении хода мировой истории, придает сюжету предельный драматизм.

Крупнейший английский историк сэр Алан Буллок посвятил жизнь изучению важнейших проблем истории Европы XX века. Его первая книга «Гитлер: исследование тираннии» (1952) получила высокую оценку специалистов и стала классической. Настоящая книга по широте и глубине освещаемых проблем может быть отнесена к числу исследований, подводящих итоги нашего — XX века.

Русский перевод сделан с первого однотомного английского издания с учетом уточнений, изменений и дополнений предложенных автором. Некоторые разделы и даже главы даны целиком в новой редакции. Оригинал книги содержит обширный научный аппарат. По техническим причинам его невозможно было воспроизвести.

Буллок А.

Б 90 Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Т. 1. Гл. 1—10/Пер. с англ. О. М. Кириченко, Т. Я. Казавчинской, О. А. Глебова, Л. И. Котоминой; Общ. ред. И. Н. Неманова; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1994.—528 с.— (Тирания).

ISBN 5-88590-120-1.

Эта книга, написанная сэром Аланом Буллоком, самым знаменитым из ныне здравствующих английских историков, привлекла пристальное внимание во всем мире и была одновременно опубликована в Англии, США, Германии и других странах.

В книге параллельно рассматривается жизнь Гитлера и Сталина на фоне событий в мире. Две системы власти — нацистская и сталинская, имели много общего, хотя им было суждено столкнуться в смертельной схватке. Автор нашел ключ к пониманию характеров столь разных и одновременно во многом похожих личностей. Книга основана на тщательном анализе богатейших исторических материалов, как опубликованных на Западе и в нашей стране, так и неопубликованных.

Б 943000000

ББК 63.3(4Г)6+63.3(2)6—8

© Lu Alan Bullock, 1991

© Перевод. О. М. Кириченко, Т. Я. Казавчинская, О. А. Глебов, Л. И. Котомина, 1993

© Составление, разработка серии. «Русич», 1993

© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

ISBN 5-88590-120-1 (т. 1)

ISBN 5-88590-101-5

Книга выходит в двух томах. Первый том охватывает развитие событий до 1934 г. — поворотного в политической карьере и Гитлера и Сталина. Том завершается X главой, которая и по замыслу автора, является обобщающей по отношению к предыдущим. Второй том охватывает главы с XI по XX

Редактор.

*Моей жене Нибби,
нашим детям и внукам посвящается.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последующем введении в книге я поясню, как она возникла. Однако эта книга не могла бы состояться, если бы не поддержка и помощь ряда людей, кого я и хочу поблагодарить в своем вступительном слове.

Посвящая эту книгу моей жене, а также нашим с ней детям и внукам, я выражаю свою величайшую благодарность прежде всего ей, спутнице моей жизни, чья точность суждений мне помогла в столь многих отношениях, и не в последнюю очередь взыскательной критикой моего понимания исторических событий и литературного воплощения моих мыслей.

Вот уже много лет я пользуюсь добрыми советами и опытом моего друга и литературного агента из «Кертис Браун» Эндрю Беста. С того самого момента, когда я впервые сообщил ему о замысле этой книги, Эндрю, неизменно подбадривая, вел меня к полному воплощению замысла и не ограничивал при этом в объеме. Когда книга была наполовину написана, он решил в качестве испытания организовать предварительный аукцион — не только в Англии, но и в Германии и в США, до чего сам бы я не додумался, а если бы и додумался, без его помощи ни за что не справился бы с этим.

Многие меня уверяли, что при нынешней революции в книгоиздательском деле нечего и надеяться найти издателя, которого бы могла заинтересовать подобная книга, не говоря уже о том, что никто не согласится на такое дорогое издание; тем более мне не найти редактора, который имел бы время и желание работать с автором такой рукописи. Однако личный опыт подсказывал мне, что подобный пессимизм преждевременен. Не только у меня на родине, но и в Германии и в США издатели горячо поддерживали меня — это «Зидлер-ферлаг», «Альфред А. Кнопф», а также «Харпер Коллинз». Мне удивительно повезло: в Стюарте Профите я нашел превосходного редактора, обновре-

менно и энергичного, и готового сделать все, лишь бы подготовить рукопись как следует. Без его участия, а также без поддержки всей команды «Коллинза», которую ему удалось собрать — без Веры Брайс, Хелен Эллис, Элисон Хобсон, Грэма Грина, Питера Джеймса, Филипа Гвина Джонса, Кейт Пэрриш, Тельмы Ролф — нечего было и думать, чтобы такая огромная книга сумела выйти как раз к 50-летней годовщине с момента нападения Гитлера на Россию в июне 1941 года, что явилось решающим моментом в отношениях между теми людьми, о которых повествует моя книга.

Эта книга была бы невозможна без мастерства и терпения миссис Памелы Томас и миссис Патриции Эйлинг, которые с помощью компьютера ловко преобразовали мою неразборчивую рукопись в удобночитаемый текст. Я очень благодарен им за помощь. Я не менее признателен моим друзьям Джо Слейтеру и Шепарду Стоуну за их помощь в организации материальной поддержки для оплаты референтской и секретарской работы. И особо благодарен «Дейчер Штифтербанд» за щедрую материальную помощь, оказанную ими для этой цели.

Глава и члены ученого совета колледжа Св. Екатерины великодушно оставили меня в составе совета и позволили продолжить преподавание. Так пусть же эта, как и две другие мои книги, написанные в мои пенсионные годы, послужат неким воздаянием за их неустанную заботу. Хочу также выразить благодарность сотрудникам библиотек, в которых мне приходилось работать в Оксфорде: Бодлеанской библиотеки, библиотеки Род-Хауз, библиотеки исторического факультета, библиотек колледжей Св. Екатерины и Св. Антония.

Я получил также неоценимую помощь в ознакомлении с новыми, появляющимися в СССР материалами, и должен выразить особую благодарность моим друзьям Робину Эдмондсу, Гарри Шакману из колледжа Св. Антония; Майклу Шоттону из колледжа Св. Екатерины, а также Эрику Олсону.

Кроме того, не могу не отметить любезность Робина Эдмондса, предоставившего мне возможность прочесть до выхода в печать машинописную рукопись его исследования о Черчилле, Рузвельте и Сталине («Большая Тройка»); я также признателен Гарри Шакману за то, что он с не меньшей любезностью предоставил мне рукопись своего перевода воспоминаний Андрея Громыко и биографии Сталина, написанной Дмитрием Волгогоновым («Сталин: триумф и трагедия»). И особенно я признателен доктору Шакману за то, что он согласился прочесть ранние наброски моих глав, посвященных Сталину, и сделать свои замечания. Еще один из членов ученого совета колледжа Св. Антония, Энтони Николс, оказал мне аналогичную услугу, прокомментировав первый вариант глав, посвященных Гитлеру.

Обоим этим коллегам я приношу искреннюю благодарность; безусловно, ни один из них за предложенную мной в книге трактовку тех или иных событий ответственности не несет.

Не стоило и пытаться создавать панорамное исследование этих перенасыщенных событиями, противоречивых периодов истории Европы, не ознакомившись с имеющимися исследованиями многих ученых. Насколько я обязан каждому из них, явствует из моих примечаний, однако хотелось бы особо выделить имена тех, чьи труды особо обогатили мои познания, хотя я и не всегда согласен с их авторами.

По части истории Германии — это Карл Дитрих Брахер, Мартин Брошат, Эберхард Йекель, Ганс Моммзен, Г. Р. Тревор Роупер (лорд Дакр), Т. У. Мейсон, Ян Кершоу, Майкл Маррус. По части же советской истории, где меня никак не назовешь специалистом, — это Мерл Фейнсон, Р. В. Дэниелс, Роберт Такер, Стивен Коэн, Леонард Шапиро, Роберт Конквест, Джон Эриксон, Алек Ноув, Адам Б. Улам, Рой Медведев, Лешек Колаковски.

В заключение мне хотелось бы выразить благодарность трем моим, ныне покойным, учителям, у кого я проходил школу и от кого постиг, что значит изучать историю и писать о ней. Это — К. С. Холл, старший преподаватель истории Брэдфордской средней классической школы; Г. Т. Уэйд-Гири, аспирант и преподаватель колледжа Уэдэм, затем профессор греческой классической истории в Оксфорде; сэр Роналд Сайм, кавалер ордена «За заслуги», аспирант и преподаватель Тринити колледжа, затем профессор истории Древнего Рима в Оксфорде.

Оглядываясь назад, я вижу, что неоценимую помощь в создании книги о Гитлере и Сталине оказало мне подробное изучение трудов Фукидида, Тацита, а также тех глав «Политики» Аристотеля, где на примере опыта древнегреческого государства разбирается проблема тирании.

*Колледж Св. Екатерины.
Оксфорд, февраль 1991 г.*

Алан Буллак

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга уже вышла в свет в переводах на десяти языках, помимо оригинального английского издания, опубликованного в Лондоне и Нью-Йорке. Мне особенно приятно что следующее издание выходит на русском языке.

Никакой другой народ не пострадал от деятельности Гитлера и Сталина больше, чем народы бывшего Советского Союза. Помимо миллионов солдат, военнопленных и гражданских лиц, убитых в гитлеровскую войну 1941—45 годов, миллионы граждан оказались жертвами уникальной особенности сталинского режима — постоянной войны, которую Сталин вел против собственного народа в течение всего своего правления, и годы Великой Отечественной войны не были исключением. Естественно, что историк, изучающий этот период, надеется обратиться к людям, пережившим эти страшные события, и их потомкам.

К этому следует прибавить еще одно соображение, усиливающее и углубляющее первое. Важнейшим моментом сталинского режима, продолженным его последователями и преемниками, было сокрытие и фальсификация исторической правды и полная изоляция народов Советского Союза от остального мира. В результате те народы, которые больше всего пострадали от действий Сталина, Гитлера и их преемников, долгое время не имели возможности узнать истинную природу режимов, при которых они жили, масштабы преступлений, совершенных этими двумя вождями, ужасающие данные о числе людей, убитых и умерших в тяжелых условиях заключения, и общее число несправедливо арестованных, которое превышало все подобные цифры для всего периода человеческой истории. Гласность изменила это положение, однако, в республиках бывшего Советского Союза, возможно, имеются еще люди, которые не знают об истинной цене сталинской программы коллективизации, оплаченной человеческими жизнями, или о запланированном Гитлером уничтожении одиннадцати

миллионов евреев в Европе, более половины из которых погибли от рук нацистов. Даже когда люди знают о каких-то конкретных исторических эпизодах, возможно, им трудно оценить их место и значение как части общей исторической картины.

Основной целью ради которой написана эта книга, была попытка создать такую историческую картину, историческую панораму событий в период с 1917 по 1953 годы, к которой читатели смогут приложить факты, которые они знают, с которыми они сами или их семьи сталкивались, и таким образом осознать, что они являются частью всеобъемлющей исторической картины. Я решил, что я ближе подойду к своей цели, излагая историю гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза в рамках общей картины. Это позволило мне не только впервые провести непосредственное сравнение деятельности двух наиболее могущественных диктаторов двадцатого века, но и понять многое в истории этих лет, что было не так легко при изучении истории каждой из этих стран в отдельности.

Как Гитлер, так и Сталин навсегда останутся противоречивыми фигурами, а в случае Сталина многое еще может увидеть свет, если будет возможно в дальнейшем расширить изучение архивов. Достаточно много уже стало известным, чтобы можно было сделать хотя бы предварительные выводы. В конце концов, в истории не бывает окончательных суждений — историки до сих пор спорят, например, о Юлии Цезаре, — и каждое поколение должно сформулировать свою собственную точку зрения о прошлом, используя те знания, которые ему доступны. После смерти Сталина прошло почти сорок лет, и это дает достаточно историческую перспективу, тем более, что развал советской системы, которую он олицетворял, — сильнейший стимул к попыткам дать исторические оценки.

При проведении такого сравнительного исследования у автора, не являющегося ни немцем, ни русским, есть определенные преимущества; читатель должен сам оценить их. Я не смог бы, однако, предпринять такое широкое исследование, не имея возможности пользоваться плодами исследований и опубликованными трудами многих других ученых. В примечаниях к тексту я отмечал, насколько я обязан каждому из них, однако мне хотелось бы особенно отметить имена тех, труды которых дали мне больше всего, даже когда я не соглашался с ними.

В истории Германии это Карл Дитрих Брахер, Мартин Брошат, Иоахим Фест, Эберхард Йекель, Ян Кершоу, Майкл Маррус, Т. У. Мейсон, Ханс Моммзен, Дж. П. Штерн, Г. Р. Тревор Роупер (лорд Дакр), а в советской истории, в которой я не могу считать себя специалистом, это Стивен Коэн, Роберт Конквест, Р. В. Даниэлс, Джон Эриксон, Мерл Фейнсод, Лешек Колаковский, Алек

Ноув, Леонард Шапиро, Харольд Шукман, Роберт Такер, Дмитрий Волкогонов, Адам Улам. Я очень обязан моим русским переводчикам О. Глебову, Т. Казавчинской, О Кириченко и другим, которые дали мне возможность обратиться к русским читателям. Я должен прибавить, что, хотя я и говорю неприятные вещи о Сталине и советском руководстве, как англичанин, переживший Вторую мировую войну, я не могу забыть или потерять чувство благодарности за ту роль — она была больше, чем роль какой-либо другой страны, участвовавшей в войне — которую народы бывшего Советского Союза сыграли в победе над Гитлером для защиты всего мира.

*Алан БУЛЛОК
Оксфорд, январь 1992 года*

ВВЕДЕНИЕ

Меня как историка больше всего привлекает период, пережитый Европой в первой половине XX века. Особенно заманчивым казалось, что я смогу объединить опыт современника с опытом историка-исследователя, основанным на изучении документальных материалов и свидетельствах очевидцев. Я уже использовал эту возможность в книге «Гитлер: исследование природы тирании». И еще раз я получил возможность сочетать оба подхода в исследовании британской внешней политики в наиболее острый период «холодной войны» «Эрнест Бевин — министр иностранных дел, 1945—1951».

В 70-х годах я стал принимать участие в программе международных семинаров, организованных Институтом Аспена в Берлине, и с тех пор каждый раз, как я прилетал в бывшую столицу Германии, находившуюся тогда в самом центре советской оккупационной зоны неизменно приходила мысль, что по иронии судьбы к концу войны все так перевернулось и, вместо мечты Гитлера о распространении нацистской империи на Восточную Европу и Россию, в Восточной Европе и самой Германии восторжествовала империя Советов.

Собственно говоря, та история Европы, свидетелем которой я был, стала представляться мне ориентированной не на ось Берлин — Запад, как это любят представлять англо-американские историки, а на гораздо реже упоминаемую, но, как мне казалось, гораздо более важную ось Берлин — Восток или Германия — Россия.

Я начал искать форму, с помощью которой можно было бы использовать этот политический ракурс не сам по себе, но именно в сочетании со сравнительным анализом двух систем власти, — сталинской и нацистской. С одной точки зрения эти системы самым непримиримым образом противоречили друг другу. Однако если взглянуть иначе, обе имели много общего и каждая представляла как идеологи-

ческую, так и политическую угрозу по отношению к существовавшему в Европе жизненному порядку.

То обстоятельство, что эти системы возникли одновременно, а также сам характер их взаимодействия — все это представлялось мне самым поразительным, самым уникальным явлением в истории Европы первой половины XX века, последствия которого определили и события второй половины.

Когда я пришел к этой мысли, у меня уже не осталось сомнений по поводу формы будущей книги. Она должна была воплотиться в сравнительном жизнеописании двух личностей, Гитлера и Сталина, поскольку жизненные пути именно этих двух людей вместили все многообразие граней того времени: революцию, диктатуру, идеологию, дипломатию и войну. Многие историки, исследуя пути того или другого, отмечали элементы сходства или различия между Сталиным и Гитлером, но, насколько мне известно, никто не пытался проследить их судьбы параллельно, от самого начала и до самого конца.

Правда, в 80-е годы в Германии была предпринята попытка показать, что перед преступлениями, совершенными в СССР против человечества, меркнут иные преступления нацистской Германии*. Однако подобное, в высшей степени произвольное сопоставление двух режимов, предпринятое в целях возбудить вокруг этого полемику и, кстати, подвергнутое суровой критике со стороны большинства германских историков, как мне кажется, не только не умаляет, но и увеличивает потребность более полного сопоставления этих двух явлений, к тому же проделанного историком не русского и не немецкого происхождения, лишенного явной и жесткой политической приверженности.

Правда и то, что в 50-е и 60-е годы политологи использовали сопоставление между нацистской Германией, Советской Россией и фашистской Италией для создания общей концепции тоталитаризма. Однако в своем стремлении определить модель тоталитарного государства политологи изолированно рассматривали черты сходства. Меня же не только не привлекала та самая критика, которая впоследствии как раз и способствовала тому, что сам термин вышел из моды, и отнюдь не создание некой общей модели; мне было интересно именно сопоставление этих двух режимов в пределах конкретных исторических рамок (то есть, Сталинская Россия, а не Советская Россия после смерти Сталина, и не вообще коммунистические и фашистские государственные системы), а также выявление как различий между ними, так и сходных черт. Цель моя — не показать,

что и та, и другая системы суть разновидности некоей общей категории, а воспользоваться приемом сопоставления, чтобы показать особые черты, присущие каждой из них. Вот почему я и выбрал подзаголовок «сравнительное жизнеописание», заимствовав его у Плутарха: сравнительные жизнеописания подобно параллельным линиям — не встречаются, не пересекаются.

Определившись относительно формы книги, я все еще колебался в отношении ее композиции. Одной из возможностей было — сфокусироваться на определенных темах — Гитлер, Сталин и их партии; Гитлер, Сталин и полицейское государство; Гитлер и Сталин как военачальники — и при этом каждую тему подавать в отдельности. В этом случае книга получилась бы короче, однако я счел, что подобный аналитический подход заставит отказаться от хронологической последовательности, что я считал важным сохранить.

Уже начав писать, я убедился, что не ошибся. В этом новом подтверждении своему решению я нашел в событиях 1989—1990 гг. Уже после того как начал писать книгу. Я, подобно миллионам телезрителей, в изумлении наблюдал за тем, что происходит в Восточной Европе, в Германии, в Советском Союзе, и мне казалось, что перед моими глазами события предшествовавшей истории раскручиваются вспять — к 40-м, 30-м годам и дальше к революции 1917 года, т. е. к тому времени, о котором я как раз тогда писал. Я видел, что все события тех лет, казавшиеся не только молодежи, но даже тем, кому под пятьдесят, чем-то далеким, вроде Великой Французской революции, теперь стали зримыми, о них не терпелось узнать побольше. Именно такая переключка настоящего с прошлым придает истории особое очарование, так и мое повествование внезапно расцвело новыми красками!

Гитлер и Сталин памяты всем не своей частной жизнью, а ролью в истории. Хоть я и рассматриваю некоторые черты их характера и прибегаю к элементам психологического анализа, если это необходимо для лучшего понимания обеих личностей, все же моя книга — это прежде всего политическая биография, прослеживаемая на фоне того времени, в котором жили мои герои.

Мое решение вести двойное повествование, обращаясь то к Гитлеру, то к Сталину, натолкнулось на ряд проблем. В некоторых главах, где это совместимо, говорится одновременно о Сталине, и о Гитлере: сначала об их происхождении и ранних годах жизни, затем об их участии в международной политике и в военных событиях. Но чаще всего несхожесть их жизненных путей и несовпадение по времени (Сталин был десятью годами старше Гитлера)

* См. главу 20.

ИСТОКИ

побуждает, что естественней, рассказывать о каждом в отдельной главе. Чтобы хоть как-то уравнять такой раздельный подход, в середине книги я приостановил повествование и на событиях конца 1934 года и посвятил одну главу анализу и последовательному сопоставлению их политической карьеры.

К концу книги возникла еще одна проблема. Сталин не только родился на десять лет раньше Гитлера, он и пережил его на восемь лет. Продолжать писать о том, что было после смерти Гитлера, последовавшей в 1945 году, казалось бы значило повествовать о послевоенных событиях, к которым Гитлер уже никакого отношения не имел. Вместе с тем я был убежден, что даже и после смерти Гитлера дух его (выражаясь метафорически) присутствовал во всех послевоенных политических баталиях, поскольку этот человек, вместе со Сталиным, немало постарался, чтобы создать такой клубок проблем, который обрекал на неудачу любую попытку мало-мальски согласованного их решения.

И тогда я подумал, что нужно продлить описание событий вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. — то есть, до истинного завершения сталинско-гитлеровской эры. Кроме того, это позволило мне оценить завершающую фазу сталинского правления в СССР, и дополнительно прояснило кое-что из событий 30-х годов и военного периода. Книга завершается краткой главой, в которой я, пользуясь тем, что пережил гитлеровско-сталинскую эпоху, имею возможность бросить взгляд назад с высоты завершающего XX век десятилетия.

Сталин: 1879—1899 гг.

Гитлер: 1889—1908 гг.

(от рождения до девятнадцати лет)

I

Какие же были они, эти люди, оставившие столь неизгладимый след в истории Европы XX столетия?

Разница в возрасте между ними — десять лет. Сталин родился 21 декабря 1879 года в грузинском городке Гори, Гитлер — 20 апреля 1889 г. в городке Браунау, что стоит на реке Инн. Сопоставляя этапы их жизненного пути, не следует упускать из вида, этот разрыв. Под конец он еще увеличился: Гитлер покончил собой в 1945 г. в возрасте 56 лет. Переживший его на восемь лет Сталин скончался в 1953 г. в возрасте 73 лет.

Полторы тысячи миль отделяют Грузию, республику на границе Европы с Азией, расположенную между Черным морем и Кавказским хребтом, от той горной части Австрии, что заключена между Дунаем и Альпами и находится в самом центре Европы. Дистанция еще более значительная разделяет историко-социальный путь становления этих людей. И все же в происхождении обоих есть что-то общее.

Ни Гитлер, ни Сталин не принадлежали к традиционно правящему классу, и в момент рождения каждого из них даже и помыслить было невозможно, чтобы один или другой при существовавшем порядке вещей могли прийти к власти в своей стране. Взлет каждого был возможен лишь в мире измененном, возникшем в результате падения старого порядка в Европе после первой мировой войны. Этому способствовало, во-первых, падение российского самодержавия и затем — крах верховной власти и революция. Вместе с тем вера и убеждения Сталина и Гитлера сформировались и вызревали в недрах того мира, который произвел их на свет. Как марксистские взгляды Сталина, так и комбинация социал-дарвинизма и расизма у Гитлера, — все это философские системы XX века, пик популярности которых пришелся на рубеж столетий — на последнюю декаду уходящего и первую декаду нового века. То же можно сказать и о взглядах этих людей на искусство,

архитектуру, литературу и музыку — предметы, в оценке которых каждый стремился навязать другим свою волю и при подходе к которым ни один не выказал ни малейшего интереса к модернистским поискам, так распространившимся в России и в Центральной Европе в период их пребывания у власти.

Оба родились на самой окраине тех государств, где им предстояло править: подобно Александру Македонскому и корсиканцу Наполеону, оба не являлись уроженцами метрополий. Гитлер, хоть и немец по происхождению, родился на территории империи Габсбургов, где немцам на протяжении столетий принадлежала ведущая роль. Вместе с тем, с созданием в 1860-х годах Бисмарком Германской империи с центром в Пруссии, куда австрийские немцы не вошли, последние были вынуждены отстаивать свои исторические притязания на власть в условиях растущего стремления к равенству чехов и других «малых народов». Эта ситуация оказала глубочайшее воздействие на формирование взглядов Гитлера. Он вырос в яростного германского националиста, но, не проникшись здоровым духом самоуверенной экспансии, присущим молодой Германской империи, управлявшейся из Берлина, Гитлер усвоил тревожный пессимизм, свойственный национальному немецкому меньшинству в государстве, которое оно считало «своим». Это меньшинство помнило о своем великом прошлом и в то же время видело в возрастающей численности и влиянии низших рас славян, евреев, выходцев из России и Польши угрозу национальному характеру и господству немцев в этой «империи ублюдков», правители которой Габсбурги предали священное дело *Deutschtum* (Германизма) — сохранения духа и силы германской нации.

В 1938 году Гитлер, аннексировав Австрию, «вернул» свою «дорогую Родину» германскому Рейху, перечеркнув тот рубеж, который отторг Австрию от Германии в 1860-х годах. Триумф этих лет, ознаменованных воссозданием Великой Германии, все же не стер в его сознании памяти о своем австрийском происхождении, что лишь распалало глубоко укоренившееся в нем чувство, что его борьба направлена на защиту германо-арийского наследия.

Влияние обстоятельств происхождения Сталина на его судьбу едва ли менее значительно, однако проявилось несколько иначе. Одно из свидетельств — постепенное возникновение в его окружении лиц из его грузинского прошлого, таких как Орджоникидзе или Берия, отношения с которыми складывались в контексте сложнейших связей и влияния политической ситуации в Грузии. И все же это крайне не характерно для Сталина, если вспомнить о ключевом повороте в его жизни, который вполне можно было бы назвать революционным: об отказе от своих грузинских корней и опоре, учитывая природный практицизм,

не на интересы грузинских жертв русского владычества, а на интересы русских покорителей Грузии.

В итоге, как впоследствии с опозданием признавал и Ленин, из Сталина получился великорусский шовинист, который боролся за свержение самодержавия, но не за распад российской империи. Как все неофиты, он так и не смог до конца считать себя русским, как и не забывал о том, что его акцент постоянно напоминает русским о его грузинском происхождении. Будучи именно на этих основаниях назначен Лениным наркомом по делам национальностей, Сталин по окончании Гражданской войны стал относиться к национальным чувствам нерусских народов с черствостью ренегата. В 1920—1921 гг. покончив с недолгим периодом независимости, выпавшим Грузии и другим закавказским государствам, Сталин присоединил их к Советскому Союзу. А то, как он обошелся с украинским народом в годы коллективизации, останется самым черным периодом советской истории. Одним из ведущих лозунгов Великой Отечественной войны был продиктован тягой Сталина к имперскому прошлому России и вот в конце войны он с упоением присоединил территории, утраченные российской империей в войнах 1904—1905 гг. и 1914—1918 гг., расширив границы государства до пределов, неизвестных его монаршим предшественникам.

II

В 1879 г., когда Сталин появился на свет, все это невозможно было даже вообразить...

В паспорте Сталина имелась запись, ключевая для понимания его политической карьеры: «Иосиф Джугашвили, крестьянин Горийского уезда Тифлисской губернии». В самом деле, оба родителя Сталина были крестьяне. И мать и отец его были неграмотны или, во всяком случае, малограмотны, к тому же родились крепостными. Они получили свободу только в 1864 году. Затем отец перебрался в городишко Гори, где занялся наследственным ремеслом сапожника. Там он встретил Екатерину Геладзе и женился на ней.

До рождения Иосифа трое детей Джугашвили умерли, едва появившись на свет. Он и сам чуть не погиб от оспы, когда ему было пять лет, — болезни, навсегда оставившей следы на его лице. После травмы в детстве левая рука так и осталась увечной. Кирпичный домик родителей Сталина состоял из одной-единственной комнаты, чердака и погреба. Впоследствии над домом, превращенным в объект поклонения, было возведено подобие храма в нео-классическом стиле с четырьмя мраморными колоннами.

Отец Сталина человек грубый, жестокий, сильно

пьющий, бил жену и сына и с трудом мог содержать семью. Иремашвили, приятель Сталина, учившийся с ним и в Горийском духовном училище, и затем в Тифлисской православной семинарии, в своих воспоминаниях писал:

«Незаслуженные и жестокие побои сделали мальчика таким же суровым и бессердечным, как его отец. И так как все, кто использовал свою власть над другими, казались ему похожими на отца, в нем не преминуло возникнуть мстительное чувство ко всякому, кто был выше его. С детских лет вынашивать мысли об отмщении стало его целью, которой было подчинено все остальное».

Факт побоев и подобную реакцию на них юного Сталина подтверждают и иные источники: такое обращение с ним отца было крайне унизительно для сына, но все же дух его оказался не сломлен. Мальчик черпал утешение в любви и поддержке матери, Екатерины Джугашвили, рыжеволосой, набожной женщины с сильным характером, умевшей противостоять мужу и оказавшейся способной содержать себя вместе с сыном, когда отец семейства подался за сорок миль от Гори в Тифлис, где нашел работу на обувной фабрике. В 1883 г. мать устроилась экономкой в дом к православному священнику, отцу Чарквиани, и поселилась там вместе с сыном. С помощью этого священника Екатерина определила сына в духовное училище. Когда мальчику исполнилось десять лет, отец решил взять сына к себе в Тифлис, чтобы тот учился там на фабрике сапожного ремеслу. Однако мать, полная решимости сделать из сына священнослужителя, забрала его обратно в Гори, чтобы Иосиф смог закончить училище.

Екатерина Джугашвили была готова изыскать нужные средства, чтобы ее сын не только смог учиться в духовном училище, куда лишь недавно стали допускать крестьянских детей, но и затем поступить в Тифлисскую православную семинарию. Отказывая себе во всем, она добилась того, что ее сын смог проучиться до девятнадцати лет сначала в училище, потом в семинарии. Много лет спустя, когда Сталин уже сделался самым могущественным человеком в Советском Союзе, мать открыто упрекнула его в том, что он так и не стал священником; Сталина эти слова умилили.

В юности Сталин пел в церковном хоре, и его певческие способности обращали на себя внимание. Он окончил училище с почетной грамотой и успешно сдал вступительные экзамены в семинарию, где жил на казенном содержании следующие пять лет. То, что мать все свои надежды и чаяния связывала с его успехом, оказало определенное влияние на формирование его характера. Сын впитал убежденность матери, будто ему суждено стать необыкновенным человеком и достичь весьма многого. От отца Иосиф унаследовал душевную черствость и презрение ко всяким авторитетам. Это сочетание наследственных черт способ-

ствовало формированию сильного характера.

Следует упомянуть еще два обстоятельства, с юных лет оказавших влияние на развитие его личности. В тот период, когда Сталин учился в духовном училище, царское правительство проводило в Грузии политику русификации, вылившуюся в то, что на грузинском языке занятия вести запрещалось, и он был заменен русским, который до этого изучался, как иностранный. Российское чиновничество, направленное в Грузию для проведения реформы встречало сопротивление со стороны населения, и Сталин стал одним из первых среди недовольных. В результате этой реформы ему пришлось учиться шесть лет вместо четырех. В нем пробудилось страстное увлечение грузинской литературой, книги он брал на дом из библиотеки местного книготорговца. Более всего привлекли юношу романтические сказания Александра Казбеги о героическом сопротивлении кавказских горцев российским завоевателям. Одна из книг, основанная на действительно имевшем место историческом событии 1840 г., надолго запала в душу Сталину. Несомненно, самое ее название «Отцеубийца» не могло не привлечь его внимания. В книге повествовалось о Кобе, кавказском Робин-Гуде, сражавшимся с казаками, защитнике грузинских бедняков, народном мстителе, которого впоследствии выдали односельчане. С тех пор на целые двадцать лет, вплоть до того времени, как он возьмет себе псевдоним «Сталин», юный Джугашвили присваивает кличку «Коба», — вспоминает Иремашвили, — стал для него богом, смыслом жизни. Он захотел стать новым Кобой, известным правдолюбом и героем, решив, что дух Кобы должен возродиться в нем».

III

Семейство Гитлера также было родом из далекой провинции, из местечка Вальдфиртель, края лесистых холмов, в Нижней Австрии между Дунаем и Богемией. В тех местах фамилия Гитлер, возможно, чешского происхождения и произносимая везде на свой лад, впервые встречается еще в XV столетии. Первым из семьи, нарушившим заведенный жизненный уклад, был отец Гитлера Алоиз, которому было суждено, слегка поднявшись по социальной лестнице, сделаться чиновником Габсбургской имперской таможни.

В отличие от Сталина, детство и юность Гитлера не отмечены лишениями и нищетой. Вопреки его утверждениям в книге «Майн кампф», Гитлер в бедности не жил, и никто с ним грубо не обращался. Отец его уверенно продвигался по службе, и к концу жизни дослужился до высшего таможенного чина, который был доступен гражданскому служащему с его образованием. Как имперский чиновник он имел устойчивый доход и устойчивое

положение, а после смерти завещал вдове и детям приличное состояние. Гитлер родился в ту пору, когда отец его служил в Браунау, городке на реке Инн, на самой границе между Австрией и Баварией. Однако отца неоднократно переводили с одного места на другое, и Адольф дважды менял начальную школу. Как и Сталин, он пел в церковном хоре бенедиктинского монастыря* в Ламбахе, и церковная служба своей торжественностью и великолепием производила на мальчика глубокое впечатление.

Алоиз Гитлер был личностью малопривлекательной. Человек эгоистичный и властный, он почти не считался с женой, которая была много моложе его, и собственные дети его также мало волновали. Хотя в то время и прочие отцы из его круга были эгоисты ему под стать. Более всего на свете Алоиза Гитлера занимали пчелы, и он с нетерпением ждал поры, когда сможет удалиться в небольшое имение и заняться там разведением пчел. Эта его мечта осуществилась наконец в 1899 г., когда он переехал в предместье Линца Леондинг.

Мать Адольфа Гитлера была двадцатью двумя годами моложе его отца, приходившегося ей троюродным братом. Она находясь с ним в сожительстве, забеременела как раз, когда умерла вторая жена Алоиза. Став его третьей супругой, Клара Гитлер не сделалась счастливой двух своих предшественниц, однако пыталась хоть как-то скрасить свой брак и, хотя с годами жить с Алоизом становилось все трудней и трудней, дом у нее был ухожен на удивление и дети, как родные, так и приемные, горячо любили ее. До пяти лет, пока на свет не появился его брат, вся любовь матери была отдана Адольфу, однако у нас нет достоверных данных о том, страдал ли он от ревности с рождением нового малыша. Но поистине самым счастливым годом его детства было время, проведенное в Пассау, когда Адольфу было шесть лет.

Мальчик был неглуп, однако уже с ранних лет начал проявлять стойкое неприятие и ненависть к дисциплине и регулярным занятиям. Его переход в среднюю школу Линца стал сущим позором: единственным предметом, по которому Гитлер имел положительную оценку, было рисование. Позднее Гитлер пытался объяснить свои скромные успехи в школе противостоянием отцу, желавшему сделать из сына служащего, в то время как он сам мечтал стать художником. Однако эта версия, содержащаяся в «Майн Кампф», выглядит неуклюжей выдумкой, ибо смерть отца в январе 1903 года никак не изменила отношения Адольфа к учебе. Уже будучи подростком, Гитлер продолжал отлынивать от любой работы, всецело предаваясь играм в войну

* Бенедиктинцы, члены католич. монашеского ордена, основ. ок. 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Италии. (Прим. ред.)

на улице или чтению приключенческих книг Карла Мая об индейцах Северной Америки. Гитлер сохранил приверженность этому автору, даже став рейхсканцлером Германии, он постоянно перечитывал всю индейскую серию Мая и высказывал восхищение мастерством писателя в застольных беседах*. После того, как Адольфу было предложено покинуть реальное училище в Линце, мать приняла попытку устроить его в интернат в Штейр, но и это ничего не изменило, школьные документы свидетельствуют, что он оставался своенравным и нагловатым юнцом.

Благодаря перенесенному летом 1905 года легочному заболеванию Гитлеру удалось убедить мать, что ему надо бросить школу, и попробовать поступить в Венскую академию искусств. Однако под различными предложениями Гитлер тянул со сдачей вступительных экзаменов до осени 1907 года, пребывая в счастливом безделье. Живя на материнские средства, он что-то рисует, делает какие-то наброски, праздно разгуливает, шеголяя черной тростью с набалдашником из слоновой кости, тайне надеясь, что внешне похож на студента, и при этом лелея в глубине души тщеславные мечты, что когда-нибудь сумеет удивить мир.

Именно в эту пору, в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет воображение Гитлера стало рисовать ему его собственный образ. Подобно сталинскому Кобе, это был героический бунтарь, но приобрел особый характер: образ гениального художника, в свете которого Гитлер видел себя всю жизнь, часто высказывая сожаление о том, как много мир потерял, когда чувство долга заставило его заняться политикой.

Единственный друг Гитлера, бывший двумя годами моложе его, Август Кубичек, так же как мать и сестра, частенко выслушивал мечтательные излияния Адольфа. Остается неясным, в чем конкретно видел Гитлер воплощение своего гения — в живописи, в архитектуре (он вынашивал проекты полной реконструкции Линца), в музыке или литературе, — ясно только, что он неизменно мнил себя личностью артистичной, как бы оправдывая свою неспособностью ко всякого рода систематическим занятиям.

Оба приятеля старались как можно чаще посещать оперу и театр в Линце. Гитлер поклонялся Рихарду Вагнеру**, чьи музыкальные драмы его завораживали. Позже

* Имеются в виду беседы, которые Гитлер вел со своими приближенными в ставке германского верховного командования в 1941—42 гг. См. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, «Русич»; 1933. (Прим. ред.)

** Вагнер Рихард (1813—1883) нем. композитор, дирижер, создатель муз. драмы, объединившей симфонию, слово и сценич. действие в целях синтетического эмоционального воздействия. В основу опер положил древнегерманские мифологические сюжеты. (Прим. ред.)

Гитлер утверждал, что иных предшественников, кроме Вагнера, у него не было. Неоднократно акцентировалось, что Вагнер был антисемитом, однако, Гитлера привлекали в нем, прежде всего, театральность и эпический размах опер, которые Гитлер готов был слушать без устали и которые вдохновляли театральность и размах его собственных выступлений на митингах. Но еще важнее для Гитлера был сам Вагнер как личность и романтизированное представление о художнике как гении, исходившее от композитора, которое тот воплотил, воздвигнув, вопреки всем мыслимым препятствиям, храм немецкому искусству в Байрейте*. Подобно тому, как Сталин отождествлял себя с Кобой, а позднее с Лениным, Гитлер отождествлял себя с Вагнером, что стало постоянным источником его вдохновения. Стоило уверенности Гитлера в себе пошатнуться, как он обращался к магическому миру Вагнера, гений которого возвращал ему веру в себя.

Незадолго до войны, в августе 1939 г., Гитлер пригласил Кубичека к себе в Байрейт. Старый приятель напомнил Гитлеру случай, когда тот, потрясенный только что услышанной оперой «Риенци»**, прямо из театра потащил Кубичека на вершину горы Фрейнберг, чтобы там излить опешившему другу свои мечты о будущем, утверждая, что ему суждено когда-нибудь спасти германский народ, как некогда Риенци спас римлян. Польщенный рассказом Кубичека, Гитлер затем пересказал этот случай Уинифред Вагнер, англичанке, приемной дочери композитора, одной из первых поклонниц Гитлера, торжественно добавив:

— Это началось в тот час!

Клара Гитлер всячески пыталась побудить сына всерьез задуматься о своем будущем, даже дала ему деньги, чтобы он провел четыре недели в Вене. Наконец, она позволила ему воспользоваться отцовским наследством и пенсией, полагавшейся Адольфу как сыну государственного служащего, чтобы тот отправился в Вену учиться живописи в Академии искусств. Основной причиной ее решения было то, что, будучи смертельно больна, она спешила устроить судьбу Адольфа. В октябре 1907 г. Гитлер умудрился попасть в Вену как раз к экзамену, однако представленный

* Байрейтский театр (Дом торжественных представлений — «Театр Вагнера») в городе Байрейт, юго-западная Герм. Построен в 1876 г. для постановок муз. драм Вагнера, кот. с 1872 г. постоянно жил в Байрейте. С 1882 г. проводятся Байрейтские вагнеровские фестивали. (Прим. ред.)

** «Риенци», полн. назв. «Кола Риенци, последний из трибунов» — опера Р. Вагнера (1842) на сюжет одноимен. романа Э. Булвер-Литтона. Никколо ди Лоренцо Габрини, или Кола ди Риенцо (1313—1354) в 1347 году возглавил республиканское восстание в Риме, объявил Рим столицей мира. (Прим. ред.)

им рисунок, нашли неудовлетворительным и он не был принят.

— Я был настолько убежден, что успешно выдержу вступительный экзамен, что услышанное меня точно громом поразило.

Юношеские мечты развеялись как дым. Провал настолько потряс Гитлера, что он попросился на прием к ректору, который деликатно намекнул, что его таланты лежат в области архитектуры, а не живописи.

Гитлер не преминул убедить себя, что директор прав. «Через пару дней мне и самому начало казаться, что, возможно, мое призвание — архитектура». Но чтобы начать заниматься на подготовительных курсах по архитектуре, Гитлеру недоставало аттестата об окончании школы. Если бы Гитлер относился к своим идеям всерьез, ему бы не составило труда получить такой аттестат. Но он даже не потрудился выяснить, что именно требуется для занятий на курсах. Ни словом не обмолвившись матери о происшедшем, он как ни в чем не бывало продолжал жить в Вене, предаваясь тому, что высокопарно именовал «занятиями» — лихорадочной, но бесцельной деятельности, как в Линце.

Второй, еще более серьезный удар нанесло ему известие о том, что мать умирает. Как и Сталин, Гитлер был обязан своей матери очень многим. Фрейд писал, что «тот, кто некогда был истинным материнским любимцем, всю жизнь ощущает себя чем-то вроде завоевателя, чувствуя ту самую уверенность в успехе, что порой служит стимулом к самому успеху». Эти слова можно отнести и к личности Сталина. К личности Гитлера же это применимо без всяких сомнений. Разница здесь лишь в том, что Сталин не слишком ценил те жертвы, на которые мать шла ради него, виделся с ней лишь пару раз после того, как стал заниматься революционной деятельностью, и нанес оскорбление национальным чувствам грузин, когда в 1936 г. не явился на похороны матери. О Гитлере Кубичек сообщает обратное: едва узнав о болезни матери, он немедленно возвращается в Линц и посвящает себя уходу за умирающей. Смерть матери, явившись венцом всех его несчастий, глубоко потрясла его.

Однако в результате всех этих потрясений Гитлер не стал ближе к реальности. Не желая слушать уговоров близких подыскать себе работу, оставив их в неведении относительно своего провала в Академию, Гитлер возвращается в Вену, — обитель своих мечтаний, — едва уладив формальности с получением материнского наследства и пенсии. Продолжая пребывать в плену иллюзий, он убеждает Кубичека и его родителей, что тот должен переехать к нему в Вену.

Приятель снял комнату, куда уместился необходимый Кубичеку рояль, две кровати и стол, — таким образом осу-

ществилась их мечта жить в Вене и изучать искусство. Добиться поступления в Музыкальную академию для Кубичека труда не составило; каждое утро спозаранку он, оставив Гитлера валяться в постели, спешил на занятия. Не сразу Кубичек догадался проявить любопытство и поинтересоваться, чем занимается друг в его отсутствие. И тут он выслушал пламенную тираду Гитлера против таких профессоров, не допустивших Адольфа в Академию. При этом Гитлер заявил, что еще покажет им, когда собственными усилиями станет знаменитым архитектором.

«Занятия» Гитлера состояли в том, что он шатался по улицам, разглядывал монументальные здания XIX века в районе Ринга, делал бесконечные зарисовки их фасадов и запоминал их пропорции. На билеты в оперу он тратил больше, чем мог себе позволить, экономя на питании. Еще в Линце он был страстно влюблен в молодую особу по имени Стефания, но даже ни разу с ней не заговорил. Теперь, живя в Вене, Гитлер подолгу разглагольствовал перед Кубичеком о любви и женщинах, хотя не отваживался подойти ни к одной из них. Как у всякого молодого человека, любовь воспламеняла его воображение, однако не существует ни единого свидетельства того, что Гитлер тогда хоть с кем-нибудь имел любовную связь. Кубичек никак не мог привыкнуть к резким переходам его приятеля от экзальтации, когда тот неистово о чем-то вещал, к приступам полного отчаяния, когда он отрицал все и вся. «Сравнивая с Линцем, — вспоминает Кубичек Гитлера в Вене, — он был совершенно неуправляем».

В июле 1908 г. по окончании первого курса Музыкальной академии Кубичек вернулся в Линц. Они договорились, что по возвращении Кубичека в Вену, они снова поселятся вместе. Летом он получил от своего друга несколько почтовых открыток. Однако в ноябре, когда Кубичек действительно приехал в Вену, Гитлера и след простыл.

Не сказав никому ни слова, в том числе и Кубичеку, Гитлер в октябре снова пытался поступить в Академию, но и на сей раз даже не был допущен к экзаменам. Это был такой жестокий удар, такой крах артистической карьеры и оправдания праздного образа жизни, что Гитлер не мог смотреть в глаза своим знакомым. Он совершенно порвал с родными и близким другом, растворившись в неизвестности большого города.

IV

Личность Гитлера, и это естественно, привлекала внимание психиатров; опубликовано несколько исследований, делающих особый акцент на его взаимоотношениях с чрезмерно пекущейся о нем матерью и с деспотичным отцом, — схема, достаточно обычная в немецко-говорящем мире на

рубеже веков, та самая, в которой Фрейд видел основу эдипова комплекса. Однако многие историки не позволяют себе чрезмерно доверять психологической трактовке личности Гитлера по двум причинам. Первая — отсутствие надежных свидетельств, что вынуждает психиатра в большей степени полагаться на рассуждения и выводы по аналогии. Вторая — даже если предположить, что Гитлер (как и Сталин), страдал манией психопатического, шизофренического или параноидального характера, как можно разграничить обычные пагубные последствия подобных отклонений, с которыми психиатры сталкиваются в повседневной практике, и тот грандиозный триумф, который сопутствовал Гитлеру, а также Сталину, при воплощении ими своих маний в леденящую душу реальность?

На сегодняшний день и при имеющихся данных, наверное, разумней прислушиваться с долей скептицизма к каждой, претендующей на глубокий анализ точке зрения, однако используя при этом моменты, на которые может навести нас психологическое исследование. Свою мысль я подтверждаю двумя примерами.

Первое — это теория Эрика Эриксона* о «кризисном периоде в юношеском возрасте», который в случае с Гитлером, тот соотносит с периодом между первым провалом в Академию в сентябре 1907 г., когда Гитлеру было 18 лет, и вторым провалом — в октябре 1908 г. отмеченным потрясением, связанным со смертью матери. По Эриксону, если молодой человек или девушка не способны в юношеском возрасте преодолеть кризис и состояться как личность, это может в дальнейшем пагубно сказаться на их психике. Эриксон утверждает, что именно это и произошло с Гитлером, который так и остался подростком, избравшим жизнь в отказе от житейского счастья, расчетливой стабильности и душевного покоя».

Второе — это мнение Эриха Фромма**, который считал, что — причина конфликта между Гитлером и его отцом не в отказе подчиниться воле отца, который желал, чтобы сын стал чиновником, как утверждал Гитлер, и не в эдиповом комплексе, как утверждали фрейдисты. Напротив, Фромм полагает, что школьные неудачи Гитлера объясняются его все большим погружением в мир фантазий и что истинная причина конфликта с отцом — сопротивление попыткам отца вернуть сына к реальности, и заставить его заняться устройством своего будущего. Как произошло и со Стали-

* Эриксон, Эрик (род. 1902) америк. психолог, представитель эго-психологии, подчеркивал зависимость состояния личности от изменения среды. (Прим. ред.)

** Фромм, Эрих (род. 1900), нем.-амер. психолог и социолог, представитель неопрейдизма, сторонник комплексного биосоциального подхода к изучению личности. (Прим. ред.)

ным, неумная любовь матери к Адольфу в первые пять лет его жизни не могла не воспитать в нем ощущение собственной уникальности. Фромм считает, что оба, и Сталин, и Гитлер, несмотря на все различия, являли собой классический пример нарциссизма.

Нарциссизм — явление, впервые сформулированное Фрейдом применительно к раннему детскому возрасту, ныне трактуется в более широком смысле как определенно-го рода психическое расстройство, когда прекращается естественное развитие связей личности с внешним миром. В подобной ситуации реальными становятся для личности лишь она сама, ее потребности, чувства и мысли, все, что имеет отношение к ней и только к ней, тогда как все прочее для личности перестает существовать, не представляя ни малейшего интереса.

Фромм утверждает, что некоторые разновидности нарциссизма можно рассматривать как профессиональный порок политических лидеров, глубина которого зависит от степени убежденности в собственной провидческой миссии, от уверенности в собственной непогрешимости, а также непрекращаемости собственной личной власти. Когда по воле личностей типа Гитлера или Сталина в момент их наивысшей власти подобные притязания достигают апогея, любая критика воспринимается такими личностями как посягательство на высокое представление о самом себе, равно как и на свой авторитет в глазах народа, и вот тогда они пойдут на все, чтобы заглушить подобную критику.

До последнего времени психиатры уделяли личности Сталина меньше внимания, чем личности Гитлера. Частично это объясняется недостатком информации. В Советском Союзе не происходило, как в Германии после ее разгрома в войне, захвата документации и опроса свидетелей. Тем больший интерес вызывает поразительный контраст между этими людьми — и в смысле темперамента, и в манере поведения: с одной стороны, взрывная натура Гитлера — образчик отсутствия сдерживающих начал, эксцентричность его выступлений, из-за чего его долго и многие не воспринимали всерьез, — а с другой стороны сдержанность Сталина, обязанного своим восхождением к власти и славе не способности к яркому самовыражению, а, напротив, скрытности своего характера, и которого недооценили именно потому, что не сумели разглядеть в нем жестокого и честолюбивого человека. Неудивительно, что именно Гитлер, а не Сталин, привлек к себе внимание психиатров. Тем любопытней представляется в этой связи мысль о том, что при всем несходстве в основе характеров обоих лежит необузданная самовлюбленность.

Существует и еще одно предположение, сделанное американским биографом Сталина Робертом Такером на осно-

ве изучения исследований Карен Хорни* в области неврозов. Такер выдвигает мысль, что жестокое обращение отца Сталина с сыном, в особенности то, что он бил мальчика или бил при нем его мать, развило в Сталине с детских лет чувство глубинного страха, ощущение одиночества во враждебном мире, и это в дальнейшем могло воплотиться в невротический характер. В поисках надежной основы для защиты собственной личности человек, испытавший в детстве подобный страх, может, создавая себе такую защиту, одновременно создать и идеализированный облик самого себя, и со временем начнет принимать эту иллюзию за реальность. «С этого момента все его усилия с каждым разом все активнее направлены на то, чтобы проверить свое идеальное «я» на деле заставить других это подтвердить».

Если говорить о Сталине, то такое предположение вполне вписывается в картину его отождествления себя с кавказским героем-разбойником, чье имя он присвоил вначале, а затем и с Лениным, героем-революционером, с которого Джугашвили срисовывал свой собственный «облик революционера» и даже их имена «Сталин» «Ленин» созвучны.

Юные годы были для Сталина столь же бурной порой, сколь и для Гитлера. Уехав в 1894 г. из Гори, он стал одним из 600 студентов русской православной духовной семинарии в Тифлисе. Царские чиновники были против того, чтобы открывать на Кавказе университет, из опасения, что он может явиться центром агитационной деятельности радикалов-националистов. Вместо университета действовала Тифлисская семинария, хотя многие учащиеся ее вовсе и не помышляли о будущем священнослужителя. Атмосфера принуждения, делавшая семинарию чем-то средним между монастырем и казармой, чрезвычайно содействовала выведению в ее стенах, почище чем в стенах более свободного университета, подрывных идей.

В четырнадцать лет Сталин был не столько физически крепким, сколько упорным подростком. (Его рост и в зрелом возрасте не превышал пяти футов четырех дюймов). Но все же Сталин мог за себя постоять и в своих отношениях с однокашниками и учителями неизменно держался уверенно.

Сталин проучился в семинарии почти до двадцати лет, с 1894 по 1899 г., как вдруг, подобно Гитлеру, он также внезапно бросает учебу, не получив причитающегося аттестата. Отметим однако, что Сталин достаточно упорно занимался, чтобы достичь необходимых знаний по дисципли-

* Хорни, Карен (1885—1952) нем.-амер. психолог, считала неврозы защитной формой поведения во враждебном окружении (Прим. ред.)

линам, включавшим помимо церковно-славянского языка и Закона Божьего латинский и греческий языки, русскую литературу и историю. Благодаря образованию, получила развитие феноменальная память Сталина — свойство, которому впоследствии суждено было сыграть немаловажную роль в его жизни. То обстоятельство, что образование это было богословским, проявилось затем в известном догматизме его мышления, в его склонности всему давать жесткие определения: «черное-белое». Всякому, кто знаком с речами и статьями Сталина, очевидна его катехизисная манера изложения: вопрос — ответ, дробление сложных проблем на ряд более простых обращение к цитатам для подтверждения собственных высказываний. Подобное же влияние церковного образования отмечается биографами Сталина и в его манере говорить и писать по-русски: манере «декламаторской, избыточной повторами и отдающей проповедью».

Помимо ежедневной молитвы два раза в день семинаристам предписывалось по воскресным дням и религиозным праздникам прислуживать во время литургии, длившейся до четырех часов кряду. Неудивительно, что все это вызывало в среде семинаристов изрядную долю антицерковных настроений. В ответ святые отцы шпионили за своими подопечными, подслушивали, рылись в их вещах и в одежде, доносили на них ректору семинарии. Любое нарушение семинарских порядков, — скажем, что семинаристы брали из городских мирских библиотек книги, — наказывалось заключением в карцер. Государственная политика русификации превратила семинарию в оплот грузинского национализма. Один исключенный за антирусские настроения студент в 1886 г. застрелил ректора семинарии, а всего за два месяца до поступления туда Сталина состоялась всеобщая забастовка протеста семинаристов-грузин, в результате чего было отчислено 87 студентов, а сама семинария была на время закрыта полицией.

Тем, кто знал Сталина в Гори как паренька веселого и отзывчивого, не могла не броситься в глаза разительная перемена, происшедшая с ним года через два после поступления в семинарию. Он стал замкнут, молчалив, предпочитал уединение с книгой, мгновенно взрывался обидой, даже если в том не было заметной причины.

С мастерством опытного лицемера Сталин научился прятать чувства и это свойство стало его второй натурой. В глубине души он вынашивал ненависть к власти имущим, но лишь поскольку был затронут лично он. С одинаковым презрением относился он и к царским чиновникам, и к святым отцам, которые воплощали для него власть, а равно и ко всем тем, у кого не доставало ума восстать. На протяжении пяти лет Сталин не только постигал школу выживания, но и собственными глазами наблюдал за жизнью замк-

нутого общества, где покорность вбивалась с помощью слежки, доносов, страха. И этот урок не прошел даром. После смерти Сталина его дочь Светлана писала:

«Духовная семинария была единственным систематическим образованием отца. Я убеждена, что эта семинария, в которой он провел более десяти лет, сыграла огромную роль в формировании личности моего отца на всю оставшуюся жизнь, развил и закрепил его врожденные черты.

Человеком верующим отец не был никогда. У юноши, который ни мгновения в своей жизни не верил ни в существование Святого Духа, ни в Бога, нескончаемые моления и подневольные богословские уроки могли лишь вызвать обратную реакцию... В результате учебы в семинарии он пришел к выводу, что все люди нетерпимы, грубы, способны на обман себе подобных, чтобы подчинить их своей воле; что все люди лжецы и интриганы и зачастую обладают множеством пороков и весьма малым количеством добродетелей».

Одной из форм протеста для Сталина стало как можно больше времени проводить за чтением запрещенных книг, которые он брал из городской библиотеки и тайно проносил в семинарию. Кроме западной литературы в переводах и русской классики, — также запрещенной, — Сталин знакомился тогда и с радикальными и позитивистскими идеями, которые, как считается, почерпнул из книг Дарвина, Конта и Маркса, а также первого русского марксиста Плеханова.

Мало-помалу разочаровываясь в смутных романтических идеалах грузинского национализма, Сталин организовал среди семинаристов кружок по изучению социализма. Вошедший туда Иремашвили впоследствии писал, что именно тогда у Сталина начали проявляться черты нетерпимости ко всякому, кто был с ним не согласен. Вполне естественно, что в марксизме его привлекало в первую очередь утверждение о неизбежности классовой борьбы и свержении несправедливого и коррумпированного социального строя. Эта теория оказалась близка Сталину не только по мысли, но и по психологической направленности, так как возбуждала мощные и разрушительные чувства ненависти и возмущения, которые в дальнейшем сделаются сильнейшей стороной характера Сталина, а также давала выход тщеславию и тем свойствам, которые при другой ситуации могли бы оказаться невостребованными. Как отмечает Роберт Такер, доктрина классовой борьбы узаконила протест Сталина против власть имущих: «она придала его врагам историческую значимость».

Привлекательность марксизма состояла в том, что он предлагал некую, претендующую на научную веру в будущее революционное преобразование путем приложения к условиям России западно-европейской модели, когда развитие капитализма ведет (и неизбежно, как полагал Маркс) через фазу капиталистической буржуазной демократии со

всеми присущими ей противоречиями к классовому конфликту и социальной революции.

В Грузии распространением этих взглядов занялась группа, большинство членов которой являлись выпускниками тифлисской духовной семинарии, заразившимся идеями марксизма в Варшаве во время учебы в ветеринарном институте. По возвращению в Грузию они занялись распространением социал-демократических и марксистских взглядов и называли себя «Месаме-даси» («Третья группа»).

Члены группы «Месаме-даси» имели еще и связи с рабочими Тифлисского железнодорожного депо, среди которых были те, кого сослали на Кавказ за социалистические взгляды. Сходки приходилось проводить тайно, и именно на одной из таких сходок в доме тифлисского рабочего-путейца Сталин и Иремашвили впервые встретились с бежавшим из ссылки революционером и слушали, затаив дыхание, его рассказ о тяжелой жизни политкаторжан, сосланных в Сибирь.

Сталин был принят в группу «Месаме-даси» еще семинаристом, и в качестве испытания ему было поручено вести работу в кружке рабочих-путейцев по пропаганде марксистских идей. Особое впечатление на Сталина произвел среди прочих членов группы Ладо Кецховели. Он также учился в Горийском духовном училище и после поступил в Тифлискую семинарию, но только был тремя годами старше Сталина. Именно Ладо был инициатором бунта, приведшего к временному закрытию семинарии. Будучи оттуда исключен, Ладо завершил свое образование в Киеве, после чего нелегально вернулся в Тифлис и целиком посвятил себя подпольной деятельности. Через Ваню, младшего брата Ладо, Сталин возобновил с ним связь и часто навещался к Кецховели за книгами, а нередко и чтобы побеседовать с Ладо, которым восхищался и в котором чуть ли не видел свой идеал. Особенно впечатляла Сталина практическая хватка Ладо: тот специально устроился в тифлисскую типографию, чтобы овладеть ремеслом печатника, и органы зовал затем первую подпольную марксистскую типографию в Закавказье, снискавшую себе славу среди российских революционеров за смелость и оперативность. Тайно созданная в Баку в доме одного мусульманина со сказочным именем Али-баба эта типография миллионными тиражами выпускала нелегальную литературу (в том числе и ленинскую «Искру»), и лишь через пять лет розыска полиция ее обнаружила. Арестованный в 1902 году Кецховели был затем застрелен охранниками за то, что кричал из окна камеры: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!»

Даже спустя многие годы Ладо Кецховели оставался для Сталина идеалом борца-революционера, и несомненно, что влияние Ладо ускорило разрыв Сталина с семи-

нарией. Прочувшись там четыре года и зарекомендовав себя неисправимым смутьяном, Сталин в мае 1899 г. был исключен из семинарии по причине того, что «по неизвестным обстоятельствам» не явился на весенние экзамены. Учившийся вместе с ним в семинарии Иремашвили позже писал, что Сталин вынашивал в себе «жестокую и непримиримую ненависть к семинарскому начальству, к буржуазии, ко всему тому, что в стране ассоциировалось с царизмом».

Какова бы ни была причина отчисления, но разрыв был окончателен, и после этого Сталин обратно так и не вернулся. Марксизм оснастил его четким, рациональным сводом идей, которые как нельзя лучше соответствовали его потребности получить что-то взамен той системы догматического вероучения, основами которого он овладел, но принять которое не мог. Переход от одной системы к другой облегчался наличием между ними общих основополагающих черт: догматизм, недопущение сомнений, нетерпимость к критике и преследование инакомыслящих. Таким образом, уже к двадцати годам Сталин определил для себя взгляды и род занятий: с этого времени он становится пропагандистом-профессионалом, миссионером, цель которого — свержение существующего строя.

V

Гитлеру потребовалось больше времени, чем Сталину, чтобы определить свой путь. Планы Сталина определились в 1899 г., когда ему шел двадцатый год, и это обусловило весь его дальнейший жизненный путь. Иное было с Гитлером. В свои девятнадцать, после повторного провала в Академию осенью 1908 года, он, подобно Сталину, окончательно оставил идею о дальнейшем образовании, но Гитлеру именно последующие годы помогли определиться в отношении жизненной цели, и решение пришло много позже, по окончании войны, в 1918—1919 гг., когда ему шел тридцатый год.

Сталин с 1899 по 1917 г., то есть в возрасте от 20 до 38 лет занимался деятельностью революционера и агитатора, постоянно рискуя быть арестованным, зачастую пребывая в заключении и в течение долгого времени находясь в ссылке. Работа была тяжелая, изнурительная, однако он знал, во имя чего трудится; опыт Сталина расширялся, он видел, как сами события — и поражение России в войне с Японией, и революция 1905 года, и начало войны 1914 г., и февральская революция 1917 г., — способствуют укреплению его уверенности в правоте марксистских идей, принятых им, а затем в правоте курса, взятого Лениным в качестве вождя партии. С какими бы психологическими трудностями ни сталкивался Сталин — а многое он создавал

ШКОЛА ЖИЗНИ

себе сам,— в идейном смысле он оставался непоколебим. Его убежденность получила подтверждение, когда в результате Октябрьской революции большевики захватили власть и когда сам он в итоге сделался одним из представителей революционного руководства.

Сравним этот этап биографии Сталина с тем, что происходило в 1908—1919 гг. с Гитлером, для которого этот более поздний период приходится примерно на тот же возрастной отрезок. Проведя первые шесть лет в Вене и затем недолго прожив в Мюнхене, Гитлер нисколько не продвинулся в осознании своих жизненных устремлений, как не продвинулся ни на йоту в своем отношении к труду, и только и делал, что стремился удержаться хоть как-то в водовороте большого города. Только в 1914—1918 гг. он наконец обрел желанное в армии, на полях сражений, в условиях *Frontenerlebnis* (фронтной жизни), в эмоциональном соитии с идеей немецкого национализма,— однако под конец все это вылилось в глубочайший шок в результате поражения Германии в войне, разгрома ее армии и последовавшей затем революции, поставив под сомнение многие лелеемые им ранее надежды. Гитлер бросился в политику из чувства безысходности, и никому неизвестный демобилизованный офицер принялся выступать с буйными призывами не считать Германию пораженной и стараться отомстить «ноябрьским преступникам», вонзившим нож в спину германской армии.

Очевидно, что именно эти периоды жизни Гитлера и Сталина отличаются крайним несходством. И вместе с тем эти годы оказались особо знаменательными для каждого из них и потому невозможно не рассмотреть каждый период в отдельности. Одновременно их сопоставить невозможно. Обе части повествования сойдутся к концу мировой войны 1914—1918 гг., когда и Гитлер вслед за Сталиным посвятит себя политической деятельности.

Сталин: 1899—1917
(в возрасте от 19 до 37 лет)

Гитлер: 1908—1918
(в возрасте от 19 до 29 лет)

I

Скрывшись из вида в ноябре 1908 г., Гитлер жил, растрачивая остатки наследства, снимая самое дешевое жилье и умудрился продержаться еще год. Не имея рядом близкого человека, он все более и более замыкался в себе, в основном занимался чтением у себя в комнатенке или в публичной библиотеке.

Однако к осени 1909 г. все деньги кончились. Гитлер удрал, не заплатив за комнату, и теперь ему приходилось ночевать на скамейке в парке или под чьей-нибудь дверью. Когда настали холода, он становился в очередь за миской супа на монастырскую кухню. Но вот неожиданно нашел угол в одной ночлежке, приюте для бедняков, созданном одним благотворительным обществом. На рубеже 1909—1910 Гитлер дошел буквально до самого дна: голодный и бездомный, лишенный теплой одежды, ослабший физически, он не знал как быть дальше. К краху абмициозной мечты сделаться художником добавилась теперь крайняя униженность некогда избалованного и капризного отпрыска из благополучной буржуазной семьи, ныне превратившегося в бродягу.

И тут в начале 1910 г. Гитлеру неожиданно помог некто Рейнгольд Ганиш, такой же бродяга, как и он сам, однако лучше соображавший, как выжить, оказавшись на самом дне. Как рассказывает Гитлер, Ганиш внушил ему мысль: раз он умеет орудовать кистью, они могут заключить сделку — Ганиш продает рисунки Гитлера, а выручку делят пополам. Затем с 1910 по 1913 гг. Гитлер проводит в только что отстроенном и вполне приличном Мужском приюте на Мельдемаштрассе, очередном благотворительном заведении, но во много раз приличней прежней ночлежки. Его выручило наследство, доставшееся от тетки, к тому же он научился перебиваться своими рисунками из венской жизни, главным образом изображая на них наиболее известные в Вене дома, которые копировал с фотографий. Повздорив

с Ганишем, Гитлер выучился продавать их сам, и не безуспешно, багетчикам и всяким мелким торговцам.

Гитлер обосновался в Мужском приюте не только потому, что бытовые условия здесь были сносны, но еще и потому, что пребывание здесь давало ему необходимую моральную поддержку. Он принадлежал к небольшой группе постояльцев, приобретших уже некие льготы (ему, например, разрешалось рисовать в читальном зале), которые считали себя «интеллектуалами» и демонстративно противопоставляли себя временным постояльцам, считая их ниже себя. Круг обитателей читального зала обеспечивал Гитлера минимумом ни к чему не обязывающих контактов, что и требовалось такому, как он, «одинокке», не посягнувшему на его отчужденность, ставшую Гитлеру определенным заслоном и не навязывавшим особой дружбы ни с чьей стороны. Подобное общение давало ему и еще кое что важное: а именно, слушателей. Как вспоминает Карл Гошиш, один из завсегдатаев этой читальни в 1913 г., Гитлер обычно сидел тихо и рисовал, но если кто-то заговаривал о политике или социальных проблемах, в Гитлере это вызывало открытое раздражение. Он менялся в лице, вскакивал и принимался возбужденно разглагольствовать. Все кончалось столь же внезапно, сколь и начиналось: махнув рукой, Гитлер замолкал и снова садился рисовать.

Мнение самого Гитлера об этих годах можно обнаружить в его «Майн кампф», написанной им через десять лет после того, как он покинул Вену, и как раз в тот самый период, когда он, после провала ноябрьского путча 1923 года, стремился оказать воздействие на читателей перенесенными страданиями и незыблемостью убеждений.

Однако по-настоящему нищим и голодным Гитлер, по его словам, пребывал лишь в течение короткого времени перед устройством в Мужской приют, но даже и тогда все его беды происходили от него самого. Пока у него оставались средства к существованию, он не пожелал позаботиться о будущем и подыскать себе работу. Из всех невзгод, пережитых им, наитягчайшей для Гитлера оказалась рана, нанесенная по его самолюбию, — крах образа великого художника или литератора, которым он рисовал себя в мечтах, того великого «Нечто», кто способен оставить по себе след в истории, — и произошло это как раз в то время, когда он сам оказался низведенным до уровня поверженного, кого так презирал.

С точки зрения психологи этот Венский период жизни Гитлера выявил два важных момента. Первый — несмотря на удары судьбы, Гитлер не отказался от высокого мнения о себе и продолжал его лелеять. Хотя казалось большее чего он достиг, это жалкое существование на обочине общества, открывавшее еще меньше возможностей для воплощения веры в свое великое предназначение. Уже то, что

Гитлер пронес эту веру через весь долгий шестилетний период испытаний, свидетельствует о неукротимости воли, которая явится залогом его успеха в будущем, Пережитые в те годы разочарования и унижение, питали его ненависть и желание отомстить обществу, отвергнувшему его, и одновременно распяляли его волю в победу, достичь цели лишь только наконец представится возможность проявить себя.

Вторым важным моментом было то, что Гитлер постепенно начал выходить из состояния сосредоточенности на собственных бедах и трактовать случившееся в контексте общей социальной напряженности и происходящих вокруг социальных конфликтов. Описывая те события уже в 1920 годы, — Гитлер преувеличивал степень вызревания его идей к тому времени, как в 1913 году он покинул Вену, игнорируя воздействие на развитие своих взглядов военных событий 1914—1918 гг. и затем его реакции на поражение Германии в войне, а также смутного периода, который последовал за окончанием войны. Бесспорно, однако, что нет оснований оспаривать его утверждение, будто именно в результате его венских злоключений начало формироваться «его Weltanschauung» (мировоззрение). Гитлер приводит в «Майн кампф» убедительный пример воздействия на него событий тех лет:

«Мои юные годы проходили в кругу людей, принадлежавших к классу мелкой буржуазии, миру, имевшему весьма незначительные контакты с миром представителей физического труда... Причина подобного разрыва заключена в страхе, наполняющем тот социальный слой, что едва высился над слоем трудящегося населения — страхом, что можно снова сползти назад или, по крайней мере, опуститься в то же положение, что и рабочие. Воспоминания о культурной отсталости низшего класса настолько отталкивающе ужасны, что те, кто поднялся всего лишь на первую ступеньку социальной лестницы, считает немыслимым иметь хоть какой-либо контакт с тем низким уровнем жизни и культуры, к которому они некогда принадлежали...»

Подобного рода жестокая борьба за выход наверх зачастую уничтожает в человеке естественную склонность к состраданию. Собственная борьба за существование убивает в нем жалость к несчастиям тех, кого он оставил позади».

Испытав в Вене накануне войны униженность подобного рода, Гитлер оказался способен, воспользовавшись пережитым, отождествить себя со множеством граждан Германии, охваченных аналогичным страхом превратиться после войны в люмпенов (déclassée).

Гитлер попал в Вену уже сложившимся немецким националистом. То, свидетелем чего он там стал, укрепило в нем агрессивное, в виде защитной реакции, отношение к прочим народностям Габсбургской империи, теперь по

численности превосходившим немцев в четыре раза. После преобразования империи в 1867 г. в двуединую Австро-Венгерскую монархию, немецкоязычное меньшинство в Австрии лишь наполовину сохранило ощущение своего традиционно верховенствующего положения, в условиях угрозы роста национального самосознания и уверенности в себе славянских народов, составлявших теперь в империи большинство, в особенности чехов, Гитлер считал попытки правительства найти некий компромисс, который удовлетворил бы притязания чехов и других народностей на уравнивание в правах (скажем, в отношении языка общения), не только обреченными на провал, но и видел в них акт национального предательства ввиду того, что именно немцам всегда приходилось идти на уступки.

Но Гитлер, по его словам, столкнулся в Вене и с другой угрозой — «марксизмом и еврейством». Быстрый рост численности населения Вены, более чем в два с половиной раза в период между 1860 и 1900 гг., гораздо более значительный, чем прирост населения в Лондоне или Париже, и уступавший лишь приросту населения Берлина, представлял каждому жителю австрийской столицы, особенно тому, кто оказался у основания социальной пирамиды, уникальную возможность познакомиться и с тем и другим.

Тяжелейшие социальные условия — нищета, убожество жилищ, перенаселенность, низкий заработок, безработица, — становились еще хуже в результате быстрого притока новых людей. В 1900 г. из 1 675 000 жителей Вены лишь менее половины, 46 %, составляло коренное население. Массы приезжих, в большинстве своем чехов, наводнили столицу в поисках работы, заполняя уже и без того перенаселенные рабочие кварталы, явь которых была известна Гитлеру не понаслышке. «Даже не знаю, что тогда потрясло меня больше: материальная ли нищета тех, кто в те годы составлял круг моих приятелей, грубость ли и дикость их нравов или же низкий уровень их умственного развития». Гитлер был потрясен, однако сострадания не испытывал. Он с ужасом открыл для себя, что не только чешские, но и немецкие рабочие ниспровергают все то, чему он придавал столько значения.

«Буквально все затапывали они в грязь... нацию, поскольку та считалась порождением капиталистических классов; отечество, поскольку считали его орудием буржуазии для эксплуатации рабочего класса; власть закона — поскольку для них это было средство держать пролетариат в узде; религию, которую считали средством одурманивания народа для его последующего закабаления; мораль — как символ тупой и рабской покорности».

Столь лаконично обобщить основные догматы марксизма Сталин бы не сумел. Для него эти догматы были даны в откровении. На Гитлера же они произвели совершенно про-

тивоположное впечатление. Когда он впервые услышал их из уст немецких рабочих, у него возник «глубоко тревожащий вопрос: «Достойны ли эти люди принадлежать к великой нации?»».

Последовали «дни душевного смятения», усугубившегося после того, как Гитлер увидел на улице массовую демонстрацию венских рабочих, нескончаемым потоком шагавших по четверо в ряд. Шествие это длилось часа два и произвело на Гитлера сильнейшее впечатление. Но вот, оправившись от душевных мук, Гитлер «снова стал благосклонен к соотечественникам», объяснив себе их поведение тем, что они стали жертвой наглых лидеров социал-демократии, которые путем ловких манипуляций использовали бедственное положение масс, чтобы лишить их национального чувства и отгородить от прочих классов общества.

Гитлер считал, что нашел объяснение непримиримой враждебности социал-демократов идее борьбы за сохранение немецкой национальной общности в Австрии, в стране, где приветствовался компромисс со славянскими «товарищами» и где считалось, что важнее всего то общее, что объединяет немцев с чехами как рядовыми представителями наиболее угнетаемого класса, нежели то, что разъединяет их как представителей разных национальностей. Яростный немецкий национализм Гитлера был таким образом усилен не менее яростной ненавистью к марксизму.

Осталось упомянуть третью составляющую его мировоззрения — еврейский вопрос. В 1857 г. в Вене проживало 6217 евреев, что составляло менее двух процентов всего населения. К 1910 г. их число возросло до 175 318, что составило 8,6 %. В городе с вдухмиллионным населением все еще оставалось более 90 % жителей нееврейской национальности, однако два обстоятельства приковывали внимание к еврейскому меньшинству. Первое — значительное преобладание евреев по сравнению с их процентом в составе населения — в средней и высшей школе, а также среди наиболее престижных профессий, таких как право, политика, медицина, печать, финансы и искусство. Второе — на другом конце социальной школы — концентрация беднейшего еврейского населения в пределах одного-двух районов столицы (Внутренний Город и старое гетто в Леопольдштадте, где они составляли треть жителей), причем многие из них, будучи выходцами из Восточной Европы, привлекали внимание своей необычной внешностью.

Гитлер утверждает в «Майн кампф», хотя в такое верится с трудом, что именно встречи с одним из них с длинными черными пейсами и в долгополом кафтане вмиг высветила перед ним всю отталкивающую сущность «еврейства». Дальше — Гитлер говорит, что тогда он понял, что евреи — лидеры социал-демократии: «Стоило мне сделать это открытие, как шторы упали с моих глаз. Пришел

конец моей многолетней внутренней борьбе... я осознал наконец, кто те злые духи, что сбивают с толку наш народ».

Живя в Вене, Гитлер, по его словам, «жадно и много» читал. Однако чуть ниже в «Майн кампф» мы читаем:

«Под чтением, разумеется, я понимаю не совсем то, что имеет в виду представитель так называемой интеллигенции. Мне известны люди, которые читают все подряд, однако я никогда бы не назвал их начитанными... Им недостает умения оценить, что полезно, а что нет в книге, чтобы полезное закрепить в памяти, а ненужное — пролистать и отринуть, как никчемный балласт... Каждая толика знаний, добытая таким образом, должна стать элементом единой мозаики, найти надлежащее место среди прочих фрагментов, с помощью которых и формируется в целом Weltanschauung (мировоззрение) в сознании читающего».

Из этого трудно понять, что же все-таки читал Гитлер. Он был лишен литературного вкуса и не испытывал интереса к книгам, как таковым, считая их лишь источником, откуда он мог выбирать факты, подтверждавшие его взгляды. Многие из того, что Гитлер читал, было из разряда популярной литературы. Оттуда он заимствовал множество цитат, приводимых там из разных источников, подхватывал и цитировал так, будто сам почерпнул их из оригинала. Гитлер обладал уникальной памятью в особенности на факты и цифры, пропорции зданий, детали вооружения, — чем и пользовался, сбивая с толку знатоков и поражая дилетантов. Многие историки пришли к выводу, что было бы ошибочным недооценивать сильные стороны ума Гитлера, той системы мыслей, которую он выстроил из материала, почерпнутого из книг и жизненного опыта. Однако все, что Гитлер когда-либо говорил или писал, свидетельствует об отсутствии в его интеллекте не только человечности, но и способности к критической оценке, к объективности и разумному отбору при усвоении знаний, что традиционно считается свойством просвещенного ума и что Гитлер открыто презирал.

Как и в случае с социал-демократией и марксизмом, Гитлер и здесь, по его словам, обратился к книгам, чтобы просветиться насчет евреев. На этот счет есть конкретное свидетельство, что эта «литература» представляла собой не что иное, как антисемитские брошюры, которые Гитлер скупал по дешевке, а также журнальчики типа «Ostava». Журнал этот издавался неким, тлущенным от сана монахом, именовавшим себя Ланц фон Либенфельс, печатался под знаком свастики и подавался «как практическое пособие для антропологических исследований с целью спасения от уничтожения европейской расы путем сохранения ее расовой чистоты от уничтожения». Подобные издания были типичны для

венской субкультуры тех лет, зачастую носили порнографический характер и не гнушались скабрёзностей и ругательства. Те места в «Майн кампф», где Гитлер пишет о еврейях, отдают дань именно этой традиции. Вспомним, к примеру, его повышенный интерес к сексу и нарушению чистоты немецкой крови: «что за жуткая картина, когда сотни тысяч девушек отдаются кривоногим еврейским ублюдкам».

«Лишь только я взялся за исследование этого вопроса, как Вена предстала предо мной в ином свете... Да нашлось ли бы хоть одно темное дельце, хоть одна грязная история, прежде всего в культурной жизни, в которой не принял бы участия хотя бы один еврей? Едва ковырнув ножом подобный нарыв, тотчас наталкиваешься, как на червя среди гнили, на некое еврейчика, который тут же принимается жмуриться на свету».

«Еврей» оказывается повсюду и он виновен во всем, что ненавидел и чего боялся Гитлер: в модернистской музыке и искусстве, в порнографии и проституции, в организации белой работоговли (о чем столько ужасов распространялось в антисемитской литературе), в антинациональных выпадах прессы.

Гитлер сам признает, что не сразу разобрался в сути «еврейского вопроса». Больше всего его потрясло открытие, что евреи — вовсе не немцы, исповедующие иную религию, как он раньше считал, а совершенно особая раса. Предположить, что Гитлер уже с юных лет, когда ему было всего двадцать с небольшим, имел четкое представление, что надо делать для «решения» еврейской проблемы, или что Гитлер уже тогда обдумывал возможность уничтожения евреев, трудно, не имея на то достаточных данных. Тем не менее понятие расы явилось лейтмотивом взгляда Гитлера на историю, формирования его идеологии. Его подчеркивание расовой принадлежности прекрасно сочеталась с другой широко распространенной в конце XIX века теорией, будто жизнь представляет собой борьбу за существование, в которой выживает лишь сильнейший, — социал-дарвинизмом. Гитлер противопоставлял социалистической теории равенства «аристократический принцип природы», естественное неравенство индивидов и рас. Круг замкнулся признанием того, что марксизм — есть доктрина, выдуманная евреем Карлом Марксом, и она используется еврейскими лидерами социал-демократии, чтобы заманить массы в ловушку и направить их против государства, немецкой нации и арийской расы господ.

Из своего Венского периода Гитлер извлек и иные выводы. Один — та легкость, с которой массы позволяют уметь собой пропаганде манипулировать собой. Второй — никчемность парламентских учреждений (одно время Гитлер на блюдал шумные дебаты австрийского рейхсрата), которые

он заклеил как, подавляющие лидерство, индивидуальную инициативу и индивидуальную ответственность. Гитлер связывал крах пангерманского националистического движения Шенерера, чья программа его привлекала, с решением преобразоваться в парламентскую партию. Гитлер приводил в качестве положительного примера успешное развитие тех объединений, которые укрепляли свой авторитет, базируясь на организации массовых политических партий, находящихся вне парламента: таких как социал-демократическая партия и христианско-социалистическая партия, которую возглавлял мэр Вены, знаменитый Карл Люэгер. Из всех политических лидеров Люэгер вызывал у Гитлера наибольшее восхищение. Он писал в «Майн кампф», что Люэгер направил свою политическую деятельность на то, «чтобы завоевать доверие среди тех слоев населения, существованию которых грозит опасность», — левочников и дельцов, ремесленников и мастеровых, мелких чиновников и муниципальных служащих, ощущавших давление социально-экономических перемен на свое положение в обществе и жизненный уровень.

В довоенной Австрии была и еще одна партия, которую Гитлер обходит вниманием — это махрово-националистическая Немецкая рабочая партия, основанная в 1904 г. в Богемии и нападавшая на австрийских социал-демократов за их попытку снизить уровень жизни профессиональных рабочих немецкого происхождения до уровня жизни отсталых славян. Эта партия пустила в ход в адрес чехов унижительную кличку — Halbmenschen, или, недочеловеки. Партия воинственно выступала за расширение Lebensraum (жизненного пространства) для немцев, и, когда в 1918 году пала империя Габсбургов, НРП призывала немецких жителей Богемии и Моравии присоединиться к Германскому рейху. С первых дней основания в Мюнхене нацистской партии после войны Гитлер вошел в контакт с австрийской немецкой рабочей партией в Вене, а потом присоединил ее в качестве австрийского филиала к своей Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Нацистская программа «раса и пространство», а также оккупация Германией Богемии и Моравии в 30-е годы — все эти действия своими корнями восходили к политической ситуации в довоенной Австрии.

Перед тем как покинуть Австрию, Гитлер имел уже достаточный запас наблюдений и выводов, чем впоследствии не преминул умело воспользоваться. Годы, проведенные им в Вене, укрепили в нем яростную приверженность немецкому национализму и выявили три социальных группы, которые, по его мнению, представляли угрозу исторической роли немецкой *Heimvolk* — нации господ в Центральной Европе, — а именно, расово неполноценные славяне, марксисты и евреи. Однако пока Гит-

лер еще не представлял себе, каков может быть его вклад в борьбу против этих трех зол. В мае 1913 г. в возрасте 24 лет он покидает Австрию и пересекает границу Германии.

II

Когда Сталину было столько же лет, сколько Гитлеру, отправившемуся из Вены в Мюнхен, Сталин не только знал, чего он хочет, но уже получал первые уроки революционной деятельности.

В 1880—1890 гг. ряд интеллигентов, сторонников марксизма, стали участвовать в деятельности пролетарских кружков, которые также называли себя марксистскими или социал-демократическими и которые стали возникать в Санкт-Петербурге и других крупных промышленных центрах России. Помимо дискуссий и пропагандистской работы основным видом деятельности подобных кружков стала организация и поддержка забастовочного движения, которое, несмотря на его противозаконность, охватило в последнее пятилетие XIX века почти четверть миллиона рабочих и сумело добиться сокращения рабочего дня. Стоит ли теперь идти дальше экономических требований и заниматься агитацией политического характера? — таков был предмет горячих споров, разгоревшихся на страницах подпольной печати, которая помещала статьи российских идеологов, находившихся за границей в Швейцарии или в сибирской ссылке.

Среди них был и Владимир Ильич Ульянов с конца 1901 г. известный под псевдонимом Ленин. Он родился в 1870 г. в приволжском городе Симбирске, в семье губернского инспектора народных училищ. Семья Ульяновых жила дружно и счастливо, хотя оба брата, как и обе сестры Ленина в разное время арестовывались за подрывную деятельность. В 1887 г. за участие в покушении на царя был казнен старший брат Ленина Александр, и это событие оставило неизгладимый след в душе Ленина, которому в ту пору было семнадцать лет. Получивший хорошее образование и от природы наделенный острым умом, Ленин в 1893 г. приезжает в Санкт-Петербург и поступает на работу в адвокатскую контору, однако большую часть времени уделяет не работе в суде, а дискуссиям в социал-демократических кружках. Как марксист, он завоевал популярность, благодаря своей явительной критике народников и «экономистов». В 1895 г. Ленин был арестован и затем выслан за участие в волне забастовочного движения. В 1900 г. он возвращается в Санкт-Петербург с намерением основать газету, которая являлась бы центром объединения подпольных организаций по всей России. Газета называлась «Искра», и первый ее номер вышел в декабре 1900 г. за границей, после чего был переправлен в Россию.

На немногочисленном, нелегально созданном в Минске в 1898 г. съезде была предпринята попытка учредить Российскую социал-демократическую рабочую партию. Однако, хотя этот съезд и считается первым съездом партии, партия на нем основана не была.

С первого же номера «Искры» Сталин сделался ее сторонником, «искровцем» и принял идеи Ленина как собственные. Оставив в 1899 г. семинарию, Сталин в последующее десятилетие работал на Кавказе агитатором и организатором кружков, перерывы в этой деятельности составляли его аресты и ссылка в Сибирь. Едва сводя концы с концами, он жил, полагаясь на поддержку товарищей и сочувствующих, находя у них угол и убежище от полиции. Его деятельность распространялась на рабочую среду трех городов, в которых пролетариат только начал формироваться: это были Тифлис с его железнодорожными мастерскими, Баку с его нефтепереработками (в 1904 г. самый продуктивный нефтяной район в мире) и Батуми с его портом и нефтеперерабатывающими заводами.

На Кавказе сложилось ядро русских промышленных рабочих, сосланных туда за свои социалистические взгляды и трудившихся в вагоноремонтных депо в Тифлисе и на электростанции в Баку. Бакинские нефтепереработки, кроме того, привлекали как русских рабочих, так и армян, турок, персов, татар, а в Батуми съехалось немало крестьян из различных деревень Грузии. Сталину пришлось учиться излагать марксистские взгляды самыми простыми словами, и убеждать рабочих, что необходимо объединять свои усилия в протесте против условий жизни и труда. Кроме того он помогал организовывать забастовки и уличные демонстрации, он научился составлять листовки и прокламации, печатать их в подпольных типографиях.

Сталин участвовал в организации майской демонстрации в Тифлисе в 1901 году, когда произошло столкновение двухтысячной рабочей толпы с полицией, затем — в организации забастовки рабочих-нефтяников в Батуми в 1902 г., когда войска открыли огонь и было убито 15 человек. Одна из молодых в те годы партиек Ф. Кнунянц, описывая свою первую встречу со Сталиным, рисует не самый привлекательный его портрет:

«Я обнаружила Кобу в маленькой комнатке. Он был невысокий, худощавый и какой-то напряженный, так что своим видом напоминал мелкого ворюшку в ожидании приговора. На нем была темно-синяя крестьянская рубаха, поверх тиджак в обтяжку, на голове черная шапочка.

Он встретил меня с подозрением. Только обстоятельно распробив, протянул пачку нелегальных брошюр... Когда он провожал меня до двери, выражение лица у

него было все то же настороженное, недоверчивое».

Далее Кнунянц описывает поведение Сталина на заседаниях местного партийного комитета:

«Была уже пора начинать, но Коба все не появлялся. Он всегда приходил позже всех, не то чтобы опаздывал, но неизменно являлся одним из последних... С его появлением атмосфера резко менялась. Становилась не столько деловой, сколько гнетущей. Коба возникал с зажатой под мышкой увечной левой руки книгой и садился где-нибудь с краю или в углу. Он молча слушал, пока выскажутся все. Сам всегда выступал последним. Выждав, он мог таким образом сопоставить взгляды товарищей, взвесить свои доводы... и представить свое выступление в качестве заключительного аккорда, как бы подытоживая дискуссию. И оттого все, что он говорил, обретало какое-то особое значение».

После батумской забастовки Сталин был в первый раз арестован полицией и отправлен в тюрьму, после чего выслан на Север, в Вологду.

Со второй попытки Сталину удался побег из Вологодской ссылки, он возвратился на Кавказ, где и узнал, что наконец была основана РСДРП на Брюссельско-Лондонском съезде и тут же раскололась на две фракции.

III

Сталин, прирожденный большевик, обнаружил в ленинской концепции партии идеальное дополнение к марксовой доктрине классовой борьбы, то средство, благодаря которому экономико-социальный анализ можно воплотить в революционное действие. Работа Сталина среди рабочих не оставила в нем ни малейших иллюзий относительно возможности «спонтанного» развития социализма в среде пролетариата. То, что Ленин подтверждал необходимостью создания организации, не могло не встретить у Сталина живейшего отклика. В статье «Класс пролетариата и партия пролетариата», опубликованной в нелегальной печати 1 января 1905 г., Сталин писал:

«... партия, которая поставила своей целью руководить борющимся пролетариатом, должна представлять не случайное скопление одиночек, а сплоченную централизованную организацию...»

До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную организацию, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для добрых».

Теперь следовало делать упор на необходимости един-

ства взглядов не только на программу партии, но на тактику и организацию.

Предложения Ленина привлекали Сталина не только своим воинственным напором, — оба деятеля по своему характеру являлись «твердыми» представителями левого крыла, — но и тем, что Ленин отводил ведущую роль преданным делу, профессиональным революционерам и агитаторам, пренебрегающим жизненными благами преследуемых полицией и видел в них «авангард пролетариата», истинных вершителей революционной истории. Такая оценка явилась мощной компенсацией Сталину за пренебрежительное отношение к нему и подобным ему революционерам низкого происхождения со стороны тех, кто считал себя представителями интеллигенции.

Для людей подобного типа эксплуатация и другие социальные пороки, против которых они выступали, являлись скорее лишь социально-экономическими концепциями, а не явлениями, пережитыми на собственном опыте. Троцкий, к примеру, впоследствии писал:

«Мне был ненавистен скучный практицизм, само бессыдное, низкопоклонство перед этим явлением. Главное не факты, а суть. Чем бы я ни занимался, я мог продвигаться и действовать только тогда, когда видел, что ухватил основную нить. Решительность в осуществлении социальной революции, что постоянно являлось смыслом всего моего существования, выросла во мне из духовного неприятия всякого увлечения тривиальностью, вызывающего прагматизма, всего того, что не оформлено идеологически и не обосновано теоретически».

Сравним это высказывание с совершенно иного рода воспоминанием Сталина:

«...Мои родители были необразованные люди. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма...»

Личный контакт многих руководителей социал-демократии с рабочей средой сводился лишь к связям с рабочей элитой, приобщившейся к социализму. Лишь по книгам были знакомы они с той инертной, отсталой, полной подозрительности массой, разбившей надежды народников, когда те в 1870—1880 гг., переисполненные идеала, отправились в народ. В своей биографии Сталина Исаак Дойчер противоставляет его таким руководителям:

«Он обладал исключительным, почти интуитивным проникновением в психологию отсталого элемента российской действительности... С недоверием и подозрительностью он относился не только к угнетателям — помещикам, капиталистам, священникам и жандармам, но также и к угнетаемым, — тем самым рабочим и крестьянам, на

защиту которых он встал. В его трактовке социализма отсутствовало чувство вины. Бесспорно, Сталин испытывал некую долю сочувствия к классу, к которому и сам принадлежал. Однако ненависть к власти имущим и зажиточным классам была в нем намного сильнее. Классовая ненависть, проповедуемая революционерами из высших сословий, была для них не определяющим чувством, а производным от их теоретических взглядов. Классовая ненависть Сталина была у него не вторичным, а именно основным чувством. Учение социализма тем его и привлекало, что, казалось бы, предоставляло моральное право для самовыражения. В его взглядах не было ни грамма сентиментальности. Его социализм был холоден, трезв и жесток».

Отношения Сталина с прочими лидерами социал-демократии (Ленин, разумеется всегда был не в счет) показывают, насколько его угнетало чувство социальной и интеллектуальной неполноценности, сколь редко забывал он чье-то к себе пренебрежение, прощал чью-то снисходительность. Но при всем том он научился обращать недооценку себя другими в свою же пользу. Стоило Троцкому однажды назвать Сталина «серой, бесцветной посредственностью», и впоследствии Сталин не преминул воспользоваться промашкой Троцкого, за что тот и поплатился сперва утратой роли преемника Ленина, а потом и самой жизнью.

Еще одной отличительной чертой Сталина, которой он умело пользовался себе на благо, был его опыт местного партийного организатора российской глубинки, чем мало кто из первых фигур большевизма, а также меньшевизма мог похвастаться и что помогло Сталину завоевать расположение Ленина. Важной частью этого опыта были периодические аресты, тюрьмы, ссылки и побеги. За все это время Сталина арестовывали семь раз и пять раз он бежал. Из девяти лет, с мая 1908 по март 1917 года, он провел на свободе лишь полтора года. Согласно русской революционной традиции, тюрьма и ссылка служили для многих политических деятелей особыми «университетами», где они много читали, набираясь радикальных идей, не редко обретая опытных наставников, постоянно принимая участие в дискуссиях, среди заключенных. Именно там Сталин постарался восполнить пробелы в своем образовании, в особенности в марксистской литературе. Многие из тех, кто отбывал заключение вместе с ним, единоклюбно в описании портрета этого человека: искроуительно дисциплинирован, постоянно с книгой в руках, активный участник дискуссий, уверенный в своей правоте, острый на язык, язвительный к оппонентам.

На Кавказе, где протекали годы революционного становления Сталина, было ощутимо влияние меньшевиков,

что могло служить объяснением той неприязни и недоверия, с какими к Сталину продолжали относиться многие закавказские социал-демократы. Однако неприязнь и недоверие объяснялись также грубостью его манер и выстулений, что не могло не породить врагов.

Один из грузинских меньшевиков, Арсенидзе, сумел уцелеть и опубликовать свои воспоминания, в которых утверждает, что Сталин в 1905 году заявил батумским рабочим следующее:

«Ленин возмущен, что бог послал ему таких друзей, как меньшевики! Да вы поглядите, кто они такие! Жиды обрезанные: Мартов, Дан и Аксельрод! Да еще эта старуха Вера Засулич! Разве можно с ними работать? С ними ни в бой, ни на пир. Трусы да лавочники!»

Даже если оставить в стороне то обстоятельство, что меньшевики, как, например, Троцкий, не переставали язвительно критиковать Сталина долгие годы, у нас достаточно оснований утверждать, что уже к 1905 году у Сталина сложилась репутация человека, с которым трудно работать, амбициозного интригана, стравливавшего своих товарищей между собой, не доверявшего никому и самому ничьим доверием не пользовавшегося, никогда не забывавшего пренебрежения, никогда не прощавшего тому, кто одерживал над ним верх в споре или возражавшему.

Его организаторские способности со временем не подвергались. Он мог справиться с любым делом. И если Сталин как идеолог-марксист никогда не блистал, подобно Ленину, оригинальностью мышления, то в ходе дискуссий он научился быть убедительным, достаточно хорошо освоив теоретические источники и поддаться Плеханову и Ленину, опираться на них в своей аргументации, используя цитаты из Маркса и Энгельса. Однако даже не в весьма галантной с обеих сторон полемике Сталин умудрялся превзойти своего оппонента грубостью и язвительностью.

Кавказский период жизни Сталина снискал ему как друзей, так и врагов, но неизменно при этом и те, и другие видели в нем лидера. Подобно Гитлеру, Сталин был «одиночкой», хотя несколько иного свойства, холодно-расчетливым, тогда как Гитлер был возбудим и неуравновешен. Но, как и Гитлер, Сталин держался от других на расстоянии, и со стороны складывалось впечатление, будто он на простые человеческие отношения не способен. Между тем в июне 1906 г. он женится на Екатерине Сванидзе, дочери железнодорожника Семена Сванидзе, также вовлеченного в подпольную деятельность. Ее брат Александр, в детстве учившийся вместе со Сталиным, в 1938 г. был им репрессирован, как и прочие друзья его юности.

Сама Екатерина в политику не вникала, она была типичной грузинской женой, молилась, как и мать Сталина, что-бы он оставил свое увлечение революционными делами и

остепенился. В угоду теще Сталин даже согласился венчаться в церкви. Венчал молодых один из однокашников Сталина по семинарии. После свадьбы молодожены поселились отдельно от стариков в Тифлисе. Там Сталин, пытаясь завоевать репутацию теоретика-марксиста, работал над серией статей на тему «Анархизм или социализм?», которые выходили отдельными выпусками в подпольной печати Грузии в 1906—1907 гг. У них родился сын Яков, однако через полгода, 22 октября 1907 г. жена Сталина скончалась от тифа и мальчик был отправлен на воспитание к тетке, ее сестре. Иремашвили, не скрывая удивления, пишет, что отпевали Екатерину Джугашвили по православному обычаю и, что еще удивительней, Сталин, кичившийся своим самообладанием, тогда не скрывал своего горя. Лишь в том бедном домике, рядом с женой и маленьким сыном, пишет далее Иремашвили, испытал мятежный дух Сталина единственную в жизни любовь.

IV

Организационная деятельность Сталина в 1905—1907 гг. была сосредоточена на Кавказе, в местах наиболее горячих схваток. Сталин играл активную, но далеко не самую заметную роль в событиях того периода, поскольку тогда доминирующее положение в регионе занимали меньшевики. Большевики вели с ними ожесточенную фракционную борьбу и Сталин сделался объектом усиленных нападков меньшевиков за его участие в так называемых «экспроприациях». Речь шла о вооруженных ограблениях банков и почтовых экипажей, боевиками партии. Эти акции являлись для Ленина одним из главных источников партийных средств, однако меньшевики подобные действия открыто осуждали.

Одним из нашумевших событий явился налет в июне 1907 года на Тифлисский императорский банк, когда Сталина обвиняли в тайной причастности к этому делу. Грузинские меньшевики, открыто считавшие Сталина врагом, обвиняли его также в служении царской охранке, требовали исключения из партии за участие в экспроприациях. И хотя этого не произошло Сталин предпочел перенести свою деятельность из Тифлиса в Баку.

Впервые за эти годы Сталину удалось добиться избрания делегатом на партийный съезд. В 1906 году в Стокгольме был созван съезд с целью объединения социал-демократической партии, однако съезд вызвал еще больше разногласий, причем, меньшевикам удалось закрепить за собой 7 из 10 мест в составе нового исполкома партии.

Сталин неоднократно выступал в поддержку взглядов Ленина; однако в отношении вопроса, которому в будущем предстояло стать одним из важнейших, он имел соб-

ственное суждение: что делать с землей, отобранной у помещиков? Ленин предлагал ее национализировать и передать центральной власти. Большевики хотели передать землю в распоряжение местных властей. Зная не понаслышке психологию крестьянина, в чем с ним не мог соперничать ни Ленин, ни большевики, Сталин отверг оба предложения, как не реалистичные: «Крестьяне спят и видят получить помещичью землю в свою собственность». Сталин чутьем понимал, что главное не в том, насколько решение земельного вопроса вписывается в теоретическую схему революции, в чем, кстати говоря, единства не было, но в том, чтобы удовлетворить чаяние крестьян. А это возможно лишь путем раздела земли между крестьянами. Сталину удалось привлечь на свою сторону большинство, и, хотя Ленин резко критически отнесся к узколобому реализму сталинского предложения, все же ему самому пришлось в 1917 г. принять этот путь как единственный способ привлечения крестьян на сторону захвативших власть большевиков.

Самым важным итогом партийных съездов для Сталина было то, что он встречался там с Лениным и имел возможность наблюдать его в действии. Ленину было тогда за тридцать. Это был коренастый, ростом чуть выше Сталина, уже начавший лысеть — отчего его огромный лоб казался еще больше, — человек с небольшой, заостренной рыжеватой бородкой. Сначала Сталина поразило то, насколько просто держался Ленин. Поглощенный делами, он нисколько не рисовался перед другими, предпочитал красноречию аргументированность суждений и умение убеждать в своей правоте. И хотя в тот период у Ленина были разногласия с большинством эмигрантов-марксистов, это вовсе не поколебало его чувства уверенности в себе. В поисках учителя Сталин обрел наконец человека, авторитетность суждений которого не вызывала у него сомнений.

Обращаясь после смерти Ленина в 1924 г. к курсантам Кремлевского военного училища, Сталин так вспоминал свою первую встречу с Лениным:

«Когда я сравнивал его с остальными вождями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие, — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения».

Пусть это преувеличение, объяснимое недавней кончиной Ленина, однако то же сравнение, «настоящий горный орел», а также излюбленное сопоставление с Плехановым, Аксельродом и другими, мы находим в одном из

писем Сталина 1904 года. Подобная фразеология говорит и еще кое о чем. Вовлечению Сталина в революционную деятельность способствовали не только политические аргументы и убежденность в их правоте. В революцию Сталина привлекло и то, что он сам себя видел в ней героем. Теперь место Кобы в душе Сталина занял Ленин, явившись для него тем самым героем, с каким Сталин отождествлял и себя, кавказская же фразеология — «горный орел» — восходит непосредственно к легенде о Кобе. Хотя Сталин тщательно маскировал свои амбиции, в его восхищении Лениным просматривается собственный образ, сначала в качестве ближайшего сподвижника, а потом и последователя.

Нетрудно понять, почему Ленин так привлекал Сталина. Но чем Ленину казался привлекателем этот зачастую грубый провинциал? Сначала Ленин обратил внимание на пару статей, написанных Сталиным в защиту большевистской точки зрения, но выступления Сталина на трех партийных съездах особого впечатления на Ленина не произвели. Когда лидер меньшевиков Мартов возразил против выдвижения Сталина и еще трех человек в качестве делегатов на Лондонский съезд партии, сославшись на то, что они никому не известны, Ленин заметил: «Совершенно верно, и нам тоже». Однако менее чем через пять лет, — более половины из которых Сталин провел в ссылке или тюрьме, — Ленин кооптировал его в состав Центрального Комитета партии большевиков после окончательного разрыва с меньшевиками и доверил Сталину несколько ответственных поручений. В чем причина такого неожиданного продвижения?

Будучи сам интеллигентом, Ленин был невысокого мнения об интеллигентах, поскольку, как он считал, им не хватало сочетания безграничной преданности делу с долей прагматизма, приверженности цели с гибкой тактикой, — свойств, сделавших самого Ленина вождем революции. Проявляя непостоянство в суждениях, интеллигенты то и дело ставили под вопрос взгляды Ленина. В поисках новых людей, надежных и преданных его линии, а также готовых работать Ленину в гораздо большей степени подходил «практик» типа Сталина. Эта оценка подтвердилась всей деятельностью Сталина в последующее пятилетие.

Революция 1905 года была стихийным взрывом и, что Ленин неизменно считал характерным для стихийного подъема, закончилась неудачей. Последующие 1907—1912 гг. являют собой период контрреволюции, когда Ленину и другим лидерам российской социал-демократии пришлось снова отправиться в Европу в изгнание, а число членов социал-демократической партии России катастрофически упало по сравнению с периодом революции.

В Санкт-Петербурге, например, число членов партии упало с 8 000 в 1907 г. до 300 в 1909 г.— когда Сталин приезжал в столицу. Однако Баку, где Сталин обосновался с осени 1907 г. в качестве одного из членов местного комитета партии большевиков, оставался единственным местом во всей России, где все-таки, пусть конспиративно, но продолжало успешно действовать большевистское подполье. Стремительно развивавшаяся нефтяная промышленность с массой обслуживающих ее и плохо оплачиваемых рабочих, создавала широкое поле для агитации, однако от ее организаторов требовалось большое умение, чтобы убедить горячих представителей различных народностей и вероисповеданий объединиться в борьбе за общие права.

Выборы в Думу, на сей раз в III Думу с весьма ограниченным составом избирателей, были двухступенчатыми. Во всех округах страны каждое сословие голосовало порознь и выбирало делегатов, последние, в свою очередь выбирали депутата от своего округа. В Баку комитет большевистской партии обеспечил продвижение рабочих делегатов, являвшихся членами партии большевиков, опередив меньшевиков и эсеров. Сталин составил «Наказ бакинских рабочих своему депутату», который затем стал образцом парламентской тактики большевиков, следуя девизу Ленина, что Думу надо использовать как платформу для революционной агитации, пусть даже не удастся в условиях самодержавия провести сколько-нибудь серьезные реформы.

После выборов Сталин и другие члены бакинской группы занялись трудовыми конфликтами, убеждая рабочих-нефтяников объединиться в свой союз, а предпринимателей признать такой союз единственным посредником, представляющим интересы 50 000 бакинских рабочих. В то время как меньшевики и эсеры призывали к бойкоту подобных переговоров, группа большевиков вела их на протяжении нескольких месяцев, сражаясь за каждый пункт коллективного договора, который в конце концов был заключен, и агитируя рабочих при необходимости устраивать забастовку и использовать митинги как еще одну платформу пропаганды большевистских идей. Нигде больше в России не происходило ничего подобного, и Ленин в восторге восклицал: «Последние могикане массовой политической стачки!»

Теперь уже Сталин и писал, и говорил не по-грузински, а по-русски — таков был очередной этап его русификации, он регулярно посылал Ленину копии своих статей в легальных листках большевистских профсоюзов, в нелегально издаваемой газете «Бакинский пролетарий», редактором которой он был. При том, что опусы Сталина выдающихся мыслей не содержали, Ленина в них восхищало соеди-

нение четкости изложения с безграничной преданностью большевистской идее. Даже когда Сталин вместе с другими членами Бакинского совета был арестован, все равно из заключения передавались и печатались его обзоры текущих событий и указы рабочим.

29 сентября 1908 г. Сталина приговорили к двум годам ссылки в Сольвычегорск Вологодской губернии, впоследствии на этом месте, недалеко от города Котласа, находился самый большой лагерь заключенных. Хрущев приводит любопытные воспоминания Сталина о его пребывании там:

«Во время первой ссылки, — любил рассказывать Сталин, — я познакомился с хорошими ребятами из уголовников. Обычно я с ними и общался. Помню, останавливались с ними у трактира. Выясняли, у кого есть рубль или два, совали деньги в окно, брали питье и пропивали все до копейки. Сегодня я плачу, завтра он; и так по очереди. Славные парни были эти уголовники, таких редко встретишь. А среди политических много всякой сволочи было. Организовали раз товарищеский суд, меня судить, за то, что ты с уголовниками, будто бы это проступок какой».

Пробыв полтора года в заключении и ссылке, Сталин бежал оттуда и снова тайно возник в Баку в июле 1909 г. К тому времени даже в этой крепости большевиков революционный порыв спал, партийная казна опустела, а «Бакинский пролетарий» уже год как не выходил. Первый же номер, который Сталину с трудом удалось по возвращении выпустить, содержал статью, где он без прикрас излагал анализ кризиса в партии:

«Партия страдает не только оторванностью от масс... Петербург не знает, что делается на Кавказе, Кавказ не знает, что делается на Урале... Строго говоря, нет уже фактически той единой, живущей общей жизнью, партии, о которой мы все с гордостью говорили в пятом-шестом-седьмом годах».

Эмигрантские центры за границей, как большевистские, так и меньшевистские, были одинаково беспомощны из-за отсутствия связей и «оторванности от российской действительности». Сталин не убеждал руководство партии переместиться в Россию, однако призывал Центральный Комитет создать общенациональную газету, которая бы издавалась в России и могла стать центром притяжения всех разрозненных партийных ячеек.

В том же номере газеты Сталин опубликовал резкую критику бакинского комитета, упрекающего Ленина, в растраче времени на идеологические разногласия по вопросу пересмотра некоторых понятий диалектического материализма, чем способствует расколу большевистской фракции. В данном случае Сталин критиковал Ленина, однако в своих «Письмах с Кавказа», написанных в конце

1909 г. для газеты «Социал-демократ» (публиковавшейся в Париже и Женеве объединенной редколлегией большевиков и меньшевиков), Сталин явно остается верным сподвижником Ленина во взглядах на стратегию и тактику деятельности партии. Единственное, чего добивался Сталин, — напомнить Ленину о реальных задачах подготовки к последующей фазе революционной борьбы, которая, по мнению Сталина, была готова вот-вот начаться.

Во время подготовки ко всеобщей стачке рабочих-нефтяников в марте 1910 г. Сталин был вновь арестован. Ему шел тогда тридцатый год. Оказавшись снова на свободе летом 1911 года, Сталин больше не возвращается ни в Баку, ни вообще на Кавказ, и в дальнейшем навещался туда лишь эпизодически и ненадолго. Все же два, пусть неполных года, проведенных им в Баку в 1907—1910 гг. впоследствии открыли ему путь в центральные органы партии.

V

Ленин решил оставить надежды на шаткий мир с остальными фракциями социал-демократической партии и пошел на окончательный разрыв с меньшевиками и с теми из большевиков, кто не желал видеть его руководителем партии, — а название и авторитет партии присвоить своей группе. На Пражской партийной конференции, которая состоялась в январе 1912 года, Ленин объединил всех, кому, как ему казалось, можно доверять, и предложил список кандидатов в члены нового ЦК. В этом списке стояло и имя Сталина, который на конференции не присутствовал, он был в ссылке, но его не выбрали. Однако Ленин настоял на своем и убедил членов уже избранного Центрального Комитета кооптировать Сталина в его состав.

Ленин порвал с эмигрантской интеллигенцией, куда входили такие личности, как Троцкий, Каменев и Бухарин, кому впоследствии предстояло сыграть, совместно с Лениным, ведущие роли в организации Советского Союза, а также лидерами меньшевиков — Мартовым и Даном. Единственный, с кем он не порвал, был Зиновьев, молодой революционер, сын еврея-молочника, а до своей эмиграции, где он и примкнул к Ленину, служащий конторы и учитель. В изгнании Зиновьев сумел так высоко зарекомендовать себя в глазах Ленина, что сделался одним из главных его сподвижников. В поисках остальных членов Центрального Комитета Ленин обратился к практикам подполья. Из них двое — Сталин и Г. К. Орджоникидзе были членами Бакинского комитета. Последний — грузин, как и Сталин был избран Лениным для учебы в партийной школе в Лонжюмо под Парижем в 1911 году, а потом отправлен на родину, чтобы создать в России оргкоми-

тет партии. В дальнейшем Орджоникидзе также сыграл важнейшую роль в жизни страны, став в годы сталинской индустриализации наркомом тяжелой промышленности. Позже, войдя в конфликт со Сталиным, в 1937 г. Орджоникидзе застрелился.

В 1912 году Сталин, Орджоникидзе и еще один член бакинского комитета вошли в бюро, состоявшее из четырех человек, которое должно было направлять партийную деятельность в самой России. Сталин в своем письме из ссылки в декабре 1910 г., зная, что оно дойдет до Ленина, предлагал учредить такое бюро. Он постарался не оставить в этом письме и намека на критику в адрес Ленина, чтобы ничто не помешало ему стать кандидатом в члены бюро, и снова уверял Ленина в своей поддержке, говоря о нем в выражениях, интеллигентному человеку не свойственных: «... он мужик умный и знает, где раки зимуют».

Впоследствии советская печать из подхалима представляла его тогдашнее возвышение таким образом, что Сталин выглядел ближайшим соратником Ленина после разрыва с меньшевиками. Но это было далеко не так. Руководство партии сделалось в тот период гораздо малочисленней и в рядах его членов наблюдалась непрекращавшаяся текучесть. Сталин активно занимался делами партии всего лишь год из пяти с 1912 до начала Октябрьской революции, а остальное время он был оторван от партии, находясь в сибирской ссылке.

Возвышение Сталина не означало радикального изменения его положения в партии, просто это был для него первый небольшой шанс показать, на что он способен, а также сделать так, чтобы его узнали прочие руководители большевизма. Прослышав о своей кооптации в состав ЦК, Сталин не замедлил бежать из ссылки. Если он хотел сохранить свое положение, надо было торопиться оправдать доверие Ленина. Сталин сумел дважды добиться успеха до и после своего очередного пятимесячного заключения. Первое — издать первый номер «Правды», органа партии, начавшего выходить в России по его же предложению; второе — организовать выборы депутатов — большевиков в IV Государственную думу.

Из прошедших в Думу 13 социал-демократов шестеро были большевики, а семеро — меньшевики. В Кракове, на оккупированной Австрией территории Польши, неподалеку от российской границы Ленин в январе 1913 года создал конференцию депутатов-большевиков и ЦК партии. Он хотел разорвать тесные связи, существовавшие между депутатами обеих партий в III Думе. Однако среди выбранных от рабочих преобладало осязаемое стремление к единству, потому Ленин скрепя сердце вынужден был конфронтацию с меньшевиками отложить. Осуждая Сталина за

его нежелание следовать за собой в этом вопросе, Ленин вместе с тем интересом общался с ним, поражаясь осведомленности этого грузина в сложнейших взаимосвязях между кавказскими народностями. Это был тот практический опыт, который было бы весьма кстати по совету Ленина изложить в очерке, посвященным важнейшим проблемам национальной политики российских социал-демократов, на примере не только кавказских народностей, но учитывая также и интересы поляков, украинцев, евреев, латышей и других народов России. Ленин предложил Сталину поехать в Вену, чтобы познакомиться с разработанной австрийскими социалистами программой разрешения национального вопроса в Империи Габсбургов, — с тем самым аспектом деятельности австрийской социал-демократии, что с такой силой восстановил Гитлера против ее руководства.

Предложение Ленина было лестным; впервые Сталину выпадала возможность внести свою лепту в построение теоретической основы социал-демократии, что неизменно считалось прерогативой только партийной интеллигенции и сделать это под руководством самого Ленина.

Вот так Сталин направился в Вену, где в январе—феврале 1913 г. пробыл примерно месяц. Это было самое длительное в его жизни пребывание за границей. Следующей поездкой стал его визит в Тегеран для встречи с Черчиллем и Рузвельтом в 1943 году. Когда Сталин поехал в Вену, Гитлер еще находился в столице Австро-Венгрии, и Сталин вполне мог столкнуться с ним где-нибудь в уличной толпе. Как бы то ни было, но с двумя людьми, кого он впоследствии уничтожит, Сталин в Вене встречался точно — с Бухариным и с Троцким. Первый всячески опекал приезжего, знавшего по-немецки всего несколько фраз, помогал ориентироваться в чужом городе. Второй же, всецело занятый своей страстной полемикой с Лениным, едва удостоил вниманием его неуклюжего протеза, запомнив только «злбный огонек» в «желтых глазах».

Ленин был в восторге от собранного Сталиным материала, в особенности ему понравилось то, что Сталин отказался от австро-марксистской концепции «национально-культурной автономии». Главным авторитетом по национальному вопросу был у руководителей австрийской демократии Отто Бауэр (1881—1938). В условиях смешения национальностей в пределах империи Габсбургов, что осложнялось наличием местностей, где говорили на смеси нескольких языков, а также постоянной миграцией в города, Бауэр подметил территориальную основу всякой национальности «личностным» принципом, гласившим, что каждый гражданин, где бы ни проживал, вправе сам определять свою национальную принадлежность. Каждая

нация может создавать собственные организации и институты для развития своей национальной культуры. Основой государства и его управления должны явиться органы национального самоуправления.

Сталин считал, что подобная концепция в условиях России нереальна, ибо поставит перед революционным правительством неразрешимые проблемы. Не дело социал-демократии, писал он, «хранить и развивать национальные свойства народов» — что как раз являлось одной из задач программы австрийской социал-демократии; их забота — организовать пролетариат для классовой борьбы. Правильным решением национального вопроса в России Сталин считал предоставление национальным меньшинствам каждого региона права пользования собственным языком и обучения детей в национальных школах, но при этом рабочие всех национальностей должны объединяться в единой интегрированной партии и не как члены разрозненных наций, но как представители единого класса. Ленин писал Каменеву: «Статья очень хороша!», и в разговоре с Горьким называл ее автора «чудесным грузином».

Эта работа Сталина, созданная им, вероятно, не без помощи Ленина, была опубликована в трех номерах журнала «Просвещение» под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» и подписана К. (т. е. «Коба») «Сталин» — что означало «человек из стали» впечатляющий новый псевдоним. Работа эта не только повысила авторитет Сталина в партии (тем самым усилил его самонепие), будучи напечатана в ведущем теоретическом органе, но и завоевала ему репутацию специалиста в национальном вопросе, послужив основанием для его назначения через пять лет на должность наркома по делам национальностей в большевистском правительстве.

Через неделю после возвращения в Санкт-Петербург Сталин вновь был арестован. Его выдал один из членов ЦК, представитель большевиков в московской Думе Роман Малиновский, который уже давно служил агентом царской охраны и тайно доносил о деятельности партии, кстати, пользуясь особым доверием Ленина. Сталин был приговорен к четырехгодичной ссылке в одно из самых отдаленных поселений для ссыльных в северной Сибири — в Енисейско-Туруханский край, территорию размером с Шотландию и с населением 12 000 человек, разбросанным по крохотным поселкам, отстоящим друг от друга на сотни миль. В Заполярье зимой температура достигает—40 по Цельсию, а долгая полярная зима длится до девяти месяцев. Лето с его «белыми ночами» чревато нашествием комаров и тоже особо не радует. В мерзлой земле здесь ничего не родится, и местные жители пролавляются охотой и рыбной ловлей. Побег оттуда был практически невозможен, даже на санях полтора месяца добираться до

транссибирской железной дороги, идущей через Красноярск. Неудивительно, что подобное однообразие, одиночество и трудности подрывали умственное и физическое здоровье многих ссыльных.

Сталин был крепок и устоял. С прочими ссыльными он общался мало — всего их было там 350 человек. Свердлов, его единомышленник по большевистской партии, какое-то время квартировавший вместе со Сталиным, съехал от него, написав жене, что его товарищ «невыносим в личном общении. Нам пришлось расстаться и общение прекратить». Случайных знакомств Сталин не заводил, держался особняком, большую часть времени рыбачил, ставил копанки на зверя, читал, курил свою трубку. Семейство Аллилуевых, с которым он был знаком еще с Кавказа, а на одной из дочерей впоследствии был женат, послало ему посылку с оказией: благодарственное письмо Сталина в ответ явилось одним из немногих проявлений человечности в те годы мрачного уединения. Сталин просил Аллилуева прислать ему почтовых открыток с пейзажами:

«В этом богом проклятом краю природа такая застывшая и неприглядная: летом — река, зимой — снег... Не на чем глазу отдохнуть. Потому у меня идиотское желание увидеть хоть какой-нибудь пейзаж, пусть даже на бумаге».

Должно быть, Сталин тяжело переживал свой отход от политической деятельности как раз в тот момент, когда он начал работать в непосредственной близости с Лениным. Оказавшемуся затворником в такой дали посреди полярных снегов, куда газеты и письма шли целые месяцы, Сталину с превеликим трудом удавалось следить за событиями в мире.

Внезапное начало первой мировой войны внесло сумятицу в ряды европейского социализма и разрушило II Интернационал, федерацию социалистических партий, основанную в 1889 году. Ленину надоело убеждать социалистов, сторонников войны или тех, кто объявлял себя пацифистами. Он призвал ответить на войну революцией и «превратить империалистическую войну в гражданскую», открыто приняв лозунг поражения царизма. Поражение царизма явилось бы прелюдией к революции, — как на самом деле и произошло.

Рассказывают, что Сталин, добыв откуда-то экземпляр тезисов Ленина о войне, читал их группе ссыльных. В июле 1915 г. он предпринял нелегкий путь в другие поселения, чтобы привлечь прочих ссыльных лидеров большевизма к обсуждению ленинской позиции в отношении войны и ориентировании большевистской фракции в Думе на поддержку этой позиции. Однако сам Сталин четыре года ничего не писал и, казалось, дискуссии по принципиальным вопросам его уже либо не интересовали совсем, либо ин-

тересовали мало, поскольку он был слишком удален от основных событий. В 1916 г. он был препровожден в Красноярск на медицинский осмотр, где был признан негодным для прохождения военной службы по причине увечности левой руки. Вместо того, чтобы отправить его обратно к северным льдам, местное начальство позволило Сталину отбыть остаток срока в близлежащем городке Ачинске, находящемся на транссибирской магистрали, откуда до Петрограда поездом было всего четыре дня езды. Когда в 1917 г. разразилась Февральская революция, царь был низвержен и образовалось временное правительство, Сталин совместно с группой политзаключенных, направив Ленину телеграмму «с братскими поздравлениями», ринулся в столицу, куда и прибыл 12 марта. Оказавшись опять в центре событий, Сталин и Каменев также вернувшийся из ссылки, взяли на себя издание «Правды» и осуществляли руководство над большевистской партией почти целый месяц, до тех пор пока не возвратился из Швейцарии Ленин.

VI

Как для Сталина, так и для Гитлера война стала решающим фактором появления новых политических перспектив, которые при прочих обстоятельствах могли бы и не открыться. Однако воздействие войны на дальнейшую судьбу каждого из этих людей было весьма различным. Казалось бы, годы, проведенные Сталиным в ссылке, прошли для него впустую. Но значение этих лет стоит искать в том воздействии, которые они несомненно оказали на него душевное развитие. Еще один из ссыльных В. И. Иванов, крайне изумленный отказом Сталина помириться со Свердловым, писал: «Джугашвили оставался таким же, как и прежде, гордецом, все так же был погружен в себя, в свои думы и планы». Вследствие тех лет в Сталине еще более усугубились природная суровость, отсутствие человечности и поразительная подозрительность уже присущая его характеру, уже зарождалась в нем, сосуществовая с самозащищенностью и способностью то сдерживать, то поджигать позыв к властолюбию. А для Гитлера война, как он впоследствии вспоминал, была «величайшим из всех пережитых событий».

В июне 1913 года, когда Сталин держал свой путь в заполянную ссылку, Гитлер, покидает Вену и перебирается в Мюнхен. Версия, что он отправился туда, чтобы избежать службы в армии, не позаботившись встать на военный учет, не представляется убедительной. Гитлер своих намерений не скрывал и известил приятелей по Мужскому приюту, что собирается обратиться с прошением о зачислении его в Мюнхенскую академию художеств.

«Буквально с первого же момента...» — писал он в «Майн

камф», — меня пленил этот город, как ни один другой. «Вот истинно немецкий город! — сказал я себе. Как непохож он на Вену... на этот Вавилон наций».

Гитлер, как и положено, зарегистрировался в мюнхенской полиции, назвавшись «художником и литератором», однако не приложил ни малейших усилий, чтобы попасть в академию. Как и оставил без внимания то обстоятельство, что в те годы Мюнхен являлся самым оживленным городом Германии, оплотом искусств, привлекавшим множество художников, философов, писателей и прочих представителей «свободных профессий», несших в себе протест против затхлой атмосферы буржуазной и официальной Германии. Весь город, а в особенности северный его район Швабинг, превратился в самобытнейший центр притяжения современных течений в искусстве, привлекая к себе всевозможных представителей смелого экспериментаторства не только в интеллектуальной сфере и искусстве, но и в области политики, причем, как правых, так и левых. Однако художник-неудачник Гитлер держался поодаль от той самой питательной среды, куда свободно мог окунуться всякий желающий. Гитлер жил теперь еще более замкнуто, чем в Вене, не общался почти ни с кем, кроме семейства, у которого квартировал, и продолжал писать в прежней жестко академической манере архитектурные пейзажи, продажей их зарабатывая себе на жизнь, а прочее время посвящал чтению — либо в библиотеке, либо у себя в комнатухе, изредка участвуя в спорах недовольных посетителей кафе.

По словам самого Гитлера, он все глубже штудировал марксизм, «эту науку разрушения», и изучал связь марксизма с еврейством. Гитлера все более и более возмущало та безмятежность, с которой в Германии воспринимали исходящую от марксизма и еврейства опасность. Равным образом его возмущал альянс Германии с империей Габсбургов и неспособность правительства осознать, что последняя перестала быть немецким государством и что обстоятельства, связанные с этим, в случае войны потянут Германию на дно. С этих философских высот Гитлер внезапно был сброшен на землю, когда полиция арестовала его за уклонение от военной службы в Австрии и ему было приказано немедленно возвратиться в Линц для исполнения воинского долга. В страхе юный Адольф направил прошение о снисхождении, сославшись на свое бедственное положение, а также правовую неосведомленность, и ему удалось так разжалобить генерального консула Австрии, что тот в конце концов признал Гитлера «не годным к несению боевой и вспомогательной службы по причине слабого здоровья, не способным носить оружие» и разрешил ему явиться в Зальцбург вместо Линца.

Через полгода, однако, после убийство в Сараево эрц-

герцога Фердинанда, Гитлер с воодушевлением встретил известие о том, что Германия и Австро-Венгрия совместно объявили войну Сербии и России. На известной фотографии (снятой Генрихом Гофманом, впоследствии официальным фотографом Гитлера) мы видим Гитлера в толпе на Одеонплац, приветствующей объявление войны. Начало войны для Гитлера, как и для миллионов его соотечественников, означало освобождение от повседневного однообразия — а для Гитлера еще и бесцельного существования. Начало августа 1914 г. было ознаменовано беспрецедентным взрывом национального единства, забываемого для всех, кто это пережил, экзальтированного духа патриотизма, выразившихся в словах кайзера, обращенных к народу, собравшемуся на Дворцовой площади в Берлине: нет больше партий, как нет и классов, а есть «только братья-немцы».

Гитлер не просто разделял это всеобщее ликование, он ощутил и внутреннее чувство свободы после стольких лет жизненных неудач.

«Для меня этот момент стал избавлением от страданий, омрачивших мои молодые годы... Я опустился на колени и возблагодарил небеса за предоставленное мне счастье жить в такое время».

Гитлер сразу же записался добровольцем в армию и был вне себя от радости, узнав, что зачислен в германские войска. После двухмесячной военной подготовки 16-й Баварский резервный пехотный полк, куда он был назначен, получил приказ отправиться на Западный фронт. Полк прибыл туда прямо к тяжелейшему первому сражению за Ипр. Битва произошла в октябре 1914 г., и с тех пор в течение двух лет Гитлер практически все время находился на передовой или вблизи нее. Вплоть до своего ранения в октябре 1916 г. он не возвращался в Германию и не брал отпуска домой до самого октября 1917 г.

Гитлер, несомненно, был хорошим солдатом, был свидетелем многих боев, был участником более тридцати сражений на Западном фронте в период 1914—1918 гг. Он служил в полку связным и доставлял донесения, когда прочие средства связи выходили из строя, что нередко случается на войне. Это было сопряжено с опасностью, но такая работа Гитлеру подходила, поскольку он привык действовать в одиночку. Он бывал ранен и много раз находился на волоске от гибели, однако его отвага и хладнокровие были признаны образцовыми, когда его представили к Железному кресту I степени.

Для большинства людей личное соприкосновение с кошмарами войны несет в себе крушение прежних надежд. Но не таков был Гитлер. Он по-прежнему оставался сверхпатриотом, не жаловался на трудности и опасности, обладал повышенным чувством долга, раздражая своих товарищей

по оружию бесконечными разглагольствованиями в духе агитационных плакатов для новобранцев. «Была среди нас одна белая ворона, мы чествуем войну на чем свет стоит, а этот — наоборот». Нельзя сказать, чтобы Гитлера чурались, товарищем он считался неплохим, но он по-прежнему держался подалеже от других, отказывался от побывки, не проявлял интереса к женщинам, не пил, не курил. Кто бы ни вспоминал о Гитлере в армии, неизменно отмечал в нем какую-то странность. Несомненно, именно это обстоятельство и послужило причиной того, что Гитлер так и не был поднят выше ефрейтора. Его начальство не прочь было представить его к наградам, но считало, что ему недостает командирских качеств даже для унтер-офицера.

В свете вышеизложенного может показаться парадоксальным, что Гитлер при этом так высоко превозносил фронтную дружбу. Однако, как отмечает Иоахим Фест, именно в ней Гитлер обрел «то человеческое взаимодействие, которое как нельзя лучше подходило его натуре».

На протяжении всей своей жизни Гитлер так и не смог обрести близких друзей. Казармы и окопы составляли для него «ту социальную среду, которая одновременно отвечала и его мизантропической отчужденности, и его стремлению к контакту. По своей обезличенности армейская жизнь напоминала пребывание в Мужском приюте». Однако на войне Гитлер чувствовал себя частью судьбы гораздо более значительной — воссоединения с армией, с народом, что одновременно и низводило ценность жизни до минимума и придавало особую значимость каждой судьбе индивидуума, вовлеченного в этот процесс.

Вена дала возможность Гитлеру испытать страх человека, перед перспективой стать люмпеном. Война открыла ему иное: отождествление личности с *volk**, необходимость ради этого жертвовать жизнью и этот принцип Гитлер сделал ядром своей политической программы. Не будучи более обречен на бесцельное и одинокое существование, испытанное в годы венского периода и в Мюнхене, Гитлер с готовностью подчинялся армейской дисциплине, наслаждаясь ощущением защищенности, которое было следствием того, что стал захватившего все его существование и подчиненного единственной цели — уничтожить врагов Германии. Война превратила мир юношеских фантазий в реальность, и Гитлер испытывал гордость и воодушевление, видя себя в роли героя, «готового умереть за Отечество»:

«В детстве и в юности я часто мечтал о возможности доказать, что мое национальное чувство не просто слова... Подобно миллионам соотечественников я испытывал радость и гордость оттого, что мне дано пройти через это

* Перевод слова *volk* — народ, люди не точен.

суровейшее испытание... Для меня, как и для каждого немца, именно с этого момента начался самый великий, самый незабываемый период в моей жизни».

То были фронтовые переживания, те уникальные условия жизни, которые вместе с Гитлером делили другие бойцы передовой линии фронта, те самые *Frontkämpfer* (фронтовики), которые сыграют затем столь значительную роль в создании нацистской партии.

Но война дала Гитлеру еще и возможность проверить на деле веру в борьбу и жестокость, которые Гитлер начал возвеличивать как высший закон человеческой жизни. То, что Гитлер изо дня в день видел смерть и разрушения в самых кошмарных формах, не только не отвратило его от этой веры, а, наоборот, укрепило в ней; более того, все что он видел, доставляло Гитлеру глубокое моральное удовлетворение. Нигде — ни в том, что он писал о войне в «*Майн кампф*», ни в его выступлениях, ни в застольных беседах Гитлер никогда не высказывал характерных для большинства солдат, просидевших в окопах, горечи и боли при виде множества загубленных человеческих жизней, разрушений всех форм цивилизации — городов, деревень, зданий и каждого ростка органической жизни. Реакцией Гитлера была гордость тем, что опыт войны не только закалил его тело, но и укрепил дух*, что он не дрогнул и из зеленого юнца превратился в ветерана, стойкого к любым потрясениям, глухого к любым призывам о милосердии и сострадании. «Война, — заявлял Гитлер, — для мужчины то же, что роды для женщины», демонстрируя собственную неспособность отличить смерть от жизни; однако это изречение, будучи неоднократно им повторяемо в контексте образов насилия, ненависти и разрушения, вызывало в массах весьма осязаемый отклик, чего многие долго не хотели признавать. И отказ Гитлера от положенного отпуска, и его постоянные воспоминания о войне, как о самых счастливых годах в его жизни, как о величайшем жизненном опыте, — все это свидетельства его восторга при виде разрушений, что в годы второй мировой войны превратилось в нем во всепоглощающую страсть, уже не знавшую предела после нападения на Россию.

Без фронта Гитлер не мыслил жизни. Когда военные действия перевалили за второй и за третий год, патристическое сплочение и энтузиазм, характерные для первых месяцев войны, уступили место разочарованиям, жалобам на нехватку продуктов, появлению черного рынка и рождению социальных и политических разногласий. На-

* Одна из немногочисленных книг, на которую Гитлер ссылается особо, утверждая, что носил ее с собой в солдатском мешке, была книга А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», оказавшая также большое влияние на Вагнера.

ходясь зимой 1916—1917 гг. в госпитале по случаю ранения, Гитлер клеймил как предателей, попадавших в тылу жуликов и спекулянтов, уклонявшихся от воинской обязанности. Мюнхен тоже оказался неузнаваем, а настроения солдат из резервного батальона Гитлер считал недостоинными. Он попросил разрешения вернуться на фронт, объявив, что отныне домом ему является родной полк. Его просьба была удовлетворена, и в марте 1917 г., как раз когда Сталин вернулся из ссылки в Петроград, Гитлер возвращается во Фландрию вне себя от радости, что поспел к весеннему наступлению. В битве за Аррас весной 1917 года и в третьей битве под Ипром тем же летом его полк понес огромные потери. В августе те, кто остался в живых, были отправлены в госпиталь в Эльзасе, и до конца года им практически участвовать в боях не пришлось.

1917 год придал германской армии два мощных стимула: крах Российской империи и прорыв австрийцев на итальянском фронте. Однако зима 1917—1918 гг. явилась испытанием боевого духа всех сражающихся армий, в Германии это проявилось в катастрофической нехватке продовольствия и в призыве к массовой забастовке, которая вывела на улицу в январе 1918 г. 400 000 берлинских рабочих. Узнав о подобном «ударе в спину», Гитлер пришел в ярость, однако в марте 1918 г. вновь обрел надежду, когда революционное правительство России приняло, наконец, условия мира, продиктованные Германией. Война на Восточном фронте закончилась, и верховное командование германских войск сконцентрировало теперь основные силы на Западе. Меньше чем через три недели после подписания Брест-литовского мирного договора 21 марта 1918 г. Людендорф предпринял серию наступлений во Франции, которые заставили отступить англо-французские войска, а германская армия оказалась в сорока милях от Парижа.

Полк Гитлера участвовал во всех операциях этого четырехмесячного наступления: на Сомме, на Энне и на Марне. Боевой дух Гитлера переживал в эту пору свои золотые дни. К концу весны у него не оставалось сомнений, что победа близка, а 4 августа он был награжден Железным Крестом I степени «За личную отвагу и боевые заслуги». Ефрейторы в германской армии не часто удостоивались подобных наград, и Гитлер до конца дней с гордостью носил Железный Крест.

Вместе с тем силы германской армии были на исходе. Впоследствии Людендорф назовет контрнаступление британцев, 8 августа прорвавшихся сквозь германские передовые близ Амьена, «черным днем германской армии». Однако последовавшая в августе — сентябре полная перемена обстановки на фронте, а также тот факт, что германское верховное командование запросило мира — все это было скрыто от немецких граждан.

Это скрывалось даже от армии, которая хоть и отступала, но сохраняла порядок и к концу войны все еще продолжала находиться за пределами границ Германии. Лишь 2 октября партийным лидерам в рейхстаге было объявлено, что они близки, но не к победе, а к поражению.

Для большинства немцев удар был столь неожидан, что они даже не сумели сообразить, что, собственно, произошло. Для Гитлера же это был удар вдвойне, если вспомнить о том восторге, радости и чувстве избавления, которые принесла ему война. После долгих неудач и разочарований наконец-то он обрел цель и смысл жизни, став солдатом германской армии. Теперь как бы в мгновение ока весь мир для него рухнул, и все, во что Гитлер так верил, кануло в небытие.

В середине октября Гитлер пережил газовую атаку англичан. Временно утратив зрение, он находился в госпитале в Пазевальке, как вдруг туда пришло известие: сначала о восстании на германских кораблях, затем об учреждении Советов рабочих и солдатских депутатов и наконец — о революции. А 10 ноября до Гитлера дошли вести, что кайзер отрекся от престола, Германия провозглашена республикой и уже на следующий день новому правительству предстояло принять условия перемирия, предложенные Антантой.

Описывая позднее чувства, переполнявшие его в тот момент, Гитлер утверждал, что именно тогда, в ту самую минуту в госпитале в Пазевальке он принял решение посвятить себя политике и отдать все силы идее реванша за поражение Германии. По существу, большую часть следующего года он день за днем проводил в бездеятельности, не определив ясных планов на будущее, и к политике обратился лишь через некоторое время, найдя выход для своей столь долго хранившейся под спудом энергии. Все же не вызывает сомнений, что и удар, вызванный поражением Германии в войне, и происшедшая затем в стране революция способствовали выкристаллизовыванию в нем этого решения и явились затем постоянным контекстом всей его последующей деятельности.

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. НОЯБРЬСКИЙ ПУТЧ

Сталин: 1917—1918
(в возрасте от 37 до 39 лет)

Гитлер: 1918—1923
(в возрасте от 29 до 34 лет)

I

Как и начало революции 1905 г., начало февральской революции 1917 г. также застало русских революционеров врасплох. Примерно за месяц до этого Троцкий, в отчаянии от развития событий в Европе, отбыл в Америку, а в январе, обращаясь к молодым социалистам Швейцарии, Ленин заявил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». Февраль 1917 года был не более стихийным, чем впоследствии Октябрь. Октябрьская революция была государственным переворотом, а ее предшественница, февральская революция, внезапным падением царизма, который, хоть и просуществовал более трех столетий, оказался неспособным справиться с затянувшимися экономическими и социальными трудностями, обострившимися и сделавшимися невыносимыми под влиянием проигранной войны. Когда рухнула власть старого режима, возник вакуум, который был сразу же заполнен мятежными солдатами, требовавшими прекратить войну. Фабричными рабочими, требовавшими работы и хлеба и крестьянами, требовавшими земли. Как и в 1905 году, толчком к выступлению всех этих сил послужила не деятельность революционеров-конspirаторов, а отданный войскам приказ стрелять по мирной демонстрации в Петрограде, что на сей раз привело к солдатскому бунту. Мятеж мгновенно охватил весь столичный гарнизон, а правительство оказалось неспособным восстановить порядок.

В последующей сумятице стали обретать власть два самозванных центра. Первым стал созданный по образу и подобию советов 1905 года, Петроградский Совет, на сей раз включавший как рабочих, так и солдатских депутатов, исполнительный комитет которого предпринял меры для организации продовольственного снабжения, а также начал мобилизацию в ряды рабочей милиции, создаваемой в противовес царской полиции. Вторым таким центром явился Временный комитет членов Государственной Думы.

Когда царь отрекся от престола, а преемника не нашлось, в образовавшемся безвластии русский народ, впервые за всю свою историю, наслаждался политической свободой, лишь условно сдерживаемой шаткой властью Временного комитета и Петроградского Совета, противостоящих друг другу.

Оба эти центра в спешном порядке достигли согласия о необходимости учреждения временного правительства, программа которого обещала даровать немедленную амнистию политическим заключенным, свободу слова, собраний и прочие демократические свободы, а также провести всеобщие и прямые выборы в Учредительное собрание, которое выработает новую демократическую конституцию России. Социалистические партии — социалисты-революционеры и обе марксистские социал-демократические партии меньшевиков и большевиков отказались от участия в новом правительстве, полагая, что при нынешней свободе действий им следует продолжать оказывать извне давление на правительство, чтобы осуществить демократическую программу и начать мирные переговоры на фронте.

Это означало, что временное правительство могло проводить в жизнь свои декреты лишь с согласия Советов, поскольку рабочие и солдатские депутаты держали под контролем реальные рычаги власти — армию, железные дороги и телеграф. С другой стороны, Петроградскому Совету не возбранялось и самому издавать свои декреты. В день, когда Совет согласился на создание Временного правительства без всякой консультации с последним, он издал Декрет № 1, уполномочивавший выборные комитеты в Петроградских казармах распределять оружие, а также упразднявший традиционную военную дисциплину. Намеренно или нет, но этот декрет был распространен на все армейские комитеты и явился главным фактором разложения российской армии на германском фронте.

Разобщенные революционные партии были застигнуты этими действиями врасплох. Они не могли прийти к единству ни в отношении к Временному правительству, ни в отношении к Советам, распространившимся по всей стране, ни в вопросе о мирных переговорах, ни в подходе к объединению всех радикально настроенных сил страны. Вплоть до осени длилась эта неразбериха, когда в условиях растущей анархии и продолжавшейся войны в стране отсутствовала реальная власть.

Вопреки позднейшей версии большевики до августа 1917 г. играли весьма незначительную роль в развитии революционных событий. Накануне февральской революции их партия насчитывала менее 25 000 членов и хоть вскоре вслед за этими событиями число членов партии большевиков возросло, большевики по-прежнему имели значительно меньшую поддержку в массах, чем их полити-

ческие противники — меньшевики и эсеры, партии, доминировавшие в Советах. И все же между позицией большевиков в революционных событиях 1905 года, в которых они также играли незначительную роль, и в событиях 1917 года была некоторая разница. Она состояла в том, что на сей раз Ленин точно знал, как направить революционное движение, чтобы не дать ему завершиться безрезультатно.

Ни Ленин с большевиками, ни прочие социалистические партии не являлись «творцами» революции; они не вызвали к жизни ни исконное недовольство крестьян состоянием вопроса о земле, ни возникшую позже ненависть рабочих к своим эксплуататорам, ни усталость, вызванную войной в армии и народе. Однако, если прочие партии оказались не способны решительно реагировать на причины брожения масс, Ленин гениально определил новые лозунги — мир, земля, хлеб, рабочий контроль, — «чтобы преобразовать недовольство в революционную энергию».

Однако Ленин все еще находился за границей, досадуя на свою вынужденную бездеятельность и на то, что война и восточный фронт лишают его связи с Россией. И только когда немецкая сторона (в надежде снизить российский боевой дух) согласилась пропустить его вместе с другими революционерами через территорию Германии в нейтральную Швецию, большевистский вождь смог наконец прибыть 3 апреля на Финляндский вокзал в Петрограде. По прибытии он выдвинул ряд предложений, изумивших не только представителей прочих партий, но и членов его собственной. Однако через полгода этим идеям суждено было стать определяющими в перерастании революционной ситуации в России в Революцию.

За три недели до возвращения Ленина из Сибири в Петроград приезжает и Сталин, поселясь в семействе Аллилуевых. Вернувшийся с Кавказа Сергей Аллилуев жил теперь в Выборгском районе столицы вместе с женой и дочерью. В период революции этот дом явился обиталищем Сталина, здесь также несколько дней укрывался и Ленин.

Участие Сталина в событиях 1917 года было не столь весомо, как это изображалось позднее официальными историками, и далеко не столь значительно, как роль Троцкого и иных его признанных недругов. Вместе со Сталиным из Сибири возвратились еще два ведущих деятеля партии — Муранов и Каменев, и сразу же все трое заняли ответственные посты в Бюро Центрального Комитета партии большевиков, взяв на себя заведывание «Правдой», а также закрепили за собой должности большевистских представителей в исполкоме Петроградского Совета.

Сын инженера-путейца, 34-летний Лев Каменев до активного вовлечения в революционную деятельность долгое время учился в Московском университете. Послед-

ние три года он провел в ссылке и вскоре после возвращения в Москву нашел себе близкого сотоварища в лице Зиновьева, и эта дружба продолжалась вплоть до того времени, когда, оба явившись жертвами сталинских репрессий, они в 20 г. были исключены из партии, а затем, в 1936 г. приговорены к смертной казни. Каменев уже противовопоставил поддержку продолжения войны ленинской тактике «революционного пораженчества» и в короткий период до приезда Ленина в апреле 1917 г. выступал также в поддержку Временного правительства и за объединение с меньшевиками в общую партию.

Сталин, пожалуй, не имел ярко выраженного самостоятельного взгляда на происходившие события. В статьях в «Правде» и в двух своих выступлениях на Всероссийской партийной конференции большевиков, состоявшейся в Петрограде с 27 марта по 4 апреля, он поддержал камневский призыв к объединению. Направленные в «Правду» ленинские «Письма из далека» выявили полную противоположность взглядов Ленина позиции Сталина. Однако Сталин, невзирая на возникшую конфронтацию, продолжал склонять большинство партийной конференции в сторону предварительных переговоров между большевиками и меньшевиками и явился одним из избранных на конференции членов специальной комиссии, уполномоченной проводить эти переговоры.

Ленин поспешил отчетливо выразить свое недовольство. Сразу же по возвращении в Петроград он обрушился с критикой на примирительную позицию Каменева и Сталина: «Что у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали».

Представленные Лениным партийной конференции десять «Апрельских тезисов» исключали всякую мысль об объединении с меньшевиками, а также о поддержке Временного правительства. Отбросив каноническое суждение Маркса о том, что потребуется пройти долгий путь между буржуазно-демократической и социалистической, пролетарской революции, Ленин утверждал, что необходим немедленный переход к социалистической фазе. Он отверг поддержку войны. Отрицал и убеждал, что необходимы: «не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране... устранение полиции, армии, чиновничества... при выборности и сменяемости правительства... конфискация всех помещичьих земель... национализация всех земель в стране, распоряжение землей местными Сов. батр. и крест. депутатов... перемена программы партии... перемена названия партии... обновление Интернационала».

Смелость, с которой Ленин отвергал всякую попытку согласовать события или тактику действий с установленной Марксом схемой, вызвала смятение в партийных рядах

и еще глубже расколола партию. Начнем с того, что большинство прочих лидеров большевизма противостояло Ленину, а иные, как, например, Каменев и Зиновьев, продолжали упорствовать в своем противостоянии вплоть до самого Октябрьского восстания и даже после него. Вместе с тем ленинские аргументы привлекали рядовых членов партии, рабочих и солдат, которых раздражала деятельность партийной интеллигенции, их теоретизирования, поэтому партийные массы поддержали четкую и ясную линию Ленина, направленную на скорейший захват власти. Ленин не считал, что этого можно достичь немедленно: требовалось обеспечить себе надежное большинство в Советах, которое оставалось бы преданным этой единственной цели, готовое осуществить при первой же возможности.

Для Сталина, так же, как и для многих, «Апрельские тезисы» оказались слишком смелыми не только как программа практической деятельности, но и просто для осознания. 6 апреля на заседании русского бюро ЦК он снова выступил против, а когда «Тезисы» были опубликованы в «Правде», соредактором которой Сталин являлся, публикация была дополнена примечанием редакции, где говорилось, что она отражает личную точку зрения Ленина, но не партии. И тем не менее уже до состоявшейся 24 апреля VII партийной конференции большевиков Сталин созрел для того, чтобы принять точку зрения Ленина. Весь этот период он работал бок о бок с Лениным в редакции «Правды» и проявил готовность понять и оценить взгляды старшего по партии, чем и восстановил те дружеские отношения, которые возникли между ним и Лениным еще в 1912 году.

Во время конференции*, на которой присутствовало 150 делегатов от партии, насчитывавшей уже 80 000 членов, Ленин продемонстрировал налаживание отношений со Сталиным тем, что выбрал его на роль защитника собственной позиции, два пункта которой — «Апрельские тезисы» и национальный вопрос — подверглись тогда самой ожесточенной критике. Взамен за эту услугу Сталина Ленин не преминул предложить его кандидатуру в качестве одного из четырех членов Политбюро ЦК.

Создавая свое окружение, Ленин видел в нем и Сталина, в ком его привлекали некоторые качества, перечисленные

* Череда бесконечных конференций и съездов, происходивших в Петрограде в течение 1917 года, отражала и усугубляла сумятицу общей политической ситуации. Большевики провели партконференцию и три партийных съезда. Их не следует путать с Всероссийской конференцией Советов и Всероссийскими съездами Советов, где наряду с большевиками присутствовали меньшевики и эсеры, а также с Учредительным собранием, созданным Временным правительством.

при рекомендации Лениным его кандидатуры на конференции, в частности то, что он «отличный исполнитель всех ответственных поручений». Сталин не был оригинально мыслящим политиком, не был интеллектуалом-мыслителем, не обладал даром Троцкого увлечь за собой массы или талантом Ленина возглавить партию, но он был тот человек, которому можно было поручить любую работу и быть при этом уверенным, что он с ней справится; пусть он грубоват, пусть малоопытен, зато готов учиться (так, по крайней мере, считал Ленин, и этого ему было достаточно) и, кроме того, имеет чутье руководителя.

Поручения, доверенные Сталину в мае и июне, подтвердили правоту этой характеристики: он мало писал статей для «Правды», не участвовал в длительных переговорах, в результате которых Ленин сумел вернуть партии Троцкого и его сподвижников, однако в этот период затянувшейся напряженности и неразберихи Сталин активно проводил на заднем плане плодотворную работу организационного характера, включавшую связи с различными противостоявшими друг другу социальными группировками. Одним из важнейших поручений Сталина явилась также организация демонстрации солдат и рабочих против продолжения войны.

По-прежнему проблема войны являлась центральной. Либерально-настроенные депутаты Думы, имевшие большинство во Временном правительстве, стремились уверить союзников России, что война будет продолжаться. В мае 1917 г. состав правительства был подкреплен несколькими представителями партии меньшевиков, а эсер Керенский, став военным министром, отправился на фронт поднимать дух патриотизма, в свое время вдохновивший солдат Великой Французской революции. Однако деморализации в армии уже ничто не в силах было остановить. Крестьянам, представлявшим ее рядовой состав, революция сулила землю, и мало кто хотел подвергать себя риску быть обойденным невоюющим соседом при дележе земли. По сообщениям, более миллиона солдат уже дезертировало из армии и число дезертиров из крестьян все время росло. Немцы стремясь воспользоваться этим, прекратили наступление на восточном фронте и призывали к братанию.

В отличие от прочих партий, отличавшихся нерешительностью и несогласованностью действий, большевики, принявшие позицию Ленина, теперь агитировали русский народ кончать воевать и переключиться на революцию. Во время организованной Сталиным 18 июня демонстрации на улицу вышло несколько сот тысяч человек с транспарантами, провозглашавшими большевистские лозунги. Это был триумф партии над ее противниками, которые немедленно обвинили Ленина в подготовке государственного переворота.

Сталин установил прочные связи с фронтовыми и тыловыми военными организациями большевиков, чья Всероссийская конференция, прошедшая в столице, внесла значительную лепту в организацию большевиками июньской демонстрации, выделив для этого более сотни активных и опытных агитаторов. Вслед за этим в военных организациях растет настоятельное требование сбросить Временное правительство и передать власть Советам. Этот призыв получил осязательный отклик среди солдатских масс, которые нежелали подчиняться приказу и отправляться на фронт, а также поддержку военных моряков Кронштадта. Однако Ленин после некоторых колебаний счел, что попытка захватить власть рискует обернуться провалом, и призвал 4 июля к отступлению, а не к атаке, в то время как Временное правительство, пользуясь поддержкой меньшевиков и эсеров в исполкоме Петроградского Совета, принялось мобилизовать силы для преодоления угрозы большевистского восстания. На этой стадии большевики оказались практически изолированными, причем Ленин рисковал весьма основательно.

Теперь Сталин находился в самом центре событий и использовал все свои связи как с пробольшевистски настроенными солдатами и матросами, так и с членами Исполкома Петроградского Совета, дабы избежать кровопролития и уменьшить урон, наносимый партии в не самый благоприятный для нее момент. Сталин сумел оказать Ленину личную услугу, убедив руководителей Петроградского Совета не поддерживать кампании против Ленина, организованной в прессе Временным правительством, утверждавшим, будто он подкуплен верховным командованием германской армии и является агентом Германии, что выглядело весьма правдоподобно, учитывая, что возвращение Ленина в Петроград было организовано при содействии германского армейского руководства. И снова Сталин, едва лишь Временное правительство издало приказ об аресте Ленина, приходит к нему на помощь: сначала прячет в доме у Аллилуева, а затем тайно переправляет его в безопасное место в Финляндию. Ничто так не укрепило доверие Ленина к Сталину и веру в его человеческую надежность, как поддержка в период кризиса, которая могла дорого обойтись Сталину.

События первых чисел июля значительно поколебали надежды большевиков: весьма скоро и Ленин, и Зиновьев вынуждены были скрываться, Каменев с Троцким оказались арестованы; лишь оставшиеся на свободе Сталин и Свердлов удерживали партию от разброда. Тем не менее 10 июля без промедления была опубликована статья Ленина «Политическое положение», где он утверждал, что предпринятые Временным правительством при поддержке

Советов враждебные действия прояснили для большевиков ситуацию и выявили тот курс, который они должны были теперь принять. Ныне надежды на мирный исход были отброшены; теперь, как утверждал Ленин, Россией правит контрреволюционная буржуазная диктатура, поддерживаемая большинством предавших революцию меньшевиков и эсеров. Сейчас большевики должны отбросить лозунг «Вся власть Советам!» и готовиться к вооруженному восстанию силами рабочих и беднейшего крестьянства. Как и прежде, Сталину потребовалось время, чтобы перестроиться в соответствии с очередным скачком ленинской мысли. Лишь к концу VI съезда партии большевиков, проходившего с 26 июля по 3 августа, где Сталин выступил с докладами в первый и заключительный день заседаний, он недвусмысленно поддержал новую ленинскую политику и увлек съезд за собой. К тому времени партия большевиков насчитывала до 240 0000 членов.

Однако в течение августа и сентября Сталин пребывал в тени. Снова не смог он разобраться в сути разногласий, возникших между молодым адвокатом, военным министром Керенским, ставшим в июле во главе Временного правительства, и генералом Корниловым, которого Керенский назначил Верховным главнокомандующим армией. Консервативные силы убеждали Корнилова вмешаться, положить конец революционным брожениям и восстановить порядок в стране. Попытка Корнилова совершить мятеж потерпела фиаско, так как войска, которым он приказал двигаться на Петроград, по дороге дезертировали. Однако это событие привело к отъезду меньшевиков из состава Временного правительства и к разрыву правительственной коалиции, в то время как открытая угроза контрреволюции переориентировала рабочий класс на поддержку чисто социалистического правительства. Мгновенно оценив эти перемены в политической ситуации, Ленин увидел в них возможность для захвата власти большевиками, а с 10 октября и Сталин был готов, как и большинство ЦК, отдать свой голос в поддержку вооруженного восстания. Однако не без досады для себя он вынужден был столкнуться с тем, что стремительный политический взлет Троцкого затмил его собственную роль в Октябрьских событиях.

Родившись в селе среди украинских степей в семье обрусевшего еврея, имевшего свое хозяйство, юный Лев Бронштейн еще с гимназических лет в Одессе поражал остротой ума и своей способностью к литературе и языкам. Подобно многим русским революционерам, он уже со студенческой скамьи увлекся подпольной деятельностью и еще не достигнув двадцати лет, был приговорен к тюремному заключению и ссылке. Предприняв побег, с фальшивым паспортом на имя Троцкого, он присоединился к группе ленинцев-искровцев» за границей. Деятельность Троцкого в 1905 г

в качестве председателя Санкт-Петербургского Совета завоевала ему славу революционного оратора. После 1905 г. он был хоть и видной, однако стоящей особняком личностью среди русских эмигрантов, следуя своим собственным путем и то и дело ведя дискуссии как с Лениным, так и с меньшевиками и проявив, наравне с ораторскими, блестящие способности литератора.

В августе 1917 г. Ленину удалось убедить Троцкого вступить в партию большевиков, и вскоре последний продемонстрировал сочетание в нем таланта теоретика с не меньшим талантом организатора, создав при Петроградском Совете военно-революционный комитет — центр подготовки к восстанию. Имевший все предпосылки заняться этой деятельностью Сталин не сумел вовремя распознать степень значимости ВРК: его не оказалось на заседании ЦК утром 24 октября, где был принят окончательный план восстания, и таким образом Сталин остался на периферии событий, когда на следующий день было предпринято решающее выступление.

Революция на удивление длилась не более двух суток и обошлась незначительным кровопролитием. Из всех вооруженных сил, на которые могли рассчитывать большевики, наиболее преданными были отряды рабочей Красной Гвардии — численностью порядка 20 000 человек, а также моряки Кронштадта и Балтийского флота. Войска Петроградского гарнизона пребывали в нерешительности, и Троцкий, проведя лично с ним переговоры, добился успеха, завоевав войска на сторону большевиков, и тем самым расстроил планы Керенского и Временного правительства на подавление восстания.

Будучи автором плана восстания, Ленин принимал незначительное участие в его осуществлении. Выбравшись из своего убежища в самый последний момент, он, загримированный, около полуночи 24-го прибыл в штаб Троцкого — здание Смольного института. В два часа ночи 25 октября Троцкий вынул часы и произнес: «Началось!», а Ленин добавил: «Сколь тяжок путь к высшей власти!». К трем часам ночи 26-го Каменев уже смог объявить перед вновь собранным Вторым Всероссийским Съездом Советов, что Зимний дворец взят, а члены Временного правительства арестованы.

Позднее Троцкий отмечал: «Финальный акт кажется таким кратким, таким сухим — даже не вяжется как-то с историческим размахом событий». Однако можно не сомневаться, что Ленин под аплодисменты представлял Съезду Советов новое правительство, в котором, наконец-то, большевики получили большинство. Кое-кто из делегатов от партий меньшевиков и эсэров даже покинул зал в знак протеста против захвата власти большевиками. Троцкий бросил им на прощанье: «Свою роль вы сыграли. Теперь ваше

место на свалке истории». Оставшиеся делегаты на первом же заседании приняли декреты, подтверждавшие решимость большевиков немедленно прекратить военные действия, заключить перемирие, а также экспроприировать всю землю у помещиков и церкви, чтобы затем распределить ее между крестьянами. Два этих лозунга — о мире и о земле не могли не снискать новому правительству максимальную поддержку народа.

II

По трем причинам 1917 год можно считать ключевым моментом в дальнейшем развитии личности Сталина. Первая — это то, что не смог сыграть ведущую роль в главных событиях, роль, о которой он мечтал, оставила глубокую травму. С конца 1929 года, как только ему предоставилась возможность, он предпринял чрезвычайные меры, чтобы ее залечить. Документы видоизменяются или изымаются; воспоминания подвергаются запретам или цензуре; журналисты, историки, придворные живописцы и деятели кино получают предписание создавать «новую» исправленную версию основополагающих событий истории Советского Союза.

Приведем такой пример: большевистские лидеры, уже прибывшие в Петроград, отправляются встречать Ленина на Финляндский вокзал. Встреча встречей, но именно в этот момент Ленин обрушивается с критикой на проводимую ими линию. По всей видимости, Сталин не был среди встречавших, никто толком его там не видал. Однако в официальной биографии Сталина, опубликованной в 1940 г., этот эпизод выглядит следующим образом:

«3 апреля Сталин отправился в Белоостров на встречу с Лениным. С огромной радостью встретились два вождя революции, два вождя большевизма после длительной разлуки. Оба были готовы бороться за диктатуру пролетариата, возглавившего борьбу революционного народа России. По дороге в Петроград Сталин рассказывал Ленину о положении дел в партии и о ходе развития революционных событий».

Фигура Троцкого, который, бесспорно, сыграл ведущую, уступающую по значению лишь роли Ленина, роль в процессе реального захвата власти, — была вычеркнута из истории и заменена фигурой Сталина. Ленин оставался великим вождем революции, который приехал в Россию из-за границы. Сталин теперь был поднят до его уровня, явившись вождем, никогда не покидавшим Россию и встречавшим Ленина по его возвращении.

Хотя Сталин и стремился под маской личной скромности это скрыть, все же подобные перемены не могли производиться без его санкции. Они способствовали воспитанию

культы Сталина, явившегося основой его режима, как и «миф о Гитлере» явился основой «Третьего рейха». Однако само по себе подобное объяснение представляется слишком упрощенным, ведь как бы Сталин ни открепивался от культуры, все эти «свидетельства» того, что он, подобно Ленину, сыграл ведущую роль в событиях 1917 года, необходимы были ему не только для удовлетворения личного тщеславия, но и для выставления перед народом, они важны не только с психологической, но и с политической точки зрения. Те, кто с ним тесно сотрудничал, знали, что всякий, кто осмеливался подвергнуть сомнению взгляды Сталина или просто не спешить с их одобрением, мог поплатиться за это жизнью. Исследования показали, что среди жертв чистки 1930-х годов оказалось на удивление много участников событий 1917 года, иначе представлявших себе этот период и даже порой публиковавших свои воспоминания.

Вторым последствием его неудач 1917 года явилась внутренняя потребность Сталина, продиктованная не только стратегическими, экономическими или политическими резонами, добиться, чтобы его революция не уступала ленинской. Это привело в 1929—1933 гг. к новым еще более глубоким потрясениям, когда индустриализация в России и коллективизация крестьянства проводились с помощью силы, став как бы «второй революцией», без которой, как утверждал Сталин, революция 1917 года была бы неполной, лишенной будущего.

Оба названных обстоятельства возымели глубокие последствия. Третья причина того, почему так важен 1917 год в биографии Сталина, переносит нас к событиям 1917—1921 гг.: важен не вклад Сталина в дело революции, который ни в коей мере решающим не называешь, а важно влияние самой революции на развитие личности Сталина. После четырех лет, потерянных в ссылке, Сталину выпала возможность пройти школу богатейшего политического опыта, находясь в самом центре событий важнейшего этапа революционной истории и работая в непосредственном контакте с одним из самых выдающихся, — а по мнению многих, с самым выдающимся — из лидеров современного революционного движения.

В способности Сталина извлекать уроки было одно из его преимуществ перед Троцким. Она проявилась, к примеру, когда, не сумев в апреле и июле постичь смысл поворотов в ленинской политике, Сталин со временем все же смог понять и принять их. Это качество в Сталине Ленин ценил и умел использовать. Именно оно помогло Сталину занять высокую должность в Совете Народных Комиссаров — новом правительственном кабинете — и даже стать одним из трех представителей высшего руководства от партии большевиков (Ленин, Троцкий, Сталин), куда вошли также двое представителей партии левых эсеров. Все это

означало работу в непосредственной близости с Лениным; а подобные уроки, как показала практика апрельско-июньского периода, Сталин впитывал с особым рвением.

Испытывая, и в этом можно не сомневаться, восхищение перед Лениным, Сталин, вполне возможно, задавался вопросом: каковы те особые качества, что сделали его вождем? Не только благодаря образованности и силе логики добился Ленин беспрецедентного возвышения в партии. Ленин не обладал даром предвидения и непрерываемости суждений, а зачастую он ошибался, делая прогнозы на будущее. К примеру, он не смог предугадать революцию в России в 1917 году и совершенно ошибочно оценивал возможности революционных движений в Европе, благодаря которым рассчитывал спасти Россию. Кроме того, Ленин даже не стремился предвидеть последствия для России и будущего социализма тех методов, которые насаждал в процессе осуществления своей революции. Нет, Сталина прежде всего привлекали в Ленине его целеустремленность и способность умственной концентрации; его умение найти и использовать ту или иную возможность, направив при этом все свои усилия, в том числе и ошибки, на осуществление своей цели; его неколебимая уверенность в своей правоте и, вместе с тем, воля к победе, решимость не позволить себя обыграть.

После того, как в апреле 1917 года Ленин прибыл на Финляндский вокзал, именно благодаря ясности мысли, энергии и беззаветной преданности избранной цели, что так контрастировало с вялостью и несогласованностью действий других лидеров, ему удалось развернуть партию в свою сторону и заставить ее, вопреки имевшимся разногласиям, сплотиться и взять власть в свои руки. Вместе с тем Ленин недостаточно обдумывал сам переход от капитализма к социализму в такой отсталой стране, как Россия. Он повторял заповедь Наполеона: «On s'engage-et puis on voit!»* Недаром после переворота на Съезде Советов он заявил: «Теперь мы будем создавать социалистический строй», — так, как будто бы это делается простым росчерком пера и провозглашением декретов.

Захват власти на практике произошел довольно просто; трудности начались как только они сформировали новое правительство и оказались в ситуации, когда проиграна война и не затухают социальные волнения, когда экономика в полном развале и маячит призрак гражданской войны.

И после революции Ленин не отказался от прежних приоритетов: раньше все должно было быть подчинено цели

* «Сначала ввяжемся в драку, а потом посмотрим, что из этого выйдет» (франц.). (Прим. ред.)

захватить власть, теперь все должно подчиняться цели удержать ее любой ценой — иными словами, отвечать излюбленной формуле Ленина: «кто кого?».

Маркс предполагал, что переход от капитализма к социализму может быть совершен через диктатуру пролетариата. Однако он считал, что это должно произойти по завершении длительного процесса индустриализации, за время которого пролетариат делается наиболее многочисленным элементом общества. В России же этот процесс в конце XIX столетия только начался, и промышленный пролетариат страны представлял собой лишь незначительное меньшинство, тогда как подавляющее большинство населения составляли крестьяне, интересы которых были совсем иные. Таким образом, в условиях России диктатура пролетариата означала не правление большинства, как это представлялось Марксу, а власть меньшинства, навязывающего свою волю большинству.

Ленина эта реальность не оттолкнула. Как и в период осуществления революции, партия и впредь должна действовать от имени пролетариата. Большинство партийного руководства, включая Сталина и Троцкого, поддержало Ленина и призвало к созданию однопартийного большевистского правительства; без особой охоты согласившись принять в его состав левых эсеров как младших союзников, большевики при этом постоянно заботились о том, чтобы сохранить за собой количественное преимущество и иметь возможность проводить свою собственную политику. Вместе с тем меньшинство, включавшее Зиновьева, Каменева и Рыкова, было готово скорей уйти в отставку из СНК, чем принять точку зрения Ленина, утверждая при этом, что необходимо создать такое правительство, где были бы широко представлены все партии, входившие в Советы, это меньшинство ратовало за то, чтобы в правительстве, кроме большевиков и левых эсеров, могли бы входить меньшевики и правые эсеры, считая, что чисто большевистское правительство сможет продержаться, лишь прибегая к методам политического террора, ведущего к предательству и гибели революции.

Возражение меньшинства не было принято в расчет; Ленин твердил, что подобная широкая коалиция может привести лишь к компромиссу и отказу от власти. Отступников убедили не выходить из правительства, однако тот же вопрос всплыл опять, как только партии пришлось решать: разрешить или нет выборы в предстоящее Учредительное собрание. Целые поколения российских революционеров мечтали о созыве подобного, всенародно избираемого собрания, а также о новой конституции, которую оно примет и которая явится предвестницей новой эры в России. Еще до своего падения Временное правительство назначило выборы на ноябрь.

Ленин не имел намерения отдавать только что захваченную партией власть собранию своих противников, однако руководство партией придерживалось взгляда, что будет политически неблагоразумно отменить или откладывать выборы, чего добивался Ленин. Но, как он и предвидел, большевики получили лишь четверть голосов, и, когда 5 января 1918 г. начались заседания Учредительного собрания, они были бессильны противостоять большинству, отклонившему декреты, принятые на Втором Всероссийском съезде Советов сразу же после Октябрьской революции, и утвердить повестку дня, предложенную правыми эсерами.

Ленин не дрогнул. Большевики вслед за левыми эсерами покинули Учредительное собрание. После чего Красная гвардия поставила точку на его дальнейшей работе, и Учредительное собрание было распущено декретом Центрального исполкома Советов, в котором доминировали большевики.

Когда кто-то из его сподвижников спросил Ленина, как он мог пойти на разгон Учредительного собрания, Ленин предостерегающе заметил:

«Всякая попытка, явная или неявная, рассмотреть вопрос об Учредительном собрании с точки зрения формального закона, в рамках традиционной буржуазной демократии, игнорируя классовую борьбу и гражданскую войну, есть предательство дела пролетариата и переход на буржуазную точку зрения».

Вскоре после этого III Всероссийский съезд Советов удовлетворил потребность правительства в юридическом признании его верховной властью, поддержав действия правительства в отношении роспуска Учредительного собрания. Подготовка новой конституции была поручена специальной комиссии, в составе которой из 15 членов 12 были большевики. В состав комиссии был введен Сталин для полной гарантии того, чтобы рекомендации комиссии по формальной передаче законодательной власти Съезду Советов и его Центральному исполнительному комитету не мешали установлению полного контроля партии большевиков над обеими этими структурами, а также и над правительством — СНК. Лозунг «Вся власть Советам» сохранялся в качестве конституционной фикции, поскольку, как заявил Зиновьев на VIII съезде партии в марте 1919 г.: «Все основные вопросы нашей политики, как внешней, так и внутренней, должны решаться Центральным Комитетом нашей партии».

Новый режим заблаговременно решил предпринять шаги, обеспечивающие средства защиты на случай, если кто посягнет на его власть. Перед надвигающейся угрозой забастовки государственных служащих Совнарком 7 декабря при полной поддержке Ленина учредил Чрезвычайную

Комиссию — ЧК, во главе которой был поставлен выходец из Польши Дзержинский и которая должна была пресекать контрреволюционную деятельность и саботаж. В обращенной к сотрудникам ЧК речи, по поводу угрозы внутренней опасности, Дзержинский заявил:

«Мы должны направить на этот фронт — самый опасный и жестокий из всех фронтов, — решительных, стойких и преданных товарищей, готовых на все ради защиты революции. Не надо думать, что нам предстоит создать виды революционного правосудия; в нынешней обстановке нам оно не требуется. Сейчас идет борьба — лицом к лицу, до победного конца. Не на живот, а на смерть».

Дзержинский не преувеличивал: опасность грозила вполне реальная, и ЧК, эта первая политико-полицейская организация Советского Союза (и модель будущих полицейских государств XX века), была крайне необходима новой власти. Такова была цена, которой приходилось платить за «подталкивание истории», и Ленин принял этот путь. В сентябре 1917 г. незадолго до восстания он писал:

«Ибо революция настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны».

В Дзержинском, отдавшем одиннадцать из своих сорока лет тюрьме и ссылке, Ленин нашел того, кого искал: человека, глубоко преданного делу, неподкупного, готового предстать новым Фуке-Тионвилем* большевистской революции — общественным прокурором революционного трибунала робеспьеровского образца, отправившим на гильотину тысячи людей. За пять лет до смерти Ленина ЧК, как известно, вынесла 200 000 смертных приговоров, цифра, которая не идет в сравнение с 14000 жертв царского режима за целое столетие до 1917 г.

Однако зимой 1917—1918 гг. самая серьезная опасность грозила не изнутри, а извне — со стороны германской армии. Все расчеты Ленина были построены на том, что происшедшая в России революция должна распространиться на весь мир, по крайней мере, на европейские страны. В противном случае, считал он, русской революции не устоять. В декабре 1917 г. начались переговоры с Германией в Брест-Литовске, которые были превращены Троцким в трибуну для агитации воюющих солдат против их правительств.

* Фуке-Тионвиль, Антуан Кантан (1747—1795) — деятель Великой Французской революции, прокурор в годы террора. (Прим. ред.)

Однако революции в Германии и в других странах Европы не были осуществлены, вместе с тем условия мира, предлагаемые Германией, предусматривали отторжение от России, Польши, Прибалтики и части Украины. Отказавшись от всяких дипломатических условий, Троцкий стал демонстративно свои полемические способности, чем поверг представителей центральной власти в замешательство и даже отчаяние. Когда же, затянув переговоры более чем на два месяца и не добившись позитивных результатов, Троцкий завершил свой затянувшийся демарш заявлением, что Россия выходит из войны и не принимает условий Германии, ответом Германского командования явилось наступление германской армии на Петроград. Таким образом, попытка Троцкого выиграть время, чтобы революции, ожидаемые в Центральной Европе, сняли бы угрозу на германском фронте, ни к чему не привели.

В течение двух месяцев расколовшееся руководство России не могло выработать верного решения проблемы. Предводимое Бухариным большинство, поддерживаемое левыми эсерами, призывало к «революционной войне против Германского империализма». Удовлетворить требования Германии означало бы отдать всю ту территорию, что Россия сумела присоединить, начиная с XV века. Троцкий убеждал голосовать «не за мир, не за войну», и его тактику Сталин отверг как полное отсутствие таковой, как нечто из области фикции, а не здравого смысла. И лишь один Ленин настаивал, что за неимением иного выхода, придется принять условия Германии.

Недостаточно глубоко разобравшись в дискуссии, Сталин говорил мало, находясь в затруднении по поводу решения. «Может, нам не нужно подписывать соглашение? — спрашивал он. На что Ленин отвечал: «Если этого не сделать, мы подпишем смертный приговор Советской власти, которой через три недели не станет. В этом у меня нет ни малейших сомнений. Я не гоняюсь за «революционной фразой».

Твердость Ленина убедила и Сталина. Тем, кто говорил о предательстве идеи революции, Сталин заявлял: «Революционного движения на Западе нет, нет в наличии фактов революционного движения, а есть только потенция, ну, а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию». И все же никогда до сих пор Ленин не сталкивался с такой сильной оппозицией, которая возобновилась и на следующем съезде партии.

Наступление германской армии не встретило никакого сопротивления со стороны массами сдававшихся в плен русских войск. До взятия столицы оставались считанные дни. И лишь тогда, когда существование Советской власти оказалось реально под угрозой, шестеро из пятнадцати членов ЦК, не считая Ленина, были вынуждены принять

его доводы: выиграть время за счет потери территорий с тем, чтобы в дальнейшем отвоевать все, что отдано. Четверо членов ЦК (включая и Бухарина) проголосовали против, четверо (включая Троцкого) воздержались. И снова единственным мотивом, которому подчинились остальные, явился риск потери власти. Ленин заметил, что, если его точка зрения не будет принята, он уходит в отставку.

Ожесточенные споры вокруг мирного договора, наконец-то подписанного в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. (по новому стилю), стали незабываемым событием для каждого из его участников, особенно для Сталина, и они с яркостью всплыли в его памяти через 20 лет, когда он столкнулся с новой угрозой со стороны Германии. В результате утраты территорий, отошедших к Германии, население страны уменьшилось не менее чем на треть. В экономическом смысле потеря составила 32 % культивируемых земель, 27 % железных дорог, 54 % промышленных предприятий и 89 % угольных разработок. Теперь условия мира стали еще суровей, чем те, что были продиктованы Германии при подписании Версальского договора, который Германская сторона сочла неслыханным по своей суровости.

Первым из непосредственных последствий этих событий явился переезд правительства в Москву, подальше от расположения германских войск, стоявших теперь всего в 80 милях от Петрограда. Другим последствием явился двойной раскол в правящей коалиции. Левое крыло партии, ныне переименованной в коммунистическую, возглавил Бухарин, возмущенный предательством идей революционного социализма во имя практической целесообразности. В то же время из состава правительства вышли левые эсеры, обвинив Ленина в предательстве и в том, что он продал Россию Германии.

Первый раскол удалось предотвратить, после того как в ходе дальнейших обсуждений выяснилось, что большинство и на VII съезде партии и на IV Съезде Советов поддерживает Ленина. Однако оппозиция левых эсеров крепла, и пик ее активности пришелся на 6 июля 1918 г., когда были предприняты неудавшиеся попытки мятежей в Москве и Петрограде, а также убийство германского посла графа Мирбаха. В распоряжении правительства преданных войск оказалось немного, и ситуация сложилась настолько острая, что, когда командир войск Вацетис был вызван в Кремль, первым вопросом Ленина к нему было: «Товарищ, поддержимся ли мы до утра?»

Тогда с левыми эсерами обошлись довольно мягко. Однако, когда был убит член ЦК компартии Урицкий, а в конце августа серьезно ранен Ленин, большевики начали открытую кампанию массового террора против всех, кто встал к ним в оппозицию: применялись крутые меры вплоть до взятия заложников, расстрела на месте, а также массо-

вых арестов. К ноябрю общее число жертв только в Петрограде составило около 1 300 человек. Но что было гораздо серьезней, к тому времени вся страна оказалась втянутой в гражданскую войну, отягощенную интервенцией армий западных союзников.

III

В отличие от Гитлера Сталин пришел к власти в результате самой настоящей революции. Однако не Сталин вершил эту революцию, как не создал он и партии, осуществившей ее. И в том, и в другом случае основной фигурой являлся Ленин. Сталин страдал комплексом, которого Гитлер был лишен: у Сталина был предшественник, чьи достижения способны были свести на нет успехи любого последователя. То, как Сталин преодолевал этот комплекс, составляет любопытнейшие моменты его жизни и деятельности. Однако в 1918—1919 гг. весь вопрос состоял в том, могут ли надеяться большевики, даже имевшие такого вождя, как Ленин, удержать захваченную ими власть.

Ленин считал, что могут, но при условии победы революции в Германии, при поддержке которой большевики объединенными силами смогут революционизировать всю Европу. Начальная фраза «Коммунистического манифеста» — «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», — являлась несколько преувеличенным представлением о Европе 1848 года, но не являлась преувеличением в отношении к Европе 1918—1923 гг. Вот где раскрывается связь между событиями, приведшими Сталина и прочих большевиков к власти в России, и ситуацией в Германии, благодаря которой Гитлер получил возможность вторгнуться в политику. Гитлер считал, что революция в России открывает Германии дорогу к победе, но вместо этого оказалось, что поражение Германии может открыть путь к революции в этой стране.

Что стало тем более очевидным, как только внезапно пала установившаяся в годы войны диктатура германской военной верхушки, когда кайзер отрекся от престола, а Германия была провозглашена республикой. 19 ноября «Берлинер Тагеблатт» отмечала, что «величайшая из всех революций» триумфально движется по берлинским улицам, и радостные толпы людей приветствуют поднятие красного флага на дворцовой площади.

По всей Германии начали создаваться Советы (по образцу российских и часто даже называвшиеся русским словом солдатских и рабочих депутатов) затем ими был избран в Берлине Центральный исполнительный комитет. Он считал себя подобием исполкома Петроградского Совета и боролся за власть наравне состоящим из шести человек Советом народных комиссаров (снова российское

заимствование) Временным правительством, образованным представителями двух социалистических партий — более многочисленной социал-демократической партии Германии (СДПГ) и партии более радикально настроенных независимых социалистов (НСДПГ), в апреле 1917 г. отделившись от СДПГ в связи с разногласиями по вопросу о войне, которую НСДПГ считала несовместимой с принципами социализма.

Сегодня совершенно очевидно, насколько мала была вероятность того, что падение монархии выльется в революцию, которая могла бы изменить соотношение сил в германском обществе. Рабочее движение Германии и НСДПГ вдохновлялись Февральской революцией в России, а не Октябрьской. Лишь меньшинство левых в Германии приветствовало радикальную программу большевиков, но и они ни в коем случае не были готовы согласиться с ленинской тактикой подчинения всего и вся проблеме захвата власти. Целью социал-демократического большинства было закончить войну и образовать конституционную демократическую республику, которая занялась бы программой социальных реформ. Менее всего хотели они столкнуться в Германии с тем революционным подъемом масс, который привел к гражданской войне в России.

Однако в период с января 1919 г. по апрель 1920 г. в Берлине и в промышленных центрах Германии произошла целая серия забастовок и демонстраций, нередко приводивших к столкновению со стражами порядка. Весной 1920 г. волнения в Рура достигли признаков гражданской войны, когда вооруженные рабочие отряды численностью до 50 000 чел. теснили солдат и добровольческие отряды, (включавшие добровольцев, офицеров запаса и солдат кайзеровской армии) из Рура, которым затем лишь ценой тяжелых потерь удалось одержать верх над рабочими. Подобные стихийные взрывы стали проявлением широкой и мощной волны социального протеста, не имевшей, однако лидеров, которые оказались бы способными преобразовать эту волну в действенную политическую силу. Весьма соблазнительно было бы предположить: что было бы, если бы Ленин родился в Германии, в самой высокообразованной в промышленном отношении стране Европы, имевшей самое многочисленное пролетарское движение, а не в России, самой отсталой и самой неподготовленной к марксистской революции стране?

Лидеры Социалистической партии большинства расценивали взрывы социального возмущения как результат подрывной деятельности экстремистов, решившихся подорвать республиканский строй, который они пытались создать. Не желая уступать, лидеры социалистического большинства готовы были обратиться за поддержкой к командованию рейхсвера (германской армии) и позволить регу-

лярным войскам совместно с добровольческими отрядами подавить недовольство. Вошедшие в тесную связь с регулярными войсками добровольческие отряды стали играть теперь ведущую роль в восстановлении порядка и разгроме рабоче-солдатских Советов, а также пригодились в сражениях с поляками и русскими в Прибалтике и на польско-германской границе. Этим молодчикам, не чуждым, как и Гитлер, склонности к авторитаризму, и национализму, что как раз и отличало психологию фронтовиков, предстояло явиться неисчерпаемым источником пополнения нацистских и прочих прав экстремистских организаций.

Соперничавшие группировки независимых социалистов и коммунистов были лишены тех лидеров, которые смогли бы обеспечить поддержку масс своей программе революционного социализма, кроме того общее движение оказалось разобщено по причине неясности поставленных целей. Организация шахтеров Рура под названием «Черная кошка» выдвигала требования национализации шахт, что было скорее синдикалистским, профсоюзного толка, способом удовлетворить их первоочередные материальные нужды, а не шагом к социализму. Кроме того, те, кто участвовал в забастовках и вступал в борьбу за свои права, были движимы классовой ненавистью к предпринимателям, ненавистью к военным и ожесточенностью по отношению к правительству, состоявшему из министров-социалистов, готовых призвать войска для расправы над рабочими. После «усмирения» Рура в апреле 1920 г. волна забастовок и демонстраций пошла на убыль, в итоге левые радикалы потеряли крах, а рабочий класс Германии остался расколотым.

Для разделявших мысль Маркса о том, что революция только тогда достойна этого названия, если она (как произошло в России в 1917 г.) приводит к устойчивому изменению классовой системы, революция в Германии 1918—1920 гг. вообще не была революцией. В лучшем случае ее можно было бы назвать, как и германскую революцию 1848—1949 гг. неудавшейся. Воспользовавшись высказыванием Э. Дж. П. Тейлора о той, прежней революции, мы можем сказать, что в 1918—1920 гг. история Германии достигла поворотной точки, однако самого поворота не произошло.

Но так мы представляем себе эти события сегодня, современники же видели все иначе. Революция в России, которая даже просто в рассказах очевидцев выглядела достаточно красноречиво, послужила наглядным примером, сделавшим после войны страх перед распространением революции неотъемлемой чертой европейской политики даже в таких странах, как Великобритания, не испытавших

горечи военного поражения и не переживших ничего более серьезного, чем забастовочное движение.

Этот страх особенно остро ощущался в Центральной Европе, где события войны и поражение в ней усугублялись последующими изменениями границ, иностранной оккупацией, инфляцией, непрекращающимися волнениями и столкновениями. Советская пропаганда твердила о неминуемой революции в Германии, которая станет решительным шагом к мировой революции. Особенно пугали известия о том, что летом 1919 г. в Венгрии и Баварии провозглашены Советские республики, а летом 1920 г. Красная Армия перешла польскую границу. Затем, вдохновленные коммунистами, восстания произошли в Центральной Германии в 1921 г., а также в Гамбурге осенью 1923 г.

Тот факт, что все эти попытки захватить власть провалились, будучи подавлены довольно легко, как и то обстоятельство, что полякам удалось выдворить Красную Армию из Польши, все же не умаляли ощущения, что в 1918—1923 гг. Германия лишь чудом избежала революции. Коммунисты (Коммунистическая партия Германии, КПП (старались из всех сил поддерживать это убеждение, ссылаясь на тот аргумент, будто революция не состоялась потому, что пролетарское движение было разобщено и «предано» социал-демократическим большинством, но она состоится в будущем, стоит только рабочим объединиться вокруг КПП).

Миф о том, что марксистская революция лишь чудом не произошла, но еще может произойти, был выгоден не только левым, но также и правым радикалам и являлся важнейшим фактором возникновения фашистских партий по всей Европе. Реальность этого мифа в условиях Германии еще более возросла благодаря двум новым обстоятельствам.

Первым явилась возникшая у республиканского правительства потребность обратиться к офицерскому составу германской армии, а также к чиновничеству бывших имперских государственных служб за поддержкой в сдерживании угрозы революции и консолидации страны, проигравшей войну. Это открыло путь бывшей государственной элите — офицерству, чиновничеству, судьям, ведущим представителям умственного труда и предпринимателям, — к возвращению себе в условиях нового порядка большей части утраченной власти.

Второе обстоятельство было таково: отнюдь не желая примириться с республиканским режимом, старавшимся из всех сил уберечь Германию от того несчастья, что произошло в России, все еще могущественные прежние правящие классы обвинили сторонников республики в поражении Германии, в принятии «карфагенских» мирных условий, навязанных Антантой, а также в том, что, вместо привычной

для Германии сильной авторитарной власти, к руководству страной пришло «слабое» демократическое правительство, «поощрявшее» беспорядки и недовольство. Подобная оценка событий была далека от реальности, однако позволяла ее авторам переложить ответственность за поражение в войне на парламентский режим, предлагая его негодующему общественному мнению в качестве «козла отпущения», виновного во всех последующих унижениях германской нации.

В выборах в Национальное собрание в январе 1919 г., которому предстояло принять Конституцию новой республики, 76 % голосов было отдано трем партиям, поддерживавшим парламентскую демократию*, как единственной силе, способной противостоять Советам рабочих и солдат. Собрание приняло Конституцию (известную как «Веймарская», по названию города, где она происходила), которая впервые в истории Германии провозгласила в стране подлинно демократический парламентский строй — Веймарскую республику. Однако на очередных, состоявшихся в июне 1920 г. выборах в первый парламент, рейхстаг, 76 % большинства 1919 г. предстало уже 47%-ным меньшинством. Партии, поддерживавшие новый демократический режим, набрали в 1920 г. всего 11 млн. голосов по сравнению с 19 млн., полученными в 1919 г., встретив теперь двойную оппозицию — в лице правого крыла, почти удвоившего число своих голосов с 1919 г. (с 5,6 млн. до 9 млн.), а также левых радикалов, более чем вдвое увеличивших число своих сторонников — с немногим более 2 млн. до 5,3 млн.

Итак, спустя десять месяцев после принятия демократической Конституции ее основатели и сторонники оказались в меньшинстве, которое им уже никогда не суждено было обратить в большинство. В итоге Веймарская республика оказалась в оборонительной позиции, так и не создав стабильного демократического правительства. В период между 1920 и 1930 гг. средняя продолжительность существования каждого из коалиционных правительств составляла не более 8 с половиной месяцев, а после падения самого долговечного из них, правительства Большой коалиции, просуществовавшего с 1928 по 1930 г., последовала фактическая приостановка действия Конституции, с заменой ее президентским правлением.

Леворадикальная оппозиция, состоявшая из независимых социалистов и коммунистов, неизменно изображалась основной угрозой германской демократии, однако реальная угроза явилась справа. Единой почвой всех правых группировок явились национализм и желание стереть «позор»

* Имеются в виду Социал демократическая партия, Католическая партия центра и либеральная Германская демократическая партия (ГДП).

1918 г., оскорбление национального достоинства, в особенности, достоинства германского оружия, поражение которого большинство немцев отказывалось признавать.

До поражения в 1918 г. национализм играл скорее консолидирующую, нежели разъединяющую роль в германском обществе. Для того, чтобы направить энергию социальной напряженности в сторону агрессивно-милитаристической внешней политики был пущен в ход специальный термин: «социал-империализм». Нечто подобное можно было наблюдать и в других странах, скажем, джингоизм в Англии, но в Германии это явление получило особую окраску, лейтмотивом которой стало ощущение, что она «опоздала к столу» великих держав, что и следовало наверстать решительным утверждением собственных «прав». После войны характер действия национализма коренным образом меняется. Активность правых националистических партий оказалась направленной внутрь страны, против республики, против правительства «ноябрьских преступников», предавших свою страну и безропотно взиравших на ее унижение. Патриотизм явился трубным гласом, призывавшим к объединению, но не как в 1919 г. — ради поддержки правительства, а, напротив, чтобы свергнуть республиканскую власть.

Темпы развития и размах экономических и социальных перемен в Германии, от объединения в 1871 г. и до начала войны в 1914 г. стали источником серьезных столкновений интересов и социальной напряженности. В годы войны в этом смысле наступила временная стабилизация, но перед окончанием войны конфликты разгорелись с новой силой, будучи усилены крахом националистических устремлений и боязнью революции. В 1919—1923 гг. Германия представляла собой общество, потрясенное до самого основания. И это особенно задевало огромные массы германского Mittelstand*.

В самом начале XX века германское общество состояло из высшего среднего класса (куда входили удачливые представители умственного труда, богатые предприниматели и директора крупных компаний, чиновники высших должностей государственной службы), все чаще ассоциируемого с историческим правящим классом, и низшего среднего класса, представлявшего мелкую буржуазию, собственно Mittelstand. Последний в свою очередь, подразделялся на старый средний класс, куда входили независимые торговцы, купцы и дельцы с ограниченной сферой предпринимательства, зачастую семейного типа, а также мелкие и средние фермеры, как правило, не использующие наемный труд, и на новый средний класс — армию клерков, мелких чиновников, служащих коммерческих предприятий и контор и

* среднего класса (нем). (прим. ред.)

государственных служащих (включая и учителей), как правило, зависящих от зарплаты и очень озабоченных подержанием своего статуса.

За четверть века до 1914 г. Mittelstand (нередко переживавший неудачи в процессе модернизации общества) находился в условиях давления как сверху — экономического, со стороны крупного объединенного в корпорации предпринимательства, так и снизу — социального, со стороны организованного рабочего движения. Это и вызвало в этом слое общества еще в те годы тягу к правому радикализму, воинствующему антисемитскому, националистическому. В послевоенной Германии в условиях политической нестабильности, разгула насилия и инфляции средний класс обнаружил дополнительную для себя угрозу в поправке привычных устоев и признанных ценностей, а также растущей неуверенности в будущем.

Стереотипы общественного поведения и национализм старших поколений характернейшим образом слились в едином стремлении к реставрации монархии. Однако перед войной среди молодого поколения начала происходить некая радикализация взглядов, являясь частью хлынувшей из-за границы революционной волны, в отчет на что определенные группы французских, итальянских, а также немецких литераторов сформулировали свод идей, из которых впоследствии черпали фашисты. Токвиль с присущей ему прозорливостью отмечал в своем письме к отцу расизма графу де Гобино в связи с его трудом «Essai sur l'inégalité des races humaine» («опыт о неравенстве человеческих рас»), опубликованным в 1853—1855 гг.:*

«Думается мне, что Вашим идеям суждено впоследствии вернуться во Францию издалека, а именно из Германии. Немцы — единственные в Европе обладают особым талантом загораться абстрактными истинами, не заботясь об их практических последствиях».

Среди этих «истин» — расовое превосходство, антисемитизм и социальный дарвинизм. «Новая волна» на рубеже веков провозгласила идеал героики и «жизни, полной опасностей», в противовес буржуазной морали с ее материализмом и консерватизмом и противопоставила чувство и интуицию интеллекту, культ иррационального просветительской вере в разум, действие здравому смыслу.

Война накалила до предела бытовавшие среди герман-

* Токвиль, Алексис де (1805—1859) — французский историк, социолог и политический деятель, лидер консервативной Партии порядка. Гобино, Жозеф Артюр де (1816—1882) — франц. социолог и писатель, один из основоположников расизма и расово-антропологической школы в социологии. Упоминается его труд «Эссе о неравенстве рас». (Прим. ред.)

ских интеллектуалов настроения отторжения от Запада и ввергла германский национализм в отрицание ценностей западной культуры, в противопоставление понятий культуры и цивилизация «анародной» (volkisch) веры в уникальность германской культуры — универсализму Просвещения. Термины Kultur и Volk (вместе с производным от него прилагательным völkisch) стали теми ключевыми словами в германской идеологии правого толка, эмоциональная нагрузка которых не полностью передается в переводе словами «культура» и «народ» или «раса». Согласно Освальду Шпенглеру, чей труд «Закат Европы», будучи опубликован в Германии в 1918—1922 гг., оказал на эту страну огромное воздействие, в понятии Kultur, в отличие от понятия «цивилизация», присутствует душа, в то время как второй термин — французского происхождения — отражает «предел искусственности и поверхностности, на которые только способно человечество». В германском понимании слово Kultur несет в себе убежденность в превосходстве германской культуры как выражения более глубоких и идеальных чувств, чем те, что свойственны иным европейским культурам.

Подобным же образом понятия Volk и völkisch подавались как некое истинно германское воплощение смысла, гораздо более всеобъемлющее и эмоционально окрашенное и не до конца осознаваемое или воспринимаемое, если воспринимаемое вообще всеми теми, кто довольствуется причислением себя к обычному «народу» или «нации». Эти понятия обозначают объединение группы людей по признаку расовой общности, что и является источником их неповторимости и творческой озаренности. Слово Volk не сходило у Гитлера с уст. Подобное единство, будучи «укорененным» в родной национальной почве, обладало той «органичностью» (Volksgemeinschaft), что удерживала его представителей от взаимной неприязни. Говоря языком политики, эта völkisch идеология прославляла, в противовес интернационализму и пацифизму, войну и «обновление посредством разрушения», возвеличивала национальную мощь и национальное единство в противовес свободе индивидуума, превозносила авторитарное государство и элитарность мышления в противовес парламентской демократии и идее равенства.

Подобные настроения не только не исчезли, но и окрепли после катастрофы 1918 г. Для Frontkämpfer — фронтовиков, кому нелегко давалось приспособиться к обыденности мирного бытия, невозможно было примириться с мыслью, что война закончилась поражением Германии и триумфом Запада. И они были готовы слушать любого, кто в качестве причины краха принялся бы изобличать чье-то вероломство и выставлял бы в качестве «козла отпущения» евреев и марксистов, вселяя надежду на возмездие.

Человек, которому предстояло исполнить подобную роль, в конце ноября 1918 г. выписался из госпиталя и отправился в Мюнхен, но по дороге туда он не узнавал своей страны. При том огромном потрясении, каким явилось для Гитлера поражение Германии, не меньшим потрясением стало видеть в качестве нынешних хозяев Германии тех, кого он ненавидел больше всего, — социал-демократов, большевиков и евреев (особой разницы между всеми ними он не делал). В Мюнхене под напором восстаний солдат и рабочих, предводимых левым социалистом евреем-идеалистом Куртом Эйснером, пала тысячелетняя династия Виттельсбахов и была провозглашена Баварская республика. Не имея ни определенной работы, ни крова, Гитлер, оставшийся верным своей военной форме, вернулся в свой полк, который был расквартирован в Мюнхене, но обнаружил там лишь грязь, полный развал дисциплины, но зато Совет солдатских депутатов.

Уйдя оттуда, Гитлер нанялся охранником в лагерь для военнопленных в Траунштейне и не появлялся в Мюнхене до марта 1919 г. К тому времени ситуация обострилась в связи с убийством Эйснера графом Арко-Валеем, офицером правых взглядов. Прошедший в Москве Учредительный конгресс (Коммунистического) Интернационала, собравший делегатов из 19 стран, призвал рабочих всего мира объединиться в поддержку Советской России — отечества пролетариата. В Венгрии была провозглашена Советская республика во главе с евреем-коммунистом Бела Куном, который, как утверждала германская пресса, из 32 комиссарских должностей 25 отдал евреям. В апреле умеренное социал-демократическое правительство Баварии, пришедшее к власти после убийства Эйснера, было изгнано из Мюнхена вследствие левого переворота, провозгласившего Советскую республику, у власти стали трое эмигрантов из России, двое из которых опять-таки были евреи. В день празднования 1 Мая на Красной площади Ленин провозгласил: «Свободный рабочий класс празднует сегодня свою годовщину не только в Советской России, но и в Советской Венгрии и в Советской Баварии». Он поспешил: в Мюнхене и в Будапеште красные были подавлены силой.

Гитлер был очевидцем захвата власти в Мюнхене коммунистами и контрнаступления армейских частей, вместе с отрядами добровольцев, покончивших с коммунистической властью, что повлекло за собой ряд кровавых расправ, в которых погибли сотни людей. Но всплыл на поверхность, лишь когда этот эпизод завершился, начав давать показания перед армейской следственной комиссией, созданной, чтобы выявить тех, кто насаждал Советский режим. Затем местным армейским командованием Гитлер был направлен для специального инструктажа, проводимого «националистически настроенными» профессорами Мюнхенского университета.

Один из этих преподавателей, историк К. А. фон Мюллер, как-то раз, выйдя из лекционной аудитории, столкнулся со студенческой толпой, с восхищенным вниманием окружившей какого-то субъекта, без умолку и с нарастающей страстью о чем-то вещавшего, при этом как-то причудливо, гортанно выговаривая слова. Возникло странное ощущение, будто оратор упивается тем возбуждением, которое вызывают у слушателей его речи. У него было бледное, худощавое лицо, не по-солдатски небрежно свисала на лоб прядь волос, небольшие коротко стриженные усики и на удивление огромные светло-голубые глаза, поражающие своим холодным фанатическим блеском.

После этих курсов Гитлер, оставшийся в армии, был переведен в некое «инструкторское подразделение» при Лехфельдском лагере для демобилизованных солдат, где и начал совершенствовать свой талант агитатора. Именно этот его дар убеждения нашел отражение в подготовленной Гитлером для своего старшего офицера, капитана Майра докладной записке на тему об «опасности, которую представляют в настоящее время для германского народа евреи», и которую Майру начальством предписано было представить. Это первый сохранившийся документ (от 16.IX.1919 г.), посвященный вопросу, который он впоследствии сделает своим коньком. Мы встречаем в этой записке весьма знаменательное утверждение:

«Антисемитизм чисто эмоционального характера находит крайнее выражение в погромах. Однако антисемитизм, основанный на логике, должен вести к спланированному и открытому противостоянию всяческим привилегиям для евреев и к полной их отмене. Вместе с тем, его конечной целью должно явиться полное устранение евреев. Лишь правительство национальной мощи, а не национальной немощи способно на оба эти шага».

Политическое завещание Гитлера, продиктованное им в подземном бункере в Берлине в 1945 году, свидетельствует о том, что его взгляды с годами не изменились. Заключительный абзац возвращает нас к его ранним навязчивым идеям:

«Превыше всего я требую от руководителей нации и от тех, кто находится у них под началом, тщательнейшего соблюдения расовых законов и беспощадного противостояния международному еврейству, этому всемирному отравителю всех народов».

Кроме того, Гитлер был назначен мюнхенским окружным военным командованием еще на одну должность — на роль «связного» для ознакомления с деятельностью множества право-радикальных группировок, быстро распространявшихся в Баварии. Именно в этом качестве он посетил 12 сентября 1919 года собрание одной из таких групп — Германской рабочей партии, основанной слесарем

мюнхенского железнодорожного депо Антоном Дрекслером и спортивным журналистом Карлом Харрером. Во время общей дискуссии кто-то внес предложение выступить за отделение Баварии от рейха и заключение его союза с Австрией. Гитлер не мог удержаться и с жаром бросился в атаку на оратора. Напор, с которым говорил Гитлер, произвел впечатление на Дрекслера, и тот предложил ему приходить еще, вручив брошюру собственного сочинения «Мое политическое пробуждение».

Отчет Гитлера о деятельности этой группы не отличался особой заинтересованностью: группа не имеет представления, как обеспечить себе более широкую поддержку, да и не слишком к этому стремится. Все же, если заниматься политикой, надо было с чего-то начинать. Ни одна из существовавших партий Гитлера не удовлетворяла и не сулила ему, никому не известному визитеру, никаких перспектив. Но все же в партии Дрекслера было какое-то организационное ядро, пусть и не слишком еще развившееся, но которое могло бы быть воплощено в настоящую партию, способную, как ни одна из прочих существовавших, привлечь на свою сторону массы, подобно тому, как это удалось и Люэгеру и его противникам социал-демократам в Вене.

И вот после второго захода, на сей раз после посещения заседания партийного комитета и двух дней размышления (что было типично для Гитлера перед принятием всякого важного решения), он принимает предложение вступить в Германскую рабочую партию и стать ответственным по вопросам приема и пропаганды. Гитлер тотчас принимается за составление текста пригласительных билетов и рассылку объявлений о публичном митинге. Он состоялся 16 октября 1919 года и на нем присутствовало немногим более ста человек. Заворожив присутствующих страстным, проникновенным призывом, Гитлер собрал в фонд партии 300 марок.

«Я говорил минут тридцать, и то, о чем я в глубине души догадывался, но не имел до сих пор возможности проверить, подтвердилось: я способен выступить с хорошей речью».

И это было наиважнейшее открытие.

Октябрьский митинг 1919 года не был достаточно многочисленным, чтобы Гитлер смог со всей полнотой раскрыть свое воздействие на публику. Это произошло 24 февраля 1920 г., когда в пивной Хофбройхауз собралось около 2 000 человек. В списке главных ораторов Гитлер не числился и его встретили недовольными выкриками, что даже привело к потасовке. Однако, совладав с шумом в зале, Гитлер убедительно выступил в защиту идеи переименования партии в Национал-социалистскую рабочую партию Германии, НСДАП, (позднее называвшуюся «нацистской»), настоял на оглашении перед аудиторией 25 пунктов, не подлежащей пересмотру программы партии и попросил зал проголосовать.

Оценивая впоследствии это событие, Гитлер представлял его подлинным своим триумфом, что никак не подтверждается сообщениями в прессе того времени. Однако то, что для него это событие стало решающим, сомнений не вызывает. Именно в этот момент он и принял решение посвятить себя политике. Теперь Гитлер активно занимается тем, чтобы развить свой дар эмоционального воздействия на толпу, положив его в основу своей политической карьеры. То был не единственный его талант, но по этой части ему не было равных среди политических деятелей Германии, в чем и заключалось главное отличие Гитлера от Сталина, такими способностями не обладавшего.

IV

Вскоре после выступления в «Хофбройхауз» (1 апреля 1920 г.) Гитлер демобилизуется из армии, хотя и сохраняет с ней тесные связи. Как и Сталин двадцатилетие назад, он становится пропагандистом-профессионалом и старается как можно больше средств собрать в фонд партии, сам при этом ютясь в нищенски обставленной комнатухе. В отличие от Сталина он мог действовать открыто и имел защитников, к которым можно было обратиться за поддержкой, вместе с тем цель у Гитлера была та же, что и у Сталина в 1900-е годы: привлечение масс в партию. Только Сталин делал это ради революции, а Гитлер — ради смутного пока представления об обновлении нации, началом которого явись бы свержение существующего республиканского строя.

«Быть лидером, — писал Гитлер, — значит уметь приводить в движение массы». Он презирал националистов-консерваторов, оказавшихся оторванными от большинства нации в силу своих классовых предрассудков. С равным презрением относился Гитлер и к правым фёлькиш, группировкам, делевшим свои убеждения ради самих себя или пускавшимся в рассуждения и споры исключительно с единомышленниками. Целью Гитлера было создать националистический эквивалент массовой социал-демократической партии, произведшей на него столь сильное впечатление еще в Вене.

Немаловажно помнить, что мы ведем речь о том периоде истории, когда не было и в помине телевидения, видео-кассет, магнитофонов, когда и кино, и радио пребывали на самой ранней стадии своего развития. Если бы в распоряжении Гитлера оказалось телевидение — даже радио, в те годы когда он еще не пришел к власти, — то, несомненно, он постарался бы этим воспользоваться наивыгоднейшим для себя образом. Ни один политический деятель не был столь восприимчив к техническим новшествам и столь красочно осведомлен в этой области. Это подтверждается

не только его деятельностью в период второй мировой войны, но и просто его страстью к автомобилям, использованием аэропланов для создания своего образа и образа партии. Но в те ранние годы основу его деятельности составляли массовые митинги; сначала они проводились раз в неделю, чаще всего в Мюнхене, иногда в близлежащих городках, причём и организатором, и основным оратором был сам Гитлер. При подобной тактике он быстрее всего мог привлечь внимание к партии с тем, чтобы пополнить ее ряды.

О том, каков был Гитлер как оратор и какое гипнотическое воздействие оказывал он на свою аудиторию, имеется множество свидетельств. В сравнении с его выступлениями 1930-х гг., тщательно срежиссированными, наполненными уверенностью в себе, которая появилась с годами, первые ораторские выступления Гитлера были далеко несовершенны. Однако уже тогда проступали в них те черты, что явились характерной основой его грядущих выступлений.

Целью Гитлера, что он неоднократно повторяет в «Майн кампф», было не убеждение аудитории доводами, а обращение к ее чувствам:

«Психологически широкие массы подвластны силе и бескомпромиссности. Подобно женщине, которой от природы не слишком присуще абстрактное мышление, но которая подвержена некоей, заполняющей всю ее сущность чувственной тоске по силе и которая с большей готовностью склонится перед сильным мужчиной, чем будет главенствовать над слабым, — так и массы предпочитают властителя просителю и обретают надежное душевное спокойствие не благодаря либеральным теориям, предлагающим им право выбора, но благодаря такой доктрине, которая не допускает выбора. Масса всегда имеет смутное представление о том, как и что выбирать, и потому в этом случае массам кажется, будто их предоставляют самим себе. Они не слишком стыдятся своего страха перед интеллектом... Единственное, что воспринимают массы, — это беспощадность силы и грубость ее речей, чему в конечном счете они и покоряются».

Для того, чтобы достичь подобного эффекта, Гитлер стремился убедить аудиторию в искренности и глубине собственных чувств. «Человечество, — писал Ницше, — верит в истинность всего, что кажется выражением глубокой веры». Нередко Гитлер производил впечатление человека, говорящего с крайней увлеченностью, буквально теряя власть над собой, однако, овладев искусством оратора и актера, он умел внезапно, как бы под напором чувств, оборвать себя, изобразив, что у него срывается голос, порой прибегнуть к неожиданному сарказму или мгновенно переключиться с полных горечи обвинений в адрес «преступников», предавших Германию, на восторженное утверждение веры, что страна найдет в себе новые силы и поднимется вновь.

В своих выступлениях, обычно длившихся до двух и более часов, Гитлер никогда не позволял себе утомлять своих слушателей нудным разглагольствованием. Он умел своим лицедейством рассмешить аудиторию, как умел завоевать ее расположение остроумными ответами на вопросы скептиков. Часами он оттачивал перед зеркалом мастерство жестикуляции, мимики, внимательно изучал фотографии, сделанные Генрихом Гофманом во время его публичных выступлений, отбирая наиболее удачные, бракуя остальные.

В «Майн кампф» Гитлер утверждает, что для полного успеха пропаганда должна сочетать в себе принципы упрощения и повторов: «она должна сводиться к минимуму средств и беспрестанному повторению их». Сохранившиеся наброски его ранних выступлений демонстрируют, с какой тщательностью Гитлер выстраивал последовательность тем, подыскивал наиболее убедительные слова. С неменьшим вниманием относился он и к выбору места и времени своих публичных выступлений.

«Есть такие помещения, которые упорно не позволяют создать в них такую бы то ни было благоприятную атмосферу для общения... В подобных случаях приходится преодолевать внутреннее сопротивление людей... Утром и в дневные часы создается впечатление, будто воля людей с неодолимой силой восстает против любой попытки оратора навязать ей свою волю или точку зрения. А вечером, напротив, она с готовностью уступает давлению более мощной воли».

Чувствительность к реакции аудитории явилась необходимым подспорьем ко всему процессу предварительной подготовки Гитлера, став контролирующим моментом в этом процессе:

«Оратора постоянно направляет публика, перед которой он выступает... Его постоянно несет с собой эта огромная людская волна, он читает в непосредственном отклике слушателей те самые слова, которые должен донести до их сердец. Любую свою оплошность он способен немедленно заметить и исправить».

В этом и кроется объяснение того, почему Гитлер нередко тратил некоторое время на разминку, чтобы, почувствовав настрой аудитории, затем определить наилучший способ овладения ею. И хотя зачастую он испытывал трудности в установлении отношений с отдельными людьми, контакт с массовой аудиторией был у него исключительным.

Однако сколь бы ни было сильно внушаемое им впечатление непосредственности, сколь бы правдоподобно ни исторгались необузданной лавой его речи, все же те, кто знал его близко, понимали, что этот внешний экстаз — отнюдь не его сущность, что Гитлер прекрасно знает, что следует говорить и какой эффект на публику когда произвести.

Подобное сочетание фанатизма и расчетливости представляло в нем как в личности особую опасность.

Чтобы заставить в первую очередь баварских политиков, а также остальную баварскую публику взглянуть на себя серьезно, Гитлеру было необходимо создать себе облик и имя. «Неважно, смеются ли они над нами или оскорбляются, считают нас тупицами или преступниками, — писал он в «Майн кампф», — главное, что они нас заметили». В своих поисках саморекламы он обрел колоссальную поддержку. В декабре 1920 г. его сторонники в Мюнхене пожертвовали средства, чтобы выкупить почти обанкротившуюся газету «Фелькишер Беобахтер» («Народный обозреватель»), которая стала затем органом гитлеровской партии.

Для Гитлера поражение в войне означало предательство, а революция — посягательство на все то, во что он верил. Но именно благодаря этим событиям получил он возможность обобщить и осмыслить политически всю ту горечь и ненависть, что накопилась в нем, как следствие собственных неудач до 1914 г. и тем самым вызвать отклик в сердцах аудитории, эти его чувства разделявшей. Гитлер считал, что теперь, даже в большей степени, чем раньше, германскому народу угрожают внутренние враги — социалисты, коммунисты, евреи, — которые действовали заодно с внешними врагами — французами и их союзниками, навязавшими Германии Версальский договор, разорившие ее репарации и большевики, угрожавшие Красным террором. В Баварии нетрудно было свалить всю вину на республиканское правительство в Берлине, на этих «ноябрьских преступников», которых надо гнать из их кабинетов.

То было время, когда в Европе с готовностью прислушались ко всякого рода домыслам о заговорах. Особое внимание в 1920-е годы в Германии привлекали так называемые «Протоколы сионских мудрецов», трактовавшиеся как свидетельство «мирового заговора евреев», направленного на ниспровержение христианской цивилизации и создание мирового еврейского государства, что, якобы, было задумано в 1897 г. в Базеле на Первом конгрессе сионистов. На самом деле «Протоколы» эти были фальшивкой, сфабрикованной царской охранкой в России и впервые опубликованной в 1903 г. Будучи переведены на разные языки, «Протоколы» стали классикой антисемитской пропаганды и Гитлер, сделавший антисемитизм основной темой своих выступлений начала 1920-х годов, с готовностью за них ухватился. При этом он неизменно сочетал обличительный пафос с сентиментальной апелляцией к национальной гордости и призывом к национальному обновлению, что заражало слушателей надеждой, повергая их в экстаз.

Постепенно Гитлер выработал своеобразный ритуал проведения массовых митингов, кульминацией чего стали те

из ряда вон выходящие спектакли, что потом разыгрывались на партийных сборищах в Нюрнберге в 1930-х гг. Спектакли такого масштаба требовали колоссальных средств, посильных только государству и диктатору, обладающего властью ими распоряжаться. Но уже в 1920-е гг, когда такие действия были еще внове, Гитлер накапливал для них реквизит.

Это были огромные плакаты и партийные стяги, для которых Гитлер намеренно, чтобы спротоцировать левых, избрал красный цвет; свастику; приветствие «Хайль, Гитлер!»; массовые военизированные парады; торжественные обряды освящения партийных знамен и штандартов. Многие часы Гитлер проводил, листая старые иллюстрированные журналы, а также роясь в отделе геральдики Мюнхенской государственной библиотеки в поисках изображения орла, которого он прочил в качестве символа на официальной партийной печати, и первое же его циркулярное письмо в качестве председателя партии, написанное им 17 сентября 1921 г., касалось в основном партийных символов, которые он описывал наиподробнее образом. Членам партии предписывалось всегда носить на рукаве партийную эмблему. Во время митингов ажиотаж уже заранее нагнетался исполнением маршей и патриотических песен; сначала строем входили в зал отборные отряды, салютуя на ходу флагами: присутствующих постепенно подготавливали к появлению вождя, который появлялся не сразу.

Всех недовольных или сопротивлявшихся избивали и вышвыривали вон из зала молодцы из особой команды, которую Гитлер набирал из бывших *Frei korp*s (боевики добровольческих отрядов) и фронтовиков или из тех, кого направляло к нему в подчинение окружное военное командование. Гитлер поощрял драки, будучи уверен, что сумеет восстановить порядок, а также что такие сцены привлекут любителей острых ощущений. Позже он заметил в разговоре с Германом Раушнинггом: «Вы не обратили внимание, что после каждой драки на митинге именно те, кого избивали, первыми подают заявление в партию?».

Уже в течение года после митинга в «Хофбройхаузе» гитлеровская партия провела более сорока подобных митингов в Мюнхене и почти столько же в близлежащих городках. В большинстве случаев главным оратором был Гитлер. Теперь, когда он нашел свое призвание, Гитлер действовал с невиданной энергией. Нередко число собравшихся доходило до 2 или 3 тысяч. А в феврале 1921 г. под огромный шатер мюнхенского цирка «Кроне» набилась толпа в шесть с половиной тысяч человек, буйными выкриками встречая каждый призыв Гитлера: «Будущее или крах», а также его нападки в адрес требовавших репараций государств Антанты.

И насильственный путь, которым Гитлеру наконец уда-

лось захватить руководство НСДАП и то радикальное направление, по которому он толкал партию, и дурная слава, всему этому сопутствующая — эти обстоятельства не могли прийти по вкусу тем, кто начинал в рядах Германской рабочей партии, которую поглотила НСДАП. Их недовольство достигло предела в июле 1921 г., и в отсутствие Гитлера они предприняли переговоры на предмет объединения еще с одной группой Немецкой социалистической партией, а также на предмет перевода объединенного центра из Мюнхена в Берлин.

Узнав об этом, Гитлер немедленно подал заявление об отставке, но так как каждому — даже его недоброжелателям — было ясно, что без Гитлера у НСДАП нет будущего, оппозиция не устояла. Гитлер воспользовался этой возможностью, чтобы сделать себя в дальнейшем неуязвимым. Он потребовал для себя «поста первого председателя с полномочиями диктатора», и его требование было удовлетворено. Кроме того, Гитлер настоял и на других изменениях и в результате получил возможность назначить Макса Амана, с которым некогда служил в одной роте, управляющим делами партии, личного своего ставленника Франца Ксавьера Шварца — партийным казначеем, а также укрепил секретариат своими людьми. Мюнхену предстояло остаться оплотом движения; союз с прочими группировками исключался. Речь могла идти лишь о беспрекословном подчинении, к тому же любые контакты находились в исключительной компетенции Гитлера.

Этот удачный ход обеспечил Гитлеру всеобщее признание лидерства и одновременно установил «принцип фюрера» как основополагающую организационную структуру партии. Будучи утвержден, этот принцип не только предоставлял Гитлеру право принимать любое решение по своему усмотрению, но и установил особую иерархию гражданской и армейской служб с четкой дисциплиной, субординацией и распорядком, основанную на безоговорочной личной преданности каждого члена фюреру. Все нацистское движение, как впоследствии и все нацистское государство, было построено по этому принципу. По мере распространения нацизма Германия была поделена на три района (*Gau*) — управляющие районами гаулейтеры, получили значительную свободу принимать решения и проявлять инициативу, однако при неизменной условии, что их преданность Гитлеру была бы вне подозрений и если сам Гитлер не решил иначе. В результате нацистское движение оказалось построенным на системе личных отношений, что в свою очередь означало, что на любой ступени власти, снизу доверху была своя клиентура, имели место протекционизм и подсиживание. Явления эти не были случайными или неожиданными. То была авторитарная реакция Гитлера на два ненавистных ему явления — бюрократию, или прав-

ление чиновников, и демократию, или правление комитетов.

Еще одним, в дополнение к Фюрер-принципу, был сугубо нацистский принцип «Борьбы» слово, которым Гитлер воспользовался для названия своей книги, и термин, которым потом называли весь период до 1933 года: *kampfzeit* «Время борьбы». Пользуясь свободой, предоставленной ему его новым положением, Гитлер летом 1921 г. придал понятиям «Борьба» и «Фюрер-принципу» институциональный характер, учредив СА (SA). Эта аббревиатура, изначально расшифровывалась как «спортдивизион», а теперь стала означать *Sturmabteilung*, иначе — отряды штурмовиков — нерегулярные военизированные подразделения впоследствии прозванные «коричневорубашечниками».

Незадолго перед этим баварская «гражданская милиция», а также группа наиболее отпетых молодцов из добровольческих бригад «Оберланд», «Эпп» и «Бригады Эрхардта» были распущены приказом республиканского правительства в Берлине. Многие из них, кому была ненавистна одна мысль поменять солдатскую жизнь на штатскую, объединились с молодыми членами нацистской партии, считавшими своим упущением неучастие в войне и образовали ударную силу — «таран» нацистского движения, привнес в политику «фронтной дух». В первом номере «*S. A. Gazette*» Гитлер подчеркнул двойную роль этой ударной силы, назвав ее «не только орудием защиты нацистского движения, но и... прежде всего школой подготовки будущей борьбы за свободу на внутреннем фронте».

Именно этот акцент прежде всего на политических, а не военных целях отличал СА от других военизированных организаций правого толка, которые либо были после 1923 г. распущены, либо превратились в организации ветеранов, такие как «Стальной шлем». Свое боевое крещение отряды СА получили в так называемом «побоище в пивной» «Хофбройхауз» 4 ноября 1921 г., когда против Гитлера выступила большая группа рабочих-социалистов близлежащих фабрик, намеревавшихся сорвать митинг, при этом им противостояло всего 50 человек СА. Во время драки, прервавшей речь Гитлера, штурмовиков хоть и сильно потрепали, однако они вышли победителями, и с той поры Гитлер провозгласил, что отныне улицы Мюнхена принадлежат нацистам.

Через год, в октябре 1922 г. (как раз в этом месяце пришел к власти в Риме Муссолини) Гитлер последовал примеру итальянских фашистов, инсценировав широко обсуждавшийся затем в прессе налет по примеру итальянского боевых подразделений. В сопровождении 800 штурмовиков, при оркестре, Гитлер отправился на празднование Дня Германии в Кобург, цитадель социал-демократов. Раскидав враждебную толпу, нацисты дважды прошли по городу триумфальным маршем. Для участников этого действия

в Кобурге, который с тех пор стал надежным оплотом нацистов, была отлита памятная медаль.

Организованное насилие было не случайным, а главным в политической практике нацизма. На штурмовиков возлагалось множество дел, но большая их часть была сопряжена с насилием, или, что не менее важно, с угрозой насилия. Это было применение насилия не в военных, а в политических целях. Врагами являлись левые, им надо было угрожать, их следовало избивать и прогонять с улиц их же родных рабочих кварталов.

Одновременно Гитлер открыто признавал, что он многому у левых учился. Но так как он упорно не видел различий между социал-демократами и коммунистами, называл их всех марксистами, то, скорее всего, Гитлер не понимал, что его нацистскую партию роднит именно с коммунистами, а не с социал-демократами, одно общее свойство. И Гитлер, и Ленин утверждали необходимость заручиться поддержкой масс и в равной степени не верили в способность масс организовываться самостоятельно; нацисты, так и коммунисты вовсе не считали, что должны представлять массы, а были уверены, что массы созданы, чтобы их поднимать и вести.

На X съезде РКП (Б) Ленин заявлял:

«Только Коммунистическая партия способна объединять, просвещать и организовывать авангард пролетариата и всю массу трудящихся, которые сами не способны противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этих масс.»

Гитлер писал в 1924 г. в «Майн кампф».

«Политическое сознание широких масс развито совсем не достаточно для того, чтобы самостоятельно выработать определенные политические взгляды.»

Чтобы мобилизовать массы, требовалась партия, обладающая крепким ядром преданных ей членов, которые бы организовывали массовые митинги, принимали участие в демонстрациях, сборищах, уличных боях, всю свою жизнь посвящая выполнению требования партии. Именно это мировоззрение отличало нацистов и коммунистов от всех прочих партий.

Гитлер был достаточно прозорлив и понимал, что подобные требования не только не встретят сопротивления, но, наоборот, еще более тесно сплотят тех, кто их разделяет, вокруг партии, порождая союз по характеру своему религиозно-политический, «религию вкуче с армейской дисциплиной». Многих из тех, кто вступал в партию в 1920-е гг привлекало эмоциональное удовлетворение от сознания принадлежности к движению (так чаще всего называлась партия) единомышленников в разной степени отстраненных от общества, отвергавших демократические, плюралистические идеалы Веймарской республики, однако сумевших вос-

пользоваться ими для подготовки свержения республиканского строя. В те годы подобные люди стремились создать некий микросмос, ни на что не похожее сообщество смоделированное по образу и подобию фронтовой действительности, чем и хотели они заменить республику.

Начать с того, что местные отделения хотя и пользовались значительной автономией, однако испытывали постоянное давление со стороны партийной верхушки, требовавшей неукоснительного исполнения приказов центра, направленных на проведение в жизнь партийной доктрины. Во всей этой еще только начинавшейся складываться системе место Гитлера уже было особым. Из чего к концу 1920 г. и был раздут миф о Гитлере («Спасителе, посланном Провидением, дабы избавить немецкий народ от бедственного положения, в котором он находится и вернуть ему утраченное величие»); так возник образ харизматического лидера, подотчетного лишь самому себе; отождествление всего движения с личностью Адольфа Гитлера с его идеологией и мировоззрением; персонафицирующий характер отношений Гитлера со своими гаулейтерами, зачастую воспринимаемых как нефеодалные отношения между верховным сеньором и его вассалами.

V

До 1930 г. нацисты были незначительной партией, находящейся на периферии политической жизни Германии. Кто же вступил в партию в тот период и что их привлекало?

Число членов с июня 1920 по начало 1922 г. возросло с 1100 до 6000, а к началу 1923 г. достигло 20 000, поскольку Немецкая социалистическая партия самораспустилась, проголосовав за присоединение к НСДАП (на условиях, продиктованных Гитлером), впервые пополнив нацистские ряды членами из живущих за пределами Баварии. Кризисный 1923 г. явился свидетелем достаточно внушительного прироста членства, доведя численность партии к ноябрьскому путчу до 55 000 человек. Эту цифру, однако, следует сопоставить с общей численностью населения Германии, составлявшей 30 млн. человек.

Сведения об этом раннем периоде отрывочны, однако, при тщательном рассмотрении, возникает политический профиль партии на фоне социального состава населения Германии. В отличие от всех прочих партий Германии, за исключением лишь «Католической партии Центр», в составе нацистской партии, даже на раннем этапе, были представлены все классы и социальные группы. Рабочий класс в целом был представлен мало, однако, квалифицированные рабочие, особенно мастера высшего разряда, среди членов НСДАП были в избытке.

Старый средний класс высококвалифицированные ре-

месленники, лавочники и мелкие предприниматели — также имел многочисленное представительство в нацистской партии и представлял собой значительный источник пополнения новых сил, в особенности на юге страны. Крестьяне, однако, вплоть до 1923 г. вообще не вступали в партию. Из состава нового среднего класса мелкие чиновники были представлены почти пропорционально их общей численности в составе населения рейха, в то время как низшие слои государственных служащих (включая и учителей) составляли в партии весьма высокий процент.

Столь же высокий процент составляли представители элитарных групп, хотя в целом сами эти группы были малочисленны (составляли всего 3 % общего числа населения). Сюда входили директора и владельцы предприятий, представители умственного труда, а также студенты университетов, многие из которых являлись демобилизовавшимися офицерами армии или добровольческих отрядов. Единственно кто из элитарных групп был представлен незначительно, — это высокопоставленные государственные чиновники.

Тон в партии задавался верхним слоем среднего класса (до которого стремились возвыситься квалифицированные рабочие) это были грубые, деспотичные мужлань, завсегда пивных, шовинисты, презиравшие все иностранное ксенофобы, антисемиты, противники интеллигенции, свободомыслия и всяких новшеств.

Составленная в самом начале 1920-х гг. Гитлером и Антоном Дрекслером и признанная непроложной программа НСДАП отражает их попытки ублажить всех граждан, за исключением евреев. Националистам обещалась новая, пересмотренная политика захвата земель, отмена условий Версальского договора, объединение всех германских территорий в мощный рейх. В угоду *völkisch* было выдвинуто требование относиться к евреям как к некоренным гражданам, не позволять им работать в государственных учреждениях, а если в стране обнаружится недостаток продовольствия, то и депортировать. Рабочим было обещано упразднить нетрудовые доходы, конфисковать военные прибыли и сделать рабочих участниками прибылей крупных промышленных предприятий. Среднему сословию посулили обобществление крупных универсальных магазинов и предоставление права аренды на них мелким торговцам, отмену процентного рабства и щедрое государственное обеспечение больным и престарелым.

Отдельные «заблудшие» рабочие продолжали вступать в нацистскую партию, однако при всех ее воззваниях к рабочему классу, в ее программе содержалось мало того, что привлекало бы проникнутых классовым сознанием трудящихся, членов организованного рабочего движения. Гитлер в своей программе не уделял особого внимания антикапи-

талистическим положениям, и придя к власти, не сделал попытки осуществить их. Однако Гитлер понимал, что его националистический, мелкобуржуазный вариант «социализма» обладает значительной привлекательностью для многих сторонников из среднего сословия, и потому они забыты не были.

Собственно, Гитлер никогда чересчур серьезно и не относился к программе партии, и большинство ее пунктов так никогда выполнено не было. Постоянно утверждая неизменяемость своей программы, он имел в виду пресечь этим дискуссию о целях партии, что считал ошибкой парламентских партий, которые он презирал, Гитлер обладал удивительной интуицией. Люди шли на его выступления не ради их содержания, но увлеченные его талантом страстно и убедительно втолковывать аудитории банальности националистической правой пропаганды, как умел никто из его политических соперников.

Гитлер уже начал подбирать себе окружение, часть которого впоследствии войдет в состав канцелярии третьего рейха. Это были люди из различных слоев общества. Двое, Рудольф Гесс и Герман Геринг, оказались из бывших военных летчиков. Сын немецкого торговца, Гесс родился в Александрии и был моложе Гитлера на 7 лет. В те годы студент Мюнхенского университета, неуклюжий, глуповатый, абсолютно лишенный чувства юмора, Гесс демонстрировал собачью преданность Гитлеру и был назначен его секретарем. Геринг был в прошлом командиром отборной эскадрильи бомбардировщиков «Рихтхофен» и обладал самой высокой в Германии воинской наградой — орденом Pour le Mérite*. Человек чванливый, он, женившись на шведской баронессе, обладательнице заметного состояния, вел барскую жизнь, позволяя себе изредка посещать университетские занятия. Гитлер сделал его командиром СА — это было началом политической карьеры Геринга, приведшей его в 1930-е гг. на самый высокий после Гитлера, пост в Германии.

Готфрид Федер и Дитрих Экарт оба вступили в Рабочую партию Германии еще до Гитлера. Это были люди образованные, известные в Мюнхене. Инженер-строитель по образованию, Федер отличался нетрадиционным взглядом на экономику и был сторонником отмены «процентного рабства», что проповедовал с упорством маньяка. Некогда он произвел на Гитлера неизгладимое впечатление, однако как и прочие экономисты-радикалы, по мере приближения Гитлера к власти, терял свое влияние, и ему пришлось довольствоваться постом товарища министра экономики, откуда он был смещен в конце 1934 г.

* Pour le Mérite («За заслуги») — высш. воен. орден в Пруссии, а затем в Германской империи. (Прим. ред.)

Экарт был тем человеком, которому Гитлер был многим обязан в ранний период становления нацизма. Колоритный тип, уроженец Богемии, Экарт был почти не двадцать лет старше Гитлера. Человек начитанный, переводчик «Пер Гюнта» Ибсена, к концу жизни он выпускал скабрёзную газетенку «Auf gut Deutsch». «Выражаясь откровенно», воплощая в ней свои националистические, антидемократические и антицерковные взгляды. Будучи расистом, возторгаясь нордическим фольклором, имея пристрастие к травле евреев, Экарт даже в состоянии подпития прекрасно владел языком и имел в Мюнхене массу связей. Он давал Гитлеру читать книги из собственной библиотеки, учил его правильно говорить и писать, одновременно оказывая ему, как будущему спасителю Германии, покровительство, открывая перед ним двери многих домов, помогая собирать средства на покупку газеты «Фелькишер Беобахтер»; именно Экарт открыл Гитлеру местечко Оберзальцберг в горах, неподалеку от Берхтесгадена и поблизости от границы Баварии с Австрией: там Гитлер впоследствии и построил себе дом. Экарт умер задолго до того, как нацисты пришли к власти, однако Гитлер воздал ему должное на последней странице «Майн кампф».

Среди семейств, с которыми Экарт познакомил своего протеже, было семейство Бехштейн, известнейших богачей, производителей пианино и роялей. Фрау Елена Бехштейн чрезвычайно благоволила Гитлеру и специально устраивала званые вечера, чтобы ее гости могли лицезреть новоиспеченного пророка. Подобный же прием Гитлер встретил в семействе знаменитых мюнхенских издателей книг по искусству Брукманов, дружба с которыми продолжалась до конца его жизни. По-прежнему скованно чувствующий себя на официальных приемах, Гитлер был достаточно хитер и умел воспользоваться своей неловкостью и одновременно вел себя несколько вызывающе — приезжал поздно, уезжал рано. Он здоровался с хозяйкой дома, целуя ей, на австрийский лад, руку и поднося букет роз. Не умея вести светскую беседу, он сидел молча, пока чья-нибудь реплика, как это бывало и в Приюте для мужчин, не задевала его, и тогда он бешено взрывался. После чего мог более громко о чем-то вещать, пока вдруг, так же внезапно, как заводился, сам себя не обрывал. После чего он поворачивался к хозяйке дома, просил извинения, целовал ручку и удалялся, едва удостоив остальных кивком головы.

Таков в общих чертах рассказ об этом из подобных званых вечеров, изложенный в 1923 г. одним из очевидцев, Конрадом Хейденом, отметившим при этом, что на всех присутствующих эта встреча с Гитлером произвела неизгладимое впечатление. Очередной дом, где был тот принят и где обрел благодатную почву для самоутверждения — Ванфрид, фамильное поместье Вагнеров в Байрёте, где Гит-

лер нашел страстную поклонницу в лице невестки композитора, англичанки Унифред. Внучка Вагнера Фриделинг так вспоминает Гитлера в его молодые годы:

«В баварских кожаных бриджах, в коротких грубых шерстяных носках, в красной с синим клетчатой рубашке и короткой синей куртке, мешковато сидящей на его костлявой фигуре... Резко очерченные скулы, вытирающие над бледными, впалыми щеками, а выше — какие-то до неестественности ярко-голубые глаза. Облик его носил печать какой-то изможденности, хотя, пожалуй, было в нем что-то фанатичное».

Еще один издатель книг по искусству, выпускник Гарварда, полунемец, полуамериканец высоченный Путци Ханфштенгль стал Гитлеру близким другом: он помогал ему расслабиться после выступлений, играя Вагнера, а также смешал россыпью анекдотов и всяких глупостей.

Загадочная и вместе с тем обладающая связями личность — Эрвин Шойбнер-Рихтер, выходец из прибалтийских немцев, ввел Гитлера в среду крайне антибольшевистски и антисемитски настроенных белоэмигрантов, наиболее яркой фигурой среди которых был генерал Скоропадский, назначенный в 1918 г. германским командованием гетманом Украины. Шойбнер-Рихтер впоследствии павший от пули, рядом с Гитлером во время путча 1923 г. свел Гитлера с генералом Людендорфом, героем войны немецких националистов. Еще один эмигрант из прибалтийских немцев, Альфред Розенберг, принадлежал к тому же кругу русских белогвардейцев и произвел на Гитлера впечатление тем, что когда-то учился на архитектора. Розенберг стал редактором «Фёлькишер Беобахтер» и, считая себя идеологом нацистского движения пустился в тяжеловесные и нудные рассуждения о расе и культуре в своем труде «Миф XX столетия», который никто не читал, а Геббельс обозвал «идеологической блевотиной».

Но гораздо уверенней Гитлер ощущал себя «среди прислуги», в общении с представителями партии, которые были попроще: рядом с Максом Аманом, бывшим своим фельдфебелем, со своим охранником Ульрихом Графом, в прошлом подручным в лавке мясника, затем борцом-любителем, имевшим завидное пристрастие к рукоприкладству. Подстать этим двоим был и Христиан Вебер, недюжинный здоровяк, некогда торговавший лошадьми, а теперь служивший вышибалой во время различных сборищ в пивных. Еще одним истинным баварцем по части слабости к возлияниям и крепкому словцу был и Гоффман, официальный фотограф партии. Германа Эссера, приживала многочисленных дамочек, вменившего себе в обычай устраивать потасовки в еврейских кварталах, Гитлер и сам считал подлецом. И все же этот человек оставался в фаворе, возносимый в качестве прирожденного горлопана, импонирую-

щего толпе. Кроме самого Гитлера, единственный, кто мог сравниться с Эссером в смысле ораторства (а также в пристрастии к порнографии) был Юлиус Шрейхер, учитель начальных классов в Нюрнберге, вечно появлявшийся повсюду с хлыстом, основатель «Der Stürmer» («Штурмовик»), самой крикливой из всех антисемитских газетенки, где он публиковал чудовищные истории о, якобы, совершаемых евреями ритуальных убийствах, зверствах и сексуальных преступлениях. Гитлера постоянно убеждали избавиться от этих двух малоприятных субъектов, Гитлер тем не менее все годы третьего рейха продержал Эссера и Штрейхера на партийных должностях в Баварии, оправдывая свою терпимость к ним их преданностью делу партии.

Оглядываясь на 40-е гг., Гитлер не высказывал никаких иллюзий по поводу облика того немца, которого привлекало к себе нацистское движение в первые годы, но всегда отстаивал ценность таких людей для партии.

«Подобные элементы никчемные в годы затишья совершенно преображаются в период бурь... Один из таких стоит полусотни почтенных буржуа. С какой слепой верой следовали они за мной! По сути говоря, они не что иное, как взрослые дети... Во время войны эти парни разли штыком и швыряли гранаты. То были простейшие существа, сработанные из единой породы. Они не могли допустить, чтобы страна была продана этим мерзавцам, этим продуктам крушения. С самого начала я понял, что партию можно создать именно из таких людей».

Ключевую роль во взлете Гитлера сыграл Эрнст Рем, прирожденный «рыцарь удачи», штабной капитан, сосредоточивший в своих руках все хитросплетение связей с окружным командованием германской армии (рейхсвера), с антиреспубликанскими националистическими организациями, которых было вдоволь в Баварии, и с группами добровольцев, которые, несмотря на то, что официально считались распущенными, нашли надежное прикрытие под крылом нацистской партии. Именно Рем негласно обеспечивал Гитлеру субсидии из тайных фондов рейхсвера; это он рекомендовал и представлял Гитлера офицерской верхушке; он сделал достойным гласности тот факт, что Гитлер пользуется поддержкой рейхсвера; это он поставлял кадры для СА, инструктаж которых способствовал в большей степени, чем кто-либо иной, даже Гитлер.

Гитлеру также важно было иметь друзей в полиции и в прокуратуре, чтобы иметь возможность пресекать малейшую попытку привлечь его к ответу за нарушение общественного порядка. После 1918 г. Бавария явилась в Германии центром недовольства республиканским правительством в Берлине, став приютом правых националистов и баварских партикуляристов, объединяемых хотя бы подобным неприятием правительства. Баварские власти

сквозь пальцы взирали на заговорщическую деятельность, демонстрации и агитацию, организованные в качестве подготовки к «Этому Дню», и, как правило, проявляли сочувствие к новому движению. Шеф мюнхенской полиции Пенер и его консультант по политическим вопросам Вильгельм Фрик, а также министр юстиции Баварского правительства Гюртнер были всецело готовы оказать Гитлеру необходимую поддержку. Во время состоявшегося после провала ноябрьского путча процесса над Гитлером Пенер и Фрик открыто заявили, что не предпринимали никаких шагов по пресечению деятельности нацистской партии:

«Мы намеренно воздерживались от этого, поскольку видели в этой партии ростки обновления и были убеждены, что это движение более всех остальных способно пустить корни в рабочей среде, зараженной марксистской чумой, отвоевать рабочих, вернув их в лагерь национализма. Вот почему мы обеими руками поддерживали НСДАП и господина Гитлера».

Фрик и Гюртнер вступили в партию и лишь только Гитлер сделался рейхсканцлером, получили в награду за прошлое министерские кресла.

В годы своего становления нацистская партия крайне нуждалась в средствах. Едва Гитлер получил доступ в круги мюнхенских богачей, начался финансовый и обществ. влиятельный взлет партии. Среди пожертвователей оказались: Дитрих Экарт, Бехштейны, Брукманы и Путци Ханфштенгль, передавший партии основательную сумму в долларах, часть своего дохода от фамильной галереи искусств в Нью-Йорке, чем оказал Гитлер неоценимую услугу в период жестокой инфляции. Гитлер предпринял ряд заходов в деловые круги Баварии, однако успех был крайне незначителен. Более существенным оказалось его знакомство с членами влиятельного Национального клуба в Берлине, чем Гитлер был обязан приятелю Дитриха Экарта Эмилю Ганссеру. В 1922 г. Гитлер дважды приглашался выступить в этом клубе, членами которого являлись преимущественно армейская верхушка и высокопоставленные государственные чиновники, а также кое-кто из крупных предпринимателей. Гитлер говорил достаточно убедительно, оставив в тени антикапиталистические пункты программы НСДАП и сосредоточившись на неприятии марксизма. По крайней мере, ему удалось зажечь нацистской идеей одного из известнейших промышленников Германии Эрнста фон Борзига, главу знаменитой, хотя уже не ведущей, машиностроительной компании. Сам Борзиг, без сомнения, снабжал средствами НСДАП, однако не сумел сагитировать других промышленников поддержать материально Гитлера с тем, чтобы он смог открыть в Берлине филиал своей партии. Другие попытки заручиться финансовой поддержкой — на сей раз со стороны промышленников Рура,—

также оказались тщетными, невзирая на настойчивые, впоследствии оказавшиеся беспочвенными слухи, будто виднейший капиталист Германии Гуго Стиннес вкладывает деньги в партию.

Большую роль среди тех, кто финансировал партию, чьи имена стали известны, сыграл Фриц Тиссен, уставший ждать наследник 80-летнего владельца крупнейшего в Германии Стального треста, известный также впоследствии как номинальный автор сенсационной книги «Я платил Гитлеру», где утверждалось, что в октябре 1923 г., как раз накануне путча, он пожертвовал в фонд НСДАП 100 000 золотых марок. Далее, впрочем Тиссен заявляет, что деньги были переданы не Гитлеру, а генералу Людендорфу, соратнику Гинденбурга, во время войны входившему в состав Верховного командования, а теперь возглавившему коалицию правых группировок, который передал, как считалось, нацистам только часть денег, а остальные распределял между прочими группировками. Несомненно, что именно благодаря Рему Гитлеру удалось воспользоваться фондами рейхсвера, кроме того, возможно, еще какие-то средства он получал от правых организаций, например, Пангерманского союза. Однако нет убедительных доказательств, что Гитлер, как утверждали, получал значительные субсидии от крупного германского капитала.

Правдой, видимо, является то, что с самого основания партия стала предъявлять к своим членам исключительные требования. Руководителям местных отделений предписывалось по многу часов работать бесплатно (лишь с 1929 г. гаулейтерам стали платить из партийных средств); их расходы не оплачивались, но при этом от них постоянно требовалось не только организовывать и проводить митинги, но и собирать средства в партийную казну. Так, еще в одном смысле нацисты повторяли социал-демократов, на сей раз в регулярном выколачивании взносов из своих членов. Помимо этого, как членов партии, так и сочувствующих, постоянно изводили всяческими беспроцентными займами, а также взымали с них входную плату на митинги и собрания, на которых, обычно после выступлений Гитлера, к тому же собирали деньги в фонд партии. В донесениях полицейских агентов сообщалось, что суммы, взимаемые с людей даже скромного достатка, «граничили с невероятным».

Никакая другая правая партия Германии на подобные действия еще не осмеливалась. И это давало Гитлеру основание утверждать, что НСДАП является истинно народным движением, потенциально способным повести за собой массы. Гитлер претендовал на роль «*Trommler zur Deutscheit*» — «*Барабанщика германского духа*», мастерски пользовался своим даром агитатора и организатора — все это привлекало интерес тех, кто обладал возможностью оказать помощь.

Но какова же была цель всей этой деятельности, каким образом предполагалось достичь политических результатов? Почти не было случая, чтобы Гитлер в своем выступлении не изливал презрения в адрес парламентских методов и не высказывал своей приверженности тактике применения силы. Вместе с тем он отделялся туманным ответом на вопрос, каким образом эта сила должна быть организована и применена на деле. Возможный ответ был продемонстрирован походом Муссолини на Рим в октябре 1922 г., в результате которого он обрел власть диктатора. Ведь кроме угроз этому походу ничего не противостояло. Если что и произошло, так это был триумфальный парад, после того, как к прибывшему обычным ночным поездом в Рим Муссолини обратился король с просьбой сформировать новое правительство. Если бы тогда у власти находилось сильное правительство или если бы король Италии сообразовал взять на себя риск отдать приказ, войска регулярной армии, которых было в тот момент в столице предостаточно, могли бы подавить любую попытку переворота. Однако приказ отдан не был. И так как у власти не оказалось личности, способной принять на себя ответственность, сопротивление рухнуло и захвата фашистской милицией нескольких провинциальных центров, таких как Флоренция и Перуджа, оказалось достаточно, чтобы едва лишь пригрозив силой, вознести Муссолини к власти законным путем.

Успех Муссолини произвел глубочайшее впечатление на националистическую оппозицию в Германии. Особенно в Баварии велось множество разговоров о возможном походе на Берлин, и с началом 1923 г. стало казаться, что ключевые условия, сделавшие попытку Муссолини возможной, — слабость центральной власти и мощь сопротивлений ей, — способны вызвать повторение подобного успеха в Германии.

VI

Новым фактором, способствовавшим возврату нестабильности и конфронтации, характерным для 1918—1920 гг., послужило то обстоятельство, что в ответ на требование союзников выплатить военные репарации Германия заявила, что платить нечем. Решив положить конец увиланиям немцев, французы в январе 1923 г. заняли Рур, на что Германия ответила призывом к общенациональному пассивному сопротивлению, возглавленному правительством при поддержке всех политических партий.

В июне 1922 г. министр иностранных дел Ратенау был убит правыми террористами, и германское правительство издало Закон в защиту республики. Однако этот закон оказался малоэффективен, и теперь ранее запрещенные правительством парламентские партии, как националистической, так и коммунистической ориентации, прикрываясь

всеобщим призывом к сопротивлению французам, смогли снова легализоваться и безнаказанно продолжать свою политику насилия. Баварией все еще болезненно переживалась утрата статуса союзного государства с монархическим строем, чем она являлась в годы Империи, и мюнхенское правительство выполнять новый закон отказалось.

Политическая нестабильность, вызванная оккупацией Рура и призывом правительства к сопротивлению, усугублялась и шаткостью экономики, возникшей в результате резкого падения курса марки. Корень этого зла состоял в том, что правительство в годы войны неосмотрительно пустилось на займы ради финансирования военных действий, что и повлекло за собой чудовищный рост национального долга и избыточность денежных сумм, находящихся на руках у граждан. К 1922 г. марка упала до одной десятой своей стоимости в 1920 г. В течение 1923 г. она обесценилась вообще. 1 июля доллар стоил 160 000 марок, 1 августа — 1 000 000. 15 января 1923 г. уже 1 000 000 000 000 марок соответствовал покупательной стоимости марки 1914 года.

В ноябре была достигнута стабилизация курса — без особого труда и в основном без привлечения иностранной помощи, хоть и в условиях гораздо худших, чем если бы это было предпринято год назад. Вместе с тем германские эксперты утверждали, что стабилизация невозможна и с готовностью возлагали всю вину на страны-победительницы и их требования о репарациях. Кое-кто в Германии сумел сколотить состояние в годы инфляции; прежде всего это были помещики и промышленники, кому удалось избавиться от долгов и получить возможность возвращать кредиты, взятые из рейхсбанка, обесцененными марками. Однако широкие массы населения пострадали жестоко. Средние классы в большинстве своем потеряли практически все свои сбережения и многие скатились до уровня нищеты. Покупательная способность рабочего заработка упала до минимума, многие рабочие не могли рассчитывать ни на сносное пропитание, ни на крышу над головой. Последствия этого потрясения долго еще сказывались в германском обществе, вызывая как политическую, так и затяжную психологическую дестабилизацию.

По мере того, как все дороже и дороже обходилась стране политика «пассивного сопротивления», постепенно все чаще и чаще немцы стали говорить себе: «так больше жить нельзя» и обвиняли правительство в пассивности. Создалась ситуация, благоприятная для Гитлера и нацистов. Гитлер вполне осознавал открывшуюся возможность; проблема для него состояла лишь в том, как именно воспользоваться ею в своих интересах. Он по-прежнему был вождем всего лишь одной из многочисленных правых группировок, избивавших в Баварии, и не мог считать себя настолько окрепшим, чтобы достичь чего-либо самостоя-

тельно в условиях тактических разногласий с теми, на кого можно было бы рассчитывать как на потенциальных союзников. Эти разногласия и послужили причиной последовавшей затем серии неслаженных действий, закончившихся фиаско во время ноябрьского путча.

Чтобы представить себе политическую картину Германии 1920-х гг., необходимо помнить, что Веймарская республика, как и Германская империя, которой она пришла на смену, имела федеральную структуру. Государство состояло из семнадцати областей — земель: от самой крупной, Пруссии, насчитывающей 38 млн. жителей и занимавшей три четверти всей территории, до самой маленькой — Шамбург-Липпе, насчитывавшей 48 тыс. жителей. Кроме центрального правительства, в полномочия которого входили налогообложение, внешняя политика и оборона, а также национального парламента, рейхстага, каждая область имела свое собственное правительство, в ведении которого находились, в частности, полиция и просвещение, а также свои собственные парламенты, ландтаги. Самым крупным было правительство Пруссии, местом пребывания которого был Берлин и которое, если учитывать размеры населения и огромные ресурсы этой области, вполне могло соперничать с центральным правительством, также находившимся в Берлине.

Однако в 1923 г. Гитлер сосредоточился на конфликте между центральным правительством в Берлине и правым Баварским правительством в Мюнхене (Бавария была второй по величине областью после Пруссии). Конфликт касался трех моментов. Первым явилось баварское чувство исключительности, овладевшая политиками правого толка мечта сделать Баварию, повысив ее довоенный статус, максимально автономной, возможно даже независимой, и восстановить в ней монархию Виттельсбахов. Вторым моментом — одержимость многих офицеров рейхсвера, в том числе и Рема, идеей создать на основе штурмовых отрядов и бывших подразделений добровольцев скрытый резерв помимо тех 100 000 чел, которые были позволены германской армии Версальским договором. И третий — сильнейший взрыв национализма в условиях французской агрессии и оккупации Рура, что побудило германский народ сплотиться вокруг республиканского правительства в Берлине и тем самым укрепить Веймарскую республику.

Гитлер не разделял ни одной из этих амбиций. Бавария привлекала его исключительно тем, что ее можно использовать в качестве трамплина для прыжка на Берлин, чтобы свергнуть существующее федеральное правительство, заменив его на такое, которое смогло бы объединить всех немцев, включая австрийцев и баварцев в единое сильное национальное государство.

Гитлер видел в штурмовых отрядах прежде всего воени-

зированный кулак партии, пускаемый вход с политической целью, а не в качестве армейского резерва, и считал, что восстановить военную мощь Германии можно не игрой в солдатики где-то в глуши баварских лесов и не предпринимаемая партизанские наскоки на французские войска в Руре, но путем захвата политической власти и перевооружения, чему новая власть откроет путь.

Что касалось призыва к национальному единству, то тут Гитлер намеренно устремился против течения, утверждая, что истинным врагом германского народа являются не французы, а все еще находящееся у власти в Берлине правительство «ноябрьских преступников», принявших условия Версальского договора. Гитлер был столь же непреклонен, сколь и Ленин: единственное, что необходимо — это захватить власть; лишь только власть будет завоевана, можно предпринимать следующий шаг. Однако если бы Гитлер в открытую принялся отстаивать подобный путь, он скоро бы оказался в одиночестве, а этого допустить было никак нельзя. Чтобы не выпасть из политической игры, Гитлеру приходилось маневрировать и идти на компромиссы, однако ему так и не удалось погасить недоверие к себе со стороны прочих игроков, которые, хоть с готовностью и принимали его в союзники (между февралем и ноябрем 1923 г. численность нацистской партии возросла до 35 000, а штурмовиков — до 15 000), не хотели общаться с ним на равных, тем более позволять ему диктовать свои условия.

Организовав совместно с прочими военными националистическими группировками «Союз борьбы», Гитлер планировал провести 1 мая 1923 г. широкую демонстрацию, чтобы не допустить или сорвать проведение в этот день традиционных левых манифестаций. Баварское правительство разрешило массовый митинг и парад, запретив при этом всякие уличные шествия. Однако Гитлер проигнорировал запрет, решив удвоить ставки в игре. Несмотря на запрет, непосредственно объявленный генералом фон Лоссовим, окружным командующим рейхсвера, предводимые Ремом штурмовики отправились в казармы и вооружились винтовками и пулеметами, хранившимися там с санкции «патриотических союзов». Отправляясь на предстоящий парад, нацистские штурмовики были убеждены, что наконец-то настал час тех самых революционных действий, о которых так часто говорил Гитлер; когда Гитлер вышел им навстречу, он был в шлеме и с Железным крестом на груди. Однако Лоссов проявил характер: он приказал Рему, тогда еще рядовому офицеру, обеспечить, чтобы все украденное оружие было возвращено, и придал ему солдат и полицию, проследить, чтобы приказ был выполнен с точностью. Кое-кто из руководителей «Союза борьбы» поддерживал идею немедленных действий, считая, что можно увлечь за собой и рейхсвер. Однако Гитлер побоялся

рисковать. Он отдал распоряжение штурмовикам вернуть оружие в казармы, хотя и пытался в своем выступлении в цирке «Кроне» как-то оправдаться, все же индент был в целом воспринят, как его проигрыш. Гитлер и сам подтвердил это, исчезнув из Мюнхена и несколько недель отсиживаясь в Оберзальберге. Лишившись прежней уверенности в себе, он, все еще оставаясь подданным Австрии, боялся, что его могут выслать из Баварии.

С углублением кризисной ситуации в августе-сентябре Гитлер решил еще раз испытать удачу. 11 августа правительство Куно, начавшее кампанию «пассивного сопротивления» в Руре, подало в отставку, открыто признав, что приструнить французов не способно. Под угрозой оказалось и экономическое, и политическое единство рейха: экономическое — как результат окончательного краха денежного обращения, политическое — как следствие поддержки французами рейнского сепаратизма, организуемых коммунистами забастовок и волнений, а также возобновления в Баварии слухов о намерениях порвать с Берлином. Единственное, что оставалось новому кабинету, сформированному Штрэземаном в августе, — это отменить кампанию сопротивления французам, шаг, который вполне мог быть использован в качестве основания для атаки на правительство как на «предателей Отечества». На следующий день после широкой демонстрации в Нюрнберге, приуроченной к годовщине поражения французов в битве при Седане 2 сентября 1870 г. (во время демонстрации выступал с речью Гитлер), был возрожден «Союз борьбы».

Обретя прежнюю энергию, Гитлер теперь стал выступать по 5—6 раз в день.

«Дни режима, установившегося в ноябре (1918), сочтены, — говорил он своим слушателям 12 ноября, — Здание шатается, корпус трещит по всем швам. Теперь перед нами лишь два пути: свастика или звезда Советов, мировая диктатура пролетариата или Священная Германская империя. Первым актом возрождения должен явиться поход на Берлин и установление национальной диктатуры».

Вопрос о возможном диктаторе был открыт. Генерал Людendorф, принявший пост президента обновленного «Союза борьбы», полагал, что диктатором будет он; неясно при этом, видел ли тогда Гитлер себя в этой роли, или в то время он удовлетворялся ролью «барабанщика». Однако сложности у него оставались все те же. Недостаточно повести за собой «Союз борьбы»; хорошо бы иметь вдобавок поддержку баварского правительства, а также поддержку или хотя бы молчаливое согласие рейхсвера. Чтобы ограничить свободу действия «Союза борьбы», 26 сентября баварское правительство объявило чрезвычайное положение и назначило политика из правых фон Кара комиссаром, наделив его диктаторскими полномочиями, каковы-

ми он не преминул воспользоваться и отменил 14 массовых митингов, объявленных Гитлером, возобновивший свою активность.

Однако решающее значение имело то, как отнесется ко всему этому рейхсвер. 26 сентября, в день когда известие о провозглашении в Баварии чрезвычайного положения дошло до Берлина, президент Эберт и кабинет рейха встретились с генералом фон Сектом, главнокомандующим армией, чтобы выяснить, за кого рейхсвер. Ответ генерала был: «Рейхсвер, господин рейхспрезидент, за меня!». И это должно было означать, что армия, а не правительство является единственным защитником целостности рейха и ради сохранения этого единства она будет действовать так, как прикажет ее командование. Кабинет был не в том положении, чтобы спорить с генералом фон Сектом. Правительство было уже радо и тому, что в сложившихся обстоятельствах рейхсвер готов перед угрозой гражданской войны его поддержать. Опираясь на армию, правительство, в свою очередь, получило возможность объявить чрезвычайное положение по всей стране, передав формально карательные функции в руки министра обороны, а фактически — в руки фон Секта как главнокомандующего.

В течение полугода армия, как и в годы войны, через командующих семи военных округов держала под контролем в стране все, включая цены, денежное обращение и условия труда. Попытка «черного рейхсвера» устроить путч правых сил была тут же пресечена, а угроза со стороны левого правительства Саксонии организовать восстание красной милиции была подавлена силой. Подобным же образом были подавлены волнения в Гамбурге и Тюрингии.

С Баварией дело обстояло намного труднее, и именно начавшийся открытый конфликт между Мюнхеном и Берлином предоставил Гитлеру шанс. Признать власть центрального правительства отказался не только фон Кар; генерал фон Лоссов, командующий военным округом Баварии, отказался выполнить приказ фон Секта, предписывавший запретить нацистскую «Фелькишер Беобахтер» за проводимую ею ожесточенную кампанию против Берлина и арестовать ведущих германских националистов в Баварии. Фон Сект напомнил фон Лоссову, что он и подчиненные ему войска давали присягу, однако фон Кар и фон Лоссов упорствовали, поддерживаемые также полковником Зайссером, начальником баварской полиции.

Цели триумвирата не вполне ясны; наиболее вероятно, что они хотели выждать и посмотреть, как будут развиваться события, и в зависимости от их развития принимать то или иное решение. По-видимому, фон Кар сам замыслил поход на Берлин, и 24 октября фон Лоссов созвал совещание, чтобы обсудить план предстоящей операции. Однако Гитлер и руководство СА намеренно туда приглашены

не были, и Гитлер заподозрил, что либо триумvirат намерен действовать без него, либо они хотят попробовать убедить фон Секта установить общегосударственную диктатуру, и тогда баварцы сплотились бы вокруг нового диктатора в надежде, что их интересы будут учтены.

Со своей стороны, Гитлер и «Союз борьбы» также готовились к подобному шагу, и чем дальше, тем больше томились нетерпением. Гитлер не мог допустить, чтобы повторилось первомайское фиаско. Он, как и триумvirат, понимал, что время уходит, и скоро, возможно, берлинское правительство преодолет кризис. 6 ноября «Союз борьбы» постановил действовать на свой страх и риск, поставить фон Кара и фон Лоссова перед *fait accompli**, дав им понять, что мосты сожжены. Проведав, что фон Кар планировал на 8 ноября крупный митинг, на котором должна была присутствовать баварская знать, Гитлер решил воспользоваться этим событием. То был, скорее, даже не «гитлеровский путч», а «последняя отчаянная авантюра человека, боявшегося быть преданным своими сподвижниками по заговору».

Пришедшая на митинг толпа в 2000 человек набилась битком подвал пивной «Бюргерброй» послушать баварских лидеров. Но не успело собрание открыться, как Гитлер прорвался вперед, заняв место оратора, и, потрясая револьвером, выкрикнул, что национальная революция началась. Оттеснив фон Кара, фон Лоссова и Зайссера в боковую комнатку, он снова возник перед публикой и объявил, что сформировано временное национальное правительство, в котором он берет на себя политическое руководство, Людендорф явится главнокомандующим германской армией, а все члены триумvirата также получат высокие посты. Вместе с Людендорфом Гитлер вывел всех троих на сцену, где те присягнули ему на верность и в ознаменование примирения обменялись с Гитлером рукопожатиями под громкие рукоплескания, после чего тройка, принеся свои извинения, под шумок, пока Гитлер был отвлечен другими делами, удалилась.

Когда же дело дошло до решительных действий и приращения силы, что, собственно, Гитлер беспрестанно провозглашал своей целью, он оказался крайне беспомощен. Никакого тщательно разработанного плана у него не было, и когда в конце концов Гитлер вынужден был признать, что и фон Лоссов, и фон Кар снова обрели свободу действий и уже предпринимают меры для подавления его мятежа, он испытал нервное потрясение, впав сначала в ярость, затем в отчаяние, сменившееся апатией, потом, испытав прилив надежды, закончившийся смятением. Собственно, если бы он удосужился взять себя в руки, чтобы выйти

на улицу и лично обратиться к народу — эту миссию он переложил на плечи Штрайхера, — то Гитлер понял бы, что есть еще возможность обрести поддержку масс для похода на Берлин. Но вместо этого он сидел, запершись в пивной, изолированный от тех самых масс, которые прежде наполняли его силами, не способный решить, стоит ли рискнуть и организовать демонстрацию. За него решил Людендорф. На следующее утро он поставил Гитлера с еще несколькими нацистскими лидерами во главе многотысячной колонны, которая, пройдя по мосту через Изар, направилась маршем в центр города.

Свидетели этого события упорно утверждают, что к тому моменту Гитлер уже полностью утратил веру в замысливаемое. Когда полицейский заслон на Одеонплац открыл огонь, ряды демонстрантов дрогнули; четырнадцать человек было убито, погибли трое полицейских, многие получили ранения. Людендорф устремился вперед, пробиваясь через кордон, между тем Гитлер, будучи сбит с ног и отделившись вывихом плеча, кое-как поднялся и бежал, впоследствии укравшись в местечке Уффинг в окрестностях Мюнхена. Через пару дней его арестовали и в состоянии полнейшей подавленности отправили в тюрьму. Он был убежден, что уже никогда не оправится после этого кошмара и что его непременно расстреляют.

Однако, как оказалось, Гитлеру было еще далеко до конца. Хотя его судили за государственную измену и признали виновным, он пробыл в заключении менее года. И все же, выплыв снова к концу 1924 г., Гитлер столкнулся с необходимостью начать чуть ли ни с самого начала и снова шаг за шагом наворачивать авторитет. Планы устроить в 1923 г. переворот на манер предпринятого год назад Муссолини похода на Рим оказались абсолютной утопией. В случае удачи все это, конечно, прибавило бы Гитлеру проблем, но при этом он, по крайней мере, был бы допущен к игре на правах полноценного игрока. Вместо этого Гитлеру пришлось потратить еще пять лет лишь на возврат к игре.

Если сравнивать с той исторической ролью, которую играл Сталин в событиях того же периода, а также с размахом того, что происходило тогда в России, начало политической карьеры Гитлера и его ноябрьский путч, которому газеты мира посвятили всего лишь абзац, может показаться крайне незначительным явлением. И тем не менее, как и сталинский период ученичества, длившийся вплоть до 1917 г., как то, что произошло с Гитлером в 1923 г., даже само его фиаско, резко оборвавшее его движение вперед, не могло не сказаться на определении пути, которым он впоследствии пришел к власти.

* Свершимся фактом (франц.). (Прим. ред.)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Сталин: 1918—1924
(в возрасте от 38 до 44 лет)

I

Революция в России остается одним из самых выдающихся, а также решающих событий в истории XX века. Большевики были самой немногочисленной из социалистических партий России, насчитывавшей к началу 1917 г. 25 000 членов и большую часть этого года пребывавшей в оппозиции и политической изоляции. Однако уже к концу 1917 г. их вожди неожиданно и буквально за одну ночь сформировали первое в мире социалистическое правительство, взвалившее на себя бремя ответственности за всю колоссальную страну с населением более 170 миллионов. К осени 1918 г., в итоге года пребывания у власти, большевики положили конец войне и учредили однопартийную диктатуру, утверждая, что это диктатура рабочих и крестьян. Между тем, пока было сомнительно, смогут ли они распространить свою власть на всю страну, хотя бы просто удержать свое правление, не говоря уже о том, чтоб доказать эффективность своей программы экономического и социального преобразования. То, на что Ленин и Троцкий рассчитывали как на решающую предпосылку воплощения своих надежд на успех — одновременные вспышки революций в Западной Европе и прежде всего в Германии, — оказалось малореальным. Не получив ожидаемой поддержки от братских социалистических правительств, большевики вдобавок столкнулись с интервенцией Антанты, выступившей в поддержку контрреволюционных сил внутри России.

Оккупированные в первые же годы войны Германией Украина, Польша и Прибалтийские государства по окончании войны стали независимыми государствами. Бывшими царскими генералами Деникиным, Юденичем и Врангелем, а также адмиралом Колчаком была сформирована Белая, в противовес Красной, армия. В 1918 г. войска Белой армии совместно с Чехословацким корпусом, составленным из военнопленных, захватили ключевые промышленные и стратегические центры в Сибири, на Урале и на Средней Волге.

Действовавшая на южном фронте казачья армия генерала Краснова пробивалась к северу, чтобы в районе Казани объединиться с белыми войсками, перерезав железную дорогу между Царицыном и Москвой и тем самым отрезать столицу от последней доступной житницы — Северного Кавказа. Норма хлеба для рабочих Москвы и Петрограда сократилась до тридцати грамм в день. Весь Кавказ распался на захватившие власть на местах враждующие политические группировки, воюющие и с белыми, и с красными, а попутно и друг с другом.

На Западе поляки стремились вновь овладеть украинскими и белорусскими землями, некогда входившими в состав польско-литовского государства. На Дальнем Востоке японцы, к которым вскоре присоединились американцы, высадились десантом на российском сибирском побережье. Французская армия оккупировала Одессу; британцы захватили северный порт Архангельск, а также южный — Баку. Какое-то время территория, находившаяся под властью ленинского правительства, сузилась чуть ли не до границ Московского княжества XV века.

Оказавшаяся перед лицом сложнейшей проблемы овладеть ситуацией партийная верхушка, хоть и состояла из людей толковых, все же ни у одного из них не было ни малейшего опыта в управлении государством и экономикой. Мало того, что они все были в основном теоретики, а не практики, все эти люди испытывали крайнее недоверие к традиционным методам управления, свойственным чиновничеству царской России, равно как и к буржуазным методам управления государством, характерным для стран Западной Европы, и начисто отвергали капиталистический способ управления экономикой. Не имея опыта, они не имели, кроме того, и какой-либо собственной альтернативного характера модели или схемы; приходилось импровизировать по ходу дела.

Однако ни Ленин, которому тогда было около 50 лет, ни Троцкий, которому, как и Сталину, было в ту пору около 40, не испытывали страха в этой сложнейшей ситуации. Ленин достиг своей цели, к которой шел всю жизнь, — он добился власти, что упрочило не только его собственную веру в свои силы, но также и его авторитет. Вплоть до состоявшегося в 1921 г. X съезда партии среди ее членов продолжались жаркие споры относительно политического курса в условиях терпимости к разногласиям и критике. Однако после того, как Ленин противопоставил себя большинству партии, что нашло отражение в его «Апрельских тезисах», событиях Октябрьской революции, а также в период мирных переговоров в Брест-Литовске — причем, каждый раз итог был в его пользу, — руководящая роль Ленина в партии уже сомнению не подлежала.

Старые большевики, в основном, относились к Троцко-

му, как к человеку постороннему, примкнувшему к партии лишь в августе 1917 г., а его манера командовать воспринималась многими, не одним только Сталиным, как проявление крайнего высокомерия по отношению к остальным. Однако, учитывая его работу в Петроградском Совете, после того, как Троцкий зарекомендовал себя вдохновенным специалистом по захвату власти, его роль в качестве революционного вождя уже практически не оспаривалась, в особенности когда раскрылся и его талант «организатора победы», такого Карно* русской революции, — в период гражданской войны.

Всего этого никак нельзя было сказать о сороколетнем Зиновьеве, о котором мало кто из прочих лидеров партии был особо высокого мнения. Зиновьев выступил против Ленина в вопросе о власти в 1917 г. и в знак протеста против отказа Ленина сформировать коалиционное правительство вышел из состава ЦК. Несмотря на разногласия, Ленин простил Зиновьева, и в 1919 г. тот был выдвинут кандидатом в члены политбюро (в порядке испытания), а в 1921 г. стал его полноправным членом и также председателем исполкома Коминтерна со дня его основания и еще секретарем весьма значительной Петроградской партийной организации. Однако считалось, что своим выдвижением Зиновьев обязан лишь тому, что в годы ссылки 1908—1917 гг. между ним и Лениным возникли доверительные отношения и с годами Зиновьев не лишился ленинского доверия, хотя тот и говорил о нем: «Он копирует мои ошибки». Зиновьев был умелым оратором и обладал даром пропагандиста, однако его личные претензии на роль идеолога никак всерьез не воспринимались. Тут сыграли свою роль и слова Ленина о том, что Зиновьев храбр, лишь когда минует опасность. «Паникер в чистом виде», — заклеил его Свердлов. А уж самовлюбленность Зиновьева была притчей во языцех. И все же, достигнув высот власти, Зиновьев намеревался там удержаться и, во всяком случае, (в отличие от Троцкого, которого Зиновьев ненавидел) он вел за это борьбу.

Однако в пользу Зиновьева говорит факт его прочного союза со Львом Каменевым, так же как и он, родившимся в 1883 г. и в еврейской семье. Начав подпольную деятельность в России, Каменев в 1908—1914 гг. пробыл за границей, явившись ближайшим после Зиновьева, сподвижником Ленина. Находясь одновременно со Сталиным в сибирской ссылке, Каменев одновременно с ним и вернулся оттуда в 1917 г., возобновив свою дружбу с Зиновьевым,

* Карно (*Carnot*) Лазарь Никола́ (1753—1823), член якобинского комитета общественного спасения, организатор победы войск революционной Франции над интервентами и роялистами. (*Прим. ред.*)

продлившуюся до той поры, когда оба были судимы с санкции Сталина и в 1936 г. расстреляны. Человек по натуре не слишком тщеславный, уступив лидирующую роль в их дружбе Зиновьеву, Каменев навлек на себя гнев Ленина своей примирительной позицией в 1917—1918 гг. Однако и ему было даровано прощение, а также возврат в ЦК и Политбюро на правах еще одного близкого к Ленину человека, на которого он мог положиться. Так Каменев был назначен секретарем другой крупной, на сей раз уже столичной партийной организации. Несмотря на свою склонность следовать за мнением других, Каменев все же слыл личностью более солидной, нежели Зиновьев, и пользовался всеобщей симпатией и уважением за ясность ума, что проявлялось в его речах и статьях, а также за свою деятельность на посту секретаря МК.

У двух других ведущих деятелей партии, М. Томского и А. Рыкова, большая часть их революционной деятельности, так же как у Сталина, прошла именно в России, а не за границей. Оба принадлежали к правому крылу партии, однако оба обладали богатым практическим опытом работы, весьма ценным Лениным. Среди лидеров большевизма Михаил Томский был единственным выходцем из рабочих. По профессии он был литограф, а в партию вступил, когда ему было уже двадцать четыре года. Он сумел с успехом возглавить профсоюзы. О Рыкове можно сказать, в частности, то, что он родился в крестьянской семье и был истинно русским по происхождению. Это обстоятельство следует отметить особо, поскольку три наиболее важных, после ленинского, поста в партии были заняты людьми еврейского происхождения — Троцким, Зиновьевым и Каменевым, а четвертый — грузином. Антисемитизм все еще был силен в России, а Гитлер впоследствии неустанно клеймил Москву как оплот «мирового заговора сионистов». Рыков принял на себя руководство промышленностью и в феврале 1918 г. был назначен председателем Высшего экономического совета, в 1921 г. стал, так же, как и Томский, членом Оргбюро ЦК партии, а в 1922 г. — членом Политбюро.

Единственным человеком в составе партийной верхушки, кого можно было, помимо Ленина и Троцкого, твердо признать воплощением интеллекта, был Бухарин. Еще один русский, родившийся в 1888 г. в семье школьного учителя, Бухарин, как и Каменев, короткое время учился в Московском университете до того, как всецело посвятить себя революционной деятельности; ему пришлось эмигрировать из России в 1911 г. Бухарин увлекался политэкономией, и его книга «Империализм и мировая экономика» предвосхитила ленинскую работу на эту тему, оказав на нее влияние. Возвратившись в Россию в 1917 г., Бухарин становится лидером левого крыла партии, выступает против мирного договора в Брест-Литовске в защиту революцион-

ной войны и подводит теоретическое обоснование методов военного коммунизма в своей работе «Экономика переходного периода», представлявшей собой явную попытку определить и утвердить «революционные издержки в качестве неизбежных. Его выступления, как и выступления Троцкого, был присущ определенный блеск, и все же Бухарин был личностью более популярной, чем Троцкий, в особенности среди партийной молодежи, благодаря природному обаянию и одаренности. Вместе с тем Ленин отмечал шаткость некоторых суждений Бухарина, то, что «он мягок, как воск», и, не исключено, что это послужило причиной того, что Бухарин, будучи избран кандидатом в члены Политбюро в 1919 г. так и не стал его членом вплоть до смерти Ленина в 1924 г. Никогда Бухарин не занимал ведущих постов ни в партии, ни в правительстве, и как политик с остальными лидерами сравниться не мог. Однако его отличала большая интеллектуальная свобода, нередко он даже противостоял Ленину в области теории. Бухарин явился приверженцем новой экономической политики и главным защитником перемен в ходе ее развития. Он сплотил вокруг себя молодых экономистов Института красной профессуры, и они стали пропагандистами его идей, которые он также распространял и сам, будучи главным редактором «Правды», а также нового печатного органа ЦК, журнала «Большевик».

Таковы были люди, составлявшие наравне со Сталиным верхушку руководства СССР в начале 1920-х гг., а после смерти Ленина основными противниками Сталина в борьбе за роль преемника.

К счастью коммунистов, стычки в лагере белогвардейцев, а также отсутствие согласованного плана интервенции у иностранных держав сделали ситуацию не столь безнадежной для нового правительства, как это представлялось вначале; однако теперь от большевиков зависело, сумеют ли они воспользоваться захваченной ими властью и создать действенную, боеспособную армию с надежным объединенным командованием. Учитывая тот факт, что война не закончилась победоносно для русской армии и большевикам все еще приходилось преодолевать настроение поражения в войсках, задача предстояла огромная. Однако в Троцком, назначенном в марте 1918 г. Наркомом по военным делам, новая власть обрела на редкость талантливого военного организатора. Была объявлена всеобщая мобилизация, и к концу 1918 г. в армию было зачислено 800 000 человек. Пик был достигнут в 1920 г., когда, как сообщалось, армия насчитывала 2,5 млн бойцов. Провал попытки вторгнуться в Польшу окончательно развеял надежды Ленина распространить с помощью Красной Армии революцию на всю Европу. Вместе с тем Красная Армия разбила белогвардейцев, пресекла интервенционистские

планы Антанты, направленные на свержение революционной власти в России, и к 1922 г. влияние власти большевиков расширилось и укрепилось на большей части территории, которую Россия занимала до войны, кроме западных земель, включавших Бессарабию, части Польши, принадлежавшей России, Прибалтийских государств и Финляндии.

Таков был историко-политический фон, на котором развивалась личная судьба Сталина в 1918—1921 гг. В эти годы в задачу Гитлера входило создать свое движение и укрепить его настолько, чтобы заявить о себе всерьез. Гитлер был убежден, что в случае успеха он сможет стать лидером этого движения. Задача Сталина была прямо противоположной. Коммунистическая партия уже была создана, уже было сформировано новое правительство. И там, Сталин являлся ведущей фигурой, хотя и не настолько, чтобы зарекомендовать себя ближайшим соратником Ленина, как это представлялось позднее. На том этапе никто из прочих лидеров большевизма не видел в нем возможного преемника Ленина, и нам не дано знать, насколько рано оформились в его голове эти тщеславные планы. Ленин, которому в 1920 г. было 50 лет, всего лишь на девять лет был старше Сталина, и последний вряд ли мог предвидеть, что уже в мае 1922 г. большевистский вождь переживет серию инсультов и в конце января 1924 г. скончается, не дожив и до 54 лет. Однако несомненно, что уже с лета 1922 г., хотя, возможно, и раньше, Сталина начинает посещать мысль о возможности стать преемником. Вопрос состоял для него в том, как суметь поставить себя среди прочего руководства в такое положение, когда его претензии могли рассматриваться всерьез.

В Совете Народных Комиссаров Сталин возглавлял комиссариат по делам национальностей. Возможности выделиться на этом посту были невелики. Через две недели после большевистского мятежа в 1917 г., выступая на съезде финской социал-демократической партии, Сталин провозгласил право Финляндии на самоопределение. Декрет, гарантировавший это право, был подписан Лениным и Сталиным, и отражал тот самый принцип самоопределения наций, который был заявлен Сталиным в 1913 г. в его статье «Марксизм и национальный вопрос». Не только меньшевики — в частности, Мартов, — но и такие большевики, как Бухарин и Дзержинский, подвергли этот взгляд критике, назвав «распродажей» малых народностей в угоду буржуазному национализму, производимой за счет России и русской революции. В ситуации всеобщего распада, явившейся следствием падения самодержавия, националистические движения в приграничных областях России учреждали новые антибольшевистские правительства, заявлявшие о своем стремлении полностью отделиться от России. Это

происходило не только в Польше и в Прибалтике, но также и на Кавказе, и в Средней Азии, и даже на Украине.

С другой стороны, открыто отказаться от принципа самоопределения наций значило бы оставить надежду на сохранение всех этих народностей в рамках Советского Союза*, вынуждая их обратиться за помощью и поддержкой к противникам большевизма. Сталин пытался совершить невозможное, толкая право наций на самоопределение как «средство борьбы за социализм, вытекающее из принципов социализма». Иными словами, национальная автономия могла быть приемлема только в условиях коммунистической власти.

Открывая в мае 1918 г. Совещание по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, Сталин выразился вполне определенно:

«Автономия есть форма. Весь вопрос в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму, Советская власть отнюдь не против автономии,— она за автономию, где бы вся власть находилась в руках рабочих и крестьян, где бы буржуа всех национальностей были устранены не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов».

Дальнейшее изменение ранних взглядов Сталина на этот вопрос оформило его новую концепцию автономии. Участвуя в работе комиссии по выработке проекта Советской конституции, Сталин отказался от своей прежней приверженности централизованной структуре государства в пользу некоей формы федеративного устройства, основанной на национально-территориальном признаке. Выступая против позиции Сталина, Михаил Рейснер заявил, что она представляет собой «скрытую централистскую оболочку федеральной структуры». И был абсолютно прав; однако Сталин, пользуясь поддержкой Ленина, одержал верх в этом споре.

Подобная перемена взглядов Сталина возымела большое значение в будущих событиях. Однако до тех пор, пока не стало окончательно ясно, что большевики удержат власть, все эти концепции имели чисто декларативный характер. А пока — Ленин в Москве осуществлял координацию действий, Троцкий, будучи военным наркомом, наращивал свою популярность, а прочие лидеры Советов то и дело направлялись по тревоге в горячие точки фронтов Гражданской войны. Избрав Сталина для разрешения особо критических ситуаций, Ленин еще раз подтвердил свое доверие к нему как к специалисту по наведению порядка. И Сталин это доверие оправдывал. В ситуациях разброда и шатаний, столь типичных для 1918—1919 гг., Сталин не утратил самособладания, продемонстрировав умение употребить

власть и справиться с возложенной на него задачей, к каким бы методам, вплоть до расстрела без суда и следствия, ни пришлось прибегнуть. В отличие от Гитлера, истинного фронтовика, в годы первой мировой войны, Сталин играл в Гражданской войне роль политического комиссара или специального представителя командования, но не был участником сражений на передовой. Однако пройденное в начале политической карьеры испытание войной и Сталину, и Гитлеру чрезвычайно пригодились в годы второй мировой войны, когда и тот, и другой приняли на себя верховное командование армией.

Первым назначением Сталина было его направление в стратегически важный пункт, город Царицын на Волге (который впоследствии переименуют в Сталинград, а потом в Волгоград), чтобы не позволить белым отрезать обе столицы от продовольствия. Прибыв в Царицын 6 июня, Сталин уже через двадцать четыре часа докладывал, что столкнулся с «вакханалией и спекуляцией» и добился введения карточной системы и твердых цен. 7 июля, на следующий день после попытки эсеровского мятежа, он заверял Ленина:

«Все будет сделано для предупреждения возможных неожиданностей. Будьте уверены, у нас не дрогнет рука... Учиняю разгон и нагоняй каждому, кто этого заслуживает. Не пощадим никого, ни себя, ни других, но продовольствие вам отправим».

Как раз во время пребывания в Царицыне Сталин вошел впервые в открытый конфликт с Троцким. Поводом послужило решение Троцкого как военного наркома привлекать бывших царских офицеров для создания Красной Армии, приставляя к ним коммунистов в качестве политработников, а также для гарантии благонадежности. Подобная политика у многих большевиков, в том числе и у Ленина, вызвала сомнение. Ленин уступил лишь тогда, когда узнал от Троцкого, что в Красной Армии таких «военных специалистов» уже более 40 000, и есть опасность, что без их участия и без помощи более 200 000 человек из бывшего унтер-офицерского состава новой армии создать не удастся. При всей необходимости подобного пути, проходил он далеко не так гладко. В годы Гражданской войны были нередки случаи предательства, и многие предводители отрядов красных партизан постоянно роптали, не желая подчиняться бывшим царским офицерам с их отсталыми взглядами; кроме того выражали по этому поводу свое недовольство и левые большевики, напоминая Ленину и Троцкому об их обещаниях заменить действующую армию, а также Чрезвычайную Комиссию народной милицией.

Вскоре район военных действий на Северном Кавказе явился центром оппозиции политике Троцкого, а так же, как и ранее большевистский комитет в Баку, источником отбора

* Так в тексте. (Прим. ред.)

Сталиным своих людей, на которых он впоследствии мог положиться. Близким к Сталину человеком сделался Ворошилов, старый большевик, бывший десять лет тому назад секретарем партячейки рабочих-нефтяников и членом Бакинского комитета. Невзирая на отсутствие у Ворошилова военного опыта Сталин способствовал его назначению командиром 10 армии. Политкомиссаром этой армии был назначен Серго Орджоникидзе, еще один сподвижник Сталина по Баку; именно он некогда убедил Ленина в 1912 г. кооптировать Сталина в члены ЦК. Ворошилов, Орджоникидзе, а также Буденный, бывший унтер-офицер драгунского полка, затем с успехом возглавивший сопротивление Белой армии, — стали членами сталинской мафии. Троцкий высокомерно заклеил их «оппозиционерами», однако все трое обрели вес под покровительством Сталина. Ворошилов затем сменил Троцкого на посту Наркома по военным делам. Орджоникидзе играл ведущую роль в сталинской программе индустриализации, став членом Политбюро, Буденный, а также и Ворошилов, явились первыми маршалами Советского Союза. А в 1918 г. царицынская группа на Северо-Кавказском фронте игнорировала приказы из Центра, отказывалась сотрудничать со спецями из бывшей царской армии, за что неоднократно обвинялась Троцким и Верховным командованием в нарушении дисциплины и воинской субординации.

В уже цитированном послании Ленину от 7 июля Сталин настаивал на предоставлении ему специальных военных и гражданских полномочий. Через три дня Сталин посылает очередную депешу:

«Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумагки от Троцкого меня не остановит».

С согласия Троцкого, Сталину были предоставлены требуемые им полномочия, он был назначен председателем Совета Северо-Кавказского военного Совета, но при этом ему было ясно дано понять, что Ленин поддерживает Верховное командование. Однако Сталина это не остановило, и он продолжал убеждать местное командование не обращать внимания на приказы сверху и вопреки инструкциям из Москвы отменил приказы бывшего царского генерала Сытина, назначенного Троцким командующим Южным фронтом, и вообще отказался признать это назначение.

На этот раз Троцкий категорически потребовал отзыва Сталина с Северного Кавказа и пригрозил военным трибуналом Ворошилову, если тот не выполнит его приказ. Ленин уступил настояниям Троцкого, однако, чтобы смягчить удар, направил к Сталину специальным поездом своего

ближайшего сподвижника, секретаря ЦК Якова Свердлова, чтобы тот с почестями привез Сталина в Москву. По приезде Сталин был назначен членом переименованного Реввоенсовета, а также введен во вновь созданный в конце ноября для мобилизации всех ресурсов на военные нужды Совет Рабоче-Крестьянской Обороны.

Ленин призвал Троцкого и Сталина забыть обоюдные разногласия и прийти к сотрудничеству. Сталин предпринял со своей стороны шаг в этом направлении, в ряде своих выступлений высоко отозвавшись о Троцком. Однако Троцкий не сумел преодолеть в себе чувства превосходства над Сталиным:

«Лишь много позже, — писал он в своей автобиографии, — я понял, что Сталин пытался установить со мной близкие взаимоотношения. Однако меня отталкивали в нем те его черты, которые способствовали его возвышению... узость его интересов, душевная черствость и особый цинизм провинциала, освободившегося посредством марксизма от своих предрассудков, но так и не способного выработать взамен свое собственное глубоко осмысленное и всесторонне взвешенное мировоззрение».

Сталин, со своей стороны, также имел и политические, да и не только политические резоны для неприятия Троцкого. До разрыва коалиционного союза с эсерами большевики были представлены в руководстве страной тремя фигурами — Лениным, Троцким и Сталиным. Случилось так, что Сталин вышел из этой обоймы и отошел в тень, и советское правительство, как, впрочем, и партийное руководство, олицетворялось теперь в глазах каждого с образами Ленина и Троцкого. Сталин неизменно признавал лидерство за Лениным, что было естественно, так как Ленин был почти на десять лет старше. Но Троцкий был ровесник; он родился в том же году, что и Сталин. Ныне к его талантам идеолога и оратора прибавилась еще и слава создателя Красной Армии, а затем и «организатора победы» в Гражданской войне. Для Сталина, человека тщеславного, вдобавок отягощенного навязчивым комплексом неполноценности, такое возвышение Троцкого было невыносимо и еще более усугублялось тем фактом, что сам Троцкий Сталина как своего соперника всерьез не воспринимал.

Ленин предпринимал все усилия, чтобы сгладить конфликт между Сталиным и Троцким, так как ценил их обоих, хоть и подходил к ним с разной меркой. То, что Сталин доверия Ленина не утратил, подтверждается его последующими направлениями Лениным на фронт вплоть до самого окончания Гражданской войны. В январе 1919 г. Сталин был переброшен на Восточный фронт — доложить о ситуации в связи со злополучной сдачей города Пермь. В мае Сталин укреплял оборону Петрограда перед угрозой наступления белых; по его личному распоряжению 67 мор-

ских офицеров Кронштадта было расстреляно по обвинению в предательстве. Затем в том же году он вновь был переброшен на Южный фронт, чтобы сдерживать прорыв белых к Москве, после того, как войсками Деникина был взят Орел.

После 1919 г. Сталин приобрел неоднозначную репутацию: с одной стороны, человека, бесспорно, способного и надежного, но, с другой, такого, с кем работать нелегко, кто при любых обстоятельствах ставит себя выше других. Всячески превознося собственные успехи, он в то же время жестоко критиковал неудачи других, видел предательство и заговор там, где можно было говорить о нерасторопности и разгильдяйстве, грешил завистью и слишком рьяно враждовал с товарищами, считая их своими соперниками в борьбе с врагом. Как утверждает Троцкий, когда Политбюро приняло решение наградить его Орденом Красного Знамени за участие в обороне Петрограда осенью 1919 г., Каменев в некотором замешательстве предложил вручить ту же награду и Сталину. «За что? — изумился Калинин. Тогда Бухарин отвел его в сторону и сказал: «Неужели не ясно? Это идея Ленина. Сталин не переживет, решив, что его обошли. Он никогда этого не простит».

Последний эпизод участия Сталина в Гражданской войне еще раз высветил его пороки, снискавшие общую критику. В мае 1920 г. польская армия вступила на территорию Украины и заняла Киев. Советское контрнаступление выбило поляков с Украины и вывело Красную Армию к берегу Буга. Стоило ли советским войскам переправляться на другой берег и двигаться на Запад, в глубь Польши с целью захватить Варшаву? И Сталин, и Троцкий подобную авантюру отвергали. Однако Ленин придерживался иной точки зрения. Он все еще надеялся, что революция в Европе сможет помочь Советской России. В 1919 г. в Москву съехались представители 19 стран на открытие Конгресса Коминтерна. Лидером 1-го Интернационала рабочих организаций в 1864—1876 гг. был Маркс. Основанный в 1889 г. 2-й Интернационал социалистических партий и профсоюзов призывал к парламентской демократии и был распущен в результате происшедшего в нем раскола. Ленин ухватился за возможность создать 3-й Интернационал, сориентированный на мировую революцию при русском руководстве и со штаб-квартирой в Москве. Состоявшийся в 1920 г. II конгресс Коминтерна представлял делегатов из 37 стран и принял предложенную Лениным повестку дня, состоявшую из 21 пункта. Как отмечает делегат Коммунистической партии Германии на I Конгрессе Коминтерна Клара Цеткин, идея захвата Польши привлекала Ленина потому, что ему нетерпелось «проверить на Европе мощь красноармейских пушек», тем самым попытавшись наладить связь с Германией, до сих пор пока не

определившейся. Троцкий вместе с двумя поляками, Дзержинским и Радеком, упорно противостоял в этом Ленину, и тогда Сталин переметнулся на сторону Ленина, оказавшись среди большинства Политбюро, проголосовавшего за поход на Варшаву.

В генеральном наступлении Сталин не участвовал — военными действиями руководил 27-летний Тухачевский, бывший поручик царской армии, отличившийся в Гражданской войне. Сталин был направлен в качестве представителя Политбюро в юго-западные военные расположения с целью сдерживать силы Врангеля, грозившие со стороны Крыма, предупредить возможную интервенцию со стороны Румынии, а также курировать южную часть фронта, развернутого против поляков. Он слал свои язвительные замечания по поводу перегруппировки фронтов в адрес Ленина и Политбюро: «Получил Вашу записку относительно разделения фронтов, — телеграфировал он Ленину. — Зачем Политбюро заниматься подобными пустяками?» Тем не менее Сталин и военком Юго-Западного фронта Егоров получили приказ перебросить значительные силы к северу для поддержки левого фланга армии Тухачевского, которая двигалась на Варшаву. Сначала Сталин не выполнил приказ в срок, потом и вовсе отказался его выполнять, продолжая участвовать в предпринятой Первой конной армией под командованием Буденного операции по захвату Львова, города на юге Польши. Когда 16 августа поляки предприняли контратаку на войска Тухачевского, Красная Армия потерпела сокрушительное поражение, важнейшим последствием которого явилось то, что теперь поляки могли укрепиться на неприкрытом левом фланге русских войск. Многие годы длилась ожесточенная тяжба по поводу того, кто виноват в провале, сказавшаяся на всех последующих взаимоотношениях между Сталиным и Тухачевским в 1930-е годы.

Сталин был отозван в Москву, подвергнут порицанию со стороны Ленина, а также делегатов IX Партконференции, и отстранен от участия в завершении Гражданской войны — разгроме войск Врангеля на Юге. И все же это не лишило Сталина прежнего лидерства в партии. На VIII партийном съезде, состоявшемся в марте 1919 г., его имя числилось в списке шести кандидатов в члены ЦК, розданным каждому участнику. Сталин стал членом обеих подкомиссий ЦК, учрежденных съездом, одним из пятерых членов Политбюро и членом Оргбюро; кроме того, по его инициативе при комиссариате национальностей была создана вторая инспекция — рабоче-крестьянская, Рабкрин, в чью задачу входил контроль за работой правительственных учреждений. Ни на одно из этой внушительной цепи назначений нисколько не повлиял факт ответственности за разгром армии в Польше и отстранение от военного руководства.

Вне сомнений, основной причиной этого явилось то обстоятельство, что Сталин сумел зарекомендовать себя как исключительно активный, не щадящий сил для дела, член руководства партии. Отказаться от него было невозможно. Троцкий вспоминает как задал как-то вопрос Серебрякову, члену ЦК, работавшему вместе со Сталиным в военном совете Южного фронта: была ли необходимость в двух представителях ЦК в этом совете и разве не мог Серебряков справиться один без помощи Сталина. «Подумав немного, Серебряков ответил: «Пожалуй, я не смог бы так давить на подчиненных, как Сталин». Умение давить, было как раз то свойство, которое Ленин более всего ценил в Сталине».

Слово Ленина было решающим, а он, по всей видимости, ценил Сталина не только за готовность последнего выполнить любое задание, но также именно за ту жестокость, которую Ленин в приписке к своему так называемому «завещанию» от 4 января 1923 г. заклеил как «грубость» Сталина, обосновывая необходимость смещения его с поста генерального секретаря партии. В самом начале 1920-х гг. Ленин пока воспринимал эту сталинскую черту как пролетарскую прямоту «практика», уже давно привлекавшую внимание к Сталину, и в чем Ленин видел пользу для всего партийного руководства, большинство которого состояло из таких же, как он сам, интеллигентов мелкобуржуазного происхождения. И Сталин быстро усвоил, что именно это качество обеспечит ему привилегированное положение подле Ленина, чем он и сумел в полной мере воспользоваться.

II

Пусть победа в Гражданской войне подтвердила жизнестойкость советского режима, но то, какой ценой далась эта победа, не могло не оказать сильного воздействия на его последующую историю. Наиболее ощутимыми последствиями войны явились огромные человеческие потери, — они были первыми в дальнейшей цепи непостижимых по количеству, и вместе с тем подтверждаемых документами загубленных жизней в этой стране. За годы Гражданской войны и последующих голодных лет погибло около 15 млн. мужчин, женщин и детей, — а если к этому прибавить число погибших в годы первой мировой войны, считая и военных и гражданское население, то общее число жертв этого периода окажется между 16 и 17 млн человек. По данным переписи, население России в 1923 г. было меньше примерно на 30 млн человек, чем ожидалось по прогнозам начала века. Едва ли менее значительными явились материальный ущерб и разруха. Промышленное производство в 1920 г. составляло не более одной седьмой уровня

1913 г. Рубль потерял конвертируемость; рабочим приходилось платить жалованье не в деньгах, а продуктами; единственным видом торговли стал натуральный обмен.

Такой регресс, чуть ли не знаменовавший утрату всего социально-экономического потенциала, накопленного Россией с момента отмены крепостничества в 1861 г., сулил любому правительству, решившему вернуть страну к довоенному уровню, огромнейшие трудности. И в особенности такому правительству, которое в своей программе радикальных перемен зависело от индустриального, урбанизированного сектора. До 1914 г. городское население страны составляло около 10 % (в большинстве своем это были жители мелких провинциальных городков), и лишь 2 % городских жителей было занято в промышленности и кустарном производстве. В то время, как в США их число составляло 11 % городского населения. В годы Гражданской войны именно этот сектор пострадал наиболее всего, по сравнению с более многочисленным сельским. Особенно это коснулось крупных городов: городское население в целом упало примерно с 19 % до 15 %. Москва потеряла половину населения, Петроград две трети. Война и эмиграция подкосили хозяйственную, предпринимательскую и интеллектуальную силу среднего класса России и уполовинили рабочий класс, на кого делала ставку советская система, — многие были убиты, сражаясь в рядах Красной Армии, гораздо больше (по подсчетам 8 млн человек) возвратилось в родную деревню.

Село и крестьянство понесли несравненно меньше потерь. Пропорционально составу всего населения, доля сельского крестьянства увеличилась (за счет уменьшения численности горожан) до $\frac{4}{5}$, составив 86 % численности всего занятого населения в стране. Кроме того, крестьянство сплотилось как класс в социальную силу. В 1917—1921 гг. в российском селе произошла революция. Как и предсказал Сталин, чтобы завоевать и сохранить поддержку крестьянина, коммунистической партии необходимо было отказаться от всякой мысли о национализации земли и коллективизации сельского хозяйства и позволить крестьянам (так как остановить их в этом было совершенно невозможно) изгнать помещиков и поделить землю между собой. В итоге произошло уравнивание собственности и, как следствие, рост численности «среднего слоя» крестьянства — середняков. При этом уменьшилось как число беднейшего и безземельного крестьянства, так и число богатейшего. Этот процесс возымел важнейшие экономические последствия, поскольку сокращая в объеме тот излишек продукции, который продавали богатые крестьяне, что не могло серьезнейшим образом не сказаться на продовольственных поставках в город и на обеспечении Красной Армии.

Социальные последствия были не менее значительны. В то время как городской промышленный сектор, на который преимущественно была сделана ставка в процессе преобразования жизни, оказался ослаблен; сельский, аграрный сектор, коренившийся на основах патриархального глубоко-консервативного уклада, отторгая процессы до-военного развития, окреп. Дележ земли, которую крестьяне искони считали по праву своей, но украденной у них помещиками, в их глазах исправлял теперь прежнюю социальную несправедливость и завершал начатое в 1861 г. их раскрепощение, отменившее рабство, однако вероломно отказавшее им в земле. Всякое правительство, посягнувшее забрать у крестьянина землю ради создания коллективного хозяйства, встретило бы с их стороны решительный отпор.

Еще одним важнейшим последствием Гражданской войны кроме изменения в распределении социальных сил, явились и перемены в коммунистической партии. Термин «военный коммунизм», призванный отразить эту фазу истории партии, знаменует не столько участие партии в военных действиях, сколько «милитаризацию», кроме того, прочих сторон ее деятельности. Лишь гениальному Го́йе, родись он на русской земле, было бы под силу в новых «кошмарах войны» описать ужасы войны Гражданской, а также то, насколько привычными стали для каждой из воюющих сторон изо дня в день наблюдаемые людские муки, зверства, сожжение деревень и расстрелы пленных. Привыкшее отдавать жестокие приказы, применять силу и сеять страх, коммунистическое руководство стало малопомалу считать принуждение способом решения неподдающихся экономических и социальных проблем. Карл Радек охарактеризовал тот период, как время, когда «надеялись штурмом и с винтовкой в руке пробиться вперед, в бесклассовое общество». Провозгласив декретом от 2 сентября 1918 г. чрезвычайное положение в стране, правительство объявило Советскую республику «вооруженным лагерем», и постепенно подобные образы сделались обычными в лексиконе правительственной деятельности, направленной на решение промышленных, производственных и продовольственных вопросов.

В условиях разрухи и дестабилизации самым острым из них явился продовольственный вопрос. С неохотой согласившись повременить с коллективизацией сельского хозяйства, Ленин вместе с тем был полон решимости не допустить свободной торговли хлебом, утверждая, что это равносильно реставрации капитализма. Основной чертой военного коммунизма явилась организация вооруженных «продовольственных отрядов» для изъятия излишков хлеба (или того, что считалось излишками) у крестьян. Крестьяне стали повсеместно оказывать сопротивление. Прята-

лись запасы, снижалось производство хлеба, в результате поставки продовольствия уменьшились. Позднее Ленин отмечал, что политика военного коммунизма ужасна и должна быть отменена. Однако тогда в 1918—1920 гг. он считал ее «воистину основополагающей борьбой между капитализмом и социализмом», утверждая, что эту политику следует безжалостно проводить, невзирая на враждебное отношение к ней крестьянства.

Аналогичная политика проводилась и в отношении промышленного пролетариата. В ноябре 1917 г. в порыве энтузиазма первых дней был учрежден рабочий контроль над производством. Однако результаты оказались жалкими, и промышленная продукция сократилась на четверть по сравнению с ее довоенным объемом. Ленин обратился за необходимой консультацией технического и административного плана к старым специалистам, а также нажал на профсоюзы, чтобы поднять производительность труда. Правительство уже начало процесс милитаризации производства. Первым делом солдат бросили на рубку леса, а также доставку продовольствия и топлива. Затем по инициативе Троцкого были созданы «армии труда». Третьим шагом было вместо использования мобилизованных солдат в промышленности, мобилизация промышленных рабочих на производстве в военном режиме, — мера, отстаиваемая Троцким, едва назначенным на пост Народного комиссара транспорта, как способ усиления производственной дисциплины.

В 1920 г. Троцкий опубликовал книгу «Терроризм и коммунизм», явившуюся неприкрытым провозглашением принципов военного коммунизма. Отвергая парламентскую демократию, равенство всех перед законом, гражданские права и называя их буржуазными фальшивками, Троцкий заявлял, что классовую борьбу можно вести и выиграть только с помощью силы, а не путем голосования. Отрицать террор значит отрицать социализм. Кто стремится к цели, тот должен использовать любые средства: *A la guerre comme à la guerre** было любимой фразой Ленина. Государство создавалось в интересах рабочего класса, однако:

«...оно не должно исключать элемента принуждения во всей его широте. Принцип принудительности труда так же радикально и неотвратимо заменил собой принцип вольнонаемности, как обобществление средств производства заменило собой капиталистическую собственность».

Однако к концу Гражданской войны милитаризация труда и реквизирование излишков в результате резкого поворота ленинской политики весной 1921 г. были отменены. Могут спросить, к чему тогда вспоминать этот период военного коммунизма, если он был лишь временным эта-

* Франц.: «На войне как на войне» (примеч. ред.)

пом, завершившимся одновременно с окончанием чрезвычайной ситуации, связанной с войной? Ответ таков: значительная часть членов партии, как мы увидим, хоть и приняла в 1921 г. аргументацию Ленина в пользу новой экономической политики, но без особой охоты, и по-прежнему с восторгом оглядывалась назад, на события Гражданской войны, как на героическую эпоху в истории партии, когда в революционном порыве покончить с прошлым и любой ценой утвердить в обществе новый порядок действовали бескомпромиссно и буквально совершили невозможное, устремившись от поражений к победе. В итоге, когда Сталин, разделявший подобные настроения, решил в конце 1920-х гг. возобновить попытку завершить революцию штурмом, то в поисках способа нового подъема революционной энергии он обратился, и с немалой выгодой для себя, к практике военного коммунизма.

Однако в начале 1920-х жизнь изменила свое течение, и Сталин, привыкший следовать за Лениным, повернул вслед за ним.

В ходе Гражданской войны страх поражения у красных всегда сопровождался угрозой реставрации прежнего строя и требования бывших помещиков возврата своих земель, и боязнь этого сдерживала до поры сопротивление коммунистам. Теперь с победой красных ситуация изменилась. Возвращавшиеся с войны солдаты и дезертиры пополняли ряды сельского сопротивления, участились мятежи крестьян, организуемые бандами численностью в несколько тысяч человек; зимой 1920—1921 гг. в Тамбовской, а также в других губерниях, подобные выступления достигли масштабов партизанской войны. Параллельно с этим растущее недовольство рабочих Москвы и Петрограда, а также других крупных промышленных центров, стало выливаться в забастовки и демонстрации, в особенности после того, как правительство объявило, что хлебный паек будет урезан на треть.

По мере укрепления военных успехов коммунистов, начался и в самой партии складываться оппозиция к политике Ленина и остального руководства. В марте 1920 г. на IX съезде партии группа, назвавшаяся демократическими централистами, выразила протест против усилившейся централизации власти и авторитарных методов руководства. Лидер группы Т. В. Сапронов назвал ЦК «кучкой партийных олигархов». В течение лета и осени объектом критики явился вопрос о демократизации производственных отношений. И в партии и в профсоюзах, и среди рабочих появилась весомая оппозиция, из тех, кому было не так-то просто отказаться от приверженности рабочему контролю на производстве, который Ленин расценивал теперь как утопическую иллюзию, снова обратившись к про-

фессиональным формам управления производством и оказывая давление на профсоюзы, чтобы настаивали на производственной дисциплине и на повышении производительности труда. Эта «Рабочая оппозиция» под руководством Александры Коллонтай и Александра Шляпникова (в прошлом рабочего-металлиста, затем первого наркома труда), пользуясь ощутимой поддержкой рядовых рабочих, призывала к более широкому привлечению пролетариата к принятию решений, к автономии профсоюзов и их доминирующему положению в управлении промышленностью.

В течение полугода перед X съездом партии, который состоялся в марте 1921 г., в высших эшелонах партии развернулась открытая дискуссия в связи с протестом против растущей централизации и милитаризации власти, увеличения разрыва между массами и их лидерами, которые претендовали на роль выразителей интересов масс. Ленин был в большей степени, нежели Троцкий, готов на практические уступки профсоюзам; однако он решил ни за что не уступать им в том, что касалось фундаментального принципа: роли партии в качестве авангарда, авторитетного руководства пролетариата. В 1902 г. в своей работе «Что делать?» Ленин писал: «И речи быть не может о какой бы то ни было независимой, самостоятельной идеологии рабочих масс».

Практика подтвердила правоту его слов: без партии как главного действующего лица диктатура пролетариата существовать не могла. И потому Ленин вовсе не собирался позволять призывам левых к рабочей демократии поколебать единство партии. Бросив на чашу весов весь свой непререкаемый авторитет и использовав все возможности руководителя для организации поддержки во время голосования, Ленин сумел обеспечить своей линии подавляющее большинство среди делегатов партийного съезда, открывшего 8 марта 1921 г.

Вместе с тем за 6 дней до съезда партия была потрясена до основания вооруженным восстанием моряков и военного гарнизона в Кронштадте, в 1917 г. считавшихся оплотом большевизма, а ныне именем Октября призывавших к третьей революции, чтобы сбросить давящий режим коммунистов — «комиссарократию». Как позже отмечал Ленин, «это была вспышка, наилучшим образом высветившая реальное положение вещей», она показала, насколько серьезно было противостояние партии.

Ленин реагировал без промедлений. Прежде всего, необходимо было подавить само восстание. Казалось невероятным, что подобные действия, направленные против нынешнего коммунистического руководства поддерживались временным революционным комитетом Кронштадта использующего при этом те же требования и лозунги, что провозглашались большевиками в первые дни Октября.

В глазах Ленина это была контрреволюция, и задача для него была однозначна: «кто-кого». Красноармейцы отказались стрелять в моряков и рабочих, однако правительство сломило их сопротивление обещаниями, угрозами и лживыми посулами, и войска под командованием Тухачевского, направленные Троцким из Москвы, приступом взяли крепость Кронштадт, и затем сотни, а может, и тысячи ее защитников были расстреляны без суда и следствия.

Ленин ухватился за возможность связать левое крыло своих критиков с «деятельностью «контрреволюционных сил» в Кронштадте. В своей речи на открытии съезда партии он заклеил «рабочую оппозицию» как угрозу безопасности революции. Назвал ее «анархосиндикалистским уклоном» и «прячущимися за спину революции мелкобуржуазными анархистскими элементами».

При этом Ленин не удовольствовался одним подавлением мятежа и сваливанием вины на «рабочую оппозицию». Он вновь обратил свою критику к причинам, вызвавшим трагедию, опять-таки продемонстрировав свою исключительную способность делать нелицеприятные для себя выводы и решительно исправлять ошибки. Позднее он писал:

«Мы продвинулись слишком далеко вперед... мы не обеспечили себе надежные тылы... Массы почувствовали то, что мы еще сами не смогли четко сформулировать... а именно, что непосредственный переход к чисто социалистическим формам был нам не под силу и что пока мы не научимся отступать и заниматься решением более простых задач, нам грозит крах».

Руководствуясь тем же принципом, что некогда привел его к принятию Брест-Литовских условий, Ленин вновь демонстрирует готовность пожертвовать всем, чтобы удержать власть, — но не из личных амбиций, а ради окончательного осуществления своих целей. Решительной уступкой явилась безотлагательная отмена насильственного изъятия хлеба и продовольствия, («крестьянским Брест-Литовском» назвал этот ход Рязанов, отличавшийся независимостью суждений), замена его обычным налогом, сначала натурой, потом денежным, что предоставляло крестьянам свободу торговать любыми излишками. Едва лишь съезд утвердил это постановление, как тотчас более двухсот его делегатов поспешили на уговоры роптавших красноармейцев и под дулом револьверов погнали их вперед, в атаку на Кронштадский гарнизон. По словам одного опытного политработника, сообщение об отмене изъятия излишков произвело «коренные перемены в настроениях солдат крестьянского происхождения».

Меры, на которые Ленин убедил пойти партию, замыслились им не как временная необходимость. После-

дующие перемены позволили ввести частное предпринимательство в сферу мелкого и среднего производства, а также в торговлю. Был приглашен также возобновить свои инвестиции в России иностранный капитал, причем, даже в сферу крупной промышленности, что способствовало стабилизации рубля. В результате в России вместо «военного коммунизма» стала складываться смешанная экономика со значительной долей свободной торговли; в экономической политике произошел значительный переворот.

С помощью нэпа — Новой экономической политики, — Ленин рассчитывал преодолеть парализовавший страну дефицит и создать действенную экономику.

«Мы зашли слишком далеко, — говорил Ленин в своей речи на съезде партии, — на пути национализации торговли и промышленности... Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах».

Между тем, государство надолго подчинило себе крупную промышленность, внешнюю торговлю и транспорт и, имея полный контроль над экономикой, позволяло частному сектору существовать в условиях коммерческой конкуренции с государственным, будучи уверенно, что социализм докажет свое превосходство и постепенно расширит свой сектор, в то время как частный сократится.

Под влиянием событий в Кронштадте ленинские предложения были приняты, практически не вызвав дискуссий. Так и осталось неясным, были ли эти предположения тактическим отступлением или естественным «развитием». Однако существовала явная опасность, что подобный радикальный и внезапный поворот в политике может повлечь за собой, когда минует опасность кризиса, углубление разногласий в партии. Стремясь это предотвратить, Ленин, создав большую свободу в экономике, одновременно ужесточил контроль сверху в политике. И именно в этом контексте следует говорить о решающем влиянии кризисных событий 1921 г. на карьеру Сталина как политика.

В ходе дискуссий, развернувшихся во время съезда, Ленин поддержал призыв Бухарина по окончании Гражданской войны отказаться от военных методов централизации и восстановить внутривнутрипартийную демократию. Но то была лишь преамбула к истинной цели Ленина. Он заявил: «...для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций!»

На заключительном заседании съезда Ленин неожиданно предложил две новые революции — «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» и «О единстве партии». Первая заклеила требование «рабочей оппозиции» предоставить профсоюзам право управлять экономической как несовместимое «с принадлежностью к РКП», как

возрождение синдикалистской ереси. В резолюции подчеркивалось, что подобные взгляды противоречат марксизму. Однако по самому изложению революции было ясно, что эти взгляды — выпад против ленинского утверждения, что:

«...только политическая партия рабочего класса, т. е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воздвигнуть, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным традициям и рецидивам мелкобуржуазным колебаниям этой массы... рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков...»

Вторая резолюция объявляла о роспуске всех групп с индивидуальной платформой, таких как «Рабочая оппозиция» и «демократические централисты», под страхом немедленного исключения из партии. В последней статье резолюции (7), не оглашаемой вплоть до января 1924 г., ЦК предписывалось «применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или поощрения допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии», что относилось также и к членам самого ЦК.

Обе резолюции были приняты подавляющим большинством голосов, а Карл Радек подытожил настроение съезда словами, ставшими по-своему пророческими для судеб многих членов партии:

«Голосуя за эту резолюцию, я чувствую, что ее можно легко обернуть против нас, и все-таки я голосую за нее... Пусть ЦК в момент опасности примет строжайшие меры против лучших членов партии, если сочтет это целесообразным... Пусть даже ЦК совершит ошибку! Она будет менее опасна, чем колебания, которые мы наблюдаем сегодня».

Вскоре после окончания съезда Ленин продемонстрировал, сколь мало значения придавал он резолюциям о профсоюзах и партийной демократии, потребовавшихся ему только затем, чтобы отреагировать на критику. При этом с той же решительностью, какую он выказал, применяя силу для подавления Кронштадского мятежа, Ленин ввел запрет на фракционность в партии. До трети членов партии было либо исключено, либо подверглось состоявшейся затем в 1921—22 гг. партийной чистке. Когда же лидеры «рабочей оппозиции» не пожелали отказаться от права иметь собственное суждение и даже (тщетно!) воззвали к Коминтерну, они снова были подвергнуты осуждению со стороны Ленина и XI съезда партии, состоявшегося в мае 1921 г., после чего двое лидеров «оппозиции» были исключены из партии.

Сталин явно как бы не фигурировал в разногласиях, расколовших партию в 1921—1922 гг. В годы военного коммунизма он придерживался ленинского курса. Когда же Ленин совершил крутой поворот в сторону НЭПа, Сталин снова последовал за ним. При этом в итоге именно он выиграл от этого более всего, и на то были две причины. Ленинское неприятие «фракционности» узаконило дальнейшее продвижение Сталина в этом направлении, превратив партию в некую монопольную структуру; кроме того, ленинское одобрение методов террора, взятых на вооружение ЧК, узаконило введение впоследствии Сталиным этих методов в управление государством.

Вторая причина выгоды, полученной Сталиным, дала плоды гораздо быстрее, чем следовало ожидать. Если Ленин и впрямь замыслил искоренить инакомыслие и защитить партию от разрушающего действия фракционности, для осуществления этого мало было победить в дискуссиях и принять резолюции на партийном съезде: для этого необходимо было заниматься повседневной и систематической партийной работой. На это вряд ли Ленин, признанный лидер партии и правительства, мог выкроить достаточно времени; к подобной работе не стремился и не имел склонности ни один из трех других членов Политбюро — Троцкий, Каменев, Зиновьев.

В то время как для пятого члена Политбюро, Сталина, такая работа была естественным развитием его обязанностей, которые он выполнял с 1917 г., что и снискало к нему такое доверие Ленина: установление контактов между центром и местной партийной властью, а также рядовыми членами партии, которым легче было найти общий язык с таким человеком, как Сталин, — как и они, выходцем из провинции, — чем с бывшими эмигрантами, людьми широко образованными, такими как Троцкий, Зиновьев или Бухарин.

Наркоматы уже были укомплектованы Сталиным по его системе. Занимая пост наркома по делам национальностей, который теперь после победы в Гражданской войне приобрел особую значимость, Сталин явился тем самым представителем Политбюро и ЦК, к кому обращались местные руководители Украины, Кавказа, Средней Азии, как бы воспроизводя систему отношений царской империи. Второй свой государственный пост Сталин обрел после того, как, съездив в 1919 г. на Урал, выявил, что чуть ли ни все 4766 советских государственных служащих в Вятской губернии представляют собой наследие царской бюрократической системы, что управленческий аппарат заражен коррупцией и бездеятельностью и что нет даже надежных средств связи, чтобы центральное правительство могло

проверить, выполняются его распоряжения или нет. Тогда Сталин предложил создать «контрольно-ревизионную комиссию», которая действовала бы посредством рабочекрестьянских групп. Ленин поддержал эту идею, и таким образом Сталин был назначен комиссаром Рабкрин — рабочекрестьянской инспекции.

Однако как само предложение Сталина, так и принятие его Лениным, выявило, насколько оба они были неопытны в борьбе с бюрократией. Хотя в этом направлении и было положено некоторое начало организацией профессиональной подготовки нового поколения государственных служащих, все же для того времени Рабкрин оказался малоэффективным. Суть проблемы была значительно глубже. Лишь после Октябрьской революции начал Ленин всерьез задумываться о роли партии в период прихода к власти. В 1920 г. им была написана работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где диктатура пролетариата представлялась, как:

«...самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против... буржуазии... могущество которой состоит... в силе привычки, в силе мелкого производства».

И выше:

«...большевики не удержались бы у власти,... без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои».

Разгадку проблемы следовало искать во взаимоотношениях между формальным и фактическим распределением власти в Советском Союзе. Новое Российское государство было провозглашено Конституцией Советской Республикой. Ее правительство — Совет Народных Комиссаров (Совнарком, что соответствовало совету или кабинету министров) — формально являлось исполнительным органом Всероссийского Съезда Советов, и каждый комиссар отвечал за деятельность одного или более государственных ведомств. Однако реальная власть по-прежнему сосредотачивалась в руках коммунистической партии, структуры, не упоминавшейся ни в Конституции 1918 г., ни в Конституции 1924 г. Политика определялась ни на Съезде Советов, ни в Совете Народных Комиссаров. Последний действительно являлся исполнительным органом, но только не Съезда Советов, как было записано в Конституции, а ЦК ВКП(б) или Политбюро. Политика решалась следующим образом: члены Совнаркома собирались не в своем истинном качестве, а как руководители партии, а затем, вновь представая в виде народных комиссаров, они пропускали свои распоряжения через государственную машину, — различные подчиненные им государственные ве-

домства, — и политика воплощалась в жизнь.

Но кто же реализовал ее на деле? Обращаясь спустя пять лет после Октябрьской революции к IV Конгрессу Коминтерна, Ленин говорил:

«Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Здесь мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы».

Тогда и речи не могло быть о том, чтобы партия приняла на себя руководство государством и управление промышленностью. Для этого у ее членов не было необходимого опыта; и вплоть до 1928 г. пока не выковалось новое поколение управленцев, новый режим продолжал опираться (как и в организации Красной Армии) на тех управленцев и администраторов, что уцелели с дореволюционных времен. В тот период партии отводилась роль надзирателя и вдохновителя, приводящего в движение формально существующую государственную машину. Партия призывалась на укрепление армии, действуя внутри ее посредством разветвленной сети политработников, она управляла процедурой голосования выборов и политическими дискуссиями в Советах — от поселковой сходки до Верховного. В 1920-е гг. усилилось проникновение партии на все уровни госаппарата, включая управленческие органы союзных республик (например, Украины), крупных городов, таких как Петроград и Москва, в национализированную промышленность и профсоюзы.

Внедрение в жизнь подобной политики требовало систематической и скрупулезной работы секретариата партии и прежде всего — радикальной перестройки самой партийной организации. Первая попытка в этом направлении была сделана в марте 1919 г. после того, как умер Яков Свердлов, возглавлявший Секретариат ЦК, аппарат которого насчитывал всего 15 человек, и полагавшийся в своей работе исключительно на свою память. Именно тогда особый акцент был сделан на деятельности Политбюро, ведающего политическими вопросами, а также на Оргбюро, учрежденное специально для решения организационных вопросов, и контроля за осуществлением политики партии. Однако меры, произведенные после смерти Свердлова, оказались не слишком действенными. Между тем становилась все более и более очевидной необходимость организовать работу центральных структур так, чтобы не чрезмерно перегружать их. После состоявшегося в марте 1921 г. X съезда партии стало очевидным, что руководство работой секретариатов надо возложить на Сталина — и как на человека, к которому Ленин относился с полным дове-

рием, и как на единственного члена ЦК, одновременно являвшегося также и членом Оргбюро, ответственным за расстановку сил в партии, а также в Политбюро, ее политическом органе. По окончании XI съезда партии, 4 апреля 1922 г. Сталин официально становится Генеральным Секретарем Коммунистической партии. Это событие, будучи отмечено в прессе лишь небольшим официальным сообщением, закрепило de facto ту власть, которой Сталин уже практически обладал. Оглядываясь назад, отметим знаменательность того обстоятельства, что именно в качестве Генерального Секретаря партии — а иной должности Сталин вплоть до 1941 года не имел*, — он добился положения, при котором сосредоточил у себя в руках такую власть, какой практически не обладал ни один человек ни в одном государстве мира в XX веке. Однако почти наверняка можно сказать, что в тот период Сталин еще и сам не представлял себе, сколь огромные перспективы сулил ему новый пост.

Каким же образом воспользовался Сталин новыми, открывшимися перед ним возможностями?

Роберт Такер утверждает, что вопреки сложившемуся стереотипу Сталин «хорошим организатором» не был и что он, по натуре мелочный и мнительный, никак не подходил для роли администратора. Все это так, однако Сталин и не был администратором в обычном смысле этого слова, поскольку не был сосредоточен только на административных вопросах. Сталина отличает как раз то, (и это, несомненно, его дар, как было даром Гитлера умение вдохновенно ораторствовать), что он обладал особым чутьем обращать административную власть в политическую. Исключительность обоих этих людей состояла в их умении использовать свои таланты — ораторский у Гитлера и организаторский вкупе с аппаратным у Сталина — для руководства партией, и в том, что это, в свою очередь, стало средством достижения единоличной, никем не оспоримой власти.

Но как Ленин и другие члены Политбюро могли допустить, чтобы в руках у одного человека сосредоточилась такая огромная власть? В тот период ни один из них не отдавал себе отчета, насколько велики амбиции Сталина, и ни одному не пришло в голову задать себе вопрос: для чего он набирает столь обязанностей? Просто кому-то надо было спихнуть работу, которой никто из прочих партийных руководителей особо заниматься не стремился, в то время как Сталин был готов взвалить все это бремя на себя, а Ленин, Каменев, Зиновьев, и даже порой Троцкий, готовы были это ему доверить. Единственным, кто мог бы угадать

* За полгода до нападения Германии на Советский Союз Сталин назначил себя Председателем Совнаркома.

подстерегавшую опасность, был Ленин, однако его обычно столь острое политическое чутье притуплялось потребностью найти исполнителя для задач, требовавших, по его убеждению, срочного исполнения, а также его уверенностью в том, что только Сталину, единственному из всех прочих лидеров партии можно доверить их решение.

Когда Преображенский, член прежнего состава Секретариата ЦК в своем выступлении на XI съезде партии (март, 1922 г.) задал вопрос, может ли Сталин, да и вообще возможно ли совмещать партийные обязанности на посту Генерального Секретаря с руководством двумя комиссариатами, Ленин ответил:

«А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми турецкими, кавказскими и прочими вопросами?... нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.»

То же относительно Рабкрин. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязем, потонем в мелких интригах.»

Ленин прекрасно видел недостатки Сталина. По словам Троцкого, когда впервые была предложена кандидатура Сталина на пост Генерального Секретаря, Ленин заметил: «Сей повар будет готовить только острые блюда». И все же иной кандидатуры не выдвинул. Разумеется, Ленин не чувствовал со стороны Сталина угрозы для себя лично, — до той поры, пока его не постиг в мае 1922 г. первый инсульт, что случилось через месяц после того, как Сталин был назначен Генеральным Секретарем.

За три года после смерти Свердлова и до выступления Сталина, уже преемником Ленина, Сталин многое сумел прибрать к рукам. Штат секретариата возрос с 30 до 600 человек еще за год до этого, а функции были поделены между рядом отделов и бюро. Так же, как и в Царицыне, на посту Генерального Секретаря Сталин окружил себя кучкой заместителей, связывавших свою карьеру с его продвижением и возвысившихся вместе с ним. Самыми главными его приспешниками были В. М. Молотов и Лазарь Каганович; оба они, пережив Сталина, были затем сняты со своих постов уже в 1957 г. Хрущевым. Молотов (настоящая фамилия Скрябин) приходился известному композитору племянником, а сам был студент-недоучка Московского университета. Среди большевиков, с самого начала сгруппировавшихся вокруг Сталина, он был одним из немногих,

кто происходил из мелкобуржуазной среды. В годы февральской революции ему было 27 лет, он заикался, носил пенсне, и выражение лица имел каменное, непроницаемое, — это выражение сохранилось у него до конца жизни. В 1920 г. Молотов стал кандидатом, а в 1921 г. — членом ЦК. В тот же период он был назначен сотрудником Секретариата и Оргбюро. Еще через год Молотов избирается членом Политбюро и, оставаясь приближенным Сталину человеком, затем занимает пост председателя Совнаркома, приобретя всемирную известность в качестве министра иностранных дел, чья подпись скрепляет нацистско-советский пакт.

Каганович, порвавший со своей средой выходец из местечковой еврейской семьи, явился неутомимым, жестким и безжалостным аппаратчиком, заслужившим репутацию лучшего в СССР руководителя. Полный решимости вырваться из нищеты украинского села, где он родился, Каганович, как и Молотов, с самого начала связал все свои надежды со Сталиным и служил ему верой и правдой, выказывая крайнюю преданность. Он был активнейшим участником ускоренной Сталинской программы индустриализации и стал известен, как человек, организовавший строительство Московского Метро. Каганович прошел испытание на верность в период чисток: на вопрос Сталина, Наркома авиационной промышленности, Каганович ответил, что этот вопрос решать не ему, а органам. Его брат покончил жизнь застрелившись. А Молотов лишь был поставлен перед фактом, что жена его отправлена в концлагерь; однако он снес и это. Для соратников Сталина Молотова и Кагановича основой их политической карьеры стала работа в Секретариате ЦК. Воистину должитель, 95-летний Каганович, как обнаружилось в 1988 г., жил в Москве в качестве персонального пенсионера.

Но долее всех находился у власти армянин Анастас Микоян, который в 1920-х гг. как и Каганович, был членом ЦК и кандидатом в члены Политбюро. Микоян явился бесценным советским Министром торговли, и оказался настолько полон сил, что пережил всех прочих должителей сталинской эры на государственном посту, оставаясь членом Политбюро, затем Президиума ЦК, вплоть до 1966 г., когда его с почестями отправили на отдых.

В составе Секретариата ЦК Сталин создал свое личное ведомство, свой особый сектор в ЦК, обслуживавший Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Первым заведующим этого отдела был Иван Товстуха, образованный марксист, сначала занимавшийся подпольной работой, потом сосланный в Сибирь, затем эмигрировавший. (По словам Бажанова, некоторое время служившего в Секретариате, однажды Сталин заметил Товстухе: «У моей матери был козел, точь-в-точь ты, только без пенсне».) Совершенно иной лич-

ностью был возникший позже на этом посту А. Н. Поскребышев; рассказывали, что говорил он, не повышая голоса, но речь его была крайне грубой, и вообще Поскребышев производил впечатление человека совершенно необразованного. В прошлом он работал в экспедиции и был взят оттуда в Секретариат только потому, что потребовался человек для выполнения физической работы. В задачи Поскребышева в качестве начальника «особого сектора» секретного отдела входило создание некоей службы безопасности, имеющей доступ по всей части советской системы, включая армию, ОГПУ* и Коминтерн, и дающей тем самым Сталину уникальные преимущества перед его соперниками. 25 лет служил Поскребышев личным секретарем Сталина и был ему верным слугой, не задававшим вопросов, какие бы поручения ему не доверялись. Он заведывал допуском к Сталину, как Борман заведывал допуском к Гитлеру, однако, в отличие от Бормана, никак не воспользовался этим в интересах укрепления собственной власти. Никто, кроме Поскребышева, не был посвящен во столько связанных со Сталиным тайн, но тот никогда о них не распространялся. Пережив все перестановки и все чистки, Поскребышев лишь в последний год жизни Сталина стал жертвой всепоглощающей подозрительности диктатора, и был внезапно отстранен им от должности.

Секретариат ЦК в его штате уже было 767 человек состоял из нескольких отделов, в том числе включал и отдел агитации и пропаганды — агитпроп, занимавшийся вопросами идеологии и культуры, а также средствами информации и прессой. Но главнейшей функцией секретариата было прижать, перетасовать, а где нужно переместить или подчистить освобожденных партийных руководителей во всех отдаленных регионах необъятной страны за пределами двух столиц — Москвы и Петрограда.

После Гражданской войны во многих обширных районах России местные и губернские партийные комитеты и власти начали действовать по собственному усмотрению, поддерживая с Москвой весьма слабые связи. Секретариат уже приступил к расчистке своих Авгиевых конюшен — повсеместному восстановлению авторитета центральной власти и налаживанию связей с провинцией. Исходя из собранных Секретариатом данных, уже в первый же год своего пребывания на высоком посту Сталин смог сообщить в своем отчете, что за прошедшие 12 месяцев было произведено более 10 000 назначений на руководящие партийные посты. Еще одна тысяча назначений была произведена на следующий год, включая и секретарей губернского масштаба.

* ЦК, политическая полиция, стала называться ГПУ после февраля 1922 г., а затем в июне 1922 г. в связи с созданием СССР стала называться ОГПУ.

Именно для проведения подобных операций и ввел Сталин в Секретариат Кагановича.

Не Сталин создавал партийный аппарат, но он завершил работу по его организации. К 1923 г. Оргбюро и Секретариат имели детальные сведения обо всех 485 000 членах партии, что давало им возможность помещать своих надежных ставленников на любую ступень партийной структуры. Весьма в духе Гитлера не только Сталин, но и Ленин, а также прочие коммунистические вожди считали, что авторитет и руководство должно исходить сверху, и что те, кто находятся ниже, должны быть подотчетны верхам в целях корректировки линии партии. Сталин мог считать своей личной заслугой то, что он наделил Оргбюро и Секретариат средствами, которые запускали всю систему в действие:

«Кадры решают все!» — сделалось одним из любимых его лозунгов». После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь».

Справедливость требует отметить, что Сталин при этом не мог не оказаться в выигрыше. По существу, на местах партийное руководство уже не избиралось, оно не было подотчетно местным партийным организациям, — назначение таких людей было «рекомендовано» сверху, они поглощались бюрократической верхушкой, зависели от нее в своих назначениях и продвижениях по службе. Аппаратчики, состоявшие в основном из представителей нового поколения, закаленного в боях Гражданской войны и напористые (как, скажем, Хрущев) в своем стремлении вверх по номенклатурной лестнице, составили заметную группу людей, отстаивавших свои права на власть и привилегии. Таким не потребовалось много времени, чтобы сообразить, что судьба их зависит как от личного расположения к ним Сталина, так и от той огромной власти, которой он будет располагать, если окажется во главе государства, — как, впрочем, и Сталину не потребовалось много времени, чтобы понять, что зависимость эта носит обоюдный характер, и что колоссальным его преимуществом в будущей борьбе за власть может стать опора на этих аппаратчиков.

Никто иной в Политбюро не располагал такими обширными познаниями партийной жизни, протекавшей за пределами Москвы и Петрограда, никто иной не был знаком со столькими молодыми руководящими работниками, «избрание» которых Сталин умел организовать на партсъездах или конференциях, чьи кандидатуры мог выдвинуть на должности в ЦК; никто иной — воспользуемся образами истории Древнего Рима, — не имел столь многочисленной

свиты плебеев. Сталин в значительно большей степени, чем его соперники, был тем представителем высшего руководства, которого хорошо знали партийные секретари как человека, всю жизнь проведенный в России, а не в эмиграции, такого же «практика», как и они сами, разделявшего их взгляды, понимавшего их проблемы, а не какого-то там интеллектуала, смотревшего на них *de haut en bas**. Не простой в общении с коллегами, Сталин всегда был доступен каждому, кто заявлялся из глубинки, был готов выслушать, дать совет, пополняя таким образом свою свиту.

В 1922 г., когда Ленин приходил в себя после первого инсульта, Сталин укрепил фундамент своей власти, в его действиях не проскальзывало ни малейшей театрализации. Троцкий, любитель бьющих в глаза эффектов (что вселяло опасение симптомов бонапартизма) не видел ни в поступках Сталина, ни в нем самом ничего, кроме признаков серой посредственности. Однако усилия Сталина оказались не напрасны. При тех новых перспективах, которые открылись перед ним в связи с болезнью Ленина, Сталин смог запустить в ход весь тот авторитет, который он создал себе в провинциальных партийных структурах, направив эту волну на центральные структуры, ведавшие политикой партии, — партийный съезд, ЦК и Политбюро, — туда, где мог решаться исход битвы за место правопреемника.

IV

До сих пор своим продвижением Сталин был обязан доверию и поддержке со стороны Ленина. В 1922—1923 гг. все это прекратилось, и Сталин пережил самое кризисное для своей политической карьеры время. Непредвиденным обстоятельством, изменившим всю ситуацию, явился инсульт, постигший Ленина в мае 1922 г. Тогда ему было всего 52 года, и через пару месяцев Ленин сумел достаточно оправиться, возвратившись к своим обязанностям уже во второй половине года. И тут не замедлил встать вопрос об преемнике. То, что произошло, естественно ослабило авторитет Ленина, да и сам он стал смотреть на Сталина и прочих своих соратников уже совсем иначе. Одно дело Сталин — правая рука, чьи действия можно держать под контролем. Но уже задолго до декабря начавший выставлять претензии на освобождение из-под опеки Сталин — в качестве преемника, это уже дело другое.

Однако перемены в отношении Ленина к Сталину были изначально вызваны не тем, что последний обретает все большую власть, а его поведением как раз в вопросе, осведомленность в котором еще до войны заставила Ленина обратить внимание на Сталина, — в национальном вопросе.

* (Франц.) сверху вниз, высокомерно (примеч. ред.)

С окончанием Гражданской войны и с освоением коммунистами большей части Российской империи этот вопрос приобрел первейшую значимость, будучи сфокусирован на проблемах половины населения страны — 65 млн из общего числа 140 млн являлись представителями как неславянских народностей, так и иных славянских, кроме русских. Так далеко ли, закрепившись у власти, были намерены продвигаться большевики в исполнении своих обещаний в отношении самоопределения наций?

Никто в коммунистическом руководстве, и прежде всего сам Ленин, не подвергали сомнению необходимость централизации власти, находившейся в руках у одной единственной партии. Однако Ленин в этом случае предупреждал от «великодержавного шовинизма», от того, чтобы считать нерусские народности второстепенными, и сражался с этим проявлением пережитков царизма, самодержавным высокомерием. Ленин критиковал тех коммунистов, кто выступал за единую школьную систему, при которой преподавался бы повсеместно только русский язык, и заявлял: «Я считаю такого коммуниста великорусским шовинистом. Он сидит во многих из нас, и нам с ним надо бороться». Однако для Сталина, отказавшегося от своих грузинских корней и выдававшего себя за русского, такое определение было лишено реального смысла: он считал революцию большевиков и ленинизм «наивысшим достижением русской культуры» и становился все менее терпим к «буржуазному национализму» украинцев и кавказцев, угрожающих требованием национально-культурной автономии.

Пожалуй, до своей болезни Ленин все разногласия, возникавшие у него со Сталиным, расценивал как расхождение в акцентах или тактике. И только столкнувшись со сталинской трактовкой грузинского вопроса, Ленин, к тому времени уже перенесший первый инсульт и в связи с этим почувствовавший, что его влияние на Сталина ослабло, убедился во всей серьезности возникших между ними разногласий. В феврале 1921 г. Ленин поддержал предложение Сталина использовать войска Красной Армии для изгнания из Грузии правительства меньшевиков, образовавшегося там в 1918 г. Покончив с меньшевиками, Сталин предложил ввести Грузию в состав Закавказской Федерации Советских республик, пренебрегая желанием грузинских большевиков самим превратить Грузию в автономную Советскую республику. Сталин поручил своему сподвижнику Орджоникидзе провести в грузинской партии чистку и избавиться от противников федерации, на что и заручился согласием Ленина и Политбюро.

Создание Закавказской Федерации* было частью широ-

* Кроме грузин, туда входили армяне и азербайджанцы; примечательно, что все три этих народности состояли между собой во многовековой вражде.

комасштабного плана Сталина по созданию новой Конституции, которая закрепляла бы введение в состав Российской Федеративной республики национальные республики, Закавказье, Украину и Белоруссию на правах автономии. Внутренняя политика, юстиция, образование и сельское хозяйство предполагалось, хотя бы формально, отнести к компетенции республиканских правительств, в то время как финансы, экономика, продовольствие и трудовая деятельность должны были «координироваться» из Москвы. Внешнюю политику, армию, безопасность, внешнюю торговлю, транспорт и связь предполагалось передать в исключительное ведение центрального правительства. Украина активно протестовала против упразднения собственного министерства внешних сношений, однако истинное противостояние продемонстрировала Грузия, не желавшая сносить угрозы Орджоникидзе и продолжавшая изливать на Москву потоки недовольств. Но все же Сталину удалось получить одобрение своего плана Комиссией по подготовке Конституции и направить его, не дожидаясь комментариев Ленина, в ЦК.

Ленин, продолжавший находиться на излечении в Горках, реагировал без промедления. Утверждая, что это вопрос высочайшей важности, Ленин попросил Политбюро дожидаться его возвращения, обвинив Сталина в «торопливости». Раскритиковав предложенную Сталиным схему за ее чрезмерную централизацию, Ленин предложил создать новое государство, Союз Советских социалистических республик, где бы Российская республика несколько не выделялась на фоне прочих национальных республик и где все они имели бы равные права. Ответ Сталина выдавал его явное раздражение. Из пяти предложенных Лениным правок он принял первую, вторую назвал «абсолютно неприемлемой», третью расценил как редакторскую правку, пятую счел излишней. По поводу четвертой Сталин иронически заметил, что Ленин «несколько поторопился». Обернув ленинскую критику против него самого, Сталин саркастически добавил: «Можно почти не сомневаться, что его поспешность «добавит масла в огонь защитников независимости» и составит товарищу Ленину репутацию либерала в национальном вопросе».

Тем не менее после трехчасовой беседы с Лениным в Горках Сталин свой план переработал с учетом ленинских замечаний, и Ленин не воспротивился принятию ЦК измененного проекта. Когда же ЦК Грузинской компартии вновь поднял этот вопрос, настаивая на прямом присоединении Грузии к СССР, а не в составе Закавказской Федерации, Ленин, подтвердив уже принятое решение, направил претензии грузин на рассмотрение Сталину, пожурился их авторов за нападки на Орджоникидзе. Тот же, по указке Сталина, продолжал проводить основательную чистку ком-

партии Грузии, смещая оппозиционно настроенных членов правительства.

Однако не прекращавшиеся со стороны компартии Грузии протесты убедили все-таки Политбюро и Ленина в том числе в необходимости провести специальное расследование. К тому времени Ленин снова приступил к работе и успел столкнуться с переменами, происшедшими за время его болезни. Наиболее ярким свидетельством этих перемен было то, что теперь за выяснением положения дел по целому ряду вопросов приходилось обращаться исключительно к Сталину. Фактором, усиливавшим сомнение Ленина насчет Генерального Секретаря, послужил один, казалось бы, незначительный, но любопытный инцидент. По сообщению Рыкова, во время его беседы с одним из лидеров грузинской оппозиции на квартире у Орджоникидзе в Тифлисе между двумя грузинами вспыхнули острые разногласия, в результате чего Орджоникидзе ударил своего оппонента по лицу. Ленин назвал поступок Орджоникидзе возмутительным. Даже в царской России высокопоставленное лицо не позволяло себе рукоприкладства по отношению к подчиненному. С возвышением Орджоникидзе и Сталин приобрели худшую из привычек высшего Российского чиновничества — хамство, эту смесь грубости и жестокости.

Ленин не принял оправдывавшего их поведение доклада Дзержинского и снова направил его, начальника ГПУ, чтобы разобрался поподробней в связи со стычкой в доме у Орджоникидзе. Через четыре дня, 16 декабря, 1922 г. Ленина постиг второй инсульт.

Последующие события стали известны лишь через много лет, в основном уже после смерти Сталина. И эти события не оставляют сомнений в том, что отношение Ленина к своему бывшему протезе теперь изменилось, и дело дошло до открытой неприязни. Она усилилась в связи с теми шагами, что предприняло Политбюро, принявшее в свои руки бразды правления. 24 декабря в результате совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами, было вынесено следующее решение:

«Владимиру Ильичу разрешается ежедневно диктовать по 5—10 минут только в том случае, если это не письма, чтобы не предполагалось получение ответа. Посещения запрещены. Друзьям и близким желательно не сообщать ему о политических событиях».

Подобные меры были продиктованы опасением, что Ленин, хоть он уже почти наверняка не сможет возглавить государство, но все же способен и в полупарализованном состоянии вмешиваться в политику. Ленин всячески старался обойти эти инструкции, и решимость его усилилась, как только Политбюро назначило Сталина надзирать за их исполнением.

В поисках союзника Ленин обратился к Троцкому. Дважды в течение 1922 г. он убеждал Троцкого занять пост заместителя Председателя Совнаркома, и оба раза Троцкий отказывался, не видя в этой перспективе возможности стать первым среди прочих заместителей, а также идеологом партии. Вместе с тем в декабре, когда Ленин воспротивился попыткам Сталина ослабить монополию государства на внешнюю торговлю, он с удовлетворением обнаружил, что Троцкий с готовностью довел его мнение до членов ЦК; удовлетворение Ленина еще более возросло, когда ЦК было вынуждено отменить свое ранее принятое решение.

«Мы отстаивали свою позицию в борьбе, — писал он, — предлагаю не останавливаться и наступать дальше». Снова в частной беседе с Троцким Ленин предлагает ему пост заместителя председателя, заявляя, что готов сформировать блок для борьбы с бюрократией в государстве и в партии. Однако через несколько дней у Ленина случилось второе кровоизлияние, и его предложение хода не получило, хотя оно могло грозить для Сталина далеко идущими последствиями.

Для заточенного в своей кремлевской квартире Ленина единственным каналом связи были его жена Крупская, сестра Мария и секретари. Но как бывший конспиратор, снова оказавшийся, как ни парадоксально, в привычных условиях, Ленин не утратил бойцовского духа. Угрожая отказом от услуг докторов, Ленин выговорил себе право работать больше дозволенных минут в день над, как он выразился, «дневниковыми записями». Но это был не дневник, а последнее его послание съезду партии, которое Ленин тайно перед смертью диктовал с 23 декабря 1922 г. по 4 января 1923 г. и которое впоследствии стало известно как его «завещание».

Встревоженный тем, что растущая бюрократизация партии и государства ведет к отчуждению как рабочих, так и крестьян, чьим интересам должна служить партия, Ленин убеждал расширить состав ЦК. В тот период ЦК состояло всего лишь из 37 членов и 19 кандидатов в члены, включая Ленина и членов Политбюро. Ленин призвал увеличить состав ЦК до 50—100 человек, настаивая на том, чтобы новых членов набирать из рабочих и крестьян;

«Желательно не из числа тех, кто уже давно работает в советских организациях, так как они уже заражены теми чертами и недостатками, с которыми желательно бороться... Они должны быть ближе к рядовым рабочим и крестьянству».

Ленин надеялся, что эти молодые члены, присутствуя на заседаниях ЦК и знакомясь с необходимыми документами «смогут, во-первых, укрепить сам Комитет, а, во-

вторых, активно работать по обновлению и совершенствованию государственного аппарата».

Под укреплением, по словам Ленина, он имел в виду необходимость избежать раскол, главная опасность которого уже просматривалась в отношениях между Сталиным и Троцким.

«Товарищ Сталин на должности Генсека сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, товарищ Троцкий, пожалуй, самый способный человек в нынешнем составе ЦК, отличается не только выдающимися способностями, но и чрезмерной самоуверенностью и излишней погруженностью в административную деятельность».

Ни того, ни другого Ленин не упоминал как возможного преемника. Его тревожило именно то обстоятельство, что свойства характера этих «выдающихся членов ЦК» могут неизбежно повлечь за собой раскол в партии. И Ленин считал, что наилучшим способом избежать этого является расширение состава ЦК.

Походя Ленин отозвался и о Зиновьеве, и о Каменеве, не возвышая их, однако, до уровня Сталина и Троцкого, как и двух других членов из более молодых — Бухарина и Пятакова, которых отметил как людей способных, но которым требовалось время, чтобы лучше себя раскрыть.

Через девять дней в приписке к письму Ленин добавил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, сносимый в отношении между отдельными коммунистами, становится нетерпимым, когда речь идет о Генеральном Секретаре. Поэтому я предлагаю товарищам найти способ сместить Сталина с этой должности, заменив его другим человеком, который был бы более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться незначительным пустяком, но в виду того, что я написал выше об отношениях между Сталиным и Троцким, это не пустяк, или такой пустяк, который может приобрести решительное значение. 4 января 1923 г.»

После того, как письмо было написано, с него было сделано несколько копий, затем оно было вложено в конверт, запечатано и снабжено пометкой: «Секретно, не вскрывать никому, кроме В. И. Ленина, а после его смерти Надежды Крупской».

Это письмо Ленина было адресовано XII съезду партии, который должен был состояться весной 1923 г. и в котором Ленин все еще надеялся принять участие. До сих пор считалось, что это письмо не было известно другим лидерам партии вплоть до мая 1924 г., когда, уже после смерти Ленина, Крупская представила письмо пленуму ЦК, посвященному подготовке к XIII съезду партии. Однако опубли-

кованная в «Правде» в 1988 г. и основанная на документах статья высказывает предположение, что секретарь Ленина Лидия Фотиева узнала Сталина и других членов ЦК с мнением о них Ленина, заключавшемся в декабрьском письме 1922 г., но не с содержанием приписки. Тем не менее никакого упоминания о письме не прозвучало во время партийного съезда 1923 г.

Позднее Троцкий утверждал, что Ленин, якобы, хотел видеть его, Троцкого, своим преемником на посту Председателя Совнаркома. Возможно, именно это и имел в виду Ленин, предлагая в свое время Троцкому должность своего заместителя, однако Троцкий от этой возможности, — не в пример Сталину в отношении должности Генерального Секретаря, — отказался. Однако в своем письме к съезду, в так называемом завещании, Ленин намеренно избегал назвать имя возможного преемника; не исключено, что он имел в виду создать коллективное руководство, осуществляемое шестеркой именно тех, кого он упоминает в своем письме, которые работали бы коллегиально под строгим надзором ЦК и ЦКК.

В то самое время, когда он диктовал свое письмо к съезду, Ленин в своих записях, датированных 30—31 декабря 1922 г., вновь вернулся к национальному вопросу. Будучи возмущен докладами Сталина и Орджоникидзе, где призывалось выжигать каленым железом националистские чувства, Ленин расценил эпизод с пощечиной, как симптоматичный для «того болота, в котором все мы погрязли». Он считал крайне необходимым искоренить подобную грубость (именно этим словом охарактеризовал Ленин действия Сталина) в отношении великороссов с наименьшинствами... Орджоникидзе заслуживал примерного наказания; однако по сути виноват был Сталин с его неосмотрительной поспешностью, с его презрением к национальным чувствам грузин, с его избытком администрирования и диктаторскими замашками. Предложенная Сталиным Конституция была уловкой. Она не могла защитить нерусские народности «от посягательств на их права со стороны типичного великорусского шовиниста, негодяя и тирана по натуре, этого классического русского бюрократа». Тот факт, что ни Сталина, ни Дзержинского, занимавшегося расследованием этого дела, русскими назвать было никак нельзя, еще более усугублял подобное обвинение: «Хорошо известно, что наши обрусевшие друзья вечно готовы переусердствовать в своем стремлении выдать себя за приемных русских детей».

Отложив свои заметки по грузинскому вопросу до XII съезда партии, Ленин в январе и феврале 1923 г. надиктовал две статьи для «Правды». Темой их явилась необходимость улучшения организации контроля над ростом бюрократизации в Советах (то есть в правительственных),

а также в партийных учреждениях. Объектом критики Ленина стал Рабкрин, которым руководил Сталин до того как стал Генеральным Секретарем, и которые теперь Ленин бичевал за бюрократические методы работы, призывая их искоренять. Сталин в этой связи упомянут не был, однако безжалостная атака Ленина на бюрократию не оставляла никаких сомнений в том, кто являлся ее истинной мишенью». Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать». И дальше Ленин замечал, метя в параллельно действовавшую и возглавляемую Сталиным ЦКК партии: «В скобках будь сказано, бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных». В корне всех этих бед лежало все то же отсутствие культуры. Ленин упомянул о людях,

«...кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской культуре»: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего».

Первая статья появилась в «Правде» 25 января 1923 г. Однако вторую, более резкую статью, содержащую особые предложения по преобразованиям, главный редактор «Правды» Бухарин опубликовать не решился. На специальном заседании Политбюро, созванном по просьбе Троцкого, к которому Крупская обратилась за содействием, большинство проголосовало против публикации этой статьи. Куйбышев даже предложил, чтобы не обижать Ленина, выпустить несколько номеров газеты с этой статьей. Но в конце концов возобладало мнение, что ее не удастся скрыть от партии, и под заголовком «Лучше меньше, да лучше» она была опубликована в «Правде» 4 марта.

К этому времени Ленин, скорее всего, чтобы предостеречь единомышленников, собрал все свои угасающие силы и предпринял последнюю атаку на Сталина. 5 марта он продиктовал письмо Троцкому с просьбой принять на себя защиту интересов Грузии в ЦК. Одновременно с этим письмом он отослал ряд своих декабрьских замечаний по национальному вопросу. На следующий день Ленин отправляет телеграмму Мдивани и членам компартии Грузии, в которой заверет, что «всем сердцем с ними» и готов оказать поддержку. Между тем, сославшись на нездоровье, Троцкий действовать отказался, и вследствие этого Сталин смог сломить правящую партийную верхушку в Грузии, заполнив своими сторонниками зал проводимой ими партконференции, и затем сместил их всех со своих постов.

Одновременно с письмом Троцкому, Ленин посылает также и письмо Сталину по поводу одного инцидента, происшедшего в конце декабря. Возбешенный вмешательством Ленина в дискуссию о монополии внешней политики и воспользовавшись тем, что ему поручено надзирать над медицинским режимом Ленина, Сталин позвонил Крупской, в грубой форме выговорил ей за то, что позволяет мужу нарушать предписания врачей, пригрозив вызвать ее на проработку в ЦК. Тогда Крупская не сказала Ленину об этом ни слова, однако написала полное возмущения письмо Каменеву, прося у него и у Зиновьева защиты. Однако Ленин в начале марта узнал о случившемся и написал Сталину следующее:

«Ув. тов. Сталин!

Вы проявили грубость и оскорбили по телефону мою жену. Хотя она была готова забыть о случившемся, факт получил огласку, она рассказала об этом Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин»

Недавно в архивах была обнаружена записка Сталина, адресованная Ленину, в которой говорилось: «Если вы считаете, что я должен взять свои слова обратно, я готов это сделать, однако я не понимаю, в чем дело и в чем моя вина». По рассказам, Ленину уже было настолько плохо, что он так и не узнал содержания записки Сталина. Известно, что некоего рода извинение Сталин адресовал самой Крупской, однако разрыв в отношениях между ним и Лениным так и не был преодолен. 6 марта здоровье Ленина стало резко ухудшаться, и 10 марта последовал очередной инсульт, леживший Ленина дара речи и парализовавший правую сторону. И это окончательно отсекло его от участия в делах. В течение лета и осени 1923 г. речь у Ленина наладилась настолько, что он даже смог тайно предпринять прощальную поездку в Москву. Кое-кто из партийных и государственных деятелей навел его в Москве, однако Сталина среди них не оказалось. Ленин со Сталиным не встречались больше никогда.

V

Должно быть, мысль о том, что человек, вызывавший в нем такое огромное восхищение, тот, чьему расположению он был всецело обязан своим возвышением, теперь стал его врагом глубоко потрясла Сталина. До конца жизни

Сталин хранил последнее письмо Ленина — оно было обнаружено после смерти Сталина в ящике его письменного стола и впервые было зачитано Хрущевым во время его негласного выступления на съезде партии в 1956 г. И все же в 1923 г. Сталин даже не подозревал, насколько далеко готов зайти Ленин и о намерении сместить его с поста Генерального Секретаря. Вместе с тем Сталин испытывал какую-то тревогу накануне очередного XII съезда партии, и потому с облегчением воспринял то, что с Лениным ему уже не придется лично общаться.

В отсутствие Ленина политика партии и руководство повседневными ее действиями находились в руках у тройки — Зиновьева, Каменева и Сталина. При обоюдной неприязни всех троих объединяло общее недоверие к Троцкому. Официально положение тройки выглядело внушительно. Каменев, являясь в отсутствие Ленина председателем Политбюро, был одним из его заместителей по Совнаркому и одновременно председателем Московского Совета. Зиновьев был главой другого крупного Совета — Петроградского, а также председателем Исполкома Коминтерна, 3-го Коммунистического Интернационала. Сталин помимо поста наркома по национальным вопросам, занимал ключевую позицию в партии, будучи Генеральным Секретарем. Вместе с тем в распоряжении у Троцкого было нечто совсем иное, — не набор высших государственных должностей, а популярность и обаяние, некий ореол вождя революции, присущий только Ленину да ему, вследствие чего любое появление Троцкого на съезде неизменно встречалось бурными овациями. Большинство членов Партии, как и сам Троцкий, считали, что в случае необходимости, только он и достоин сменить Ленина.

Если бы Троцкий в свое время предъявил притязания на роль преемника, то он мог бы развернуть по трем пунктам критику партийного руководства, воспользовавшись уже накопившейся волной недовольства: бюрократия и угроза внутрипартийной демократии, экономическая политика и национальный вопрос и новая Конституция. По всем этим трем пунктам уже отвернувшийся от Сталина Ленин был готов объединиться с Троцким.

Было уже достаточно сказано о росте бюрократии и об отношении к этому явлению. В качестве дискуссионной проблемы экономическая политика возникла вновь лишь тогда, когда НЭП осуществил свои первоочередные задачи. К весне 1923 г. экономика уже достаточно оправилась от последствий Гражданской войны, что открыло путь к сомнениям и спорам в прогнозах на будущее. Главнейшим вопросом встал вопрос нынешней кризисной ситуации «ножниц» — падению цен на сельскохозяйственную продукцию и росту цен на промышленные товары. Осмотрительный правый фланг партии, отражавший взгляды боль-

шинства руководства, возглавляемого тройкой, — Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, — отдавал предпочтение возрождению крестьянского сектора в экономике, в результате чего рост благосостояния и покупательной способности крестьянства мог бы финансировать и стимулировать рост промышленности. Утверждалось, что эти меры приведут к увеличению регулируемых рынком мелких потребительских производств, что в свою очередь будет стимулировать и рост тяжелой, производящей средства производства индустрии. В пределах НЭПа была разработана новая щадящая система налогообложения для задрабивания крестьянства в условиях, когда жесткий кредитный контроль мог стабилизировать денежное обращение и побудить промышленность сконцентрировать производство на наиболее рентабельных предприятиях, даже если это грозит безработицей.

Возглавляемая Троцким левая оппозиция стремилась отдать предпочтение тяжелой промышленности и интересам промышленных рабочих, которые, как утверждалось, должны явиться душой социалистических преобразований. Приуроченные к XII съезду партии «Промышленные тезисы» Троцкого гласили: «Лишь развитие тяжелой промышленности создаст надежный фундамент диктатуры пролетариата». При поддержке Ленина Троцкий призывал стимулировать авторитет Государственного планового комитета — Госплана и создать тщательно разработанный экономический план, предусматривающий субсидирование промышленности, преимущественно тяжелой, и использовать сам факт переноса столицы государства в Москву для достижения долгосрочных целей этого плана.

На заседании Политбюро, посвященном подготовке к съезду партии, Сталин предложил поручить в отсутствие Ленина основной доклад сделать Троцкому. Однако Троцкий отказался из боязни, что могут подумать, будто он претендует на власть еще при жизни Ленина, и предложил на эту роль вместо себя Сталина. Но Сталин также отказался, предоставив возможность выступить в этой роли тщеславному Зиновьеву. Затем Троцкий вновь оказался в неловком положении, когда Каменев сообщил членам ЦК, что Ленин обратился к Троцкому с просьбой заняться грузинским вопросом и направил ему экземпляр своей резко критической статьи «Заметки по национальному вопросу», содержащей критику в адрес Сталина, которую Троцкий продержал у себя более месяца, ни словом не обмолвившись об этом соратникам. Сталин холодно упрекнул Троцкого за то, что он действует за спиной партии. Под воздействием такой принципиальности Сталина ЦК решило ленинские заметки не публиковать, однако ознакомить с ними делегатов съезда.

На съезде, состоявшемся 17 апреля 1923 г., Троцкий

допустил еще одну оплошность, уклонившись от дебатов по поводу политики в национальном вопросе, предоставив таким образом Сталину возможность одержать очередную победу своим приятием критики Ленина, заверениями в приверженности принципу самоопределения наций и своим открытым обличением великодержавного шовинизма. Болезнь, добавлял Сталин в ответе своим грузинским оппонентам, не ограничивается одним центром: она характерна и для местного грузинского руководства, вдохновляемого правящей группой коммунистов и направленном против других нацменьшинств, проживающих в Грузии, например, армян. Одной из причин необходимости искоренения великодержавного шовинизма, по Сталину, является перспектива «изживания ^{9/10} того национализма, что все еще живет и крепнет в некоторых республиках».

Готовясь к съезду партии, Сталин преуспел в использовании возможностей своей партийной машины, чтобы обеспечить большинство голосов в свою поддержку. 55 % делегатов из обладавших правом голоса представляли собой освобожденное партийное руководство, и это вдвое превышало их количество на X съезде партии, происшедшем всего два года назад. Невзирая на возникшие осложнения в своих отношениях с отсутствующим вождем партии, Сталин неизменно отзывался о Ленине как о своем «учителе», как о вожде, который неизменно указывал остальным на их ошибки, и при этом, что характерно, Сталин заявил:

«Я должен сказать, что давно я не видал такого спяного, одушевленного одной идеей съезда. Я жалею, что тут нет тов. Ленина».

Если бы на том съезде присутствовал Ленин, вряд ли тов. Сталин остался бы в должности генсека; а так Сталину ничто не мешало поставить себе в заслугу свое согласие с Лениным и его статьей «Лучше меньше, да лучше», чтобы от своего имени обрушиться на растущую советскую и партийную бюрократию. Теперь Сталин был готов принять ленинскую идею слияния Рабкрин с расширенной ЦКК, вменив последней в обязанность предупреждать признаки деградации обеих организаций. Сталин дополнил эту мысль собственной трактовкой второго предложения Ленина — расширить состав ЦК, подчинив ему Политбюро. Ему не потребовалось много времени, чтобы узреть для себя возможность преимущества в подобном перераспределении власти в центре. До поры не будучи уверен, что в Политбюро будет поддержан большинством, Сталин уже вполне мог влиять на процесс голосования в двух других центральных структурах.

Предложения Сталина не были оставлены без критики со стороны «рабочей оппозиции», но все же были приняты достаточным большинством и даже снискали поддержку

тех оппозиционеров, которые откликнулись на призыв обновить руководство, влив в него свежую кровь. Хотя Сталин с виду как будто и принял ленинскую критику в отношении растущей бюрократии в партии, равно как и призыв к преобразованию партийных структур, на самом деле он вывернул предложения Ленина наизнанку. Состав ЦК и ЦКК был действительно, как и настаивал Ленин, расширен, и власть последней возросла, однако в этом процессе никоим образом не нашло отражения предложение Ленина производить набор новых членов не из числа партийных чиновников, а из рядовых рабочих и крестьян. Сталин умудрился повернуть так, что в результате нововведений власть центра не ослабла, а усилилась, то есть произошло как раз обратное тому, чего добивался Ленин.

Последовавшие затем выборы подтвердили верность сталинских расчетов. В то время как состав Политбюро остался практически тем же (прибавился лишь один новый кандидат в члены ЦК, Рудзутак, один из людей Сталина), все 14 новых кандидатов в члены ЦК (в их числе и Лазарь Каганович) оказались надежными сподвижниками Сталина, возникшими в 1920-е гг. ЦКК, состав которой вырос с 5 до 15 человек и влияние которой заметно возросло, управлялась президиумом из шести человек, имевших право посещать заседания ЦК. Какими методами намеревалась эта новая Комиссия защищать партию и государство от бюрократических пороков, явствует из статьи члена Президиума Гусева, опубликованной в январе 1924 г., где он излагает ее задачи:

«Центральный комитет устанавливает линию партии, а ЦКК следит, чтобы не было от нее отклонений... Авторитет достигается не за счет работы, а запугиванием. И теперь ЦКК и рабоче-крестьянская инспекция (бывший Рабкрин) весьма преуспели в методах запугивания. В этом смысле их авторитет продолжает расти».

На пост председателя новой Контрольной Комиссии Сталин назначил еще одного из своих людей, Валериана Куйбышева, сперва испытанного им на работе в Секретариате; на должности председателя Контрольной Комиссии Куйбышев пробыв до 1926 г., когда Сталин перевел его на пост председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, а его место в ЦКК занял Орджоникидзе. Как и Каганович, но только более кратковременно, Куйбышев и Орджоникидзе являлись членами Политбюро, оба они играли ведущие роли в осуществлении сталинского плана индустриализации в 1930-е гг. Но в отличие от Кагановича, эти двое сохранили некоторую независимость суждений и могли вступить со Сталиным в спор; в результате процесса чистки ни один из двоих не выдержал.

Усилив свое влияние на партаппарат, Сталин мог допустить, чтоб съезд принял резолюцию по вопросам

экономической политики, созвучную тезисам Троцкого, где тот отстаивал приоритет планированного развития индустрии. По окончании съезда большинство Политбюро вполне удовлетворялось тем, что никаких шагов по осуществлению резолюции предпринято не было, и она так и осталась резолюцией на бумаге. Лишь пять лет спустя, когда была сокрушена не только левая, но и правая оппозиция, Сталин созрел, чтобы запустить в действие и программу Троцкого, и программу левых.

Сам Троцкий позднее вынужден был признать, какую возможность он упустил. В своей автобиографии он писал:

«Не сомневаюсь, что если бы я выдвинулся накануне XII съезда в духе блока Ленин-Троцкий против сталинской бюрократии, победа была бы за мной... В 1922—1923 гг. еще можно было захватить ключевые позиции открытой атакой на фракцию... эгигонов большевизма».

Троцкий проявил слабость как политик. «Независимые действия с моей стороны могли быть... представлены, как моя личная борьба с целью занять место Ленина в партии и в государстве. Одна мысль об этом повергала меня в дрожь».

Подобные сантименты Сталину свойственны не были. Однако отдавая себе отчет в том, что позиция Троцкого пока еще достаточно сильна, Сталин повел себя вполне осмотрительно, не став открыто нападать на Троцкого, а довольствуясь умением воспользоваться тем страхом, который у иных лидеров партии вызывала перспектива осуществления Троцким государственного переворота. Сталинские манипуляции с выборами до и во время XII съезда партии не прошли незамеченными. Как-то в один из праздников Зиновьев созвал кое-кого из товарищей на неофициальное сборище в укромном месте в гроте в окрестностях Кисловодска, курорта минеральных вод на Северном Кавказе, и там был выработан единодушный план обуздания Сталина.

Когда письмо, извещавшее о планах собравшихся, легло на стол к Сталину, он сам направился в Кисловодск и предложил Зиновьеву, Троцкому и Бухарину как членам Политбюро поприсутствовать на заседаниях Оргбюро, увидеть «сталинский аппарат» изнутри. При этом Сталин предложил освободить свой пост: «Если товарищи будут настаивать на претворении своего плана, я готов уйти без скандала и без всяких разговоров». Однако если Зиновьев воспользовался предложением Сталина хотя бы раз или два поприсутствовать на заседании Оргбюро, а Троцкий с Бухариным вообще предпочли не заглядывать туда. Что касается предложения об отставке, то Сталин прекрасно понимал, что если он действительно уйдет, его уход откроет Троцкому дорогу к власти в качестве преемника Ленина, а этого было вполне достаточно, чтобы остановить Зи-

новьева и компанию от выражения дальнейших претензий к Сталину.

Летом 1923 г. советскую экономику постиг очередной кризис, на который правительство реагировало приказом по промышленности сократить производство, сосредоточив его на наиболее рентабельных предприятиях. Растущая безработица и снижение заработной платы вызвали волну забастовок, которыми хотели воспользоваться группы скрытой оппозиции. Вслед за арестами, производимыми ГПУ, пошли исключения из партии. Когда возглавляемая руководителем ГПУ Дзержинским подкомиссия ЦК выступила с рекомендацией каждому члену партии доносить в ГПУ о всех, кто занимается подпольной фракционной деятельностью, это положило конец колебаниям Троцкого, побудив его выйти из укрытия и вступить в бой.

Подобное решение Троцкого было обусловлено еще двумя обстоятельствами. Первое — это поползновения тройки ослабить его власть в военном ведомстве путем расширения состава Реввоенсовета за счет введения в него двух заклятых врагов Троцкого еще с времен Гражданской войны — Ворошилова и Лашевича. Когда же Троцкий потребовал объяснений, председатель ЦКК Куйбышев сказал: «Мы считаем необходимым начать с вами борьбу, хотя открыто врагом вас не считаем; потому-то и приходится прибегать к подобным методам».

Вторым обстоятельством было нарастание кризиса в Германии, вызванного оккупацией Рура и безудержной инфляцией, что поставило российское руководство, при его доминирующей роли в Коминтерне, перед решением: стоит или не стоит поддерживать КПГ в ее попытке захватить власть? Мнения резко разделились: Троцкий, на сей раз объединившись с Зиновьевым и Бухариным, был однозначно «за»; Сталин и Карл Радек (эксперт Коминтерна по Германскому вопросу) — столь же однозначно «против». Подобное расхождение привело в конце концов к дикой неразберихе. Восстание коммунистов в Гамбурге, считавших, что своим выступлением они возбудят всеобщий подъем, было жестоко подавлено; в Саксонии и Тюрингии, где призыв к восстанию запоздал, рейсвером были свергнуты коалиционные правительства социалистов и коммунистов. За пару недель до неудавшегося гитлеровского «путча» в Баварии возродившиеся было надежды российских коммунистов на коммунистическую революцию в Германии окончательно потонули в потоке бурных взаимных обвинений и споров о том, кто виноват.

Именно в этой обстановке Троцкий и опубликовал свое открытое письмо ЦК 8 октября 1923 г., в котором обличал «вопиющие коренные ошибки экономической политики» нынешнего руководства, что вызвало летний кризис, и отнес вину в ухудшении ситуации внутри партии за счет

подавления свободы дискуссий, а также проводимых секретариатом под руководством Сталина методов контроля над голосованием.

«Создается широкий слой партийных работников, которые полностью отказываются от собственного мнения, по крайней мере, не выражают его открыто, как бы считая, что иерархия секретариата и есть тот самый аппарат, которые создает партийное мнение и партийные решения. Под этим шлоем... широкие партийные массы, которым каждое решение подносится в форме ультиматума или команды... В этой основной массе партии накапливается значительное недовольство... которое невозможно выразить посредством влияния масс на партийную организацию (выборы в партийные комитеты и секретариаты), на которое накапливается тайно, что способствует внутренней напряженности».

Политбюро сочло, что критика Троцкого продиктована личными амбициями в стремлении обрести неограниченную власть в руководстве промышленностью и армией. Однако 15 октября в Политбюро было направлено негласное заявление, подписанное 46 виднейшими деятелями партии из крупнейших представителей оппозиции руководству, возникшей за годы после Гражданской войны. От этого уже не так-то просто было отмахнуться. В этом заявлении «46-ти», которое вскоре было предано огласке, повторялась та же критика «случайных, непродуманных и бессистемных решений ЦК», грозивших вызвать серьезный всеобщий экономический кризис, а также критика «совершенно невыносимого положения внутри партии».

ЦК на заседании, проведенном в отсутствие Троцкого, снова сославшегося на нездоровье, сумел сплотить свои ряды перед лицом этих нападков, с одной стороны, осудив Троцкого вместе с 46-членами, подписавшими заявление, за фракционность и раскол партии, а, с другой, подтвердив верность принципам демократии, в доказательство чего развернув в «Правде» широкую дискуссию по различным вопросам с прицелом выработать программу реформ.

7 ноября Зиновьев своей статьей в «Правде» воодушевленно открыл новые дебаты: «Основные наши беды зачастую состоят в том, что почти все чрезвычайно важные вопросы решаются наверху». За этим последовала оживленная дискуссия в партийных организациях на местах, которая нашла отражение на страницах «Правды». Так продолжалось до декабря. Под конец споры обострились; Сталин утверждал, что необходимо «уберечь партию, этот боевой отряд пролетариата, от превращения в дискуссионный клуб», а Зиновьев объявлял: «Благо революции есть высший закон. Каждый революционер говорит: долой «священные» принципы «чистой демократии».

Пытаясь сохранить видимость единства, Политбюро

вело долгие заседания на квартире у болевшего Троцкого в надежде найти решение и положить конец дебатам. После того как Троцкий отклонил первый вариант резолюции, Сталин и Каменев взялись вместе с ним работать над поправками, которые удовлетворили бы Троцкого. Был начертан пространный перечень реформ, включавший и реальные выборы партийного руководства, воспитание новых партийных работников, а также новые попытки ЦКК пресечь «бюрократические извращения». В свою очередь, Троцкий принял ссылку на провозглашенный X съездом партии запрет фракционности. 5 декабря Политбюро опубликовало текст резолюции, громогласно заявив о достигнутом наконец согласии в отношении реальных реформ.

Но при всем этом обе стороны друг другу не доверяли. С энтузиазмом утверждая значение резолюции, Троцкий одновременно с этим утверждал в своем открытом письме от 8 декабря, что успешной ее можно назвать лишь тогда, когда все 400 000 членов партии доведут ее до успеха. Поэтому нельзя доверять бюрократам «составлять новый курс, что означало бы бюрократически свести ее на нет».

«Прежде всего руководящие посты следует очистить от тех, кто при малейшем слове критики, возражения или протеста мечет гром и молнии. «Новый курс» должен начаться убежденностью каждого, что теперь никто не посмеет угрожать партии».

Это письмо Троцкого, а также массовое собрание партийных организаций Москвы, на котором не давали выступать представителям высшего руководства, способствовали усилению изначальных разногласий. Когда Троцкий призывал молодых членов партии спасти большевистскую «старую гвардию», Сталин парировал: всем доподлинно известно, что Троцкий, поздно примкнувший к партии, никак не может быть назван членом старой гвардии большевиков. И далее Сталин припирал к стенке своим вопросом Троцкого и оппозицию: не собираются ли они утверждать, что пора отказаться от ленинских принципов, которые сам Троцкий поддерживал на X съезде партии в 1921 и которые запрещают фракции и группировки внутри партии? Да или нет?

В этот критический момент Троцкий, заманивший руководство партии в открытый конфликт, внезапно ретировался под предлогом обострения своей болезни, а на самом деле по причине того, что именуется политическим параличом, и, оставив оппозицию без лидера, устремился перевести дух из Москвы вновь в санаторий к Черному морю. Остальные члены Политбюро, предводимые Сталиным, Зиновьевым и Бухариным, принялись за работу по разгрому оппозиции. Имея контроль над прессой, они под видом восстановления партийной дисциплины разорвали связи оппозиции с рядовым составом партии.

И чтобы довести до конца задуманное, ЦК решило созвать не выборный съезд партии, а партийную конференцию, на которую местные организации посылают в качестве своих представителей секретарей и руководство, не избираемых, а назначаемых Секретариатом ЦК. Сталин ловко подстроил так, что из 128 имеющих право голоса делегатов конференции лишь трое принадлежали к оппозиции.

XIII Партийная Конференция состоялась в январе 1924 г.; на сей раз в отсутствие Троцкого Сталин атаковал его впрямую, перечислив шесть его принципиальных ошибок. Кто должен осуществлять руководство партией, вопросал Сталин, ее Центральный Комитет или некто, представляющий себя сверхчеловеком, сегодня соглашающийся с ЦК, а завтра нападающий на него?

«Это есть попытка легализовать фракции и, прежде всего, фракцию Троцкого... Я думаю, что оппозиция в своей безудержной агитации за демократию... развязывает мелкобуржуазную стихию... Фракционная работа оппозиции — вода на мельницу врагов нашей партии...»

Стоило одному из 46-ти, Преображенскому, напомнить критику Лениным Сталина в связи с национальным вопросом, как Сталин тут же набросился на него. Дескать, теперь он выставляет Ленина гением, а раньше:

«Но позвольте спросить вас, Преображенский, почему вы с этим гениальнейшим человеком разошлись по вопросу о Брестском мире? Почему вы этого гениальнейшего человека покинули в трудную минуту и не послушали его? Где, в каком лагере вы тогда обретались?»

«Вы партию пугаете», — крикнул ему в ответ Преображенский. «Функционеров, а не партию», парировал Сталин. После чего он впервые предал огласке неизвестный ранее пункт ленинской резолюции 1921 г., в котором как крайняя мера за фракционность предлагается исключение из партии. Помимо этого Сталин пригрозил строгими мерами за разглашение секретных документов — возможно, намекая на завещание и ту приписку к нему Ленина, где предлагалось смещение Сталина с поста генсека. Приняв курс Сталина, конференция подавляющим большинством всего при трех голосах против вынесла порицание Троцкому и 46-ти отступникам за «фракционную деятельность, прямое отступление от ленинизма, а также за явную мелкобуржуазную направленность».

VI

Состоявшаяся в январе 1924 г. XIII партийная конференция является важной вехой в истории российской коммунистической партии. До нее партийные конференции и съезды были воистину такими событиями, когда разда-

вались и выслушивались голоса оппозиции, зачастую вызывая поддержку делегатов, не боявшихся это показать. Руководство могло, как правило, продолжать свой курс только тогда, когда умело отстоять свою точку зрения в открытой дискуссии. На партконференции 1924 г. весь ход впервые был полностью срежиссирован и все решения приняты заранее. С тех пор все происходило в точности по этой схеме. На конференции Сталин выступал не от собственного имени, но как представитель большинства Политбюро, и потому мог сказать, что делались попытки достичь компромисса с Троцким. Но только Сталин обладал властью действовать и благодаря созданному им в своем секретариате политическому аппарату воплощать в жизнь резолюции и постановления. XIII партконференция явилась для подобной власти первой возможностью показать себя как несокрушимую силу, и с тех пор происходящие в результате этого перемены в партии перестали восприниматься как угроза, явившись для всех данностью.

Все же в тот самый момент, когда Сталин, возможно, надеялся преуспеть в окончательном разгроме оппозиции внутри партии, смерть Ленина внесла коррективы в его планы. Последние месяцы жизни Ленин находился в трагическом положении вождя, наблюдавшего кризис в созданной им партии и не имевшим никакой возможности, в силу физического недуга, вмешаться и помочь. В «Правде» был опубликован отчет о XIII партконференции, и Крупская прочла его Ленину. Он с возбуждением воспринял все, что услышал, однако выразить словами впечатление уже не мог. На следующее утро, 21 января 1924 г. у него случился третий инсульт и перед вечером Ленин скончался.

Вопрос о преемнике, до сих пор открыто не обсуждавшийся, теперь в новом ракурсе высветил и оппозицию, и фракционные распри, которые обрели теперь застрельщиков не в съездовских кулуарах, а уже в самом последовательно разрываемом противоречиями Политбюро. Однако Сталина происшедшее не повергло в уныние, напротив он, по словам Бажанова, работавшего тогда в Секретариате, «был радостно возбужден. Никогда я не видел его в таком приподнятом настроении, как в те дни после кончины Ленина. Он шагал взад-вперед по кабинету с выражением удовлетворения».

Что было неудивительно. Пока Ленин был жив и мог еще оправиться, Сталин не чувствовал себя свободно. В последний год, чтобы скрыть внутреннее смятение, он старался придать лицу самоуверенное выражение, и продемонстрировал выдержку, умение лавировать, благодаря чему он, в результате всех испытаний, вышел победителем, снискав к себе больше доверия, чем прочие партийные лидеры. Сталину предстояло перенести еще одно испытание — ознакомиться с тем приговором себе, который оставил Ле-

нин в своем завещании. Но он не только показал всем, что сумел справиться с подобным потрясением. Сразу же после смерти Ленина стало ясно, какую месть уготовил Сталин этому человеку: он решил присвоить себе его легендарную славу.

А Троцкий снова остался за кадром, на сей раз не появившись на похоронах Ленина, вылившихся в неповторимое и скорбное событие. Надежда Мандельштам, жена поэта, вспоминала:

«...Мандельштам удивлялся Москве: какая она древняя, будто хоронят московского царя... Единственный раз за всю мою жизнь Москва добровольно вышла на улицы и построилась в очереди».

Еще один очевидец тех событий, французский журналист Роллан писал: «Боже, как можно было пропустить такое! Своим видом обиженного Ахилла... Троцкий испортил бы всю картину, если бы даже приехал в Москву».

Сам Троцкий позже утверждал, что пал жертвой козней Политбюро, неверно назвавшего ему дату похорон. Однако депрессия его не покидала... В своей автобиографии Троцкий вспоминал: «Я испытывал лишь одно сильнейшее желание, чтобы меня оставили в покое. У меня не было сил даже держать перо».

Сталин подобного промаха не совершил. Он выглядел «солидно и сдержанно» на фоне прочих руководителей партии, кто нес гроб с телом Ленина во временно сооруженный у стен Кремля склеп. Затем бальзамированное тело вождя будет выставлено в специально выстроенном на Красной площади мавзолее, — как утверждают, это была идея Сталина, против чего возражала Крупская. Вечером накануне похорон, в Большом театре, задрапированном в черный креп, состоялась траурная панихида. Позже в советских источниках утверждалось, что единственным, кто выступил с прощальной речью, был Сталин. На самом деле таких выступлений было около десятка. Однако это прощальное слово Сталина, воплотившееся, как дань его семинарскому прошлому, в катехизисном монотоне поминальной клятвы, настолько отличалось по форме от прочих выступлений, что не могло не привлечь к себе особое внимание:

«УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!»

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО НАШЕЙ ПАРТИИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!..»

Крупская, как и прочие члены старой гвардии больше-

виков, была возмущена происходящим как вульгарнейшим спектаклем, который бы и сам Ленин воспринял с негодованием. Бажанов же увидел в этом лишь лицемерие Сталина, публично приносящего клятву верности вождю, смерти которого был втайне рад.

Обе точки зрения не лишены оснований, однако вполне возможно, что при всей своей расчетливости, при всем своем ханжеском лицедействовании, Сталин испытывал удовлетворение не только при виде Ленина в гробу, но от того, что мог теперь утвердить свою с ним тесную связь, прерванную болезнью Ленина и недружелюбием последних полутора лет, связь, столь необходимую Сталину, как в человеческом, так и в политическом смысле, — как его отождествление с вождем, чьим преемником он, по собственному убеждению, был призван стать. Эта его вера была основана не только на внутренней убежденности, но и подпитывалась тщеславием. Сталин начинал смотреть на себя как на личность, обладавшую достаточно сильной волей и убежденностью, чтобы предпринимать необходимые шаги по воплощению в жизнь ленинских идей, тех самых, от которых даже сам Ленин отошел в период своей болезни и которые такие кисейные барышни как Зиновьев и Троцкий осуществить были не способны.

Так ли было на самом деле? Являлся ли «сталинизм» если не неизбежным, то хотя бы логическим итогом русской революции, если бы коммунистам не пришлось отказаться от попытки создать социалистическое общество? А, может, был какой-то еще путь? Мысль об этом не дает покоя. На нынешний момент можно считать случайностью поворот событий, происшедший вследствие той внезапной болезни, которая сначала вывела из строя, а потом и свела в могилу в возрасте 53 лет того единственного человека, который неизменно считался выше всех и, значит, обладал достаточной волей, чтобы встать на пути, когда это было еще возможно, устремившегося к власти Сталина.

СОЗДАНИЕ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Гитлер: 1924—1930

(в возрасте от 35 до 41 года)

I

26-го февраля 1924 года, ровно через месяц после речи «клятвы» Сталина в Большом театре, в Мюнхене начался судебный процесс над Гитлером и другими участниками неудавшегося путча. Известие о том, что процесс этот будет публичным, помогло Гитлеру не поддаваться отчаянию во время ареста. Уверенный в своем ораторском таланте, он усмотрел тут благоприятный случай, чтобы рассеять отрицательное впечатление, сложившееся о нем как о политическом деятеле, и задним числом обратить поражение в триумф.

Для этой цели он воспользовался простым, но в высшей степени действенным приемом. В соответствии с процессуальной формой Гитлер, Людендорф и другие руководители «Союза борьбы» привлекались к суду как обвиняемые, а трое — фон Кар, фон Лоссов и Зейсер выступали главными свидетелями обвинения. Но Гитлер перевернул все с ног на голову: он не стал отвергать обвинение в государственной измене и, признав себя виновным, усадил свидетелей на скамью подсудимых, ибо выдвинул против них встречное обвинение — заявил, что свидетели замешаны в измене ничуть не меньше обвиняемых и не признались в ней лишь по недостатку мужества и честности. «Если расценивать нашу деятельность как государственную измену,— заявил Гитлер в своем первом ответном слове,— то Лоссов, Кар и Зейсер совершили ее вместе с нами, ибо в течение всех этих недель, мы говорили лишь о тех целях, в преследовании которых нас сейчас обвиняют». А так как все сидевшие в зале судебных заседаний знали, что это правда, он сумел сразу завладеть инициативой. Далее он заявил: «Ответственность лежит только на мне, но это не значит, что я преступник. И если сегодня я стою здесь как революционер, то как революционер, восставший против революции. Нельзя предать предателей 1918 года...» Его заключительные слова: «Я не считаю себя предателем, я считаю себя

немцем, который хочет блага своему народу», — утонули в аплодисментах толпы, заполнившей зал.

Фон Кар и Зейсер не могли состязаться с таким искусственным противником, но фон Лоссов, понимавший, что ноябрьские события поставили крест на его карьере, не намерен был сдаваться, тем более сейчас, когда его смешали с грязью, публично обозвав трусом. В его словах прозвучало презрение офицера к выскочке-капралу, который смеет диктовать рейхсверу: «Он воображает себя немецким Муссолини или немецким Гамбеттой, а его приспешники видят в нем немецкого мессию», — но, по мнению его, фон Лоссова, «в политике Гитлер может претендовать не более, чем на роль барабанщика. Поначалу небезызвестное красноречие господина Гитлера произвело на меня сильное впечатление. Но чем больше я его слушал, тем слабее оно становилось. Все его речи были об одном и том же, а суждения ничем не отличались от суждений любого самого заурядного немецкого националиста и обнаруживали полное отсутствие чувства реальности». Фон Лоссов несколько раз обвинил Гитлера в лживости и охарактеризовал его как «бестактную, ограниченную, скучную, а порой и хамоватую личность, падкую на сантименты и, несомненно, примитивную».

Но Гитлер оказался на высоте положения. Во время яростного перекрестного допроса он вывел генерала из терпения, и, при молчаливом попустительстве ведущего заседания судьи (которого, несомненно, соответствующим образом настроил министр юстиции Гертнер), превратил свое последнее слово в *taur de farce**:

«Как мелкие мелкие умы... С первого дня я думал о стократ более важном, чем получение портфеля министра. Я хотел стать разрушителем марксизма... И не из скромности желал я быть «барабанщиком»... Того, кто рожден быть диктатором, не нужно заставлять быть им, ибо он сам к этому стремится. Не его влекут вперед, а он сам влечет за собой других».

Обойдя молчанием свою далеко не героическую роль в путче, он заявил, что ноябрьское поражение было поражением отдельных личностей, таких, как фон Лоссов, фон Кар и прочих, а не рейхсвера, наиболее надежной из всех немецких институций, не имевшей к этому касательства:

«Я был счастлив узнать, что горит полиция, а не рейхсвер, и что рейхсвер во всем своем блеске стоит, как и стоял. Придет час, и солдаты и офицеры рейхсвера станут рядом с нами, плечом к плечу...»

Не вы, господа, вынесете нам приговор, его вынесет великий суд истории... И тот, другой суд не станет вопрошать, совершили ли мы государственную измену... Он будет су-

* *Taur de farce* (франц.) проявление силы. (Прим. ред.)

дуть нас, как немцев, желавших блага для своего народа и своего отечества, готовых за него сражаться и умереть».

Процесс длился двадцать четыре дня, сообщениями о нем пестрели первые полосы всех крупных немецких газет. Так Гитлер впервые получил доступ к аудитории в масштабе всей страны, и, в конце концов, добился своей цели, превратив ноябрьский провал в победу и восстановив веру в себя. Он вновь и вновь срывал аплодисменты, обращаясь к националистическим чувствам сидевших в зале. Вопреки всем свидетельским показаниям, Людендорф был оправдан, а Гитлер — приговорен к минимальному сроку: пяти годам тюремного заключения.

Благодаря устроенному им на суде спектаклю, к тому времени, когда он вышел из тюрьмы, у него было преимущество перед всеми соперниками, претендовавшими на лидерство в фёлькиш группах, ибо он мог назвать себя единственным человеком, дерзнувшим совершить путч, не снявшим с себя ответственность после «предательства» и, к тому же открыто заявившим, что он будет продолжать борьбу против ненавистной республики. Ни в чем так ясно не проявилась пропагандистская хватка Гитлера, как в том, что он, вместо того, чтоб замазать злополучный путч, воздвиг на нем один из самых живучих мифов нацистского движения. Ежегодно в годовщину путча он приходил в «Бюргербраукеллер» и на Одеонплац, чтобы воскресить память о ноябрьских событиях 23-го года и отдать дань мужеству погибших.

Историки склонны принять точку зрения Гитлера, который считал, что ноябрьские события стали поворотным пунктом его политической карьеры, ибо после них он оставил всякую мысль о насильственном свержении режима и начал действовать в рамках конституции, скрывая свои революционные планы под маской уважения к «законности» и стараясь стяжать власть политическими методами. Ноябрьское поражение 23-го года — позднее он описывал его как «величайшую жизненную удачу, — несомненно, заставило Гитлера осознать свою позицию и отказаться от неопределенных упоминаний о «захвате власти» и «походе на Берлин», к чему он часто прибегал прежде. Теперь, как и Муссолини с его «походом на Рим», он желал знать заранее, какой прием его ожидает в том или ином месте и приезжать туда ночным поездом и непременно в спальном вагоне, опередив своих сторонников. Но он преувеличивал, когда говорил о «новом решении». Близко стоявший к нему Шойбнер-Рихтер писал в меморандуме от 24-го сентября 23-го года:

«Националистическая революция не должна предшествовать захвату политической власти; скорей, контроль над политической страны составляет необходимую предпосылку для националистической революции».

Забвение этого принципа стоило жизни самому Шойбнеру-Рихтеру — его сразила пуля полицейского, когда он плечом к плечу с Гитлером маршировал 9-го ноября во главе колонны. Но сам Гитлер любой попытке насильственного свержения правительства всегда предпочитал согласие или хотя бы попустительство баварских властей и рейхсвера — «революция с соизволения господина президента», издевались его противники. Из страха лицемереть упущенную возможность, он шантажом склонил фон Кара и фон Лоссова к сотрудничеству, но, когда понял, что они его предали, впал в отчаяние. Но не по недостатку смелости — в ней он не испытывал недостатка, о чем выразительно свидетельствует его воинский послужной список, а будучи убежден, что «Союз борьбы» не может преуспеть в одиночку и что на этот раз дело проиграно. Ноябрьский путч стал для Гитлера поворотным пунктом карьеры, ибо дал ему преимущество перед его оппонентами, все еще мечтавшими о применении силы:

«Тот вечер и тот день (8-ое и 9-ое ноября) дал нам возможность в течение десяти последующих лет сражаться легальными путями, ибо, если бы мы тогда не выступили, я бы, несомненно, никогда не смог возглавить революционное движение, оставаясь при этом в границах законности. Меня можно было бы упрекнуть и вполне основательно: «Ты говоришь то же самое, что и все остальные, и делаешь так же мало, как они».

После путча я мог сказать всем таким членам партии то, чего не вправе был бы сказать при других обстоятельствах. Ответ моим критикам был таков: теперь сражение пойдет, как нужно мне, и никак иначе».

Последнее слово Гитлера составляет разительный контраст тому, что было сказано Сталиным на ленинском чествовании всего двумя месяцами раньше. И дело тут не в разнице темперамента или стиля. Истериически настаивать на своей роли Избранника судьбы Гитлера заставляла не только самоупоенность, но и крайняя необходимость — ему нужно было оправдать свою претензию на то, что он играет заметную роль в политике Германии. Сталин был не менее самоупоен, чем Гитлер, и не менее него склонен изображать из себя Избранника судьбы, но по окончании кризиса, грозившего ему, как и Гитлеру, катастрофическими последствиями, его позиции лишь укрепились, и ему совершенно не нужно было восстанавливать свою репутацию, напротив, у него были все причины привлекать как можно меньше внимания к своим честолюбивым планам, используя в качестве прикрытия культ Ленина, сравнения с которым не выдерживал ни он сам и никто другой из членов Политбюро.

Хотя положение Гитлера и Сталина в 20-ые годы было разным, сходство состояло в том, что ни первый, ни второй

не помышляли о насильственном захвате власти. Революция в России была уже совершена Лениным. Сталин стремился наследовать Ленину, но не путем переворота — это пагубное намерение он приписал Троцкому, а законным порядком, с согласия партии. Для успеха такого предприятия нужно было не только избавиться от соперников, но и внушить большинству партийных аппаратчиков, что для революции, а, следовательно, и для них самих как ее жрецов, лучше иметь во главе государства его и только его, лишь он сможет преодолеть предстоящие трудности. В Германии революцию еще только предстояло совершить, но лишь после того (по мнению Шойбнера-Рихтера), как нацисты придут к власти. Тогда при энтузиастической поддержке сторонников, Гитлер надеялся убедить тех, кто, как он полагал, на самом деле поможет ему прийти к власти: консервативные круги, другие националистические партии и, прежде всего, рейхсвер — в том, что он надежный союзник, ибо способен завоевать массы как оратор (а это являлось величайшим достоинством в их глазах) и что как партнер, в случае признания его таковым, разумен и способен к компромиссу.

Как бы то ни было, лишь, придя к власти с соблюдением хотя бы видимости законности, оба они (Сталин пришел к власти в 1930 году, Гитлер — тремя годами позже) приступили, по выражению Сталина к «революции сверху». Сталин начал проводить насильственную коллективизацию русского крестьянства, а Гитлер — «координацию» немецких институций.

В ту пору, когда сошел на нет фурор, произведенный Гитлером в Мюнхенском суде, и его препроводили в Ландсбергскую тюрьму для отбывания наказания, такая перспектива, должно быть, казалась многим весьма отдаленной. Нацистская партия находилась под запретом, вожди ее были разогнаны, и Гитлеру — после того, как он был освобожден из-под стражи, — пришлось начинать все сначала, однако у него не было ни тени сомнения в том, что он, в конце концов, придет к власти.

Одновременно с ним еще сорок национал-социалистов отбывали тюремное заключение, в котором не было для них ничего мучительного или неприятного. Их отлично кормили, пускали сколько угодно посетителей и разрешали многочасовые прогулки в саду. Роль денщика и секретаря при Гитлере исполнял Эмиль Морис, впоследствии передавший свои функции Рудольфу Гессу, который по своей воле вернулся из Австрии, чтобы разделить заключение со своим вождем.

Тюремная стража обращалась с Гитлером почтительно, не как с обычным заключенным. В день его тридцатипятилетия, последовавший вскоре после процесса, присланные ему цветы и подарки заполнили несколько помещений. Он

не только принимал посетителей, но и получал огромную почту; книг и газет — сколько душе угодно. Однако с июля он проводил большую часть времени в своей камере — предпочитал уединение, чтоб диктовать «Майн кампф», которую записывали за ним Морис и Гесс.

Между 24-ым и 28-ым годом он практически написал три книги: первый том «Майн кампф», который надиктовал в тюрьме в 1924 году, в 25-ом она вышла в свет; второй том «Майн кампф» он надиктовал на своей вилле в Оберзальцберге и опубликовал в конце 26-го года, и так называемую «Вторую книгу» он надиктовал своему издателю Максу Аману в 28-ом году, но опубликована она была лишь в 1961 году, о ее существовании никто не знал, пока ее не выпустили в свет.

Очень возможно, что Гитлер, склонный к праздности и презиравший печатное слово, ибо признавал лишь устное, и вовсе бы не взялся за сочинительство, если бы не тюремное заключение и не запрет на публичные выступления, последовавший после его освобождения. Однако имелось, по меньшей мере, три причины, побуждавшие его сделать соответствующее усилие. Во-первых, это могло ему помочь сдержать данное им слово — по выходе из тюрьмы, он поклялся воссоздать и возглавить нацистскую партию. Это не противоречит тому факту, что «Майн кампф» распродавалась отнюдь не бойко даже среди членов партии (конечно, до победы партии в 30-ом году), к началу 29-го года было продано 23 000 экземпляров первого тома и 13 000 — второго, причем многие из купивших сочли, что она трудна, и не дочитали ее до конца. Доналд Уатт заметил, что в общественных движениях, где политический выбор становится делом веры, важно иметь свою Библию: «Основы ленинизма» Сталина, сочинения Карла Маркса, «Красную книгу» Мао, «Наполеоновские идеи» Луи Наполеона. Подобно Библии, дремлющей на полках у многих христиан, которые ее никогда оттуда не снимают, такую книгу не обязательно читать и понимать. *«Конечно, смысл ее можно изложить в нескольких словах... Но сложность и неясность составляют ее достоинство, ибо свидетельствуют о глубине мысли вождя..., о его умении ставить вопросы, которые не по плечу его последователям, в чем они признаются сами... Такая книга должна существовать, и этого довольно».*

Вторая причина, побуждавшая его писать, состояла в том, что он тем самым закладывал фундамент мифа о Гитлере — образа фюрера, который должен был стать чуть ли не главной, если не главной движущей силой, завоюющей поддержку и доверие миллионов немцев. И, наконец, третье: книга заставила его упорядочить идеи и наметить главные из них для эффективной политической борьбы.

Как и Сталин, Гитлер испытывал презрение к интеллигенции, но в то же время жаждал, чтобы его авторитет как

мыслителя стоял как можно выше. Того же добивался и Сталин в «Основах ленинизма», которые вышли в свет в то время, когда Гитлер писал «Майн кампф», правда, он при этом настойчиво проводил идею, что он не оригинальный мыслитель, а лишь заслуживающий доверия интерпретатор и продолжатель марксистско-ленинской традиции. Всячески подчеркивая свою показную ортодоксальность и повторяя ритуальные формулы, он умело скрывал, как далеко, на самом деле, отходит от традиции и как новаторски действует. Гитлер, напротив, никогда не признавался, из какого источника черпает идеи (Г. Р. Тревор Роупер назвал их «интеллектуальными осколками веков») и всячески подчеркивал и преувеличивал собственную оригинальность. Нетрудно показать, что его мировоззрение во всех деталях совпадает с тем, что писали мыслители девятнадцатого века и порубежья веков, просто до него никто не компилировал эти идеи подобным способом. Но самое важное тут то, что Гитлер после того, как он отшлифовал свою версию, все существенные стороны которой были сформулированы уже в «Майн кампф» и завершены к тому времени, когда он написал «Вторую книгу», уже никогда ничего в ней не менял. Между тем, что он утверждал в 20-ые годы, а потом говорил в застольных беседах в 40-ые, и между тем, что написал в своем политическом завещании, которое продиктовал в бункере в апреле 45 года перед самоубийством, имеется четкая последовательность.

Это наше утверждение легко истолковать неверно, ибо в той же мере, в какой Гитлер был невероятно последователен в проведении своей главной идеи, в той же мере он был гибок и при необходимости легко менял программы, тактики и методы. Он ясно понимал, что политический мыслитель — это совсем иное, чем политик, и придавал большее значение второму. Однако он писал в известном месте «Майн кампф»: «Бывает, однако, что в том или ином человеке политический мыслитель и политик сливаются в одно, и это слияние может существовать годами». Сам он твердо верил в то, что и являет собой пример такого слияния, и в этой его убежденности много правды: если он и не был единственным в своем роде, то представлял собой редкую фигуру среди политических лидеров, среди которых никто не мог сравниться с ним в готовности претворять свои идеи в жизнь.

II

«Майн кампф» — книга, которая, по сути, не имеет себе равных по омерзительности языка, общего тона и, более всего, содержания, — прежде всего интересна тем, что позволяет понять Гитлера в обоих ипостасях: и как политического мыслителя, и как политического деятеля: она дает

возможность, с одной стороны, проникнуть в его ум и его мировоззрение, с другой — в те методы, с помощью которых он приступил к организации политического движения, а заодно — увидеть воочию его работу по созданию гитлеровского мифа, который был связующим звеном между тем и другим.

Мировоззрение Гитлера базировалось на вульгарном социодарвинизме: *«Человек возвысился благодаря борьбе... Чего бы ни достиг человек, он добился этого благодаря оригинальности, усиленной brutality... Жизнь можно уложить в три тезиса: борьба — всему голова, добродетель — голос крови, а главное и решающее — это вождь».* В «Майн кампф» он писал: *«Кто хочет жить, должен бороться; кто не желает бороться в этом мире, где вечная борьба является законом жизни, не имеет права на существование».*

Гитлер был заморожен историей; как и Шпенглеру, она представлялась ему сменой циклов, соответствующих периодам человеческой жизни и складывающихся в ту или иную культуру взаимосвязанных идей и институций. Античная греко-римская культура вызывала его восхищение, хотя, на деле, он обнаруживал весьма скудное знание ее; средние века, представлявшиеся ему «германскими», в эпоху Возрождения сменились и «омрачились» формированием современного капиталистического общества, которое ему, вслед за Шпенглером, казалось большим и клонящимся к упадку. Способность создавать такие культуры он признавал лишь за «арийской» расой, понятия которой так и не дал. *Если мы разделим человечество на три категории: создателей культуры, носителей культуры и разрушителей культуры, лишь арийцев можно считать представителями первой категории. Это они заложили фундамент и воздвигли стены всех великих сооружений человеческой культуры.*

Все культуры и империи погибли по одной причине — из-за расового смешения, которое ослабило и истощило силы, необходимые для продолжения борьбы, являющейся непреложным законом жизни. «Все великие цивилизации прошлого пришли в упадок из-за того, что подлинно создательные расы вымерли вследствие смешения крови». Гитлер верил в то, что западная цивилизация приходит в упадок и что немцам, подобно германским племенам, пришедшим на смену уже не способной отстоять себя Римской империи и создавшим впоследствии могучую новую культуру, предназначено занять ее место.

Чтобы достигнуть этой цели, немцам предстоит завоевать новые территории и основать новую Германскую империю, которая будет господствовать над Европейским континентом. Это означало проведение определенной внешней политики, предполагавшей нечто большее, чем пересмотр

Версальского договора — требования, с которого Гитлер начал свою карьеру агитатора. Лишь бегло упомянутая в первом томе «Майн кампф» эта идея во втором томе набирает силу и становится заявившей о себе во весь голос политикой завоевания «жизненного пространства» в восточной Европе, за счет российских территорий. Развязывать еще одну войну, конечно, преступно, но есть единственная цель, которая войну оправдывает, — это «обеспечение немецкого народа землей и территорией, на которую он имеет право на этой планете».

«Итак, мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой довоенного времени. Мы возвращаемся туда, где остановились шестьсот лет назад. Мы кладем предел бесконечному движению немцев на юг и на запад и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем наконец колониальную и коммерческую политику довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. И если мы говорим о новых землях в Европе, то мы имеем в виду только Россию и подвластные ей окраинные земли».

В своей «Второй книге» Гитлер объясняет, что, благодаря большевистской революции, дело это не такое уж трудное: «Гигантская империя на востоке готова рухнуть». Славянские массы не сумели создать себе государство, и на смену правителям немецкого происхождения, которые властвовали над ними прежде, пришли большевистские руководители-евреи, которые, по понятным причинам, не способны ни сформировать, ни сохранить государство. Война с Францией, прежде казавшаяся Гитлеру неизбежной для пересмотра границ, теперь становится — и это подтвердилось в 1940—41 годах — лишь подготовкой к главной цели: удачному наступлению на Россию. Другими необходимыми предпосылками являются: союз с Муссолиниевской Италией, которой Германия должна быть готова отдать Южный Тироль, и союз с Англией, от соперничества с которой за власть над морями Германия должна отказаться во что бы то ни стало, — именно это подорвало власть кайзера.

Несообразности этой концепции самоочевидны. Так в Германии, нимало не страдавшей от перенаселения, не было необходимого количества людей, чтобы возделывать земли на востоке, если их захватит ее армия. Но несообразности тут не важны — важна последовательность, существующая между целями, которые Гитлер поставил перед собой в 20-ые годы, и теми, которых он добивался в 40-ые.

Гитлером владела полная уверенность в том, что внешняя политика несравненно важнее внутренней, то был традиционный для немецкой истории подход. Его не интересовали ни конституционная, ни правовая, ни экономическая, ни социальная политика сама по себе, в 20-ые годы он видел в них, прежде всего, средство, чтобы завоевать поддержку

нужных кругов и надежное место в политической игре. Он распространил этот взгляд и на само государство: «Государство — это всего лишь путь к цели. Его цель и назначение — обеспечить существование расы... Государство — только сосуд, а раса — содержание этого сосуда». При выборе формы правления Гитлер целиком основывался на «принципе вождя». Ясно, что власть, не ограниченная никаким конституционным или парламентским контролем, должна была концентрироваться в руках вождя, и, управляя государством, он получал право делать ставку на внешнюю политику и на перевооружение, целью которого могло быть и завоевание нового жизненного пространства на востоке.

Ссылаясь на опыт, который он приобрел после отъезда из Вены, а также, когда сидел в Ландсбергской тюрьме, Гитлер в 1928 году следующим образом подытожил свое представление об искусстве политики «довести до конца борьбу народа за существование», подчинив этой цели внешнюю и внутреннюю политику.

«Внешняя политика — это искусство быстро обеспечить народ необходимым по количеству и качеству жизненным пространством. Внутренняя политика — это искусство гарантировать применение необходимой для этой цели силы, выражающейся в расовой чистоте и соответствующей численности населения».

Понятие «расовой чистоты» нуждается в разъяснении. «Главный источник силы народа, — утверждал Гитлер, — это не владение оружием или организация армии, а внутренняя его ценность, то есть расовая чистота». Чтобы сохранить эту чистоту, государство должно защищать свой народ от отравления тремя ядами, каждый из которых Гитлер отождествлял с евреями: это, во-первых, интернационализм — пристрастие к чужому, которое проистекает от преуменьшения собственных культурных ценностей и ведет к смешению крови; во-вторых, это эгалитаризм, демократия и закон большинства, которые не совместимы с индивидуальным творческим началом и доверием к вождю; и наконец в-третьих, это пацифизм, который разрушает в человеке здоровое, инстинктивное стремление к самосохранению. В речи, произнесенной в Нюрнберге 21 июля 1927 года, Гитлер заявил:

«Народ теряет свою внутреннюю ценность как только становится подвержен этим трем порокам, ибо он тем самым разрушает свою расовую чистоту, проповедует интернационализм, предает свою самостоятельность и на ее место ставит подчинение меньшинства большинству, иначе говоря, некомпетентность, и начинает скатываться в братство всех людей».

Самую характерную черту гитлеровской системы — ее антисемитизм — я решил прокомментировать в послед-

нюю очередь, чтобы осветить в более общем контексте его расовой теории. С одной стороны, Гитлер доходит до уничтожения неприспособленных в программе 1933 года, где оно провозглашается с целью не допустить появления генетически слабого потомства, даже родившегося от чистокровных немцев, тем самым, закладываясь основа для расистской земельной политики нацистов; с другой стороны, провозглашается эксплуатация и истребление поляков и русских как «недочеловеков», хотя они не имеют никакого отношения к евреям. Вне всякого сомнения, евреи занимали особое место в его «Мировоззрении». Биографам не удалось объяснить клокочущую ненависть Гитлера к евреям какими-либо личными обстоятельствами, хотя некоторые, отмечая непристойный характер выражений, в которых Гитлер обычно писал и говорил на эту тему, считают, что это доказывает сексуальное происхождение такой ненависти. Важно было бы выяснить, когда Гитлер, на котором лежит вина за гибель шести миллионов евреев, видел или говорил с каким-нибудь конкретным, живым евреем в последний раз. Но «еврей», которого мы встречаем на страницах «Майн кампф» и в бредовых заявлениях Гитлера, не похож на человека из плоти и крови, то плод расстроенного воображения, одержимого идеей-фикс, это дьявольская выдумка, на которой можно было сконцентрировать свою агрессию и ненависть.

Гитлер пытался обосновать свои чувства тем, что, как он подчеркивал, у евреев нет своей территории и, следовательно, они не могут участвовать в борьбе за жизненное пространство, что, с его точки зрения, было главным способом реализации исторического развития. У них не было территории, и, следовательно, они не могли построить свое государство и должны были стать паразитами (оскорбительная характеристика, принадлежащая Гитлеру), жиреющими за счет труда и творческой энергии других народов.

«Окончательная цель борьбы евреев за существование — это порабощение созидательно активных народов... за счет денационализации, за счет вырождения, путем смещения и ослабления других народов, за счет снижения расового уровня высших наций и победы этой расовой мешанины путем истребления фельдких интеллигенции и замены ее представителями собственного народа».

Еврей-капиталисты занимались внешней политикой, чтобы отвлечь нации от их подлинных интересов и вернуть их в войну, постепенно устанавливая свое господство с помощью денег и пропаганды. В то же время евреи — вожди интернациональной коммунистической революции создали себе всемирную штаб-квартиру в Москве, чтобы вести оттуда внутреннюю подрывную деятельность путем распространения — с помощью марксистских партий — интернационализма, эгалитаризма и пацифизма. И то, и

другое, и третье Гитлер идентифицировал с евреями и видел в них угрозу для арийских расовых ценностей.

Антисемитизм, повернутый под другим углом, давал Гитлеру оправдание экспансионистской политики Германии, которая должна была завоевать дополнительное жизненное пространство на востоке, захватив его у большевистской России, которую Гитлер всегда отождествлял с «мировым еврейским заговором». Это должно было не только возвысить расовую ценность немецкого народа, но и уничтожить фундамент интернационального еврейства и вырвать с корнем ядовитое растение марксизма.

В извращенной космологии Гитлера извечным врагом арийцев — расы, обладавшей созидательной силой, — были евреи, воплощение зла, распространители расового загрязнения, подрывавшие и уничтожавшие одну цивилизацию за другой.

«Если евреи с помощью своей марксистской веры завоюют народы мира, венцом ему станет погребальный венок для человечества, и вновь эта обезлюдившая планета будет совершать свой путь в мировом пространстве, как миллионы лет назад...»

Гитлер не формулировал нигде, что он понимал под «устранением еврейской опасности», но немецким национал-социалистам, приехавшим к нему в тюрьму, на вопрос, изменилась ли его позиция по отношению к евреям, он ответил:

«Да, да, совершенно верно, я изменил мнение по поводу методов, с помощью которых нужно бороться с еврейством. Я понял, что был слишком мягок. Работа над своей книгой, я пришел к пониманию того, что в будущем самые жесткие методы необходимо будет применить, чтобы наши действия были успешными. Я уверен, что это вопрос жизненно важный не только для нашего народа, но и для всех людей. Иудаизм — это чума для мира».

Два этих основных принципа: решимость Гитлера «выкорчевать» евреев (что бы конкретно он ни имел при этом в виду) и завоевать лебенсraum, не только не претерпели изменений, но в течение долгих лет многократно провозглашались в «Майн кампф», в речах, в интервью — еще до того, как он пришел к власти.

Неверно было бы, однако, видеть в его личной идеологии ключ, с помощью которого можно объяснить его магическую способность привлекать сторонников, которые тысячами вступали в нацистскую партию в 20-ые годы и в начале 30-ых, и завоевывать сердца миллионов сочувствующих, которые подавали голоса за эту партию. Например, факты свидетельствуют о том, что, хотя антисемитизм и был частью общего идеологического словоупотребления немецких правых нацистского толка и хотя Гитлер придал ему особый вес (заметим, что во второй половине 20-ых годов

Гитлер уделял ему меньше внимания, чем в период с 20 по 25 гг.), антисемитизм не обладал особой притягательностью ни для кого, кроме меньшинства — «посвященных» вроде Гимmlера — в нацистской партии, которое воспринимало его не менее серьезно, чем сам Гитлер. Что соотносится с различием, проводимому Гитлером в «Майн кампф» между сторонниками движения, «которые удовольствуются простым усилием верить политической доктрине», и меньшинством, которое «понимает идею и готово бороться за нее». То же справедливо, видимо, и для лебенсраум — мечты о немецком продвижении на восток. В 20-ые годы его речи о внешней политике были посвящены иным темам, тогда он говорил о ревизионизме, отмене Версальского договора, восстановлении Германии в границах 14-го года — в случае необходимости даже путем войны с Францией, — но не о войне с Россией.

В этот формообразующий для партии период, предшествовавший ее приходу к власти, не только Гитлер, но и другие оказали влияние на ее идеологию, к примеру, такие неоконсервативные мыслители, как Меллер ван ден Брук, и нацистские вожди: Федер, братья Штрассер, Дарре. В то время Гитлер еще не навязал партии свое личное представление о том, какой ей следует быть, и в ней продолжали действовать противоборствующие тенденции до середины 30-ых годов, к примеру, в экономической политике, и сам Гитлер проявлял поразительную гибкость, варьируя свои призывы в зависимости от аудитории и от обстоятельств.

Ему это было нетрудно, вот что он писал в «Майн кампф»: «В ту пору моя картина мира и философия, ставшие гранитным постаментом для всех моих действий, отливались в окончательную форму. С тех пор мне почти не довелось узнать чего-либо такого, что стоило бы прибавить к созданному тогда, и ничего не пришлось изменить». Гитлер написал это о своей жизни в Вене до 1914 года, но он ошибается в сроках: хотя этот процесс и начался тогда, завершился он лишь, когда Гитлер запечатлел его на бумаге в середине 20-ых годов. Однако он был прав, говоря, что его вельтаншаунг стало гранитным постаментом действий и что он ничего не добавил к нему впоследствии. У него был органичный, закрытый для аргументации и для сомнения ум. Благодаря чему он не сомневался в том, что владеет ключом к истории, с помощью которого сможет отпереть будущее, поэтому он мог менять тактику, не боясь упустить из виду свои цели, ждать своего часа, не теряя уверенности в том, что он настанет, и тогда он сможет осуществить над немецким народом свой замысел, такой же примитивный и грубый, каким он был в то время, когда он излагал его в «Майн кампф». Преимущество, которое ему давало его постоянство, было заметно еще до 30-го года, когда обстоятельства складывались не в его пользу и мало кто вне

партии принимал его всерьез, но, тем не менее, он готовился к благоприятной перемене, которую он не мог предвидеть, но не сомневался в том, что она наступит.

Однако все эти годы, весь период «времени борьбы», предшествовавший его приходу к власти, толпы собирались слушать Гитлера не столько ради содержания его речей, по большей части состоявших из банальных утверждений националистической и право-консервативной пропаганды, сколько ради его таланта представлять эти аргументы с силой, на которую никто из его соперников не был способен. Отто Штрассер, отнюдь не поклонник Гитлера, писал:

«Если он пытается подкрепить свои аргументы теориями или цитатами из книг, которые он понимает довольно слабо, он почти не подымается над посредственностью. Но дайте ему отбросить эти костыли и говорить, как повелевает дух, и он тотчас превращается в одного из величайших ораторов века... Адольф Гитлер входит в зал. Он принимает к воздуху, нащупывает путь, обоняет атмосферу. Вдруг он разражается словами. Его слова летят в цель, как стрела, он касается каждой человеческой раны, которая саднит, высвобождает подсознательное, извлекает на свет самые потаенные желания и говорит вслух то, что больше всего хочется услышать».

Гитлер превосходно сознавал эту свою силу. В «Майн кампф» он пишет о том, как преодолеть эмоциональное сопротивление: «Ничто, кроме призыва к этим скрытым силам, не может тут подействовать. Лишь у оратора есть надежда совершить это». Не менее важна была его способность скрывать то, что он злоупотребляет этой своей силой, и заверять своих слушателей, что фанатизм, которым он заражал их, — доказательство его искренности.

То была самая суть воздействия Гитлера на массы, его способность использовать свои таланты, чтобы создать веру в то, что он сам по себе, не за счет аргументации, программы или идеологии, является харизматическим вождем, наделенным уникальными сверхчеловеческими силами, которые позволяют ему свершить невозможное. Это и имели в виду рядовые нацисты, когда заявляли: «Нашу программу можно обозначить двумя словами: «Адольф Гитлер».

Последние исследования показали, что автобиографической канве «Майн кампф» доверять нельзя — она весьма ненадежна. В качестве первого и необходимого шага по мифологизации собственного образа Гитлеру нужно было драматизировать бесславные годы самопотакания, превратив их в годы лишений, страданий, одиночества, якобы выковавшие его решимость и веру в себя как в будущего фюрера. Он избегает политических откровений о провале путча 23-го года, на которые рассчитывает его издатель, и

заполняет страницы частыми отступлениями на любую тему, демонстрируя то же самодовольное невежество недоучки, что и в более поздних застольных разговорах. Демонстрирует во всем кроме одного, кроме размышлений о создании массового движения, применении пропаганды, привлекательности насилия, т. е. он ничего не говорит о политической сноровке, необходимой, чтобы претворить убеждения в идеологию.

Поражает откровенность, с которой Гитлер пишет о манипуляциях над слушателями, о глупости масс, об игре на чувствах, об использовании лозунгов и плакатов, чтобы вбить в головы основные положения. Теперь это стало общим местом, но его внимание ко всем этим приемам в двадцатые годы свидетельствует об оригинальности его подхода:

«Первейшее условие, которое должно соблюдаться в любой пропаганде — это систематически выражаемая односторонность... Пропаганда не должна объективно исследовать правду, ... она должна представлять только тот единственный ее аспект, который полезен твоему лагерю».

И в другом месте:

«Мысль и поведение подавляющего большинства людей подчиняются скорей чувствам, чем трезвым доводам рассудка. Но это не тонко дифференцированные чувства, а лишь эмоции, положительные и отрицательные, любовь и ненависть, хорошее и плохое, истинное и ложное, они никогда не бывают смешанными — отчасти такими, отчасти другими».

Гитлер не менее убедителен, когда обращается к вопросу о политической организации. Анализируя причины того, почему не удалось сдержать рост марксизма и марксистских партий после поражения 1918 года, он пишет:

«Так называемые национальные партии были лишены влияния, так как у них не было сил, которые могли бы эффективно демонстрировать на улицах...»

Все силы были на стороне Лиги борьбы, они чувствовали себя хозяевами на улице, но у них не было политической идеи, и, к тому же, никакой определенной политической цели.

Успех, которого добился марксизм, был достигнут благодаря идеальному совмещению политических целей и безжалостной силы. Обстоятельством, лишившим национальную Германию почти всех надежд на то, чтобы направлять развитие страны, было отсутствие союза, грубой силы и мудрых политических целей».

Гитлер считал, что две последние должны идти рука об руку и что это ясно видно на примере Великой французской революции, Российской революции, итальянского фашистского движения:

«Отсутствие великой идеи, которая придает всему новую

форму, всегда вело к ограничению борющейся силы. Убежденность в том, что имеешь право использовать даже самое жестокое оружие, всегда ассоциируется со страстной верой в необходимость нового, революционного преобразования мира».

Буржуазные партии не были способны ни на что такое и мечтали лишь о возвращении прошлого. Поэтому Гитлер и не вступал с ними в союз и предпочитал, чтобы нацистская партия держалась особняком. С другой стороны, он продолжал настаивать на том, что (штурмовые отряды) нельзя превращать в Лигу борьбы со скрытой военной, а не политической задачей, их дело было обеспечить защиту партии и гарантировать ей свободу на улицах, как в Кобурге.

К тому времени, когда он диктовал второй том «Майн кампф», в которой встречаются многие из вышеприведенных пассажей, стоявшие у власти друзья Гитлера добились его освобождения, и он взялся за реорганизацию нацистской партии. Волна правого экстремизма, которая вынесла его на поверхность в послевоенные годы, спала. Во время выборов в рейхстаг в мае 24-го года правые радикалы все еще набрали 6,5 % от общего числа избирателей и получили тридцать два парламентских мандата, но на декабрьских выборах того же года они набрали вполтину меньше голосов, и число принадлежащих им в рейхстаге мест сократилось до 14. Такой же спад произошел у левых экстремистов. КП потеряла треть своих мест. В 1924—26 годах жизнь в Веймарской республике максимально приблизилась к норме: произошла стабилизация денежного обращения, началось экономическое возрождение, было достигнуто соглашение о репарациях (план Дауэса), получены большие кредиты в США, Штраземан успешно провел переговоры в Локарно, Германия вступила в Лигу наций.

То был единственный период в карьере Гитлера, когда он ощущал, что идет против потока и лишается поддержки баварских властей. Лишь однажды он выступил на митинге в начале 25-го года, и тотчас же ему было запрещено выступать с публичными речами в Баварии, запрет этот вскоре распространился на Пруссию и на другие немецкие области. Это наносило удар по самому главному его достоянию. Ему было предписано ограничиться выступлениями на закрытых собраниях членов партии. А так как он был освобожден из тюрьмы под честное слово и вначале у него не было немецкого гражданства, ему грозила депортация в Австрию.

Нацистская партия была запрещена, как и «Фелькишер беобахтер», газета, ее закрыли в 23 году, сразу после путча. Розенберг, которого Гитлер назначил главой движения на то время, пока он отбывал заключение, оказался крайне неудачной кандидатурой. Имелось сильное подозрение, что Гитлер сознательно остановил на нем свой выбор: тот не

мог стать ему соперником, пока он сидел в тюрьме. Несмотря на его широко известную оппозицию парламентской политике, Гитлер был не слишком доволен, когда Розенберг объединился для предвыборной кампании с Фелькиш — группой (Немецкой расистской освободительной партией). Еще меньше он был доволен, когда этот союз — в его отсутствие — неожиданно получил два миллиона голосов на выборах в рейхстаг в мае 1924 года.

Это видимое фелькиш — единство оказалось, однако, эфемерным, и союз вскоре распался на враждующие группы. Наиболее существенное разделение внутри нацистского движения произошло между баварской группой, вожди которой были, в основном, людьми, родившимися до 1890 года, и более молодой группой, имевшей влияние в Северной Германии, которая сформировала Национально-освободительную партию. Первые могли требовать назначения ведущих нацистских руководителей: Эссера, Штрейхера, Шварца и Аманна, — но пользовались малым влиянием за пределами трех городов: Мюнхена, Нюрнберга и Бамберга. Геббельс презрительно называл их «пионерами» за мировоззрение, о котором Дитрих Орлов говорит, что оно сформировалось под влиянием «нижнего слоя среднего класса», к которому принадлежали торговцы и мелкие чиновники и который еще в предвоенные годы видел в индустриализации угрозу для себя и сваливал вину за все, что было ему не по душе, на евреев. Для второй группы формирующим был опыт «фронтвиков» (поколения, прошедшего фронт), которым фелькиш — программа виделась как «прифронтной социализм» (т. е. враждебное отношение к власти крупных корпораций и финансового капитала), как революция, понимаемая не как социальная реакция, и как расчет на рабочие массы, а не на средний класс. Обе группы отвергали парламентскую демократию ради диктатуры, были антисемитски настроены и по-прежнему видели в Гитлере своего вождя.

Пока Гитлер сидел в тюрьме, до него доходили призывы и обвинения конкурирующих группировок, но он отказывался быть третейским судьей и примыкать к какой-либо одной из групп. В июле 1924 года он ушел с поста вождя партии, не обращая внимание на своих критиков, утверждавших, что он предпочитает самоустранение твердой господствующей позиции какой-либо определенной партии. Один из его близких соратников, Курт Людеке, писал: «Он был единственным человеком, способным навести порядок, но даже пальцем не шевельнул ни разу, не сказал ни единого слова». Его тактика оправдывала себя. Парламентские выборы в декабре 1924-го года, прошедшие в более спокойной обстановке и вдвое сократившие фелькише представительство в рейхстаге, привели к тому, что эти партии снова оказались на обочине немецкой политики. Когда спустя

неделю после выборов Гитлер вышел из тюрьмы, нацистское движение было безнадежно раздроблено, и, как казалось, никто, кроме него, не мог объединить его.

Благодаря хлопотам сторонников Гитлер провел в тюрьме менее девяти месяцев из пятилетнего срока и к рождеству был дома. Он никогда не отступал от своих целей ради того, чтобы завоевать репутацию сговорчивого политика, и, оказавшись теперь на свободе, не собирался поддаться тем, кто склонял его вступить в новую коалицию с другими националистическими группировками. Своей заносчивостью он оттолкнул от себя фелькиш депутатов в Баварский ландтаг (региональный парламент Баварии), искал ссоры с Людендорфом, затмившим его в 23-ем году, и пренебрежительно обращался с лидерами Северо-германской нацистской партии. С большим трудом и то лишь после вмешательства его давнего патрона Гёртнера он добился отмены запрета на партию и на газету «Фелькишер беобахтер» в Баварии. Заставив и сторонников, и оппонентов прождать два месяца, в течение которых он отказывался связывать себя обязательствами, он объявил, наконец, что 27-го февраля будет выступать в «Бюргербраукеллер», в том самом месте, где проводился путч.

Было отдано распоряжение: после того, как войдут 3000 «верных», закрыть двери перед 2000 остальных слушателей. Когда появился Гитлер, его приветствовали с бурным восторгом, на который вряд ли мог рассчитывать кто-либо другой из правых лидеров. Он говорил два часа, в конце последовали прочувствованные сцены примирения, во время которых Макс Амман вскричал: «Ссоры нужно прекратить. Все — за Гитлера». И это уже после того, как Гитлер со всей откровенностью выразил свои взгляды:

«Если кто-либо хочет поставить мне условия, я ему скажу: «Друг мой, подождите, послушайте условия, которые я ставлю перед вами». Я не обольщаю массы, вы знаете. Через год вы, мои товарищи по партии, будете моими судьями. Если вы сочтете, что я вел себя неправильно, я откажусь от своего поста. Но до тех пор, есть только одно правило: я и только я возглавляю движение, и никто не вправе ставить мне условия, пока я сам несу ответственность за все. А я, со своей стороны, беру на себя ответственность за все, что происходит в движении».

Итак, он продемонстрировал, что его чары как оратора не уменьшились, и ему тотчас было запрещено выступать перед публичными собраниями. Но Гитлер, который в 23-ем году впал бы в отчаяние от подобной неудачи, не дрогнул, его не смутила даже потеря жалования, которую это означало. Это наводит на мысль, которую подтверждают все очевидцы, что после поражения путча и года в заключении он вышел не только более закаленным, но и с твердой верой в свою миссию, и вера эта оставалась не-

сокрушимой даже в те годы, когда он был лишь лидером малозначительной партии.

Перед выходом из тюрьмы он сказал Рудольфу Гессу: «Потребуется пять лет, чтобы движение снова поднялось». Как оказалось, то было поразительно точное предсказание. Действовать он собирался по-своему. В апреле 1925 года он согласился распрощаться с Ремом, которому был обязан столь многим в прежние годы, — лишь бы не идти на компромисс по поводу новых отрядов штурмовиков (СА). Рем хотел держать их подалеже от политики, превратив в подпольные военные части, которые дали бы возможность немецкой армии не соблюдать численности, обусловленной Версальским договором. Но Гитлер оставался непреклонен: штурмовики должны подчиняться его политическому руководству и служить для партии оберегающей ладонью. Когда Рем ушел в отставку, Гитлер не ответил на его письмо и не откликнулся на призыв не прерывать их личную дружбу.

С помощью Эссера и Штрейхера он вернул себе былое влияние на нацистское движение в Южной Германии. Но одна Бавария, без Севера, не могла служить базой для националистического движения — на севере было гораздо больше потенциальных членов. Промежуточная нацистская партия на севере самораспустилась, но враждебность ее более молодых и более радикально настроенных лидеров к «пионерам» с юга осталась прежней и выразилась в том, что они сопротивлялись попыткам Мюнхенского штаба нацистов взять под контроль группы, находящиеся за пределами Баварии.

Самой деятельной фигурой среди северян был Грегор Штрассер, ветеран-фронтовик из Ландсхута (Бавария), который уже создал в Нижней Баварии полк численностью в девятьсот человек. Он был главным мотором нацистской партии, создававшейся в то время, пока Гитлер сидел в тюрьме, и был избран в рейхстаг, куда прошел как депутат от Вестфалии. Когда партия была распущена и нацистская партия реорганизовывалась, Гитлер дал Штрассеру *carte blanche**, чтобы он создал партию на Севере, где его напористость и организационные способности уже проявились достаточно ярко. В то же время Штрассер был назначен гаулейтером Нижней Баварии, откуда он был родом, и депутатом от которой стал его бывший секретарь Генрих Гиммлер.

В течение следующего года, большую часть которого Гитлер провел в Оберзальцбурге, работая над вторым томом «Майн кампф», Штрассер выступил почти на ста митингах, по большей части, в промышленных районах

* *carte blanche* (фр.) карт бланш, свобода действий. (Прим. пер.)

Севера и центральной Германии. В число молодых активистов, которых он собрал вокруг себя, входил его брат Отто, двадцатисемилетний Геббельс и будущие гаулейтеры Карл Кауфман, Эрих Кох и Юзеф Тербовен. Они выработали более радикальный вариант национал-социализма, чем Эссер и Штрейхер в Мюнхене, более нацеленный на молодое поколение, подчеркнуто антикапиталистический, в котором провозглашался запрет на доходы от ренты, на земельную ренту и земельные спекуляции, осуждалось «имуущественное» рабство корпораций, финансовый капитал, большие магазины и содержался призыв к национализации тяжелой индустрии, дележу доходов и земельной реформе. Эти требования были преподнесены как национальная, немецкая, идеалистическая форма социализма, как альтернатива интернациональной, материалистической, уравнилельной классовой борьбе, проповедуемой марксистами. Активисты надеялись использовать эту программу как «поворот влево» таких индустриальных твердых СПГ и КПП, как Рур, и создать фелькиш профсоюзное движение. Штрассера также привлекал национал-большевизм: союз между Германией и Россией — двумя странами, потерпевшими поражение в войне 14-го года против капиталистов, империалистов и захваченного евреями Запада.

Ответ Гитлера был уклончив. Он и сам был радикалом по характеру и тоже умел использовать антикапиталистические лозунги, когда ему это было выгодно, но не собирался связывать себе руки подобной программой. Он не мог позволить себе потерять Север и потому лавировал и не спешил давать обещания. Разочарованные лидеры Севера продолжали вести свою линию в августе — сентябре 25-го года и, не получив поддержки, создали Северо-западную рабочую партию, сокращенно — (АГ), чтобы противостоять влиянию мюнхенской группы; они надеялись, что сумеют перетащить Гитлера на свою сторону, заразив его своими идеями.

Однако попытка Штрассера модифицировать партийную программу, сделав больший упор на антикапиталистические положения, чем это было сформулировано в версии 1920 года, провалилась из-за соперничества и антагонизма северных руководителей. Помышлял ли Штрассер о большем, надеялся ли подорвать позиции Гитлера как вождя, остается неясным. Он был гораздо более яркой личностью, чем все другие нацистские лидеры, и больше них годился на роль вождя, но совсем иного склада, чем Гитлер. Он обладал несравненно более прямым характером, был талантливым организатором и хорошим оратором, но ему не доставало харизматической силы Гитлера. Штрассер был не из того теста — из таких, как он, не творят мифы. Он понимал превосходство Гитлера и все более отодвигался на

задний план. Но мысль, что он мог бы стать соперником Гитлера, должно быть, приходила в голову, не только ему, но и Гитлеру.

До этого момента Гитлер держался в стороне, но зимой 25—26-го годов вынужден был вмешаться в ход событий. Предложение левого крыла партии экспроприировать имущество бывшего княжеского дома породило бурю споров в стране по вопросу о праве собственности. Гитлер был против экспроприации, группа Штрассера — за. Написанный Штрассером набросок программы стал прямым вызовом декларации Гитлера о том, что исходные «двадцать пять пунктов» программы незыблемы, равно как и решение Штрассера открыть собственное издательство «Кампфферлаг» и газету «Дер национал социалист», не дожидаясь соответствующей санкции. Призыв Штрассера отказать от робкой политики легальности и перейти к «политике катастроф» шел вразрез с отказом Гитлера поддержать новую попытку насильственного захвата власти.

Гитлер стал действовать решительно и умело. Он очень быстро созвал «актив» — общий сбор всех партийных вождей в Бамберге, на территории Штрейхера, где, как он был уверен, можно будет устроить демонстрацию сил и резервов (что должно было произвести впечатление на немцев-северян), а не просто явиться в сопровождении кортежа машин.

В речи, продолжавшейся целых четыре часа он разнес платформу Штрассера в пух и прах, разбив ее пункт за пунктом. «Программа 1920 года, — заявил он, — это наше кредо, основа нашей идеологии. Оступать от нее было бы актом предательства тех, кто погиб (в ноябрьском путче) с верой в нашу идею». По сути, Гитлер уходил от выбора между конкурирующими интерпретациями партийной программы и вместо этого «мифологизировал собственную личность «в качестве пункта программы». Штрассер сделал попытку ответить ему, но не получил поддержки. Гитлер разыграл свою козырную карту: без него как вождя движения не существует, — и его слушатели знали, что это правда. Однако, одержав победу, Гитлер поступил не так, как всегда, — не стал избегать поверженного Штрассера, а демонстративно подошел к нему, дружески обнял, что произвело большое впечатление на собравшихся (чего, возможно, нельзя сказать о Штрассере).

Но Гитлер не ограничился этим жестом. Он предложил Грегору Штрассеру возглавить отдел партийной пропаганды и пригласил самого способного из подручных Штрассера лейтенанта Геббельса посетить Мюнхен, где совершенно покорил его, а в ноябре 26-го года назначил его гаулейтером Берлина. Двадцатисемилетний, хрупкий, космополитный интеллигент-недоучка, являвший собой помесь тщеславия и неуверенности, Геббельс выказал таланты,

которых в нем никто не подозревал, и оказался жестким, агрессивным лидером, смелым оратором и писателем (хоть прежде производил впечатление автора ограниченного диапазона) и превратился во второго по значению пропагандиста после Гитлера.

То были два лучших назначения, которые когда-либо случалось сделать Гитлеру: отстранив того и другого от дела, с его точки зрения, не только бесполезного, но и вносящего раскол в движение, он, вместо споров о партийной программе, приобщил их к насущным задачам пропаганды и организации. В Бамберге он повторил то, что писал во втором томе «Майн кампф»: национал-социалисты — это не дискуссионный клуб и не партия интеллигентов, точно то же самое заявил Ленин на X-ом съезде Российской коммунистической партии в 1921 году. Перед нацистами стояла задача собрать воедино силы партии и закалить ее волю, чтобы завоевать власть. Подобную цель провозгласил и Ленин. «Такая борьба ведется не интеллектуальным оружием, а фанатизмом», — написал Гитлер.

Не допустив раскола в партии, Гитлер созвал общее собрание всех членов партии в Мюнхене в мае 1926 года и изменил правила объединения групп. «Национал-социалистическая немецкая ассоциация рабочих» в Мюнхене стала единственной «опорой» движения. Лидеры, избранные членами мюнхенской партии, автоматически становились вождями всей партии. По немецким законам требовалось также избрать первого председателя, который по избранию получал право назначать и смещать гаулейтеров, председателей комитетов и других партийных функционеров. Он также получал полномочия руководить партией независимо от решений, принятых большинством в совете директоров и в комитетах. На самом деле никакого совета директоров не существовало. Кроме секретаря, отвечавшего за членские списки, и казначея, особые задачи были возложены на руководителей центрального отдела (например, на Штрассера как на ответственного за пропаганду).

В начале июля 1926 года Гитлер осознал, что готов провести первый со времен путча партийный съезд в Веймаре, в Тюрингии, в одной из немногих областей, где ему дозволялось выступать. Поддержку на съезде получили только те предложения, которые он одобрял в качестве первого председателя — впоследствии это стало повседневной практикой. Все выступавшие, кроме Гитлера, говорили в рамках жесткого регламента, голосование не проводилось, и Гитлер недвусмысленно заявил, что хочет положить конец «бесконечным дискуссиям». После пленарного заседания в Национальном театре, том самом, где в 1919 году была принята конституция Веймарской республики, Гитлер принимал парад из 5000 членов партии и штурмовиков, и впервые, по образцу итальянских фашистов, отдавал им салют вытянутой рукой.

Гитлер преуспел — он укрепил свою позицию в нацистской партии. Но это не приблизило партию к главному — к преодолению своего маргинального положения в политике страны. Из 35 000 членов — такая цифра была зарегистрирована в 1926 году, — 15,6 миллионов взяли на себя труд принять участие в референдуме по вопросу о конфискации княжеского имущества — эта цифра дает представление о том, сколько нацистам еще предстояло сделать, чтобы расстаться со своим заштатным положением.

Пока государственная политика сталибилизации давала плоды, было маловероятно, что партия добьется дальнейших успехов. О плодах этих можно было судить по тому, что улучшилось не только международное, но и экономическое положение Германии. Благодаря американским займам была модернизирована промышленность страны, повысилась производительность почти во всех областях экономики, причем больше, чем в какой-либо иной стране Европы. В 1928 году национальный доход был на 12 % выше, чем в 1913, и это несмотря на территориальные потери в войне, а зарегистрированное число безработных снизилось до полумиллиона. Гитлеру не хвалато катастрофы, из которой, как он утверждал, Германию мог вызволить только он. Мало кто воспринимал всерьез этого самозваного мессию.

Слабость положения, в котором находилась партия, проявлялась на всех уровнях — на уровне политики, организации, вербовки новых членов, финансов. Если путч исключался, каким образом Гитлер надеялся укрепить власть? Надеялся ли он победить на выборах (совершить свой «поход на Рим», что было для него в высшей степени предпочтительно), или использовать угрозу революции? Как бы то ни было, важно было организовать поддержку масс. Но от кого могла прийти такая поддержка? От рабочих? От фермеров? От среднего класса? Да и какую политику они станут поддерживать?

Всякая партия стала бы искать ответы на эти вопросы в своей партийной программе и в ее политике. Но не нацистская партия. Какую бы политику она ни избрала, то не был бы результат работы комитетов или решений, принятых большинством, или, скажем, консенсуса между ее вождями. Как стало ясно после собрания в Бамберге, то было движение, спаянное верностью членов партии — независимо от их взглядов на те или иные вопросы, — единственному вождю, Адольфу Гитлеру. И Гитлер понимал это, и, чтобы не выйти из роли, старался сохранять как можно большую дистанцию от всех споров по конкретным политическим вопросам и избегать решений в пользу одной какой-либо фракции, жертвуя другой.

Идеология Гитлера, какой бы непродуманной и неубе-

дительной ни казалась она тем, кто не разделял ее, давала ему такой же подход к историческим процессам, а, следовательно, и такую же уверенность в себе, какую марксизм давал коммунистическим вождям. Как и Ленин и Сталин, в политике и тактике он видел не принципиальные вопросы, а требования момента, используя которые нужно было получить поддержку и завоевать власть. Разница состояла лишь в том, что коммунисты были готовы изменить линию партии за ночь, списав такую мгновенную перемену курса на изменившиеся «объективные обстоятельства», тогда как Гитлер предпочитал оставлять себе свободу выбора, говоря в самых общих чертах о недостатках «системы», о национальном возрождении и о росте чувства немецкой расовой общности и как можно меньше задерживаясь на текущих вопросах экономики и социальной политики, которые в любом случае казались ему второстепенными.

Такая позиция делала его уязвимым для критики, утверждающей, что нельзя принимать всерьез партию, не имеющую политики. Но он считал, что, пока он не знает, у какой части немецкого народа можно получить наиболее активную поддержку, нужно предоставить возможность отождествить себя с ним, Гитлером, наиболее широкому кругу людей самых разных взглядов внутри и вне партии. В таком его подходе в 1926—30 годах к политическим вопросам, с одной стороны, и вопросам организации — с другой, скрывается противоречие, которое мы обсудим ниже.

Несмотря на разногласия, которые заставили Гитлера созвать собрание в Бамберге, в конце 26—27-ых годов он позволил Штрассеру и его группе следовать так называемому «городскому плану», направленному на то, чтобы добиться поддержки для «антикапиталистического», «национального» социализма и сконцентрировать усилия партии на больших индустриальных центрах: Руре, Гамбурге, Берлине, Саксонии и Тюрингии. В 1927 году Грегор Штрассер заявил в партийной газете: *«Мы, национал-социалисты, враги, заклятые враги, существующей капиталистической системы с ее эксплуатацией экономических слабых... и мы полны решимости во что бы то ни стало уничтожить эту систему». Геббельс придерживался той же линии в качестве гаулейтера Берлина и бросал вызов коммунистам в одной из их твердынь, одновременно используя свой талант пропагандиста, чтобы атаковать «дежных борцов капиталистической демократии».*

Призыв к рабочим примкнуть к нацистской партии принес ей в 26—27 годах некоторое увеличение рядов, хотя вступившие были, в основном, работниками маленьких городков и деревень, ездившими на службу в большие города. Гигантские индустриальные центры оставались оплотом КП и СП и в 1927 г., когда численность в партии «голубых воротничков» достигла пика, они составляли 21—26 %,

что было существенно меньше того, что составлял их слой в процентном отношении среди обеспеченного населения страны. Те из нацистов, кто настойчиво проводил антикапиталистическую линию, полагали, что можно было бы достичь гораздо больших результатов, если бы им разрешили организовать свои собственные фелькиш профсоюзы и оказывать твердую поддержку забастовкам.

Гитлер наложил запрет на то и на другое, слишком далеко зайдя в копировании марксистской тактики. С другой стороны, когда вместо «городского плана» предпочтение было отдано мобилизации других групп населения, прежде всего, среднего класса и фермерства, прежняя кампания не была отвергнута, и радикальному крылу партии не мешали продолжать бороться за влияние на рабочих. Так, в 1927—30 годах незначительное представительство нацистов в рейхстаге не только внесло на рассмотрение ряд законопроектов (на самом деле, без какой-либо надежды на успех), направленных на конфискацию биржевых состояний и военных доходов, но и было единственной партией, поддержавшей откровенно антикапиталистическую линию коммунистов по целому ряду вопросов. Гитлер даже посмотрел сквозь пальцы на план, с помощью которого левые активисты партии обошли его запрет на организацию профсоюза и КПГ, создали свои ячейки на заводах, подрывавшие монополию СПГ путем ведения нацистской пропаганды и выдвижения своих кандидатов в заводские советы. А в январе 1931 года «Нацистская организация заводских ячеек» (НСБО) влилась в партию как совершенно полноправная организация.

Все это однако не помешало Гитлеру предпринять ряд попыток добиться поддержки деловых кругов. При этом он не только не касался радикальных экономических пунктов официальной программы национал-социалистической немецкой рабочей партии, которых никто из нее не исключал, и не только не упоминал об антикапиталистической кампании, проводимой радикальным крылом партии, но затушевывал даже такие принципиальные для его политики вопросы, как антисемитизм, лебенсраум на востоке и неограниченное право государственной интервенции в экономику, так как понимал, что все это чуждо его слушателям. Цель его партии, говорил он, выступая перед предпринимателями, освободить Германию от марксизма и восстановить ее величие в мире. Он смутил умы и добился определенного успеха у мелких предпринимателей и средних управленцев, но не у крупных бизнесменов ни в Руре, ни в других областях. Единственное исключение составил восьмидесятилетний Эмиль Кирдорф, «одинокий волк», известный некогда как «Бисмарк угольной промышленности», на которого Гитлер произвел такое сильное впечатление, что он передал ему в дар 100 000 марок и пробовал расположить про-

мышленные круги в его пользу. Но через год с небольшим, в августе 1928 года, он вышел из партии, преисполнившись отвращения к выступлениям нацистов против угольного картеля, в создании которого он сыграл в свое время ведущую роль.

Гитлер, приехав в Веймар в октябре 1926 года, пробовал применить иную тактику и приводил аргументы в пользу союза между нацистами и правыми ассоциациями ветеранов, прежде всего, «Стальным шлемом». Если бы он преуспел, это дало бы партии прирост более чем миллиона избирателей и доступ к весьма необходимым ему кадрам потенциальных лидеров, многие из которых имели опыт добровольческих отрядов. Неудача постигла его не из-за разницы политических взглядов, а из-за нежелания лидеров союзов ветеранов признать за ним статус единственного лидера. Неудачные переговоры закончились взаимными упреками и запретом на братание с другими националистическими группировками, что лишь изолировало нацистов от их естественных союзников.

Альтернативный курс состоял в том, чтобы довести штурмовые отряды до запланированной цифры в 100 000 человек. Проводя реорганизацию партии в 1926 году, Гитлер нашел замену Рему как Верховному фюреру (ОСАФ) в лице капитана Франца фон Пфеффера, бывшего лидера добровольческих отрядов. В письме к фон Пфефферу Гитлер настаивал на том, чтобы тренировки штурмовиков «определялись партийными нуждами, а не военной точкой зрения». Большинство молодых, активных членов партии также были членами штурмовых отрядов (СА), но давняя зависть и соперничество между командирами штурмовиков как боевой части партии, состоявшей, в основном, из бывших армейских офицеров, и мюнхенским национально-политическим руководством, также местными гаулейтерами, не закончилась с назначением Пфеффера. В 1927-м году мюнхенские штурмовики, разочарованные тем, что им не разрешили «броситься в бой» и подготовить новый путч, восстали против власти ОСАФа, и, чтоб успокоить их, потребовалось личное вмешательство Гитлера. В Берлине жестокость уличных схваток штурмовиков с коммунистами вызвала общественное порицание и вынудила полицию наложить запрет на создание нацистской организации в столице. Однако неурядицы со штурмовиками продолжались, даже когда Гитлер сместил фон Пфеффера и сам стал верховным главнокомандующим.

Эти разносторонние усилия Гитлера и нацистов получить поддержку, предпринятые ими между 1924 и 28 годами, и неприглядны, и бессвязны. Ничто не показывает с большей очевидностью, что до тех пор, пока обстоятельства не переменялись в пользу нацистов и большие массы людей не

прониклись их идеями, даже такие талантливые пропагандисты, как Гитлер и Геббельс, не могли заставить себя слушать.

Усилия Гитлера по созданию партийной организации, однако, обнаруживают и другое: его твердую веру в то, что такие изменения неизбежно произойдут, и его приготовления к этому. Первые шаги по формированию национальных штабов были предприняты перед собранием в Бамберге, когда были назначены два малопримечательных, но усердных администраторов: Филипп Бухлер на должность исполнительного секретаря и Франц Ксавье Шварц, бывший бухгалтер мюнхенского муниципалитета на пост казначея. Бамберг положил начало следующей стадии, заменив сводную ассоциацию местных группировок, которые привыкли следовать своим курсом, не считаясь с инструкциями, поступившими из Мюнхена, центральной бюрократией. И гаулейтерам, и местным организациям надлежало понять, что одной личной преданности фюреру недостаточно и что, как часть националистической организации, они подотчетны ее штабам и назначенному Гитлером имперскому политическому руководству. Это встретило сопротивление, и потребовалось время, чтобы его сломить, но для того, чтобы осуществлять контроль за финансами и за приемом новых членов, необходимо было внедрить дисциплину.

Гитлер понимал, что партии, которой предстоит в один прекрасный день принять в свои ряды тысячи новых членов, нужен будет административный аппарат, способный управлять большими человеческими массами. Еще в 1926 году Гитлер настаивал на том, что нужно увеличить управленческие штаты и фонд партийных помещений, а также обеспечить современное техническое оснащение контор и разработать тщательную процедуру регистрации членов партии, т. е. он думал об этом задолго до того, как появилось достаточное количество новых людей, оправдывающее такие расходы. Контраст между такой его предусмотрительностью и его собственными, сибаритскими привычками, его частые отлучки в Оберзальцбер и другие места отдохновения на дни и даже недели, отражал нечто большее, чем простое отвращение к чиновничьей работе. Для его идеи вождя было важно, чтобы он сам хотя и принимал участие в подобной деятельности, но не занимался кропотливой административной работой, которую должна была осуществлять безличная бюрократическая машина. Те, кто управлял этой машиной: Бухлер, Шварц, а впоследствии Гесс, прекрасно понимали, что решения будет принимать Гитлер и только Гитлер, но для того, чтобы придать этим решениям институциональную силу, нужно было держать дистанцию между фюрером и его подчиненными.

Одновременно со всем этим Гитлер возродил Национальный комитет расследований для того, чтобы контролировать местных лидеров, если они обнаружат склонность сомневаться в правильности его решений или отходить от линии партии, но позаботился о том, чтобы эту должность заняло преданное ему лицо, которому он мог вполне доверять. *«Комитет надежно защищал репутацию, превратившегося в живую легенду Гитлера, принимая на себя любое недовольство его решениями и не допуская, чтобы объектом его стал фюрер, чьим творением и инструментом и был этот комитет.»*

После нацистского съезда, состоявшегося в 1927-ом году в Нюрнберге, Гитлер почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы счесть, что партия приняла реорганизацию, и можно переходить к следующей ее стадии. Необходимость этого была очевидна в связи с провалом «городского плана» и запретом на деятельность партии в Берлине, как и признанием того, что если нацистам и предстояло совершить прорыв и призвать в партию широкие круги новых членов, то для этого нужна была новая стратегия. А это значит, что требовалось без лишних слов признать два обстоятельства.

Во-первых, признать, что у Гитлера было не больше шансов стать немецким Муссолини за счет угрозы нового путча, чем за счет реального путча, который бы преследовал цель свержения режима. Хотя это и было неприятно, но оставляло выход: приняв участие в выборах, получить достаточное количество депутатских мандатов, ибо то был единственный способ пробиться к кормилу власти. И, во-вторых, чтобы преуспеть в этом начинании, следовало искать поддержки у среднего класса, представители которого редко принимали участие в демонстрациях и уличных схватках, но поддавались призывам голосовать за нацистов.

Были произведены новые назначения в имперское политическое руководство (так например, Грегор Штрассер стал лидером и среди гаулейтеров, к которым предъявлялись все большие требования: от них ждали, что им достанет образования и способностей принять на себя новую роль управляющих партии, которые справятся с предвыборной кампанией и смогут претендовать на то, чтобы стать партийными кандидатурами. Штурмовики, должно быть, ворчали, что партию задушат бюрократической волокитой, среди мюнхенских штурмовиков снова начались волнения, потребовавшие очередного вмешательства Гитлера, который утихомирил недовольных. Имперское руководство партии направило всю энергию на подготовку к новым парламентским выборам, которые прошли в мае 1928 года и в которых участвовали кандидаты от всех тридцати выборных территориальных округов, причем предвыборные митинги посетили 10 000 человек.

Все это совершенно неожиданно окончилось поражением

нием — было получено на 10 000 меньше голосов, чем в декабре 24-го года, и всего лишь 80 000 из 30 750 000 пришли к выборным урнам. Оправившись от шока, нацистские лидеры быстро усвоили полученный урок. Если дела партии шли плохо в городах, они неожиданно хорошо пошли в провинции: и на Севере (в Шлезвиг-Гольштейне, Ганновере), и на Юге (в Франконии). На этих центрах Гитлер и сосредоточил свои усилия.

Вместо съезда (который партия не могла себе позволить, так как была в долгах после выборов), Гитлер созвал в августе 28-го года в Мюнхене конференцию партийного актива. Он призывал собравшихся перенести упор с городов на сельскую местность и пересмотреть границы округов, на которые была поделена партия. Контингент деревенских избирателей был не так сконцентрирован как в городах, а довольно сильно рассеян, и требовалось гораздо больше усилий, чтобы вести, по сути, круглогодичную предвыборную кампанию.

Разрабатывать новый курс, Гитлер предоставил Шварцу и Штрассеру, а сам уехал на несколько недель со своими состоятельными друзьями Брукманами в Вертсхаден. Следующая конференция, состоявшаяся в январе 1929 года, была созвана, когда реорганизация, начатая два года назад после собрания актива в Бамберге, подходила к концу. Двумя важными особенностями этой конференции были: новое определение роли гаулейтеров и окончательное утверждение иерархической структуры, в которой каждый нижний уровень был строго подчинен следующему по вертикали.

На деле, партия, конечно, была не так четко организована, как это значилось в ее документах и планах. Слабость ее организации крылась в ее зависимости от одного единственного человека, принимавшего все решения нетривиального характера и в том числе решения о том, что считать и что не считать тривиальным. Поскольку Гитлер не желал сидеть в присутствии, улаживать споры и отвечать на письма, дело стопорилось на самом вершине и пошло лучше лишь тогда, когда в своем личном секретаре, Рудольфе Гессе, Гитлер обрел доверенное лицо, которое действовало не за страх, а за совесть и которому можно было передать власть, не опасаясь, что оно покусится на недосыгаемость фюрера или повредит мифу о том человеке, кому выказывало религиозную преданность.

Гитлер всегда считал, что организация, хоть и важна, но лишь как средство к достижению цели. Успех партии проверялся просто: переходили ли избиратели на ее сторону или нет.

Гитлер старался не осуждать радикальные социалистические силы в партии публично. Их страстная мечта о социальной стратегии революционного характера, которую они так и не сумели ясно очертить, отныне была направлена на то, чтоб завоевать поддержку среднего класса, как среди сельских жителей, так и городских. Гитлер считал, что нужно использовать растущее недовольство зажиточных скотоводов Шлезвиг-Гольштейна падением цен, ростом налогов и банкротств — предвестниками депрессии 1929-го года, видя в этом благоприятную возможность для политической борьбы. Когда в декабре 1927-го года было объявлено о том, что государственным служащим повышают жалованье, последовала гневная реакция масс, быстро распространившаяся на протестантские сельскохозяйственные районы: Ольденбург, Нижнюю Саксонию, Померанию и Восточную Пруссию. Мировое падение цен на сельскохозяйственную продукцию началось в конце 1927-го года, ситуация усугубилась из-за торговых договоров, по которым Германия обязалась увеличить ввоз продуктов сельского хозяйства из таких стран, как Польша, в обмен на ввоз туда немецких промышленных товаров. Наступившая вслед за этим депрессия в аграрных районах нанесла вред не только фермерам, но и проживавшим в этих местах ремесленникам и мелким торговцам, чье благополучие зависело от состояния сельского хозяйства.

В декабре 1927-го года Гитлер поехал в Шлезвиг-Гольштейн выступать перед недовольными и быстро убедился, что достаточно внести кое-какие изменения в «неизменяемую» партийную программу, чтобы получить голоса сельских избирателей. В апреле 1928-го года он объявил, что 17-ый пункт программы, в котором провозглашалась экспроприация частной собственности, касается только еврейской собственности. Хотя это произошло слишком поздно, чтоб оказать какое-либо влияние на окончательный результат выборов 1928-го года, в некоторых северо-западных районах, где движение было наиболее сильным, нацисты получили более 10 % голосов, при том, что их средний показатель обычно составлял 2 %. Это стало началом очень удачной для них кампании, умело проведенной с учетом политической ситуации в избирательных округах малых городков и деревень, разбросанных на значительном расстоянии один от другого.

Ремесленники и мелкие лавочники среднего класса и в индустриальных, и в сельских районах первыми ощутили на себе приближение депрессии, наступившей вследствие нарушения экономического равновесия и смещения акцента на крупное предпринимательство и организованное производство, отчего сельское хозяйство, с одной стороны, и сред-

ний класс, с другой, стали хиреть. То было следствием модернизации немецкой промышленности в 20-е годы и усиления исторической тенденции — концентрации гигантских трестов и картелей, соревнования с которыми не выдерживали мелкие предприятия. В то же время профсоюзы СПГ действовали успешно и добивались более высоких зарплаток и пособий по безработице. В качестве примера можно привести назначение страхования по безработице, которое было объявлено одновременно с увеличением жалования государственным служащим в 1927-ом году (что вело к более высокому налогообложению предпринимателей как и населения). Но продержалось это недолго. Ухудшение политической ситуации вело к дроблению избирательных округов, к которым принадлежали представители мелкой буржуазии, и к росту групп, объединение которых происходило по интересам. Но последние быстро распались, а за свои атаки — все более яростные — на большие магазины и потребительские кооперативы, на которые так сильно жаловались мелкие предприниматели, приходилось платить большие дивиденды нацистам в 1929—30-ом годах.

Тем временем, нацистское партийное руководство направило свои усилия на организацию и реорганизацию присоединившихся групп, таких, как «Союз национал-социалистических юристов», «Союз врачей национал-социалистов», «Союз учителей-национал-социалистов», «Союз социал-националистического студенчества», все они были задуманы для привлечения и получения поддержки среднего класса.

Внешняя политика также не была забыта. Гитлер удвоил свои призывы ко всем «патриотически мыслящим» во всех слоях общества, и начал резкую кампанию против политики согласия с условиями Версальского договора и против министра иностранных дел Штресмана, объявив эту политику предательством национальных интересов Германии. Летом 1929-го года международный комитет экспертов под председательством американского банкира Оуэна Янга разработал план решения репарационного вопроса, предложив Германии осуществлять в течение шестидесяти последующих лет серию ежегодных платежей. План Янга стал для Гитлера поводом для раздувания ненависти, накопившейся в душах у немцев в связи с их поражением 18-го года, потерей территорий, обусловленной Версальским договором, и пресловутой статьей 231-ой, возлагавшей всю ответственность за войну 14-го года на Германию, на чем и было основано требование репарационных платежей. Это не только позволило Гитлеру подогреть все отрицательные чувства к союзникам и Веймарскому режиму, который был орудием в руках союзников, но и дало дополнительный импульс для уже начавшегося сближения с другими правыми группировками, такими, как «Стальной шлем», от-

ношения с которыми были прерваны с 1926-го года.

Это стало прологом к большому. Осенью 1928-го года руководство главной консервативной партии — Немецкой Национальной Народной партии (ДНФП) перешло в руки Альфреда Гугенберга, фанатичного, амбициозного и авторитарного короля прессы, который сколотил состояние на инфляции и построил себе империю средств массовой информации, включавшую в себя целый комплекс газет, агентств, а также ведущую немецкую кинокомпанию «УФА». Ему было гораздо важнее использовать все эти средства, чтобы влиять на умы и внедрять свои реакционные взгляды, нежели приумножать капитал. Он поставил себе цель уничтожить «социалистическую республику», подорвать влияние профсоюзов и противопоставить классовой борьбе низов классовую борьбу верхов. Ради этого он готов был пожертвовать громадные суммы, изъав их из большого бизнеса. Существенная часть консервативно настроенных членов ДНФП вышла из партии в знак протеста против политики Гугенберга, но его интересовали не они, а возможность привлечь на свою сторону массы, и он полагал, что в лице Гитлера обрел того человека, который сделает это для него.

Гитлер блистательно воспользовался представившимся случаем. Сначала он достаточно сдержанно встретил предложение Гугенберга объединить усилия и начать совместную кампанию против плана Янга: он знал, что сопротивление окажут не только радикально настроенные члены партии, но и многие верные нацисты, встревоженные тем, что он яхшается с заклятым врагом не только профсоюзом, но и любых правительственных мер и реформ. И если ему следовало принять предложение Гугенберга, то лишь на его, Гитлера, собственных условиях: полная свобода ведения кампании и передача нацистам значительной доли средств, отведенных на ее финансирование. Когда эти условия были приняты, в качестве последнего штриха, Гитлер выдвинул еще одно условие: назначить Грегора Штрассера, зарекомендовавшего себя заклятым врагом капиталистов, представителем нацистской партии в объединенный финансовый комитет. Мало кто из нацистских лидеров одобрял эту сделку Гитлера, но он сумел убедить их, что следует проявить терпение и посмотреть, что будет. И в самом деле, никто из них не заявил открытый протест и не подал в отставку.

3-го и 4-го августа Гитлер инсценировал съезд в Нюрнберге, самый представительный из всех нацистских съездов, куда в тридцати специально заказанных поездах были доставлены 200 000 членов партии и сочувствующих со всех концов Германии. Гитлер принимал гигантский парад из 6000 штурмовиков, маршировавших перед ним в течение трех с половиной часов. В последовавшей далее пропа-

гандистской кампании против Янга нацисты взяли не чужой, еще более разнузданный тон. В течение многих лет Гитлер обливал презрением правое консервативное крыло за то, что его деятели не умели привлечь на свою сторону массы — теперь ему представлялся случай показать им, как это делается, причем в масштабах, которые партии прежде и не снились. На протяжении полугода все его речи, как и речи остальных нацистских лидеров, с помпой публиковались на страницах Гугенберговских изданий и постоянно находились в центре внимания. Для миллионов немцев, прежде и слыхом о нем не слыхавших, он стал, вследствие кампании, которая велась средствами массовой информации и финансировалась Гугенбергом, близкой и знакомой фигурой. Тем не менее, кампания эта кончилась провалом и не достигла поставленной цели — победить в плебисците, который проводился с целью провести в рейхстаге закон «против порабощения немецкого народа», что означало бы отказ от плана Янга. Гитлер и Гугенберг почти ничего не добились, если говорить о массовой поддержке: они получили меньше шести из двадцати одного миллиона голосов, необходимых для победы. Но поражение Гугенберга и провал его «закона о свободе» вовсе не был поражением Гитлера. Он тотчас порвал с Гугенбергом и националистами, возложив всю ответственность за провал на них, якобы не оказавших ему надлежащей помощи. И то, что вслед за этим в Национальной партии произошел раскол из-за тактики Гугенберга, лишь прибавило веса его критике. Но главным для Гитлера было то, что он и его партия, наконец, прорвались в большую политику. В июне они получили почти пятнадцать процентов голосов на региональных выборах в Ландтаг Саксонии — традиционной крепости левых, где всего лишь два года назад за них подали голоса 3 %- избирателей. Между октябрём 1928-го года и сентябрём 1929-го их численность возросла от 10 000 до 150 000, а к середине 30-го года достигла 200 000, и это несмотря на все допущенные ошибки.

На региональных и местных выборах 1929-го года Грегор Штрассер был председателем нацистской избирательной кампании и осуществлял свое руководство через гаулейтеров. Мюнхенский дворец Барлова, названный «Коричневым домом», был куплен весной 30-го года и послужил новой импозантной штаб-квартирой, где разместился быстро растущий штат. В разряд централизованных акций входила подготовка циркуляров, плакатов и листовок, разработке которых уделялось много внимания, после чего их передавали на суд Гитлеру и Гессу.

Ключом к успеху стало, однако, осознание нацистами того, что эффективность центральной организации и планирования обеспечиваются связью с провинциальными партийными ячейками. Это значило, что необходимо иметь

партийных активистов в деревнях и маленьких городках, активистов, хорошо знакомых с местными особенностями, местными человеческими ресурсами и потенциальной активностью местных членов партии. Нацисты сумели создать такую сеть сторонников в провинции, куда входили и рядовые, и видные ее граждане, и которая охватила всю Германию, что дало возможность объединить несколько тысяч провинциальных сообществ; на деле, это была вся нация.

Наиболее известный пример такой связи между центром и провинцией — это план, разработанный Вальтером Дарре, уроженцем Аргентины, усвоившим идеи А. Кенстлера, основателя и издателя журнала «Кровь и почва» («Blut und Boden»), преподававшего «распространение активного, национального аграрного движения Шлезвиг-Гольштейна по всему рейху». Дарре был назначен советником партии по сельскому хозяйству и в августе представил в Райслайтунг два меморандума, в первом из которых обосновывалось значение сельского хозяйства в предстоящей борьбе за власть в Германии, а во втором содержался «Очерк плана по созданию организационной структуры сельского хозяйства в стране».

Предметом особых забот Национал-социалистической аграрно-политической администрации (НСАА), созданной Дарре, были фермерские ассоциации. В инструкциях, которые он составил в ноябре 30 г. говорилось: «Пусть не останется ни одной фермы, ни одного поместья, ни одной деревни, ни одного кооператива, ни одной отрасли сельскохозяйственного производства, ни одной организации и тому подобного, где у нас не было бы своих агентов, и в таком количестве, чтобы мы могли одним ударом парализовать всю политическую жизнь этих структур».

В начале 30-х годов эта цель была, в значительной степени, достигнута — фермерские ассоциации одна за другой переходили на сторону нацистов. Однако Дарре не ограничивал свою пропагандистскую деятельность одними лишь аграрными вопросами, у него были три главные темы: антисемитизм, борьба против либерализма и Веймарской республики и угроза большевизма — неизменно пользовавшиеся успехом.

Чтоб справиться с нехваткой ораторов для выступлений на местных митингах, особенно сельских, организованная одним из гаулейтеров Фрицем Рейнхардом нацистская школа, была превращена в партийный институт, проводивший начальный инструктаж по ораторскому искусству и снабжавший слушателей комплектом речей и наборами ответов на типичные вопросы. То был эффективный способ донести желаемое до деревенских жителей, не дожидаясь, пока они сами приедут в ближайший центр. Нацистская кинослужба действовала столь успешно — прежде всего,

в сельской местности, где кино было в новинку, — что всем местным отделениям был отдан приказ обзавестись кинопроекторами.

В соответствии с предложением, впервые высказанным два года назад Геббельсом, Отдел пропаганды имперского руководства партии в декабре 1928-го года разработал план по проведению «ударных пропагандистских акций», которые должны были «насытить» пропагандой все районы один за другим, причем не только во время предвыборной кампании, но в течение круглого года. От 70 до 200 митингов предполагалось проводить в каждом округе (gau) через каждые 7—10 дней. Должны были проводиться моторизованные парады и публичные митинги, на которых выступали бы вожди партии, включая самого Гитлера. Следующим шагом должна была стать программа ежевечерних бесед (Sprechabende), на которых наиболее влиятельные местные руководители должны были доводить до сведения рядовых членов усвоенное ими на больших митингах. Районы для такой работы подбирались на основании донесений с мест: расписание подобных акций тщательно составлялось под надзором Гимmlера, который все еще был главой Отдела пропаганды, Гитлера и Гесса. Примером может служить «насыщение» пропагандой Саксонии перед парламентскими выборами в июне 1929-го года. Партийные агитаторы, откомандированные из двух партийных крепостей — Гофа и Плауна, прочесали всю Саксонию, во время предвыборной кампании они провели около 1300 собраний, больше половины из которых прошли в Рудных горах, где проживало много сельских и надомных рабочих.

Вознаграждались ли такие усилия? Распространенное мнение, что перед приходом Гитлера к власти нацистов щедро финансировал большой бизнес, не соответствует историческим данным. Средства, которые передавали нацистской партии крупные корпорации на цели политической борьбы в промежуток 1930—1932 годы, в большом количестве поступали к их соперникам-консерваторам: к более консервативным ДФП, ДНФП, а после их раскола — к консервативной народной партии, а не к нацистам. Это подтверждает точку зрения прусского тайного ссыка того времени, утверждавшего, что нацисты, в основном, сами добывали себе средства. В значительной степени они складывались из мелких поступлений, зачастую имевших характер добродетельных даяний от преданных членов партии. Довольно существенные сборы они получали от входной платы на многолюдные митинги — взимались одна или две марки с человека; такое сборище, если на нем выступал Гитлер, могло принести несколько тысяч марок за вечер. В полицейском донесении, откуда взяты все вышеприведенные цифры, говорится также, что другие партии, действовавшие в тех же регионах, тратили на всю избира-

тельную кампанию целиком не более 22 000—30 000 марок.

Местные структуры, сформированные партией, по сути, несли ответственность не только за организацию кампании, но, в немалой степени, и за ее финансирование. Кроме партийных взносов, которые регулярно собирались и регистрировались, и особых сборов, взимавшихся с каждого члена партии на покупку «Коричневого дома» в Мюнхене, партия с большой изобретательностью изыскивала всякие пути для получения денег. Среди них были: обязательная система страхования, карточка «Сочувствующий», куда вносились имена всех состоятельных лиц и крупных фирм, хоть и уклонявшихся от вступления в партию, но время от времени тайно вносивших средства на партийные расходы.

Энтузиазм, с которым встречались подобные мероприятия, был поразителен. К началу 30-го года вера в Гитлера многих лидеров, проработавших с ним от семи до десяти лет, не только не пострадала после провала путча, но оставалась неизменной все долгие годы ожидания, когда надежды на свержение Веймарского режима, становились все более отдаленными. За реорганизацией партии 26—28-го годов последовало разгромное поражение на выборах в мае 28-го года, и хотя кампания, проведенная против плана Янга, впервые позволила партии выйти на арену общегосударственной политики, тем не менее, то было очередное поражение, и надежда на приход к власти вновь откладывалась. Порой сам Гитлер говорил о том, что может пройти двадцать, а то и больше лет, «прежде чем наша идея восторжествует». Несмотря на текучесть новых партийных кадров, основная масса участников движения сохраняла ему верность, хотя и знала, что к их времени и кошельку будут предъявляться более высокие требования, чем в любой иной партии.

То было одним из самых существенных достижений Гитлера в 20-е годы, когда его роль и миф о вожде, избранном самим Провидением, еще не были подкреплены триумфом. Другим важным достижением была реорганизация, которая привела партию в боевое состояние, теперь нацисты могли воспользоваться преимуществами драматической перемены политического климата, происшедшими в начале 30-х годов и справиться с притоком новых членов и избирателей, количество которых превзошло самые смелые ожидания. Создать подобный инструмент заранее, задолго до возникновения благоприятной ситуации, которая давала бы возможность применить его и, тем самым, оправдать затраченные средства, было не только дальновидно, но важно, важнее, чем все отклонения и непоследовательности партийной политики.

Последующая победа нацистов на региональных и местных выборах сигнализировала о том, что ситуация в стране

начала меняться, это же подтвердилось и сломом системы политических партий Веймарского режима и началом мировой депрессии.

VI

В так называемую Веймарскую коалицию, принявшую республиканскую конституцию, входили три партии: социал-демократическая (СДП), либеральная немецкая демократическая партия (НДП) и католический центр. На выборах 1920-го года они проиграли, после чего в течение восьми лет власть переходила из рук в руки двенадцать раз от одной ненадежной коалиции к другой; на протяжении четырех последних лет во главе стояла коалиция правых и центра, социал-демократы вышли из игры. Немецкому обществу оказалось трудно приспособиться к растущему социалистическому и профсоюзному движению, еще перед войной распространившемуся по всей Европе. В период от 1878 по 1890 годы его пытался подавить Бисмарк, наложивший запрет на все виды социал-демократической деятельности. В 1912 году СПГ стала самой большой партией рейхстага и ведущей социалистической партией II Интернационала («Социалистического»), причем добилась этого очень легко. Ее подъем вызвал недовольство правящего класса и предпринимателей, которые в сплочении рабочих видели угрозу для себя и для существующего порядка; впрочем, и мелкая буржуазия смотрела на рабочих сверху вниз как на ниже стоящих. Эти чувства стали еще сильнее после событий 1918—23 годов, после Российской революции 17-го года, потрясшей Германию, после больших политических забастовок, прокатившихся по стране в январе 1918-го года, и революционных выступлений 1918—20-ых годов. С этими событиями принято было связывать поражение в войне, свержение монархии и установление республики, которая никогда не была свободна от подозрений в «социализме». Даже после того, что СПГ была исключена из коалиции, она оставалась ведущей партией в коалиционном правительстве Пруссии — самой большой немецкой области. Профсоюзы были достаточно сильны, чтобы добиться включения в немецкое законодательство некоторых прогрессивных законов, принятых в Европе. Общее количество голосов, поданных за «марксистов», за социал-демократов (29,8 %), коммунистов (10,6 %) в сумме превышало 40 % (12,4 миллиона на парламентских выборах 1928-го года).

Успех на выборах позволил СПГ вновь войти в правительство рейха, и один из руководителей социал-демократов, Герман Мюллер, стал рейхканцлером. Но попытка оживить прежнюю Веймарскую коалицию вскоре встретилась с трудностями. Партнеры СПГ вскоре лишились своих

мест — быстрый рост левого крыла и числа поддерживавших их избирателей внушал им тревогу. Поэтому они стали склоняться вправо, тогда как социал-демократы, ощущавшие давление соперников-коммунистов, стали сдвигаться влево, и правительству Мюллера становилось все труднее осуществлять свой политический курс, рассчитанный на сплочение и выработку согласия: с кончиной министра иностранных дел Штреземана, наступившей в конце 29-го года, самой значительной фигуры, выдвинутой республикой, трудности эти еще больше возросли.

На этом тревоги СПГ не кончились. Как раз в 1928 году III Коммунистический Интернационал, созданный в Москве под нажимом Сталина, отдал распоряжение, чтобы своим основным противником, немецкие коммунисты (а за них выступало более трех миллионов избирателей) считали социал-демократов, которых с этих пор следовало именовать социал-фашистами. Эта директива, навязанная немецким коммунистам в интересах сталинской линии в Российской компартии и подрывавшая положение немецких рабочих и КПД, совпала по времени с усилением, а позже и с приходом к власти нацистской партии и с последовавшим вскоре распадом немецкой компартии. Трудно оценить, насколько выиграли от этого нацисты, но, очевидно, что раскол между двумя партиями рабочего класса, когда коммунисты атаковали социал-демократов и довели численность своих избирателей до пяти миллионов на выборах 1932-го года, было ведущим фактором в уменьшении сопротивления поднимающемуся нацизму и разрушении боевого духа руководителей СДП и профсоюзов. Сталин оставался глух к любым попыткам переубедить его и изменить политику: если такая тактика ведет к поражению немецкой демократии и умеренного социализма, тем лучше. Официальная линия Коминтерна оставалась неизменной: за победой нацистов неизбежно последует восстание рабочих, которое приведет к возникновению Советской Германии.

Гитлер быстро понял, что дестабилизация и усиливающаяся поляризация немецкой политики в период между 1928-ым и 30-ым годами открывает перед ним новые возможности. Нацисты могли теперь усилить свои атаки на СПГ, свалив в одну кучу «красных»: социалистов и коммунистов, угрожавших революцией, при том, что сами коммунисты ополчались на СПГ как на предателей интересов рабочего класса. Что касается партий не социалистической ориентации, потеря ими избирателей была безусловным признаком того, что многие избиратели из среднего класса, прежде голосовавшие за националистов-консерваторов (доля голосов которых снизилась на выборах с 20 % до 14 %) или за одну из двух либеральных партий (ДДП или ДФП), или даже за католический центр, порывали со своей прежней партией, не найдя ей удовлетворительной замены.

Если, как все полагали, причина состояла в том, что политика Германии сдвинулась вправо, положение нацистов было более выигрышно, они могли обойти любую другую антисоциалистическую партию и, воспользовавшись преимуществами этой ситуации, воззвать к чувствам их разочарованных приверженцев.

Послуживший причиной стольких споров «кризис буржуазных партий» усилился из-за еще одного фактора — депрессии. Результат уже сказался на фермерстве и других сельскохозяйственных видах деятельности. В 29-ом году влияние ее ощутила на себе и вся остальная экономика: количество зарегистрированных безработных, понизившееся было до 400 000, впервые перевалило за 3 миллиона человек. Положение Германии было особенно неблагоприятным, так как ее экономическое возрождение в значительной степени поддерживалось иностранными займами, многие из которых были краткосрочными и сейчас были востребованы назад. Спад мировой торговли, падение акций на Нью-Йоркской фондовой бирже в октябре 1929-го года вызвало соответствующее падение цен в Германии, ограничение на кредиты, волну банкротств, вынужденную продажу имущества и ферм, закрытие фабрик. Но и те, кто избежал всего этого, жили, мучимые дурными предчувствиями, что вскоре все это коснется их.

Население Германии было уязвимо не только экономически, но и психологически. Последний кризис стал еще одним звеном в цепи тяжелых ударов, которые начались военными потерями, поражением 18-го года, падением старого режима, угрозой революции и гражданской войны, инфляцией и столь же болезненным опытом стабилизации: несколько лет процветания в середине 20-ых годов внезапно кончилось очередным кризисом. Отчаяние охватывало людей всех классов. Рабочие боялись потери работы и тягот безработицы, молодежь возмущала утрата надежд и жизненных возможностей. Все оборачивалось против режима и членов коалиционного правительства, которых обвиняли в том, что они во второй раз довели страну до беды, не сумев прийти к согласию и выработать меры для облегчения положения.

Но то, что вызывало растерянность у других политиков, заряжало Гитлера энергией. Ничто так не подходило к его апокалипсическому стилю в политике, как предчувствие несчастья, вследствие которого возникают преувеличенные страхи и иррациональные представления. Он инстинктивно почувствовал, что по мере углубления кризиса все большее количество людей будет стремиться обрести лидера, который пообещает не программу экономических или социальных реформ, но духовное преобразование, возрождение нации, и заразит их своей страстной убежденностью в том, что воля и вера способны преодолеть все трудности.

Коммунисты, как и нацисты, безудержно критиковали существующую «систему» и столь же догматично утверждали, что история на их стороне. Но так как они делали упор на классовую борьбу, их призывы скорее подрывали их позиции и больше отпугивали, чем привлекали кого бы то ни было, даже рабочих. В отличие от коммунистов Гитлер не обращался к какому-либо определенному классу общества. Он обращался к немцам, желавшим национального единства всех сословий, и в то же время оставлял надежду на то, что такое единство не противоречит кастовым или групповым интересам каждого отдельного лица. Воплощением традиционных принципов была фигура авторитарного вождя, — правительства, комитеты и коалиции отменялись — предлагался новый радикальный стиль пропаганды в сочетании с новой ролью партии, что привлекало молодежь и тех, кто устал от скучных компромиссов Веймарской демократии.

Тур региональных и местных выборов, прошедших осенью и весной 1930-го года, выявил рост влияния нацистов, но все же недостаточный, чтоб совершить прорыв к победе, которого Гитлер давно ждал. Он был уверен, что, как и в 1923 году, кризис, вызванный депрессией, пойдет ему на пользу и что теперь у него есть партия, организованная так, что он сможет воспользоваться новыми преимуществами. Но насколько глубоко и быстро идет радикальная перестройка сознания избирательской массы, должны были показать выборы в рейхстаг.

Однако это не значило, что проводить выборы не стоило. После долгих споров о бюджете в марте 1930-го года кабинет Мюллера подал в отставку. Не желая делить ответственность за финансовые реформы, которые, по мнению социал-демократов, представляли собой угрозу для плана социального страхования и боясь обвинений коммунистов в том, что они не способны защитить интересы рабочего класса, социал-демократическая партия настояла на отзыве своих членов из коалиции.

Поскольку не существовало никакой другой группы, которая могла бы собрать вокруг себя большинство в рейхстаге, возникла неразрешимая ситуация и, тем самым, президент фон Гинденберг получил право воспользоваться чрезвычайными полномочиями, предоставляемыми ему 48-ой статьей Веймарской конституции. Полномочия эти заключались в том, что, в случае необходимости, он имел право назначить канцлера президентским декретом. Однако полномочия президента не были безграничны. Назначенному им канцлеру не требовалась поддержка большинства в рейхстаге, но депутаты, если того хотело большинство, могли объявить ему вотум недоверия. Тогда президент мог распустить рейхстаг, но обязан был в течение двух месяцев провести новые выборы в рейхстаг. В президентском совете

имелись люди, старавшиеся разрешить это затруднение и создать истинно «президентскую» форму правления, стоящую выше партий и независимую от рейхстага. Впоследствии такая форма возникла. Но до тех пор, пока законодательный акт о предоставлении новых чрезвычайных полномочий не получил силы в марте 1933 года, депутатов, даже если они не могли создать рабочее большинство и сформировать правительство, нельзя было игнорировать, так как и у них оставалось право влиять на проведение выборов через вотум недоверия.

Человек, которого назначил Гинденбург, Генрих Брюнинг, лидер парламентской делегации от партии центра, надеялся, что сумеет убедить большинство членов рейхстага, с помощью того довода, что, несмотря на то, что рейхстаг попал в безвыходное положение, руководство страной должно продолжаться и потому не следует допускать до вотума недоверия. В то же время в марте 30-го года, безусловно, казалось, что президент дал веймарскому режиму новую надежду на выживание за счет более жесткой линии, которую начали проводить власти в самых крупных областях, прижав и коммунистов, и нацистов. Бавария и Пруссия запретили проведение демонстраций в обмундировании, в том числе и штурмовиков в коричневых рубашках; Пруссия запретила своим государственным служащим вступать в экстремистские партии; за нарушение общественного порядка стали привлекать к ответственности и довольно сурово карать. Гитлер очень боялся, что, как и в 1923-ем году, члены партии начнут испытывать разочарование из-за того, что возможность действовать снова надолго откладывается и утратят напор и стремительность, которыми партия привлекала столь многих.

Неразрешимые противоречия, которые все еще могли поставить под угрозу надежду партии на победу, проявились в столкновении, происшедшем между Гитлером и младшим братом Грегора Штрассера — Отто. Когда Грегор Штрассер переехал в Мюнхен, Отто остался в Берлине и через свою газету «Арбайтсблат», которая, по сути, была официальным органом нацистов на Севере, и через свое издательство «Кампферлат» проводил независимую радикальную политику, которая раздражала Гитлера и ставила его в затруднительное положение. В апреле 30-го года профсоюзы Саксонии объявили забастовку, и Отто Штрассер оказал им полную поддержку в своих газетах, прежде всего, в «Sächsischer Beobachter» — нацистской газете Саксонии. Гитлер приказал, чтобы ни один член партии не принимал участия в забастовке, но не мог заставить замолчать газеты Штрассера. 21-го мая он пригласил Отто Штрассера встретиться с ним и обменяться мнениями в одной из берлинских гостиниц.

Тактика Гитлера была типична: смесь подкупа, игры на чувствах и угроз. Он предлагал Отто Штрассеру на щедрых условиях передать издательство другому лицу и возглавить все нацистские издания рейха. Со слезами на глазах он обратился к нему как к бывшему солдату и ветерану партии во имя его брата Грегора. Он угрожал, что если Штрассер не подчинится его требованиям, он исключит его и его единомышленников из партии и запретит всем членам партии поддерживать с ним отношения, читать его издания и печататься в них.

Разговор начался со спора о расе и искусстве, но вскоре перешел на политические вопросы. Гитлер напал на статью Штрассера: «Верность и неверность», в которой тот проводил различие между идеей и вождем — идея вечна, а вождь — всего лишь ее слуга.

«Все это напыщенная чепуха, — заявил Гитлер, — и сводится она к тому, что вы даете каждому члену партии право судить об идее и даже решать, верен ли вождь так называемой идее или нет. Это демократия в худшем виде. Ей у нас нет места. Для нас идея и вождь — одно, и каждый член партии должен выполнять то, что прикажет вождь. Вы сами были солдатом... Я спрашиваю вас, готовы ли вы подчиниться такой дисциплине или нет?»

В ходе разговора Отто Штрассер коснулся того, что считал существом дела: «Ради легальности и вашего нового сотрудничества с правыми буржуазными партиями вы хотите задушить социальную революцию». Гитлер, выведенный из себя этим заявлением, сердито ответил:

«Я социалист, но совсем другого толка, чем ваш богатый друг граф Реветлов. Я начинал как простой рабочий. То, что вы понимаете под социализмом, не что иное, как марксизм. Смотрите: огромное большинство рабочих жаждет только одного: хлеба и зрелищ. Им не нужно никаких идеалов, и нечего надеяться привлечь рабочих по-настоящему, если мы будем апеллировать к идеалам...

Нет и не бывает никаких революций, кроме расовых: нет политических, экономических или социалистических революций, всегда и всюду есть только борьба низшей прослойки низшей расы против господствующей высшей расы, и если эта высшая раса пренебрегает законом своего существования, она проигрывает».

Разговор продолжался на следующий день в присутствии Грегора Штрассера, Макса Амана и Гесса. Когда Отто Штрассер потребовал национализации промышленности, Гитлер ответил с раздражением:

«Из-за демократии мир лежит в руинах, и, тем не менее, вы хотите распространить ее и на экономическую сферу. То будет конец немецкой экономики... Капиталисты проложили себе путь вверх благодаря своим способностям. И на основе происшедшего отбора — что еще раз доказы-

вает, что они высшая раса, — они имеют право стоять наверху».

Когда Штрассер спросил Гитлера, как он намерен поступить с заводами Круппа, если он придет к власти, Гитлер, не задумываясь ответил:

«Разумеется, я их не буду трогать. Не думаете же вы, что я настолько безумен, что стану разрушать немецкую экономику? Только если Крупп не сумеет справиться и действовать в интересах нации, государство должно вмешаться, тогда и только тогда... Но для этого не нужна экспроприация..., достаточно иметь сильное государство».

Некоторое время разговор этот оставался без последствий. Но в конце июня Гитлер отдал приказ Геббельсу исключить Отто Штрассера и его сторонников из партии. Вслед за ними ушли очень немногие. Его брат Грегор отказался быть редактором газет «Кампфферлат», и отмежевался от него. Сам Отто, после того, как опубликовал свою беседу с Гитлером, организовал Союз революционных национал-социалистов, «Черный флаг». Впоследствии он эмигрировал и продолжал оппозиционную деятельность в изгнании, но безуспешно.

Вскоре после исключения из партии Отто Штрассера, 16 июля 1930 года новый рейхсканцлер решил за Гитлера вопрос о выборе времени для решительного шага: оппозиционные партии не признали конституционность действий Бреннинга, прибегшего к чрезвычайным президентским полномочиям для проведения своей бюджетной программы, и объявил ему вотум недоверия. В ответ Бреннинг — за что его потом сильно критиковали — распустил рейхстаг и назначил новые выборы на 14-ое сентября.

Это оказалось роковым решением, давшим Гитлеру долгожданную возможность выйти на арену политической борьбы. Он не верил своему счастью. Его партия гораздо лучше была подготовлена к выборам, чем все соперничавшие с ней партии, и политический климат был более благоприятен для нацистов, чем во все предыдущие годы, начиная с 1923-го. Весной 30-го года Гитлер назначил Геббельса главой отдела пропаганды райхслайтунга и за шесть последующих недель нацистская партия впервые провела нечто вроде кампании в масштабах всего рейха, тщательно опробировав ее заранее на региональных и местных выборах. Все усилия были сконцентрированы на том, чтобы создать сногсшибательное впечатление энергичной, уверенной, стремительной, динамичной партии, настроенной на то, чтобы «действовать — без всяких разговоров», и показать, как выгодно они отличаются от соперников, отсталых, выдохшихся, лишившихся доверия, слабосильных, презираемых нацистской партией.

Тон, который взял Геббельс в своем первом обращении, больше напоминал призывы циркового зазывалы, приглашающего толпы в шапито, чем на скучные, многословные партийные манифесты, к которым были приучены немецкие избиратели:

«Гоните в шею этих подонков. Срывайте маски с их рыл! Хватайте их за шиворот. 14-го сентября надавайте им по жирному брюху и гоните их из храма под пенье труб и барабанный бой!»

Сатирик Курт Тухольский отпустил в адрес Гитлера убийственную шутку: «Этого человека не существует. Нет ничего, кроме шума, который он производит». Но важен был лишь шум. В операции направленной из «Коричневого дома» учитывалось все, вплоть до рисунков на плакатах, до слов в лозунгах, все было очень серьезно спланировано, ничто не было оставлено на волю случая. В «Фелькишер беобахтер» сообщалось, что на последние четыре недели было намечено провести 34 000 митингов. В политическом донесении прусскому министру внутренних дел сообщалось: «Митинги, на которых собираются от 500 до 1000 участников, проводятся в больших городах, ежедневно. Зачастую два или несколько митингов приходится проводить параллельно из-за того, что заранее снятые залы не могут вместить всех желающих».

За время между 3-им августа и 13-ым сентября Гитлер произнес, по меньшей мере, двадцать длинных речей. Его поддержала целая армия — человек сто ораторов, все они, подобно Геббельсу и Гре.ор: Штрассеру, были опытными уличными ораторами, привыкшими удерживать внимание толпы; кроме того, на митингах выступали три тысячи «выпускников» школы Рейнхардта. Эти последние были обучены бомбардировать и деревни, и города серией безостановочных собраний, привлекавших толпы слушателей, если не пропагандой, то хотя бы развлекательной стороной.

То была первая встреча Германии с политическим цирком, с которым ей еще не раз предстояло встретиться в последующие годы. Большинство комментаторов дали ему уничтожающую оценку и сочли шумихой, призванной скрыть отсутствие у нацистов программы, и не приняли всерьез. Энтузиасты среди нацистов рассчитывали получить пятьдесят, в лучшем случае, семьдесят мест в рейхстаге. Результат показал, как сильно и критики, и приверженцы недооценивали поляризацию политики Германии, усиливавшую позиции обеих экстремистских партий: за коммунистов было подано четыре с половиной миллиона голосов, что дало им 77 мест а за нацистов — шесть с половиной миллионов голосов, что принесло им 107 депутатских мандатов.

ПРЕЕМНИК ЛЕНИНА

Сталин: 1924—1929
(в возрасте от 44 до 50 лет)

I

В период с 1924 по 1929 год Сталин стремился к власти с не меньшим упорством, чем Гитлер, и так же, как Гитлер, рассматривал партию как средство для достижения своей цели. Однако условия, в которых им приходилось действовать, были различны. В России власть уже была в руках Коммунистической партии, которая сумела ликвидировать всех своих противников и теоретически — как бы далеко она ни была от этого на практике, — получила безграничное право контролировать экономику и общественную жизнь страны с помощью государственного аппарата. Через несколько лет Гитлер и Нацистская партия также смогут претендовать на подобное положение, но в двадцатые годы Сталин был актером куда более широких возможностей, чем Гитлер. Вместе с тем далеко не во всем преимущество было на стороне Сталина.

Если исключительное положение Гитлера как фюрера было открыто признано всеми членами нацистской партии и являлось тем краеугольным камнем, на котором зиждилось ее единство, то Сталину приходилось скрывать свои амбиции, одновременно изыскивая средства для подавления соперников в неясной, но неослабевающей борьбе за власть, в исходе которой он не мог быть вполне уверен вплоть до своего пятидесятилетия в 1929 году.

С одной стороны Сталину было выгодно, что бы эта борьба не носила открытый характер, а велась в форме дискуссий о политическом курсе партии; он показал себя великим лицемером, большим мастером политической игры и интриг, в чем никто из членов Политбюро не мог с ним сравниться. Он никогда не совершал ошибки, которой не избежали остальные, а именно ни разу не позволил проблеме, стоявшей в центре дискуссии, отвлечь себя от реальной борьбы за власть. К тому же, положение Генерального секретаря создавало максимально благоприятные условия для постепенного упрочения его власти

внутри партии. С другой стороны, одной из основных особенностей марксистской партии всегда было стремление связывать любой политический вывод с его идеологической сущностью, что ставило Сталина в невыгодное положение, поскольку он уступал остальным, как в понимании марксистской теории, так и — что самое главное — в умении применять ее к действительности.

Как Сталин, так и Гитлер, придавали огромное значение проблеме формирования партии. Однако Гитлер, хотя он всегда сохранял за собой право решать все вопросы, связанные с распределением должностей и ответственности, предпочитал действовать под прикрытием безличной партийной бюрократии, не подвергая таким образом опасности «миф фюрера». Одновременно он старался держаться в стороне от споров о курсе партии, отказываясь примыкать к той или иной группе и используя свой авторитет только тогда, когда необходимо было прекратить полемику.

Достигни Сталин столь же исключительного положения в партии, у него не было бы трудностей в установлении сначала «культы личности» — варианта «мифа фюрера», а затем и в переходе к прямому обожествлению, но любая попытка сделать это в двадцатые годы могла оказаться для него роковой. В те годы он предпочитал играть роль недалекого человека, говорившего на том же грубом языке, что и провинциальные партийные функционеры, и вполне им доступного. Вместо того, чтобы завуалировать имеющуюся у него власть, он персонифицировал ее, так что ни у кого не оставалось сомнений, в чью дверь следует стучать. В рамках все той же роли он представлял голос здравого смысла и умеренности, противопоставляя себя необузданным экстремистам как левого, так и правого толка и постоянно подчеркивая необходимость единства.

Поле действий, на котором Сталин вел свою шестилетнюю борьбу за право считаться преемником Ленина, представляло собой замкнутый мир верхних эшелонов Коммунистической партии и Коммунистического интернационала. Участники этой борьбы — и сам Сталин и его противники — старались любыми способами скрыть предмет своих разногласий не только от народов России, но и от таких представительных органов, как Советы.

Самыми крупными органами, участвующими в этой борьбе, причем органами, состав которых все в большей степени контролировался Сталиным, были партийный съезд и чрезвычайная партийная конференция. За период с 1924 года (года смерти Ленина) до 1929 года (года полной победы Сталина) они созывались три раза. На XIV съезде в декабре 1925 года присутствовало более 600 делегатов с правом голоса, причем этот съезд несколько раз откла-

дывали, пока Сталин не убедился в том, что получит на нем большинство, необходимое для избрания в орган, имеющий решающее право голоса. Однако двумя главными органами, в которых велись наиболее открытые, решительные бои по всем вопросам партийной политики и власти, были — Политбюро (от семи до девяти полноправных членов и от четырех до восьми кандидатов) на заседаниях которого противники сходились непосредственно за одним столом, и пленум Центрального комитета. Ленин, рекомендуя расширить состав Центрального Комитета и Центральной Контрольной комиссии, одновременно настаивал на том, что оба этих органа должны объединиться в пленум, который будет собираться несколько раз в году и станет высшей партийной конференцией. В результате, помимо ЦК, состав которого (считая как кандидатов, так и действительных членов) увеличился от 85 человек в 1924 году до 121 человека в 1928 году, возник пленум, в состав которого входили от 250 до 300 человек, составлявшие правящую верхушку Коммунистической партии.

Такая расстановка сил, когда заседания проводились в форме прений, которые могли быть в любой момент прерваны голосованием, не оставляла места для гитлеровских театрализованных действий. В этих условиях Сталину пришлось развить в себе качество, на которое Гитлер, по характеру своего темперамента, был не способен, а именно, умение отражать обоснованные аргументы и, став квалифицированным закусисным руководителем, ловко маневрировать в прениях, прикрывая свои доводы яркими цитатами из Ленина или из более ранних работ своих оппонентов, когда надо было мотивировать обвинение в уклоне или оппортунизме. Сознвая собственную ограниченность, он выработал простой стиль речи и старался в полной мере использовать положение Генерального секретаря для подготовки себе поля деятельности и создания наилучших условий для манипулирования составом, регламентом и порядком ведения заседаний таким образом, чтобы его противники оказались в невыгодном положении.

Если речи Гитлера отличались чрезвычайной напыщенностью и произносились в расчете прежде всего на эмоциональный отклик аудитории, речи Сталина этого периода, даже те, которые были обращены к съезду партии, отмечены последовательностью и логичностью в рамках обычных марксистских построений. Эти речи скучно читать, если не иметь ключа — который, как правило, был у его слушателей — ключа к «зашифрованным» намекам, которые были точно в цель. О его прозорливости лучше всего свидетельствует, во-первых, то обстоятельство, что он никогда не стремился показать себя самостоятельным теоретиком-

марксистом, а во-вторых, то, каким образом он осуществлял возложенную на себя миссию — быть интерпретатором Ленина и не более. Со временем Сталин стал более уверенно выступать перед «подобранной» аудиторией, его самонадеянность росла и тон его выступлений становился все более угрожающим.

Часто указывают на то, что, назначая Сталина Генеральным секретарем, члены Политбюро не сознавали, что передают в его руки власть, которую он использует для собственного возвышения. Они не сознавали также, что партия и по роли своей, и по характеру перестала быть прежней, какой она была в предреволюционные дни.

Во-первых, изменилась ее численность. Ленину удалось настоять на очищении партии от многих членов, прикннувших к ней во время гражданской войны. В результате к концу 1923 года ее численность сократилась с 567 900 членов до 350 000. Этого было мало, чтобы выполнять задачи, встающие перед партией в такой большой и отсталой стране, как Россия. За два года, последовавшие за ленинским призывом, который партия объявила в 1924 году в память о покойном вожде, число членов партии (включая кандидатов) увеличилось более чем в два раза, от половины миллиона до миллиона с лишним, причем оно продолжало расти и к началу 1933 года достигло трех с половиной миллионов. Если рассматривать состав партии с точки зрения социального происхождения, то можно отметить, что доля крестьянства, которое представляло собой подавляющее большинство населения, была весьма незначительна: 27 % в 1924—1926 годах и еще меньше — 21 % в 1927—1929 гг. Рабочих в партии было соответственно 52 % в 1924—26 годах и 58 % в 1927—29 гг. С точки зрения реального участия в трудовой деятельности, а не только происхождения, это соотношение выглядит еще больше впечатляюще. Например, на 1 января 1928 года зарегистрировано следующее соотношение членов партии:

Красноармейцы	6,3 %
Работники промышленности, получающие заработную плату	35,2 %
Сельскохозяйственные рабочие	1,2 %
Середняки, часто использующие наемный труд	9,2 %
Партийные работники (в том числе и не освобожденные)	38,3 %
Прочие, не находящиеся на руководящих постах	9,8 %

В 1927-ом году коммунистов на селе было чуть больше 300 тысяч при сельском населении более 120 миллионов,

причем большинство коммунистов были партийными функционерами, а не сельскохозяйственными работниками. Самой важной задачей, с самого начала стоявшей перед Российской коммунистической партией, было установление эффективных связей с крестьянством, что также отличало ее от нацистов.

Прочими важными чертами членов партии нового набора были молодость, неопытность и низкий уровень образования. В 1927-ом году менее, чем у 1% членов партии было высшее образование, менее чем в 8% — среднее. По мнению Леонарда Шапира, ленинский призыв предоставил в распоряжение Секретариата «массу послушных новобранцев, которые могли стать противовесом более непокорным старым коммунистам. Это, разумеется, не значит, что руководство партии состояло из одних стариков. Центральный комитет, который был избран в декабре 1927 и которому под руководством Сталина предстояло управлять Россией, состоял из 121 человека, из них примерно половина была до сорока лет, а три четверти — до сорока пяти. «Подпольщиков», то есть тех, кто вступил в партию до 1917 года, было не более 8500; в 1927 году они и ветераны гражданской войны еще занимали ведущее положение в верхних эшелонах партийного руководства, но в периферийных структурах более 60% секретарей первичных ячеек вступили в партию после 1921 года.

Однако важно было даже не столько то, что это были люди другого поколения, сколько то, что они имели иной жизненный опыт. Традиции внутрипартийной демократии, включающие в себя и постоянную полемику по идеологическим и теоретическим вопросам, то есть те традиции, носителями которых являлись члены партии старшего поколения, особенно те из них, кто жил в эмиграции и находился под сильным влиянием европейского мировоззрения, значили очень мало для новичков, в большинстве своем прошедших в юности суровую школу гражданской войны. Они были всегда готовы принять на веру то, что говорили их наставники, а потому считали, что долг рядовых членов партии — поддерживать вождя в их титаническом труде по превращению России в современное социалистическое государство, и что, выполняя этот долг, они имеют право на некоторые привилегии и могут рассчитывать на будущее повышение по службе. Единственное, чего они требовали — руководства к действию, и в Сталине (которого Ленин критиковал за грубость и недостаток культуры) они видели человека, который мог говорить с ними на языке, доступном их пониманию. Молотов был совершенно прав, когда говорил на съезде партии 1924 года, что «будущее партии целиком и полностью зависит от этого ленинского призыва».

Сильная сторона позиции Сталина заключалась в том,

что концентрация власти, которая являлась следствием «объективной» потребности партии укрепить свою структуру, как нельзя лучше отвечала его личным интересам. Своим противникам, вполне справедливо утверждавшим, что Генеральный секретарь использует партию для упрочения собственной власти, Сталин всегда мог ответить — причем не менее справедливо, — что он лишь осуществляет то, к чему призывал Ленин. О какой альтернативе могла идти речь, если решения, принимаемые руководством, должны были проводиться в жизнь на местах?

Помимо передвижения должностных лиц вверх или вниз по служебной лестнице на разных уровнях иерархической системы, Сталин имел возможность удалять своих противников, предлагая им посты в других сферах деятельности — либо направляя их на дипломатическую работу за рубежом, либо переводя на службу в отдаленные районы Сибири и Советской Центральной Азии. К 1926 году в этих объединенных властных структурах насчитывалось более 5500 высших партийных чиновников, назначение которых было прерогативой центральных органов, это и была та категория, к которой в первоначальном узком смысле относился термин «номенклатура». Самыми влиятельными фигурами, особенно на районных уровнях (то есть в объемах и крайкомах), стали партийные секретари, это были могущественные чиновники с собственным аппаратом, они и представляли собой ту реальную структуру, на которую опирался центр при проведении в жизнь своих политических мероприятий. Поскольку продвижение по службе остальных партийных чиновников, число которых к 1925 году достигло 20 тыс. человек, зависело от воли лиц, назначаемых центром, Сталин не испытывал никаких затруднений при распространении своего влияния также на средние и низшие уровни структуры.

Именно на этих провинциальных уровнях и производился отбор делегатов на партийные съезды, поэтому не удивительно, что доля освобожденных партийных работников в общем числе делегатов постепенно увеличивалась: на X съезде в 1921 году она составляла 25%, на XII съезде в 1923 году — 55% на XIII съезде в 1924 году — 65% и на XIV съезде в 1925 году — 70%.

Таким образом, предложенные Лениным меры по усилению ЦК и ЦКК не только не ограничили власть генерального секретаря и бюрократического аппарата, но наоборот привели к укреплению этой власти. Введение в эти органы большего числа «местных партийных кадров», на которые возлагал такие надежды Ленин, на практике обернулось увеличением бюрократического аппарата, что и предвидел со свойственной ему проницательностью Сталин, поддерживая на съезде предложения Ленина.

С тех пор высшей целью для наиболее честолюбивых чиновников стало кандидатство в ЦК, где они служили бок о бок с ведущими партийными лидерами, в том числе и с членами Политбюро. У достигших этой цели не оставалось никаких сомнений в том, кому они обязаны своим назначением и что они должны делать, если хотят продвигаться и дальше. На этих последних ступенях борьбы за власть ветеранам революции все труднее становилось удержать за собой право задавать вопросы и вступать в полемику относительно курса партии на заседаниях ЦК и партийных съездах, их перебивали и заставляли замолчать делегаты, среди которых все больше и больше становилось освобожденных партийных работников, хорошо проинструктированных относительно того, что угодно Генеральному секретарю.

II

Есть довольно основательные причины предполагать, что если бы шесть других членов Политбюро или хотя бы большая их часть объединились, им бы удалось помешать Сталину достичь столь могущественного положения, особенно в первые годы после смерти Ленина. Такая возможность была им предоставлена на заседании ЦК 22 мая 1924 года, незадолго до открытия XIII партийного съезда. Вдова Ленина, Крупская, потребовала, чтобы, в соответствии с ясно выраженной волей Ленина, на съезде был зачитан текст Ленинского завещания, включая постскрипtum, в котором Ленин призывал к смещению Сталина с поста Генерального секретаря. Сейчас трудно сказать, что произошло бы, если бы ее требование было выполнено. Ленина не стало всего четыре месяца назад, и его авторитет был еще достаточно велик. Сталин, во всяком случае, явно понимал, что решается его судьба. Борис Бажанов, который в 1923—25 годах был членом секретариата и присутствовал на этом заседании, позже вспоминал, что, когда завещание Ленина читалось членам ЦК, Сталин, сидевший в конце низкого помоста, на котором происходило заседание, смотрел в окно с тем напряженным выражением, которое появляется на лице человека, когда он очень взволнован. Судя по всему, он сознавал, что решается его судьба. Для Сталина это было необычно, он всегда умел скрывать свои чувства, но у него действительно были основания опасаться за свое будущее, потому что в той атмосфере благоговения, которая окружала все, что говорил и делал Ленин, трудно было предполагать, что ЦК осмелится проигнорировать справедливое предостережение Ленина и оставит Генерального секретаря на своем посту.

Сталина спасло вмешательство Зиновьева и Каменева, считавших, что единственным человеком, который выиграл бы от разглашения ленинского завещания будет Троцкий. Сталин согласился с тем, что главный доклад на съезде будет делать Зиновьев, а Зиновьев, в свою очередь, заявил, что, к счастью, ленинские опасения насчет Сталина оказались необоснованными, и Каменем убедил комитет оставить Сталина на посту Генерального секретаря. Троцкий выразил свое презрение к этой комедии гримасами и жестами, но промолчал. Заседание постановило, что с ленинским завещанием будут в конфиденциальном порядке ознакомлены на закрытых сессиях глав делегаций, открыто же зачитываться на съезде оно не будет. Никаких дальнейших мероприятий по этому поводу не последовало: ни письмо Ленина, ни закрытые сессии не были включены в порядок дня съезда.

Не только Зиновьев и Каменев, но и остальные члены Политбюро попали в ту же ловушку, посчитав, что Сталин — не самый серьезный соперник в борьбе за власть. Так, Троцкий отказался объединиться с Зиновьевым и Каменевым, когда они стали жертвами сталинских интриг. Лишь весной 1926 года эти трое решились, наконец, создать общую оппозицию Сталину, но тут же обнаружили, что Бухарин, Рыков и Томский успели прийти к выводу, что им гораздо выгоднее поддержать Сталина в борьбе против остальных, чем становиться его очередными жертвами. Ни разу за все шесть лет, прошедшие с момента появления ленинского завещания с его призывом об отставке генерального секретаря до полного триумфа Сталина, ни по одному вопросу Сталин не встречал общего отпора.

Сталину удалось извлечь максимальную выгоду из того обстоятельства, что соперники недооценили его возможности, вовремя не распознав, сколь велики его амбиции, которые он в течение долгого времени тщательно скрывал. В своих мемуарах Бажанов пишет:

«Сталин никому не доверял своих заветных мыслей. Даже с ближайшими сподвижниками он редко делился своими идеями и впечатлениями. Его необыкновенная скрытность и умение молчать делали его фигурой поистине исключительной в стране, где все говорят слишком много».

Далее Бажанов описывает поведение Сталина на заседаниях Политбюро и ЦК. Сталин никогда на них не предсказывал:

«Он курил трубку и говорил очень мало. Время от времени он вставал и начинал ходить по залу туда-сюда, не обращая никакого внимания на то, что шло заседание. Иногда он останавливался прямо перед выступающим, и, не вынимая изо рта трубки, слушал его доводы, пристально глядя в лицо».

У него хватало ума никогда не говорить до тех пор, по-

ка выступавший не исчерпает всех своих аргументов. Он сидел, наблюдая за ходом дискуссии. Когда же все замолкало, сказав все, что хотели сказать, обычно говорил: «Ну хорошо, товарищи, я думаю, этот вопрос следует решить так-то и так-то» — и после этого повторял те выводы, к которым пришло большинство собравшихся.

Подобное поведение усиливало впечатление умеренности, которое Сталин, старавшийся показать себя человеком среднего курса, не примыкающего ни к левым, ни к правым, заботливо культивировал. Иллюстрируя этот вывод, Бажанов рассказывает, сколь различно вели себя члены триумvirата по отношению к Троцкому во время сессий Политбюро. Они приходили всегда последними, после предварительного собеседования, на котором решался порядок проведения заседания. Зиновьев игнорировал Троцкого полностью, Каменев едва кланялся ему. Единственным, кто дружески приветствовал его и тянулся через весь стол, чтобы обменяться с ним рукопожатием, был Сталин.

После смерти Ленина Сталин некоторое время проводил выжидательную тактику, предоставляя противнику сделать первый ход, и затем играя на его ошибках. Только в конце 1927 года, после неоднократных угроз и предупреждений, Сталин решил исключить Троцкого и Зиновьева из партии, несмотря на то, что раскол между ними давно стал явным. На заключительной стадии, когда, ликвидировав левую оппозицию, он принялся за Бухарина и правых, он старался не допускать, чтобы разногласия между ними вышли за пределы узкого круга партийного руководства, и позволил себе открыто выступить против Бухарина только через год, когда был совершенно уверен в том, что тот полностью изолирован. Сталин обладал феноменальным упорством, а в тот период еще и столь же феноменальным терпением и осторожностью.

Другую оценку Сталина тех лет дала Руфь Фишер, член Коммунистической партии Германии (КПГ), которая в январе 1924 года была вызвана в Москву на дискуссию между Сталиным и другими российскими лидерами об уроках неудачной попытки осуществления прошлой осенью революции в Германии. Неожиданно, поскольку Сталин не был членом Президиума Коминтерна и не принимал участия в предыдущих дискуссиях, Фишер и Маслов, лидеры левой фракции КПГ, были по его инициативе приглашены на несколько неофициальных бесед с ним. Немцы были поражены «поразительно глубоким умом», который обнаружил Сталин, вникавший в каждую мелочь, касающуюся принципов организации КПГ и ее внутренних разногласий. Он не проявил особого интереса к политическим спорам, зато при обсуждении проблемы достижения власти внутри партии, выказал горячность, потрясшую Фишер. «О структу-

ре партии и группировках он говорил не как о чем-то обособленном, а непременно в связи с созданием оптимальных условий для укрепления власти».

«Он пытался, по его собственному утверждению, преодолеть разногласия в российской партии, вызванные кризисом политики Троцкого, и воссоздать железную гвардию лидеров, которые, взаимодействуя без лишних слов и тезисов, будут связаны общей необходимостью постоянной самозащиты. Мы должны были вскоре возвратиться в Германию, и он, очевидно, хотел высказать, достаточно ли мы надежны, чтобы включить нас в ядро».

Однажды Сталин пригласил обоих немцев в свою кремлевскую квартиру. Гостей более всего поразила скромность обстановки, в которой жил Сталин: он занимал одноэтажный, состоящий из двух комнат дом в той части Кремля, где раньше жила прислуга, дом был обставлен весьма убого, хотя хозяин его распоряжался:

«... десятками тысяч оплачиваемых служащих, включая государственную милицию... распределял должности, как в партийном, так и в государственном аппарате, назначал ответственных работников и в России, и за границей, часто давал «ответственные партийные задания», исполнение которых влекло за собой получение существенных материальных благ — квартир, автомобилей, загородных резиденций, специального медицинского обслуживания, хорошей работы для членов семей».

Простота быта Сталина не была позой. Его интересовала сама власть, а не роскошь, которую она могла предоставить. Бажанов и другие свидетели подтверждают: *«У этого страстного политика не было других пороков. Он не питал любви ни к деньгам, ни к удовольствиям, ни к спорту, ни к женщинам. Женщины, кроме его собственной жены, вообще не существовали для него».*

В 1919 году, во время гражданской войны, Сталин женился во второй раз. Его жена, Надежда Аллилуева, была на двадцать два года моложе его. Она была дочерью путейца Сергея Аллилуева, который знал Сталина еще по Тифлису, и который приютил его, когда тот в 1917 г. вернулся в Санкт-Петербург. Надежда была воспитана в семье страстных революционеров. Она работала секретарем у Ленина и не оставила работы даже после замужества. Однако, женой она была тоже хорошей, родила Сталину двух детей — Василия и Светлану, и вела хозяйство в загородном доме в Зубалове, в двадцати милях от Москвы. До революции эта усадьба принадлежала нефтяному магнату по фамилии Зубалов, после революции стала собственностью Сталина. Сталин отремонтировал дом и поддерживал его в порядке. В своих мемуарах Светлана с настольгической грустью описывает счастливые дни, про-

веденные в Зубалове. В их доме всегда былолюдно, так как ее отец имел обыкновение приглашать погостить своих ближайших соратников с их семьями — здесь бывали и Орджоникидзе, и Бухарины, и Сергей Киров. Семьи Молотова, Ворошилова, Микояна и др. отдыхали вместе с ними летом на Черноморском побережье. Это был далеко не пролетарский образ жизни, скорее напоминавший солидное буржуазное существование, вполне частное, неформальное и семейное, без кичливости, экстравагантности и скандалов.

Основная трудность, с которой сталкивается каждый пишущий о Сталине в двадцатые годы, заключается в том, чтобы правильно понять, в какой степени, характеризуя его деятельность этого периода, можно исходить из тех качеств, которые проявились в 30-е годы, когда Сталин достиг вершины власти. Современники всегда считали его грубым, хитрым, лицемерным и беспринципным политиком, а его ближайшие сподвижники прекрасно знали, сколь он вспыльчив и подозрителен, и старались не давать ему повода для проявления этих качеств. Но революционная политика — работа довольно грубая, поэтому то же самое может быть сказано и о многих других исторических деятелях, которых тем не менее нельзя обвинить в том, что они ввергли свой собственный народ в пучину страданий и смерти, заставив его пройти через испытания, которым буквально нет аналогии. В ретроспективе, конечно, пре-емственность ясна, но если даже уже в то время он обладал в потенциале всеми качествами, проявившимися позже, мало кто сумел их распознать, более того, похоже, и сам Сталин не мог предугадать, к чему придет.

Разумеется, это не более, чем предположение, но по некоторым причинам представляется более приемлемым принять именно эту гипотезу, чем противоположную, — о «монстре в зародыше». Фактом остается одно, — сколь бы ожесточенными ни были схватки между фракциями, они все-таки не выходили за пределы допустимого. К концу 1927 года борьба велась уже открыто на пленумах ЦК и на партийных съездах и конференциях, где оппозиция могла свободно выступать против руководства. Споры обычно разрешались голосованием, а о ходе дебатов публиковались официальные отчеты. Докладчиков от оппозиции все чаще прерывали вопросами, лишали слова, но так бывает даже на заседаниях парламента; оппозиции становилось все труднее добиваться поддержки внутри партии, но даже в 1928—29 годах, когда раскол между Сталиным и правой оппозицией еще не подлежал огласке, оппозиция не могла быть насильственно подавлена, ее следовало победить в открытом бою. Лидеров оппозиции не арестовывали и не расстреливали, даже Троцкого не поса-

дили в тюрьму и не уничтожили, а только выслали, большинство же других, подобно Зиновьеву и Каменеву, вернулись обратно в партию и даже, как Бухарин, заняли там руководящие посты.

Нет никаких сомнений в том, что за двадцатые годы возросла уверенность Сталина в себе и упрочилось его положение. Если в начале этого периода Сталин, по словам Бажанова, старался не высказывать собственного мнения на заседаниях Политбюро, то всего через несколько лет он становится совершенно другим человеком: клеймит оппозицию за пораженчество; вызывает бурный энтузиазм партийной конференции 1926-го года, призвав ее участников строить социализм в одной отдельно взятой стране; выступает на пленуме ЦК в октябре 1927-го года против Троцкого и ставит его на место. По мере того, как росла его уверенность в себе, росло и его честолюбие. Чем больше власти сосредоточивалось в его руках, тем больше разгорался его аппетит и тем яснее он сознавал, до каких пределов эту власть можно довести. В годы первой пятилетки (1928—1933) Сталин уже сам мог определить свою роль в истории, и эта роль была гораздо больше преемника Ленина. В середине 20-ых он и вообразить не мог ничего подобного, да и соответствующих политических возможностей у него не было.

Прежде всего Сталин занялся созданием таких механизмов в партийной структуре, которые помогли бы ему обеспечить единство партии и справиться с возможным сопротивлением со стороны других партийных группировок. Первым шагом к осознанию того, чего можно было достичь, идя таким путем, было выдвигание лозунга «социализм в одной отдельно взятой стране». Разгром Троцкого и левой оппозиции развязали ему руки для того, чтобы покончить с Новой Экономической Политикой, провести коллективизацию сельского хозяйства и модернизацию промышленности, причем провести не постепенно, а одним ударом в кратчайшие сроки. Это повлекло за собой возвращение к методам военного коммунизма — насилию, подкрепленному террором, оправданием которому должен был послужить тезис — «чем ближе к социализму, тем ожесточеннее классовая борьба». Из этого грандиозного замысла, резко отличающегося от умеренного центристского курса, который Сталин проводил в середине двадцатых годов, возникла фигура «Великого вождя советского народа», архитектора Второй революции, доводящего до конца решенные задачи, которую не успел решить Ленин.

Но вернемся на пять-шесть лет назад, в год 1924. Когда на XIV съезде партии Каменев бросил в лицо Сталину обвинение в попытке установить единовластие, Сталин мягко ответил:

«Руководить партией иначе, чем коллективно — не-

возможно. Теперь, когда Ильича нет с нами, об этом глупо даже мечтать (аплодисменты). Глупо говорить об этом. Работать сообща, руководить коллективно, крепить единство партии, единство органов Центрального комитета, основанное на принципе подчинения меньшинства большинству, вот, что нам нужно сейчас».

Вторая часть сталинского ответа не менее показательна, чем первая. Полемика тех лет, как правило, строилась на двух основных обвинениях. Каждая оппозиционная группа, стоило ей только почувствовать, что ее вынуждают перейти в оборону и что поражение близко, начинала обвинять партийное руководство в бюрократизации и нарушении принципов внутрипартийной демократии. В качестве контробвинения выдвигалось обвинение во фракционности, которая согласно коммунистическому учению, являлась самым тяжким преступлением.

Когда Ленин во время работы X съезда партии (1921), желая заручиться поддержкой для проведения резолюции, запрещающей фракции внутри партии, провел неофициальное заседание, Сталин выразил беспокойство, что обвинение во фракционности может быть обращено против самой ленинской группы. Ленин засмеялся и ответил:

«Что я слышу от завзятого старого фракционера?.. Вы должны знать, что Троцкий давно уже ведет работу по вербовке сторонников своей платформы и, возможно, собрал свою фракцию именно теперь, когда мы сидим здесь, переливая из пустого в порожнее. То же самое делают Шляпников и Сапронов. Зачем закрывать глаза на очевидный, хотя и весьма неприятный факт, что фракции существуют? Только созвав конференцию сторонников «платформы десяти», мы создадим условия, навсегда исключаящие фракционную деятельность в нашей партии».

Сталин был хорошим учеником. Ему помогала в этом одна из наиболее характерных черт коммунистической политики, логически основывающаяся на уверенности в том, что марксизм выработал единственный неопровержимый и однозначный принцип как исторического развития общества, так и правильного курса партии в будущем. А отсюда следовало, что в партии нет места ни для альтернативных взглядов, ни для альтернативных действий. Вся хитрость заключалась в том, чтобы, захватив ведущее положение прежде, чем это успевал сделать кто-то другой, заявить о своем праве представлять единственно «правильное» толкование марксистских догм и начать поносить всех инакомыслящих, обвиняя их в «фракционности» и стремлении подорвать единство партии. Уже в самом слове «фракция», как и в слове «измена», заложен элемент неудачи. И Ленин и Сталин хорошо понимали, что победившая фракция, так же как и удавшаяся измена — будет признана законной и получит другое

название. Вопрос о единстве партии так или иначе затрагивал всех ее членов, поэтому обвинение в его подрыве было куда более сокрушительным, чем контробвинение в нарушении принципов внутрипартийной демократии, которое волновало лишь немногочисленную группу интеллектуалов, к тому же большинство из них, как показывают примеры Троцкого, Зиновьева и Бухарина, вспоминало об этом принципе только в неофициальной обстановке или находясь в оппозиции.

Никто из конкурентов и не подумал обратиться за поддержкой к народу, к тем широким массам, которые они якобы представляли. Все сходилось на том, что какой бы острый характер ни приобретала полемика, она не должна была выходить за пределы высших партийных эшелонов.

Трудно было придумать обстоятельства более благоприятные для Сталина. Тот факт, что люди, подобные Троцкому, Зиновьеву и Бухарину, участвующие в борьбе за право решать судьбы политики и обладающие гораздо большим чем Сталин даром убеждения, прекрасно владеющие пером и словом — вынуждены были покориться этому запрету, свидетельствует о том, сколь велика была власть над людьми большевистских догм. Даже предложение привлечь к участию в дискуссии рядовых членов партии немедленно повлекло за собой обвинение в стремлении внести раскол в партийные ряды и было категорически отвергнуто Бухариным, к его же собственному несчастью. Еще более сильным и разделяемым всеми (хотя чаще всего бессознательно) было подспудное чувство, что партия представляет собой осажденный гарнизон в оккупированной стране. Это чувство рождало страх, что обращение к массам может вновь поставить вопрос о революционном преобразовании общества, навязанном им, этим массам, силой, и привести к партийному и их собственному краху.

Стремление избежать обвинения во фракционности было тесно связано со второй характерной чертой коммунистической политики, которой Сталин должен был овладеть в совершенстве, чтобы одержать победу над своими противниками — идеологией коммунизма. Для партии, которая как в теории, так и на практике, возводила единство в абсолют, коммунистическая партия была чрезвычайно склонна к раздорам, такой она была всегда с тех пор, как марксизм в 90-х годах прошлого столетия впервые появился в России. Маркс вооружил своих учеников знанием непреложных законов общественного развития, однако интерпретация этих законов и их применение вызывали бесконечные споры. Поскольку теоретически никаких споров не должно было быть, любая иная точка зрения считалась ошибкой, которую следовало искоренять. Почти все работы Ленина носят полемический характер; осужде-

ние фракционной деятельности и ее запрет не могли истребить страсти к ученым дискуссиям.

Ожесточенная полемика велась и после смерти Ленина, борьба за власть между его преемниками выражалась по преимуществу в спорах как по тем проблемам, с которыми столкнулось новое руководство страны, так и вокруг генерального курса партии, который должен был указать путь к решению этих проблем. Все дискуссии имели одну общую отличительную черту: доказывая эффективность своей позиции для практического решения всех проблем, и та и другая сторона стремилась, прежде всего, подчеркнуть, что именно она находится на правильном пути с точки зрения марксистской идеологии. Как сказал в 1929 сталинец Лазарь Каганович: «Предательство в политике всегда начинается с ревизии теории».

Все это ставило в невыгодное положение Сталина, которому однажды ветеран марксистского учения, директор института марксизма-ленинизма, Рязанов сказал: «*Остановись, Коба, не строй из себя дурака. Все знают, что теория — не твоя область*». Сильными сторонами Сталина были: талант политика-практика, мастера интриги целеустремленность, с которой все часы бодрствования он отдавал обдумыванию того, как создать оптимальные условия для вовлечения народа в строительство гигантской политической машины. По мнению Роберта Такера, это могло помочь ему стать партийным боссом («хозяином», как называли его в те годы), но не гарантировало признания в качестве нового партийного лидера, вождя, пришедшего на смену Ленину. «*Для того, чтобы получить право называться наследником Ленина, выйдя таким образом победителем в борьбе за власть, Сталин должен был утвердиться в положении верховного лидера, что было возможно при завоевании особого политического авторитета в глазах большевиков. Ему необходимо было доказать, что он в состоянии играть роль главного партийного идеолога и мыслителя-марксиста, то есть ту роль, которую до него играл Ленин*».

Сталин вышел из этого положения очень ловко. Хотя, подобно всем большевикам, он часто цитировал Маркса и Энгельса, на роль марксиста-теоретика он не претендовал и не предпринимал никаких попыток внести свой собственный вклад в развитие марксистской теории, в отличие от Бухарина, который к тому времени уже доказал, что вполне способен на это. Вместо этого Сталин сосредоточил свои усилия на изучении ленинских статей и речей, что помогало ему с честью выходить из трудных положений во время дискуссий, которые очень часто напоминали богословские диспуты с их бесконечным жонглированием цитатами из Библии.

Сразу же после смерти Ленина хлынул поток статей, по-

священных памяти покойного вождя. Сталин предпринял нечто для него новое — прочел курс лекций «Вопросы ленинизма» в Свердловском университете — в высшей школе партийных чиновников, а затем переделал эти лекции в книгу с таким же названием. Его выступления были, как правило, косноязычны, писания беспомощны. Их можно было критиковать за излишнюю сосредоточенность на догматической стороне мышления Ленина в ущерб его жизненности, яркости и гибкости, они страдали — если воспользоваться выражением Троцкого — «определенной идеологической черствостью». Тем не менее, в этом труде было впервые предпринято то, что более тонко мыслящие партийные теоретики, не сделали, посчитав, что это ниже их достоинства: то было первое краткое (мнее, чем на ста страницах) популярное и систематическое изложение ленинских идей, скрупулезно проиллюстрированное цитатами, подбором которых Сталин был в немалой степени обязан (что так и осталось неизвестным) своему научному помощнику Ф. А. Ксенофонтову. Хитрость Сталина выразилась прежде всего в своевременности этого издания, а также в его ориентации на партийцев «ленинского призыва», то есть на новое поколение партийных работников, людей малообразованных, которые находили труды Ленина очень трудным и малопонятным чтением и которые поэтому ухватились с жадностью за это общедоступное сочинение, авторитет которого подкрепляют и то, что его автор занимал пост генерального секретаря.

«Вопросы ленинизма» не только имели большой успех, но и способствовали отождествлению автора этой книги с Лениным, отождествлению, первым шагом к которому стало участие Сталина в создании культа Ленина. То была сталинская интерпретация якобы ленинского распределения ролей. Их объединяло то, что оба, не признавая и, возможно, даже не сознавая этого, движущей силой истории считали не социальные силы и не изменения в средствах производства, которые выдвигал на первый план Маркс, а партию. Именно партии предстояло выработать пролетарское классовое сознание, которого так не доставало рабочим.

«*Партия, — писал Сталин, — должна руководить пролетариатом в его борьбе... она должна внести в миллионные массы неорганизованных беспартийных рабочих дух дисциплины... организации и устойчивости... Партия — высшая форма классовой организации пролетариата*».

В другом месте Сталин определяет ленинизм, как марксизм, приспособленный для нашего времени:

«*Марксизм эпохи империализма и пролетарских революций... Ленинизм — это теория и тактика пролетарской революции в целом, а также теория и практика диктатуры пролетариата, в частности*».

В этом высказывании нет ничего, с чем не согласился бы Ленин, то же можно сказать и о следующих выводах Сталина: «Пролетариату для установления своей диктатуры нужна партия. Она нужна ему еще больше для того, чтобы сохранить эту диктатуру». Отсюда вытекает необходимость «железной дисциплины» и «единства воли», и осуждение фракций, как разрушающих и то, и другое. Использование Сталиным ленинских цитат для укрепления собственного положения, было неоднократно подвергнуто критике его противниками. Не раз он сталкивался в смертельной схватке с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, которые доказывали, что он ставит ленинские доводы с ног на голову или вырывает их из контекста. Но Сталин не отступился от своих претензий и продолжал узурпировать Ленина в качестве своего идеологического наставника. Когда ему понадобилось обосновать идею о построении социализма в одной, отдельно взятой стране, он заявил, что это положение впервые было сформулировано Лениным, и не отказался от своей точки зрения, несмотря на убедительные доказательства ее несостоятельности, представленной Троцким и Зиновьевым. Не сдавшись, Сталин рассчитывал на результаты голосования сформированного им же самим съезда. В конце концов его критики один за другим вынуждены были замолчать, и его право считаться наиболее авторитетным толкователем марксизма-ленинизма больше никем не оспаривалось. Марксистско-ленинская идеология стала орудием власти в его руках.

Победа Сталина над своими соперниками не была неизбежной и не была спланирована заранее во всех деталях. Приходилось преодолевать препятствия, отступать, постоянно импровизировать. Решающую роль сыграли его собственное везение и ошибки оппонентов. Больше семи лет должно было пройти с тех пор, как в апреле 1922 года его назначили генеральным секретарем, прежде чем стало ясно, что он выиграл.

Власть, которую он установил через контроль над секретариатом и партийной машиной, была безграничной, благодаря ей он мог без труда назначать на руководящие посты собственных кандидатов, понижать в должности или увольнять своих противников. Имея власть формировать комитеты и гарантировать себе большинство голосов, Сталин мог вешать на всех, кто пытался организовать оппозицию, ярлык фракционности, обвинял их в попытках расколоть партию, развернуть в ее рядах контрреволюционную деятельность, в прямом предательстве дела революции, короче говоря, в измене. К этому можно добавить обвинения в инакомыслии, мелкобуржуазном уклоне, отступлении от канонов марксизма-ленинизма, которые только он один и имел право формулировать и, по мере необходимости, развивать. Короче говоря, если пользоваться тер-

минами, принятыми в истории Европы более ранних периодов, именно сочетание церковно-политических и светских средств сделало Сталина неуязвимым.

Но собственной неуязвимости, равно как и умения разоружить противников и заставить их признать свое поражение, было недостаточно для установления того авторитета, которого добивался Сталин. Ему надо было не только победить в дискуссии, но и добиться большинства в специально сформированных комиссиях. В конце концов, как мы увидим, он преуспел и в этом, сумев убедить тех, кто разделял с ним руководство, что именно он обладает данными, необходимыми, чтобы наилучшим образом разрешить проблемы, с которыми столкнулась Россия и при этом сохранить существующий строй.

III

В борьбе между потенциальными преемниками Ленина можно выделить три периода. Первый начался в 1923 году, когда Ленин был еще жив, но уже недееспособен, и закончился в 1925. В это время тройственный союз Зиновьев—Каменев—Сталин сплотился против Троцкого. Второй период с 1925 по 1926 год ознаменовался выступлением Сталина и Бухарина против Зиновьева и Каменева. К этому второму периоду непосредственно примыкает и третий — с 1926 по 1927 год, когда Сталин и Бухарин выступили против объединенной оппозиции Зиновьева, Каменева и Троцкого. Последний акт этой драмы, разыгравшийся в 1928—1929 гг., знаменует окончательное поражение объединенной оппозиции и наступление Сталина на Бухарина, Рыкова и Томского. К своему пятидесятилетию в 1929 году Сталин вывел из состава Политбюро пять из шести его членов, которые были его соратниками на первых этапах борьбы, шестой, Рыков, остался только из милости.

Эти маневры, последовательное применение которых обеспечило Сталину решительную победу над тремя другими фракциями в Политбюро, очень часто приводят, как классический пример искусства политики с позиции силы. Выдающийся талант Сталина — политика не вызывает сомнений, но будет ошибкой предполагать, что в своих действиях он (в большей степени, чем Гитлер) следовал тщательно разработанному плану, а к такому выводу часто приходят, основываясь на том, что сначала он принял сторону правых, чтобы разбить левых, а затем взял на вооружение программу левых, чтобы разгромить правых. Как и Гитлер, Сталин был непоколебим в своем фанатичном стремлении к власти, но он был столь же гибок, сколь неразборчив в средствах, к которым прибегал, чтобы добиться этой цели. Он всегда был готов к пересмотру своих

позиций, с легкостью заключал и расторгал временные соглашения о союзничестве и никогда не упускал случая использовать ошибки противников в своих интересах.

Ленин оценивал сложившееся положение гораздо точнее, чем другие советские лидеры, он знал, что, как только он уйдет со сцены, борьба за право стать его преемником разыграется между Троцким и Сталиным. Сталин пришел к тому же выводу и вел себя соответственно; Троцкий не сумел этого понять, почему, главным образом, и потерпел поражение. Только гораздо позже, в 1926 году, он смог вполне оценить Сталина и решился наконец присоединиться к остальным, чтобы совместными усилиями попытаться ограничить растущую власть генерального секретаря.

И все же трудно объяснить, почему Троцкий столь неверно оценил ситуацию, какую роль сыграла в этом его болезнь, почему он оказался столь неспособным к своевременным и тактически верным действиям (достаточно упомянуть хотя бы то, что в самые критические моменты он ухитрялся отсутствовать, из-за чего, к величайшей досаде своих сторонников, он, несмотря на вроде бы еще достаточно благоприятные обстоятельства, не сумел обеспечить себе поддержки в партии). Вместе с тем Сталин был прав, считая, что при всех недостатках и просчетах именно Троцкого ему следовало бояться прежде всего. Прирожденный лидер, несмотря на отдельные свои слабости игравший в годы Октябрьской революции и гражданской войны роль, едва ли не равную роли Ленина, интеллектуал и талантливый оратор Троцкий во всех отношениях был гораздо выше Сталина.

Многие факты биографии Троцкого позволяют предположить, что он был не меньшим диктатором, чем Сталин, и с не меньшей жестокостью навязывал бы свою волю. В глазах Сталина это делало его особенно опасным соперником, соперником принципиально иного рода, чем остальные члены Политбюро. Какие бы шаги Сталин ни предпринимал, с какими бы противниками ему в данный момент ни приходилось иметь дело, он ни на миг не терял из виду Троцкого. Именно это постоянное и неослабевающее внимание, подогретое ненавистью и сочетающееся с трезвой оценкой слабостей своего противника (в то время, как Троцкий недооценивал Сталина), а также с терпением и умением чутко и своевременно реагировать на события, которого Троцкий был лишен,— все это помогло Сталину одержать победу в схватке, в которой все преимущества, казалось бы, были на стороне Троцкого. Даже когда Троцкий был отправлен в ссылку, а имя его вычеркнуто из всех списков, Сталин не удовлетворился этим, он не успокоился до тех пор, пока Троцкого не убили по его приказу в 1940 году, впрочем и после этого кампания по развенчанию Троцкого продолжалась с прежним ожесточением.

В 1923 году, когда Ленин был еще жив, но уже недееспособен, Троцкий предпринял две мощные атаки на Сталина, но они не увенчались успехом. XIII партийная конференция, собравшаяся в январе 1924, меньше чем за неделю до смерти Ленина, выслушав грозную речь Сталина, осудила Троцкого и «группу сорока шести» за фракционную деятельность. Сталин поставил эту мизансцену блестяще — из 128 делегатов, имеющих право голоса, только трое принадлежали к оппозиции.

Еще более строгий выговор Троцкий получил на XIII съезде партии, в мае 1924 года, но он по-прежнему сохранил свое место в Политбюро, а к лету наметились признаки раскола среди членов тройственного союза. Тем не менее, вместо того, чтобы постараться усилить этот раскол, Троцкий выступил с пространной статьей «Уроки Октября», которая была написана в честь седьмой годовщины революции и положила начало так называемой литературной дискуссии. Эта статья была продиктована желанием Троцкого ответить своим противникам, неоднократно обвинявшим его в том, что он не присоединился к Ленину только летом 1917, а до этого времени был ближе к меньшевикам, чем к большевикам.

Направив свой удар на Зиновьева и Каменева, которых он считал более серьезными противниками, чем Сталина, Троцкий в свою очередь обвинил их в инакомыслии меньшевистского толка, заявив, что именно они выступали против ленинского плана начать восстание в 1917 году, считая его авантюристическим, и следовали за меньшевиками в том вопросе, что пролетарская революция должна отделяться значительным промежутком времени от буржуазно-демократической. Он добавлял далее, что именно такая выжидательная позиция обусловила неспособность Коминтерна (председателем которого был Зиновьев) достаточно решительно использовать революционную ситуацию, сложившуюся в Германии и Болгарии в 1923 году. По мнению Троцкого из нынешних советских руководителей только он один действовал в полном согласии с Лениным с первого для его прибытия в Петроград.

Позже Зиновьев вынужден был признаться Троцкому, что «Уроки октября» послужили только предлогом для вскоре последовавшей яростной атаки на него. «Если бы не это, нашли бы какую-нибудь другую причину». Тем не менее та особая позиция, которую занял Троцкий, привела к сплочению против него всех остальных членов Политбюро, и не только Бухарина, Рыкова и Сталина, а также и Зиновьева с Каменевым — которые были заинтересованы в опровержении трактовки Троцкого событий 1917 года именно потому, что она была досадно близка к истине.

Естественно, что противники Троцкого предпочли

отвлечь внимание от 1917 года и сконцентрировать его на послужном списке самого Троцкого. После раскола, происшедшего в 1903 году в Российской Социал-демократической партии, Троцкий руководствовался в своих действиях исключительно собственными установками и был замешан в целом ряде полемических перепалок, самые острые из которых у него были с Лениным. Вся эта полемика была эксгумирована и растащена по цитатам, которые, будучи вырваны из контекста, очень часто приводили к впечатлению, что Ленин, чей авторитет ныне не подвергался сомнению, отклонил кандидатуру Троцкого по причине значительных политических расхождений с ним.

Никто не взялся за эту задачу с большим рвением, чем Сталин. В своей речи 19 ноября 1924 года «Троцкизм или ленинизм?», он не только дал собственную интерпретацию событиям 1917 года, но и обвинил Троцкого в попытке принизить роль Ленина, как вдохновителя революции, и партии как ее движущей силы, с целью подменить ленинизм «троцкизмом». «Задача партии, — заявил Сталин, — похоронить троцкизм, как идеологию».

Изобретение термина «троцкизм» сделало возможным для противников Троцкого, и прежде всего для Сталина, не только отождествить его с любым инакомыслием антиленинского и антибольшевистского толка, но и применять его по отношению ко всем остальным разногласиям, которые могли бы возникнуть с Троцким, или которые удобно было бы приписать ему. Троцкий сообщает, что Зиновьев как-то сказал членам ленинградской фракции: «Вы должны понимать, что идет борьба за власть. Вся штука в том, чтобы связать старые распри с новыми разногласиями. Для этого и изобретен «троцкизм».

Второе, что ставилось в вину Троцкому, была теория «перманентной революции». Эта теория, впервые возникшая во время революции 1905 года, основывалась на двух постулатах перманентности революции. Первый заключался в отрицании промежутка между антифеодальной (демократической) и антикапиталистической (социалистической) фазами. Второй — в переходе от фазы национальной к фазе интернациональной, то есть, начавшись в России, революция должна была непременно выйти за ее границы. Только при распространении революционного процесса на всю Западную Европу может быть гарантировано построение социализма в самой России.

Ленин, несмотря на то, что он, конечно же, был интернационалистом, отклонил формулировку Троцкого — до 1917 года. Затем, перейдя к практическому осуществлению первой фазы революции, и принимая вторую, интернациональную, как необходимое условие для успеха революции в России, он, не признаваясь в этом, по существу позаимствовал теорию Троцкого, выдав ее за свою. Если

кто-то в этом сомневался, ему достаточно будет взглянуть на внушительное суммарное изложение ленинских взглядов, данное Сталиным в «Вопросах ленинизма».

«Для окончательной победы социализма... усилий одной страны, особенно такой отсталой крестьянской страны, как Россия, недостаточно, для этого требуются усилия пролетариата нескольких развитых стран».

Игнорируя исторические условия, в которых был сформулирован тезис о «перманентной революции», и то обстоятельство, что этот тезис в большой степени совпал с ленинским стратегическим курсом в 1917 году, Сталин интерпретировал его, как взгляд Троцкого на современную ситуацию в Советском Союзе и, вывернув его наизнанку, превратил в теорию «перманентной беспомощности»: *«Недостаток веры в силу и возможности нашей революции, недостаток веры в силы и возможности русского пролетариата — вот что лежит в основе теории «перманентной революции».*

Этому недостатку веры Сталин противопоставил собственную уверенность в «возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, в частности в России. Фактически это положение было самым самостоятельным и самым весомым вкладом Сталина в дискуссию о будущем Советского Союза. Но он употребил все усилия, чтобы отказаться от своего авторства, заявив на основании короткого замечания Ленина в 1915 году, причем замечания, сделанного в совершенно ином контексте, что именно Ленин, и не кто иной, открыл истину о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране».

На самом деле, Ленин никогда не переставал размышлять о судьбах социализма в интернациональном аспекте, но при помощи двойной фальсификации высказываний как Троцкого, так и Ленина Сталину удалось добиться резкого противопоставления «ленинизма», теперь понимаемого, как веру в возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране, «троцкизму», который преподносился как пораженческая, полуменьшевистская, антиленинская линия, тесно связанная с авантюристической теорией «перманентной революции». Роберт Даниэлс приводит этот факт в качестве одного из первых примеров «доказательства посредством манипуляции текстами, при которой правильность утверждений авторитета не подвергается сомнению, но одновременно никак не учитывается то, что этот авторитет действительно имел в виду».

До поры до времени Сталин удовлетворялся констатацией того, что «перманентная революция Троцкого» есть отрицание ленинской теории «пролетарской революции». На сессиях ЦК в январе 1926 года, где Троцкого предавали анафеме, о социализме в одной, отдельно взятой

стране даже не упоминали. Но при всей сомнительности истоков этого тезиса, он имел большое будущее, отвергая общепринятую точку зрения о зависимости построения социализма в России от социалистических революций в других странах, и объявляя победу революции в России как часто хвастливо утверждал Сталин, «началом и предпосылкой мировой революции». Это заявление пришлось по душе русским националистам, которые решительно выдвигали Россию на первый план и всех несогласных или сомневающих обвиняли в слабодушии, в неверии в русский народ, в его способность и решимость завершить начатое.

Троцкий даже не пытался отреагировать на бурю, которая поднялась после публикации «Уроков октября». Вызванный на заседание Центрального комитета в январе 1925, он отказался присутствовать на нем по причине болезни и ушел с поста народного комиссара по военным делам. Зиновьев и Каменев настаивали на исключении его и из партии, но Сталин призвал их к сдержанности. На съезде партии, проходившем в конце года, он произнес слова, от цитирования которых не удержался почти ни один из его биографов:

«Мы, получившие большинство на заседании Комитета, не согласились с товарищами Зиновьевым и Каменевым, хорошо понимая, что политика отрубания голов чревата большой опасностью для партии... Метод кровопускания — а они действительно жаждут крови — опасен и заразителен; сегодня мы отрубим одну голову, завтра — другую, а потом третью. Кто тогда останется в партии?»

Эта цитата показывает, как трудно понять Сталина двадцатых годов вне связи с более поздними событиями. То ли говоря эти слова он — сознательно или бессознательно — предвкушал наступление того времени, когда станет возможным устранять своих противников именно таким способом, то ли просто мы, зная, что за этим последовало, вкладываем в его слова иронический смысл? Кто может это теперь сказать?

Будучи осужденным Центральным комитетом, Троцкий остался его членом и членом Политбюро. В 1925 году он удерживался от оппозиционной деятельности, не только не принимая участия в дискуссиях, но опубликовав в сентябре статью, в которой выступил против книги американского автора Макса Истмана, цитировавшего большие куски из ленинского завещания. Троцкий отрицал существование такого документа и заявлял, что слухи о его сокрытии «злостный вымысел». Не исключено, что Троцкий, как сам он заявил впоследствии, сделал это, как и Крупская, под нажимом со стороны Сталина, но важно даже не это, а то как подействовало заявление Троцкого на тех, кто по-прежнему считал его главой антисталинской оппозиции.

Остранив Троцкого, во всяком случае на данный момент, Сталин получил свободу действий против двух других членов тройственного союза. Для начала он постарался подорвать независимую позицию Зиновьева, контролировавшего Коминтерн и ленинградскую партийную организацию. В обоих случаях он использовал один и тот же метод: тщательно знакомился с вовлеченными в дело людьми, выясняя, кого можно склонить на свою сторону при помощи угроз в сочетании со взятками.

Агентом Сталина в Коминтерне был член секретариата партии Украины Дмитрий Мануильский, который получил относительную известность как делегат от Украины на послевоенных конференциях ООН. Сталин добился, чтобы Политбюро назначило Мануильского в Коминтерн якобы в помощь Зиновьеву, на самом же деле, чтобы создать сталинистское ядро в Коммунистической партии Германии (КПГ), которая по влиятельности в III Интернационале уступала только Российской. На выборах, проводившихся в Германии в мае 1924 года, КПГ набрала 3,7 миллионов голосов, увеличив свое представительство в рейхстаге от пятнадцати до шестидесяти двух мест: ни одна коммунистическая партия еще и мечтать не могла о подобном успехе на выборах. Именно поэтому миссия Коминтерна во главе с Мануильским была послана в Германию, имела штабквартиру в Берлине и отчитывалась непосредственно перед Сталиным.

В 1924 году Сталин сам проявил интерес к деятельности Коминтерна, посетив впервые Пятый Всемирный конгресс коммунистических партий, проходивший в июне в Москве. Он не выступал, но в неофициальном порядке представился делегатам. Рут Фишер, присутствовавшая на этом съезде, описывает, как Сталин двигался по фойе и коридорам знаменитого Андреевского зала в Кремле.

«Покуривая трубку, одетый в характерный китель и сапоги, он мягко и вежливо беседовал с небольшими группами, являя собой новый тип русского лидера. Молодые делегаты попали под обаяние этого революционера, выказывавшего отвращение к революционной риторике, этого твердо стоящего на земле практика, чьи быстрые действия и современные методы помогут решить все проблемы изменившегося мира. Люди вокруг Зиновьева были старые, нервные, старомодные».

Дальней целью Сталина было установление контроля над Коммунистической партией Германии в рамках Коммунистического интернационала. При помощи Ульбрихта и Пика (которые после войны стали основателями Германской Демократической республики) он разбил КПГ на группы и фракции, которые настраивал друг против друга. Этот процесс подробно описала Руфь Фишер, которую Сталин неоднократно пытался перетянуть на свою сторону

К 1927 году ему удалось лишить КПГ возможности действовать независимо, подчинив ее собственным интересам.

О последствиях этого шага для политики Германии и о роли коммунистов в процессе возвышения Гитлера уже говорилось. Но успешное осуществление этого замысла сказало и на борьбе за власть в России. Коминтерн, в котором с самого начала доминировали русские, превратился в дополнительную арену фракционной и политической борьбы Российской компартии. Ни одна коммунистическая партия не страдала и не выказывала свое недовольство этим положением более германской, и ни один человек не проводил в жизнь эту политику упорнее Зиновьева. Вторжение Сталина в область интернациональной политики положило конец не только стараниям КПГ сохранить собственную независимость (которые были осуждены Сталиным как попытка создания IV Интернационала), но, как это ни парадоксально, и влиянию Зиновьева на коминтерновский аппарат. К началу 1926 года руководящее положение Зиновьева в Коминтерне было чисто номинальным, к концу 1926 года он лишился и этого.

Одновременно Сталин постарался подорвать власть Зиновьева в другой его цитадели — ленинградской партийной организации. Сначала Зиновьев и его союзник Каменев, являясь председателями Советов, контролировали партийные организации Москвы и Ленинграда. Каменев первым ощутил на себе действие сталинских интриг. В 1924 году он лишился поста председателя Совета Народных Комиссаров, на котором находился де факто во время болезни Ленина, а затем и в период контроля над московским партийным аппаратом, после того как его ставленник, секретарь московского партийного комитета И. А. Зеленский, был направлен в Центральную Азию и заменен Н. А. Углановым, перебежавшими из зиновьевско-каменевского лагеря на сторону Сталина. Ленинград оказался более твердым орешком. Освободившись от двух сторонников Зиновьева, Сталин столкнулся с неожиданным сопротивлением, вызванным выдвижением своего ставленника Комарова на ключевой пост секретаря ленинградской партийной организации. Зиновьев, собрав все свои силы, подчинил Комарова себе и заявил протест против вмешательства Центрального комитета и его генерального секретаря. Сталин предпочел не настаивать, решив, что такая линия на данный момент тактически более верна, но от своего намерения не отказался, отложив его осуществление до той поры, когда для этого будет подготовлена более надежная база.

IV

Летом 1925 года Зиновьев перешел в контрнаступление, приняв участие в дискуссии по экономической политике, которая началась в 1924 году. Основным вопросом этой дискуссии был вопрос о будущем развитии страны после захвата власти Лениным, страны, которая по теории Маркса, еще не была готова к социалистической революции, ибо не прошла через стадию капиталистической индустриализации и модернизации.

В годы военного коммунизма первым возможным решением этого вопроса было использование государственной власти для реорганизации экономики и общества на социалистический лад посредством установления как экономической, так и политической диктатуры пролетариата, основанной на применении насилия по отношению к крестьянству (принудительное изъятие собственности) и рабочим (милитаризация труда). Главным теоретиком политической линии левого крыла стал Бухарин, опубликовавший в 1920 году «Экономику переходного периода» и ранее совместно с Е. А. Преображенским выпустивший в свет авторитетное издание — «Азбука Коммунизма» (1919).

Когда пришлось отказаться от попытки построить социализм методами военного коммунизма, Ленин предпочел отступить, избрав постепенное решение вопроса, следствием чего был переход к Новой Экономической Политике. Бухарин, подобно большинству руководства, одобрил предпринятое Лениным изменение политического курса и после его смерти стал главным теоретиком нэпа, рассматривая его не как отступление или временную фазу, а как оптимальную форму длительного сосуществования с крестьянской экономикой, что предполагало свободную торговлю фермерскими продуктами и существование мелких частных промышленных предприятий. Это значило, что основное внимание должно было быть сосредоточено на сельском хозяйстве, на 25 миллионах крестьянских хозяйств, причем наиболее продуктивные из них всячески поощрялись бы. Взяв на вооружение известное высказывание Гизо «Enricissez-vous» («обогащайтесь») Бухарин провозгласил: «Обогащайтесь, расширяйте ваши фермы, не бойтесь никаких ограничений». Путь к вовлечению крестьян в строительство социализма идет не через коллективизацию, заявил он, а, как подчеркивал Ленин в последние дни своей жизни, через развитие сельскохозяйственной кооперации.

Ленин незадолго до смерти говорил о том, что целая историческая эпоха, одно или два десятилетия не меньше, потребуются для того, чтобы убедить крестьян в необходимости кооперативов. Бухарин же считал, что этот процесс займет еще больше времени, учитывая российскую отста-

лость. Кооперативное движение могло иметь успех только при обеспечении материального стимулирования крестьянства, при насыщении рынка потребительскими товарами и достаточно высоких ценах на сельскохозяйственные продукты, которые гарантировали бы покупательную способность крестьян.

Левая оппозиция и все те, кто сомневался в целесообразности перехода к новой экономической политике, отказывались видеть в ней нечто большее, чем простое тактическое отступление, считали, что дальнейшее проведение этой политики ведет к восстановлению капитализма, и осуждали Бухарина за потворство крестьянству, обвиняя его в отступлении от социализма и предательстве дела диктатуры пролетариата. Эта точка зрения была сформулирована Преображенским, бывшим соавтором Бухарина, вместе с которым они когда-то защищали методы военного коммунизма. Теперь он обвинял Бухарина в том, что тот переметнулся к врагам. Преображенский утверждал, что ключ к строительству социализма в России — это индустриализация, а ключ к индустриализации — накопление капитала в национализированной промышленности посредством усиления инвестиций за счет преобладающего аграрного частного сектора.

По мнению Маркса, исторической миссией буржуазии является накопление материальных ценностей. «Копите, копите! Этому учил и Моисей, и пророки его!» — заявлял он, имея в виду создание такого капитала, который обусловливал неизбежность индустриальной революции. Маркс считал, что накопление капитала было обеспечено грабежом колоний и разорением крестьянства через огораживание общинных земель. Маркс называл этот процесс «первоначальным капиталистическим накоплением». Преображенский доказывал, что в основе советской индустриализации лежит процесс «первоначального социалистического накопления», который должен быть обеспечен проведением ряда финансовых мероприятий, в том числе манипуляциями в области ценообразования, установлением низких цен на продукты сельского хозяйства и высоких на продукты промышленности, повышением налогов, квотами на поставки зерна и т. д. Эти мероприятия будут способствовать перетеканию средств из частного сектора (в сущности из крестьянских хозяйств) в государственную промышленность. Главное заключалось в том, что упор делался на производство, а не на потребления.

Бухарин в свою очередь обрушился на модель, предложенную Преображенским, с критикой, заявив, что тот предлагает заменить эксплуатацию крестьянства капиталистами их эксплуатацией промышленным рабочим классом. А это означает диктатуру пролетариата, находяще-

гося в состоянии войны с крестьянством, вместо той смычки рабочих с крестьянами, в которой Ленин видел основу советской системы. По мнению Бухарина, процветающее крестьянство не только сможет обеспечить страну продовольствием, но и создаст эффективные предпосылки для развития промышленности, то есть сделает то, что сделали бы инвестиционные фонды через прогрессивный налог на доходы и добровольные накопления.

Когда неурожай 1924 года породил в стране тревогу, Бухарин заявил, что рост сельскохозяйственного производства возможен только в том случае, если крестьянин будет избавлен от страха перед наказанием за успешное ведение хозяйства. После XIV партийной конференции (апрель 1925 года) руководство, последовав его совету, приняло меры по снижению налогов на сельское хозяйство и (в определенных пределах) легализовало использование наемного труда и аренду земли. Зиновьев, в частности, призывал к еще большему уступкам по отношению к крестьянству, требуя, чтобы партия «повернулась лицом к деревне». Это была высшая точка новой экономической политики.

Тем более удивительно, что летом 1925 года Зиновьев и Каменев пересмотрели свои позиции и стали нападать на ранее поддерживаемую ими сельскохозяйственную политику партии, сочтя, что это опасный компромисс с зажиточным крестьянством, то есть с кулачеством. Теперь Зиновьев заявлял, усердно цитируя Ленина, что нэп никогда и не планировался как путь вперед, а только как «стратегическое отступление», так что основную опору следует все же видеть по-прежнему в промышленном пролетариате и беднейших, а не зажиточных слоях крестьянства.

Факты убедительно свидетельствуют о том, что Зиновьева беспокоила не столько судьба экономической политики, сколько восстановление собственного политического авторитета. В июне 1925 года Крупская написала письмо, в котором осуждала линию на заигрывание с кулаками и упрекала Бухарина, выступавшего в защиту этой линии. Ее поддержали многие левые, и Зиновьев с Каменевым, очевидно, решили воспользоваться этим, чтобы мобилизовать вокруг этого вопроса оппозицию руководству, приписав ему отход от правильного ленинского пути.

Сам Сталин не принимал активного участия в дискуссии по экономическим проблемам. Подобно многим другим членам Политбюро, он поддержал нэп и сельскохозяйственную политику 1925 года, но отмежевался от неосторожных заявлений Бухарина, и особенно от его лозунга «Обогащайтесь!». Если бы они выдвинули лозунг «Бей кулаков!», сказал он в 1925 году, девяносто девять из ста коммунистов проголосовали бы за. Но тем более важ-

но было не давать эмоциям влиять на решение этого вопроса. Такой лозунг, будь он претворен в жизнь, привел бы к гражданской войне, поскольку широкие слои «среднего крестьянства» восприняли бы удар против кулака как удар, направленный на них самих. Сталин вместе с Рыковым был фактическим инициатором резкого увеличения вложений в промышленность, которое помогло сохранить равновесие. Но он был готов принять вызов Зиновьева и ради этого заключил союз с Бухариным. Поскольку Рыков, крестьянин по происхождению, преемник Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров, и Томский, глава профсоюзов, в целом были согласны с политикой Бухарина, Сталин мог рассчитывать на поддержку большинства из семи членов Политбюро, особенно при условии, что Троцкий не поддержит Зиновьева и Каменева.

На заседании Центрального Комитета в октябре 1925 года, помимо Зиновьева и Каменева, в оппозиции оказался министр финансов Сокольников. Они выразили недовольство политикой партии в отношении крестьянства и призвали к открытой дискуссии по этому вопросу. Их предложение было отвергнуто, и XIV съезд партии, созыв которого намечался на весну, снова был отложен, что дало возможность Сталину усилить контроль над партийными структурами. В отместку Зиновьев помешал Сталину проникнуть в Ленинградскую партийную организацию, убрав всех левых сторонников центрального руководства как из нее, так и из состава ленинградской делегации на съезде. Последовал обмен обвинениями и оскорблениями между Москвой и Ленинградом, где оппозиция контролировала свой единственный ежедневный печатный орган «Ленинградскую правду». Атмосфера напряженности усилилась благодаря широко распространившимся слухам о том, что Сталин виноват в смерти Фрунзе, который сменил Троцкого на посту военного комиссара, и которому по указанию Политбюро сделали операцию вопреки его воле — вопрос, который до сих пор остается открытым. Фрунзе сменил ставленник Сталина, Ворошилов.

Перед самым XIV съездом, который все-таки состоялся в декабре 1925 года, Сталин, чтобы избежать открытого конфликта, предложил «компромисс». Зиновьев отказался от компромисса, расценив его как капитуляцию. Тем не менее, предложение Сталина (как это, несомненно, и было задумано) привело к тому, что ответственность за раскол в партии перекладывалась на Зиновьева, чье требование выступить на съезде от имени меньшинства впервые с 1918 года навлекло на него обвинение во фракционной деятельности. Оппозиция обвинила руководство в повороте кулаками в ущерб пролетариату, в проведении политики государственного капитализма, а не социализма,

в отходе от ленинского интернационализма в сторону сталинской ереси о построении социализма в одной отдельно взятой стране, в подрыве внутривластной демократии и в подмене диктатуры пролетариата диктатурой над пролетариатом.

Сталин и Бухарин с возмущением отвергли все эти обвинения. Они парировали тем, что нападки на теорию о возможности построения социализма в одной стране, обнаруживают свойственное оппозиции неверие в способность русского народа построить социалистическое общество. Зиновьев и Каменев, заявили они, подвергают сомнению лозунги партийного единства и отказа от фракционной деятельности, которые сами же они защищали от Троцкого на последнем партийном съезде. «Когда большинство поддерживает Зиновьева,— отметил Микоян,— он стоит за железную дисциплину, за подчинение меньшинства большинству. Однако, когда он не имеет большинства, он отрицает и то и другое».

Кульминационным моментом съезда было требование Каменева обеспечить меньшинству право свободно высказывать свою точку зрения. «Назад, к Ленину! — призывал он. — Мы против создания вождей. Мы против Секретариата, который фактически взял под свой контроль и политические и организационные вопросы, став над государственными органами». Призывая Политбюро к тому, чтобы подчинить себе Секретариат, Каменев заявил среди взрывов хохота:

«Я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не в состоянии исполнять роль интегратора, большевистских сил».

Сторонники Сталина скандировали: «Сталин! Сталин!», ленинградцы кричали в ответ: «Партия превыше всего!» Каменев же, пытаясь перекричать всех, твердил свое: «Мы против единовластия, мы против создания вождей!».

Сталин, быстро сориентировавшись, поддержал призыв к коллективному руководству. Любой другой путь, сказал он, немислим. Обратив против оппозиции ее же оружие, он заявил, что именно она и хочет руководить партией «без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина».

«Невозможно руководить партией без перечисленных мной товарищей. К чему вся эта безосновательная клевета на Бухарина? Вы требуете крови Бухарина? Мы ее вам не дадим».

После 1938 года, когда он сам лишил жизни Бухарина, Рыкова и Томского, их имена были изъяты из этого выступления во всех последующих изданиях сталинских речей.

В заключительных репликах Сталина уже заметны некоторые признаки того, в каком направлении работал его ум. «Возможно, членам оппозиции неизвестно, что для нас,

большевиков, формальная демократия — ноль, ничто, в то время, как реальные интересы партии — все...

Мы не должны допускать, чтобы нас отвлекали дискуссиями. Не забывайте, что мы правящая партия. Не забывайте, что любые словопрения наверху ослабляют наши позиции в масштабе страны, наши разногласия могут умалить наше влияние».

Прения велись вполне свободно, но вывод не оставлял места для сомнений. Когда съезд голосовал по докладу Сталина и Молотова, голоса распределились таким образом — 559 было за, 65 — против. В резолюции, принятой съездом, было сделано несколько уступок и по вопросу о признании проблемы кулачества и по вопросу о необходимости расширения социалистического сектора экономики. Но основная линия политики партии остались неизменны.

Троцкий, который присутствовал на съезде в качестве делегата без права голоса, но не принимал участия в прениях, с мрачным удовлетворением наблюдал за поражением своих недавних противников. И для них настал час расплаты за выступление против Сталина, хотя еще и в стиле двадцатых, а не тридцатых годов. 5 января 1926 года группа партийных деятелей под руководством Молотова в составе Кирова, Ворошилова и Калинина прибыла в Ленинград. Игнорируя принципы местной партийной иерархии, они направились непосредственно в заводские партийные организации, где разъясняли рабочим решения XIV съезда партии, стараясь заручиться их поддержкой против местного аппарата. Такая тактика помогла им обставить противников и перетянуть на свою сторону даже большинство рабочих знаменитого Путиловского завода, который был объектом их особого внимания. В ленинградской организации произвели чистку, и «Ленинградская правда» была у нее отобрана. Каменев заплатил за дерзость, с которой он позволил себе напасть на Сталина тем, что лишился всех государственных постов и был понижен с действительного члена Политбюро до кандидата. Зиновьеву до поры до времени удалось удержаться, но состав Политбюро расширился с семи до девяти членов, причем вакансии были заполнены приспешниками Сталина — Молотовым, Калининным и Ворошиловым. В результате укрепились позиции Сталина в ЦК, состав которого тоже был расширен до 63 членов и 43 кандидатов. Из представителей молодого поколения в списках кандидатов впервые появился Андрей Жданов, первый секретарь одной из крупнейших губерний — Нижегородской (позже Горьковская область), которому предстояло достичь вершины власти к концу Второй мировой войны.

В том же месяце Сталин приступил к осуществлению своих замыслов в характерной для него манере. Он рассердился на Зиновьева за то, что тот использовал цитаты

из его «Вопросов ленинизма», желая показать, что в 1924 году у Сталина были иные, совершенно отличные от тех, которые он развивал в 1925 году, взгляды на возможность построения социализма в одной стране. Сталин признал, что несколько «видоизменил» свои ранние формулировки, но исключительно в целях большей ясности. «Подобная формулировка может привести к мысли о невозможности построения социалистического общества усилиями одной страны, что, разумеется, неверно». Как замечает тот же Роберт Даниэлс, это был прекрасный пример того способа доказательства, который очень скоро стал нормой повсюду в стране. «Изменения в доктрине ни в коем случае не должны признаваться, люди, возвращающиеся к старой интерпретации, подлежат осуждению за попытку дать новое неверное толкование тому, что имелось в виду ранее».

Победа, одержанная Сталиным к концу 1925 года, была близка к полной, однако 1926—27 годы ознаменовались возобновлением открытых действий оппозиции против его лидерства, действий, которые очень быстро достигли наивысшей точки активности и привели к резкому обострению конфликтов как в Советском Союзе, так и в Коммунистическом интернационале. После трехлетних споров Троцкий, Зиновьев и Каменев наконец поняли, что борьба против Сталина отвечает их общим интересам, и создали объединенную оппозицию. Весной 1926 года они приступили к действиям, по необходимости нелегальным, по завоеванию сторонников. Одна из встреч, за которую Сталин и Политбюро ухватились особенно охотно, увидев в ней доказательство существования тайного заговора, состоялась в подмосковном лесу, к собравшимся обратился заместитель военного комиссара Лашевич. Готовясь к схватке, которая должна была произойти в июле 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, оппозиция выработала «Декларацию тринадцати», перечисляющую основные пункты, по которым ее точка зрения не совпадала с точкой зрения партийного руководства.

Для того, чтобы отразить неминуемое обвинение во фракционной и контрреволюционной деятельности, Троцкий прибег к параллели с Французской революцией и Термидором, названием месяца в 1794 году, когда были повержены Робеспьер и якобинский режим. Согласно революционной трактовке падение Робеспьера всегда представлялось как победа буржуазных контрреволюционных сил над истинными приверженцами революции и социальных реформ. Троцкий доказывал, что опасность подобного переворота существует и в России, что силы «Термидора», представленные партийной бюрократией, могут одержать победу над революционной традицией, представленной народными массами, от имени которых, якобы и выступает оппозиция.

Все недостатки нынешнего режима, доказывал он, коренятся в пропасти, развернувшейся между бюрократией и пролетариатом. Репрессивные меры, которые принимались против любого выражения инакомыслия, и нарушение норм партийной демократии являлись следствием «расхождения между направлением экономической политики и направлением чувств и дум передовых отрядов пролетариата».

Подобные заявления лидеров оппозиции были рассчитаны на то, чтобы привлечь на свою сторону тех членов партии, которые вступили в нее до 1917 года и вот уже в течение девяти, даже почти десяти лет задавали себе вопрос — что стало с надеждами и обещаниями, которые столь щедро раздавались в начале революции? Нэп вернул экономику почти на прежний уровень, и к 1930 году страна приблизилась к уровню 1913 года, но в тот период Россия считалась нищенской, отсталой дикой страной. Неужели это все, чего достигла революция? Проведение и далее нынешней политической линии чревато еще большим упадком. Необходимо, утверждали они, выполнить требования, неоднократно выдвигаемые оппозицией: а именно обеспечить приоритетное развитие промышленности, улучшить положение индустриальных рабочих, до сих пор остававшееся нищенским и устранить ту угрозу, которую представляло для развития социализма растущее богатство и сила средних крестьян и кулаков.

В области международной политики оппозиция приписывала неудачи Коминтерна (например, неудачу с организацией поддержки общебританской забастовки в мае 1926 года) недостатку революционного энтузиазма, причину которого видела в излишней приверженности курсу на построение социализма в одной, отдельно взятой стране и разрывом взаимосвязи между строительством социализма в России и распространением революционного движения на страны Европы и Азии. Эти две проблемы, а именно подлинно большевистская политика в интересах российского пролетариата и подлинно революционная политика Коминтерна, — были неразрывно связаны. Существующее руководство, по мнению оппозиции, не уделяло достаточного внимания ни той, ни другой проблеме.

Заседание пленума Центрального комитета, на котором произошла первая открытая схватка, продолжалось с 14 по 23 июля 1926 года. Небольшая группа оппозиции во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, используя все доступные им средства убеждения, попыталась ослабить то влияние, которое руководство имело на большинство членов ЦК. Развернулась ожесточенная дискуссия по проблемам индустриализации и по линии партии по отношению к крестьянству, однако самое убийственное обвинение, сделанное Сталиным, Бухариным и Рыковым, и зафиксирован-

ное в резолюциях пленума, касалось нелегальных методов деятельности оппозиции.

«Все эти дезорганизующие действия оппозиции свидетельствуют о том, что она решила перейти от легальной защиты своих взглядов к созданию всенародной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и вносящей раскол в ее ряды».

Обвинение в тайном заговоре было предъявлено не Троцкому, а Зиновьеву (несомненно, для того, чтобы вбить клин между ними), и последний был исключен из Политбюро. Его место занял латыш Ян Рудзутак, бывший в то время сторонником Сталина. Кроме того, кандидатами в члены Политбюро были избраны: Орджоникидзе, Андреев, Киров, Микоян, Каганович — все стопроцентные аппаратчики.

В конце сентября оппозиция решила обратиться к областным партийным ячейкам, объединяющим рядовых членов партии. В Москве на авиационном заводе был проведен митинг, на котором выступили Троцкий и Зиновьев, последний попытался также обратиться к рабочим Путиловского завода в Ленинграде. Опасаясь, что подобные выступления могут произвести впечатление на простых партийцев, руководство срочно мобилизовало аппарат для их срыва. Ораторов прерывали выкриками с мест, осыпали угрозами и оскорблениями. Под все усиливающимся давлением лидеры оппозиции капитулировали, отказались от дальнейшей фракционной деятельности и отrekliсь от своих левых сторонников в Коминтерне и Рабочей оппозиции. Последствия столь резкого поворота были губительны для многих сторонников группы, которые уже находились в застенках ОГПУ и теперь потеряли всю веру в своих бывших лидеров, отрекшихся от них столь поспешно.

Воодушевленный столь легкой победой, Сталин усилил натиск на оппозицию. В октябре мировая пресса опубликовала переданный ей оппозицией полный текст ленинского завещания. Пленум Центрального комитета, воспользовавшись этим, решил положить конец перемирию и 25 числа на заседании Политбюро Сталин выступил с тезисами по вопросу об оппозиции, которые он собирался представить специально созванной партийной конференции. Заседание проходило в довольно напряженной обстановке. Троцкий заявил о прекращении нового перемирия и, обвинив Сталина в вероломстве, предупредил собравшихся, что их втягивают в процесс, который приведет к братоубийственной войне и разрушит партию.

Обращаясь к Сталину, Троцкий бросил ему в лицо: «Первый секретарь выставляет свою кандидатуру на пост могильщика революции!» — таким образом, отнесся к нему слова когда-то сказанные Марксом о Наполеоне и Луи Наполеоне. Вскочив, Сталин безуспешно пытался сохра-

нить самообладание, затем бросился из зала и захлопнул за собой дверь. Пятаков, описывая эту сцену жене Троцкого, заявил: «Вы знаете, я много нюхал пороха на своем веку, но ничего подобного мне еще не доводилось видеть. Зачем, зачем Лев Давидович так сказал? Сталин никогда не простит ему ни в третьем, ни в четвертом колене».

На следующее утро пленум ЦК исключил Троцкого и Каменева из членов Политбюро, а Зиновьева из Исполнительного комитета Коминтерна, заменив его Бухариным. Партийная конференция продолжалась целых девять дней (с 26 октября по 3 ноября 1926 года). Лидеры оппозиции были лишены слова, им оставалось лишь слушать, как Сталин, определив их как «союз кастратов», излагал свою точку зрения на рассматриваемую проблему.

«Возможна ли победа социализма в нашей стране с учетом того, что пока это единственная страна диктатуры пролетариата... и что темпы мировой революции замедлились?»

В прениях, которые затем последовали, горстка представителей оппозиции, осыпаясь насмешками и издевательскими выкриками, безуспешно пыталась заставить себя слушать. И все же, чем больше руководство использовало свою власть чтобы задуть оппозицию, тем заметнее становилось, сколь велик его собственный страх перед критикой, грозящей ему со стороны членов партии, стоящих на коммунистических позициях. Этим объясняется ярость, с которой набросились на оппозицию, и не только Сталин, но и умеренные, такие как Бухарин и Рыков. К примеру, Бухарин, который раньше неоднократно возражал против попыток исключить Троцкого из партии, теперь требовал, чтобы оппозиция не только прекратила свою деятельность, но и выступила с публичным покаянием.

«Станьте перед партией, склонив головы, и скажите: «Прости нас, потому что мы согрешили как против духа и буквы, так и против сути ленинизма». Скажите, скажите честно: «Троцкий был неправ...» Почему у вас нет мужества, чтобы прийти и сказать, что ошиблись?»

Даже Сталин был восхищен и выкрикнул с места: «Браво, Бухарин, молодец! Вот говорит, что ножом режет!»

Всем присутствующим было ясно, что лидерам оппозиции не удастся получить большинство голосов, но чем очевиднее становилось, что аудитория была заранее сформирована таким образом, чтобы не допустить этого, тем труднее становилось скрыть недостаток убежденности, руководства в собственной правоте, тем реальнее ощущалась возможность моральной победы оппозиции.

Сталин не пожалел сил, чтобы сделать свои доводы убедительными, то и дело ссылаясь на авторитет Ленина, но ему пришлось выдержать труднейшую из битв, в которой главным орудием противников было цитирование. Когда Троцкий процитировал недвусмысленное ленинское заявле-

ние о том, что «полная победа социалистической революции в одной стране немыслима», Сталину ничего не оставалось, как отразить удар, попытавшись, причем весьма неуверительно, провести грань между «победой» социализма и «полной победой социализма». Тем не менее, в своей заключительной речи он, бесспорно, сумел добиться решительной победы, побив оппозицию ее же собственным оружием. Новому поколению партийцев, представлявшему значительную часть участников конференции, импонировала прежде всего непоколебимая вера Сталина в Россию и ее будущее. После спора с Зиновьевым относительно значения некоторых высказываний Энгельса, Сталин, вызвав громкие аплодисменты, заявил, что будь Энгельс жив, он сказал бы: «К черту все старые формулы, и да здравствует победоносная революция в СССР!»

Сталин пригвоздил оппозицию к позорному столбу за недостаток веры «во внутренние силы нашей революции», за пораженческие настроения, за недооценку всего достигнутого в России, за уверенность в том, что судьба революции будет решаться за границей. Всему этому он противопоставил развернутую перспективу того, что может быть осуществлено на гигантских просторах России вне всякой зависимости от внешних факторов. В 1917 году в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях, она потрясла мир, совершив политическое чудо, что же может помешать ей теперь потрясти мир снова, на этот раз совершив чудо экономическое?

На заседании Исполнительного Комитета Коминтерна в декабре 1927 года, Сталин продемонстрировал полную уверенность в своих силах и сумел добиться исключения оппозиции из Интернационала. Тем временем Бухарин успел побывать в Берлине и обеспечить исключение пяти лидеров левого крыла из КПГ. Новым лидером Французской партии стал стойкий сталинец Морис Торез. Коммунистический интернационал был приведен в политическое равновесие с российской компартией.

Однако крупное поражение международной политики Политбюро в Китае побудило оппозицию развернуть новую кампанию против руководства. С 1923 года после подписания соглашения между советским правительством и Гоминданом (Национальная народная партия во главе с Сунь Ятсеном) китайские коммунисты вынуждены были сотрудничать с Гоминданом. Доводы Троцкого и Зиновьева частично строились на том, что политическая линия доверия к некоммунистическим союзникам, навязанная Коминтерну Сталиным и Бухариным, привела к тому, что были упущены благоприятные революционные возможности. В мае 1926 года в результате поражения общебританской забастовки потерпели крах надежды, которые возла-

гались на Объединенный комитет англо-русских профсоюзов. Оппозиция предупреждала, что политика в Китае тоже может не оправдать ожиданий, поскольку, судя по всему, российский руководство больше заинтересовано в том, чтобы подчинить своему влиянию преемника Сунь Ятсена Чан Кайши и Гоминдан как возможное в будущем правительство Китая, чем в революционных успехах китайских коммунистов. В апреле 1927 года Чан Кайши предал своих коммунистических союзников в Шанхае, и большая часть их была зверски уничтожена. В «Заявлении восьмидесяти четырех», представленном Политбюро 25 мая, не только осуждалась «оппортунистическая линия партийного руководства в области международной политики, но и устанавливалась связь между замедлением революционного процесса, к которой эта линия привела и ошибками Политбюро во внутренней политике, и прежде всего, принятием «неверной мелкобуржуазной теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране, не имеющей ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом». Призыв к единству партии был обусловлен исключительно стремлением подавить истинно пролетарскую критику: «неправильная линия была механически навязана сверху».

Налет лондонской полиции на советские торговые представительства и последовавшее за этим расторжение дипломатических отношений с Великобританией (в мае 1927) внушили как оппозиции, так и советскому правительству уверенность в неизбежности войны. Первая потребовала отказа от политики «Объединенного фронта» и отставки нынешнего советского руководства, как «некомпетентного и склонного к репрессивным мерам», второе призвало к укреплению единства партии перед лицом «объединенного фронта» от Чемберлена до Троцкого» и перед лицом военной угрозы, нападая на инакомыслящих, как на пораженцев. Когда троцкист Смилга был «переведен» на Дальний Восток, на вокзале был организован митинг, на котором выступил Троцкий. ОГПУ требовало немедленного ареста лидеров оппозиции, а Сталин настаивал на их исключении из партии.

Пока Политбюро колебалось, Сталин обратился к Объединенному пленуму ЦК и ЦКК. Тогда Троцкий заявил, что только оппозиция способна руководить страной в столь трудных условиях и привел пример с Францией военного времени, где Клемансо в условиях полного развала страны из оппозиции перешел в правительство, когда у него возникли благоприятные возможности для захвата власти. Заявление Троцкого вызвало новый взрыв возмущения, руководство организовало сильные боевые группы, которые должны были срывать проводимые оппозицией митинги и приступило к основательной подготовке XV съезда партии, который уже несколько раз откладывался, и на котором Сталин ре-

шил во что бы то ни стало заставить замолчать своих критиков.

К X годовщине Октябрьской революции, праздновавшейся 7 ноября (по новому стилю), противостояние Сталина и Троцкого стало основным в советской политической жизни. В сентябре оппозиция выступила со своим третьим самым длинным политическим воззванием, и когда Политбюро отказалось опубликовать его, проигнорировала этот запрет и использовало для печати подпольную типографию, которая вскоре подверглась налету ОГПУ. В последней своей речи, которую Троцкому предстояло сделать, как лидеру советской коммунистической партии, он яростно обрушился на членов Политбюро, обвинив их в измене делу революции и навязал им открытую дискуссию по вопросу о завещании Ленина и содержащейся в этом завещании критике Сталина на следующем объединенном пленуме (21—23 октября).

«Грубость и вероломство, о которых писал Ленин,— заявил Троцкий,— перестали быть просто личными качествами. Они характеризуют весь стиль нашего нынешнего руководства с его верой во всемогущество методов насилия даже по отношению к собственной партии».

Сталин встретил вызов Троцкого во всеоружии. Он начал с того, что процитировал заявление самого Троцкого, сделанное им два года тому назад, в котором тот отрицал существование ленинского завещания (заявление было сделано под нажимом Сталина); затем признал, что такой документ действительно существует и что Ленин действительно предлагает в нем сместить Сталина с поста генерального секретаря ввиду его грубости. Он сам прочитал вслух соответствующий абзац и подтвердил: «Да, товарищи, я груб, груб по отношению к тем, кто грубо и вероломно разрушает и раскалывает партию. Я никогда этого не скрывал и не скрываю». В завещании Ленина подвергались критике также Троцкий, Каменев и Зиновьев, о которых Ленин писал, что им нельзя доверять в политическом плане.

«Но ни одного слова, ни одного намека,— продолжал Сталин,— нет в «Завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина».

Правда ли, что в стране идут массовые аресты среди инакомыслящих большевиков? «Да,— сказал Сталин,— мы действительно их арестовываем. И будем делать это до тех пор, пока они не прекратят вести подрывную работу в партии и в Советском правительстве».

В годовщину захвата власти большевиками оппозиция организовала уличные демонстрации в Москве и Ленинграде, но добилась лишь того, что участники были разогнаны милицией, а знамена вырваны организованными группами.

Неделей позже и Троцкий и Зиновьев были наконец исключены из партии, а на XV съезде, проходившем в декабре 1927 г., такая же судьба постигла 75 других членов их фракции и 18 демократических централистов. Зиновьев и Каменев подали прошение о восстановлении своего членства в партии, в котором требовали, чтобы с них было снято обвинение в антиленинизме. Их прошение отклонили. Им сказали, что они могут снова подать его через шесть месяцев, что они и сделали. Сам съезд продемонстрировал полную преданность руководству. Сталин никогда до сих пор не выказывавший такой уверенности в себе, заклеил действия мелкобуржуазных интеллигентов, оторванных от жизни, от революции, от партии и от рабочих.

Тридцатичетырехлетний Хрущев, который присутствовал на съезде в составе украинской делегации, получил огромное удовольствие. Делегаты были заранее проинструктированы относительно того, как себя вести, и встретили громкими восторженными криками Рыкова, который преподнес Сталину железную метлу, «чтобы тот вымел всех наших врагов».

«В то время,— пишет Хрущев в своих мемуарах,— мы не сомневались в правоте Сталина и его сподвижников... Мы понимали, что беспощадная борьба с оппозицией необходима. Мы оправдывали то, что происходило, пользуясь словами лесорубов: «лес рубят, щепки летят». К тому же Сталин не случайно занял ведущее положение... За короткое время он прошел большой путь. И вместе с ним этим путем прошли и наша партия и наш народ».

На первом пленуме Центрального комитета после XV съезда партии Сталин предложил уйти в отставку с поста Генерального секретаря. Обращаясь к объединенному заседанию, он сказал:

«Мне кажется, что до последнего времени обстоятельства складывались таким образом, что партии на этом посту нужен был такой человек, как я, человек безусловно грубый в своих действиях, который мог бы создать прочный противовес оппозиции... Теперь оппозиция не только разбита вдребезги, но и исключена из партии. Кроме того, имеется рекомендация Ленина, которая, как мне кажется, должна быть претворена в жизнь. Поэтому я прошу Пленум освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Я уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет».

Сталин настоял на том, чтобы его предложение было включено в повестку дня Пленума. Но, как он и был уверен, прошение об отставке было отклонено единогласно при одном воздержавшемся. Так, одним ударом Сталин похоронил завещание Ленина и обеспечил себе вотум доверия, способный в будущем оправдать любые его действия.

После этого было исключено из партии еще около 1500 рядовых ее членов. Троцкий отказался выступить с отречением и в январе 1928 года его выдворили из его кремлевской квартиры, посадили на поезд на какой-то пригородной станции, чтобы избежать демонстрации, и отправили в изгнание в Алма-Ату, за 2500 миль от Москвы к далеким границам советской Центральной Азии. В Москву он никогда больше не вернулся.

V

Исключение Троцкого и Зиновьева ознаменовало собой конец открытой легальной деятельности оппозиции. На последовавшей за этим финальной стадии возвышения Сталина слово «оппозиция» уже не использовалось, Бухарину и его сторонникам было предъявлено обвинение не в «оппозиционной деятельности» — она уже не признавалась, — а в «уклоне». В соответствии с изменившимися условиями в течение года не было сделано ни одного публичного упоминания о разладе между Сталиным и Бухариным, Рыковым и Томским, причем обе стороны опровергали слухи о расколе в Политбюро. Оппозиции отныне полагалось быть тайной, а не явной, и Сталин сначала наносил поражение своим противникам в узком кругу, и только после этого нападал на них публично.

Пока существовала «Объединенная оппозиция», Сталин старался не отталкивать от себя группу умеренных в Политбюро — Бухарина, Рыкова и Томского. Бухарин нападал на Троцкого не менее яростно, чем сам Сталин. И не Бухарин и его союзники виноваты в том разрыве, который происходил теперь между ними. Изменилась не их позиция, изменилась позиция Сталина. Попытки умеренных противостоять изменившемуся курсу были определены как уклон, от них потребовали, чтобы они отреклись от взглядов, которые до недавнего времени с ними разделял и Сталин, и приняли новую ортодоксию.

Последняя схватка Сталина с Троцким, смелость, с которой он воспользовался попыткой оппозиции сослаться на завещание Ленина, обратив ее против своих противников, свидетельствовала о том, как укрепились его позиции. Открытое поражение Троцкого и Зиновьева и их удаление со сцены дало Сталину еще большую свободу маневрирования. Рядом с ним не было больше никого, кто осмелился бы выступить против него, он мог беспрепятственно взять инициативу в свои руки и решать политические проблемы, не стесняя себя необходимостью делать тактические ходы, диктуемые условиями борьбы за власть.

Ретроспективный взгляд позволяет уловить различия в акцентах, которые делали Сталин и Бухарин, говоря об экономической политике в самые ранние периоды, но

тогда этому не было уделено должного внимания. Несмотря на небывалый урожай летом 1927 года вызывало некоторую тревогу падение закупок зерна, явившееся следствием того, что большая часть урожая не была выброшена на рынок из-за низких закупочных цен, в замораживании которых Сталин, как подозревают, сыграл не последнюю роль. Троцкистско-зиновьевская оппозиция предложила забрать необходимую часть зерна силой, но это предложение было отклонено Центральным комитетом (в августе) как «абсурдное и демагогическое».

Никаких признаков разногласий не заметно и в решениях, принятых на заседании Центрального Комитета в октябре и подтвержденных XV съездом. Весьма осторожные по тону они пытались установить некоторое равновесие между промышленностью и сельским хозяйством. «Самое главное — исходить из оптимального сочетания обоих факторов» — эта мысль проходит через все выступление Рыкова по экономическому плану; Молотов же, знакомя делегатов съезда с резолюцией по сельскому хозяйству, уверенно говорил о победе социалистических элементов и среднего крестьянства над кулачеством и, одобряя коллективизацию только в том случае, если она осуществляется постепенно и на добровольных началах, указывал на кооперацию, как на путь к социализму в деревне.

Сталин сказал на съезде следующее:

«Неправы те товарищи, которые думают, что мы можем и должны бороться с кулаками декретами или прибегать к помощи ОГПУ; напиши, мол, указ, поставь печать и точка. Это легкий метод, но он не работает. К кулакам надо применять экономические методы... Это не исключает применения некоторых административных мер, но они ни в коем случае не должны подменять собой экономических».

Только в последнюю минуту, когда шло голосование по резолюции о сельскохозяйственной политике, была поспешно, без всяких прений внесена поправка, которая гласила: «В настоящее время главной задачей партии в сельских районах является объединение мелких индивидуальных хозяйств и их преобразование в крупные коллективные хозяйства». Ничего не было сказано ни о масштабе такого преобразования, ни о сроках его осуществления.

Но не успели делегаты вернуться домой, как Сталин убедил Центральный Комитет (с согласия Бухарина, Рыкова и Томского) разослать даже не одну, а три директивы по принятию «чрезвычайных мер» для обеспечения насильственного реквизирувания зерна, то есть именно тех мер, которые только что были отвергнуты и съездом, и им самим. Последняя директива содержала угрозы в адрес местных партийных руководителей, которых ожидало наказание, если они не сумеют организовать резкое увеличение поставок зерна в возможно короткие сроки.

Энергия, с которой Сталин проводил в жизнь свои приказы, дала толчок движению, которое автоматически начало быстро набирать скорость. Тысячи членов партии были выделены в помощь сельским партийным организациям. Сталин сам предпринял беспрецедентный шаг — в сопровождении Молотова он лично побывал в Западной Сибири (в январе 1928 года) и единственный раз в своей жизни провел три недели в поездке по главным сельскохозяйственным районам страны. Он бранил местных чиновников, обвинял их в излишней любви к спокойной жизни, в неумении использовать силу и заставить кулаков сдать зерно, которым, на чем он особо настаивал, были переполнены их амбары. Чтобы убедить бедняков доносить на своих более зажиточных соседей, им было обещано продать по низким ценам четверть конфискованного зерна. Оказывающие сопротивление должны были быть осуждены по статье 107 Уголовного кодекса как «спекулянты». Когда раздались голоса, возражающие против этой крайней меры и ссылающиеся на неготовность к ней судов, Сталин ответил: «Пусть это и крайняя мера. Что из того? Судьи и прокуроры, которые окажутся «неподготовленными», будут смещены. Советское правительство вовсе не собирается сидеть сложа руки, глядя на то, как вся страна становится заложницей кулаков. «Саботаж поставок зерна будет продолжаться до тех пор, пока существуют кулаки».

Крайние меры возымели свое действие, недостаток в запасах зерна был восполнен. Но методы насильственных обысков и конфискации, даже если считать их применение продиктованным необходимостью преодоления внезапного кризиса, имели далеко идущие последствия. Для кулаков и средних крестьян они означали возврат к периоду военного коммунизма и породили цепную реакцию. Крестьяне ответили на эти меры уменьшением посевных площадей, многие продали свои хозяйства.

События начала 1928 года знаменовали собой начало одной из самых трагических глав в истории России — коллективизации советского сельского хозяйства, разрушительные последствия которой продолжают ощущаться и теперь, в девяностые годы. Здесь прежде всего следует отметить, как Сталин сумел воспользоваться многозначностью слова «кулак», которое не сходило с его уст, когда он говорил о коллективизации.

В брошюре, опубликованной в 1926 году, А. П. Смирнов, комиссар земледелия Российской советской республики, разделил зажиточных крестьян на два типа. Одни были «наживающимися за чужой счет, дерущими с людей последнюю шкуру» кулаками, которые нанимали работников, занимались торговлей и ростовщичеством. Это было традиционное значение слова, но далее Смирнов утверждал, что этот тип почти исчез из деревни после революции и

перераспределения земли. Ко второму типу относились крепкие и способные хозяева, которые могли нанимать работников, чтобы увеличить объем производимой продукции, но они не были ни ростовщиками, ни капиталистами, и их нельзя путать с кулаками предреволюционной поры. Бухарин также отделял «зажиточных кабатчиков, сельских ростовщиков, кулаков от «крепких хозяев». Однако Сталин, игнорируя это разделение, заявил, что нэп создал новый класс кулаков, которые жиреют и целенаправленно занимаются антисоветской деятельностью, придерживая большие запасы зерна. Отсюда следовало, что правильной тактикой партии в настоящий момент была всемерная поддержка беднейшего крестьянства при экспроприации эксплуататоров.

Цифры, впоследствии опубликованные советскими экономистами, показывают, что несмотря на некоторый рост кулачества в годы нэпа, в 1927 году в стране было не больше одного миллиона кулаков, что составляло 3,9 % всего крестьянского населения (перед революцией 1917 их было 15 %). К кулакам принято было относить тех крестьян, которые владели 25—40 акрами посевной земли. Эти крестьяне, которых облагали особенно тяжелыми налогами, «представляли собой наиболее энергичных и преуспевающих хозяев, они ничем не походили на довоенных кулаков, людей очень состоятельных, стоящих на общественной лестнице гораздо выше основной массы деревенских мелких собственников. Довоенные кулаки были истреблены физически (во время гражданской войны), во всяком случае число их значительно уменьшилось».

Пытаясь (чего он и не скрывал) возбудить классовую ненависть в деревне, Сталин игнорировал еще одну важную переменную в сельском населении, а именно рост среднего крестьянства. Средняки, имеющие от пяти до двадцати пяти акров земли, до революции составляли всего 2 % населения, но в 1927 году их было уже 62,7 %. В результате нежелания отделять кулаков от более многочисленного среднего крестьянства, большая часть карательных мер, направленных на уничтожение кулачества, обратилась против середняков, таким образом, руководство страны оттолкнуло от себя наиболее энергичную и способную часть сельского населения, кооперирование которой могло стать залогом успеха любой попытки преобразовать сельское хозяйство России.

Сталин знал, что многие члены Политбюро в штывы встретили бы любое предложение о восстановлении военно-коммунизма и ликвидации нэпа. После возвращения из Сибири в апреле 1928 года он счел необходимым заявить, что подобные разговоры должно расценивать как «контрреволюционные сплетни», «Нэп — основа нашего экономического курса и останется таковой на долгий истори-

ческий период». Тем не менее, в том же апреле, как только запасы зерна опять подошли к концу, крайние меры были возобновлены с прежней интенсивностью.

Поскольку кулацкие запасы были давно ликвидированы, объектом нового внимания стали амбары середняков, в которых еще кое-что сохранилось. В июне в столицу поступили сообщения о крестьянских бунтах, особенно мощных в богатых зерновых районах Северного Кавказа. Даже сторонники Сталина в Политбюро и в Центральном Комитете были смущены и встревожены. Чтобы хоть как-то успокоить крестьян, цены на зерно были повышены, а в июне-августе 1928 года была импортирована четверть миллиона тонн зерна. Перед июльским пленумом 1928 года Бухарин, Рыков и Томский постарались заручиться поддержкой среди тех членов Центрального комитета, которые еще не заняли твердой позиции по вопросам сельскохозяйственной политики. Но существовавшее только на бумаге большинство, в содействии которого они были уверены, не выдержало давления, оказанного на него Сталиным, контролировавшим все партийные структуры. Бухарин доказывал, что осуществление ускоренной индустриализации невозможно без процветающего сельского хозяйства, которое в результате политики реквизирувания пришло в полный упадок. Отвечая Бухарину, Сталин осудил его опасения как «капитулянтские», и извлек из забвения довод Преображенского (за который сам же в свое время подверг того резкой критике) о том, что поскольку в России нет колоний, крестьянство должно уплатить «что-то вроде дани», чтобы обеспечить усиленные инвестиции в промышленность.

Применив свой излюбленный трюк с цитированием ленинских работ, Сталин переосмыслил значение нэпа: теперь это было не отступление, а «победоносное и последовательное наступление на капиталистические элементы в нашей экономике», наступление, неотъемлемой частью которого становились энергичные меры против кулаков и коллективизация остальной части крестьянства. Пряча свой поворот влево под маской правоты, он сманеврировал таким образом, что, как жаловался Бухарин, «представил их раскольниками». Сталин заявил, что причиной всех трудностей был саботаж и антисоветские настроения кулачества. Но, добавил он, это сопротивление вполне естественно, оно еще раз подтверждает тезис о неизбежном обострении классовой борьбы по мере приближения страны к социализму. Этот тезис, диаметрально противоположный всему, во что верил Бухарин, становится центральным догматом сталинской версии марксизма-ленинизма.

Под насмешки и выкрики аудитории Бухарин пытался доказать, что партийное руководство ставит под угрозу союз со средним крестьянством и рискует смычкой пролетариата и крестьянства, в которой Ленин видел основной

залог спасения от российской отсталости. Остается вопрос, а не было ли и это положение пустым лозунгом, за которым скрывалась очередная иллюзия?

Сталин не одержал решительной победы на июльском пленуме, да он и не рассчитывал на это. Ему требовалось время, чтобы реализовать свои замыслы и изолировать противников, отложив открытую схватку с ними до того момента, когда он будет готов дать им решительный бой, что, судя по всему, должно было произойти следующим летом. Точно так же старались избегать публичного обсуждения разногласий в партийном руководстве Бухарин, Рыков и Томский. Они видели, что случилось с Троцким и Зиновьевым, и не только видели, но и сами участвовали в маневрах, которые привели их к политическому краху. Поэтому они прекрасно понимали, что Сталин не упустит возможности обвинить их в фракционности, как только такая возможность представится. Они продолжали надеяться, что, ограничиваясь изложением своих доводов перед членами Политбюро, они сумеют если не убедить Сталина, то, по крайней мере, поставить предел его действиям и предотвратить слишком резкий отказ от нэпа.

Сначала казалось, что эта тактика возымела успех. Резолюция, опубликованная после июльского пленума 1928 года, позволяла прийти к выводу, что компромисс достигнут: выступая перед Московской партийной организацией, Рыков заявил (независимо от того, верил он в это или нет), что поворот влево, имевший место зимой, ликвидирован, а Троцкий (поддерживавший связь со своими сторонниками) уже предрекал победу правого крыла, поверив, что Сталин переусердствовал в своей выжидательной политике.

Так или иначе сразу же после июльских дебатов Бухарин рискнул тайно встретиться с Каменевым, которого в свое время помог исключить из партии. Очевидно опасаясь, что Сталин пойдет на сближение с Каменевско-зиновьевской группой, он приехал предупредить его об опасности. Бухарин был в отчаянии (по словам Каменева, он «производил впечатление человека, который знает, что обречен»). Он сравнил Сталина, союзником которого был всего несколько месяцев тому назад, с Чингис-ханом, утверждал, что его линия губительна для всей революции. «Я не говорил со Сталиным уже несколько недель... Наши споры достигли той фазы, когда не находишь других слов, кроме «Ты лжешь!». Он пошел на уступки только ради того, чтобы перерезать нам глотки немного позже». Каменев держался уклончиво, но, записав содержание этого разговора (троцкисты тайно опубликовали его шесть месяцами позже), добавил: «Сталин знает только один метод... воткнуть нож в спину».

Бухарин был убежден, что подлинной целью Сталина

была не реформа нэпа, что он собирался отказаться от курса постепенных реформ ради «второй революции», то есть вернуться к «командно-приказным» методам Военного коммунизма. За насильственной конфискацией зерна и гражданской войной в деревне последует уничтожение частной торговли, всемерное форсирование индустриализации и полная отмена правого курса, который сам же Сталин и навязал Коминтерну — короче говоря, произойдет переход к той программе, за которую в прошлом году была уничтожена левая оппозиция.

На такую мысль наводили многие обстоятельства. В Москве состоялся один из первых показательных процессов, на котором в качестве главного обвинителя дебютировал Андрей Вышинский. Этот процесс последовал за сообщением в марте 1928 года о разоблачении контрреволюционного заговора, целью которого был саботаж работ на шахтах Донецкого бассейна, заговора, в который были вовлечены многие технические специалисты и иностранные державы. На процесс были приглашены иностранные корреспонденты, ход процесса получил полное освещение в прессе. Пятьдесят пять человек были обвинены в саботаже, многие из них «признались в совершенном преступлении», одиннадцать были приговорены к смерти, а пятеро действительно казнены. Сталин раздул это дело до всенародного скандала, заявив: «У нас есть внутренние враги. У нас есть внешние враги. Этого, товарищи, мы не должны забывать ни на минуту». С тех пор тема тайных заговоров, наряду с темой усиления классово-борьбы, сделалась постоянной в сталинских речах, в советской прессе и в партийной агитпроповской деятельности. В стране создавалась атмосфера напряженности и страха.

В мае 1928 года Государственной плановой комиссии (Госплан), которая продолжала руководствоваться установкой о том, что рост промышленности должен соответствовать скорости накопления капитала за счет увеличения объема сельскохозяйственного производства, была представлена докладная записка Верховного экономического совета, возглавляемого ставленником Сталина Куйбышевым, в которой предлагалось увеличение объема промышленности на 130 % за пятилетку. В конце мая Сталин выступил с новым призывом к членам партии, заявив, что единственно верным решением проблем, стоящих перед деревней, является коллективизация сельского хозяйства в сочетании с ускоренным развитием тяжелой индустрии. На этот раз все обычные оговорки о том, что коллективизация будет проводиться постепенно и на добровольных началах, были опущены.

Еще одним свидетельством изменения курса руководства стал Шестой всемирный конгресс Коминтерна, который проходил с середины июля по сентябрь 1928 года в том же

Колонном зале в Москве, где всего пять дней назад закончился процесс по шахтинскому делу. На первый взгляд центральной фигурой этого конгресса был Бухарин как секретарь и номинальный глава Коминтерна. Он выступил на открытии и на закрытии конгресса и сделал три основных доклада. Однако сталинское большинство российской делегации выступило против ключевого тезиса Бухарина и стало требовать радикального изменения политики Коминтерна и перехода к новому курсу, основным содержанием которого станет движение коммунистических партий влево, усиление борьбы с социал-демократами, как с «социал-фашистами», раскол профсоюзов и очищение собственных рядов от правых уклонистов. Это был столь же полный отход от коминтерновской политики Бухарина, сколь новый экономический курс шел вразрез с его взглядами на нэп.

Летом 1928 года спешить с принятием решения по этому вопросу не стали, оно было принято годом позже. В 1928 году еще существовала сильная оппозиция, и резолюция, подобно резолюции, принятой на июльском пленуме, содержала множество двусмысленностей и уступок. Но весы снова качнулись в сторону Сталина. Его агенты развернули против Бухарина «коридорную кампанию». Бухарина называли «правоуклонистским отщепенцем», страдающим от «политического сифилиса» и обреченным на то, чтобы присоединиться к Троцкому в Алма-Ате. Кампания прошла настолько успешно, что Политбюро опубликовало коллективное заявление об отсутствии разногласий среди его членов, в которое никто не поверил. В конце конгресса большинство иностранных делегатов принял как аксиому тезис Сталина о том, что «правый уклон в наше время представляет собой главную опасность», и сам Бухарин публично одобрил его. Выдвинутое Коминтерном понятие «правого уклона» и «правого оппортунизма» могло со временем быть легко перенесено на российскую почву и применено по отношению к Бухарину и его союзникам, чтобы квалифицировать их действия как действия уклонистов, способствующих расколу партии, в то время, как Сталин выступает за продолжение правильной линии.

В конце сентября 1928-го года Бухарин опубликовал статью «Заметки экономиста», в которой, хоть и не называлось никаких имен, содержался ответ на предложение Куйбышева и Верховного экономического совета о радикальном увеличении вложений в тяжелую промышленность, увеличении, которое должно осуществляться любой ценой, в том числе и за счет экономического дисбаланса, вопреки росту недовольства и активного сопротивления населения. Новый лозунг, выдвинутый сталинскими плановиками, основывался на формуле экономиста Струмилина, который перефразируя Маркса, заявил: «Наша задача не изучать

экономику, а изменять ее. Нас не связывают никакие законы. Нет такой крепости, которую не могли бы взять большевики. Вопрос темпа решается человеческим фактором». Бухарин парировал тем, что экономическое планирование означает доскональное изучение условий равновесия, а не пренебрежение ими, и что политика Куйбышева приведет к хаосу во всей экономике. «Можно бить себя в грудь, клясться и божиться индустриализацией, проклинать всех врагов и супостатов, но от этого дело ни капельки не улучшится». Политбюро большинством голосов объявило Бухарину выговор за «недозволенную» публикацию.

Осенью 1928 года Сталин приступил к разрушению независимых бастионов правых такими же точно способами, какие он использовал для подрыва позиции Зиновьева в Ленинграде и Бухарина в Коминтерне. Угланов, некогда поставленный Сталиным во главе Московской партийной организации, но переметнувшийся к правым, хорошо понял, что его участь решена, когда его очередной доклад московскому комитету был встречен молчанием, без обычного взрыва аплодисментов.

В знак протеста против травли своих сторонников Бухарин, Рыков и Томский устроили Сталину сцену и пригрозили отставкой. Сталин, еще не готовый к публичному разрыву, согласился пойти на уступки (обещание, которое, на самом деле, так и не было выполнено) и убедил трио пойти на компромисс на ноябрьском (1928 года) пленуме Центрального комитета. С одобрения Рыкова Сталин невозмутимо доложил Центральному комитету, что в Политбюро никаких разногласий нет.

Новый экономический курс был теперь объединен с тезисом о строительстве социализма в одной, отдельно взятой стране. Сталин поставил перед всеми цель догнать капиталистические страны и положить конец «вечному отставанию нашей страны». Социализм теперь рассматривался не как продукт развития капитализма, каковым его считал Маркс, а как его альтернатива, призванная ускорить развитие тех стран мира, которые были оставлены далеко позади индустриальным прогрессом Запада.

Центральный комитет осудил не только правых и примиренческую позицию по отношению к ним, но и всех тех, кто готов был мириться с «примиренцами». Бухаринцы из страха быть поименованными фракцией полностью одобрили это осуждение. Тщетность их усилий выявилась очень быстро. «Отставка» Угланова и трех других членов московского комитета была принята. Место Угланова занял сталинский «сокол», Каганович. В декабре 1928 года после некоторой отсрочки, рассчитанной на то, чтобы успеть провести аналогичную кампанию по чистке своих рядов, собрался Съезд профсоюзов. Томский понял, что его дни в качестве профсоюзного лидера сочтены, когда пятеро

стопроцентных представителей сталинского руководства, включая Кагановича, были избраны в Совет Профсоюзов. Сам Сталин появился в Исполкоме Коминтерна и потребовал исключения из него правых оппортунистов и «примиренцев». Волна исключений прокатилась по КПГ и другим иностранным коммунистическим партиям.

Воспользовавшись бухаринской статьей и опубликованным троцкистами разговором Бухарина с Каменевым, имевшим место в июле прошлого года, Сталин вызвал Бухарина на объединенное заседание Политбюро и Президиума Контрольной комиссии, где в присутствии двадцати двух человек обвинил его в оппозиционной деятельности, в «право-оппортунистической, капитулянтской платформе» и в формировании «антипартийного блока с троцкистами».

Бухарин не мог сравниться со Сталиным в умении маневрировать, но в недостатке мужества его обвинить было нельзя. Он перешел в контрнаступление, выступив с тридцатистраничной защитительной речью, отказался признать компромиссную резолюцию и на следующей сессии 9 февраля 1929 года предпринял новую атаку на Сталина, на этот раз заручившись поддержкой Рыкова и Томского. Сталин, заявив он, узурпировал власть, организовал «политическую расправу» над всеми, кто с ним не согласен, проводит курс на «раскол, дробление и деление партии на группы», который ведет к «разложению Интернационала». Он осудил сталинскую экономическую политику как «переход на троцкистские позиции» и обвинил его в попытке провести индустриализацию на «базе военно-феодалной эксплуатации крестьянства». Эта фраза всеми была воспринята как отождествление сталинской политики в деревне с политикой царского самодержавия, от которой так долго страдали крестьяне. Этого обвинения Сталин никогда не простил Бухарину. Политбюро осудило Бухарина за «фракционность» и «чудовищную клевету», но оно не пошло так далеко, как того хотелось бы Сталину. «Мы слишком либеральничаем с бухаринцами, слишком терпимы к ним, — заявил он. — Разве не пора положить конец этому либерализму?» Но ни один из оппозиционеров не потерял своего места в Политбюро, член которого, Калинин, якобы сказал в частной беседе: «Вчера Сталин убрал Троцкого и Зиновьева. Сегодня он хочет убрать Бухарина и Рыкова. Завтра наступит наш черед».

Сталин снова перешел в наступление на пленуме Центрального Комитета в апреле 1929 года, на котором бухаринцев было всего тринадцать человек из более чем трехсот собравшихся. Он обвинил их в постоянной оппозиции курсу партии, в «измене рабочему классу, в измене революции». Очевидно, вспомнив свою сибирскую ссылку, Сталин спросил:

«Вы когда-нибудь видели рыбаков перед бурей на такой

большой реке, как Енисей? Я видел и не раз. Всегда бывает так, что одна группа рыбаков мобилизует все силы перед лицом надвигающейся бури, воодушевляет остальных и храбро ведет корабль сквозь бурю, говоря: «Не отступайте, ребята, не замедляйте хода, крепче держите руль, смело боритесь с волнами. Победа будет за нами.

Но есть другой тип рыбаков, которые при первых признаках надвигающейся бури падают духом, начинают хныкать и деморализуют остальных: «Ой, ой, буря идет! Ложитесь, ребята, на дно лодки, закрывайте глаза, может быть, нас как-нибудь вынесет на берег (общий смех).

Стоит ли говорить, что позиция и поведение бухаринской группы, как две капли воды, похожи на позицию и поведение этой второй группы рыбаков, которые отступают в панике перед лицом трудностей?»

В английском переводе речь Сталина «О правом уклоне в КПСС» занимает пятьдесят три напечатанных с небольшим интервалом страницы. Уверенный в себе и в аудитории, Сталин принял решение положить Бухарина на обе лопатки. Всегда ревниво относившийся к той высокой оценке, которую Ленин давал интеллектуальным способностям Бухарина, Сталин с особым удовольствием процитировал отрывки из переписки между Лениным и Бухариным в 1916 году, когда Ленин критиковал Бухарина за непонимание марксистской диалектики, а затем прочел вслух отрывок из статьи Бухарина, в которой тот, критикуя Ленина уже после его смерти, продемонстрировал, по словам Сталина, полное непонимание его учения. «Вот вам прекрасный пример гипертрофированной претенциозности полуграмотного теоретика».

Сам Бухарин сидел молча, но двое или трое из его сподвижников, проявив поистине безрассудную смелость, перебили Сталина и заявили, что он пытается создать превратное представление о Бухарине. Сталин ответил им так:

«Я вижу, что Розит поклялся услужить Бухарину. Но услуга у него получается медвежья, ибо он, желая спасти Бухарина, на самом деле, топит его без остатка. Недаром сказано, что услужливый медведь опаснее врага (общий хохот)».

Пленум поддержал осуждение Бухарина и Томского и снял их с руководящих постов в «Правде», Коминтерне и профсоюзах. Пленум также одобрил сталинский пятилетний план модернизации советской индустрии, основанный на повышении плановых заданий, увеличении в 3—4 раза вложений в государственный сектор и росте производства средств производства за пять лет на 230%. Однако бухаринцы на этот раз еще не были исключены из Политбюро, и последовавшая вскоре XVI партийная конференция продемонстрировала полное единодушие партийного руковод-

ГИТЛЕР В ПРЕДДВЕРИИ ВЛАСТИ

Гитлер: 1930—1933
(в возрасте от 41 до 43 лет)

I

ства. Однако в июле 1929 года Сталин уже не мог сдерживать себя. Исполком Коминтерна, во главе которого теперь стоял сменивший Бухарина Молотов, осуществлял радикальную перемену курса, намеченную год назад. Освободившись от лидеров левого толка в КПГ и других коммунистических партиях еще в 1927 году, руководство Коминтерна, в соответствии с изменившимся балансом между фракциями в Советском Союзе, приступило к ликвидации правых. Новые директивы обязывали коммунистов всех европейских стран в условиях подъема нацизма и фашизма объединиться прежде всего против социал-демократов, рассматривая их как «социал-фашистов», поддерживать соперничающие профсоюзы и последовательно раскалывать европейское рабочее движение.

В 1929 году жизни Бухарина еще ничто не угрожало, но травля, которая началась в августе и выразилась в появлявшихся буквально сотнями разгромных статей многие из которых были написаны заранее, некоторые еще в прошлом году, вылилась в кампанию политического убийства. Ни один эпизод из его биографии, ни одна строка из его писаний не были упущены в стремлении представить его «антимарксистом», антиленинцем, антибольшевиком, антипартийцем, «прокулачки настроенным представителем мелкой буржуазии». Целью этой кампании было — решительно искоренить влияние человека, которого Ленин провозгласил ведущим теоретиком партии, и предостеречь остальных, показав им что может случиться с тем, кто ставит под вопрос новый курс партийного руководства.

В ноябре 1929 года на пленуме Центрального комитета первая же попытка трех потерпевших поражение лидеров сделать то, чего от них требовали, то есть признать свою политическую ошибку, привела Сталина в ярость и Бухарин был немедленно исключен из состава Политбюро. Только тогда троих заставили признать, что они были неправы, и дать обещание, что впредь они будут вести «решительную борьбу со всеми уклонами от генеральной линии партии и прежде всего с правым уклоном».

Долгая битва за право престолонаследия закончилась. Обе оппозиции — и левая и правая — потерпели поражение. К апрелю 1930 года, когда соберется новый пленум Центрального комитета, ни у кого уже не останется сомнений ни в том, как Сталин собирается воспользоваться своей победой, ни в справедливости предостережений Бухарина, от которых того заставили отречься.

Время с сентября 1930 года до 30 января 1933 года было в жизни Гитлера эквивалентно периоду восхождения к власти Сталина (1924—1929), которое мы только что рассмотрели. У Сталина этот период начался с болезни Ленина и его смерти, когда разгорелась борьба за наследование его власти; у Гитлера этот период начался с выборов в сентябре 1930 года, обусловивших тот прорыв, к которому он стремился 10 лет. На выборах нацистская партия получила 18,6 % всех голосов; количество голосов, поданное за нее, возросло с 800 тысяч в 1928 году до более, чем 6,4 миллионов — рост в 8 раз, для которого нельзя найти прецедента в европейской истории. Получив 107 мест в Рейхстаге, Гитлер оказался главой второй самой значительной партии в Германии (после социал-демократов) и больше его нельзя было держать вне политической игры.

Неудивительно, что выборы 1930 года и последующие выборы в июле 1932 года, когда число голосующих за нацистов более чем удвоилось, с 6,4 до 13,75 миллионов, вызвали больше интереса, чем какие-либо другие выборы в немецкой истории. Кто же голосовал за нацистов? И почему они это делали? Так как выборы были тайными, на первый вопрос нельзя ответить точно, различные ухищрения применялись при его анализе, однако результаты его все еще не ясны.

Частично усиление поддержки нацистов объясняется резким увеличением числа участвующих в выборах — в них приняло участие 82 %, имеющих право голоса, то есть приблизительно 35 миллионов по сравнению с 31 миллионом в 1928 году — то есть 4 миллиона новых избирателей раньше не голосовали или в первый раз получили право голоса. Другим основным источником новых голосов за нацистов были избиратели, ранее поддерживавшие «буржуазные» партии — националисты (ДНВП), правые либералы (ДВП) и прогрессивные либералы (ДДП), которые переме-

нили название в июле 1930 года на ДСП, то есть немецкая государственная партия. Общее число голосов, поданных за «буржуазные» партии, снизилось почти в два раза в 1930 году и еще в два раза в июле 1932 года. Партия католического центра сохранила свою поддержку, в то время как социалистическая партия потеряла много голосов, а коммунисты были единственной партией, помимо нацистов, поддержка которых усилилась, что явно указывает на переход большинства избирателей, потерянных для социалистов, к коммунистам. За эти годы Великой Депрессии, когда безработица среди рабочего класса была беспрецедентно высока, общее число голосов, поданных за эти две партии рабочего класса, сохранялось на удивление постоянным.

Важное значение в Германии, помимо социальных различий, имели и конфессиональные различия. Нацисты привлекали значительную часть верующих в протестантских областях страны. Их поддержка в католических областях (включая Баварию) была гораздо меньше до тех пор, пока Гитлер не пришел к власти и не подписал конкордат с Ватиканом летом 1933 года. В 1930 году число женщин, голосующих за нацистов, увеличилось в первый раз именно в протестантских, а не в католических районах Германии под воздействием нацистского подчеркивания традиционных семейных ценностей Kinder, Kirche, Küche (дети, церковь, кухня).

Результаты голосования в сентябре 1930 года были весьма различными в различных районах Германии. Наиболее высокая поддержка нацистов была продемонстрирована в протестантских и сельскохозяйственных районах северной и восточной Германии, таких как Шлезвиг-Гольштейн, Померания и Пруссия. Нацисты также получили очень хорошую поддержку в районах с населением, занятым в сельском хозяйстве и мелкой промышленности, таких как Нижняя Силезия — Бреслау и Хемниц — Цвикау.

В городских районах, в районах тяжелой промышленности или католических областях таких как Берлин, Северная Вестфалия и Нижняя Бавария, поддержка нацистов была гораздо меньше. Наибольший иммунитет к нацистским призывам продемонстрировали Верхняя Силезия и Вюртемберг, районы по преимуществу промышленные и с сильными религиозными традициями. Тщательные социологические исследования результатов выборов по различным районам дали, по крайней мере, предварительный ответ на вопрос «Кто голосовал за нацистов?»

Наиболее важным обстоятельством, было то, что нацисты, в отличие от всех других немецких партий, за исключением центристской партии, ориентированной на католиков, стремились выйти за традиционные рамки — экономические, социальные, религиозные, региональные — на кото-

рых была настроена партийная система с тех пор, как она создавалась в девятнадцатом веке. Нацисты стремились организовать поддержку, не ограничиваясь какими-либо рамками. Даже после того, как нацисты переменяли свою стратегию в 1928 году с так называемого «городского плана» и сконцентрировались в основном на избирателях из среднего класса, в частности в маленьких городах и в сельской местности, нацисты не позволили вытеснить себя из промышленных районов, таких как Рур, и районов в больших городах, населенных рабочим классом. Они продолжали свои попытки привлечь католических, помимо протестантских, избирателей и они никогда не рассматривали какой-нибудь район или какую-нибудь группу населения как потенциально недоступную для них. Презрительные упреки нацистам в неразборчивости, в том, что они предлагают что-то каждому человеку, были оправданы, однако они только показывали то, что нацисты, в отличие от других партий, откровенно провозглашали своей целью — быть народной партией, которая способна подняться выше классовых и религиозных рамок и представлять всю нацию целиком.

Несомненно, что нацистам не удалось этого достичь. Их желание преодолеть различия, усугубленные депрессией, привели их к массе противоречий, а их наилучший результат на свободных выборах в июле 1932 года не превышал 37 % от общего числа избирателей. Однако даже то, что они были единственной партией, помимо центристской, которая делала такую попытку, привлекало к ним многих избирателей. Это означало, что их поддерживал в 1930 году, а тем более в 1932 году, гораздо более широкий круг избирателей, чем какую-либо другую партию.

В надежде привлечь голоса избирателей из рабочего класса в 1930 году нацисты широко пользовались растущей волной безработицы, утверждая, что социал-демократы ничего не сделали для ее предотвращения. Однако, там, где социал-демократы потеряли голоса среди рабочих, занятых в горнодобывающей и тяжелой промышленности, которые подвергались наибольшей угрозе безработицы, эти голоса перешли к КПГ, а не к нацистам. Это не относится к СА (нацистские коричнево-рубашечники), которые с некоторым успехом привлекали в свои ряды безработных в Берлине и Гамбурге. Большого успеха нацисты добились, однако, в привлечении внимания многих ремесленников и рабочих, занятых на небольших предприятиях, которые не были вовлечены в профсоюзы и часто относились враждебно к коллективистским тенденциям организованного профсоюзного движения.

В 1930 году началось также продвижение нацистов в социальные группы работников умственного труда. Для этого были созданы такие организации, как национал-социалистическая Лига германских юристов, образованная в

1928 году, и национал-социалистическая лига германских докторов, образованная в 1929 году. Расширение нацистского влияния среди лиц с высшим образованием было обеспечено успешной работой национал-социалистического германского студенческого союза по привлечению почти половины студентов немецких университетов в ряды партии к 1930 году и по захвату контроля над самоуправляющейся студенческой организацией АСТА.

Нацисты широко использовали свое влияние на молодежь. «Уступите дорогу, старики», — называлась статья, написанная Грегором Штрассером, и это название превратилось в еще один лозунг нацистов. Из 720 000 новых членов, вступивших в партию между 1930 и 1933 годами, не менее 43 % было моложе 30 лет. Многие современные наблюдатели отмечают, что в ряды нацистов вступали в особенности молодые люди из традиционно либеральных или консервативных семей, которые бунтовали против политических пристрастий своих родителей. Для многих депрессия резко уменьшила возможности карьеры, и среди них, как писал Карло Миерендорф, «социальное отчаяние, национальная романтика и конфликт между поколениями образовали классическое сочетание».

Однако нацисты не могли серьезно соревноваться с социал-демократами и коммунистами за голоса избирателей, принадлежащих к рабочему классу, число которых было гораздо больше половины всех избирателей. Поэтому единственным другим источником, из которого нацисты могли получить поддержку, были средние классы, которые составляли более 40 % населения Германии. Соответственно, в то время, как число голосов за нацистов резко выросло в 1930 году и в июле 1932 года, традиционные партии средних классов понесли наибольшие потери.

Среди избирателей, голосующих за нацистов, наиболее постоянную поддержку давали им старые средние классы как в городе, так и в деревне. В 1930 году нацисты предприняли большие усилия для овладения второй опорной силой консерватизма — пенсионерами, рантье и инвалидами войны, т. е., которые наиболее страдали от инфляции и неравноценного балансирования займов и кредитов при стабилизации экономики. Успех нацистов у этих слоев избирателей не согласуется с утверждениями, сделанными ранее, о важном значении голосов молодежи для нацистов. Более половины пенсионеров принадлежали к возрастной группе старше 60 лет, а менее 10 % торговцев и лиц свободных профессий в старом среднем классе были моложе 30 лет.

Традиционные выводы следует пересмотреть в особенности по отношению к третьей группе — новому среднему классу. Поддержка нацистов этой группой в 1930 году, хотя и имела большое значение, видимо не была столь значительной, как поддержка со стороны старого среднего класса.

Поддержка нацистов увеличивалась медленнее у конторских служащих в частном секторе, чем у государственных служащих, в особенности принадлежащих к низшим и средним уровням. Общие результаты анализа, однако, остаются теми же и их можно обобщить словами американского историка Томаса Чилдерса:

«К 1930 году НСДАП начала перерастать свои корни в нижней части средних классов и выдвинулась на позиции среди избирателей, которые традиционно принадлежали правым силам... В 1930 году [нацисты] захватили важные позиции в каждом из основных средних классов. В то время как поддержка либералов и консерваторов уменьшалась, НСДАП успешно превращалась в долгожданную партию, объединяющую интересы средних классов».

В последних исследованиях использован второй способ анализа результатов выборов, основанный на рассмотрении размеров населенных пунктов. Канадский историк Ричард Хамильтон указывает на важность этого фактора, делая следующие два значительных обобщения. Во-первых, в период поздней Веймарской республики более половины голосов, признанных действительными на выборах в Германии, было подано в сельских и городских населенных пунктах, число жителей в которых было менее 25 000 человек. Несмотря на все, что было написано о влиянии урбанизации и индустриализации (отчуждение и безликость), больше избирателей жило в Германии, «в Дидерфельдах и Шифферштадтах, чем в Дюссельдорфах и Штутгартах». И это уже не говоря о Берлине, население которого — 4 миллиона человек, — составляло менее 6 % всего населения Германии, а это был самый большой город в стране.

Это приводит нас к следующему обобщению, сделанному Хамильтоном:

«Число голосов, поданных за национал-социалистов было обратно пропорционально численности населения. До 1930 года национал-социализм был городским явлением. Он зародился в больших городах и был перенесен, с большим успехом, в маленькие города и сельскую местность».

Даже на выборах, принесших наибольший успех нацистам, в период до того, как Гитлер пришел к власти (июль 1932 года), когда они получили почти 14 миллионов голосов, максимальная доля голосов, поданных за них, была 41 % в населенных пунктах (городских и сельских), население которых было менее 25 000 человек и она уменьшалась до 32 % в городах с населением свыше 100 000 человек.

Важным различием между деревнями и небольшими городами с населением меньше 100 000 было существование во многих таких городах рабочего класса, объединенного в профсоюзные и коммунистические или социал-демократические организации. В городах, расположенных в протестантских округах, это обстоятельство имело решающее

значение. В классической работе о таком городе, с населением 10 000 человек, который он назвал «Тальбург», В. Аллен написал: «Тальбургерцев привела в объятия к нацистам именно ненависть к социал-демократам». В католических районах, с другой стороны, существование сильных центристских партий не позволило произойти такой сильной поляризации политических сил. Даже там, где рабочие оказывали значительную поддержку коммунистам или социал-демократам на выборах, центристы давали возможность антимарксистского выбора иного, чем НСДАП, и традиционно привлекали значительную часть избирателей из среднего класса.

Значительно труднее сделать общие выводы применительно к большим городам (10 городов с населением свыше 500 000 человек). Берлин оставался цитаделью левых сил, более чем 55 % избирателей голосовало или за социалистов или за коммунистов в сентябре 1930 года, 54,6 % в июле 1932 года и 54,3 % в ноябре 1932 года. Единственным изменением было то, что число голосующих за коммунистов, равнялось числу голосующих за социал-демократов в 1930 году и в июле 1932 года, стало значительно больше последнего в ноябре 1932 года — 31 % против 23 % за социал-демократов. Число голосов, поданных за центристов, хотя и было значительно меньше, чем число голосов, поданных за левые силы, все-таки выросло в сентябре 1930 года и затем в июле 1932 года. Число голосов, поданных за нацистов, увеличилось полностью за счет либеральных и консервативных партий.

Единственным другим городом с населением свыше миллиона, был Гамбург. Там нацисты имели больше влияния, чем в Берлине, и число голосов, поданных за них, увеличилось до трети в июле 1932 года, что было большим ростом по сравнению с 19 % в сентябре 1930 года. Однако левые силы в Гамбурге хотя и потерпели большие потери, чем в Берлине, все-таки сохраняли вместе половину голосов в 1930 и 1932 годах, а центристы сохраняли свою долю голосов, хотя она и была незначительной. Так же как и в Берлине, число голосов, поданных за нацистов, увеличилось за счет традиционных партий среднего класса.

Гораздо труднее ответить на второй вопрос — почему избиратели голосовали за нацистов? Действительно, нелегко проанализировать глубоко личные мотивы, которыми руководствовались 6 миллионов избирателей в 1930 году и 13 миллионов в 1932 году. Классовый анализ, который играет такую большую роль в социологическом подходе к вопросу «Кто голосовал за Гитлера?», гораздо менее эффективен при анализе причин почему они это сделали. Нельзя объяснить, почему избиратели с одинаковыми социальными условиями голосовали за враждующие партии. Взглянув на старые средние классы, которые в значительной мере под-

держивали нацистов, мы убедимся, что они имели различные, и часто противоположенные, материальные интересы. Это было одной из основных причин, почему традиционные буржуазные партии теряли все больше голосов, которые переходили к группам, защищающим особые интересы, причем эти группы, в свою очередь, никогда не смогли объединиться в общую партию средних классов. Нацисты подошли ближе к выполнению этой роли, чем какая-либо другая партия именно потому, что, хотя они не стеснялись обещать удовлетворение экономических и других материальных интересов различным частям средних классов, а также любых других классов, они никогда не делали такие обещания центральным вопросом своей избирательной кампании. Нацисты никогда не пытались объяснить, как они примирят противоположные интересы, например, крестьян, которые требовали более высоких цен на продовольствие, и горожан, которые хотели снижения этих цен, нацисты просто переходили к возвышенным фразам о «национальном возрождении» и национальном единстве взамен классовой борьбы, которые, по их утверждению, помогли бы им обеспечить интересы каждой социальной группы и всех вместе сразу. Здесь мы должны обратить внимание на психологическое скорее, чем социологическое, объяснение.

Не случайно Гитлер начал привлекать массовую поддержку только после начала депрессии. Он всегда считал, что только катастрофа в какой-либо форме даст ему шанс на победу. Для многих немцев эта катастрофа выразилась в увеличении числа зарегистрированных безработных до 3 миллионов впервые в начале 1929 года и дальнейшее увеличение в сентябре 1930 года, когда происходили выборы. Число безработных увеличилось до 6 миллионов в зиму 1931/32 года и 1932/33 года. Именно потому, что катастрофа была экономической, — вызвавшей не только массовую безработицу, но и снижение зарплаток и резкое увеличение числа банкротств, когда крестьянские хозяйства и городские фирмы продавались с молотка по минимальным ценам, — Гитлер не пошел по ошибочному пути использования этой катастрофы для влияния на избирателей и не сконцентрировал свою избирательную кампанию на экономической политике и обещаниях. Он осознал, в отличие от других немецких политиков, а в особенности от Брюнинга, что влияние таких экономических факторов на жизнь людей выражалось в психологическом шоке и что политический деятель должен был использовать эмоции, вызванные этим шоком — страх, недовольство, отчаяние и стремление к поддержке и возобновлению надежды.

Имелась особая причина, по которой дела в Германии обстояли именно так, и по которой влияние депрессии вызвало гораздо более серьезный кризис, чем в какой-либо другой стране. Между 1918 и 1923 годом немецкий народ

уже пережил последовательность таких усиливающихся шоков — поражение и тяжелые потери в войне, Версальский договор, выплата репараций, падение монархии, революция, близость гражданской войны и инфляция. Депрессия возродила все страхи и чувство беспомощности послевоенного периода, в особенности усугубившиеся после краткого периода возрождения, который казался сейчас предательской иллюзией. В начале 30-х годов миллионы немцев и немки чувствовали себя как люди пережившие землетрясение, только что начавшие отстраивать свои жилища и увидевшие, как эти хрупкие сооружения начинают вновь рассыпаться у них на глазах. В таких условиях люди теряют чувство направления и под влиянием необычайных страхов тянутся к фантастическим надеждам. Гитлер не был порожден этими обстоятельствами, однако они обеспечили то, что Эрнст Дейерлейн назвал «возможностью» Гитлера — они сделали явление Гитлера возможным, дав ему шанс использовать свои способности, которые особенно соответствовали таким обстоятельствам. Гитлер предложил миллионам немцев две вещи, которые они больше всего хотели получить — полное отрицание всего, что произошло в Германии после войны, и безусловное обещание возродить национальную мощь и величие разъединенной нации. Он подверг безусловному осуждению как предателей, которые нанесли удар в спину немецкой армии в ноябре и приняли мстительные требования Антанты, так и марксистов, которые призывали к классовой войне, интернационализму и пацифизму, а также плюралистское общество вседозволенности в лице безбоязненного Берлина и Культурбольшевизма, который издевался над традиционными ценностями и не оставлял ничего святого, а в придачу и евреев, которые, как он говорил, жирели на коррупции и обогащались, делая Германию слабой.

Отрицая это демократическое «свинство», Гитлер заявлял о своей вере в возрождение моральной и политической мощи Германии, возрождение прусских ценностей — порядка, власти, жертвенности, службы, дисциплины, социальной иерархии — которые привели ее к величию, возрождению чувства народной общности и созданию сильного, властного правительства, проводящего единую политику внутри страны и обеспечивающего уважение за границей к Германии, которая будет перевооружена и получит обратно свое естественное место великой державы.

Фритц Штерн заметил, что особая привлекательность Гитлера для немецких протестантов, особенно протестантских священников, вызвана в значительной мере «тихой секуляризацией» протестантизма в течение предыдущего века, при котором церковь становилась неотъемлемой частью монархии и олицетворением судьбы нации. Поражение в войне, вызвавшее разрушение монархии и существую-

щего порядка, оставило протестантские церкви потерянными и растерянными во враждебном мире. Для многих протестантов обещание возрождения нации, данное Гитлером, его призывы к жертвам и единству, удовлетворяли их стремление к возрожденной вере, которую церковь уже не могла обеспечить своими ослабленными силами.

В то же время Гитлер смог привлечь неоконсервативных интеллектуалов, которые отрицали рационализм и вялый либерализм современного мира, заменяя его нищенским иррационализмом, то есть героическим человеком замещали экономическое человека. Не менее сильным было влияние Гитлера на членов бывших правящих элит, недовольных потерей своего положения и влияния, на старые средние классы, которым угрожали процессы модернизации, включая усиление позиций рабочего класса, угрожающего их социальному статусу и источникам дохода и на значительную часть молодежи, озабоченную потерей возможностей для карьеры и стремящихся к построению будущего. Уже в 1930 году и еще более на дальнейших выборах самой яркой чертой поддержки нацистам была эта социальная неоднородность, которую нельзя полностью различить с помощью классового анализа. Эта неоднородность лежит в самой сердцевине явления нацизма.

Нацисты отличались от всех других партий именно тем, что для них стиль избирательной кампании был гораздо важнее, чем ее содержание. Можно сказать, что в их случае средство было целью. Не только речи Гитлера, но и все атрибуты движения, которое относилось к политике как к драматической смеси театра и религии, были нацелены на возбуждение не рациональных, а эмоциональных реакций. Это было именно те «аффективные интересы» для которых (как указал Фрейд) логические доводы неприемлемы, что давно поняли исследователи человеческой природы и философы.

«Наш разум может действовать надежно только тогда, когда он не подвержен влиянию сильных эмоциональных воздействий; в противном случае он действует просто, как инструмент и передает требуемое волей».

Гитлер хорошо осознал это еще в самом начале своей карьеры, как видно из его книги «Майн кампф». Наиболее оригинальным его достижением являлось создание движения, специально рассчитанного на подчеркивание с помощью всех возможных приемов — символов, языка, иерархии, ритуалов, парадов и демонстраций, олицетворяющих кульминацию мифа вождя — верховенства динамических иррациональных факторов в политике, а именно: борьбы, воли, силы, растворения индивидуальности в коллективных эмоциях группы, жертвенности, дисциплины.

Вполне в духе такого движения Гитлер отказывался быть связанным конкретными программами и политикой.

Он оставлял их на период после достижения власти — единственной доминирующей задачи партии — так же, как это делал Ленин. Это не только давало ему свободу маневра в зависимости от обстоятельств, но и позволяло группам с очень различными, а иногда и противоположными, интересами и взглядами идентифицировать себя с нацистским движением, убеждая их в каждом случае, что Гитлер имел те же цели, что и они.

Многие представители консервативных старших поколений, которые голосовали за нацистов, сделали это именно потому, что они верили, что Гитлер возродит традиционные ценности из прошлого Германии. Другие, в особенности молодежь, голосовали за нацистов потому, что нацисты представлялись им свободными от классового образа реакции, который был присущ другим правым партиям, и потому что они верили, что Гитлер устранил эти пережитки прошлого и настоящего и проведет радикальную правую революцию.

Оба подхода можно описать как «моральное и духовное возрождение нации». Как будет видно из многих примеров, описанных ниже, Гитлер не только не пытался разрешить это противоречие, но и старался поддержать ожидания как консервативных, так и радикальных сторонников нацистов. Это было необходимо делать для того, чтобы убедить достаточное число немцев, что перед ними человек и движение, способные объединить нацию, освободить ее от страхов и указать дорогу из того болота, в котором она загнивала. В 1930 году призыву Гитлера поверило в 8 раз больше избирателей, чем в 1928 году, а в июле 1932 года это число увеличилось еще вдвое.

II

В 1930 году Гитлер достиг своей первой цели и пробился на общенациональную политическую сцену. Сейчас он должен был найти ответ на вопрос как из шести с половиной миллионов голосов, поданных за нацистов, сделать нацистское правительство, возглавляемое им самим.

Этого можно было достичь двумя очевидными способами. Первым способом являлся парламентарный путь. Надо было набирать еще и еще голоса до тех пор, пока нацисты не получат большинство в Рейхстаге или только для своей партии или как для одной из партий в составе правой коалиции. Вторым способом был государственный переворот. Гитлер видел недостатки в обоих методах. Он не мог определить срок проведения следующих общенациональных выборов. Во всяком случае, он с презрением относился к возможности стать парламентарным канцлером, зависящим от голосов в Рейхстаге. Избирательная кампания нацистов

с самого начала была основана на притязаниях быть таким движением, которое очищает болото парламентарской политики, в котором великие вопросы решаются — или скорее всего остаются нерешенными — путем нахождения коалиционных компромиссов для получения большинства при голосовании. Однако, второй путь, то есть попытка захвата власти силой, означал вызов высшим силам государства и нес опасность поражения в уличных боях, что и случилось в 1923 году. В сущности Гитлер хотел провести революцию при поддержке государства. Между тем, революция была нужна не для получения власти — власть надо было получить, по крайней мере для видимости, легальным путем.

В период между 1930 и 1932 годами Гитлеру было выгодно оставить обе возможности открытыми независимо от того, что он считал удобным заявлять публично. Однако он надеялся создать из этих двух возможностей некий третий способ, путь к которому открывала своеобразная система правления, согласно которой с марта 1930 года Германия управлялась канцлером и министрами, а не руководителем большинства в Рейхстаге, которые назначались президентом фон Гинденбургом и использовали чрезвычайные полномочия президента для издания распоряжений согласно статье 48 Веймарской конституции. Небольшая группа приближенных к президенту получила власть для выбора канцлера и, по-существу, для предоставления ему способов правления. Такая система правления, однако, была приемлема только на протяжении ограниченных периодов времени, так как большинство в Рейхстаге могло оспорить ее. В конце концов канцлер должен был или получить большинство в Рейхстаге, восстанавливая, таким образом, парламентарское правление, или, если президент и его советники собирались избавиться от зависимости от Рейхстага окончательно, необходимо было получить достаточную поддержку населения страны для того, чтобы изменить Конституцию.

Президент фон Гинденбург и его советники надеялись пойти по последнему пути, однако, ни Брюннинг, ни его два приемника на посту канцлера, фон Паппен и фон Шлейхер, не смогли получить необходимую поддержку избирателей. Между тем советники президента все более ощущали необходимость найти выход из политического тупика, в то время как депрессия усугублялась и усиливалась опасность нарушений гражданского порядка, которые имели место в раннем периоде Веймарской республики. Армия меньше всего хотела повторения событий 1923 года и одновременных восстаний левых и правых экстремистов.

У Гитлера было при таких условиях два преимущества. Успех нацистов на сентябрьских выборах 1930 года, укрепленный региональными выборами в 1931 году, указывал на

возможность получения поддержки, если Гитлера примут в игру. Угроза организованного насилия со стороны СА указывала на возможную революцию, если Гитлер будет оставлен в стороне. Таким образом, тактика Гитлера состояла в использовании революции, которую он не хотел делать, и массовой поддержки, которую он никогда бы не смог получить в подавляющем большинстве, — первое использовалось как угроза, а второе как обещание для того, чтобы убедить президента и его советников принять его как партнера в правительство. Благодаря переходу от парламентарной к президентской системе правления, Гитлер получил другую возможность прихода к власти, которая позволила ему обойтись как без большинства избирателей, которого он так и не достиг, так и без риска попытки второго путча.

В этом заключается объяснение длительных последовательностей политических шагов, сделанных с конца 1930 года до конца января 1933 года, когда Гитлер, наконец, достиг своей цели и стал канцлером. Это объяснение, однако, надо использовать осторожно, так как, в отличие от историков, Гитлер не мог знать, будет ли успешной его тактика. Когда переговоры прерывались или не достигали результата, как часто и происходило, он должен был возвращаться к возможности установления коалиции с националистами и даже, один раз, с центристами или даже к попытке получить подавляющее большинство на следующих выборах, причем в 1932 году различные выборы проводились не менее пяти раз. Каждый раз, однако, он производил впечатление, что он всегда надеялся на возобновление переговоров, используя при этом и другие возможности для того, чтобы улучшить свою позицию и принудить другую сторону вновь приступить к переговорам.

Как и Сталин, Гитлер демонстрировал удивительное упорство в преследовании своей цели в лабиринте сплетения событий. Тем более удивительной была его способность удерживать доверие своих последователей и понуждать их к активной деятельности в течение двадцати восьми месяцев разочарований, которые разделяли период ожиданий, вызванных выборами в сентябре 1930 года и момент их реализации — двадцать восемь месяцев непрерывных неудач и, на последнем этапе, потеря двух миллионов голосов и возможность поражения. Ни Гитлер, ни Сталин не получили власть мгновенно. У Сталина восхождение к власти заняло почти в два раза больше времени, чем у Гитлера — свыше пяти лет от смерти Ленина до триумфа в день его пятидесятилетия.

После короткой встречи между Брюннингом и Гитлером вскоре после выборов 1930 года, которая не дала никакого результата, прошло двенадцать месяцев прежде чем осенью 1931 года начались переговоры. Брюннинг сказал нацист-

скому вождю, что экономический кризис будет продолжаться очень долго. Гитлер был рад это услышать. Как, однако, он сможет поддерживать силу духа и напор партии и СА в течение длительного периода ожиданий?

Через 10 дней после выборов в 1930 году он заявил в Мюнхене:

«Мы, в принципе, не парламентарная партия, это противоречило бы нашему мировоззрению. Мы парламентарная партия по принуждению, под давлением обстоятельств, и эти обстоятельства содержатся в Конституции. Конституция заставляет нас использовать эти средства... Мы боролась не за места в Рейхстаге, но мы получаем места в Рейхстаге для того, чтобы получить однажды возможность освободить немецкий народ».

Хотя они и представляли вторую по величине партию в Рейхстаге, 107 нацистских депутатов (сам Гитлер все еще не имел германского гражданства и не был депутатом) ясно заявили в первый же день, что они не собираются заниматься парламентской политикой, а будут использовать Рейхстаг как средство для нападков на «Систему» и ее учреждения, которые они презирают. Партия продолжала обращать основное внимание на сохранение «постоянной агитации» вне парламента по всей стране.

После выборов 1930 года резко подскочило число желающих вступить в партию и между сентябрем 1930 года и концом года в списках партии появилось почти 100 000 новых членов. Так как Гитлер предусмотрительно подготовил организационную структуру партии, новые члены были растворены в «гигантском котле национал-социалистической идеи» без особого труда, хотя между «старыми бойцами» (ветеранами партии) и делающими быструю карьеру «сентябристами», которые часто были лучше образованы и подготовлены и вступили в партию только после сентябрьского успеха на выборах, существовала личная ревность.

Аналогичный рост числа членов наблюдался у двух организаций, связанных с нацистами: АА (аграрно-политический аппарат), руководимый Дарре, и Гитлерюгенд, организацией молодежи, привлекающей членов из зажиточных классов и руководимой Бальдуром фон Ширахом; затем она была объединена с нацистской студенческой организацией. Меньшим успехом пользовалась НСБО (нацистская организация рабочих групп). Эта организация под руководством Рейнгольда Мюхова распространила влияние на всю страну после сентябрьских выборов и Грегор Штрассер и Геббельс принимали участие в ее руководстве. В 1932 году она достигла максимальной численности в 300 000 членов (в основном в Берлине), что было гораздо меньше, чем рабочие профсоюзы с их миллионами членов, несмотря на все усиления и значительные расходы нацистов.

Увеличение числа членов партии помогало поддерживать впечатление непрерывной деятельности, на котором нацисты в основном строили попытки усиления своего влияния. На региональных выборах 1931 года среднее число голосов, поданных за нацистов превысило 40 % благодаря широкому проведению «насыщенных избирательных кампаний». Между апрелем и августом нацисты проводили другую яростную кампанию, вместе со Стальным Шлемом, националистами и коммунистами — странные попутчики — требуя роспуска Прусского парламента. Они не смогли победить на референдуме, однако эта кампания дала нацистам возможность широко показать свое лицо. В декабре 1931 года сообщалось о более чем 13 000 митингов и демонстраций по всей стране по сравнению с менее чем 500, организованными противниками нацистов. После опубликования результатов выборов Гитлер получил абсолютное руководство в партии, символом которого был громадный кабинет в Коричневом Доме, на стенах которого висели три портрета Фридриха Великого и официальная фотография Гитлера за письменным столом с надписью «В движении ничто не происходит помимо моей воли». Миф о Гитлере как о «неоспоримом единственном вожде НСДАП», как выразился Грегор Штрассер в «Фёлькише Беобахтер», был той объединяющей силой, которая скрепляла партию больше, чем когда бы то ни было и заменяла собою программу партии.

На самом деле Гитлер проводил мало времени в своей штаб-квартире, гораздо чаще он ездил по стране, привлекая сторонников на массовые демонстрации, которые одновременно были хорошим источником доходов партии. Образ фюрера как части партии был усилен, тем временем, новыми назначениями на посты в совете партии, который руководил повседневной работой и решал организационные вопросы, хотя было несомненно, что Гитлер имел абсолютное право на любые вмешательства в работу совета партии. Важным назначением среди них было назначение Геббельса, сделанное в начале 1931 года, на пост руководителя отдела пропаганды в рейхе. Он получил исключительный контроль над проведением различных пропагандистских кампаний, подбором выступающих на митингах и определением линии партии по всем вопросам. Геббельс уже продемонстрировал свои исключительные особенности пропагандиста при проведении избирательной кампании. Типичным примером его метода была система ежемесячных сообщений о настроениях масс, которые он требовал от гауляйтеров, приказывая им засылать агентов в пекарни, мясные лавки, магазины и пивные для того, чтобы узнать что говорят люди, а материал в дальнейшем использовать для подготовки пропагандистской литературы.

Неожиданный рост членства в партии, увеличение оплачиваемых рекламных объявлений в газете «Фёлькишер Беобахтер» и рост числа партийных публикаций, увеличение числа присутствующих на партийных демонстрациях и других массовых мероприятиях, за вход на которые взималась плата — все это помогло партии уплатить большие долги, сделанные в период избирательной кампании, и финансировать постоянное расширение своей деятельности. Нацистская партия действительно была на самофинансировании в 1931 году и в значительной мере в 1932 году. Крупные промышленники и банкиры все еще не доверяли партии, которая не могла или не хотела обнародовать непротиворечивую или хотя бы последовательную экономическую политику и определить свое отношение к капиталистическим предприятиям, во главе которых они стояли. В 1930—31 годах, однако, нацисты начали получать некоторую поддержку не от предприятий и фирм, а от отдельных сочувствующих капиталистов лично — среди них были бывший президент Рейхсбанка Шахт, Фриц Тиссен и Людвиг Граурт, директор ассоциации владельцев в металлургической промышленности. Их взносы в размере от десятков тысяч до двух сотен тысяч марок часто вносились не самой партией, а отдельным нацистским руководителям — не Гитлеру, а Герингу, Штрассеру и Функу.

Сила движения в значительной мере основывалась на поддержке рядовых членов партии, однако всегда существовала опасность, что активизация их действий перейдет плохо определенную грань между законным и незаконным. Гитлеру приходилось поддерживать баланс между «незаконностью», которая, выйдя из-под контроля, могла бы вызвать сомнения в его надежности как возможного партнера у руководителей армии и советников президента, и «законностью», усиленное пристрастие к которой могло разочаровать большое число членов партии и штурмовиков, который вступили в нее считая, что общенациональные вопросы должны решаться силой, а не большинством голосов, и которые все еще мечтали о марше на Берлин и захвате власти. Гитлер умело оставлял некоторую недоговоренность в своих уверениях о «законности» своих действий, с тем чтобы поддерживать, с одной стороны, уверенность консервативных элементов, с которыми он надеялся вести переговоры, в том, что он оказывает сдерживающее влияние на партию. С другой стороны, он старался поддержать уверенность радикалов в своей партии, что его разговоры о «законности» были просто хитрым притворством, скрывающим его намерение осуществить путч, когда настанет время. Как сказал Геринг:

«Мы боремся против государства и существующей системы, потому что мы намереваемся полностью уничтожить ее,

но законным образом, чтобы не возбудить подозрений шпиков. До того как был издан закон о защите республики, мы говорили, что мы ненавидим это государство. При этом законе мы говорим, что мы любим его и все-таки каждый понимает, что мы имеем в виду».

Умение Гитлера вести двойную игру подверглось проверке непосредственно после выборов 1930 года. Он начал проводить кампанию, направленную на усиление своего влияния в армии, с речи в Мюнхене в 1929 году, в которой он подверг нападкам фон Секта, бывшего главнокомандующего армией, всегда утверждавшего, что Рейхсвер должен быть вне политики. Речи Гитлера произвели впечатление на молодых офицеров, которые не видели возможности продвижения по службе в армии, размер которой согласно условиям Версальского договора, был ограничен 100 000. Офицеров привлекали обещания Гитлера, что если он придет к власти, он увеличит армию и вернет Германии ее законное место в Европе. Три армейских лейтенанта, Шёрингер, Людин и Вентц, связались с нацистами и обещали привлечь других офицеров на их сторону. Они были арестованы и предстали перед Верховным Судом в Лейпциге через несколько дней после выборов 1930 года. Гитлер немедленно потребовал, чтобы его выслушал суд. Специально адресуя свои слова руководству Рейхсвера, он категорически заявил, что СА были созданы единственно с политическими целями; что никогда не вставало вопроса об использовании силы и ввязывании армии в гражданскую войну или замены армии (а в особенности профессионального офицерского корпуса) нацистской армией нового типа. «Когда мы придет к власти, мы сделаем так, чтобы из существующего Рейхсвера выросла великая армия немецкого народа. Тысячи молодых людей в армии думают так же». Когда председатель суда прервал Гитлера и сказал, что нацисты вряд ли могут рассчитывать на достижение этих целей законным путем, Гитлер с негодованием отменил это утверждение. Партия выполняет только его приказы и «мой основной принцип — это то, что если партийное решение приходит в противоречие с законом, его нельзя выполнять». Несогласные с этим были изгнаны из партии, «включая Отто Штрассера, который носился с мыслью о революции».

Вновь прибегнув к той продуманной двусмысленности, с которой он говорил о вопросах законности не менее, чем об антикапиталистических стремлениях партии, Гитлер прибавил:

«Я дал здесь присягу перед лицом Всемогущего. Я говорю вам, что если я приду к власти законным путем, будет создан нацистский суд, мы отомстим за ноябрьскую революцию 1918 года и много голов полетят с плеч законным путем». В этот момент раздались громкие рукоплескания

с галереи, однако, когда председатель суда спросил, что Гитлер имел в виду, говоря о «немецкой национальной революции», тот ответил, что она не относится к внутренней политике, а просто означает «немецкое патриотическое движение» против условий мирных договоров, «которые мы рассматриваем не как обязательный закон, а как нечто навязанное нам извне».

«Наша пропаганда пробуждает духовную революционность в германском народе. Наше движение не нуждается в силе... Мы примем участие в легальных организациях и, таким образом, сделаем нашу партию решающей силой. Однако когда мы получим конституционные права, тогда мы воссоздадим государство таким способом, который мы будем считать правильным».

*Председатель: «Тоже конституционным образом?»
Гитлер: «Да».*

На Нюрнбергском суде после войны Йодль, начальник Генерального штаба во время войны, показал, что он не верил Гитлеру, пока тот не заявил под присягой на суде, что он не допустит никакого вмешательства в дела армии. Это недвусмысленное заявление было сделано специально для того, чтобы облегчить проведение переговоров с руководителями Рейхсвера в будущем. То, что в дальнейшем случилось с лейтенантом Шёрингером показывает, однако, опасности, которые таились в такой тактике. Шёрингер был приговорен к тюремному заключению на 18 месяцев и, находясь в тюрьме, перешел на сторону коммунистов. Геббельс послал телеграфный запрос Шёрингеру, спрашивая, действительно ли он поменял убеждения, Шёрингер ответил телеграфом: «Заявление достоверное. Гитлер предал революцию».

Особые опасности, в этом плане, грозили СА. Коричневорубашечники были неотъемлемой частью нацистского движения. Они служили охранниками на бесконечных митингах, они нападали на коммунистов на улицах, а их парады демонстрировали силу, на которой фокусировался образ нацизма. Гитлер, однако, имел в виду чисто пропагандистские задачи — СА должны были быть ударными отрядами революции, которая не должна была произойти. Однако, если бы такое убеждение распространилось, то оно ослабило бы их боевой дух, который надо было всемерно поддерживать, но не позволять ему выходить из-под контроля.

Гитлер хорошо осознавал существование этой сложности, что было продемонстрировано быстротой его реакции на события как раз перед сентябрьскими выборами. Берлинские СА, известные своими бурными стычками с коммунистами, проявили неподчинение и отказались охранять партийные митинги. Их основным требованием было увеличение оплаты, однако существование отдельной структуры

СА означало возможность постоянных трений с политической организацией партии. СА утверждали, что партийное руководство в Мюнхене их недооценивает. Как написал один оберфюрер СА, для руководства «СА существуют просто, чтобы умирать». Гитлер примчался в Берлин и, переходя из пивной в клуб и опять в пивную, уговаривал рядовых штурмовиков, обещая им лучшую оплату и отношение как к «солдатам революции». Он приказал ввести специальный налог на каждого члена партии, чтобы получить средства на это. Кульминацией его личного появления среди штурмовиков было его заявление, что он станет верховным командующим СА вместо фон Пфедфера. Гитлер поспешил после выборов уговорить Эрнста Рёма вернуться на пост начальника штаба СА и позволил ему свободу действий для организации отрядов, численность которых в начале 1931 года колебалась между 60 000 и 100 000 человек, включая большое число безработных, привлеченных обещаниями платы, пищи и приключений. В то же самое время Гитлер позволил Гиммлеру расширить его элитный орден СС, в котором первоначально состояло 280 человек и который пользовался значительной неприязнью со стороны СА с их более пролетарским составом. СС превратилось во внутреннюю полицию партии, руководствующуюся девизом «Ээсовец, твоя верность — это твоя честь».

Все-таки недовольство политикой «законности», проводимой Гитлером, не уменьшалось. Когда правительство в конце марта 1931 года издало указ, требующий получения разрешения полиции на политические митинги за 24 часа до начала, Гитлер приказал всем партийным службам подчиниться этому закону. Руководитель СА в Берлине Штеннес был возмущен, он осудил подчинение закону Гитлером, изгнал политическое руководство партии в Берлине и установил свой контроль над партией и СА. Офицеры СА в Померании поддержали Штеннеса, заявив, что «НСДАП» отступила от революционного курса истинного национал-социализма и предало чистый идеал, за который мы все сражаемся».

И опять Гитлер поставил свой личный престиж на карту, сместил Штеннеса и потребовал, чтобы все руководители СА подписали заявление о безусловном подчинении ему лично. Хотя Штеннес присоединился к Отто Штрассеру в открытом противостоянии Гитлеру, его бунт не имел успеха и за ним последовало только незначительное число сторонников. Миф фюрера твердо держал в своем плену большинство, даже в Берлине. Геринг провел чистку СА, были осуществлены реформы, чтобы удовлетворить жалобы рядовых членов, а Гитлер и Рём уделили большое внимание проведению занятий по политическому просвещению для руководителей СА в Школе руководства Рейха. Проблема

осталась неразрешенной, однако, так как трудности, вызванные противоречиями в проводимой Гитлером политике, могли быть устранены только при победе этой политики.

III

Гитлеру требовались не только уверенность, но и терпение. Он мог нагнетать напряжение со стороны, однако пока он придерживался своей тактики законности, ему приходилось ждать, пока власти не проявят инициативы и не пригласят его к проведению переговоров. Эта политика выживания подвергала суровой проверке веру партии и самого Гитлера в предопределенность его успеха, которая лежала в основе мифа о Фюрере. Между тем, имелись четыре объективных фактора, которые лежали вне его контроля, но которые можно было повернуть в его пользу.

Первым было усиление депрессии в течение 1931—32 годов, когда число зарегистрированных безработных превысило шесть миллионов, что было больше, чем в какой-либо другой индустриальной стране.

Вторым фактором было усиление политического кризиса, которое сопровождало депрессию. Одним результатом этого кризиса было увеличение числа голосов, поданных за радикальные правые силы (нацисты) и радикальные левые силы (коммунисты), сопровождающееся подъемом политического насилия. Другим результатом было окончание временной стабилизации республики, последовавшее за избранием фельдмаршала фон Гинденбурга в 1925 году, выглядевшее символической заменой монархии. В течение короткого периода, последующего за тем, традиционные правящие элиты Германии стали менее агрессивными по отношению к республике, если и не примирились с ней. Депрессия положила конец этой передышке. Экономический кризис стал также и политическим кризисом.

«Системе» вменялись в вину все беды, переживаемые Германией, что указывало насколько неглубоко лежали корни парламентарной демократии в Германии и как резко были отчуждены от республики те группы, чье положение и привилегии в обществе должны были бы сделать их наиболее активными защитниками государства. Ярким примером является ведущая консервативная партия — националисты (ДНВП). Они не только все более теряли голоса в пользу нацистов в сельских местностях, но и позволили захватить руководство партией реакционному и авторитарному стороннику пан-германизма Гугенбергу, который попытался, без особого успеха, соревноваться с нацистами в яростном, непрестанном противостоянии республике и время от времени сотрудничать с ними. Приглашение, которое сделал Гинденбург Гитлеру, поддержать его в кампании по подго-

товке референдума против плана Юнга было важным этапом в достижении Гитлером политической респектабельности, что давало бы ему доступ к влиянию и финансовым возможностям, предоставляемым кругами правых сил и высших классов. Наиболее консервативные члены ДНВП, не принявшие политического стиля Гугенберга, отделились и образовали группу народных консерваторов. Со свойственным ему тупоумием и самоуверенностью Гугенберг продолжал свою политику, не научившись ничему на своем опыте сотрудничества с Гитлером. Он привел Гитлера в ряды «национальной оппозиции» — так называемого Харцбургского фронта, в которой на короткое время объединились все правые силы, враждебные Веймарской республике, в октябре 1931 года. Эта же коалиция, воссозданная в январе 1933 года, привела Гитлера на пост канцлера, ошибочно надеясь, что он будет следовать политике, выработанной его партнерами.

Третьим фактором, который действовал на пользу Гитлеру, было изменение политики Рейхсвера. Одной из наиболее замечательных и опасных особенностей Веймарской республики было то, что руководители армии пережили поражение в войне и падение монархии. В результате они образовали государство в государстве, которое сохраняло верность не данному правительству или республике вообще, но тому, что офицерство рассматривало как интересы и ценности «вечной Германии».

Рейхсвер занял это уникальное положение благодаря деятельности своего главнокомандующего с 1920 по 1926 год генерала Ганса фон Сеекта. Он не только успешно защищал автономность руководства армии от вмешательства политиков, утверждая, что политикам не место в армии, но, как представитель армии, играл значительную роль в политике, утверждая, что армия является верховным арбитром национальных интересов. Во время внутреннего кризиса в 1923 году немецкое правительство наделило фон Сеекта широкими исполнительными полномочиями для сохранения государства, и он отвечал за проведение секретной политики тесных отношений с Советским Союзом, на основе которой германская армия надеялась избежать военных ограничений, обусловленных Версальским договором. Путь к примирению между армией и властями республики был открыт после избрания в 1925 году на пост президента Германии фельдмаршала фон Гинденбурга, последнего главнокомандующего старой имперской армией, и последующей отставки фон Сеекта в 1926 году. Инициативу в этом взяла на себя влиятельная группа офицеров младшего поколения, служащих в министерстве обороны. Они руководствовались не республиканскими устремлениями, а пониманием того, что их профессиональные обязанности

могут быть выполнены только в тесном сотрудничестве как в Пруссии, так и во всем Рейхе. Их планы предусматривали создание нового типа армии, состоящей из двадцати одной пехотной и пяти кавалерийских дивизий (Версальский договор разрешал, соответственно, только семь и три таких дивизии). Предусматривалось оснащение этих дивизий (и военно-воздушных сил) наиболее современными вооружениями, которые были почти полностью запрещены договором, предусматривалось также проведение секретных программ перевооружения и обучения в Советском Союзе.

Инициаторами этих новых отношений были Вильгельм Грёнер, первый генерал, ставший министром обороны, и Курт фон Шлейхер, назначенный руководителем нового подразделения, курировавшего все политические вопросы, затрагивающие армию и флот. Генерал Грёнер занял место Людендорфа на посту заместителя главнокомандующего в последние дни первой мировой войны. Он продемонстрировал свой реализм, заявив кайзеру, что армия его больше не поддерживает (в то время фон Гинденбург хранил молчание). Затем он заключил соглашение с Эбертом, новым канцлером-социалистом, и взял на себя ответственность, заявив республиканскому правительству, что Германия не может продолжать войну и должна подписать Версальский договор. Фон Шлейхер, который был майором у него в штабе в 1918—1920 годах убедил фон Гинденбурга назначить шестидесятилетнего генерала министром обороны.

Фон Шлейхер, умный и уверенный в себе человек, отличался обаятельностью и страстью к политическим интригам (его называли «кардиналом цвета хаки»), он вошел в доверие не только к Грёнеру, но и — благодаря своей службе с Оскаром фон Гинденбургом (с которым он служил в третьем пехотном гвардейском полку, где начал службу фон Гинденбург) — отца Оскара, президента Германии. В очень скором времени не проходило и дня без того, чтобы не поступало запросов из президентского дворца на консультацию к фон Шлейхеру. Несмотря на все усилия Грёнера, однако, недоверие с обеих сторон (в особенности среди социал-демократов) было слишком глубоким, чтобы сделать успешной совместную работу. Грёнер вскоре был разочарован слабостью коалиционного правительства, в котором участники пытались обойти друг друга, и к декабрю 1929 года он и фон Шлейхер начали искать другие пути достижения политической стабильности и поддержки, при которой Рейхсвер мог бы выполнить свою программу перевооружения.

Эти поиски оказались решающим фактором в создании условий для получения власти Гитлером. До этого было еще далеко, однако, задолго до 1933 года изменение отношения со стороны армии к Гитлеру произвело сильное воздействие,

способствующее замене парламентского способа правления на президентское — четвертый фактор, действовавший на пользу Гитлеру. Среди советников президента фон Шлейхер проявлял наибольшую активность в разработке плана назначения канцлера, который, опираясь на чрезвычайные полномочия президента, смог бы обеспечить то, в чем более всего нуждалось государство и Рейхсвер — сильное правительство, способное проводить политику с дальним прицелом и не зависящее от милости партийных вождей.

Последовало назначение Брюннинга, результаты которого были описаны выше — его решение распустить рейхстаг, привело только к поражению на выборах, последовавших в сентябре 1930 года.

Не следует, однако, делать скоропалительные выводы из неожиданно успешных результатов, полученных Гитлером на выборах 1930 года, и утверждать, что они сделали неизбежной его окончательную победу. Следует рассмотреть и другие возможности развития событий.

После выборов 107 нацистских депутатов, поддержанные 41 депутатом от националистов, руководимыми Гугенбергом, и 77 коммунистами, немедленно превратили Рейхстаг в балаган, в котором стало невозможно проводить серьезную работу. Однако оппозиция перестаралась. Социал-демократы согласились создать большинство, которое смогло изменить правила заседаний в Рейхстаге и восстановить порядок на них (февраль 1931 года). Та же самая комбинация сил, объединяющая широкий спектр политиков от умеренно левых (СПД), до умеренно правых (народные консерваторы, которые откололись от Гугенберга и ДНВП); могла быть использована для предотвращения вынесения вотума недоверия правительству и обеспечения большинства в Рейхстаге, требуемого для восстановления парламентского правления. Однако Брюннинг и приближенные к президенту не были заинтересованы в таком объединении; они прибегли к большинству, полученному таким образом только для заключения соглашения о временном прекращении работы Рейхстага, что было дальнейшим шагом на пути преобразования парламентского правления в президентское.

Другой возможный подход был предложен Отто Брауну, премьер-министром Пруссии, членом СПД. Он состоял в объединении Прусского и федерального правительств, что позволило бы устранить угрозу политического экстремизма не только для демократии в Германии вообще, но и для будущей стабильности конституционного правления. Одним из парадоксов периода Веймарской республики было то, что, в отличие от федерального правительства, которое постоянно сталкивалось с кризисами коалиций, прусское

правительство отличалось своей стабильностью и прогрессивными действиями на основе сотрудничества между социал-демократами и центристской партией. Браун, бывший крестьянин из восточной Пруссии, был премьер-министром с 1920 по 1932 год с двумя короткими перерывами на несколько месяцев.

Прусское правительство уже проявило инициативу в подавлении нацистского экстремизма. Оно запретило митинги и парады, проводимые не в помещениях, ношение формы СА, и издало закон, согласно которому членство в НСДАП и КПД было несовместимо с государственной службой или выборной должностью в Пруссии. Прусский министр внутренних дел Гржезинский имел в своем распоряжении полицию, состоящую из 180 тысяч служащих, 80 тысяч из которых были на казарменном положении, вооружены и снабжены хорошими транспортными средствами. Нацисты бешено нападали на него, требуя его отставки, но он отказывался подчиниться им. Отто Браун назначил Гржезинского на должность полиции-президента Берлина после нападения на еврейские магазины в день открытия нового Рейхстага. Газета «Франкфуртер Цайтунг» писала: «Господин Браун знает, как править Пруссией». Гржезинский же сказал: «Необходимо быть твердым, твердым как сталь». Он скоро показал, что он имел в виду.

В ноябре 1931 года Браун вновь выдвинул предложение о слиянии правительств Пруссии и Германии, предлагая подать в отставку с тем, чтобы Брюннинг совместил посты рейхсканцлера и прусского премьер-министра. В своих мемуарах, написанных после войны, Брюннинг отметил, что это предложение «было очень важным...» Все события 1932 года [включая его собственную отставку] можно было бы предотвратить». Однако в тот момент он ничего не сделал, чтобы поддержать это или предыдущее предложение Брауна. Если бы даже он что-либо сделал, такие действия почти наверняка были бы отвергнуты фон Гинденбургом, Грёнером и фон Шлейхером. В Германии давно обсуждалось объединение правительства с прусским правительством, однако это, или же попытка создать большинство в Рейхстаге, означали бы сотрудничество с СПД, которая до сих пор была самой большой партией, но которую правые рассматривали как олицетворение всего того, что они больше всего презирали в Веймарской республике. Когда Грёнер и фон Шлейхер попытались добиться примирения с Республикой, они потерпели поражение именно из-за враждебности правых сил, а также скептицизма социал-демократов, сомневающихся в возможности существенных изменений в отношении германского офицерства и юнкерского класса (помещиков), на которых базировались правые силы. На этом для армии окончились любые попытки «открыть левый фланг».

Между тем, к осени 1930 года ни Грёнер, ни фон Шлейхер не были еще готовы согласиться с тем, что для них единственным возможным союзником оставались нацисты. Грёнер отдал приказ об аресте и об отдании под суд за измену трех лейтенантов, которые вели агитацию за национал-социализм в армии. В октябре 1930 года на совещании командиров дивизий Грёнер и фон Шлейхер отметили ту критику, которой они подверглись в армии из-за этого суда. Националистическая пропаганда и успехи нацистов на выборах произвели, однако, громадное впечатление на армию. Часто цитируются слова немецких офицеров, которые сказали британскому военному атташе во время осенних маневров: «Молодежное движение нельзя остановить».

В течение 1931 года фон Шлейхер изменил свое мнение еще до того, как это сделал Грёнер. После того, как Рём вновь занял пост руководителя СА, он связался с фон Шлейхером, и указал на то, что Гитлер избавился от Штенса и наиболее революционных элементов в СА. Гитлер, а также и Рём, посетили фон Шлейхера, Грёнера и генерала фон Хаммерштейн-Экуорта, командующего армией, и фон Шлейхер начал рассматривать возможность «приручения» национал-социалистов, путем возложения на них частично ответственности за непопулярные меры, что было на этот раз частью плана «открытия радикально правого фланга».

Правительство нуждалось в усилении поддержки еще и потому, что Брюннинг терпел неудачи в решении экономических проблем, созданных депрессией. Его основной задачей было прекращение выплаты репараций. Он считал, что для этого необходимо было продемонстрировать странам-победительницам стремление Германии исправить экономическое положение путем уменьшения бюджетных расходов и увеличения налогов для балансирования бюджета. Брюннинг был убежден, что эта политика была правильной, и сознавал, что она будет непопулярной. Немцы, однако, не верили в это и дали ему прозвище «канцлер голода».

Через полтора года после вступления в должность осенью 1931 года, Брюннинг не мог предложить ничего нового, и в то же время его внешняя политика потерпела большие неудачи. Его министр иностранных дел, Куртиус, выдвинул предложение о создании австро-германского таможенного союза, что вызвало недовольство в Париже, и французские финансовые круги начали борьбу за отмену этого плана. Ведущий австрийский банк, Кредитанштальт, был вынужден закрыться, и иностранный капитал начал утекать также и из Германии, что привело к финансовой панике и закрытию основных германских банков на три недели летом 1931 года. Немецкое правительство потерпело унизительное поражение и 3 сентября 1931 года объявило об отказе от этого плана. Предложенное дальнейшее сокра-

щение доходов населения вызвало резкие нападки на политику канцлера как со стороны правых, так и левых радикалов.

Фон Шлейхер уже заранее предвидел необходимость укрепить правительство фон Брюннинга. Он воспользовался отставкой министра иностранных дел в октябре для того, чтобы избавиться одновременно от министра внутренних дел, Вирта, которого ненавидели правые радикалы с тем, чтобы назначить на его место Грёнера, который был уже министром обороны. Менее успешными, однако, были его попытки получить активную поддержку нацистов и националистов, руководимых Гугенбергом.

Когда Гитлер получил телеграмму от Брюннинга с приглашением на встречу, он воскликнул, размахивая телеграммой перед своими товарищами: «Сейчас они у меня в кармане! Они признают меня равным партнером на переговорах». Его торжество было преждевременным. Осень 1931 года была плохим временем для Гитлера. В сентябре его племянница Гели Раубаль, в которую он был влюблен, покончила жизнь самоубийством, что было вызвано его ревнивым отношением к ней (смотри ниже стр. 468). На встрече с Брюннингом, а затем с Гинденбургом, (10 октября) Гитлер нервничал и перегнул палку, начав длинный монолог, который произвел плохое впечатление как на канцлера, так и на президента. Источники из президентского дворца специально распустили слухи, что фон Гинденбург решил, что «этот капрал странного парня, который мог бы стать министром почт, но уж, конечно, не канцлером».

На следующий день Гитлер должен был выступать в Бад Гарцбурге, на собрании ведущих консервативных деятелей, организованном Гугенбергом (включая Шахта, генерала фон Сеекта, всех правых политиков и двух принцев из династии Гогенцоллернов) при участии Стального Шлема и СА. Целью собрания была демонстрация силы объединенной «национальной оппозиции» и выдвижение требований об отставке Брюннинга и правительства Отто Брауна, а также новых выборов во всей Германии и в Пруссии.

Гитлер был в ужасном настроении, его подавляло обилие фраков, цилиндров, офицерских мундиров, аристократических титулов — парад всех сил реакции, — среди которых великий народный трибун чувствовал себя потерянным. Стальной Шлем был представлен значительно большим числом гостей, чем СА, и ему пришлось разделить место на сцене с вождем Стального Шлема Зельдте и Гугенбергом. Гитлер наскоро прочитал свою речь и отбыл еще до начала марша Стального Шлема. Объединенная «национальная оппозиция» развалилась еще до своего создания и ее участники продолжали резко обвинять друг друга до конца этого года.

В то же время, Брюннинг произвел гораздо лучшее впечатление, чем ожидалось, выступив перед Рейхстагом в защиту своей политики 13 октября. Он получил поддержку СПД и центра и за доверие правительству проголосовало большинство в 25 депутатов. В бессильном гневе Гитлер написал резкое письмо Брюннингу и на следующий день после голосования в Рейхстаге нацисты провели гигантское факельное шествие в Брауншвейге. Перед Гитлером промаршировало свыше 100 000 штурмовиков и эсэсовцев, привезенных туда на 38 специально заказанных поездах и 5000 грузовиках. Никто другой в Германии не смог бы организовать такое представление — в то время, когда другие политики говорили о необходимости народной поддержки, Гитлер мог утверждать, что он ее уже получил. Тем временем, он был так же далек от власти, как и год назад.

IV

Прошло еще 15 месяцев, от октября 1931 года до конца января 1933 года прежде, чем Гитлер смог добраться до власти. Его главными занятиями в эти 15 месяцев были выборы и переговоры. В течение 1932 года было проведено пять выборов — два раза избирался президент, два раза избирались депутаты Рейхстага, и в апреле 1932 года проходили выборы в законодательные собрания, наиболее важными из которых были Прусский и Баварский парламенты. Переговоры же беспрестанно то прерывались, то возобновлялись, их течение было непредсказуемо и результаты определялись только в самый последний день.

Для Гитлера выборы и переговоры лежали в основе двух альтернативных тактических подходов, но он никогда не разделял их полностью, так как результаты выборов, даже если они не были решающими, изменяли баланс сил на переговорах. Тем не менее они олицетворяли два различных способа получения власти. Первый подход состоял в получении партнерства в правой коалиции, расширении нацистского влияния во всех социальных группах (как они это сделали в крестьянских объединениях) и использовании любой возможности для расширения своего участия в правительстве, как в землях, так и в рейхе, с целью захвата власти изнутри. Второй тактический подход состоял в независимых действиях с целью получения подавляющего большинства голосов на выборах.

Положение, между тем, было гораздо более сложным, так как в игре принимали участие актеры с различными, и в некоторых случаях противоположными, интересами. Тем не менее, никто из участников переговоров — ни фон Гинденбург, ни фон Шлейхер, ни Грёнер, ни фон Папен, ни Гугенберг, ни даже Брюннинг — не видели в Гитлере и на-

цистском движении той угрозы, которую, как это очевидно сейчас, они должны были бы немедленно распознать. Они соглашались с многими утверждениями Гитлера — с его нападениями на «систему», его критикой демократической политики и марксистских партий, его призывами к национальному единству, его требованиями о непризнании мирных соглашений, включая репарации, и восстановлении величия Германии и ее военной мощи. Главнокомандующий армией, генерал фон Хаммерштейн, сказал после четырехчасовых переговоров с Гитлером, что Гитлер, в действительности, хочет того же, что и Рейхсвер, но «слишком быстро».

Ни президент, ни правительство не чувствовали необходимости защищать Веймарскую политическую систему, которая, на их взгляд, не смогла обеспечить устойчивое правление, требуемое для выхода из кризиса и возрождения Германии. Они готовились к переходу от чрезвычайного президентского правления в течение ограниченного периода, когда действие парламентарной конституции было приостановлено только на определенный промежуток времени, к какой-то постоянной форме президентского правления, не слишком отличающейся от бывшей монархии, в которой президент занял бы место кайзера. С этой точки зрения национал-социалисты выглядели не как угроза, от которой следовало избавиться, даже если это было бы возможным, но как мощный союзник, если бы их можно было убедить присоединиться к другим правым силам для поддержки общей программы.

Правящей элите не нравились некоторые стороны нацистского движения — насилие СА, вульгарность партийной пропаганды, ее неприкрытый антисемитизм, упор на антикапиталистические идеи. Они постарались убедить себя, однако, что грубость и насилие следовало рассматривать как неотъемлемую часть нацистского влияния на массы и их способности организовать народную поддержку, которые, по их мнению, были громадным достоинством Гитлера и являлись необходимым условием его участия в авторитарном режиме. Разве не заявлял Гитлер под присягой, которую он всегда был рад подтвердить, что он будет уважать «законность», разве не заверял он, что никогда не допустит даже мысли о том, чтобы СА заменило армию или вмешалось в ее дела, а также, что он не допустит никакого вмешательства в права собственников?

В январе 1932 года после разговора с Гитлером многоопытный Грёнер подтвердил фон Шлейхеру, что Гитлер «полон решимости искоренить революционные идеи». В официальном документе отражено следующее мнение Грёнера о Гитлере:

«Производит приятное впечатление, скромный, достойный человек, который стремится к лучшему. По поведению

типичный педант, стремящийся к самообразованию... Министр четко заявил, что он будет поддерживать законную деятельность Гитлера всеми доступными способами, но что нацистские зачинщики беспорядков будут преследоваться как и прежде...

Гитлер имеет хорошие цели и намерения, однако он энтузиаст, пылкий и многосторонний. Министр полностью поддержал его намерения, направленные на службу рейху, министр также указал [правительствам] земель в самой твердой форме, требуя справедливого отношения к нацистам — следует противодействовать экстремистским действиям, а не движению как таковому».

Время от времени Грёнера посещали сомнения в том, насколько можно доверять нацистам. Однако он всегда позволял фон Шлейхеру уговорить себя и убедить себя в том, что Гитлеру никто не позволит стать канцлером или президентом, что, как и все другие лидеры оппозиции, заняв пост в правительстве Гитлер позволит «управлять» собой, его можно будет «приручить» и удержать от радикальных действий под влиянием партнеров по коалиции.

Позже Грёнер сознался своему другу, историку Фридриху Мёнике: «Нам следовало бы подавить их силой». Однако, когда Грёнер, наконец, решился запретить СА в апреле 1932 года, первоначально при сильной поддержке фон Шлейхера, он получил удар в спину и был смещен фон Шлейхером во имя защиты интересов армии. Такое отношение к Грёнеру продемонстрировало Гитлеру как легко распадалось единство его противников под напором извне. После Грёнера пришел черед Брюннинга, затем фон Папена и, наконец, фон Шлейхера. Каждый раз в выигрыше оказывался Гитлер.

Круги, которые управляли доступом к власти, сделали ошибку не в том, что они недооценили враждебность к демократической Веймарской республике со стороны Гитлера — это они считали достоинством Гитлера — а ту опасность, которую он нес для консервативной авторитарной прусской традиции, к восстановлению которой они стремились. Несмотря на действия нацистов в избирательных кампаниях и организованное насилие с их стороны, правящие круги не смогли оценить поступательного характера движения, созданного Гитлером. Они не осознавали, как далеко был готов пойти тот человек, которого они считали взбалмошным демагогом, чтобы достигнуть своих целей и какие разрушительные силы он высвободит при этом. Наряду с камуфляжем, мастерами которого были Гитлер и Сталин, недооценка их другими участниками политической игры была важнейшим фактором, способствующим их победе.

В начале 1932 года Гитлеру представилась первая возможность сделать выбор между процессом переговоров и

избирательным процессом. В мае фон Гинденбург должен был уйти в отставку. Группа советников президента меньше всего хотела, чтобы кто-то сменил его на этом посту. Гинденбургу было 84 года и он неохотно соглашался остаться на посту, в особенности, если это означало участие в выборах. Поэтому Брюннинг попытался продлить полномочия президента на один или два года просто путем проведения голосования за доверие президенту в Рейхстаге.

Хотя Гитлер продолжал резко нападать на Брюннинга с упреками в разрушительных последствиях его политики, канцлер считал, что Гитлер мог бы согласиться с таким предложением и избежать проверки своего мифа в соревновании с фельдмаршалом, рассматриваемым миллионами немцев как символ постоянства в беспорядочном мире. Гитлер проявил несомненную заинтересованность и принял участие в переговорах с Грёнером, фон Шлейхером и самим Брюннингом.

Гитлер требовал ответа только на один вопрос: что он получит после этого? По всей видимости, ему ответили — ничего. Тогда последовал другой вопрос: был ли Гитлер готов к открытому соревнованию с президентом?

Мнение нацистов на эту тему резко разделились. Грегор Штрассер считал, что фон Гинденбурга победить нельзя и что Гитлер не должен бросать ему вызов. Это согласовывалось с тем, что Штрассер утверждал в течение всего 1932 года. Он был за переговоры, а не за борьбу на выборах, за создание коалиции с другими партиями (например, центристами) на местном и на общегерманском уровне, и за распространение влияния на различные социальные группы. Таким образом нацисты могли постепенно захватить власть, не подвергаясь риску поражения в открытой борьбе.

Основным оппонентом Штрассера был Геббельс, который участвовал в выдвижении кандидатуры Гитлера на выборах в расчете на то (как видно из его дневника), что избирательная кампания выдвинет его, руководителя управления пропаганды, на первое место среди помощников Гитлера. Принятие тактики переговоров и участие в коалициях, усилило бы влияние Штрассера, как руководителя организационного управления партии. Больше всего поддерживали Геббельса Геринг и Рём. Геринг не имел влияния в партии и мог занять видное положение только если Гитлер пришел бы к власти и сделал его министром, в то время как Рём нуждался в бурной деятельности, связанной с избирательной кампанией для того, чтобы дать выход энергии штурмовиков.

В течение месяца Гитлер не мог принять решения. Это был типичный для него период неопределенности перед принятием важных решений. Только 22 февраля, когда до выборов оставалось не более трех недель, он был готов

сказать «да». Затем он поспешно принял немецкое гражданство путем получения временного назначения на низкую административную должность, сделанного нацистским министром внутренних дел в малозначительной земле Брауншвейг. Геббельс уже занимался планированием избирательной кампании и его основной заботой были деньги. Он писал в своем дневнике: «Денег не хватает всюду. Никто не дает нам в долг. Когда у тебя есть власть, ты можешь получить сколько угодно денег, но тогда они тебе уже не нужны. А если у тебя нет власти, тебе нужны деньги, но ты не можешь их получить».

Геббельсу, наконец, удалось достать деньги, требуемые для планирования избирательной кампании, какой никогда не видала Германия, да и любая другая европейская страна. Он записал в своем дневнике около 4 февраля 1932 года: «Направления избирательной кампании полностью определены. Сейчас нам надо только нажать кнопку, чтобы запустить машину в ход». Он основывался на успехе выборов 1930 года, а с тех пор число членов партии увеличилось почти в три раза до, примерно, 450 000. Партийная организация достигала теперь каждой немецкой деревни (число штатных работников в территориальных организациях было не менее, чем 1000 человек), и масштабы демонстрации в Брауншвейге показали, на что партия была способна. Телевидения тогда не было, радио было недоступно для нацистов, но стены каждого города Германии были оклеены нацистскими плакатами и везде показывались фильмы о Гитлере и Геббельсе (что было новинкой в 1932 году). Как и в 1930 году, стратегия избирательной кампании Гитлера-Геббельса состояла в массивной пропагандистской кампании в каждом немецком районе, нацеленной на отдельные социальные и экономические группы. Здесь проявила свое влияние хорошая организация местных отделений партии.

В дополнение к нацистской прессе и миллионам листовок и, благодаря уверенности Гитлера в преимуществе устного слова, основное внимание было сконцентрировано на организации нескольких тысяч демонстраций, сопровождавшихся парадами штурмовиков. На самых больших из этих демонстраций основные ораторы партии возбуждали своих сторонников, обращаясь к ним с самыми разнузданными призывами. В своих яростных нападках на «Систему» они не щадили даже самого президента. Между 22 февраля и 12 марта Геббельс произнес 19 речей в Берлине (включая 4 речи в громадном спортивном зале) и выступал перед массовыми собраниями в 9 других городах, возвращаясь в Берлин ночью для руководства работой пропагандистской машины партии.

Гитлер стоял в центре избирательной кампании даже

в большей степени, чем в 1930 году. На этот раз перед избирателями было не множество кандидатов, многие из которых были мало известны и которых надо было выбирать в Рейхстаг или в один из парламентов земель. Перед ними был единственный кандидат, сам Фюрер, олицетворение нацистского движения, призывающий своих сторонников выбрать его на самую высокую должность в государстве. Его выступления вызывали приступы истерического энтузиазма. На митинге в Бреслау он обратился к 60 000 участников, в других городах собирались еще большие толпы. К моменту выборов 13 марта нацистская партия, — как рядовые члены, — так и вожди, убедилась в том, что она была на пороге получения власти, что Гитлер получит должность президента Германии и сможет использовать чрезвычайные полномочия президента для проведения «легальной» революции.

Результаты выборов потрясли их. Нацистская партия в ходе избирательной кампании увеличила число голосов, поданных за нее, с шести с половиной миллионов в сентябре 1930 года до одиннадцати с половиной миллионов, то есть до 30 % общего числа голосов при рекордном числе участвовавших в голосовании. Однако, это число все-таки было на семь миллионов меньше, чем число голосов, поданных за фон Гинденбурга, который получил 46,6 %. Решающим фактором послужило понимание социал-демократами, профсоюзами и католической центристской партией, что для них было лучше не выдвигать своих кандидатов, а голодовать за меньшее зло, за президента, который был протестантом, пруссаком и монархистом, презирающим социальную демократию и республику. Каково бы ни было объяснение, результатом выборов было поражение нацистов и Геббельс был в отчаянии.

Число голосов, поданных за фон Гинденбурга, было, однако, на 200 000 меньше требуемого абсолютного большинства. Следовательно, должны были быть проведены вторые выборы. На этот раз Гитлер не колебался. После объявления результатов выборов, он заявил, что он будет кандидатом на новых выборах и следующей ночью после голосования были напечатаны специальные выпуски «Фёлькише Беобахтер» с новым предвыборным манифестом:

«Первая избирательная кампания окончена, вторая началась сегодня, я выиграю ее».

Правительство ограничило проведение второй избирательной кампании одной неделей, в надежде предотвратить насильственные действия в период пасхи. Чтобы успеть сделать как можно больше, Гитлер зафрахтовал самолет и посетил за эту неделю 21 город, в каждом из которых он принимал участие в четырех или пяти демонстрациях. В до-

полнение к практическому удобству такая новинка, как использование авиации, произвела необычное психологическое впечатление, в особенности, когда сильная гроза прервала все полеты, но Гитлер настоял на полете в Дюссельдорф, чтобы успеть на запланированный митинг. Нацистская пресса, захлебываясь от восторга, утверждала, что это был человек, в котором нуждалась Германия — спаситель страны, спускающийся с небес. Лозунг «Гитлер над Германией» был особенно успешным благодаря своему двойному смыслу. Увлеченный силой убеждения своего собственного мифа, Гитлер заявил, что он ощущал себя орудием Бога, избранным для освобождения Германии. Никто не сомневался, что он проиграет, но в отличие от националистов, которые не выдвинули кандидатов, и коммунистов, чья поддержка уменьшилась на миллион голосов, убежденность Гитлера превратила его поражение в триумф, при котором число голосов, поданных за нацистов, увеличилось более, чем на два миллиона. Фон Гинденбург победил на выборах с достаточным большинством, но основной сенсацией был успех нацистов, которые более, чем в два раза увеличили число голосов, поданных за них по сравнению с 1930 годом (13,4 миллиона и 6,5 миллиона). Гитлер немедленно приказал готовиться к выборам в землях, которые должны были проходить через две недели. В них должны были участвовать четыре пятых всего населения Германии и на них представлялась возможность отобрать власть у коалиции социал-демократов и центристов в Пруссии, последнего оплота сил Веймарской республики. «У нас нет времени на передышку», — воскликнул Геббельс.

К этому моменту, однако, правила игры были изменены. Зимой 1931—32 годов произошло резкое увеличение насильственных действий, значительная часть которых, особенно в больших городах, таких как Берлин или Гамбург, происходила в форме уличных боев между бандами нацистов и коммунистов. Постоянно появлялись новые свидетельства о планировании нацистами захвата власти, в особенности с тех пор, как полиция Франкфурта захватила секретные планы (известные под названием документов Боксгейма), подготовленные местными нацистскими руководителями в Гессене. В них описывались приготовления к нацистскому перевороту после коммунистического восстания. Они включали в себя проекты указов о немедленной казни всех сопротивляющихся, отказывающихся сотрудничать с нацистами или пойманных с оружием в руках. Документы были получены в ноябре 1931 года, они вызвали сенсацию и Гитлер был вынужден отрицать свое знакомство с этими планами (вероятно искренне). Правительство, однако, не приняло никаких мер против нацистов, уличенных в разработке этих планов. В дальнейшем прусская полиция

обнаружила копии приказов Рёма и специальные карты, которые подтверждали сообщения о подготовке СА и СС к перевороту в случае победы Гитлера на президентских выборах. В других перехваченных приказах местные СА в Померании получили указание не участвовать в защите границы в случае неожиданного польского нападения.

В результате правительства земель по инициативе Пруссии и Баварии предъявили ультиматум правительству Германии — если оно не примет меры по разгону СА и СС, то они будут предпринимать такие действия самостоятельно.

Грёнер, который был министром внутренних дел и министром обороны, немедленно после вторых президентских выборов издал такое распоряжение в расчете на то, что его поддержат фон Шлейхер и армия. По словам Рёма у него в подчинении было в четыре раза больше штурмовиков, чем численность немецкой армии, разрешенная ей Версальским договором, и в начале Рём решил сопротивляться правительству. Гитлер, однако, настоял на подчинении правительству, считая, что, если СА выполняют распоряжение и штурмовики снимут коричневые рубашки, они останутся простыми членами партии, а организация будет сохранена. Гитлер заявил, что Брюннинг и Грёнер получают отпор на выборах в Пруссии.

На этот раз он ошибся. Вновь используя самолет, Гитлер выступил в двадцати пяти городах за восемь дней. «Вся наша жизнь», — писал Геббельс, — «это лихорадочная погоня за успехом и властью». Власть все еще ускользала от нацистов. На выборах в Пруссии нацисты получили вновь 36 % голосов, как и на вторых президентских выборах. Этого было достаточно, чтобы лишить большинства коалицию социал-демократов и центристов, долго находившуюся у власти, но недостаточно для того, чтобы нацисты смогли сформировать прусское правительство, даже при поддержке националистов Гугенберга. В землях Бавария и Вюртемберг нацисты получили еще меньшую поддержку. После проведения трех изнурительных избирательных кампаний даже Геббельс почувствовал, что необходима передышка. Он саркастически заметил в дневнике: «Эти избирательные успехи нас погубят».

Тем не менее, Гитлер был далек от отчаяния. Он получил информацию, которая позволила ему легче примириться с приказом Грёнера. Теперь, когда фон Гинденбург был вновь утвержден на посту президента, фон Шлейхер мог выполнить свой план по смещению Брюннинга и продвижению к установлению президентского правления, независимого от большинства голосов в Рейхстаге. Неотъемлемой частью его плана было получение помощи Гитлера и нацистов, и он использовал все свои таланты интригана для того,

чтобы не допустить выполнение приказа Грёнера о запрете СА и распускать слухи против него.

Таким образом, фон Шлейхер не только предал лично Грёнера, несмотря на то, что последний относился к нему как к сыну и полностью доверял ему, он также отказался от своего прежнего мнения, так как он посоветовал Грёнеру ввести этот запрет. На секретных встречах между Гитлером и фон Шлейхером (проходивших дважды 26 апреля и 17 мая) фон Шлейхер дал понять, что смещение Грёнера было первым шагом к смещению Брюннинга. Хотя Шлейхер сам выдвинул в начале этих двух политиков, сейчас они были больше ему не нужны и даже мешали. «Все идет хорошо...» — писал Геббельс в своем дневнике — «замечательно, что никто ничего не подозревает. Сам Брюннинг меньше всего».

После унижительной сцены в Рейхстаге, когда нацисты издевались над Грёнером и согнали его с трибуны, он обратился за поддержкой к фон Гинденбургу и, не получив ее, подал в отставку 12 мая. То же самое произошло с Брюннингом. Благодаря своей политике, у него были и другие враги среди правых, помимо Гитлера. Планируемый закон о передаче под заселение участков земли в восточной Германии, владельцы которых объявили банкротство, вызвал яростные протесты могущественных землевладельцев- Junkеров, благодаря которым фон Гинденбург получил в подарок поместье в Нойедеке. Они осудили предложение Брюннинга как «аграрный большевизм». Вернувшись из не случайно организованной поездки в свое имение после отставки Грёнера, фон Гинденбург отказался подписать указ и сказал Брюннингу, что если тот захочет вновь увидеть его, то он должен принести с собой прошение об отставке. Когда Брюннинг принес прошение отставка была принята немедленно. Геббельс записал в своем дневнике: «Генерал фон Шлейхер сообщил нам, что все идет согласно плану».

Падение Брюннинга ознаменовало следующий этап в распаде Веймарской республики. Какой бы непродуманной не была его политика и как бы низки не были его популярность и политическое мастерство, он сделал честную попытку решить проблемы Германии. Пока правительство Брюннинга оставалось у власти при неявной поддержке социал-демократов и центристов в Рейхстаге, традиции ответственного руководства страной еще не полностью были потеряны для Германии. От этих традиций отказались, когда фон Папен был назначен приемником Брюннинга, и когда фон Гинденбург заявил с облегчением, что время республиканских министров прошло.

По всей видимости целью фон Шлейхера было уничтожение последних слоев демократического правления и замена его авторитарным правительством высших классов, состоя-

щим, в основном, из представителей старой аристократии. Общее недоумение вызвало назначение фон Папена, о котором французский посол сообщил, что он «не воспринимался всерьез ни его друзьями, ни его врагами». Этот бывший кавалерийский офицер смог спасти себя от казни при гитлеровском режиме в 1934 году и сумел отговориться от тюремного заключения на Нюрнбергском процессе в 1946 году. Благодаря своему шарму прирожденного придворного, он быстро завоевал доверие президента, однако, от него резко отказалась его собственная центристская партия и националисты Гугенберга так, что политической поддержки у него нет вообще. Фон Шлейхер смотрел на него, как на своего ставленника, которому можно будет приказывать. Когда друзья фон Шлейхера заявили, что у фон Папена нет головы, генерал ответил: «Мне не нужна голова, мне нужна шляпа». Фон Шлейхер занял место Грёнера в министерстве обороны, и ему было достаточно своей головы.

Гитлер не собирался участвовать в таком старомодном представлении. Он согласился только не возражать против нового правительства, в обмен на снятие запрета на СА и назначение новых выборов. Даже после разочарований, полученных на трех выборах, проведенных на протяжении менее трех месяцев, Гитлер проводил переговоры не для получения власти, а для обеспечения еще одной возможности предвыборной борьбы — только она могла дать ему то, что он хотел — всю полноту власти на условиях, поставленных им самим.

Рейхстаг был распущен 4 июня, запрет на СА был отменен 16 июня, а выборы были назначены на 30 июля. Фон Папен и фон Шлейхер, однако, не смогли получить в обмен никаких обещаний поддержки со стороны Гитлера после проведения выборов. Они получили взамен демонстрацию того, что могло сделать СА при отсутствии контроля над ним. Коммунистический вождь Тельман заявил, что отмена запрета была открытым приглашением к убийству. Яростные уличные схватки создали в стране атмосферу гражданской войны. В течение пяти недель до 29 июля в Пруссии произошло почти 500 таких стычек, в которых погибло 99 человек и 1125 было серьезно ранено. В ответ новый министр внутренних дел фон Гейл осудил прусскую полицию за одностороннее вмешательство, за то, что она не принимала должных мер против коммунистов и была слишком строга к нацистам. Такая реакция министерства должна была создать условия для важнейшего переворота, проведенного фон Папеном — провозглашения чрезвычайного положения в Пруссии и назначения рейхскомиссара взамен прусского правительства, созданного коалицией СПД и центристов.

Предлогом для этого были особенно серьезные бои в

Гамбурге-Альтоне. Семь тысяч нацистов промаршировали через рабочие кварталы и спровоцировали баррикадные бои с коммунистами на улицах, в которых погибло 17 человек и многие были ранены. Через три дня, 20 июля, фон Папен сместил правительство Пруссии. Действия фон Папена, основанные на чрезвычайных полномочиях президента согласно статье 48 Конституции, можно было оспорить юридически. В 1920 году социал-демократы и профсоюзы победили путч, организованный Каппом, объявив всеобщую забастовку. На этот раз они отказались от подобных действий, хотя и обсудили их возможность. Общественное мнение в Германии было потрясено тем фактом, что Пруссия, опорная база социал-демократов на протяжении всего периода Веймарской республики, обладающая самой сильной полицией в Германии, сдалась без сопротивления. Руководство Пруссии было измотано, и их уверенность в своих силах была подорвана длительной борьбой на два фронта против как правых, так и левых экстремистов и нацистов.

Переворот в «красной Пруссии», которого давно желали нацисты, приветствовали как предвестника победы на выборах в Рейхстаг, которые происходили через десять дней 31 июля 1932 года. После административного переустройства партии, проведенного Грегором Штрассером в течение лета, партия была особенно хорошо подготовлена к выборам, а ее деятельность не сдерживалась теперь никакими внешними ограничениями. Кандидаты на выборах, выдвинутые партией, были обязаны привести личную клятву верности Гитлеру, так как ему было «необходимо их слепое повиновение». В четвертый раз за пять месяцев был запущен хорошо разработанный механизм нацистского балагана. Гитлер опять взмыл в небеса. На протяжении своего третьего «полета над Германией», он выступил почти в 50 городах во второй половине июля, каждый раз возбуждая и разделяя религиозный фанатизм толпы. Задержка из-за плохой погоды не позволила ему прилететь в Штральзунд ранее двух с половиной часов ночи и многотысячная толпа ожидала его под проливным дождем. Когда он закончил свою речь, толпа приветствовала утреннюю зарю пением старого гимна «Германия превыше всего». Основной темой его речей, повторяемой множество раз, было то, что после двух лет экономической депрессии и массовой безработицы, с которыми ничего не могло поделать правительство, необходимы были коренные изменения. Только одна партия обладала силой и полной решимостью произвести эти изменения.

Когда результаты выборов были объявлены, стало ясно, что нацисты стали самой большой партией в Германии, число голосов, поданных за них, было в два раза больше, чем в 1930 году и составляло 13 миллионов 745 тысяч. Они

получили 230 мест в Рейхстаге и за четыре года число голосов, поданных за них, увеличилось на 13 миллионов. На втором месте, но далеко позади, были социал-демократы, получившие менее 8 миллионов голосов, коммунисты получили пять с четвертью миллиона, а центристы четыре с половиной миллиона голосов.

V

В очередной раз нацисты одержали замечательную победу, но не получили подавляющего большинства голосов, к которому стремился Гитлер. Анализ результатов указывает, что нацисты почти не улучшили свои показатели по сравнению с данными вторых президентских выборов (36,7 %), выборов в Пруссии (36,3 %) и выборов в Рейхстаг (37,3 %). Как и ранее, они получили наибольшую поддержку в сельскохозяйственных районах севера и востока Германии — 51 % в Шлезвиг — Гольштейне и 47,1 % в Восточной Пруссии. Число голосов, поданных за них в промышленно развитых и южных районах Германии, было гораздо ниже среднего — между 20 % и 30 %. Британский посол проанализировал общее состояние дел в следующих словах:

«Гитлер, по-видимому, истощил свои ресурсы. Он поглотил маленькие буржуазные партии правых сил, но нет никаких данных, что он сможет добиться прорыва в ряды избирателей, поддерживающих центристов, коммунистов и социалистов... Все другие партии, естественно довольны тем, что Гитлер не смог получить большинства голосов, и в особенности, тем, что все убеждены, что он достиг своего зенита».

Гитлер все еще был согласен проводить переговоры, однако, он был сейчас в очень выгодном положении, будучи главой самой сильной политической партии в Германии. Неясно было только, что он должен требовать? На совещании с руководством партии обсуждалась коалиция с центристской партией (за которую всегда выступал Штрассер), однако Гитлер всегда предпочитал требовать «все или ничего», всю полноту власти, а не часть ее.

На переговорах в Фюрстенберге 5 августа он выдвинул следующее требование перед фон Шлейхером: «Пост канцлера для себя в любой коалиции правых сил и, в дополнение к нему, назначение нацистов на посты министра-президента Пруссии, министра внутренних дел рейха и Пруссии (руководящих полицией), рейхсминистра юстиции и новый пост министра народного просвещения и пропаганды, предназначенный для Геббельса. Гитлер также потребовал предоставления канцлеру право издавать законы, чтобы избежать зависимости от президента или от Рейхстага; если Рейхстаг откажется одобрить какой-либо закон, его следует распу-

стить. Из слов фон Шлейхера Гитлер понял, что генерал использует свое влияние, чтобы добиться назначения Гитлера на пост канцлера. Гитлер был настолько обрадован этим, что предложил установить памятную табличку на стене здания, в котором проходила эта историческая встреча.

8 августа Геббельс записал в своем дневнике:

«В воздухе веют предчувствия... Вся партия готова взять власть. SA оставляют обыденную деятельность в подготовке к этому. Если все пойдет хорошо, все будет в порядке, если нет — это будет ужасная неудача».

Гитлер организовал шествие штурмовиков по Берлину, чтобы успокоить их и, вместе с тем, подкрепить свои требования силой. Напряженность во всей стране вылилась в яростных столкновениях и был издан указ, по которому смертная казнь угрожала тем, кто будет найден виновным в убийстве политических противников. На следующую ночь пять штурмовиков в форме ворвались в дом коммуниста-рабочего в Потемпа, деревне в Верхней Силезии, вытащили его из кровати и избili до смерти на глазах потрясенной матери. Ответа из Берлина все не поступало, и 13 августа Гитлер попросил о встрече с канцлером фон Папеном и президентом. Предыдущей ночью Рём сообщил ему, что многие сомневаются, что фон Папен подаст в отставку с тем, чтобы уступить Гитлеру пост канцлера. Целыми часами Гитлер вышагивал взад и вперед по комнате в доме Геббельса, обсуждая, насколько он может ужесточить свои требования или насколько он может их ослабить с тем, чтобы не подвергнуть опасности свое влияние на штурмовиков и на партию.

Действительно, фон Папен не видел никаких причин для того, чтобы он должен был подать в отставку. Результаты выборов, не давшие четкого большинства голосов никакой партии, оправдывали существование президентского правления. У фон Папена были наилучшие отношения с фон Гинденбургом, который совершенно не желал, чтобы аристократа фон Папена заменил неотесанный Гитлер, которого он недолюбливал. Продолжающиеся беспорядки вызывали недовольство нацистами среди зажиточных классов, а правительство и армия были обеспокоены возможными неблагоприятными реакциями в других странах на приход Гитлера к власти. Как и все в Германии, фон Папен считал, что нацисты достигли своего предела и в дальнейшем будут терять голоса. К тому времени, когда он и фон Шлейхер встретились с Гитлером, самое большое, что они были готовы предложить ему, была должность вице-канцлера в существующем правительстве фон Папена, а также пост прусского министра внутренних дел для одного из сторонников Гитлера.

Гитлер немедленно отказался от этого предложения и

звизвил себя до истерики, угрожая выпустить штурмовиков на три дня на улицы для истребления «марксистов». Он заявил далее, что он требует только столько власти, сколько Муссолини потребовал в 1922 году, а затем отказался продолжать переговоры. Его уговорили явиться по приглашению президента только после того, как он получил заверения, что ничего еще не было решено. Однако президент принял его стоя и резко высказался о «бешеных» кругах его партии, не подчиняющихся его контролю. Президент был готов принять Гитлера и нацистов в коалицию, но не давать им исключительной власти. Для довершения унижения Гитлера правительство опубликовало официальный отчет о встрече, в котором цитировались слова президента, упрекающего нацистов за их бесчинства и дающего отпор безмерно честолюбивым требованиям. Гитлер не успел опубликовать свою собственную интерпретацию встречи и был, таким образом, унижен перед всем миром и перед партией.

Манера, в которой был сделан отказ, обидела Гитлера не менее самого отказа. Также как в 1923 году к нему отнеслись как к капралу, приглашенному сыграть роль барабанщика для националистических сил, на которого вряд ли можно было сделать канцлером. Следующие слова выражают накопившиеся у него признание и ненависть к «респектабельному» буржуазному миру, офицерской касте и самодовольным политикам во фраках и цилиндрах:

«Я знаю, чего хотят эти господа. Они хотели бы дать нам несколько должностей и заставить нас замолчать. Нет, господа, не для того я создал партию, чтобы торговаться, продать ее, обменять ее. Эта не та львиная шкура, в которую может поместиться любой старый баран... Неужели вы действительно думаете соблазнить меня приманкой министерских постов? Эти господа не представляют, насколько это все мне безразлично. Если бы Господь захотел сделать мир, подобным им, нам пришлось бы родиться с моноклом в глазу. Никогда! Пусть они оставят эти посты себе тем более, что они им не принадлежат».

Больше, чем когда бы то ни было, Гитлер испытывал соблазн выпустить штурмовиков из-под контроля и показать всем, что разговоры о том, чтобы «выпустить их на улицы» были не пустой угрозой. Когда пять штурмовиков, совершивших убийство коммуниста-рабочего в Потемпа, были приговорены к смертной казни, Гитлер послал им телеграмму следующего содержания:

«Товарищи, перед лицом этого ужасающего кровавого приговора я ощущаю себя связанным узлами безграничной верности с вами. С этого момента ваше освобождение будет вопросом моей чести».

Между тем, Гитлер все еще сохранял способность отделять свои эмоции от своих расчетов. В тот же день, когда он

имел унижительную беседу с фон Гинденбургом, он вызвал Рёма и других вождей штурмовиков, с тем, чтобы подтвердить им, что они не должны рассчитывать на путч. Он все еще придерживался своей тактики «законности», а открытая поддержка убийц из Потемпа была средством удержания штурмовиков под контролем Рёма, а не средством возбуждения их ярости.

Фон Папен и фон Шлейхер хорошо понимали игру Гитлера и продолжали тактику выматывания его сил для того, чтобы заставить его принять их условия. В свою очередь, Гитлер согласился с предложением Штрассера о возобновлении переговоров с центристами. Коалиция НСДАП и центристов имела бы большинство в Рейхстаге, и в конце августа они действительно избрали Гёринга президентом Рейхстага. Штрассер считал, что партия получила предельное количество голосов и что создание коалиции с левыми и умеренными элементами центристов было лучшим способом привлечения голосов противников социалистов, и прихода к власти через обеспечение парламентского большинства. Как всегда, Геббельс был не согласен с этим подходом, однако он считал полезным установление контактов с центристами как способ воздействия на фон Папена.

Эти усилия достигли кульминации на первом полном заседании Рейхстага после выборов, проведенном 12 сентября 1932 года. К этому времени фон Папен получил полное доверие фон Гинденбурга и в тайне подготовил решение о роспуске Рейхстага с тем, чтобы неожиданно воспользоваться им при появлении необходимости. Однако, события приняли неожиданный оборот для всех сторон. В конце беспорядочного и бурного заседания нацисты проголосовали за предложение о недоверии правительству, внесенное коммунистами, которое прошло подавляющим большинством в 512 против 42 голосов за фон Папена. Фон Папен нанес ответный удар, огласив указ о роспуске Рейхстага после менее, чем одного дня работы. Нацисты были поставлены перед необходимостью проводить пятую избирательную кампанию в течение одного года.

Гитлер не был разочарован, как истый игрок он надеялся на удачу на выборах. Однако даже Геббельс дрожал при мысли о том, что потребуются еще раз пройти через избирательную кампанию. Боевой дух в партии резко снизился, многие районные организации еще не оплатили долгов, сделанных во время июльских выборов. Общественное мнение было потрясено убийством в Потемпа и многие, включая нацистов, считали, что партия потеряет голоса на выборах. Партия держалась только на уверенности Гитлера и его непоколебимом чувстве собственной избранности. Миф Фюрера все еще производил воздействие на руководство партии, собравшееся на заседание в Мюнхене в начале

октября. Геббельс писал: «Он велик, он выше всех нас. Он поднимает дух партии из самых черных глубин. С ним во главе движение победит». Вскоре, однако, Геббельс записал в своем дневнике: «Очень трудно доставать деньги. Все господа с «образованием и состоянием» поддерживают правительство». Действительно, крупные собственники в Германии были обеспокоены усиливающимся радикализмом сторонников Гитлера. Представительная группа промышленников и руководителей крупнейших промышленных объединений, интересующихся политикой, впервые собралась на встречу в Берлине 19 октября 1932 года и решила создать политический фонд в размере двух миллионов марок в поддержку правительства фон Папена.

Гитлер не делал никому снисхождения и сам вступил в борьбу до конца из последних сил. В четвертой кампании он облетел на самолете еще больше городов и выступил на еще большем числе демонстрации, чем этим летом. Он выдвинул неприкрыто радикальный лозунг «Против реакции!», а пропагандистская машина нацистов работала в полную силу, обличая фон Папена и «прогнивший юнкерский режим». В отчаянной попытке не потерять влияние в Берлине, где находилась его штаб-квартира, Геббельс приказал нацистам и штурмовикам открыто сотрудничать с коммунистами в проведении пятнадцатидневной забастовки транспорта, которую осудили социал-демократы и профсоюзы. Геббельс записал в дневнике перед выборами:

«Последнее нападение. Отчаянная попытка партии избежать поражения. В самый последний момент нам удалось получить 10 тысяч марок. Мы пустим их на кампанию в субботу. Мы сделали все, что можно. Пусть рассудит судьба».

Впервые после 1928 года число участвующих в голосовании уменьшилось. Устав от политических революций и испугавшись насилия, на выборы пришло на два миллиона избирателей меньше, чем в июле, а число голосов, поданных за нацистов, уменьшилось на такое же количество. Умеренные политические силы, однако, не получили подкрепления, третьей по влиянию партией стали коммунисты (16,9%), обогнав центристов, поддержка социал-демократов упала до немногим более 20% и, хотя, нацисты были все-таки самой сильной националистической партией, националисты Гугенберга несколько укрепили свое положение. Экстремизм все еще оставался на гребне волны. Хотя 90% избирателей проголосовали против правительства фон Папена (как справедливо заметил Гитлер), фон Папен был в восторге от результатов выборов и не сомневался, что нацистам придется согласиться на его условия.

Однако, положение фон Папена не было таким прочным, как ему представлялось. Фон Шлейхер был недоволен его независимостью и близкими отношениями, установленными

им с президентом. Он был обеспокоен разговорами фон Папена о назначении еще одних выборов для того, чтобы заставить нацистов согласиться с выдвинутыми условиями, или о введении диктаторского правления в стране, если нацисты откажутся принять эти условия. Брюннинг отмечал, что фон Шлейхер всегда опасался возможности того, что армии придется подавлять одновременные восстания нацистов и коммунистов. Сотрудничество между этими экстремистскими партиями в проведении забастовки в Берлине и увеличение числа голосующих за коммунистов произвели на фон Шлейхера большое впечатление. Как министр обороны, он начал убеждать других членов правительства, что дальнейшее нахождение фон Папена на посту несет в себе опасность гражданской войны. Он настаивал на отставке фон Папена, которая позволила бы президенту провести консультацию с лидерами партий — в первую очередь с Гитлером — в попытке найти выход из тупика. Фон Папен решил на этот рискованный шаг (17 ноября), будучи уверенным, что переговоры между фон Гинденбургом и Гитлером, происходившие 18 и 21 ноября, не дадут результатов, позволив ему вновь занять пост канцлера и усилить его позицию. Его скептицизм был оправдан. Гитлер потребовал для себя поста канцлера с теми же широкими полномочиями, которые президент предоставил фон Папену. Фон Гинденбург (по подсказке фон Папена) согласился назначить Гитлера канцлером только, если последний сможет обеспечить большинство в Рейхстаге; в смене фон Папена не было необходимости, если в Германии должно было продолжаться президентское правление с чрезвычайными полномочиями.

Переговоры между президентом и другими партийными вождями не дали никакого результата, не имело успеха и предложение фон Шлейхера (сделанное через Грегора Штрассера), который предложил нацистам войти в правительство, в котором он, а не фон Папен был бы канцлером. Гитлер был непреклонен и фон Папен предложил, что он вновь займет пост канцлера, прекратит деятельность Рейхстага на неопределенное время и подготовит изменение Конституции. До совершения этих действий он предложил ввести чрезвычайное положение, предоставив правительству право издавать законы и использовать силу для подавления попыток переворота. Несмотря на возражения фон Шлейхера, фон Гинденбург согласился с этими предложениями и поручил фон Папену сформировать новое правительство.

В этот момент фон Шлейхер открыл свою козырную карту. На первом заседании правительства, проводимом после того, как фон Папен вновь занял пост канцлера (2 декабря), фон Шлейхер, как министр обороны, заявил, что

армия больше не доверяет канцлеру и не собирается подвергаться риску гражданской войны.

Последним действием в этой необычной драме политических интриг было согласие фон Гинденбурга на ультиматум армии, переданный фон Шлейхером. Фон Гинденбург пригласил фон Шлейхера на пост канцлера, предполагая, что тот сможет создать национальный фронт, включающий нацистов, чего не смог сделать фон Папен. Фон Шлейхер надеялся достичь этого с помощью Грегора Штрассера, с которым он поддерживал контакты и который единственный мог убедить Гитлера, что вхождение в правительство, возглавляемое фон Шлейхером, пойдет на пользу нацистам.

Уже более года Штрассер высказывал сомнения в возможности для Гитлера получить безусловные полномочия в качестве канцлера. Неудача партии на ноябрьских выборах, значительные долги и разочарование членов партии заставили его думать, что политика Гитлера, состоящая в отказе от уступок и компромиссов и требование всей полноты власти, разрушит партию, если будет продолжаться и дальше. Фон Шлейхер предлагал создать широкий фронт, простирающийся от умеренных нацистов до умеренных социалистов, с энергичной программой по сокращению безработицы. Деля свое предложение через Штрассера, он, очевидно, надеялся, что если Гитлер отвергнет это предложение, Штрассер сможет принять пост вице-канцлера и поведет за собой часть партии.

У нас нет свидетельств того, что Штрассер намеревался это выполнить, однако ясно, что он поддерживал предложение фон Шлейхера при осуждении его нацистским руководством, и это привело к обвинениям его в предательстве и попытках сместить Гитлера с поста вождя. После бурной встречи с Гитлером 7 декабря Штрассер написал длинное письмо, защищая себя от обвинений в недобросовестности, и подал в отставку со всех постов в партии. Кроме того, он не попытался даже получить поддержку среди членов партии, а вместо этого уехал в Италию на отдых со своей семьей.

Отставка первого помощника Гитлера и руководителя партийной организации произвела глубокое потрясение среди членов партии в тот момент, когда их дух пал очень низко. Больше всех был потрясен сам Гитлер. Тем не менее, через 24 часа он убедил себя, что Штрассер был Иудой, который «ударил его ножом в спину за пять минут до окончательной победы». Собрав всех руководителей партии в официальной резиденции Геринга, предоставленной тому как президенту Рейхстага, он обвинил отсутствующего Штрассера в предательстве и изгнал его из числа своих сторонников. Все его старые товарищи должны были позвать руку фюреру и поклясться никогда не отрекаться от

общего дела. Геббельс, который был злейшим врагом Штрассера, написал этим вечером, что это был «громадный успех для единства движения... Штрассер сейчас полностью изолирован. Он мертв». Менее, чем через два года в «ночь длинных ножей» эти слова приобрели буквальный смысл.

Штрассер не попытался отбиться от нападок и Гитлер посетил все города, гауляйторы которых поддерживали Штрассера с тем, чтобы разрушить централизованную партийную организацию, созданную Штрассером. Как это было сделано в случае СА, Гитлер назначил себя руководителем организационной структуры партии и поручил людям, которым он мог доверять — Гессу, Лею, Дарре и Геббельсу — руководство ее отдельными частями. Однако, его действия по усилению своего контроля над партией не могли разрешить финансовые или политические проблемы партии. Пришлось уменьшить жалование партийных работников. Геббельс писал, что положение в берлинской организации было безнадежным. Штурмовики появились на улицах с ящиками для сбора пожертвований «на пользу противных нацистов». Что касается политической ситуации Гитлер успешно блокировал предложения Штрассера по выходу из тупика, в котором оказалась партия, но не предложил ничего другого. На Рождество 1932 года Геббельс написал в своем дневнике:

«Этот год принес нам постоянные неудачи... Прошлое печально, будущее смотрится мрачным и темным, все надежды и возможности полностью исчезли».

На этот раз неожиданная возможность была предоставлена не фон Шлейхером, а фон Папеном, который надеялся отомстить таким образом фон Шлейхеру. На посту канцлера фон Шлейхер проявил гораздо больше понимания, чем фон Папен или Брюннинг, того, что следует предпринять, чтобы выйти из депрессии, которая до сих пор парализовала немецкое народное хозяйство. В своем обращении по радио к народу, сделанном 15 декабря, он заявил, что первоочередной задачей правительства было предоставление работы людям. Его программа произвела большое впечатление, однако она вызвала большое противодействие со стороны промышленников и землевладельцев, чьи интересы она затрагивала, и при этом она не устраняла недоверие не только профсоюзов и социал-демократов, но даже и центристов. Ни одна из политических партий не соглашалась войти в коалицию фон Шлейхера после того, как он вынудил Грёнера, Брюннинга и фон Папена уйти в отставку. Фон Папен до сих пор оставался в лучших отношениях с президентом, и тут-то он и воспользовался открывшейся ему возможностью.

4 января фон Папен и Гитлер устроили тайную встречу в доме кельнского банкира Шрёдера. Несмотря на их взаим-

ную неприязнь, они были согласны забыть свои разногласия для того, чтобы одержать победу над фон Шлейхером. Гитлер все еще настаивал на получении поста канцлера, но теперь он соглашался вступить в коалицию с фон Папеном и националистами Гугенберга и восстановить Харцбургский фронт. Условия заключения такой коалиции бурно обсуждались весь январь и ко времени формального представления нового правительства президенту 30 января 1933 года эти условия еще не были согласованы.

Здесь нет необходимости рассматривать подробно ход переговоров, во время которых рассматривались все возможные варианты.

К 23 января фон Шлейхер должен был признать свое поражение, он не смог добиться поддержки большинства в парламенте и ему пришлось попросить фон Гинденбурга предоставить правительству чрезвычайные полномочия, хотя в начале декабря он протестовал против предоставления таких полномочий фон Папену. Президент не соглашался на предоставление фон Шлейхеру тех полномочий, которые последний требовал не предоставлять фон Папену. Чтобы достичь своей цели, фон Папен должен был преодолеть три трудности. Первой было сильное нежелание Гинденбурга назначить Гитлера канцлером. Второй было требование Гугенберга о предоставлении ему диктаторских полномочий для руководства экономикой, если он согласится принять участие в правительстве. Третьей была необходимость найти министра обороны, который мог бы рассчитывать на поддержку армии, от имени которой так долго выступал фон Шлейхер.

Встреча Гитлера и Гугенберга 27 января окончилась резкой стычкой и Геринг только с большим трудом уговорил Гитлера не уезжать в Мюнхен и не прерывать переговоров. Угроза Гитлера сделать это возымела успех. До этого момента фон Папен все еще надеялся вновь стать канцлером. Сейчас он увидел, что все его маневры могут окончиться провалом, и на следующий день он недвусмысленно заявил президенту, что проблема может быть разрешена только, если Гитлер будет назначен канцлером. Он обещал фон Гинденбургу, что он сам будет вице-канцлером, и что в правительство войдут только еще два нациста, так что соотношение консерваторов к нацистам в правительстве будет более, чем 3 к 1. Два других кандидата в правительство были Геринг, многократно награжденный летчик-истребитель во время войны, и Фрик, юрист и бывший государственный чиновник, который относился к наименее ярким и наиболее respectable нацистским руководителям. Возражения президента были постепенно сняты и все требования Гитлера были, в конце концов, удовлетворены, за исключением предоставления нацистам должности рейхско-

миссара Пруссии, которую фон Папен намеревался занять сам, наряду с постом вице-канцлера. В обмен Гитлер, тоже неохотно, согласился на требование Гугенберга о получении контроля над экономическими министерствами.

Для получения окончательного согласия президента необходимо было решить третью проблему — найти министра обороны, способного заменить фон Шлейхера. Фон Папен и Гитлер предложили на этот пост генерала фон Бломберга, ставшего врагом фон Шлейхера с тех пор, как последний сместил его в 1929 году с важного поста в министерстве обороны, где он был руководителем законспирированного Генерального штаба. Генерала послали в Восточную Пруссию командовать первой дивизией. Начальник штаба дивизии генерал фон Рейхенау и дивизионный священник Мюллер, ставший впоследствии рейхс-епископом при нацистском режиме, завербовали фон Бломберга в число сторонников нацистов. Честолюбивый генерал к этому времени имел больше оснований утверждать, что он выражает мнение всей армии. С фон Бломбергом уже проводились предварительные переговоры, а ранним утром 30 января его вызвали в Берлин. В 8 часов утра он окончательно договорился с Гитлером и был приведен к присяге в качестве министра обороны, первым из членов правительства дав, таким образом, заверения фон Гинденбургу, что Рейхсвер будет находиться в надежных руках.

Гугенберг все еще возражал против требований Гитлера о роспуске Рейхстага с тем, чтобы новое правительство получило поддержку большинства избирателей на выборах, которые, по его заверениям, будут последними. Они продолжались в тот момент, когда поступило приглашение принять присягу и занять посты в правительстве. Кроме Гитлера только два из одиннадцати членов кабинета министров были нацистами и оба занимали не самые важные посты — рейхсминистра внутренних дел (Фрик) и министра без портфеля (Геринг). (Руководство полицией осуществлялось не рейхсминистром внутренних дел, а министрами отдельных земель, самой важной из которых была Пруссия со столицей в Берлине). На должности министра иностранных дел (фон Нейрат) и министра обороны были назначены профессионалы из дипломатической службы и армии, кандидатуры которых были одобрены фон Гинденбургом. Министерство экономики и министерство продовольствия и сельского хозяйства (как в рейхе, так и Пруссии) были отданы Гугенбергу, министерство труда получил Сельдте, руководитель Стального Шлема, ставленник землевладельцев и промышленников. Геринг был назначен прусским министром внутренних дел, контролирующим полицию, однако он подчинялся фон Папену, как руководителю прусского правительства. Фон Папен был назначен вице-канцле-

ром рейха, и получил право присутствовать при докладах канцлера президенту.

Фон Папен с гордостью заявил своим друзьям, что он одержал победу там, где потерпели неудачу фон Шлейхер и Брюннинг, и сумел заставить вождя самой большой партии Германии обеспечить правительству массовую поддержку, недостижимую для консерваторов и националистов. При этом, добавлял фон Папен, он не поступился ничем существенным. Хотя Гитлер и стал канцлером, но фон Папен, будучи вице-канцлером, был доверенным лицом президента, а консерваторы и националисты имели большинство в правительстве. Когда фон Папена спрашивали, не видит ли он впереди опасности, он отвечал: «Никаких опасностей. Мы их просто наняли для нашего дела».

Фон Папен несет вину за одну из наиболее тяжелых ошибок в политической истории двадцатого века. Хотя Гитлер и говорил постоянно о своих намерениях соблюдать «законность», он никогда не скрывал, что он подразумевал под этим. Выступая свидетелем на суде в Лейпциге в 1930 году, он объяснил:

«Конституция только определяет арену борьбы, а не цель. Мы принимаем участие в законных организациях таким образом, чтобы сделать нашу партию решающим фактором. Как только мы получим конституционную власть, мы изменим форму государства таким образом, каким мы это сочтем нужным».

Еще яснее выразился Гитлер в ответе на открытое письмо Брюннинга в декабре 1931 года, посланное, когда Брюннинг был еще канцлером. Канцлер писал: «Если человек заявляет, что после того, как он получит власть законным способом, он разрушит преграды, то этот человек, в действительности, не признает законности».

Гитлер немедленно ответил в открытом письме:

«Господин канцлер, фундаментальный закон демократии гласит: «Вся власть дается народом». Конституция устанавливает способы, с помощью которых замысел, идея, а затем и организация, могут получить от народа законные обоснования для осуществления своих целей. В конце концов народ сам определяет свою конституцию».

Господин канцлер, если немецкий народ когда-нибудь поручит национал-социалистическому движению ввести Конституцию, отличающуюся от той, которую мы имеем сейчас, вы не сможете предотвратить это... Если конституция оказывается непригодной для него, народ не умирает, но Конституция изменяется».

Позиция Гитлера была вполне ясна, и именно поэтому те, кто собирался включить Гитлера в правительство, всегда говорили о необходимости «приручить» его и возражали — как Грёнер, так и фон Шлейхер и так, до самых последних

дней, фон Гинденбург,— против того, чтобы он стал канцлером.

Гитлер был не менее настойчив в своих утверждениях, что он никогда не войдет в правительство, если ему не предоставят пост канцлера. Он был также уверен в том, что, когда он станет канцлером, никакие ограничения, придуманные для него фон Папеном, не удержат его от «придания государству той формы, которую мы считаем нужной». Гитлеру понадобилось менее двух месяцев, чтобы продемонстрировать, кто был прав. В течение шести месяцев он завершил свою революцию, пользуясь, как он всегда и намеревался это сделать, государственной властью для этих целей.

РЕВОЛЮЦИЯ СТАЛИНА

Сталин: 1928—1934
(в возрасте от 48 до 55 лет)

I

В то время как Гитлер только пытался захватить власть, Сталин показал, как власть можно использовать в таких масштабах и с такой жестокостью, что события 1928—1933 годов в СССР можно назвать социальной революцией, приведшей к таким же потрясениям, как революция 1917—1921 годов и имевшей даже больше последствий, изменивших ход русской истории.

Несмотря на экономическое возрождение во время НЭПа после упадка, вызванного гражданской войной, через десять лет после Октябрьской революции Россия смогла достичь только уровня промышленного развития 1913 года, и, таким образом, она еще больше отстала от промышленно-развитых стран. В 1927 году число промышленных рабочих в СССР все еще не превышало двух с половиной миллионов. Десять лет спустя после захвата власти в 1917 году, партия все еще не могла оправдать риск, на который она пошла, взяв власть в стране, не имеющей экономических и социальных условий, требуемых марксизмом для проведения социальной революции. Ленин был уверен, что как только коммунисты захватят власть, они смогут создать эти условия. Через десять лет, однако, это все еще не было сделано, партия и государство так и не обладали необходимой экономической базой.

Партии было ясно, что социалистическая экономика и общество могут быть созданы только путем модернизации и развития промышленности, которая также должна была обеспечить оборону Советского Союза во враждебном капиталистическом окружении. Было ясно также, что индустриализацию нельзя проводить без модернизации сельского хозяйства. Не обеспечив подъем производительности труда в сельском хозяйстве, было бы невозможно обеспечить процветанием растущее число рабочих и создать запасы на случай войны и неурожая. Для того, чтобы оплатить импорт

тракторов и другого сельскохозяйственного и промышленного оборудования и машин, было также необходимо увеличить экспорт зерна до уровня 1913 года. Разногласия в партии затрагивали методы получения излишков продукции, экономических мероприятий для стимуляции крестьян к производству излишков (например, повышение цен на сельхозпродукцию, увеличение поставок необходимых им товаров и развитие кооперации). Споры шли и о том, как можно было заставить крестьян производить излишки путем «административных действий», и как быстро эти меры могли дать результат. До этого времени Сталин соглашался, по крайней мере публично, с мнением Бухарина, что процесс объединения маленьких участков земли, принадлежащих крестьянам, и внедрение современных методов обработки путем кооперации должен происходить «постепенно, без применения насильственных методов, путем убеждения и показа». Сталин говорил так еще в декабре 1927 года.

И Бухарин и Ленин (в конце своей жизни) признавали, что такое проведение модернизации экономики в России займет значительное время, 10 или 20 лет, а может быть и больше. В какой-то момент — сейчас мы не имеем данных, чтобы точно определить когда — Сталин, вероятно, осознал привлекательность другого подхода, основанного на принудительных методах военного коммунизма. Это была вторая попытка (после попытки Ленина в 1917 году) быстро создать современную социалистическую Россию. Пока Сталин боролся за власть с Троцким и левыми силами, чьи программы были схожи, он не мог позволить себе развивать эти идеи, рискуя потерять поддержку Бухарина, Рыкова и правых коммунистов, которые считали необходимым продолжение НЭПа, и опасаясь возбудить недовольство крестьянства. Как только XIII Съезд партии летом 1927 года ознаменовал окончательное поражение Троцкого и левой оппозиции, Сталин убедил Центральный Комитет одобрить проведение «административных мер» (что означало насильственные действия) для обеспечения закупок зерна.

Это был первый шаг. Исторические события последующих двух лет, кульминацией которых было празднование пятидесятилетия Сталина в декабре 1929 года, концентрировались вокруг трех переплетающихся мотивов.

Как описано выше в главе 6, одним из них было окончательное овладение властью Сталиным путем подавления правой оппозиции. На предыдущих этапах политической борьбы инициатива принадлежала сначала Троцкому, затем объединенной оппозиции Троцкого, Зиновьева и Каменева, которые бросили открытый вызов Сталину, все более овладевавшему контролем над партией. На последнем этапе Сталин перехватил инициативу. В отличие от Троцкого, ни Бухарин, ни Рыков не представляли серьезной опасности

положению Сталина внутри партии. Их оппозиция была, всего навсего, попыткой не позволить их бывшему союзнику сделать радикальные изменения в политике партии.

У Сталина еще не было той полноты власти, которую он имел в конце 30-х годов, у него не было также ленинского авторитета в решении политических вопросов. Поэтому он вынужден был искать поддержку внутри партии. Вторым мотивом событий этих лет было создание такой поддержки. Позднее Бухарин сказал о Сталине, что он был «мастером дозировки», умеющим выдавать яд строго дозированными порциями. Лучшим примером его умения было то, как он приучил коммунистическую партию к использованию «административных мер» для обеспечения закупок зерна, представляя их как чрезвычайные мероприятия и не сообщая до зимы 1929—30 годов, что он собирался сделать эти меры постоянным орудием политики.

Вполне возможно, что Сталин в любом случае получил бы поддержку партии, в которой он нуждался, так как он контролировал партийную машину. Однажды разочарованный сталинист отметил: «Мы победили Бухарина не убеждениями, а членскими билетами». Большинство историков считает, однако, что голоса делегатов съезда, получивших свои посты по назначению Сталина, одобрили решение, которое заранее было принято небольшой неформальной группой, состоящей из двадцати или тридцати «влиятельных деятелей», являвшихся партийными руководителями наиболее важных районов, включая Москву, Ленинград, Сибирь, Северный Кавказ и Украину.

Эти люди были близко связаны со Сталиным, однако не были его ставленниками. Они обладали некоторой независимостью в своих делах, были крепкими и прагматичными руководителями и прежде всего они были заинтересованы в преобразовании Советского Союза в современную промышленно развитую страну. Сталин не мог игнорировать их мнение, хотя их влияние было наиболее вероятным объяснением того, почему он не принял жестких мер против правых вождей, как он собирался сделать весной 1929 года.

В конце концов они все поддержали Сталина, а не Бухарина потому, что они предпочитали оптимизм Сталина и обещание твердого руководства, а не пессимизм и политику уступок и компромиссов, предлагаемые правыми. Три цитаты из речей ведущих членов Центрального Комитета, приведенные ниже, показывают их разочарование в группе Бухарина:

Куйбышев: «История не позволит нам продвигаться спокойно... мелкими шажками».

Киров: «Словом, давайте не спешить... одним словом, правые за социализм, но без особых забот, без борьбы, без трудностей».

Орджоникидзе: (допускает существование хороших намерений у Бухарина): «Это вопрос не пожеланий, а политики, и политика товарища Бухарина утащит нас назад, а не вперед».

Политики-практики не смогли, однако, предусмотреть насколько быстрее и дальше уведет их Сталин, чем это представлялось им, когда они подавали свои голоса за него. Бухарин был близким соратником Сталина и настолько близким его другом, насколько это было вообще возможно. Он предсказал точнее, чем кто бы то ни было, последствия для России и для партии, последовавшие после радикальной смены курса, сделанной Сталиным, и Сталин хорошо знал это. В июне 1928 года, после того, как между ними произошло расхождение, Сталин сказал Бухарину: «Ты и я — Гималайи, остальные — ничто». Так как он не смог привлечь Бухарина на свою сторону, он должен был лишиться его доверия. Сталину удалось это сделать; партия проигнорировала предупреждение Бухарина об опасности «политики авантюризма», а самого Бухарина заставили покаяться.

Третьим мотивом событий 1928—29 годов было то, что нашло продолжение в 30-х годах. Большинство в политическом руководстве партии убедилось, что наилучшим выходом из политического и экономического тупика, в котором они оказались, было возвращение к первоначальному большевистскому принципу «революции сверху», проводимому Советской властью. Существовала однако, психологическая пружина, заставлявшая Сталина преодолевать все препятствия на этом пути. Он понимал, что место остающееся свободным после смерти Ленина может быть занято им, если произойдет еще один «Октябрь», связанный с его именем, так как первоначальный Октябрь был связан с именем Ленина.

II

В основе сталинской революции лежала война против крестьянства, которая затрагивала не только и не столько экономические стороны жизни. Советский Союз отличался большой величиной деревенского населения, составляющего 80 % всего населения. Это были «мужики», описанные в русской литературе и запечатленные в народных преданиях, «темный народ», в гуще которого тонуло гораздо меньшее городское население, живущий в своем мирке, недоступном для посторонних, где текло свое время, имелись собственные учреждения и обычаи, собственный язык и верования, отраженные в богатых сокровищницах пословиц и поговорок. Коммунисты так и не смогли примириться с этим миром, полностью чуждым марксистским догмам. Коммунистам не нравилась их зависимость от громадного

деревенского населения, которое они не могли вовлечь в рамки социалистического общества, провозглашенное их конечной целью. Крестьяне имели возможность взять строителей нового мира за горло. Не без оснований коммунисты считали крестьянство источником русской отсталости. «Громадная, неподвижная и в то же время угрожающая масса людей, загораживающая России путь к индустриализации, модернизации и социализму; царство тьмы, которое следует покорить прежде, чем Советский Союз может стать землей обетованной».

Браждебность партии по отношению к крестьянству усиливалась, чему способствовала утверждаемая партией привычка смотреть на деревенскую жизнь сквозь марксистские очки и применять к ней понятия классового расслоения и классовой борьбы. Решающее значение здесь имело определение Сталиным кулака, как сельского капиталиста, эксплуататора, которого следовало экспроприировать. Не удивительно поэтому, что в двадцатых годах не было дано сколько бы то ни было ясного и убедительного определения понятию кулака. Роберт Конквест писал: «Каким бы определением ни пользоваться, кулак, как класс, был не более, чем партийным изобретением». Такое изобретение было необходимо для того, чтобы мобилизовать партию на борьбу против «классового врага» в деревне, с тем, чтобы уничтожить его с той же жестокостью, как это было сделано со всеми другими капиталистами. Э. Карр заметил по этому поводу: «Уже нельзя было сказать, что классовый анализ определял политику. Теперь политика определяла, какой вид классового анализа подходил к данной ситуации».

Какой же была политика? Как стало, наконец, ясно в 1929—30 годах, она состояла, по-существу, в попытке найти постоянное решение социальных и экономических проблем в советском сельском хозяйстве путем проведения единой операции. Операция должна была дать три результата. Первым было уничтожение кулаков, наиболее деятельных и опытных крестьян, которые должны были быть лишены возможности участвовать, в какой-бы то ни было форме, в жизни страны. «Раскулачивание» означало, что они будут изгнаны из своих жилищ, лишены имущества и вместе со своими семьями высланы на поселение в самые отдаленные и малонаселенные районы Сибири и Средней Азии.

Вторым результатом было объединение отдельных хозяйств и участков земли, принадлежащих другим крестьянским семьям в большие коллективные хозяйства, часто охватывающие несколько деревень. С этого времени крестьяне будут работать как безземельные работники на земле, которую они только недавно получили в собственность. Им будет разрешено сохранить свои жилища, но они должны

будут отдать свои телеги, сельскохозяйственные орудия, лошадей и скот, вдобавок к своим участкам, в коллективные хозяйства, которыми будет руководить председатель, назначенный партией.

Третьим результатом, который по времени был первым, было возвращение к практике военного коммунизма, реквизиции зерна и других продуктов по нормам и ценам, определенным государством с применением, при необходимости, силы.

Эта программа затронет свыше 120 миллионов человек, проживающих в 600 000 деревень, 25 миллионов крестьянских хозяйств будут объединены в 240 000 колхозов, находящихся под контролем государства, и выполнена она будет в самое короткое время, максимум за год или два. Единственной в мире другой кампанией подобного масштаба был Большой Скачок, проведенный в Китае председателем Мао, под непосредственным влиянием примера, данного Сталиным.

Полностью этот план стал ясен зимой 1929—30 годов, однако, частично он был осуществлен ранее. Например, заготовки зерна с применением силы, начаты в 1928 году, были повторены весной 1929 года. Летом 1929 года были поставлены на постоянную основу обязательства по сдаче зерна государству для отдельных деревень, ранее применяемые как чрезвычайные меры, в то же время плановые задания по коллективизации были резко увеличены, так, чтобы к концу 1930 года обобществление охватило 7,8 миллионов крестьянских хозяйств.

Секретные директивы Секретариата Центрального Комитета требовали от партийных работников усиленно проводить коллективизацию, угрозами «убеждая» крестьян в ее необходимости в то время, как Сталин публично заявлял, что коллективизация происходит самопроизвольно. К концу года Сталин объявил, что 20 % сельского населения уже вступили в колхозы. Никто не спрашивал, что это означало на практике и было ли это правдой. Требовалось только выполнить задание и создать впечатление об ускорении и неизбежности процесса коллективизации. В то же время происходило раскулачивание, то есть выселение и ссылка, при котором только на Украине было сослано 33 тысячи семей, то есть около 200 000 душ по старому русскому выражению, многие из которых умерли от холода, голода и болезней, вызванных ими, во время многонедельного пути на восток в вагонах для скота.

Сталин продолжал утверждать, что любые местные трудности были вызваны борьбой кулаков против советского режима. Понятие «классовой войны», которое он изобрел в 1928 году, давало автоматическое оправдание любым «ответным» мерам. Он писал: *«продвижение к социализму*

не может не привести к сопротивлению этому продвижению со стороны эксплуататорских элементов (то есть кулаков), а сопротивление эксплуататоров не может не вызывать неизбежное усиление классовой борьбы».

В статье, озаглавленной «Год Великого перелома», опубликованной в «Правде» 7 ноября, в двенадцатую годовщину Октябрьской Революции, Сталин, впервые, высказался без обиняков. Освободившись, наконец, от необходимости сдерживаться в выражениях, так как правая оппозиция была разбита и повержена, он объявил, что:

«Речь идет о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию.

Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития, от которого выгрызает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено разоряться и прозябать в нищете,— к новому, социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельскохозяйственными машинами, для того, чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли».

Имея в виду предстоящее заседание Центрального Комитета, Сталин гордо заявлял:

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость.

Мы становимся страной металлической, страной автомобильизации, страной тракторизации.

И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые».

Теперь Центр начал открыто усиливать давление с тем, чтобы ускорить процесс коллективизации. Молотов заявил членам Центрального Комитета, что нельзя упустить возможность решить аграрную проблему раз и навсегда за несколько недель или месяцев; он сказал, что в следующие четыре с половиной месяца будет произведен «решительный сдвиг».

Были организованы новый Всесоюзный Комиссариат сельского хозяйства и новая Комиссия по коллективизации, однако их планы по коллективизации не удовлетворили Сталина. В декабре был пятидесятилетний юбилей Сталина, который был использован как повод для того, чтобы превоз-

нести его, как наследника Ленина, нового вождя партии, провозгласившего «сельский Октябрь», открывающий путь к построению социализма. Торжествуя победу, Сталин потребовал ускорить коллективизацию зерновых районов — на Украине, Северном Кавказе и Среднем Поволжье она должна быть завершена за год или, самое большее, за два года.

Так как согласно официальному разъяснению середняки уже пошли в колхозы, настало время окончательного решения проблемы кулаков — «заклятых врагов колхозного движения». Двадцать седьмого декабря Сталин, по сути, осудил на ссылку и смерть несколько миллионов крестьян, включая женщин и детей, заявив в своей речи на конференции аграрников-марксистов:

«Мы перешли от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса.»

Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его, как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, царпанье, пустозвонство, все, что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это называется у нас, большевиков, настоящим наступлением».

Большинство крестьянских хозяйств, подвергшихся коллективизации до сих пор, относилось к категории бедняков и батраков, составляющих 30 % сельского населения, которые меньше всего теряли при таком изменении их жизни. Средняки, составлявшие до двух третей населения, теряли, однако, гораздо больше и несмотря на уверенные заявления Сталина, они все еще колебались. Жестокость по отношению к кулакам должна была послужить уроком для середняков, показав им, что произойдет с ними, если они будут продолжать упорствовать. Постановление Центрального Комитета от 5 января 1930 года по указанию Сталина удвоило или даже утроило ранее планируемые темпы коллективизации в некоторых областях. Но Сталину даже этого было недостаточно, он требовал еженедельных донесений о ходе коллективизации и настаивал на ее завершении осенью 1930 года. Партийные и советские работники были вынуждены соревноваться, кто быстрее коллективизирует свой район. Был выкинут лозунг в деревне: «Кто не вступает в колхоз — враг Советской власти». Кампании по заготовкам зерна и по коллективизации проводились одновременно.

Несмотря на усиленные попытки возбудить классовую ненависть и натравить бедных крестьян на более зажиточных, результаты кампании не оправдывали ожиданий. Ра-

зумеется, всегда находились люди, готовые нападать на своих соседей и грабить их, особенно с разрешения властей. Однако, массы крестьян были глубоко потрясены используемыми методами, и в деревнях не происходило ничего подобного разграблению помещичьих усадеб, типичного явления в период революции 1917—18 годов.

«Коллективизация была, по-существу, гигантской партийной и военной операцией». На местах она направлялась тройкой, состоящей из секретаря партийного комитета, председателя областного или местного совета и местного начальника ОГПУ. Для усиления боевого духа местных партийных организаций, в городах было мобилизовано 25 тысяч партийцев, которые обычно мало понимали в сельском хозяйстве, для того, чтобы проводить ударную коллективизацию, часто в качестве председателей вновь созданных колхозов. В январе 1930 года они прошли двухнедельное обучение и затем были разосланы на места. Они с энтузиазмом приступили к выполнению своей задачи, состоявшей в том, чтобы вытащить крестьян из их отсталого состояния и загнать их в передовой мир социализма. Они решали, кто был кулаком, а кто не был, и как проводить коллективизацию. Весной 1930 года были временно мобилизованы еще 72 тысячи рабочих-партийцев, а 50 тысяч солдат и младших офицеров прошли специальное обучение для участия в кампании коллективизации.

Помимо призывов к созданию колхозов и ускорению темпов коллективизации, власти не давали никаких конкретных указаний по созданию колхозов, размеры которых Сталин постоянно требовал увеличивать. Было неизвестно, какие принимать решения по обобществлению имущества, или как оплачивать труд членов колхоза. У властей не было времени разрабатывать подробные планы, самым важным было заставить крестьян согласиться принять единственно возможный для них вариант будущего.

Нападки на крестьянство сопровождалась яростной борьбой против Православной церкви, оплота традиционной крестьянской культуры, которая, с точки зрения сталинского руководства, была одним из главных препятствий на пути коллективизации. В деревнях не только закрывались церкви, с них сбивались кресты, с колоколен снимались колокола и сжигались иконы. Множество старинных русских церквей было разрушено или повреждено и многие священники были арестованы. Хотя многие монастыри и были, по существу, образцовыми сельскими хозяйствами, они были закрыты и тысячи монахов и монахинь были сосланы в Сибирь. Сообщалось, что к концу 1930 года было закрыто около 80 % деревенских церквей.

К 1 марта число коллективизированных хозяйств увеличилось более, чем в три раза за два месяца — с 4 393 100 в

январе 1930 года до 14 264 300. Невозможно описать беспорядок и нищету, вызванную этим насильственным разрушением образа жизни 120 миллионов человек, живших в деревнях. Люди, лишённые привычных условий жизни, просто не могли это выдержать. Сопротивление было в начале беспорядочным, однако оно быстро усиливалось; особенную активность в противодействии властям на Украине и Северном Кавказе играли крестьянки. Войска ОГПУ и регулярной армии подавляли крестьянские волнения, которые в некоторых областях принимали масштабы восстаний. Последовали массовые аресты, расстрелы и ссылки.

Наиболее действенным методом сопротивления для крестьян был забой скота. За два месяца с начала 1930 года было забито 14 миллионов голов скота, общее число которых в 1928 году в стране было 70,5 миллиона. Были забиты также треть всех свиней, четверть всех овец и коз. Крестьяне забивали скот с тем, чтобы не отдавать его в колхоз. Сталина не волновали человеческие страдания, однако потеря скота, с его точки зрения, была гораздо более важным ущербом. Советское сельское хозяйство не смогло оправиться от этого удара в течение 25 лет.

Несколько членов Политбюро, включая Орджоникидзе и Калинина, побывали в деревнях в феврале и ознакомились с событиями, происходящими там. 24 февраля было созвано специальное заседание Центрального Комитета для обсуждения ситуации в деревне. Было принято решение о необходимости открытого заявления и Политбюро поручило Сталину подготовить заявление. Предполагалось, что он обсудит его с другими членами Политбюро перед его публикацией. Однако Сталин решил по-другому и опубликовал статью, которая была для Политбюро полной неожиданностью. Через пять месяцев после появления статьи «Год Великого перелома», 2 марта «Правда» поместила ещё одну статью Сталина, озаглавленную «Головокружение от успехов». В этой статье Сталин, который задумал всю операцию по коллективизации и руководил ею, беззастенчиво упрекнул партийных работников в том, что они позволили себе быть опьяненными мыслью о своём всемогуществе.

«Они, эти успехи, нередко пьют людей, причем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристские попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства.»

Кому нужны эти искривления, это чиновничьи декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов!

Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революци

онерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов. Снять колокола, — подумаешь какая революционность!»

Сталин торжественно заявил читателям, что успех политики коллективизации, который был, по его мнению, уже предопределён, зависел от её добровольности:

«Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства...»

Можно ли сказать, что принцип добровольности и учета местных особенностей не нарушается в ряде районов? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению...»

Призывая партию положить конец таким «искажениям» и настроениям, которые порождали их, Сталин заключил:

«Искусство руководства есть серьёзное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отстать — значит оторваться от масс. Но нельзя и забежать вперед, ибо забежать вперед — значит потерять массы и изолировать себя. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — против отстающих и против забегающих вперед.»

Статья Сталина произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Тысячи партийных работников, выбивающихся из сил, чтобы выполнить приказы Центрального Комитета и его Генерального Секретаря, как они их понимали, были обескуражены тем, что они, а не Сталин, оторвались от масс. Было широкоуничтожительно объявлено о принятии мер по наказанию тех местных руководителей, которые нарушили «революционную законность в деревне». Среди наказанных было немало тех, кто издавали приказы о насильственной коллективизации. Даже враги Сталина не могли не быть восхищены ловкостью, с которой он отвел критику от себя, поставив себя во главе критиков и перехватив их инициативу, все время продолжая утверждать, что коллективизация была громадным успехом.

Крестьяне воспользовались этим неожиданным отходом от насильственных мер. В общей сложности 9 миллионов семей покинули колхозы. С 1 августа 1930 года по 1 марта 1931 года число обобществленных хозяйств упало с 50 % до 21 %. Новый примерный устав колхоза позволил членам колхоза иметь в своей собственности корову, овец и свиней, а также орудия для обработки частных участков, и эта победа частично компенсировала потери скота в крестьянских семьях. Эти уступки властей было только временным маневром. Крестьяне, вышедшие из колхозов, преследовались всяческими способами. Им не выделяли участки земли, их не снабжали семенами. Когда же они требовали обратно свою землю, им отводили меньшие участки, чем они

имели раньше, и на худших землях, болотах, неудобьях, на больших расстояниях от деревни. У них отрезали огороды и не возвращали сданные в колхоз инвентарь, коров и лошадей. После сбора урожая им увеличили задания по сдаче зерна, за невыполнение которых налагались тяжелые штрафы. Те, кто пытались протестовать, разделили судьбу кулаков во время второй волны арестов и ссылок.

На XVI съезде партии летом 1930 года Сталин похвалялся успехами в коллективизации и ликвидации кулаков. По требованию Сталина резолюция съезда отметила сталинский «деревенский Октябрь»:

«Если конфискация земли у помещиков была первым шагом в Октябрьской революции в деревне, переход к колхозной системе является вторым и решительным шагом, который отмечает наиболее важную стадию в строительстве основ социалистического общества в СССР».

Ни один из 2100 делегатов на съезде не оспорил утверждение Сталина и не сказал о критическом положении, воцарившемся в советской деревне в предыдущие 12 месяцев. Даже погода помогла Сталину и урожаи этого года были самым большим после урожая 1913 года. Это позволило отменить сообщения о трудностях, как преувеличения, и оправдать усиление давления на крестьянство с тем, чтобы заставить его вернуться в колхозы.

Многие крестьяне ушли в города в поисках работы на строительстве новых заводов, возводимых по всей стране по пятилетнему плану. Хотя миграция крестьян не поощрялась, советские источники указывают, что не менее 4,1 миллиона крестьян переехали из деревень в города в 1931 году, а за 1929—35 годы из деревни в город ушло в общей сложности 17,7 миллиона человек.

В 1932—33 годах произошло ужесточение контроля за населением, включая введение ненавистой паспортной системы, уничтожение которой было одним из главных требований радикального революционного движения в царской России и одной из первых реформ после Октябрьской революции. Теперь конторские служащие и промышленные рабочие были привязаны к своим рабочим местам паспортами, а крестьяне были прикреплены к земле, так как им не выдавали паспортов.

К тому времени сопротивление крестьянства было по существу сломлено. Число обобществленных крестьянских хозяйств возросло до более чем 15 миллионов к концу 1933 года, а к концу 1934 года 90 % возделываемых земель в СССР принадлежали колхозам.

Борьба между государством и крестьянством перешла, между тем, на другое поле. Это был коренной вопрос, лежащий в основе всего, — как обеспечить заготовку достаточно количества зерна с тем, чтобы прокормить быстрорасту-

щее городское население. Каганович заявил, что «проверкой нашей силы и слабости, и силы и слабости врага» были хлебозаготовки, а не коллективизация.

Хотя большинство крестьянства и вошло в колхозы, они применяли все уловки, всю крестьянскую хитрость с тем, чтобы не отдать государству всего, что оно требовало и оставить себе хоть что-то. Хотя природа и даровала рекордный урожай в 1930 году, чтобы получить от крестьян немногим более четверти урожая (22 из 77 миллионов тонн) государству пришлось прибегнуть к мобилизации городских рабочих и партийных работников, тяжелым наказаниям, массовым обыскам и арестам. Такой высокий урожай больше не повторялся. В последующие годы урожаи были гораздо хуже из-за дезорганизации, разрушений и потерь, понесенных в процессе коллективизации, а также вопиющей бесхозяйственности в деятельности многих колхозов. Государству пришлось все шире применять насильственное изъятие зерна. В то время как урожаи были даже ниже, чем неудовлетворительные урожаи 1928—32 годов, поставки зерна государству выросли от 18,2 миллиона тонн в среднем в 1928—1932 годах до 27,5 миллиона тонн в среднем в 1933—37 годах. После выполнения поставок государству (чем больше колхоз отдавал государству, тем больше от него требовали, повышая план сдачи зерна иногда в 3—4 раза), у крестьян оставалось совсем мало зерна для корма скоту и посева; для выдачи колхозникам зерна оставалось еще меньше, и власти официально заявляли, что это была наименее важной из их забот.

Для проведения и контролирования этих важнейших мероприятий была создана громадная бюрократическая машина, еще одна паразитическая удавка на шее у крестьянства, прославившаяся своей бесхозяйственностью и некомпетентностью.

Еще одна паразитическая прослойка прибавилась при создании системы машинно-тракторных станций (МТС), в которых сконцентрировалась сельскохозяйственная техника. В июне 1931 года перед МТС была поставлена задача проводить механизированные работы в колхозе и осуществлять заготовки их продукции. Трактор воспевался как славный символ прогрессивного характера советской аграрной революции, «индустриализации» деревни. За услуги МТС колхозы платили натурой (20 % урожая зерна), что было вторым по важности источником зерна для государства. После января 1933 года в каждую МТС был назначен заместитель начальника и начальник политического отдела, который был прежде всего агентом ОГПУ. Политотделы скоро приобрели исключительное значение для проведения политики государства в деревне.

Между тем, сталинская революция сверху не смогла

разрешить основное противоречие, состоящее в том, что вся система зависела от труда крестьян, но давала им меньше, чем когда бы то ни было, стимулов для хорошей работы. Чем больше они работали, тем больше у них забирали. Крестьяне были опять привязаны к земле, а партийные и государственные чиновники заняли место помещиков. Крестьяне с полным основанием могли считать себя крепостными двадцатого века, положение которых было не лучше, а, возможно, и хуже, чем до отмены крепостного права в 1861 году.

Постановление Центрального Комитета от 11 января 1933 года, дающее новые права МТС, объясняло плохую работу обобществленного сельского хозяйства только вредительством и заговорами.

«Антисоветские элементы в ряде районов, где они еще не разоблачены и не разгромлены, — охотно идут в колхозы, даже восхваляют колхозы для того, чтобы создать внутри колхозов гнезда контрреволюционной работы. В ряде колхозов заправляют делами хорошо замаскированные антисоветские элементы, организуя там вредительство и саботажи. Они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — «долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится. Они никогда не скажут — «долой хлебозаготовки». Они «за» хлебозаготовки. Они «только» пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал резерв для животноводства, втрое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз выдавал на общественное питание от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника и т. д. Понятно, что после таких «фондов» и выдач на общественное питание, после такой жульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, и для хлебозаготовок не остается места».

Во вредительстве обвинялся в среднем каждый третий служащий в сельском хозяйстве. На многие посты, разумеется, пролезли кулаки. В сентябре 1930 года было объявлено о прошедших ранее судах над наиболее опасными вредителями, которые обвинялись в том, что они были организаторами голода и агентами империализма. Был проведен суд над вождями «Трудовой крестьянской партии», включающей в себя знаменитого профессора аграрной экономики Кондратьева и других видных специалистов. ОГПУ утверждало, что только в Москве эта партия имела девять подпольных групп, базирующихся в министерствах и научно-исследовательских институтах, а число ее членов по стране составляло от ста до двухсот тысяч. Было арестовано свыше тысячи членов этой «партии». Только в 1987 году Верхов-

ный Суд СССР объявил, что Трудовая крестьянская партия никогда не существовала и реабилитировал пятнадцать человек, обвиненных по ее делу.

III

Ни в одной части СССР раскулачивание и коллективизация не отозвались на крестьянстве более тяжелым образом, чем на Украине, где созданные ими социально-экономические проблемы были усугублены борьбой Сталина против украинского национализма, который он собирался полностью уничтожить.

Украинцы были второй по величине национальной группой в Советском Союзе, их численность в 1930 году составляла двадцать пять миллионов. Украина по величине была равна Франции, которой она не уступала по природным богатствам, — как по запасам полезных ископаемых, так и по плодородию ее знаменитого чернозема. Киев, выросший в IX веке на торговом пути из Балтийского моря в Черное море по Днепру, стал одним из первых политических и культурных центров Восточной Европы, а украинский народ сохранился, пережив множество тяжелых испытаний.

В семнадцатом веке Украина освободилась от польского владычества, а в восемнадцатом веке она была покорена Россией. Украинское крестьянство было поработщено, а все стороны украинской жизни, включая украинскую церковь, подверглись такой же жесткой русификации, какая происходила с другими народами под русским владычеством. В 1740 году в левобережной Украине, лежащей к востоку от Днепра, было 866 школ, в 1800 году там не осталось ни одной школы. В 1863 году было официально заявлено, что самостоятельность украинского языка, как такового, не существует, что он является просто диалектом русского языка, и поэтому были запрещены украинские школы, книги и периодические издания. Запад был склонен признавать русские утверждения об этом несмотря на то, что в других странах Европы существовали языки, принадлежащие к одной и той же языковой группе (украинский и русский языки принадлежат к восточно-славянской группе языков), несмотря на то, что соответствующие страны имеют различную культурную и национальную историю. Достаточно привести примеры Португалии и Испании, Норвегии и Швеции, Голландии и Германии. Как и в других славянских странах, национальные идеи и украинский язык сохранились не среди правящих классов, которые были или русского происхождения или ассимилированными украинцами, но среди поэтов, интеллигенции и прежде всего среди крестьянства. Активное национальное движение зародилось вновь в начале двадцатого века, и когда самодержавие пало в 1917 году,

украинский Центральный Совет (Центральная Рада) объявил о создании Украинской народной республики, которая просуществовала только короткое время.

Украина была первым восточно-европейским государством, чья независимость была подавлена силой русскими войсками в 1918—20 годах, как это в дальнейшем произошло с прибалтийскими государствами, Польшей, Венгрией и остальными странами Восточной Европы в 1939—45 годах. Украинцы были самой большой нацией в Европе, не получившей независимость, добилась ее только после распада СССР в 1991 году.

В двадцатых годах Украина имела все-таки значительную культурную и языковую свободу. Бывший народный комиссар по делам национальностей, однако, не изменил своего мнения о том, что эти национальные чувства, украинские ли, грузинские ли вызывают рознь, и, когда представилась возможность, он опять взялся за их уничтожение.

Такая возможность представилась в 1929—30 годах, когда Сталин начал нападки на националистические отклонения на Украине, утверждая, что коллективизация позволит уничтожить украинский национализм и его социальную базу — индивидуальное землепользование. Кулаку приписывались националистические чаяния, а националисты способствовали кулацким настроениям. В июле 1929 года было арестовано свыше пяти тысяч членов так называемой подпольной организации — Союза за освобождение Украины. На показательный суд, устроенный в Харьковском оперном театре, было выведено 45 известных ученых и интеллигентов, обвиненных в принадлежности к этому Союзу. Кроме заговора с целью захвата власти они обвинялись в попытках сделать украинский язык как можно более отличным от русского языка. У обвиняемых с помощью обычных методов были получены признания их вины и они были осуждены на длительные сроки заключения. В феврале 1931 года прокатилась новая волна арестов, захватившая на этот раз ведущих украинских деятелей, вернувшихся из эмиграции в середине двадцатых годов, которые были обвинены в организации «Украинского национального центра». Утверждалось, что руководителями этой группы были знаменитый украинский историк Грушевский и премьер-министр Украинской республики во время ее короткого существования Голубович.

Сталин утверждал, что «в основе национальной проблемы» лежит крестьянский вопрос, и на Украине коллективизация встретила гораздо большее сопротивление и проводилась более жестокими методами, чем в остальной части СССР. В середине 1932 года в колхозах состояло 70 % украинских крестьян, в то время как средняя цифра по стране была 59 %. Это означало, однако, только то, что

классовая война должна была продолжаться внутри колхозов, где (как заявлял Сталин) попытались скрыться многие кулаки и другие антисоветские элементы и где они продолжали сопротивление и свалили поставки зерна государству.

Сталин был возмущен попытками партийного и советского руководства Украины добиться снижения планов заготовок зерна, установленных Москвой. Косиор, первый секретарь Центрального Комитета Украинской Коммунистической партии, заявил на собрании активистов летом 1930 года:

«Крестьянин использует новую тактику. Он отказывается собирать урожай. Он хочет погубить зерно для того, чтобы задушить Советское правительство костлявой рукой голода. Но враг ошибается в своих расчетах. Мы покажем ему, что значит голод. Ваша задача остановить кулацкий саботаж сбора урожая; вы должны собрать урожай до последнего колоска и немедленно отправить его в пункт сдачи. Крестьяне не работают. Они рассчитывают на зерно от предыдущих урожаев, которое они спрятали в ямах. Мы должны заставить их открыть эти ямы».

В обычные времена Украина и Северный Кавказ давали половину общего количества товарного зерна, произведенного в Советском Союзе. В урожайном 1930 году только Украина дала 27 % всего урожая зерновых в СССР, однако она должна была поставить по плану 38 % всех поставок зерна, а именно 7 миллионов тонн. В 1931 году, когда урожаем везде был гораздо хуже (18,3 миллиона тонн по сравнению с 23,9 миллионами тонн в 1930 году) план поставок зерна остался на уровне 7,7 миллионов тонн, что сейчас составляло 42 % всего урожая зерна.

Обращения в Москву с просьбами о снижении плана зернопоставок не возымели действия. Было собрано 7 миллионов тонн зерна, в результате чего у крестьян осталось так мало запасов, что к весне 1932 года деревня была близка к голоду. Сталин был уверен, что все трудности вызваны антисоветскими настроениями украинцев. Была начата чистка партийных рядов, а план поставок зерна на 1932 год был вновь установлен на прежнем уровне — 7,7 миллиона тонн, хотя урожай на Украине в том году снизился до 14,7 миллиона тонн. На встрече с Молотовым и Кагановичем в июле украинские партийные и советские руководители требовали пересмотра «нереальных планов», принятых колхозами, которые было невозможно выполнить. Молотов отменил такие разговоры как «антибольшевистские». *«При выполнении задач, поставленных партией и Советским правительством, не может быть ни уступок, ни колебаний».*

Украинские члены Центрального Комитета хорошо осознавали, что ожидает их, если они не выполнят порученных заданий, однако, несмотря на громадные усилия, план по

поставкам зерна, (в конце концов сниженный до 6,6 миллиона тонн) не был выполнен. Сталин был непреклонен — эти крестьяне, эти украинские крестьяне припрятали зерно и их следовало заставить отдать его. Из Москвы прислали двух представителей Центра, чтобы подгонять местные кадры и было объявлено о начале второй сдачи хлеба государству. Был издан Указ о том, что вся собственность колхозов, скот и зерно являются государственной собственностью и что любое вредительство или хищение этой собственности будут наказываться смертью. Сталин лично написал проект Указа от 7 августа 1932 года, предусматривающий смертную казнь через расстрел или (при наличии смягчающих обстоятельств) десять лет тюрьмы за кражу колхозного имущества. Применение амнистии к таким преступникам было запрещено. Так как количество похищенного не указывалось (оно могло быть сколько угодно малым) среди крестьян этот указ стал известен как «Указ о пяти колосках». Этот указ не был пустой угрозой, и за первые шесть месяцев после его принятия по нему было осуждено 55 тысяч человек. Только в Харькове за один месяц было вынесено тысяча пятьсот смертных приговоров. Тысячи активистов были мобилизованы из других республик и привезены на Украину для осуществления обысков и допросов крестьян, проводимых для того, чтобы найти спрятанное зерно.

К этому времени люди начали умирать от голода и не только на Украине: Лев Копелев, один из наиболее известных русских писателей-диссидентов, описал свои воспоминания об этом периоде в книге «Воспитание правого»:

«Я слышал, как дети... задыхались от кашля. И я видел лица людей — испуганные, жалобные, полные ненависти, тупо безразличные, охваченные отчаянием или вспыхивающие полубезумной бесстрашной яростью. «Забирайте. Забирайте все. В печи еще остался горшок борща. Он постный, без мяса. Но в нем свекла, картошка и капуста. И он посолен! Лучше заберите его, товарищи граждане! Постойте. Я сниму сапоги. Они чинены-перечинены, но может быть они пригодятся пролетариату, нашей дорогой Советской власти».

Было невыносимо видеть и слышать все это. И, еще хуже, участвовать в этом... Я убеждал себя, объяснял себе, что я не должен поддаваться расслабляющей жалости. Мы осуществляли историческую необходимость. Мы исполняли наш революционный долг. Мы добывали зерно для социалистического отечества...

Я видел, что означала «полная коллективизация», как кулачили и раскулачивали, как безжалостно обдирали крестьян зимой 1932—33. Я сам принимал в этом участие, рыская по деревням в поисках спрятанного зерна, разыски-

вая шупом в земле зарытое зерно. Я и другие вычищали сундуки у стариков, затыкая уши от плача детей...

Ужасной весной 1933 года я видел людей, умирающих от голода. Я видел женщин и детей с распухшими животами, синюющих, все еще дышащих, но с пустыми, безжизненными глазами. И трупы — трупы в рваных кожанках и дешевых валенках, трупы в избах, в тающем снеге в старой Вологде и под мостами в Харькове.

...Я видел все это и не сошел с ума. И я не проклинал тех, кто послал меня отбирать зерно у крестьян зимой и весной, уговаривать еле ходящих, истощенных как скелеты или болезненно распухших людей выйти в поля, чтобы «поударному» выполнить большевистский посевной план». И я не потерял веры. Как и прежде, я верил, потому что хотел верить».

Несмотря на все усилия партии к концу 1932 года только были собраны 4,7 миллиона тонн из запланированных 6,6 миллиона тонн. Сталин реагировал на это обвинениями кулацких элементов во вредительстве, а партийных работников в потере бдительности и зараженности украинским национализмом. Сталин призывал к усилению борьбы против «классового врага». Когда первый секретарь Харьковского обкома партии Терехов сообщил Сталину о голоде на Украине, Сталин заявил с издевкой:

«Говорят, вы хороший рассказчик, товарищ Терехов. Вы придумали сказку про голод, вы надеетесь испугать нас, но ничего не выйдет. Почему бы вам не оставить свою должность областного секретаря и место в Центральном Комитете и не пойти работать в Союз писателей? Вы будете сочинять свои сказки, а народ будет их читать».

Сталин взял под свое личное руководство эту почти военную операцию, и призывал к сокрушительному удару по колхозникам, потому что «целые группы их выступают против Советского государства».

Украине был направлен третий план по сдаче зерна и Постышев, секретарь Центрального Комитета, был послан для реорганизации Украинской Коммунистической партии, проведения тщательной чистки и укрепления ее рядов. Были смещены 237 секретарей райкомов и 249 председателей райисполкомов. На Северном Кавказе, где жило три миллиона украинцев, Каганович снял с работы половину партийных работников, многие из них были арестованы за вредительство и сосланы в отдаленные районы. На Украину было прислано десять тысяч активистов из других областей, три тысячи из них были направлены на работу председателями колхозов, секретарями и партийными работниками. С новыми силами они возобновили войну за зерно против голодающего крестьянства. Люди умирали от голода на протяжении зимы 1932—33 годов, однако массовые смерти

начались в начале марта 1933 года. В других районах страны, где не было большого украинского населения, продовольственное положение было лучше, а в некоторых местах, например в центральном сельскохозяйственном районе России, голода не было вообще. Общий урожай зерновых в стране был не меньше, чем урожай 1931 года и только на 12 % меньше среднего урожая в 1926—30 годах, то есть причиной голода был не недород. Голод был вызван насильственным изъятием зерна государством, которое привело к смерти пяти миллионов украинских крестьян из общего сельского населения на Украине в двадцать — двадцать пять миллионов человек.

В стране имелись большие запасы зерна, и Сталин мог послать продовольственную помощь на Украину, как всегда делало царское правительство при недородах в отдельных областях, и как советское правительство сделало во время голода в Поволжье 1918—1921 годов. В 1932—33 годах, однако, было строжайше запрещено организовывать помощь голодающим. Запасы зерна в стране были бы еще больше, если бы правительство не увеличило вывоз зерна за границу до 4,8 миллионов тонн в 1930 году и даже до 5,2 миллионов тонн в 1931 году. В 1932 и 1933 годах экспорт зерна был сокращен до уровня немногим менее двух миллионов тонн. Даже на Украине имелись запасы зерна, в некоторых местах оно хранилось под открытым небом, портилось и гнивало, но вооруженная охрана не позволяла крестьянам брать его.

Толпы голодающих бродили по деревням, собирались на станциях железных дорог, откуда их прогоняла вооруженная охрана. По дорогам маленьких городов и даже на улицах валялись трупы умерших от голода. Только в больших городах трупы собирались каждое утро и сбрасывались в общие ямы. На границе Украины с Россией были выставлены заслоны, не пропускавшие беженцев с Украины. Для посадки на поезд требовали специальные пропуска. Тех, кто пытался провезти хлеб на Украину из России, арестовывали и их груз конфисковывали.

В своей книге, опубликованной за рубежом, после своего побега за границу, Виктор Кравченко, который был партийным активистом в это время, приводит следующие слова Хатаевича, видного партийного работника:

«Между крестьянством и нашим режимом идет беспощадная борьба. Это борьба не на жизнь, а на смерть. Этот год был проверкой нашей силы и нашей устойчивости. Только голод показал, кто здесь хозяин. Понадобилось потерять миллионы жизней, чтобы колхозная система осталась навсегда».

Важной составной частью сталинской политики было то, что Борис Пастернак назвал «бесчеловечной силой лжи».

В прессе не появлялось ни слова о голоде, и те, кто осмеливался упомянуть о нем, арестовывались за антисоветскую пропаганду и приговаривались к срокам до пяти лет в исправительно-трудовых лагерях. Однако, в иностранной прессе начали появляться сообщения о голоде. Были сделаны попытки начать международную операцию помощи, подобную той, что проводилась в 1921 году. Советское правительство отвергло эти предложения, как основанные на лживых сообщениях, а в советской прессе появились письма из колхозов, с негодованием отмечающие наглые попытки такой помощи. Единственный член правящей элиты с крестьянским прошлым, Калинин, заявил на съезде колхозников в июне 1933 года: «Каждый колхозник знает, что те, у кого не хватает хлеба, оказались в беде не из-за плохого урожая, а из-за того, что они ленились и отказались честно трудиться».

В период между мартом и маем 1933 года голод достиг своего пика, после конца мая, число смертей от голода начало снижаться, хотя смертность была все еще слишком велика. С Украины донеслись сообщения, которые помогли представить хотя бы размеры постигшего страну несчастья и его последствия. Среди небольшого числа иностранцев, которым удалось побывать в деревне в это время, был Малколм Маггеридж, который писал, что «одна из самых плодородных земель в мире превратилась в мрачную пустыню». Другой английский путешественник писал: «Поле за полем были усеяны сгнившим зерном... Можно было ехать целый день и видеть вокруг себя поля почерневшей пшеницы». Если у крестьян не оставалось силы возделывать поля и даже собрать урожай, откуда у них взялись бы силы провести новый сев и дожидаться следующего урожая?

Такое практическое соображение могло произвести впечатление на Сталина и Политбюро в отличие от соображений гуманности, которые их не волновали. Для обеспечения урожая в следующем году правительство выделило семенную ссуду 21 февраля 1933 года, в том числе 325 тысяч тонн семян для Украины. Последний план закупок зерна был отменен только в середине марта, однако в апреле Микоян был послан в Киев, где он распорядился о выделении продовольственных резервов армии для крестьян. В мае делались, по крайней мере, хоть какие-то попытки спасти жизнь голодающих, были открыты больницы и выделена продовольственная помощь для людей и фураж для истощенных лошадей. Начиная с мая, истощенных крестьян понуждали начать посевную кампанию. На помощь им опять были мобилизованы студенты и партийные активисты из городов, а также армия. Чистка местных партийных кадров все еще продолжалась и Сталин предупредил первого секретаря Украинской Коммунистической партии Косиора в личном

письме, копия которого была послана всем секретарям областных, районных и городских партийных комитетов:

«В последний раз напоминаю вам, что любое повторение ошибок прошлого года заставит Центральный Комитет принять еще более решительные меры. И тогда, если можно так выразиться, даже старые партийные бороды не спасут этих товарищей».

В том же письме указывалось, что в колхозах следует оставлять только десять процентов обмолоченного зерна «на жизнь, после выполнения обязательств по поставкам, оплаты машинно-тракторным станциям, семенного и фуражного фонда». Кроме этого, крестьяне должны были отдавать зерно для экспортных поставок, созданию резервов для армии, усиленного питания партийных работников и активистов и только после этого им разрешалось использовать оставшееся зерно для собственных нужд, в количествах, едва достаточных для пропитания.

Имеются данные, хотя и не полные и не документированные, о том, что «согласно пожеланиям жителей центральных районов СССР поселиться в свободных районах Украины и Северного Кавказа» русских крестьян организованно привозили на Украину и зеселяли ими деревни, умершие от голода. Специальные продовольственные пайки выдавались тем русским семьям, которые были согласны переселиться на постоянное жительство на Украину.

Нанеся этот «решающий удар» по крестьянству, Сталин продолжил свою борьбу против национального самосознания украинцев. Народные украинские традиции сохранялись во многом, благодаря кобзарям, бродячим певцам и музыкантам, часто слепым, которые странствовали от деревни к деревне с незапамятных времен. Их песни и баллады сохраняли для украинского крестьянства память об их независимом и героическом прошлом. Эта древняя традиция выглядела очевидным анахронизмом в коммунистическом мире Советского Союза. Был создан первый Всеукраинский Съезд кобзарей. Несколько сотен кобзарей, прибывших на съезд, были арестованы и большинство их было расстреляно. Композитор Шостакович с возмущением пишет в своих мемуарах, что кобзари были «живыми музеями живой истории страны, содержащей все ее песни, всю музыку и поэзию, и все эти несчастные слепцы были убиты... *Нападать на слепых — что может быть ниже?»*

На помощь Постышеву был послан подручный Сталина Мануильский (названный Троцким «наиболее отвратительным ренегатом из украинских коммунистов») для того, чтобы искоренить «мелкобуржуазные националистические отклонения» путем проведения чистки во всех научных и культурных организациях на Украине. Косиор сообщил в Москву: «Целые гнезда контрреволюции были образованы

в народных комиссариатах просвещения, сельского хозяйства и юстиции, в Украинском институте марксизма-ленинизма, сельскохозяйственной академии, институте Шевченко и т. д.» Постышев заявил, что все эти «вражеские агенты спрятались за широкой спиной большевика Скрыпника», украинского народного комиссара просвещения. Скрыпник три раза выступал перед Центральным Комитетом Украинской Коммунистической Партии, пытаясь защитить себя, и, наконец, 7 июля 1933 года он застрелился, и был посмертно осужден «за акт слабости, в особенности недостойный члена Центрального Комитета ВКП(б)».

После того, как «националистический уклон Скрыпника» был разоблачен, Постышев смог сообщить об успешном проведении чистки, в которой, «по моим данным, было выявлено две тысячи националистов и белогвардейцев». В феврале 1934 года он гордо заявил в докладе на семнадцатом Съезде партии, что «в течение последнего года мы уничтожили националистическую контрреволюцию, выявили и уничтожили националистский уклон».

Демографы неоднократно пытались подсчитать человеческие потери, вызванные раскулачиванием, коллективизацией, а также голодом в СССР. Советское правительство до сих пор не опубликовало данных, которые позволили бы оценить действительные масштабы этой катастрофы, произошедшей более пятидесяти лет тому назад, хотя данные о потерях скота были опубликованы полностью. Объяснение этому попытался дать Хрущев в своих мемуарах: «Я не могу дать точных цифр, потому что никто их не подсчитывал. Мы только знали, что умирало громадное количество людей».

Во-первых, следует подсчитать приблизительные данные о пострадавших от раскулачивания и ссылки. Согласно последним советским данным, число семей, сосланных по указанию Политбюро, было 1 065 000, то есть было сослано от пяти до шести миллионов человек. На практике, вероятно, число сосланных было гораздо больше и включало в себя множество середняков. Высылка продолжалась до мая 1933 года, когда массовые ссылки были прекращены Указом, подписанным Сталиным и Молотовым, согласно которому в будущем число ссылаемых семей должно было составлять двенадцать тысяч в год. Русский экономист-аграрник В. А. Тихонов подсчитал, что между 1929 и концом 1933 года было ликвидировано около трех миллионов крестьянских хозяйств, в результате чего не менее, чем пятнадцать миллионов человек были лишены жилищ и работы в сельском хозяйстве.

Что же произошло с ними? Все они потеряли свои хозяйства, свои дома и все свое имущество. Некоторые были расстреляны. Некоторые были арестованы и сосланы в тру-

довые лагеря, например, на Беломоро-Балтийский канал или на золотые прииски в Магадане, самом холодном районе в Северном полушарии, где, по рассказам очевидцев, в самую страшную зиму замерзало все население лагерей, включая охранников и сторожевых собак. Некоторые раскулаченные смогли сбежать в города и получить работу, по крайней мере, на какое-то время, на промышленных предприятиях, где не хватало рабочих. Большинство, включая женщин и детей из кулацких семей, были погружены в вагоны для скота и сосланы на север или в Сибирь. Множество детей и стариков умерло на пути в ссылку. Часто кулаков привозили в необжитые края и оставляли их там без пищи и крыши над головой. Например, в мемуарах бывшего немецкого коммуниста, описывается, как кулаков, вывезенных с Украины и из центральной России, оставляли в пустой степи между Петропавловском и озером Балхаш в Казахстане. Бывший немецкий коммунист Вольфганг Леонгард встретил в Караганде крестьянина, пережившего эту ссылку, который рассказал ему:

«В землю были воткнуты колышки с маленькими надписями: поселок номер пять, поселок номер шесть и т. д. Крестьян привезли туда и сказали им, что они должны сами о себе заботиться. Им пришлось жить в норах, вырытых в земле. В первый же год множество из них погибло от голода и холода.»

Согласно грубым оценкам общее число сосланных кулаков состояло от десяти до двенадцати миллионов, треть из которых погибла к 1935 году, треть была отправлена в лагерь, а треть в специальные поселения. Точно так же, как нацисты сделали с евреями, коммунисты изгнали кулаков (или тех, кого местные власти или завистливые соседи называли такими) из человеческого общества и объявили их неполноценными людьми. В обоих случаях неважно было, что сделали кулак или еврей, они подвергались наказанию просто по той причине, что они принадлежали к классу или расе, объявленной вне закона, у которой были отняты все права человека.

Советская статистика давно является предметом нескончаемых споров, так как точные официальные цифры отсутствуют. Одним из первых, кто попытался обобщить имеющиеся данные о смертности в период коллективизации, был Роберт Конквест, опубликовавший в 1968 году книгу «The Great Terror»*. Новые данные, опубликованные в 1991 году этим же автором, говорят о том, что число умерших в период между началом 1930 и началом 1937 достигает около 11 миллионов.

Из общего числа, по мнению Конквеста, около 7 миллио-

* «Большой террор».

нов погибло во время голода 1932—33 гг., около пяти миллионов из них на Украине. Остальные четыре миллиона: около полутора миллионов погибли от голода в Казахстане, и около двух с половиной миллионов в период коллективизации и раскулачивания. Еще два с половиной миллионов крестьян были арестованы в 1937 году и погибли в лагерях и ссылке. Для сравнения Конквест добавляет: «Число погибших в войне Сталина против крестьян в одной единственной стране, было больше, чем общее число погибших во всех странах, участвовавших в первой мировой войне».

IV

В то время, как Сталин и советское руководство вели войну против сельского населения — и это была действительно настоящая война — в стране проходил одновременно процесс индустриализации, согласно предначертаниям пятилетнего плана.

Сталин проводил коллективизацию для того, чтобы разрушить враждебный мир сельской России и загнать его жителей в рамки социалистического общества. Крупная индустрия и была той самой средой, в которой родился социализм, а промышленный рабочий класс был естественным союзником социалистов. После освобождения от омертвляющей власти капитализма новое социалистическое общество можно было создать путем индустриализации, выражающейся в сельском хозяйстве в создании машинно-тракторных станций, гигантских зерновых фабрик и механизированных хозяйств.

Важнейшим вопросом здесь было, как быстро Советский Союз сможет увеличить капиталовложения в тяжелую промышленность. В 1926 году Сталин с презрением говорил о Троцком и левой оппозиции как о «сторонниках сверхиндустриализации», возражая против их проекта построить гигантскую гидроэлектростанцию на Днепре. Он сказал, что в этом строительстве не больше смысла, чем для мужика в покупке граммофона вместо коровы. Теперь Сталин сам превратился в ярого сторонника индустриализации, что привело к тому, что пятилетний план стал одним из великих мифов первой половины этого столетия не только в Советском Союзе, но и в остальных странах мира, служа символом преимуществ коммунистического планирования по сравнению с недостатками капитализма, особенно ярко выразившимися в экономической депрессии.

Мифологичность «пятилетнего плана» хорошо иллюстрирует его историю — он был формально принят в середине 1929 года и одновременно отнесен к предыдущему октябрю, в котором предполагалось, что он был начат, а в январе 1933 года было объявлено, что план выполнен не в пять,

а в четыре с четвертью года. Непревзойденное описание мистичности плана дал Роналд Хингли:

«Беспрерывно публикуя проценты или число тонн, относящихся к тому, что по утверждениям было, должно было быть, могло было бы быть, следовало бы произвести в угольной, металлургической, нефтяной, машиностроительной промышленности, на фабриках, гидроэлектростанциях и т. д., Сталин наделял видимой математической точностью то, что, по существу, было не более чем волшебными или религиозными заклинаниями».

Сталин выдвинул лозунг «Нет крепостей, которые не могли бы взять большевики», дающий ему основание требовать невозможного. В 1928 году СССР производил 3,3 миллиона тонн чугуна, а Сталин потребовал запланировать производство десяти миллионов тонн, к концу 1933 года, а в конце 1932 года он увеличил это задание до семнадцати миллионов тонн. На самом деле СССР добился такого производства чугуна только к 1941 году. Производство стали в 1928 году составляло четыре миллиона тонн, пятилетний план предусматривал производство 10,4 миллиона тонн, а на самом деле было произведено менее шести миллионов тонн. Производство электроэнергии в 1928 году было не многим более пяти миллионов киловатт-часов, пятилетний план предусматривал производство двадцати двух миллионов киловатт-часов, а было произведено 13,4 миллиона. Экономисты и хозяйственники, сомневающиеся в реальности таких планов, были объявлены вредителями. В то же время план произвел магическое воздействие. Пятилетка возродила боевой дух партии, ослабевший в годы скучных компромиссов НЭПа. Наконец они получили возможность приложить свой неостребованный энтузиазм к строительству Нового Иерусалима, обещанного им. В отличие от застоя «развитого» Запада с его миллионами безработных и растратой материальных ресурсов, вызванной депрессией, преобразование «отсталой России» было возвышенной целью, оправдывающей требуемые жертвы. Ни одно из заданий, данных Сталиным на пятилетку, не было выполнено, однако в каждом случае производство все-таки увеличилось — хотя шесть миллионов тонн стали составляло не многим более половины запланированных десяти миллионов тонн, это все-таки было на 50 % больше, чем производство в начале пятилетки.

Как и в колхозах в промышленности также часто царил беспорядок и бесхозяйственность — работа постоянно прерывалась, а ценные машины и оборудование оставались без присмотра или ломались неумелыми рабочими, многие из которых были недавними крестьянами, не видевшими прежде никаких машин. Тысячи рабочих погибли при несчастных случаях на производстве из-за недостаточной

охраны труда или замерзали до смерти на стройках. Не хватало продовольствия, условия труда были ужасающими, а человеческие жизни стоили недорого. В отличие от обобщественного сельского хозяйства, несмотря на все недостатки и неудачи, советская промышленность в результате пятилетки достигла все-таки успеха, который подтвердил заявление, слишком поспешно сделанное Сталиным в июне 1930 года, что СССР стоит перед переходом из аграрного в промышленное общество. Если бы СССР не прошел через этот период индустриализации, он не смог бы оправиться от начального поражения после немецкого нападения в 1941 году и не смог бы продолжить войну и, в конце концов, окончить ее на Эльбе.

Самые тяжелые ошибки, сделанные во время первой пятилетки, начали исправляться только во время второй пятилетки, когда удалось несколько улучшить уровень жизни рабочих. Однако основы индустриализации были заложены именно в первую пятилетку — примерно тысяча пятьсот больших промышленных предприятий, включая Днепророгэс, самую большую электростанцию в Европе, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, машиностроительные заводы и химическую промышленность на Урале, завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове, тракторные заводы в Челябинске, Сталинграде и Харькове, автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде, завод тяжелой машиностроения в Краматорске на Украине и т. д. и т. п.

Были созданы целые отрасли промышленности, не существовавшие в царской России, — станкостроительная, автомобильная, тракторная, авиационная, производство ферросплавов, высококачественных сталей и синтетического каучука. Было начато строительство тысяч километров новых железных дорог и каналов, многих новых городов и рабочих поселков. Новые центры тяжелой промышленности были созданы в национальных окраинах России, бывших колониях царской России — в Белоруссии, на Украине, в Закавказье, в Средней Азии, в Казахстане, Северном Кавказе, Сибири и Бурят-Монголии. В результате широкого промышленного строительства был создан второй центр металлургической и нефтяной промышленности в восточной части страны.

Это время хорошо отражено в знаменитой книге «За Уралом», написанной Джоном Скоттом, одним из многих американских инженеров, оставшихся безработными в США и нашедших работу в Советском Союзе.

«В Магнитогорске я был вовлечен в битву. Я сражался на стальном и чугунном фронте. Десятки тысяч людей в самых тяжелых условиях строили доменные печи и многие из них делали это с охотой, с безграничным энтузиазмом,

который заразил меня со дня моего приезда туда. Я мог бы держать пари, что только в битве за победу черной металлургии в России погибло больше людей, чем в длительной битве на Марне в первую мировую войну».

Напряженье в стране возрастало и, ощущая это, Сталин все больше обращался к чувству русского национализма. В речи перед хозяйственниками, произнесенной в феврале 1931 года, он заявил:

«Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможности их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оставаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь».

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Как указал Адам Улам, вариант русской истории, данный Сталиным, весьма сомнителен. Старая Россия, которую, по словам Сталина, постоянно били, тем не менее расширила свои границы, захватив одну шестую часть земной суши, и поглотив нескольких своих завоевателей.

Истинный смысл русской истории состоял в другом: «Государство разбухало, в то время как люди съезживались», написал великий русский историк. Правители страны «побеждали» свой народ и всегда под одним и тем же предлогом — этого требует величие государства».

Сталин, однако, не ошибся, интуитивно нащупав точку опоры в национальной гордости русского народа. Он успешно использовал ее, сначала объявив «построение социализма в отдельно взятой стране», а позднее во время войны для мобилизации сопротивления немецким захватчикам. В тридцатых годах Сталин связал национальную гордость с экономическими и социальными преобразованиями, которые он пытался провести в стране. Еще на пятнадцатом съезде партии в декабре 1927 года он сравнил революцию,

которую он собирался совершить, с самыми великими достижениями русских царей:

«Когда Петр I, соревнуясь с более развитыми западными странами, лихорадочно строил промышленные предприятия и фабрики для того, чтобы обеспечить армию и укрепить оборону страны, это тоже была попытка ликвидировать отсталость».

Новый курс Сталина должен был быть привлекательным и поддерживаться не только руководством партии, но и низовыми парторганизаторами, а также рядовыми членами партии. Важной частью «революции сверху» было создание поддержки снизу и организация массового движения. Сталин начал этот процесс одновременно с принятием «чрезвычайных мер» в начале 1928 года. В течение 1928—29 годов в рядах партии укреплялся боевой дух, и Сталин смог воспользоваться этой подготовленностью партийных масс к политической активизации, когда он начал свое решительное «социалистическое наступление» в начале 1930 года.

Данные о положении в различных областях страны дают основание выделить в сложном сплетении событий того периода три основные темы, характеризующие состояние умов в партии. Первая — это неудовлетворенность масс партийцев компромиссами НЭПа и стремление вернуться к традициям военного коммунизма, рассматриваемого партийцами как «героический период» революции. Вторая — это представление о коллективизации, индустриализации и так называемой «культурной революции» конца двадцатых годов, как о *классовой войне*, нацеленной на выявление и истребление «классовых врагов» революции. Третья — это появление новой авангардной части пролетариата, состоящей в основном из молодых энергичных рабочих, названных «ударниками».

Чувство неудовлетворенности было особенно широко развито среди членов молодежной коммунистической организации, называемой комсомолом. Молодой ленинградец писал:

«Комсомольцы моего поколения — те, которым было десять лет или меньше во время Октябрьской Революции, — обижались на свою судьбу. Когда мы достигли сознательного возраста, мы вступили в комсомол. Когда мы пошли работать на фабрики, мы жаловались, что для нас ничего не осталось совершить, потому что революция закончилась, потому что тяжелые, но романтические годы гражданской войны уже не вернутся и потому что старшее поколение оставило нам только скучную прозаическую жизнь, лишённую борьбы и интереса».

Как только представилась возможность, в 1929 году этот комсомолец организовал ударную бригаду.

Вторая тема, поддержанная идеологическим оправдани-

ем сталинского «социалистического наступления» как классовой войны, позволила активистам рассматривать тех, кого они изгоняли из жилищ и лишали работы, посылали в тюрьмы или на смерть, не как людей и граждан, а как «классовых врагов», которые были виновны уже потому просто, что родились в буржуазной или кулацкой семье, и эту вину невозможно было искупить. Утверждение Сталина о том, что, чем ближе советское общество приближалось к достижению социализма, тем больше усиливалась классовая ненависть и классовая борьба, выглядело как объективный и неизбежный закон истории, оправдывающий жестокости во имя грядущего царства добродетели.

Создание нового авангарда трудящихся — третья основная тема этого периода — в процессе ускоренной индустриализации отражалось в призывах удвоить и еще раз удвоить нормы выработки и укрепить трудовую дисциплину, что приводило к снижению реальных заработков и падению уровня жизни. Все это отражалось наиболее тяжелым образом на промышленных рабочих, которые были основной силой, поддерживающей коммунистов в 1917 году и во время гражданской войны. Потомственные квалифицированные рабочие были в особенности недовольны тем, что расширение промышленности потребовало резкого увеличения числа рабочих, приведшего к приливу множества неквалифицированных людей из деревень, не имеющих представления о фабричной жизни.

Сталин и другие вожди коммунистов должны были признать, что этот процесс расширения рабочего класса привел к исчезновению тех, сравнительно небольших и весьма однородных групп рабочего класса в Москве и Ленинграде, обладающих высоким классовым сознанием, на которые они опирались в 1917—1921 годах. На смену им в качестве «авангарда пролетариата» были выбраны политически активные молодые рабочие. Во время революции и гражданской войны они были детьми и подростками и они относились критически как к сопротивлению переменам со стороны старшего поколения рабочих, так и к недостатку дисциплины среди нового пополнения рабочего класса, пришедшего из деревень. Молодые рабочие вступали в ударные бригады, дав, таким образом, начало кампаниям «социалистического соревнования», нацеленного на увеличение производительности труда, которые широко проводились на советских фабриках и заводах со второй половины 1928 года. Сталин и его люди немедленно увидели преимущества движения ударничества, и в начале 1929 года партийные и комсомольские организации и администрации предприятий получили указания оказывать всемерную поддержку этому движению, которое должно было послужить движущей силой для преодоления препятствий на пути ускорения про-

мышленного развития Советского Союза. Влияние движения ударников распространилось далеко за пределы фабрик и заводов. Коллективизация в деревне проводилась под руководством двадцати пяти тысяч «лучших сынов отчизны», которые были выбраны из семидесяти тысяч ударников промышленных предприятий, добровольно вызвавшихся выполнить это задание партии. Среди молодежи, организуемой социалистическое соревнование, отбирались новые кадры для замены партийцев, изгнанных во время чисток в партийном, государственном и профсоюзном аппаратах. Честолюбивые, но и энергичные, молодые активисты, чьи политические догмы не были проверены жизненным опытом, выдвигались из рабочего класса на руководящие должности после получения высшего образования, ознаменовав период широкой социальной мобильности, начавшейся в период 1928—31 годов.

Вот что стояло за «разговорами» о классовой войне. Это была культурная революция («Правда» писала, что это слово «носится в воздухе»), создающая «новый класс», то есть будущую коммунистическую элиту, пришедшую к руководству страной после чисток тридцатых годов и после войны, которую можно назвать поколением Брежнева.

Хотя социальная мобильность продолжала оставаться высокой, «культурная революция», как таковая, продолжалась не более трех или четырех лет. Она относится только к определенному периоду истории Советского Союза, начавшемуся прекращением НЭПа в 1928—29 годах, когда поддержка партийными активистами борьбы против правой оппозиции все еще имела политическое значение, и закончившемуся в 1931—32 годах. Сталин сам дал сигналы к началу и к концу официальной поддержки «культурной революции». Он воспользовался «Шахтинским делом» в 1928 году, так же как ранее он воспользовался хлебным кризисом, для того, чтобы дать четкий сигнал, призывающий к возобновлению классовой борьбы, на смену классовому примирению, принесенному НЭПом.

Грубо состряпанный суд над пятьюдесятью инженерами, обвиняемыми во вредительстве («Шахтинское дело» в Донбассе) был первым важным примером того, как ОГПУ использовало советские органы юстиции для того, чтобы дать политический урок всему населению страны. В этом случае предметом преследования были «буржуазные специалисты», которые занимали место, отведенное кулакам в сельском хозяйстве. Они обвинялись в сотрудничестве с зарубежными странами (в этот период была еще свежа в памяти угроза войны, распространившаяся в 1927 году) и с бывшими владельцами шахт, живущими за границей. Утверждалось, что их целью был подрыв индустриализации, которая бы «укрепила диктатуру пролетариата» и, таким образом,

сделала бы невозможным возвращение к капитализму. Этот судебный процесс был удобен для властей тем, что он предъявил обществу козла отпущения, на которого можно было бы взвалить вину за недостатки советской экономики, за нехватки и трудности повседневной жизни в стране. Кроме того, судебный процесс в драматической форме продемонстрировал всем, что с этих пор буржуазная интеллигенция и беспартийные специалисты, пережившие революцию, которые пользовались некоторыми привилегиями во время НЭПа к неудовольствию рабочих, будут в дальнейшем рассматриваться как политически подозрительные элементы, в будущем подлежащие ликвидации.

V

Шахтинский процесс и последующие за ним чистки ярко показали, что Сталин, как и Петр Первый до него, не собирался опираться только на энтузиазм людей. Хотя во время индустриализации не происходило процессов, аналогичных раскулачиванию или крестьянскому сопротивлению во время коллективизации, индустриализация под руководством партии была также революцией сверху и ее лихорадочный темп поддерживался, когда это было необходимо, с помощью силы.

Центральное место в сталинской системе правления занимала тайная полиция, известная как служба государственной безопасности или ОГПУ, действия которой определяли всю жизнь в Советском Союзе в тридцатые годы. Помимо проведения кампании подавления крестьянства ОГПУ занималось также, хотя и в более избирательном режиме, запугиванием хозяйственных работников, инженеров и чиновников, от которых Сталин требовал выполнения завышенных заданий, включенных в пятилетний план. В начале действия тайной полиции были направлены, в основном, против «буржуазных специалистов», не состоявших в партии, позже пришел черед партийной элиты.

Шахтинский процесс, проведенный в 1928 году, задал тон для всех дальнейших событий, как, по всей видимости, это и было запланировано Сталиным. В обращении к Центральному Комитету в апреле 1929 года Сталин сказал:

«Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили

оружия, что они накаплиют силы для новых выступлений против Советской власти».

В ноябре — декабре 1930 года члены так называемой «промышленной партии», руководимой профессором Рамзиным, были обвинены в систематическом вредительстве в советской промышленности по заданию иностранных агентов, среди которых были названы такие неожиданные имена, как бывший французский президент Пуанкаре, сэр Генри Детердинг (руководивший нефтяной компанией Ройял Датч Шелл), английский секретный агент Лоуренс Аравийский и другие «враги советского народа». Хотя обвинения были совершенно несуразными, еще до суда, пропаганда широко распространила утверждения о виновности арестованных. Множество организаций, включая Академию Наук СССР, потребовали смертной казни для преступников, а во время суда перед зданием промаршировало более полумиллиона человек с криками «Смерть! Смерть! Смерть!» Когда начался открытый суд, председателем которого вновь был Вышинский, обвиняемые повторили ритуальные признания, полученные у них следователями ОГПУ, и пять из восьми обвиняемых были приговорены к смерти. Хотя эти приговоры были потом смягчены, а самого Рамзина вскоре освободили и даже наградили орденом, пропагандистское влияние суда было очень велико, так как сообщения о нем широко распространялись по всему Советскому Союзу.

Через три месяца, в марте 1931 года проходил суд над группой бывших меньшевиков, занимающих ныне высокие должности в хозяйственных и плановых организациях. Их обвинили в создании секретной организации под названием «Союзное бюро» для руководства вредительством и подрывной деятельностью, имеющей целью затормозить экономическое развитие страны. Они обвинялись также в организации секретного союза с «Промышленной партией» и «Народной крестьянской партией» для подготовки вооруженного вторжения из-за рубежа и вооруженных восстаний внутри страны. Большая часть арестованных не была выведена на открытый суд. Их или расстреляли, или отправили в лагерь.

Сталин, однако, лучше понимал проблемы развития промышленности, чем сельского хозяйства. Он понял, в частности, что для улучшения работы хозяйственные руководители должны быть освобождены от постоянного вмешательства в их дела со стороны партийных работников и профсоюзных руководителей, осуществляемые через так называемые «тройки», что было типичным явлением в советской промышленности в течение двадцатых годов. Он приказал, чтобы ответственность за производство была возложена на «единоличное» руководство, вместо коллективного руко-

водства, как это было сделано в восьмидесятых годах в Китае после смерти Председателя Мао.

Другим свидетельством того, что Сталин был готов к более разумному подходу в промышленных вопросах, чем в сельскохозяйственных, было изменение его отношения к «буржуазным специалистам». Ему пришлось признать, что, по крайней мере, некоторое время русская промышленность не могла обходиться без специалистов, получивших свое образование до революции, или даже за границей. Он сказал на конференции хозяйственных руководителей в июне 1931 года, говоря об изменении политики, провозглашенной тремя годами ранее в марте 1928 года:

«Должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции. Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось, главным образом, в политике разгрома, то теперь, в период поворота этой интеллигенции в сторону Советской власти, наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и работы о ней. Было бы неправильно и недialeктично продолжать старую политику при новых, изменившихся условиях. Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как непойманного преступника и вредителя. «Спеццедство» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением».

Последняя фраза напоминает о той наглости, с которой была написана его статья «Головокружение от успехов», так как на самом деле Сталин сам возглавил преследование специалистов, дав сигнал к нему во время «Шахтинского дела». Кроме того, когда уровень жизни достиг очень низкой отметки зимой 1932—1933 годов, преследования специалистов возобновились. Например, в январе 1933 года шесть инженеров из английской фирмы «Метро Викерс» и десять русских специалистов были преданы суду по обвинению во вредительстве на электростанциях.

Тем не менее, выступление Сталина в июне 1931 года дало такой же четкий сигнал к окончанию «культурной революции», как «Шахтинское дело» для ее начала. На ответственные посты в промышленности вновь были выдвинуты многие беспартийные специалисты, включая многих, которые были освобождены из тюрем или лагерей. Такое смягчение отношения к специалистам не только было необходимо Сталину, он мог теперь себе это позволить, так как молодое поколение рабочего класса уже выдвинуло из своих рядов ядро нового поколения талантливых и честلوبивых руководителей в промышленности.

Хорошим показателем этого ускоренного повышения социального статуса целых слоев общества является тот факт,

что в 1933 году 43 % из трех с половиной миллионов членов партии были служащими, в то время, как на момент вступления в партию только 8 % членов партии были служащими. Между январем 1930 года и октябрём 1933 года в общей сложности 660 тысяч членов партии, бывших рабочими перешли на административную или политическую работу или же были посланы на учебу для того, чтобы занять в дальнейшем такие должности. Большинство из студентов новых высших технических учебных заведений, посланных туда партией, чтобы подготовиться на должности хозяйственных руководителей, инженеров, политических работников, не имели законченного среднего образования и перед учебой занимали небольшие должности в промышленности или в партийном аппарате. К числу таких выдвинутых относился Хрущев (поступивший в Московскую промышленную академию в 1929 году в возрасте тридцати трех лет), Брежнев (поступивший в Днепродзержинский металлургический институт в 1931 году в возрасте двадцати пяти лет) и Косыгин (поступивший в Ленинградский текстильный институт в возрасте двадцати шести лет).

Продвигаясь по служебной лестнице они были включены в систему привилегий и поощрений, созданную Сталиным для тех социальных групп, на которых основывался режим, — партийных и государственных служащих, работников ОГПУ, а также, с некоторых пор, новой хозяйственной элиты. Эти привилегии включали в себя щедрые премии, доступ к дефицитным товарам в специальной системе закрытых распределителей, улучшенное жилье, школы и персональный транспорт. Эти привилегии и поощрения не были гарантированными, если служащие или руководители не выполняли того, что от них ожидалось, или, что было еще хуже, подозревались в отклонениях от «правильной» линии, они лишались этих привилегий, и в скором будущем обвинялись во «вредительстве» и измене. Общая неуверенность в будущем объединяла новую советскую элиту общей целью выживания, что создавало «новый вид морального единства» (по словам Лешека Колаковского). Эта мощная сила объединила всех коммунистов и сплотила их вокруг проводимой Сталиным политики жестокости и насилия, так партия легла на курс, с которого она уже не смогла свернуть.

Для выполнения грандиозной строительной промышленной программы, предусмотренной пятилетним планом, сложнейшим вопросом было получение требуемой рабочей силы. В первые годы пятилетки руководители промышленных предприятий старались удержать любую рабочую силу, которую они могли найти, и не задавали новым работникам лишних вопросов, пользуясь существующим тогда беспорядком. Таким образом, миллионы раскулаченных или беглецов из колхозов нашли себе работу на стройках и в про-

мышленности (их число по оценкам составляло более шестнадцати миллионов человек в период между 1929 и 1935 годами). Эти люди, однако, не имели никакой квалификации и не были приучены к трудовой дисциплине. Рабочие часто бросали свою работу в поисках лучших условий труда и жизни и текучесть рабочей силы была очень велика, так же как и частота прогулов. В 1932 году в СССР была введена система внутренних паспортов, одной из целей которой было сокращение миграции населения и текучести рабочей силы, чему, в свою очередь, способствовало то, что «дезертиры» и прогульщики лишались карточек на продовольствие и жилой площади. Чем лучше становилась организация труда на советских промышленных предприятиях, тем больше обычный рабочий оказывался привязанным к своей работе, и любые перемены в работе допускались только если они вызывались требованиями плана.

В своей речи перед хозяйственными руководителями в июне 1931 года Сталин изложил новый подход к организации труда, который оказал важнейшее воздействие на советское общество. Он осудил уравниловку в зарплате, как левацкое отклонение, и призвал к восстановлению четкого различия между оплатой труда за квалифицированную и неквалифицированную работу: «Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что в виду этого, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности». После того, как партия разрешила это, рабочим на Урале и в восточных районах стали предлагать более высокую зарплату, чтобы привлечь их туда. Расширилось применение сдельной оплаты труда с тем, чтобы привязать заработок к производительности труда, хотя в то же время повышенная производительность труда рабочих, которые могли работать более интенсивно и более долгое время, и которых стали называть стахановцами, не только повысила их заработок и дала им различные другие привилегии, но и привела к увеличению норм выработки для остальной части рабочих.

Прошло очень много времени, тем не менее, прежде чем увеличение производительности труда начало улучшать общий уровень жизни у основной части рабочих. В течение первой пятилетки основное внимание уделялось строительству новых предприятий и производству средств производства и оружия. В отличие от крестьян на Украине, городское население не умирало от голода, но оно страдало не только от малых норм выдачи продовольствия по карточкам, но и от непрерывных нехваток продовольствия, бесконечных очередей, высоких цен, чрезмерной перенаселенности и нехватки жилья.

В самый тяжелый период суровой зимы 1932—33 годов, Сталин заявил: «Ясно, что уровень жизни рабочих постоянно улучшается. Те, кто отрицает — враги советской власти». Это удивительное утверждение противоречило, очевидно, тому, что большинство рабочих испытывало каждый день. Сталин не хуже Гитлера понимал, однако, что если ложь, которую ты говоришь, очень велика, тем более вероятно, что люди будут думать, что в ней есть какое-то зерно правды.

Ложь было легче произносить сейчас, когда (после трех десятилетий фракционной борьбы и споров в партии) вся оппозиция была подавлена. Прежние руководители оппозиции, такие, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, были вынуждены публично признаться в своих ошибках и теперь сталинистское руководство имело монопольное право на использование прессы и радио. С конца 1929 года никто не мог публично оспаривать или критиковать какие бы то ни было высказывания вождя. Члены Центрального Комитета и делегаты Съезда партии, слушавшие утверждения Сталина об успехах программы коллективизации и достижения в выполнении пятилетнего плана, должны были знать, что они не соответствуют действительности. Они не только не оспаривали эти утверждения, они приветствовали их, и все газеты в стране на видном месте помещали как эти утверждения, так и описания аплодисментов присутствующих, подождавших их. Если мы спросим кто же верил этим утверждениям, мы должны вспомнить, что многие люди на Западе, включая таких известных лиц, посетивших СССР, как Бернард Шоу и Герберт Уэллс, были восхищены достижениями, сделанными, по утверждению Сталина, советским плановым народным хозяйством. Сообщения о голоде на Украине или о массовой высылке людей в лагеря отметались как антисоветская пропаганда. Умелое использование Сталиным «двоемыслия» помогало многим людям верить или почти верить его утверждениям. Например, применение термина «кулак», помогало многим членам партии долгое время обманывать себя в отношении событий, происходящих в деревне. Слова «раскулачивание» или «экспроприация в сельском хозяйстве», звучащие вполне по-марксистски, маскировали жестокую действительность, в которой происходили массовые выселения, высылка, голод и смерть миллионов человеческих существ.

Так же как и Гитлер, Сталин отлично понимал важность и возможности манипуляции общественным мнением и его режим использовал многие методы, применяемые Гитлером, вдобавок к некоторым, вполне оригинальным, собственным изобретениям. Городское население в СССР, живущее в плохих условиях, вечных нехватках продовольствия и всех товаров, получило возможность направить свое недоволь-

ство и ненависть на разоблаченных предателей и вредителей. При отсутствии возможности такой разрядки это недовольство могло быть направлено на партийное руководство. Пропаганда утверждала, что все экономические неудачи и трудности вызывались не ошибками руководства или планирования, а вредительством врагов социалистического строя. Все граждане, а в особенности члены партии и комсомола, призывались быть на страже для того, чтобы дать отпор «внутреннему врагу», следить за своими соседями и товарищами по работе и при необходимости доносить на них.

Сталин не обладал актерским талантом, свойственным Гитлеру, ему было гораздо труднее, чем Гитлеру, воздействовать на население огромной страны, уровень жизни и образования которого был гораздо ниже, чем в Германии. Сталину удалось найти необычный метод такого воздействия в виде нескольких общественных судебных процессов, превративших пропаганду в политический театр, основанный на признаниях самих обвиняемых. Эти признания были получены заранее с помощью психологических и физических пыток, и кроме них суд не рассматривал никаких других доказательств вины подсудимых. Эти процессы самым широким образом освещались в прессе и по радио, включая международную печать, сообщения из которой затем выборочно цитировались «Правдой» и другими советскими газетами.

Как в сталинском Советском Союзе, так и в гитлеровской Германии, был хорошо усвоен один урок — это то, что пропаганда имеет наибольшее влияние, если она поддерживается террором. В рассматриваемый период Советский Союз не был еще тотальным полицейским государством, каким он стал в конце тридцатых годов, собственная власть Сталина была все еще ограничена некоторыми рамками. В период между 1930 и 1934 годами произошел, однако, решительный сдвиг в обоих направлениях — тотального полицейского государства и безграничной власти Сталина. Как гестапо и СС для Гитлера в Германии, ОГПУ в СССР было тем орудием, с помощью которого Сталин мог по желанию добиться выполнения любых своих приказов, выходящих за рамки обычной административной и юридической практики, от насильственного выселения кулаков, фальсификации улик на судебных процессах, выбивания признаний у заключенных, арестов и «исчезновения» отдельных граждан, до создания целой системы тюрем и исправительных трудовых лагерей.

Между Сталиным и ОГПУ были очень тесные связи. Руководитель ОГПУ (с 1931 по 1937 год это был Ягода) подчинялся лично Сталину, а также отвечал за его охрану. Офицеры ОГПУ относились к наиболее привилегирован-

ными и высоко оплачиваемым слоям советской элиты, однако они также не были свободны от чувства неуверенности, типичного для коммунистического режима. Как Ягода, так и его преемник Ежов, в конце концов, возбудили подозрение Сталина и были казнены.

Важным дополнительным средством контроля над населением было создание атмосферы всепрощающего страха, вызванного секретностью, окружающей всю деятельность ОГПУ, включая необоснованные аресты, использование пыток, существование громадной лагерной системы. Любая попытка упомянуть какие-либо из этих видов деятельности ОГПУ публично привела бы к немедленному аресту и осуждению виновного смельчака. Вокруг ОГПУ существовал заговор молчания, в котором участвовали миллионы человек, с ужасом осознающих, что случилось с другими и что может произойти с ними самими, если подозрение падет на них.

Те люди, которые входили в конфликт с системой и отправлялись на длительные сроки в лагеря, все-таки продолжали вносить свой вклад в народное хозяйство. Советское государство стало использовать принудительный труд с самого начала своего существования. Управление лагерей было самым большим в ОГПУ, многие знали его по его сокращенному названию ГУЛАГ, расшифровывающемуся, как Главное управление лагерей. То, что Солженицын позднее назвал Архипелагом ГУЛАГ, можно было скорее бы назвать субконтинентом, громадной сетью исправительных учреждений. Рабы, содержащиеся в них, составляли до 10 % всей рабочей силы в СССР, и их можно было заставить работать буквально до упаду, а расходы на их содержание не превышали одной трети средней заработной платы рабочего в стране. Этот архипелаг поглотил миллионы людей, высланных в процессе раскулачивания и коллективизации, и приобрел их к «социально-полезному труду». Особенно успешно принудительный труд использовался в горнодобывающей промышленности (включая добычу золота), лесной промышленности и, в особенности в районах с тяжелыми условиями жизни или суровым климатом, таких как Сибирь и север европейской части России. К концу тридцатых годов ГУЛАГ стал, кроме того, основным поставщиком рабочей силы для строительства в СССР.

Имеются весьма различные оценки числа заключенных в лагерях, так как смертность в лагерях была очень велика, и в лагеря постоянно прибывало свежее пополнение. Последние данные советских исследователей указывают, что число заключенных, находящихся в лагерях одновременно, колебалось между двумя и четырьмя миллионами.

Никогда ранее в истории народ громадной страны с на-

селением сто пятьдесят миллионов не подвергался таким громадным лишениям и катастрофическим потрясениям, вызванным действиями своего правительства за такое короткое время — всего за четыре года. Существует опасность, однако, что сами масштабы потрясений могут произвести такое ошеломляющее впечатление, что они неосознанно подтвердят утверждение Сталина о том, что реформы имели беспрецедентный успех, такой, какой где бы то ни было рассматривался бы как чудо. Здесь следует сразу спросить, что за успех, и в чем он измеряется.

Прежде всего, насколько велик был *экономический успех*, о котором Сталин твердил на каждом шагу, осыпая слушателей блестящими, часто неполными, статистическими данными?

Что касается сельского хозяйства, трудно было бы придумать более разрушительную политику, чем принудительная коллективизация, проведенная Сталиным, которая изгнала самых энергичных и опытных крестьян с земли в попытках истребить химерическое видение сельского капитализма и скоро превратилось во всеобщую войну, проводимую государством против крестьян, составляющих четыре пятых населения страны. Сам Сталин потом признался Черчиллю, что эта война была не менее трудной, чем война с немецкими фашистами, и потери в ней составили десять миллионов жизней.

Сталинская политика не только навсегда подорвала силу трудового населения в деревне, но и привела к его полной отчужденности от жизни страны. Оказавшись привязанными опять к земле, сельские жители отомстили тем, что свели сотрудничество с режимом к абсолютному минимуму, что заставило государство и партию, ничего не понимающих в сельском хозяйстве — и меньше всего в любимом Сталиным крупномасштабном сельскохозяйственном механизированном производстве — все чаще и чаще вмешиваться в повседневную работу с результатами, которых легко было ожидать. Известный советолог Моше Левин приводит следующую цитату из книги философа и историка Марка Блоха о положении крестьян в средневековой Европе: «Злоупотребление применением силы со стороны феодалов не имело более никакого противовеса, за исключением удивительной способности к инерции у сельских жителей, — которая, в действительности, часто оказывала очень эффективное воздействие — и внесению беспорядка в систему управления, создаваемую феодалами». Приводя эту цитату, Левин добавляет, что не знает более точного описания положения в сельском хозяйстве России в двадцатом веке. Крестьяне трудились по-настоящему только на своих маленьких приусадебных участках, которые в основном кормили их самих и их семьи. Даже в 1937 году эти частные

участки давали более половины картофеля, овощей и фруктов, производимых в стране, а также более 70 % молока и мяса, то есть остатки частного хозяйства являлись важнейшим источником продовольствия для населения Советского Союза.

Если мы сейчас не будем рассматривать последствия коллективизации для самих людей, а проанализируем только экономические результаты, они окажутся не впечатляющими. Производство зерна, постоянно растущее в течение двадцатых годов, начало снижаться после 1928 года. Урожай в 1928—30 годах был 74 миллиона тонн, а в течение пяти лет с 1931 по 1935 год он снизился до среднего уровня 67 миллионов тонн. В 1937 году был получен необычно высокий урожай — 87 миллионов тонн, в 1938—39 годах он снизился опять до немногим более 67 миллионов тонн. Правительству удалось избежать повторения голода при растущем населении страны, только путем увеличения в два раза доли урожая, заготавливаемого государством централизованно (со средней величины заготовок в 18 миллионов тонн в 1928—32 годах до 32,1 миллиона тонн в 1938—40 годах).

Цифры потерь в поголовье скота, данные ниже в таблице, говорят сами за себя.

Скот	Поголовье (миллионов голов)	
	1928	1933
Крупный рогатый скот	70,5	38,4
Свиньи	26,0	12,1
Овцы и козы	146,7	50,2

Эти потери поголовья скота были компенсированы только после смерти Сталина в 1953 году. В своих докладах Центральному Комитету в 1953—54 годах Хрущев сообщал, что производство зерна было все-таки меньше на душу населения и поголовье скота было даже меньше в абсолютных цифрах, чем во времена царизма. В двадцатых годах сельское хозяйство восстановило свою производительность до уровня 1913 года, но после проведенной Сталиным коллективизации в тридцатых годах, сельское хозяйство стало самым слабым сектором народного хозяйства на протяжении всего двадцатого века.

Сталинская коллективизация может быть охарактеризована как поразительная неудача, если принять во внимание вызванные ею огромные человеческие страдания. Единственным оправданием ее могло быть то, что у Сталина не было выбора, что (как он постоянно утверждал) крестьяне

были нападающей стороной и пытались подорвать государство, установив его экономическую блокаду. На самом деле, все происходило наоборот — это Сталин сам приказал начать проведение «чрезвычайных мер» в декабре 1927 года и январе 1928 года. В результате решение, принятое на пятнадцатом Съезде партии в начале декабря (которое Сталин одобрил), убедило крестьян, что государство решило вернуться к насильственному изъятию продовольствия, как оно делало в период военного коммунизма. Не вызывая сомнения, что зимой 1927—28 годов наблюдалось критическое положение с заготовками зерна, однако и в то время и позднее указывалось, что этот кризис был вызван ошибками правительственной экономической политики, которая не уделяла должного внимания сельскому хозяйству. Этот кризис все еще можно было разрешить, используя экономические меры (изменив, например, ценовую политику), не прибегая к сталинским «урало-сибирским» методам.

Хотя сделанный Сталиным «поворот влево» в конце 1927 года — начале 1928 года рассматривался как начальный момент скачка вперед, власти не делали никаких серьезных приготовлений к проведению массовой коллективизации до тех пор, пока она не была официально начата в конце 1929 — начале 1930 годов. Происходящие события соответствовали схеме, характерной для всего так называемого «второго Октября». Она состояла в происходящих один за другим кризисах, вызванных поспешными и плохо продуманными решениями, для преодоления которых принимались дальнейшие непродуманные решения и отчаянные меры, что приводило не только к самоподдерживающемуся беспорядку и хаосу, но и к оправданию политики насилия и чрезвычайных мер, требуемых при этом.

Несомненно, что Сталин не предвидел масштабов потрясений, вызванных коллективизацией, а также сопротивления со стороны крестьян. Твердость его руководства проявлялась в том, что он отказывался от каких-либо компромиссов. Закрывая глаза, затыкая уши, он отказывался принимать во внимание получаемую им информацию и настаивал на продолжении политики после временной остановки весной 1930 года. Он не замечал перед собой своих жертв, он видел только врагов, которых надо было сокрушить, применяя любую необходимую для этого силу.

Индустриализация Советского Союза была, между тем, гораздо более успешной, чем коллективизация сельского хозяйства. Спорным вопросом остается, однако, насколько индустриализация и ее успех были обязаны проведению коллективизации. В свое время Преображенский доказывал необходимость «зажима» крестьян для проведения «первоначального социалистического накопления» с целью финансирования индустриализации. Однако, что на практике

могли дать разрушенное сельское хозяйство и голодающая деревня? Максимум того, что можно указать здесь — это то, что менее половины прибавочного продукта, полученного от сельского хозяйства, использовалось для финансирования промышленного развития в начале пятилетки и эта цифра снизилась до 18 % к 1932 году, а к концу пятилетки она сошла практически до нуля.

Каким бы образом не проводилось финансирование индустриализации, во время первой пятилетки были заложены основы современной промышленной базы, а во время второй пятилетки они были закреплены. К 1937 году общее промышленное производство возросло по сравнению с 1928 годом почти в четыре раза. Это было замечательным экономическим достижением. Однако из него не следует подтверждение того мнения, что если бы не руководство Сталина и не его постоянное вмешательство, таких значительных результатов не удалось бы получить.

В отличие от проблем, возникающих в отсталом сельском хозяйстве России, которое большевики не могли ни понять, ни втиснуть в свою марксистскую теоретическую схему, они всегда рассматривали индустриализацию страны как ключ к успешному созданию социалистического общества. При этом большевики имели то преимущество, что в мире промышленности они разбирались в отличие от мира мужиков, и их планы расширения промышленности возбуждали энтузиазм в партии и никогда не встречали того активного сопротивления, какое «вторая революция» в деревне вызвала у крестьян.

При всем при том, однако, утверждение, что Сталин был единственным руководителем, обладающим решимостью победить хаос и успешно выполнять пятилетку, вызывает встречный вопрос, не был ли именно стиль руководства Сталина и его постоянное вмешательство во все дела одной из основных или даже главной причиной создания этого хаоса, а отнюдь не способствовал уничтожению его. Имеются солидные основания для утверждения, что «по крайней мере такого же уровня промышленного развития можно было бы достичь менее жестокими методами».

В промышленности, как и в сельском хозяйстве, сталинский метод руководства привел к тем же типичным ошибкам, хотя они и не произвели столь разрушительных последствий. Приведем здесь четыре примера таких ошибок. Во-первых, не пытаясь никак объяснить свои предложения логически, Сталин неожиданно обратился к Совету народных комиссаров, настаивая на том, чтобы контрольные цифры, предложенные Госпланом (Государственной плановой комиссией) на первую пятилетку, были увеличены на сто процентов, а в некоторых случаях и выше того.

Рой Медведев описал последствия волевого метода пла-

нирования, введенного Сталиным, на примере производства синтетического каучука. В январе 1931 года была получена первая партия синтетического каучука, произведенная с помощью новой экспериментальной технологии. Не обращая внимания на рекомендации всех специалистов, включая изобретателя этого метода академика А. С. Лебедева, правительство решило немедленно строить одну или две фабрики по производству каучука. Однако, Сталин настоял на начале строительства десяти заводов, которые должны были быть завершены до конца пятилетки. Это решение привело к тому, что ограниченные строительные мощности были раздроблены по десяти стройплощадкам, уже не говоря о том, что оставалось много нерешенных технических задач. В результате в течение 1932—33 года было начато строительство только трех заводов, остальные не были построены ни в первой, ни во второй пятилетке.

Во-вторых, в планировании развития промышленности, как и в колхозном строительстве, Сталин страдал «гигантоманией». Он требовал, чтобы промышленные предприятия, как и колхозы, создавались в масштабах, которые превышали возможности Советского Союза, как по строительству, так и по функционированию. В результате требовалось или гораздо больше времени на завершение строительства, чем это вызывалось экономической необходимостью, а построенные предприятия страдали от постоянных неполадок и перебоев, или стройки оставались незаконченными. Аналогичным образом, тот факт, что Сталин обращал особое внимание на пропагандистские эффекты, начиная с «героических», но часто фальсифицированных достижений стахановцев, и кончая чрезвычайными мерами, показывал насколько мало Сталин понимал необходимость регулярного систематического ритма работы для эффективной деятельности современного промышленного предприятия.

В-третьих, страсть к большим размерам сочеталась у Сталина с упорным стремлением сделать все как можно быстрее. Он не только привел в беспорядок все планы пятилетки, увеличив вдвое плановые задания, независимо от того, возможно это было или нет, но к тому же он затем потребовал, чтобы пятилетка была выполнена в четыре, а не в пять лет. Это привело только к противоположным результатам, постоянному нарушению производственных программ, громадным потерям и беспорядочной охоте за дефицитными ресурсами, прежде всего материалами и рабочей силой.

Убедившись в невозможности выполнения нереальных заданий в слишком короткие сроки, Сталин обвинил хозяйственных руководителей во вредительстве, диверсиях и заговорах, нападая в особенности на бывших буржуазных и иностранных специалистов, которые оказались удобными

козлами отпущения, но чей технический и руководящий опыт были необходимы для развития советской промышленности. В конце концов Сталину пришлось признать, что потеря этих специалистов нанесет непоправимый удар по выполнению пятилетнего плана, однако он не отказался от своих подозрений и от своего подхода к руководящим кадрам, основой которого было поддержание у них постоянного состояния неуверенности для получения от них максимальной пользы.

В истории всегда существует выбор между разными возможностями. Некоторые историки утверждали, что альтернативой к крайностям сталинизма была умеренная политика, предлагаемая Бухариным. Эта политика была основана на признании необходимости продолжения и изменения НЭПа, поддержании доверия к крестьянству — смычке между городом и деревней, развитии сельских кооперативных организаций и обеспечении достаточных возможностей и времени для того, чтобы большинство крестьян и частный сектор в городах имели возможность «врасти в социализм» путем взаимодействия с социалистическим сектором народного хозяйства. Те же историки указывали, что предложения Бухарина были развитием тем, изложенных в последних трудах Ленина, посвященных углублению НЭПа как дороги к социализму, и в то же время предвосхищали позиции чешских реформаторов (проведенные в 1967—68 годах) «социализма с человеческим лицом».

Однако эта альтернатива существовала только в теории, в реальном положении в России в 1928—29 годах она не имела *практического* значения. После того, как Сталин разорвал отношения с Бухариным, в политической жизни страны не осталось деятелей, которые смогли бы добиться принятия такой политики. Тем более этого не смог бы сделать Бухарин. При таких обстоятельствах другие ведущие члены Центрального Комитета были убеждены, что единственным реалистическим курсом, направленным на превращение России в современное промышленное государство, был курс, предложенный Сталиным, а не политика Бухарина и правых.

Рассматривая события выше, мы до сих пор оставляли в стороне политический фактор. Как Сталин, так и Гитлер, разделяли веру в то, что развитие нации определяет политика, а не экономика — они считали, что все возможно, если имешь силу и волю для проведения своей политики. Насколько неправильным был такой подход к истории и политике, показывают рассмотренные выше примеры политических решений, принятых в Советском Союзе в 1928—33 годах, выполнение которых было сделано невозможным или искажено социальными или экономическими причинами. В то же время мы не можем полностью понять природу

сталинской революции и систему, созданную им, без рассмотрения всех политических факторов.

Сталин смело утверждал, а Коммунистический Интернационал послушно подтверждал, что события, происходившие в Советском Союзе между 1928 и 1934 годами составляли «построение социализма» и все советские органы печати непрерывно повторяли это утверждение. В январе 1934 года был специально созван семнадцатый Съезд партии, названный «Съездом победителей». На этом Съезде Сталин провозгласил победу, достигнутую в борьбе за преодоление русской отсталости. Это подтверждалось увеличением промышленного производства в два раза и коллективизацией 85 % сельского хозяйства. В своем обращении к Съезду Сталин сказал: «Как могли произойти эти колоссальные изменения в какие-то 3—4 года на территории громадного государства с его отсталой техникой, его отсталой культурой? Не чудо ли это? Это было бы чудом, если бы развитие шло на базе капитализма и единоличного сельского хозяйства. Но это не может быть названо чудом, если иметь в виду, что развитие шло у нас на основе развертывания социалистического строительства». Сейчас, когда капитализм в стране был полностью уничтожен, а мелкое личное сельское хозяйство оттеснено на последнее место, социалистический метод производства оставался единственной главной движущей силой в народном хозяйстве.

«Марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным. Нельзя считать случайностью, что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как во всех остальных странах, в том числе и в странах фашизма, вот уже четыре года царят кризис и безработица. Нет, товарищи, это не случайность».

В течение многих лет эти утверждения, сделанные Сталиным, вносили смуту и раскол в ряды левого движения за границами Советского Союза и дезориентировали его. Левые силы не скоро осознали, что какими бы замечательными не были преобразования, проведенные Сталиным, его революция сверху не представляла собой замену капиталистического хозяйства социалистическим. То, что Сталин совершил, и что с тех пор превратилось в гораздо более понятный феномен, состояло в использовании власти государства для насильственного преобразования отсталого человеческого общества, причем применялись методы и приносились жертвы, которые полностью были несовместимы с социалистическими идеалами и принципами.

Очевидно, что одной из основных движущих сил сталинской борьбы с крестьянством была его решимость прекра-

тить продолжающуюся зависимость государства от внешней силы, находящейся вне его контроля, и поэтому рассматривающейся как враждебная. Когда Сталин встретил сопротивление крестьян его политике хлебозаготовок и раскулачивания, он не отступил, а напротив расширил сферу противостояния с целью разрушить, раз и навсегда, самые основы самого многочисленного и наиболее консервативного социального класса в русском обществе. Этот процесс можно было рассматривать как катастрофу или, по крайней мере, ошибку в экономическом отношении, но в политическом отношении Сталин рассматривал его как громадную победу.

Хотя программа индустриализации проводилась гораздо успешнее, в ней тоже следует проанализировать удачи и ошибки и их соотношение. Внедренная Сталиным система централизованного планирования и принятия решений была с самого начала обречена быть неэффективной и малоподвижной, по крайней мере, на первоначальном этапе, если принять во внимание размеры страны и нехватку экономистов, инженеров и хозяйственников, которые требовались в больших количествах для проведения индустриализации. Руководители, находящиеся в Москве, могли, разумеется, отдавать распоряжения, однако, было гораздо труднее добиться их выполнения на местах или, по крайней мере, найти достаточно компетентные кадры для выполнения этих распоряжений на местах.

Несмотря на все недостатки централизации, между тем она имела одно решающее преимущество для Сталина в том, что она позволяла ему контролировать и вмешиваться — совершенно произвольным образом и тогда, когда это менее всего ожидалось — в события по всей стране, посылая Молотова, или Кагановича, или Постышева на места для того, чтобы разобраться и овладеть событиями, вышедшими из-под контроля. Как делал это Сталин в годы гражданской войны, и как его эмиссары делали это на Украине, они устраняли препятствия, производили чистку кадров — при необходимости расстреливали и арестовывали — и, таким образом, устраняли одних руководителей и запугав других, добивались нужных результатов. Таким образом, революция 1928—34 годов включала в себя третий важнейший процесс, помимо индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, — построение мощного государства, полностью подавляющего слабое общество.

VII

Коммунистическая партия в Советском Союзе заняла место, ранее занимаемое старыми правящими классами, а государство и его деятельность вдохновлялись и направ-

лялись партийным руководством. Сам Сталин не занимал посты ни главы государства, ни премьер-министра, то есть, председателя Совета народных комиссаров. Он был просто генеральным секретарем Центрального Комитета ВКП(б). Его власть над государством и государственной бюрократией, таким образом, была производной от его возможностей контролировать партию.

Сталин никогда не рассматривал свое партийное положение как нечто, заранее заданное и полностью гарантированное. Когда бывшие члены левой оппозиции были вновь приняты в партию и назначены на руководящие посты, он не забыл об их прегрешениях перед ним. Некоторые из них, такие как, например, Пятаков, который был назначен председателем Государственного Банка и заместителем народного комиссара тяжелой промышленности, делали большой вклад в работу над выполнением пятилетнего плана, и, тем не менее, все они были арестованы до конца тридцатых годов и или расстреляны, или отправлены в лагеря (как Радек). Тем временем Сталин продолжал утверждать: «Правая оппозиция самая опасная — усилить огонь по правым!» Совершенно ясно, почему он стал настаивать на такой политике. Сейчас он сам проводил политику, предлагаемую ранее левыми, таким образом, те члены партии, которые разочаровались и даже протестовали против политики Сталина и жестоких методов ее проведения, должны были переориентироваться на правую позицию и прежде всего, поддерживать взгляды, наиболее четко выражаемые Бухариным.

На шестнадцатом съезде партии летом 1930 года правые «оппортунисты» были обвинены в новых преступлениях. Обвинения заключались в том, что оппозиционеры, прекратив открытое противостояние, начали признавать свои прежние ошибки для того, чтобы скрыть свое тайное противодействие партийной линии. Нападки на правый оппортунизм составляли главное содержание выступлений на съезде. Один из приспешников Сталина обобщил взгляды партийных инакомыслящих на местах в таких словах: «Политика Сталина ведет к разорению и несчастью... Предложения Бухарина, Рыкова и Угланова являются единственно правильными и ленинскими; только они способны вывести страну из этого тупика». В течение 1930 года проводились чистки с целью искоренения таких взглядов. В марте 1931 года был проведен процесс над бывшими членами меньшевистской партии для того, чтобы выявить и разоблачить экономистов и работников плановых органов, выразивших сомнения относительно контрольных цифр пятилетнего плана. Другой целью процесса было уничтожение последнего независимо мыслящего марксистского ученого Рязанова, старого большевика, занимающего пост директора Института Марксизма-Ленинизма.

Осенью и зимой 1932—33 годов беспорядок и страдания населения в Советском Союзе достигли беспрецедентных масштабов и это отразилось в росте числа сомневающихся и озабоченных этим членов партии, а также в нарастании напряженности в руководящих кругах партии. В конце 1930 года и в 1932—33 годах были выявлены три крупных выступления партийцев с критикой Сталина. В первом случае были замешаны два высокопоставленных партийных работника, которым покровительствовал сам Сталин. Первым был Сергей Сырцов, ставший членом Центрального Комитета в двадцатых годах, а затем сменивший Рыкова на посту Председателя Совета народных комиссаров РСФСР и достигнувший поста кандидата в члены Политбюро в 1930 году. Вторым был Виссарион Ломинадзе, избранный в Центральный Комитет на шестнадцатом Съезде партии. Он занимал важную должность в Коминтерне, организовал восстание в Кантоне в Китае в декабре 1927 года по личному приказу Сталина, а затем был назначен первым секретарем краевого комитета Закавказского региона, имеющего важное стратегическое значение. Эти два партийца обвинялись в организации контрреволюционной фракции на платформе, отражающей «паникерские» взгляды правой оппозиции. Они не представляли собой организованной оппозиционной группы, выражали недовольство, широко распространенное между многими членами партии, которые поддерживали Сталина в его борьбе против Бухарина ранее, однако, которые в настоящее время соглашались во многом с критикой сталинской политики, высказанной ранее Бухариным. Сырцов неодобрительно отозвался о последствиях «чрезвычайной централизации» и «разбушевавшейся бюрократии», а говоря о таких вновь строящихся промышленных объектах, как Сталинградский тракторный завод, он называл их «очковтирательством». Ломинадзе осудил, в свою очередь, демонстрируемое сталинским режимом «помещичье отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян». Они оба были сняты со своих руководящих постов и направлены на работу на незначительные посты.

Положение не улучшилось в течение 1931—1932 годов. Советский дипломат Александр Бармин, позднее ставший невозвращенцем, писал:

«Преданность Сталину в то время, которое я описываю [1932], была основана прежде всего на убежденности, что никто не мог занять его место, что любое изменение в руководстве вызовет чрезвычайные опасности, и что страна должна продолжать следовать по намеченному курсу, так как любая остановка или попытка отступления означала бы потерю всего».

В 1932 году в стране наступил голод, и была выдвинута «рютинская платформа». Рютин был сотрудником секретариата

риата Центрального Комитета и в течение нескольких лет руководил одним из райкомов партии в Москве. В 1928 году он поддерживал правую оппозицию, а в 1930 году он подверг Сталина резкой критике при личной встрече с ним. Он был арестован и обвинен в создании контрреволюционной организации, однако в виду отсутствия улик его пришлось освободить. В 1932 году под влиянием ухудшающихся жизненных условий в стране Рютин подготовил документ, состоящий из двухсот страниц и адресованный «всем членам ВКП(б)», в котором политика Сталина была подвергнута беспощадной критике. Специальная комиссия из десяти или двенадцати партийных работников на заседании 21 августа 1932 года вынесла после обсуждения обвинительное заключение по делу Рютина, которое позднее было применено и к другим оппозиционерам в партии, включая Зиновьева и Каменева, но не была опубликована. Рютин и другие члены его группы были арестованы через месяц после этого заседания. Были также арестованы все лица, о которых было известно, что они имели возможность прочитать документ, написанный Рютиным.

На судебных процессах и чистках, проведенных позднее в тридцатые годы, «рютинский заговор» неоднократно упоминался, как самое первоначальное подпольное движение, в причастности к которому обвинялись все основные участники оппозиции. Интересно отметить две следующие особенности платформы Рютина. В ней поддерживались взгляды, пропагандируемые как правой, так и левой оппозициями — поддерживалась критика экономической политики Сталина, исходящая справа, и критика партийного режима, установленного сталиным, исходившая со стороны Троцкого и левых. Платформа призывала к различным реформам, включая отступление от сталинской экономической политики, уменьшение капиталовложений в промышленность, разрешение крестьянам выходить из колхозов и прием обратно в партию всех, исключенных из нее, включая Троцкого. Вторая особенность платформы особенно поразительна. На пятидесяти страницах платформа говорит о Сталине как о «злом гении русской революции, который в погоне за личной властью и мстью, привел революцию на край катастрофы». Платформа выдвигала требование о смещении Сталина с его поста.

На судебном процессе над Бухариным и Рыковым в 1938 году о платформе говорилось, что она «ознаменовала переход к тактике свержения советской власти силой». Верховный Суд СССР реабилитировал Рютина и его группу в виду отсутствия состава преступления в 1988 году. Сталин потребовал расстрела Рютина в 1932 году, на том основании, что его платформа являлась призывом к убийству Сталина. Из ОГПУ дело Рютина было передано в Цент-

ральную контрольную комиссию ВКП(б), откуда, в свою очередь, оно перешло на рассмотрение в Политбюро. Хотя к тому времени Политбюро состояло исключительно из партийных руководителей, поддержавших Сталина в борьбе против оппозиции в 1929—30 годах, Киров, Орджоникидзе, Куйбышев и другие не могли согласиться с первой казнью старого большевика. Пленум Центрального Комитета (28 сентября — 2 октября 1932 года) заменил казнь Рютина на десять лет тюремного заключения. Рютин и другие члены его группы были исключены из партии как «выродки, враги коммунизма и Советской власти, предатели дела партии и рабочего класса, которые под флагом мнимого «марксизма-ленинизма» попытались создать буржуазно-кулацкую организацию для реставрации капитализма и кулачества в СССР».

В то же время дальнейшие репрессивные меры были приняты против многих из старых оппозиционеров, включая Зиновьева, Каменева и Угланова.

Сталин был раздражен тем, что он не смог добиться исполнения своего желания. Через четыре года в сентябре 1936 года он потребовал смещения начальника ОГПУ Ягоды, заявив в свирепой телеграмме, что «ОГПУ запоздало на четыре года в разоблачении троцкистско-зиновьевского блока». Большинство историков думают, что эти слова относятся к отказу Политбюро согласиться с его требованиями четыре года тому назад, в сентябре 1932 года. Другим свидетельством этого является то, что на каждом из показательных процессов, проведенных в 1936, 1937 и 1938 годах, обвиняемые должны были признаться в причастности к рютинскому заговору, о котором утверждалось, что он был первым объединением оппозиционных сил на основе общих планов террора. Сталин смог отомстить, наконец, 1 января 1937 года. Рютин был расстрелян немедленно по окончании суда над ним, длившегося сорок минут, после чего были расстреляны двое его сыновей и многие из лиц, замешанных в его деле.

Третья оппозиционная группа в партии, организованная бывшим народным комиссаром сельского хозяйства А. П. Смирновым, была разоблачена в январе 1933 года. Смирнов и его группа, включающая двух старых большевиков Эйсмонта и Толмачева (членов партии с 1907 и 1904 годов), распространяли манифест, аналогичный платформе Рютина, и предлагали сместить Сталина с поста Генерального секретаря партии. Сталин сказал в выступлении перед Центральным Комитетом: «Только враги могут говорить, что можно убрать Сталина и ничего не случится». Тем не менее, Политбюро опять не разрешило расстрелять Смирнова и его товарищей; они были исключены из партии и позднее осуждены к тюремному заключению.

На том же пленарном заседании Центрального Комитета, на котором обсуждалась судьба группы Смирнова, было принято решение о проведении общей чистки в партии, приведшей к исключению из партии 800 000 человек (из трех с половиной миллионов членов) в течение 1933 года и еще 340 000 человек в 1934 году. Чистка была, в основном, направлена против тех, кто недавно вступил в ряды партии в сельской местности. В результате массовой чистки многие колхозы и сельские районы остались вообще без первичных партийных организаций или же в них сохранилось только по одному члену. Даже на восемнадцатом Съезде партии, проведенном в 1939 году, сообщалось, что на 243 тысячи колхозов имеется только двенадцать тысяч первичных партийных организаций, а общее число членов в них, включая кандидатов, составляет только 153 тысячи. Эти цифры свидетельствуют насколько далеко зашло отчуждение крестьянства от партии. Летом 1940 года было объявлено, что партия примет дальнейшие меры для усиления воздействия на крестьян с целью повышения производительности труда в коллективных хозяйствах примерно до уровня, достигнутого на их приусадебных участках. Партия не смогла, однако, широко развернуть эту кампанию до немецкого вторжения в июне 1941 года. Крестьяне, таким образом, знали, что только немецкое нападение спасло их от очередной атаки на них со стороны партии.

Между группами Рютина и Смирнова и той группой членов Политбюро, которая возражала против их слишком сурового наказания, были два очень существенных различия. Члены Политбюро были главными сторонниками Сталина, они помогли ему победить Бухарина и правых и проводить политику, разработанную им для первой пятилетки. Руководитель Всесоюзного Совета Народного Хозяйства Орджоникидзе, занимавший одновременно важный пост народного комиссара тяжелой промышленности, и Киров, руководитель ленинградской партийной организации, принадлежали к числу людей, взгляды которых Сталин вряд ли мог легко игнорировать. Обычно считается, что к этим двум партийным вождям примыкали Куйбышев, Косиор (первый секретарь Украинской коммунистической партии) и Рудзутак, ушедший из Политбюро на пост руководителя Центральной контрольной комиссии и затем вернувшийся в Политбюро в качестве кандидата в январе 1934 года. Все они принадлежали к одному поколению (года рождения между 1886 и 1889), следующим за поколением Сталина (год рождения 1879), и все они вступили в партию между 1903 и 1907 годами. Два из них оказались настолько независимыми, что осмелились предоставить должности бывшим членам оппозиции. Орджоникидзе дал должности Бухарину и Пятакову в своем комиссариате тяжелой промышленно-

сти, а Киров пригласил одного из ведущих членов кружка Бухарина, Петра Петровского, на должность руководителя идеологического отдела ленинградского горкома партии и редактора «Ленинградской правды» в 1934 году, невзирая на то, что тот был замешан в деле Рютина. Следует добавить, что все они кончили свой жизненный путь во время последующих чисток. Двое были арестованы и расстреляны, один погиб от руки убийцы (Киров), а двое (Орджоникидзе и Куйбышев) умерли при таинственных обстоятельствах, дающих основание подозревать убийство.

Никто из них не собирался приостановить проведение политики индустриализации и коллективизации или оспорить ведущую роль Сталина в партии. Они считали, однако, что переломный период был уже пройден, и что пришло время признать, что самое худшее было уже позади, что пора прекратить использование запугивания и террора и удовлетворить затаенные чаяния как населения страны в целом, так и партии, надеющихся на ослабление давления и возможность вести более нормальный образ жизни. Разочарование и протесты против тяжелого положения в стране вообще и политики, проводимой Сталиным, в частности, охватили не только круги старой большевистской гвардии, но и некоторых активных членов комсомола. Были организованы неформальные дискуссионные группы членов комсомола, иногда проходили демонстрации, распространялись листовки, что приводило к репрессиям и летом 1933 года ОГПУ арестовало несколько групп молодежи. Сталин потребовал крайне сурового наказания для них, однако Политбюро опять воспротивилось этому. Руководители оппозиционной Сталину группы в Политбюро призывали к примирению с бывшими оппозиционерами и поддерживали их утверждения о том, что следовало объединить народ перед лицом возросшей опасности извне, особенно усилившейся после японской оккупации Маньчжурии и прихода Гитлера к власти в Германии.

Последующие события свидетельствуют, что Сталина не убедили эти аргументы и что он рассматривал их как угрозу своему собственному положению и немедленно принял меры, чтобы уничтожить тех, кто выдвигал эти предложения. Неизвестно, как быстро он пришел к такому решению и как долго у него заняли приготовления для проведения их в жизнь. Что касается 1933 года, тогда ему очевидно было выгоднее сделать некоторые уступки.

В январе 1933 года система хлебозаготовок была изменена и произвольно определенные планы хлебозаготовок были заменены на фиксированные обязательства, размеры которых определялись по посевной площади колхозов. Секретный циркуляр, изданный в мае, ограничил число крестьянских семей, высылаемых в ссылку, двенадцатью тысячами

в год. В том же месяце были возвращены из сибирской ссылки Зиновьев и Каменев, исключенные во второй раз из партии и сосланные после рютинского дела. Им было разрешено искупить свою вину дальнейшими покаяниями и обращениями к бывшим оппозиционерам с призывами прекратить их сопротивление политике Сталина. В партию были приняты обратно такие известные оппозиционеры, находящиеся в ссылке, как Раковский, ветеран революции из Болгарии и последний из бывших троцкистов, признавший свои ошибки, и Сосновский.

Эмигрантский меньшевистский деятель Борис Николаевский опубликовал за границей «Письмо старого большевика», основанное на его беседах с Бухариным в Париже в 1936 году, где он подчеркнул, что умеренная группа в руководстве партии делает все возможное, чтобы избежать противостояния со Сталиным:

«В то время, как ранее все виды оппозиции были оппозицией против Сталина и за его смещение с поста руководителя, теперь не встает вопроса о таком смещении... Все неустанно подчеркивают их преданность Сталину. Происходит скорее борьба за влияние на Сталина, борьба за его душу, так сказать».

Эти догадки были подтверждены материалами семнадцатого Съезда партии, проведенного в январе — феврале 1934 года, прославляемом советской пропагандой как «Съезд победителей». Для открытия этого съезда была специально выбрана дата 26 января, когда исполнялось десять лет со дня произнесения Сталиным «великой клятвы» выполнять заветы Ленина. Отмечая эту годовщину, «Правда» заявила: *«Глядя назад, на пройденный десятилетний путь, партия имеет право заявить, что клятва Сталина была выполнена с честью. Десятилетие после смерти Ленина было десятилетием великого труда — исторической победой Ленинизма. Под руководством Сталина большевики добились того, что*

СОЦИАЛИЗМ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПОБЕДИЛ».

Сам Сталин был полностью уверен в себе. В длинном докладе Съезду он утверждал, что пятилетка закончилась полной победой и сравнил состояние Советского Союза с горестной судьбой капиталистических стран, где разразилась депрессия:

«Уничтожение эксплуатации, уничтожение безработицы в городе, уничтожение нищеты в деревне — это такие исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть «демократических» буржуазных стран».

Слушатели в зале не обманули надежд Сталина и устроили ему триумфальные рукоплескания. В ответ он сделал

заявление, вызвавшее, как сообщалось в официальном отчете о Съезде «бурные продолжительные аплодисменты»:

«Если на пятнадцатом съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на шестнадцатом съезде — добывать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила... Надо признать, что партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше».

За кулисами, однако, события разворачивались по-иному. Этот съезд бы по сути, последним большим собранием старых большевиков ленинской партии. К этому моменту только десять процентов от общего членства в партии составляли члены партии, вступившие в нее до революции или во время гражданской войны. Тем не менее, восемьдесят процентов делегатов на съезде принадлежали к этой группе, которая все еще имела сильные позиции в руководстве партии. Официальная история партии была во время Хрущева изменена, и в нее был включен следующий абзац:

«Ненормальное положение, которое культ личности создавал в партии, вызывало глубокую озабоченность некоторых коммунистов, прежде всего старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, в особенности те, кто был знаком с завещанием Ленина, считали, что наступило время перевести Сталина с должности Генерального секретаря на какой-нибудь другой пост».

Это утверждение относится к неформальному блоку, созданному на съезде и состоящему, в основном, из секретарей областных комитетов и секретарей Центральных комитетов партии в нерусских республиках, которые знали на личном опыте разрушительные результаты политики Сталина. Они проводили переговоры на московских квартирах ведущих партийных руководителей, включая Орджоникидзе, Микояна и Петровского. Предлагалось назначить Сталина Председателем Совета народных комиссаров или Председателем Центрального Комитета, а на его место Генерального Секретаря избрать Кирова. Имеются различные сообщения о происходивших событиях, начиная с того, что Киров отказался от этого предложения, и рассказал о нем Сталину, и кончая тем, что такое предложение было Кирову сделано, и Киров не отрицал этого, когда Сталин вызвал его к себе и прямо задал такой вопрос.

Не может вызывать сомнения реакция Сталина на это предложение, как бы ни обстояли дела на самом деле. В 1987 году был опубликован отрывок из дневника Микояна, согласно которому Киров почувствовал со стороны Сталина «только враждебность и мстительность по отношению ко всему съезду и, разумеется, по отношению к самому

Кирову». То обстоятельство, что на съезде «были высказаны наиболее чрезмерные похвалы Сталину», когда либо отмеченные в истории, заставило историка Адама Уламу выдвинуть гипотезу, что на съезде организовался «заговор обожания», рассчитанный на манию величия Сталина. Замысел состоял в том, чтобы убедить Сталина не просто уступить свой пост другому, но подняться выше и посвятить себя только иностранным, военным и государственным делам. В начале шестидесятых годов руководство Китайской Коммунистической партии безуспешно пыталось заставить Председателя Мао сделать примерно то же самое.

Сталин, очевидно, согласился с тем, чтобы на съезде были разыграны показательные сцены примирения между различными течениями в партии. Видным бывшим оппозиционером было позволено выступить на съезде с выражениями своего полного обращения в сталинскую ортодоксальную веру. Среди них были Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Преображенский, Пятаков, Радек и Ломинадзе. Некоторых из них даже включили в члены (Пятаков) или кандидаты в члены (Бухарин, Рыков, Томский) Центрального Комитета партии. Тон таким выступлениям был задан в покаянных словах Каменева:

«Следует помнить, что) та эпоха, в которую мы живем, в которую происходит этот съезд, есть новая эпоха в истории мирового коммунистического движения, что она войдет в историю — это несомненно — как эпоха Сталина, так же как предшествующая эпоха вошла в историю под именем эпохи Ленина... Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 годы боролся с партией и ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собою по библейскому выражению эту старую шкуру».

Бухарин отдал должное Сталину «как фельдмаршалу пролетарских сил, лучшему из лучших». Он привел цитату из писаний нацистского философа, заявившего: «Народ должен требовать жрецов-вождей, которые проливают кровь, кровь, кровь, которые колют и режут», и указал насколько это варварское мышление отличается от гуманной философии, царящей в Советском Союзе.

Киров, которого некоторые рассматривали — и Сталин знал это — как возможного преемника Сталина, понял свою роль, дав с энтузиазмом свой ответ на доклад Сталина:

«Мне, товарищи, казалось бы, что в итоге такого подробного обсуждения доклада ЦК нашей партии, которое имело место на настоящем съезде, было бы напрасно ломать голову над вопросом о том, какое вынести решение, какую вынести резолюцию по докладу товарища Сталина. Будет правильнее, по-моему, — и для дела во всяком случае это будет гораздо целесообразнее, чем всякое другое реше-

ние, — принять к исполнению, как партийный закон, — все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина... Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить, на самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!»

Стенографический отчет о съезде свидетельствует, что речь Кирова неоднократно прерывалась «бурными аплодисментами». Съезд поступил, как предложил Киров, и принял беспрецедентный шаг, проголосовав за то, чтобы все партийные организации «руководствовались в своей работе предложениями и задачами, изложенными товарищем Сталиным в его речи».

В своем выступлении Киров вспомнил о «великой клятве» Сталина, принесенной им на похоронах Ленина, заявив: «Мы эту клятву выполняем, мы эту клятву и впредь будем выполнять, потому что клятву эту дал великий стратег освобождения трудящихся страны и всего мира — товарищ Сталин». По всей видимости эта речь была выражением восхищения Сталиным, однако, в обсуждениях между делегатами в кулуарах съезда многие восприняли овацию, разразившуюся в зале после окончания речи Кирова, как приветствие лично Кирову.

Сталин не поддался на эти уловки и в его докладе прозвучал сигнал, достаточный для тех, кто хорошо знал его, на что Сталин и рассчитывал. Сразу после того, что он заявил о том, что партия одна, как никогда раньше, он начал продолжительные обсуждения идеологической неразберихи, приводящей «некоторых членов» партии к утверждениям, что бесклассовое общество появится самопроизвольно, что они могут ослабить классовую борьбу, сделать более умеренной диктатуру пролетариата и полностью избавиться от государства. Он прибавил:

«Если бы эта путаница во взглядах и эти меньшевистские настроения овладели большинством нашей партии, партия оказалась бы демобилизованной и разоруженной. Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена и нет больше необходимости в политике наступления социализма».

Это указание на необходимость непрерывной бдительности было поддержано предложением Сталина о том, что следовало изменить существующую систему политического контроля в партии. Он уже поручил проведение чистки в 1933 году специальной комиссией, а не Центральной Комиссией. Члены ЦКК, по его мнению, относились слишком снисходительно к направленным в нее апелляциям, и, кроме того, они пользовались своим присутствием на объединенных заседаниях Пленума Центрального комитета и ЦКК для того, чтобы критиковать недостатки в управлении народным хозяйством. Старая ЦКК должна была быть заменена новой партийной контрольной комиссией, задачей ко-

торой была бы проверка выполнения решений Центрального Комитета, а рассмотрение ею апелляций не предусматривалось.

Сталин был недоволен поведением партии, но это недовольство превратилось в ярость, когда он получил результаты выборов в Центральный Комитет. На тайных выборах против Кирова было подано только три голоса, в то время, как против Сталина проголосовало 270 делегатов (почти четверть голосующих) и Сталин был выбран только потому, что число выдвинутых кандидатур было в точности равно числу избираемых членов ЦК. Когда результаты были сообщены Сталину, он настоял на том, чтобы в официальном отчете число голосов, поданных против него было таким же, как число голосов против Кирова, то есть три. На специальном заседании Центрального Комитета, рассматривающем материалы семнадцатого съезда, в 1957 году, уже после смерти Сталина, было обнаружено, что 267 избирательных бюллетеней не сохранились.

Семнадцатый Съезд, названный американским историком Робертом Такером «Съездом примирения» превратился в съезд «окончательного отхода Сталина от большевистской партии». В течение нескольких следующих лет Сталин мстил партии таким же образом, как Мао Цзе Дун сделал в шестидесятых годах, и не менее тщательно. Согласно цифрам, приведенным в докладе Хрущева, сделанном на двадцатом съезде партии в 1956 году, из 1966 делегатов «Съезда победителей» не менее 1108 было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях, а 98 из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета, избранных на съезде, были арестованы и расстреляны.

Несмотря на всю свою обманчивость, новая атмосфера единства в руководстве партии продолжала поддерживать для постороннего взгляда в течение 1934 года до 1 декабря. Многие бывшие члены оппозиции были допущены на серьезную работу. Например, Бухарин был назначен главным редактором «Известий», второй по важности официальной газеты после «Правды», и он мог регулярно публиковать подписанные и не подписанные им статьи.

Был издан ряд указов, сделавших ОГПУ частью преобразованного народного комиссариата внутренних дел (НКВД), что вызвало надежды на прекращение произвольного использования судебной власти ОГПУ и ограничения ее законными рамками. Одновременно в июле 1934 года прокуроры на местах получили приказ прекратить широко развернувшееся привлечение к судебной ответственности инженеров и хозяйственников. Это было не более, чем отдельные жесты со стороны власти, однако они возбудили надежды на то, что трудности и жестокости периода первой пятилетки и борьбы за коллективизацию были позади и

больше не вернуться. Надежды на лучшее будущее поддерживались и тем обстоятельством, что контрольные цифры второй пятилетки были гораздо более реалистичными, чем соответствующие задания первой пятилетки, что было, в значительной мере, заслугой Орджоникидзе. Появилась даже надежда на то, что отношение властей к колхозам также улучшится. Заготовки зерна из урожая 1933 года превысили на 27 % уровень предыдущего года, который, в свою очередь, был также выше, чем уровень предыдущего года. В результате Центральный Комитет принял решение в ноябре 1934 года, что в 1935 году можно будет отменить хлебные карточки, закрыть специальные политотделы на машинно-тракторных станциях и расширить права крестьян по обработке их приусадебных участков.

За кулисами, однако, продолжалась подготовка к совершенно другому спектаклю. Не имело большого значения, существовал заговор, или нет, важно было, что Сталин сумел убедить себя, что заговор имел место. В очередной раз Сталин продемонстрировал свое мастерство политической интриги. Он обладал двумя громадными преимуществами. Благодаря тому, что ОГПУ/НКВД был связан с нем непосредственно, он обладал гораздо большей информацией о каких-либо действиях и контактах своих противников, чем те, кого он намеревался уничтожить. Скрывая свои собственные намерения, как и в двадцатых годах, Сталин сумел, в то же время, завести в тупик своих жертв, сталкивая их лбами, с единственной целью не допустить того, чтобы они смогли объединиться против него до того момента, когда он будет готов к решительным действиям. Инициатива и последовательность событий всецело определялась только им.

Позднейший анализ показывает, что серия изменений, проведенных Сталиным в 1933—34 годах, имела целью расстановку на ключевые посты людей, которым Сталин, по его мнению, мог полностью доверять. Самым важным из этих назначений было назначение Ягоды на пост руководителя преобразованного НКВД и Агранова на пост его заместителя, назначение Кагановича на должность руководителя новой контрольной комиссии партии и создание (в июне 1933 года) генеральной прокуратуры СССР. В должности генерального прокурора быстро выдвинулся в первый ряд Андрей Вышинский, который получил большой опыт и привлек внимание Сталина своей угодливостью, будучи судьей на слушании «Шахтинского дела», и который покрыл себя позором, выступая в качестве государственного обвинителя на московских процессах во второй половине тридцатых годов. К этому периоду относятся также первые открытые упоминания «специального сектора» личного секретариата Сталина, осуществляющего связи с НКВД, большую роль

в которых играл личный секретарь Сталина Поскребышев и заместитель народного комиссара НКВД Агранов.

Во втором ряду руководителей, выдвинутых после 1934 года стоят имена Ежова, Берии (оба в разное время руководили НКВД), Маленкова, Жданова и Хрущева, каждый из которых в дальнейшем полностью оправдал ожидания Сталина. Эти выдвиженцы Сталина заняли места деятелей, которые продемонстрировали свою излишнюю независимость. Среди них были и такие важные фигуры как бывшие члены не только Центрального Комитета, но и Политбюро, Бухарин и Томский, допущенные теперь только на должности кандидатов в члены ЦК. Как и в двадцатых годах, Сталин продолжал выжидать с присущей ему терпеливостью.

На семнадцатом съезде партии секретариат Центрального Комитета был реорганизован и в него было включено две новых фигуры, помимо Сталина и Кагановича. Наиболее известным среди них был Киров, бывший кандидатом в члены Политбюро с 1926 года и полным членом Политбюро с 1930 года. Вторым был Жданов, секретарь горьковской партийной организации, бывший на десять лет моложе Кирова. Назначение Жданова было несомненно выдвижением, так как он до сих пор не был членом Политбюро, но назначение Кирова нельзя было определить столь однозначно. Он был популярным вождем партии, русским по происхождению (в отличие от грузина Сталина), и лучшим оратором в партии после Троцкого. После того, как Зиновьев был удален с поста руководителя партийной организации в Ленинграде в 1926 году, Киров, назначенный на эту должность, сумел удачно перестроить эту организацию и создать в ней мощную поддержку для себя. Сталин всегда относился с подозрением к руководителям ленинградской партийной организации, три раза в течение своей жизни он устраивал ее разгром и чистку — в 1926 году после снятия Зиновьева, в 1934—35 годах после убийства Кирова, и в 1950 году после смерти Жданова.

Точно неизвестно, был ли Киров избран секретарем Центрального Комитета по решению Сталина или же это был шаг, направленный против него. Сталин был знаком с Кировым с дней Революции в октябре 1917 года. Этот жестокий, холодный, самоуглубленный характер, естественно тянулся к приветливому, открытому и веселому Кирову, вокруг которого, где бы он ни был, всегда собиралась толпа. Возможно за исключением Бухарина, не было ни одного другого партийного деятеля, к которому бы Сталин чувствовал такую привязанность. Они дружили семьями, они часто уезжали в отпуск вместе, а в 1924 году Сталин послал Кирову один из немногих подписных экземпляров своей книги «О Ленине и ленинизме» с надписью «С. М. Кирову,

моему другу и любимому брату от автора. Сталин». Через десять лет на семнадцатом съезде, когда ведущий объявил: «Слово товарищу Кирову», все присутствующие встали со своих мест и устроили ему овацию, к которой присоединился и сам Сталин. Однако Сталин никогда не забывал, что когда он требовал от Политбюро разрешения на казнь Рютина, Киров выступил против этого, даже не посоветовавшись, предварительно с ним: *«Мы не должны этого делать. Рютин не безнадёжен, он просто сошел с правильного пути... Черт знает сколько рук писали эту «платформу»... Нас неправильно поймут».*

В то время как Жданова освободили от его должности первого секретаря партийной организации в Горьком для того, чтобы он мог полностью посвятить себя своей новой должности в Москве, Кирову было позволено остаться в Ленинграде, что создавало совершенно необычную ситуацию при назначении на должность секретаря ЦК. Хотя точных подтверждений этому не имеется, вполне возможно, что Сталин хотел, чтобы Киров находился под более пристальным наблюдением с его стороны, но Киров успешно сопротивлялся этому. Возможно, имеет значение и то, что в начале 1934 года Сталин, по сообщениям, был под большим впечатлением от известий из Германии о том, что Гитлер избежал проявления потенциальных разногласий в своей партии, проведя беспощадную чистку и физически устранив Рёма, руководство СА, и других бывших руководителей оппозиции. По опубликованным воспоминаниям, Сталин был единственным из советских руководителей, утверждавших, что действия Гитлера приведут к усилению, а не ослаблению нацистского режима.

В конце лета 1934 года Сталин пригласил Кирова и Жданова провести с ним вместе отпуск на его даче в Сочи. В конце этого не особенно приятного отдыха Сталин, по сообщениям, опять потребовал от Кирова полностью перейти на работу в Москве, Киров настоял на том, что он останется в Ленинграде до конца второй пятилетки, то есть до 1937 года. Неизвестно, что произошло между Сталиным и Кировым в этот период. Мы знаем только, что в конце ноября Киров был в Москве на Пленуме Центрального Комитета, затем он вернулся в Ленинград и 1 декабря он был застрелен в коридоре Смольного, где находился Ленинградский обком партии, тридцатилетним бывшим партийным работником Леонидом Николаевым, ранее уволенным с работы.

Несомненно, что Николаев действовал не по своей воле. Историки до сих пор спорят, был ли Сталин предупрежден о намерениях Николаева. В докладе двадцатому съезду партии в 1956 году Хрущев намекнул, что Сталин был замешан в этом убийстве, однако прямо это утверждение сдела-

но не было. Неоспоримо, однако, что Сталин немедленно использовал это убийство для издания Указа, который, согласно словам Хрущева, позволил лишить обвиняемых в террористических нападениях практически всех возможностей и прав на защиту. По всем партийным комитетам был разослан документ, призывающий к бдительности и озаглавленный «Уроки событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова», который положил неожиданно конец всем надеждам на смягчение режима. Каково бы ни было участие Сталина в убийстве Кирова, люди, пережившие террор второй половины тридцатых годов, рассматривали это убийство как событие, открывшее эру террора.

РЕВОЛЮЦИЯ ГИТЛЕРА

Гитлер: 1933—1934
(в возрасте от 43 до 45 лет)

I

Ни Сталин, ни Гитлер не пришли к власти тем путем, о котором продолжали мечтать нацисты из СА,— путем традиционной революции, т. е. насильственного свержения существующего режима извне. Они добились власти, действуя внутри существующих структур: Сталин — используя пост Генерального секретаря ВКП(б), Гитлер — пост канцлера в правительстве, образованном коалицией правых партий. Оба использовали преимущества своего положения, чтобы закрепить полученную ими власть при поддержке соответствующих правительств, Сталин — объявив себя приемником основоположника большевистской революции, Ленина, авторитет которого был неоспорим, Гитлер — опираясь на авторитарную традицию немецкой истории.

По общему для правых и левых сил Германии мнению Гитлер мог быть только узником кабинета, реальная власть в котором принадлежала фон Папену, Гугенбергу и их единомышленникам. Однако всего лишь через шесть недель, 23 марта, рейхстагом был принят «Закон о ликвидации бедственного положения народа и государства», согласно которому кабинет получал чрезвычайные полномочия, что давало ему право действовать независимо от парламента и санкций президента. Одним ударом Гитлер расправился с противниками и обеспечил себя властью, которая освобождала его, как главу правительства, от каких-либо ограничений конституционного или политического характера; при этом ему удавалось сохранить видимость соблюдения конституции, что было продолжением свойственной ему тактики «легальности», которой он неукоснительно придерживался со времен провала путча в 1923 году.

Еще до принятия закона, едва успев, вступая в должность канцлера, произнести торжественное обещание соблюдать конституцию, Гитлер тут же принялся нарушать ее, потребовав использования чрезвычайных полномочий

президента, предусмотренных конституцией, и таким образом, примирил два несхожих лика националсоциализма, являвшегося с одной стороны революционным движением, с другой — демонстрировавшего приверженность «букве закона».

Фон Папен и его единомышленники из консервативного лагеря не были слепы: они прекрасно понимали, что делает Гитлер. Они сами продемонстрировали отчетливые прецеденты такого использования чрезвычайных полномочий президентской власти, которые не только не содействовали защите демократических устоев республики (именно для этого они были предусмотрены статьями Веймарской конституции), а напротив, способствовали разрушению и уничтожению этих основ.

Как и Гитлер, они стремились добиться независимости правительства от рейхстага, но сделать это с одобрения рейхстага и тем самым соблюсти видимость законности, необходимой для обеспечения и сохранения взаимодействия между армией, государственным аппаратом и судебными органами — всей структуры германской государственности. Они не смогли понять одного: Гитлер намеревался довести этот процесс до логического завершения, используя чрезвычайные полномочия для того, чтобы освободить себя не только от рейхстага, но и от президента, от кабинета, от союзников по коалиции и от их партий. Эту же ошибку совершили старые большевики, которые не смогли увидеть, как далеко готов был пойти Сталин в своем стремлении обрести полную независимость от них.

Фон Папен и Гутенберг столь плохо понимали, что задумал Гитлер, что на первом же заседании кабинета дали согласие распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Без всякого принуждения со стороны Гитлера фон Папен объявил, что эти выборы будут последними. В подготовке к ним нацисты мобилизовали все имеющиеся у них ресурсы — в частности, впервые в истории продемонстрировав мастерское (как показал пример Гитлера и Геббельса) использование возможностей радио.

Однако в течение первого месяца Гитлер был осторожен и старался не раздражать своих партнеров из других националистических партий. В «Обращении к немецкому народу», переданному по радио 1 февраля, Гитлер, аттестуя себя не лидером партии, но главой национального коалиционного правительства — «Правительства национальной революции» — обратился с призывом вновь воссоединить разрозненную нацию и восстановить «единство ее ума и воли». О нацистской партии не было сказано ни одного слова, все обращение было составлено в духе консерватизма, без каких-либо радикальных оттенков:

«Национальное правительство будет сохранять и защи-

щать основы, на которых покоится сила нашей нации. Под надежную защиту оно возьмет христианство — фундамент нашей нравственности — и семью — ядро нации. Поднимаясь выше классовых и сословных различий, оно вернет нашему народу сознание его расового и политического единства, возвратит его к исполнению обязанностей, истекающих из этого. Оно хочет, чтобы уважение к нашему великому прошлому и гордость нашими традициями стали главными моментами воспитания немецкой молодежи. Поэтому оно объявит беспощадную войну всем формам духовного, политического и культурного нигилизма. Германия не должна впасть и не впадать в коммунистическую анархию».

В ходе предвыборной борьбы нацисты, так же, как другие националистические партии, вели активную кампанию против «марксистов», ставших главным объектом атаки для Гитлера, причем под общим названием «марксисты» подразумевались социал-демократы, деятели профсоюзного движения наравне с их злейшими врагами — коммунистами.

«Четырнадцать лет марксизма подорвали Германию. Один год большевизма уничтожил ее. Если мы хотим видеть политическое и экономическое возрождение Германии, нужно действовать решительно. Мы должны перебороть растленные нации коммунистами».

Гитлер не поддержал предложение Гутенберга о немедленном запрете КПП; ему было выгодно нагнетать страхи: ведь призывы коммунистов к всеобщей стачке, их предвыборная кампания вызывали опасения, что коммунистическое восстание неминуемо. В качестве чрезвычайной меры президент издал еще один декрет — «В защиту немецкого народа» — в соответствии с которым правительство получало неограниченные права на запрет газет и публичных выступлений. Выполнение декрета было возложено на ландтаги (парламенты федеральных земель), правительство пожинало плоды переворота, совершенного фон Папеном в июле 1932 года, в результате которого Пруссия оказалась под контролем рейхскомиссара. Правда, фон Папен все еще занимал должность рейхсканцлера, но фактически управление прусской полицией, самой крупной вооруженной силой в Германии, и прусским госаппаратом было в руках Геринга, назначенного рейхскомиссаром Министерства внутренних дел Пруссии и попросту игнорировавшего тот факт, что он формально подчинен фон Папену.

Контроль Геринга над Пруссией сыграл ключевую роль, позволив нацистам предпринимать действия, о которых Гитлер, к тому времени избранный рейхсканцлером, официально якобы не был поставлен в известность. Геринг был в «своей стихии». В течение недели он составил список офицеров полиции и правительственных служащих, которые

подлежали чистке. На коммунистические организации были проведены налеты и приказ Геринга, направленный 17 февраля прусской полиции, не оставляет сомнений по части того, что от нее требовалось:

«Думаю, нет необходимости указывать на то, что полиция не следует проявлять даже признаков враждебного отношения к патриотическим организациям (СА, СС, «Стального шлема»), а тем более создавать впечатление их преследования.

С деятельностью подрывных организаций, напротив, следует бороться самыми энергичными способами. Террористические действия коммунистов следует пресекать со всей суровостью и обязательным применением оружия в тех случаях, когда это необходимо. Мы окажем поддержку тем офицерам полиции, которые воспользовались огнестрельным оружием при исполнении обязанностей, независимо от того, какими были последствия применения оружия; те же из офицеров, которые не смогли исполнить свой долг из ложного чувства сострадания, могут ожидать дисциплинарных взысканий».

22 февраля Геринг издал еще один приказ, который имел далеко идущие последствия. Прусская полиция была усилена дополнительным набором в добровольные вспомогательные подразделения для борьбы «с возросшим экстремизмом радикальных левых элементов, особенно из коммунистического лагеря». Подразделения были укомплектованы практически только членами «национальных ассоциаций», СА, СС и «Стального шлема» (в общей сложности примерно 50 000 чел.), которые продолжали носить форму своих организаций с добавлением белой нарукавной повязки и которые стали, по существу, хозяевами улиц, т. к. регулярная полиция не вмешивалась в их действия. Почтительное отношение Гитлера к «законности» всегда сочеталась с угрозой насилия, олицетворенной коричневыми рубашками СА; теперь, когда он получил полномочия главы правительства, угроза эта не только не исчезла, но воплотилась в «симбиоз законности и террора», которому предстояло стать клеймом, которым был отмечен третий рейх.

С 30 января Германия на протяжении нескольких месяцев находилась во власти террора, характер которого во многом отличался от систематических, но единичных актов насилия, предпринятых СС в дальнейшем. В основном осуществляемый силами СА, по своей природе он скорее напоминал стихийный взрыв ненависти и злобы, «день», который был давно обещан рядовым членам движения, который постоянно откладывался, но наконец, наступил — как награда за преданность идеям нацизма. И хотя 10 марта в официальном выступлении по радио Гитлер обратился к гражданам Германии с призывом к сдержанности, это были

пустые фразы, произносимые для успокоения консервативных кругов в стране и за рубежом, т. к. в этот же день Геринг заявил в Эссене: «Несколько лет мы говорили народу: «Вы сможете свести счеты с предателями». И мы держим наше слово. Ныне счеты сводятся». Рудольф Дильс, начальник прусского гестапо, впоследствии писал:

«Активизация берлинских СА наэлектризовала самые отдаленные районы страны. В больших городах, где полномочия полиции были переданы лидерам местных СА, революционная активность буквально охватывала всю округу...»

В Силезии, Рейнланде, Вестфалии и Руре несанкционированные аресты, неподчинение полиции, насильственные вторжения в общественные здания, погромы, ночные налеты начались еще до поджога рейхстага в конце февраля.

Приказа о создании концентрационных лагерей не было: просто настал день и они появились. Руководство СА создало свои «собственные» лагеря, т. к. не доверяло своим пленников полиции. Никакой информации об этих импровизированных (ab hoc) лагерях в Берлин не поступало».

В результате не существовало должной регистрации количества арестованных, замученных и убитых, и те цифры, которые приводятся сегодня, значительно приуменьшают масштабы насилия и террора. Сведение старых счетов за уличные бои двух-трех прошедших лет в основном было направлено против коммунистов и социалистов. Евреи, католические священнослужители, политики и журналисты также становились объектами преследования. Вскоре активность СА распространилась и на тех, чьи машины, или другие предметы собственности понравились кому-то из штурмовиков, чье превосходство они чувствовали, кто был лучше образован и против кого они затаили злобу, и кто, как будто во исполнение самых заветных мечтаний всех коричнево-рубашечников оказался, наконец в их полном распоряжении.

Не прошло и недели после приказа Геринга, как 27 февраля тайно и внезапно в центре Берлина запылало здание рейхстага. Геринг воспринял это как предлог, которого он давно ждал, для того, чтобы увеличить масштаб официальных акций и присоединиться к «национальному подъему» народа. Рудольф Дильс, который видел, как горел рейхстаг и участвовал в допросе Мартина ван дер Люббе, молодого голландского экс-коммуниста, был убежден, что тот действовал по собственному почину. Но ни Геринг, ни Гитлер не хотели и слышать об этом. «Это начало коммунистического восстания», — заявил Геринг. Гитлер, стоя в зале заседания, освещенном горящими панелями, был вне себя от возбуждения: «Это очень хитроумный замысел, подготовленный заранее». Дильс продолжает:

«Гитлер кричал, как сумасшедший, таким я его никогда

раньше не видел: «Теперь не будет пощады. Каждый, кто станет нам поперек дороги, будет уничтожен. Немецкий народ не потерпит слонгайства. Этой же ночью депутаты коммунисты должны быть повешены. Каждый, кто в сговоре с ними, — арестован. И пусть не ждут теперь пощады социал-демократы».

Не теряя времени, Геринг приказал арестовать всех депутатов-коммунистов и ведущих деятелей КПГ, опечатать помещения, занимаемые партийными организациями, запретить все печатные издания, а также наложить 14-дневный запрет на социал-демократическую печать. Всего было произведено 4000 арестов. Но этим все не ограничилось. На следующий же день Гитлер убедил президента подписать еще один декрет чрезвычайного характера «Об охране народа и государства; о мерах против коммунистического террора, угрожающего безопасности государства». Первым параграфом декрета до особого распоряжения отменялись семь статей конституции, гарантировавших основные гражданские права.

«Итак, введены ограничения на свободу личности, свободу мнений, свободу печати, свободу собрания и организаций; дозволяется нарушение тайны переписки, телеграфных сообщений, телефонных разговоров, проведение обысков, конфискация имущества, ограничение права собственности сверх пределов, ранее предусматриваемых законодательством».

Все это «легализовало» такую меру, как «профилактический арест» — прием, к которому привычно прибегало гестапо, заключавшее людей в тюрьму без санкции суда.

В соответствии со вторым параграфом декрета правительство рейха получало право брать на себя полномочия правительств федеральных земель и использовать их для обеспечения безопасности и порядка; другие параграфы декрета устанавливали смертную казнь за любые нарушения декрета, за попытки покушения на жизнь членов правительства или поджог. Вопреки сложившейся практике не были опубликованы комментарии по толкованию декрета. В Пруссии директивой Геринга наряду с основными конституционными правами «отменялись все остальные ограничения действий полиции, введенные законами рейха или федеральных земель на период, пока это необходимо и соответствует целям декрета». Судя по неполным данным полицейских отчетов в марте-апреле прусской полицией было произведено примерно 25 000 арестов.

Со стороны консервативных партнеров Гитлера по коалиции декрет не вызвал возражений: они сочли его временной мерой, направленной против левых, не желая видеть далеко идущих последствий подобного шага; сам же Гитлер, отвечая на вопрос корреспондента лондонской «Дейли

экспресс», будет ли узаконено ограничение свободы личности, воскликнул: «Нет! После того, как с коммунистической угрозой будет покончено, все права будут восстановлены». Однако восстановление конституционных свобод так и не состоялось. Гитлер не утрудил себя отменой или изменением Веймарской конституции. Но с принятием декрета, явившегося результатом торопливой импровизации в ночь поджога рейхстага, были заложены правовые основы нацистского полицейского государства на двенадцать лет существования «третьего рейха».

Угроза коммунистического восстания была воспринята всерьез рядовыми немцами; как показали секретные сообщения полиции и других ведомств; изучающих общественное мнение, жесткие меры правительства вызвали мало недовольства, широко приветствовались массами и дали новый толчок популярности Гитлера накануне выборов. Ухватившись за «доказательства» подрывной деятельности коммунистов, заявляя о твердой решимости Гитлера защитить немецкий народ, аппарат нацистской пропаганды активизировал свою деятельность, и, добившись небывалого уровня воздействия и устрашения масс, способствовал приближению кульминационного момента, который Геббельс назвал «Днем национального пробуждения». Убитых — 51 человек и несколько сот раненых таковы были потери в рядах противников нацизма, причем наверняка эти данные занижены; нацисты потеряли 18 человек убитыми. Вышим выражением пафоса предвыборной кампании нацистов стала переданная всеми германскими радиостанциями заключительная речь Гитлера на грандиозной демонстрации в Восточной Пруссии — провинции, которая по условиям Версальского договора была отделена от рейха Польским коридором и которая обеспечивала НСДАП самый высокий процент голосов. «Теперь вы снова можете держать головы высоко и гордо, — закончил свое выступление Гитлер. — Вы больше не рабы, вы освобождены из неволи... по милости Божьей». Ответом на мессианские восклицания Гитлера стало пение тысячами собравшихся гимна, в конце которого зазвучали колокола Кенигсбергского собора. После окончания трансляции «огни свободы» были зажжены в горах и вдоль границ рейха, штурмовики прошли маршем по каждому из городов Германии.

Однако, несмотря на все усилия нацистов, результаты выборов не оправдали их ожиданий. При рекордной явке на выборы 88 % избирателей нацистская партия получила на 5,5 млн. голосов больше, чем в ноябре 1932 года, что в целом обеспечило им 17 млн. голосов на этих выборах, тогда как их союзники, националисты, получили 3 млн. голосов. Но даже имея в своем распоряжении все ресурсы правительства, нацисты смогли обеспечить себе только 43,9 %

голосов, что еще не составляло большинства; только вместе с голосами, отданными за другие националистические партии, могли они претендовать на 51,8 %, это давало возможность создать коалиционное правительство. Католическая партия «Центр» получила примерно 200 000 голосов, социал-демократы, несмотря на преследования, которым они подвергались, потеряли всего лишь 60 000 голосов, и даже коммунисты набрали 4,8 млн. голосов, потеряв по сравнению с ноябрем 1932 года не более 1 млн. голосов.

По-прежнему за НСДАП голосовала большая часть избирателей в сельских районах севера и востока Германии (Восточная Пруссия, Померания, Шлезвиг-Голштейн); их популярность возросла в Вюртемберге и Баварии, где нацисты были не столь многочисленны; однако их показатели были ниже средних, 30—40 % в Берлине (31,3 %) и в городских индустриальных центрах католического Запада (Кельн-Аахен, Дюссельдорф, Южная Вестфалия). Наибольшую поддержку нацисты получали в лютеранских сельских районах и небольших городках.

Гитлер не колеблясь заявил о беспорной победе нацистской партии и определил ее в возглавляемом им кабинете как «революционную». С этого момента Гитлер выступает не как глава национального правительства, а как лидер победившей партии, который уже не находит нужным считаться с партнерами по коалиции, сохраняя лишь видимость сотрудничества с ними. Арестовав депутатов-коммунистов, но формально не запрещая КПГ и даже оставив ее членов в списках для голосования, Гитлер обеспечил себе двойной выигрыш. На выборах КПГ получила почти 5 млн. голосов; в ином случае эти голоса могли быть отданы другим партиям, но поскольку места коммунистов в рейхстаге и прусском земельном парламенте оказались свободными вследствие произведенных арестов, нацисты и без национальных партий получили абсолютное большинство в обоих парламентах.

Если до сих пор и существовали некоторые ограничения, сдерживавшие агрессивность нацистов, ненасытность их политических амбиций, то теперь они исчезли и возник симбиоз «законной» власти, осуществляемой с высокого государственного уровня, и практики угроз, шантажа, и насилия, процветавшей на местах. По всей стране нацистские функционеры местного масштаба пытались завладеть официальными должностями на любых административных уровнях — от самых высоких (губернаторов земель, мэров городов) до самых низших (чиновников почтовых и муниципальных служб); они внедрялись и в правления частных компаний; поощрялось также ведение собственного дела членами НСДАП (при том общее количество безработных по-прежнему достигало 6 млн. человек). Таковы были «за-

воевания» революции. Пользуясь своими вспомогательными полицейскими подразделениями, отряды СА и СС занимали городские административные здания, здания государственных ведомств, редакции газет, помещения, принадлежавшие профсоюзам, а также магазины, банки, суды, изгоняя «неблагонадежных» служащих и требуя их замены «старыми бойцами», которые занимали места опытных и способных сотрудников.

Первое время Гитлер был заинтересован в сохранении имиджа «легального» прихода к власти, опасаясь оппозиции за рубежом; поэтому нацисты не начинали официального преследования евреев. Четырехдневный бойкот бизнесменов, врачей и юристов еврейской национальности, объявленный партией в апреле 1933 года, не нашел поддержки внутри страны и вызвал возмущение за ее пределами. В действительности, одной из причин, побудивших Гитлера дать согласие на подобную акцию, была необходимость придать видимость организованного, контролируемого действия тем претензиям, которые предъявляли еврейской части населения радикально настроенные члены НСДАП и штурмовики.

Однако и без санкции партийного центра погромы продолжались. Члены партии и СА долго лелеяли мечту о том, что смогут свести счеты с евреями, дать выход накопившейся злобе. Главным объектом чистки в государственных учреждениях стали чиновники еврейской национальности; магазины, принадлежащие неарийцам, были отданы на разграбление, предпринимателям евреям был объявлен бойкот. К этому времени регулярные полицейские подразделения получили инструкции с предписанием о невмешательстве: лица, пробовавшие выразить протест произволу нацистов, избивались, их также бросали в импровизированные дома заключения и концентрационные лагеря, созданные СА.

Парламентская тактика давления снизу на министра внутренних дел Фрика привела к тому, что опираясь на положения декрета, изданного после поджога рейхстага, он считал возможным назначить рейхскомиссаров в те девять земель, где еще не имели нацистских правительств; в число этих земель вошли Бавария, Гессен, Саксония и Вюртемберг. «Угроза беспорядков», которую использовал Фрик как предлог для нацистской интервенции, не имела ничего общего с «защитой от угрожающих государству акций коммунистического террора», беспорядки были следствием тактики провокаций, применяемой самими нацистами. Однако иерархическая путаница, возникшая в результате этих назначений, вкуче с, как было в Баварии, сопротивлением местных властей (которые намеревались восстановить в Мюнхене конституционную монархию во главе с наследным принцем Рупрехтом Виттельсбахским), придала подоба-

ющую значимость акции Фрика по назначению на должность рейхскомиссаров лидеров нацистской партии и СА с неограниченными полномочиями по охране правопорядка. К середине марта передача власти завершилась, и все федеральные земли Германии оказались в руках нацистских администраторов.

Партнеры Гитлера по коалиции, националисты, вновь подняли голос протеста против террора штурмовиков, но их быстро утихомирили. В ответ Гитлер направил резкое послание вице-канцлеру фон Папену, копию которого получил и президент. Отвергая «систематические нападки, имеющие целью остановить подъем национал-социализма», он заявил о «своем восхищении строгой дисциплиной» в рядах СА и СС: «История никогда не простит нам, если в этот исторический час мы поддадимся слабости и трусости, свойственным нашему буржуазному миру, и вместо железного кулака будем действовать в лайковых перчатках». Гитлер заявил фон Папену, что никому не позволит «помешать ему выполнить миссию, которая заключается в уничтожении и искоренении марксизма», и настоятельно советовал последнему «не высказывать в будущем подобного рода жалоб. Вам это не пристало».

II

«Уничтожение марксизма» — непосредственный результат «национальной революции» — было оправданием той «терпимости», которую Гитлер проявлял в отношении террора, одновременно поддерживая видимость соблюдения законности. Гитлер (так же, как Сталин) позаботился о том, чтобы террор был объединен с пропагандой, террор усиливал пропагандистское воздействие и наоборот. Сразу после выборов на первом заседании кабинета он объявил о создании министерства информации и пропаганды. 11 марта Геббельс был назначен министром. Геббельс, подобно Герингу, ставший ближайшим помощником Гитлера в этот первый критический год существования «третьего рейха» очень скоро показал, что он может сделать на те государственные средства, которые были в его распоряжении.

Настаивая на проведении новых выборов, Гитлер стремился добиться такого соотношения сил в парламенте, чтобы он смог большинством голосов провести через рейхстаг единый закон, закреплявший за правительством право принимать законы без санкции парламента. Результаты выборов не оправдали его ожиданий, Гитлеру не удалось получить 2/3 голосов, необходимых по конституции для утверждения закона о предоставлении чрезвычайных полномочий. Но Гитлер без колебания следовал намеченному курсу. Благодаря декрету, принятому после пожара рейхстага, все

депутаты-коммунисты (81 человек), а также шесть депутатов от СДПГ, избранных 5 марта, были либо арестованы, либо ушли в подполье. Однако Гитлеру, всегда корректирующему свои действия в соответствии с буквой конституции, нужно было получить квалифицированное большинство, т. е. 2/3 от 647 голосов (что составляло 432 голоса), и он надеялся получить их в том случае, если католический «Центр» и различные буржуазные партии, наряду с союзниками НСДАП в стане националистов, проголосуют заодно с 288 депутатами национал-социалистами.

На стороне Гитлера было два преимущества. Первое обеспечивалось тем энтузиазмом и чувством облегчения, которое испытывали многие далекие от политики граждане Германии из всех сословий, включая интеллигенцию, при виде правительства, которое действовало решительно, с уверенностью в будущем, не отвергая, а возрождая верность традиционным немецким добродетелям: наличию сильной авторитарной власти, уважению к порядку и безопасности, почтению к морали и религии. Первые дни «третьего рейха» многим напомнили атмосферу общего единения и подъема, которая царила в начале Первой мировой войны — так называемого «времени гражданского согласия». Массовый самообман такого рода — явление трудно объяснимое, но это — факт, не вызывающий сомнения. Вторым преимуществом было явление совсем иного характера: та часть немцев, которая трезво воспринимала нацистское движение, оказалось под сильнейшим впечатлением его победоносного самоутверждения. Как отметил, без особого энтузиазма, австрийский писатель, Роберт Музиль: «Чувство это, вероятно, означало признание того, что у национал-социализма — своя историческая миссия, час его пробил, это не эпизодическая сила, но начало нового этапа истории».

Желание быть «на стороне истории» — призыв, так часто повторяемый марксистами как накануне, так и после второй мировой войны на этот раз сработал на нацистов, и в полной мере был использован нацистской пропагандой, которая всеми доступными ей средствами, включающими и пропагандистский эффект террора, превозносила неотвратимое движение «Волны будущего». Оппортунизм и идеализм, страх и фатализм — все это способствовало увеличению потока желающих вступить в ряды победителей: не менее 1 600 000 новых членов (количество, вдвое превосходящее общую численность партии) влились в нацистское движение в период с 30 января 1932 года по 1 мая 1933 года, когда был объявлен запрет на дальнейший прием в ряды НСДАП.*)

* «Старые бойцы» называли их с пренебрежением героями, павшими в марте».

Этот мощный прилив энтузиазма объясняет и тот факт, что несмотря на неудачу на выборах в марте 1933 года, когда нацисты так и не смогли набрать большинство голосов при почти полной явке избирателей, все предложения Гитлера и Геббельса, к их величайшему изумлению, встретили лишь видимость сопротивления и приход нацистов к власти завершился с поразительной быстротой. Опытные политики из «Немецкой национальной народной партии» и партий Центра должны были предвидеть последствия принятия закона «О ликвидации бедственного положения народа и государства», но они упорно предпочитали верить в то, что Гитлер борется только с левыми, не желая понять, что после принятия закона они станут столь же уязвимы и Гитлер без труда справится с бывшими союзниками.

Всего лишь 48 часов отделяют одно событие государственной жизни от другого, но эти события показали, какова маска и каково истинное лицо нацизма. Первое событие — день официального открытия заседаний нового рейхстага, названный Геббельсом «Днем национального возрождения» (еще один магический шаблон, аналогичный «легальности»). Церемония состоялась в гарнизонной церкви Потсдама, где покоится прах Фридриха Великого, в день годовщины первого рейхстага, первое заседание которого было проведено Бисмарком 21 марта 1871 года, после объединения Германии. Церковные хоры и галерея были заполнены генералами имперской армии и нового рейхсвера в парадной форме при орденах, дипломатами, судьями, высшими государственными чиновниками — представителями старого общественного порядка, для которых эта церемония, как показали дальнейшие события, оказалась последней. Неф церкви заняли члены правительства, их окружала плотная толпа нацистских депутатов в коричневых рубашках, для которых это был дебют.

Главная роль была отведена престарелому президенту. Одетый в мундир фельдмаршала, он отдал честь пустому трону кайзера и проследовал к отведенному ему месту. Встретившись на ступенях церкви перед началом церемонии, президент и канцлер обменялись рукопожатием: этот жест символизировал взаимное признание и примирение между старой и новой Германией; сцена была запечатлена и размножена в миллионах почтовых открыток и плакатов. В ходе этого представления ни один актер не смог бы справиться со своей ролью лучше, нежели Гитлер. На нем была черная визитка, с нарочитой угловатостью, как бы подчеркивая неловкость своего положения в этой второстепенной роли, он почтительно поклонился президенту, олицетворявшему национальную традицию, после чего проследовал к своему месту позади первого, а все собравшиеся запели хорал «Возблагодарим Господа нашего» — тот самый, кото-

рый пели воины Фридриха Великого после победы при Лейтене* в 1757 году, когда его усилиями в лоно Пруссии была включена Силезия.

В торжественном обращении Гинденбург апеллировал к национальному единству, говорил о необходимости оказать поддержку правительству в выполнении сложных задач, стоящих перед страной, и, обращаясь к «древнему духу этого храма», просил «благославить свободную, гордую, единую Германию». Ответная речь Гитлера была выдержана в тех же тонах торжественности и почтения, он отдавал дань уважения президенту, чье «великодушное решение» сделало возможным «союз древнего величия с мощью юности». В свою очередь он просил Провидение «ниспослать им ту же отвагу, то же упорство, которыми обладали те, кто сражался за свободу и величие нашей нации, чей дух мы чувствуем здесь в этом храме, священном для каждого немца, над прахом самого великого императора этой державы». Призыв к национальному чувству после стольких унижений национального достоинства, пережитых после поражения 1918 года, произвел неизгладимое впечатление на всех присутствующих, на толпы собравшихся вокруг храма, слушавших трансляцию церемонии по радио, на миллионы немцев, увидевших ее в кадрах кинохроники. Нельзя было сделать большего, чтобы успокоить консервативные силы страны и примирить их с новым режимом.

Через два дня после потсдамской церемонии, 23 марта, когда вновь избранный парламент собрался на свое первое рабочее заседание, происходившее в зале оперы Кролля (после пожара рейхстага временно служившее местом проведения сессий парламента), Гитлер явил миру свое принципиально иное обличье, гораздо более импонировавшее ветеранам национал-социалистического движения, не склонным с умилением вглядываться в музейные ритуалы потсдамской церемонии. Зал был украшен флагами и полотнищами со свастикой, коридоры и проходы были до отказа заполнены коричневорубашечниками.

Сам Гитлер тоже сменил официальный костюм канцлера на коричневую рубашку партийного лидера. Свое первое выступление в парламенте он начал с того, что заверил парламент, президента и представителей федеральных земель, что их права не будут затронуты законом о чрезвычайном положении.

«Но если каждый раз для принятия необходимых решений правительство будет вынуждено обращаться к рейхстагу, чтобы получить одобрение тем действиям, которые оно сочтет нужным совершить, это будет противоречить смыслу

* Во время Семилетней войны (1756—1763) в битве при Лейтене король Пруссии Фридрих II одержал победу над австрийскими войсками.

национального возрождения, затруднит выполнение стоящих перед ним задач».

Учитывая, что большая часть депутатов поддерживает правительство, можно не сомневаться в том, что необходимость прибегать к положениям данного закона будет для правительства скорее исключением, нежели правилом.

«Но Правительства национального возрождения с тем большей настойчивостью указывает на необходимость принятия такого закона. Оно предлагает всем парламентским партиям возможность мирного существования в Германии... Правительство исполнено решимости следовать своим курсом и в равной мере готово к тому, что рейхстаг ответит на его предложение отказом; в этом случае правительство расценит его как свидетельство противостояния. Вам, депутатам, предстоит решить для себя, как сложатся эти отношения, приведут ли они к миру или же к войне».

Пятью короткими статьями закон предоставил правительству право вносить изменения в конституцию; за правительством закреплялось право принимать законы без санкции парламента; канцлер получал полномочия самостоятельно разрабатывать и вносить в правительство такого рода законы; договоры с иностранными государствами не подлежали более ратификации парламентом; устанавливался четырехлетний срок действия закона, что обуславливало связь между ним и сроком пребывания у власти данного правительства.

Пока происходили внутривластные прения по принятию закона, толпы штурмовиков из отрядов СА не прекращали скандировать: «Даешь закон — иначе расплата!» Определенные гарантии получили от Гитлера депутаты католической партии «Центр» и он пообещал изложить их в соответствующем документе. Несмотря на многочисленные запросы гарантийное письмо так и не было написано, однако большинство депутатов, невзирая на возражения Брюнинга, проголосовало за принятие закона. Непреклонность проявили только социал-демократы, которым пришлось выслушать оскорбления и колкости штурмовиков. Выступление Отто Вельса, председателя СДПГ, призвавшего голосовать против закона, привело Гитлера в ярость. Не обращая внимания на пытавшегося его успокоить фон Папена, Гитлер разразился гневной тирадой, выкрикивая, что только из соображений справедливости, по психологическим мотивам, обращается он к рейхстагу с просьбой «дать нам то, что мы могли бы взять сами». Социал-демократы услышали: «Скажу только одно: я не нуждаюсь в ваших голосах. Германия будет свободна и без вашего участия!» Этот взрыв негодования был встречен долгими аплодисментами и криками «Хайль!», которые продолжались до тех пор, пока не были объявлены результаты голосования. Закон был принят 441 голосами против 94.

В соответствии с тактикой, характерной для Гитлера, он не упразднил парламент на следующий же день после принятия закона; более того, он даже использовал его в качестве законодательного органа в тех случаях, когда это его устраивало, например, для утверждения расовых законов, принятых в Нюрнберге в 1935 году. Наличие президентской власти, наделенной чрезвычайными полномочиями, уже лишило рейхстаг его политического значения; в конечном счете он перестал быть законодательным собранием, способным противостоять инициативам правительства, по существу парламент стал местом, где Гитлер демонстрировал свое красноречие и высказывался по проблемам внешней политики.

В соответствии с той же политикой сохранения видимости конституционного правопорядка, закон гарантировал беспрепятственное продолжение деятельности рейхсрата, органа федерального управления, в котором, наряду с рейхстагом, были представлены парламентами земель. Были сделаны первые шаги для того, чтобы эта уступка общественному мнению не повлияла на монополизацию власти нацистской партией, которой твердо решил добиться Гитлер. Поскольку все земли управлялись теперь нацистской администрацией, закон о чрезвычайном положении был принят рейхсратом, представительным органом федеральных земель, единодушно в тот же день, когда он был утвержден рейхстагом. 31 марта был принят закон «Об унификации деятельности ландтагов», в соответствии с которым правительства земель получали право издавать законы и реорганизовывать администрацию без санкции законодательных собраний федеральных земель. Неделий позже был принят еще один закон под таким же названием, в соответствии с которым был введен институт «имперских наместников» — для обеспечения «согласованности политики федеральных земель с политическим курсом, проводимым рейхсканцлером»; закон, принятый столь поспешно, был задуман как мера, которая призвана была нейтрализовать самостоятельные действия гаулейтеров, равно как и лидеров СА и СС (Рема и Гимmlера), — проблема скорее политическая, нежели конституционная, приведшая в конце концов к расправе над Ремом и СА в июне 1934 года.

С принятием еще одного закона «О реконструкции рейха» (30 января 1934 года конституционный процесс был доведен до логического завершения: ликвидировав законодательные собрания земель, ландтаги, передав суверенные права земель рейху, он упразднил федеральное самоуправление в землях, введенное Бисмарком, и подчинил созданный институт имперских наместников центральному правительству. Поскольку новые инициативы превышали возможности закона о чрезвычайном положении, Гитлер опять же соблюдая «букву закона», обратился к рейхстагу, который послушно утвердил «Дополнения к закону о чрезвычайном

положении», позволив «процессуально» упразднить рейхсрат. Наряду с этим правительству было предоставлено право вводить новые конституционные законы без санкции парламента, и оно использовало это право 6 месяцев спустя, упразднив пост рейхспрезидента.

Вся эта сложная смена конституционных декораций была задумана не только для того, чтобы ликвидировать помехи, препятствующие политическому курсу новой власти, но и привести в соответствие деятельность административных служб государства с отлаженной работой правительственного аппарата.

Большая часть немецкого чиновничества принимала новый режим и желала с ним сотрудничать, нацисты опирались на сильные в этой среде националистические, антидемократические, авторитарные традиции. Первая чистка, проведенная в государственных учреждениях, была направлена против политически неблагонадежных (например, членов СДПГ), а также лиц еврейского происхождения; в дальнейшем эта акция была задним числом легализована с помощью закона, имевшего обтекаемую формулировку «О восстановлении профессионального статуса государственной службы» (7 апреля). Среди тех, кто пытался упрочить свое положение или получить пенсию, вступая в ряды НСДАП, было немало чиновников государственных служб. Единственное, что должен был делать Гитлер — это соблюдать формы легальности, дабы показать, что развитие революции протекает в рамках упорядоченных административных процедур, и сообщить чиновничеству (как ранее военным) уверенность, что партия не поставит себя над государством, что государство и партия — это две опоры, на которых зиждется здание «третьего рейха».

Очень скоро различным кругам чиновничества — так же, как в конечном итоге и армии — пришлось убедиться в том, что заверения Гитлера больше нужны ему самому, как средство привлечения государственных структур к сотрудничеству, нежели им, поскольку гарантии, провозглашенные Гитлером, не защитили эту сферу деятельности от произвола нацистов. Но Гитлер не мог обойтись без них в первые годы правления, подчинение государства и всех его организаций безраздельному господству нацистской партии было постепенным. Что касается политических партий, то их существование оказалось лишенным всякого смысла после упразднения парламентской системы на уровне как рейха, так и федеральных земель, и через четыре месяца после принятия чрезвычайного закона все партии, кроме нацистской были распущены.

Хотя КПГ так и не была формально запрещена, она подвергалась постоянным преследованиям. Ее руководители были брошены в тюрьмы, концентрационные лагеря, или высланы из страны; газеты запрещены, помещения конфи-

скованы, счета заморожены. Партия ушла в подполье, перенесла свою деятельность за границу. Социал-демократическая партия Германии оставалась на легальном положении несколько дольше, но образование нового руководящего органа в Праге дало повод запретить деятельность партии на территории Германии и конфисковать имущество СДПГ, «как организации, враждебной немецкому государству и его народу» (22 июня).

Остальные партии, испытывая давление со стороны режима, должны были объявить о самороспуске. Попытки националистических партий и «Стаального шлема» удержаться на уровне партнеров НСДАП не увенчались успехом, встретив сильное сопротивление со стороны последней, но и были сведены на нет все возрастающим числом перехода своих членов под знамена НСДАП. Гугенберг (глава «Немецкой национальной партии»), занимавший посты по меньшей мере в четырех министерствах рейха и Пруссии, подал в отставку в знак протеста, но это привело не к падению правительства, а к концу его собственной партии, активисты которой вступили в ряды НСДАП. Католическая партия «Центр» была также обескровлена новым режимом, уменьшилась ее численность (многие уходили в НСДАП), имущество конфисковано, но решающий удар по ее позициям был нанесен Ватиканом, по чьей инициативе, при соглашении Гитлера, был заключен конкордат, в соответствии с которым беспрепятственное существование приходских школ было разрешено в обмен на запрет политической деятельности для пасторов и католических организаций. Конкордат был подписан в Риме спустя три дня после роспуска партии «Центр», о котором было объявлено 5 июля.

Не прошло и полугодия после избрания Гитлера на пост рейхсканцлера, как национал-социалисты завершили процесс монополизации политической власти принятием «Закона против образования новых партий», утвержденного 14 июля 1934 года. Этот закон объявлял нацистскую партию единственной партией Германии и предусматривал строгие наказания за любые иные виды политической активности. Число нацистских министров в составе коалиционного кабинета было увеличено с трех до восьми, остальные же члены кабинета по-прежнему занимали свои кресла не потому, что они представляли интересы других партий, а потому, что они были нужны Гитлеру. И наконец, 12 ноября были объявлены выборы нового состава рейхстага; на этих выборах немецким гражданам было предложено голосовать за единый список кандидатур — «Список фюрера». Это был первый из длинного ряда так называемых «да» — плебесцитов, которым К. Д. Бракер дал точное определение: «наиболее распространенная форма псевдозаконного, псевдodemократического самоутверждения», характерная для диктаторских режимов. На этот раз угрозы расправиться с теми,

кто проголосует «против» или не явится на выборы, смогли обеспечить полную поддержку референдуму, в котором по официальным сообщениям 95 % избирателей проголосовали за предложенный список.

Годом раньше, после удара, нанесенного партии выходом из нее Штрассера, после потери 2 млн. голосов на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года, многие были уверены, что пик популярности нацистов уже позади. И только благодаря фон Папену и некоторым политикам из окружения президента нацисты получили в январе 1933 года еще одну возможность бороться за власть, однако тем, как они распорядились этой возможностью, нацисты были обязаны только самим себе.

Гитлер пришел к власти с помощью удивительного со всех точек зрения маневра. Он имел талантливых помощников в лице Геринга и Геббельса, но именно ему принадлежит приоритет оригинального открытия, как использовать угрозу революции снизу в сочетании с тактикой соблюдения «легальности», и мастерство столь виртуозного применения найденной комбинации, что ему удалось обезоружить оппозицию, а затем устранить одну за другой преграды, препятствовавшие сосредоточению власти в руках одной партии и в его собственных как ее бесспорного лидера.

Не подлежит ни малейшему сомнению и то, что, добиваясь неограниченной власти, Гитлер не только не решил ни одной из острейших проблем Германии — социальных, экономических и структурных, но и не имел никакого представления относительно путей их возможного решения. Но то же самое можно сказать и о Ленине в 1917 году. Захватив власть, Ленин развязал гражданскую войну и вынужден был вести ее для того, чтобы закрепить собственные позиции в управлении государством; «Передача власти» Гитлеру была закончена меньше чем за полгода, без гражданской войны, с соблюдением всех конституционных норм и со всеми признаками того, что ему удалось справиться с пессимистическими настроениями, не оставившими нацию со времен кризиса 1929 года. Независимо от того, каким было впечатление от соратников Гитлера — (отношение немцев к Гитлеру не было однозначно их отношению к его партии) — факты говорят о том, что в глазах большинства сограждан он был первым, после Бисмарка, руководителем, способным изменить существующее положение вещей, справиться с разобщенностью и деградацией нации, причину которых они видели в поражении 1918 года.

III

Пора рассмотреть вопрос, как собирался Гитлер распорядиться той практически неограниченной властью, которая оказалась у него в руках. На этот вопрос коммунистическая

партия России не смогла найти приемлемого ответа и спустя десять лет после того, как коммунисты пришли к власти, и на него взялся ответить Сталин. Нацистская партия оказалась в той же ситуации. Современные источники показывают, как много споров возникало при попытке ответить на этот вопрос. Полемика возобновилась в 1960—1970 годы, когда молодые историки послевоенного поколения выступили с резкой критикой.

«Сложившегося стереотипа «третьего рейха», как монолитного общества, подчиненного единоличной власти одного человека. С этой точки зрения Гитлер занимал верховное положение в строго организованном обществе, всеми сферами деятельности которого он управлял. Его режим считали централизованной и высокоэффективной формой правления, выгодно отличавшейся от парламентской демократии с характерным для нее затяжным процессом принятия решений».

Смысл полемики в исторической науке состоит не в подмене одного стереотипа, ставшего предметом критики, другим, а в таком освещении любого из значительных эпизодов истории — например, Французской революции — который оставляет возможность для продолжения дискуссии. Можно предположить, что если процесс либерализации в СССР будет продолжаться, то как революция Ленина, так и революция Сталина станут объектами такого же критического обсуждения.

Оставим до следующей главы вопрос о личной роли Гитлера и перейдем к обсуждению первого этапа существования «третьего рейха», предварив его кратким изложением некоторых важных моментов, на которых делают акцент сторонники пересмотра исторической оценки этого периода (это совсем не означает, что с их аргументами следует согласиться).

Аргументация эта сводится к следующему. Гитлер не придерживался какого-то определенного курса в экономической и социальной политике, и «третий рейх» ничего не изменил в экономике страны, не произвел революционных преобразований в германском обществе, положение дел в этих сферах оставалось таким же, как и в годы, предшествовавшие «третьему рейху». Антикапиталистические пункты программы нацистской партии не были выполнены, о них просто перестали вспоминать: крупные корпорации и банки не были национализированы, крупные универмаги не были закрыты, крупные поместья не были поделены. Придя к власти, нацисты отказались от идей корпоратизма, которые обеспечили нацистскому движению большую поддержку в средних слоях общества. Профсоюзы были задушены, заключение коллективных договоров между предпринимателями и профсоюзами было запрещено, заработная плата заморожена. В то же время экономика по-прежнему остава-

лась в руках крупных промышленников, которым перевооружение Германии, война и завоевание территории принесли большие прибыли. Нацистское движение воплощало собой не революцию, а контр-революцию, германскую форму фашизма. Истинно революционным стало поражение Германии в войне, с последовавшим за ним расчленением страны.

Добившись отмены Веймарской конституции с заложенными в ней гарантиями против диктатуры, Гитлер не предпринял каких-либо попыток заменить ее новым сводом законов. Кабинет министров, равно как и рейхстаг, не был ликвидирован, но его заседания становились все реже, а потом прекратились совсем, положив конец даже видимости коллективной ответственности.

О «Кодексе Гитлера», как о некоем аналоге «Кодекса Наполеона» говорить столь же бессмысленно, как о гитлеровской конституции. Вместо того, чтобы, исходя из принципов национал-социализма, реформировать существующую законодательно-правовую систему Гитлер предпочитал пользоваться ею в сложившемся виде, извращая, обходя и пренебрегая ее положениями. Он также не проявлял никакого интереса к реорганизации административных государственных структур с целью создания системы с более продуманным распределением обязанностей. Для осуществления тех проектов, которым он придавал значение, Гитлер просто создавал особые органы, не входящие в бюрократическую структуру рейха: например, был организован департамент Геринга, отвечавший за выполнение четырехлетнего плана, своим существованием нарушавший юрисдикцию сразу четырех министерств.

В равной мере нечетко отрегулированными оставались взаимоотношения между государством и партией. Партия не смогла полностью подчинить себе государственные структуры, на что первоначально рассчитывали нацисты и что с такой эффективностью смогла сделать Коммунистическая партия в Советском Союзе, однако государственный аппарат вынужден был мириться с постоянным вмешательством Гитлера и других лидеров НСДАП в его деятельность. Наиболее могущественные деятели партии создавали под своим началом целые соперничающие империи: в руках Геринга были четырехлетний план и авиация, Геббельса — пропаганда и культура, Гимmlера — полиция и СС, Лей — трудовые ресурсы. Между ними шла постоянная конкурентная борьба, в которой каждый пытался присвоить себе какую-то часть полномочий ведомства, возглавляемого соперником.

Историки продолжают спорить, что заставляло Гитлера мириться с таким положением дел; была ли причиной тому его неспособность справиться с ситуацией («слабый диктатор» в понимании Ганса Моммзена); или же принцип «разделяй и властвуй» помогал ему укреплять собственную

позицию, поскольку за решением каждый вынужден был обращаться именно к нему; объяснением может также служить свойственный ему беспорядочный стиль руководства и неспособность к систематическим усилиям. Каковы бы ни были причины, эта модель общественного устройства с конкурирующими центрами власти, очень далека от первоначального представления о «третьем рейхе» как о монолитном тоталитарном диктаторском режиме.

Расходятся мнения и относительно внешнеполитической деятельности Гитлера, несмотря на то, что внешняя политика была областью, к которой он беспробно испытывал большой интерес. Не ясно, была ли у него последовательная программа, соответствовавшая его идеологической концепции, или он был просто оппортунистом без определенных целей, для которого блеф и импровизация были главными приемами во внешней политике. Некоторые историки подчеркивают приемственность экспансионистских тенденций во внешней политике, характерных для Германии и в первую мировую войну, и еще раньше, со времен правления Бисмарка, считая Гитлера восприимчивым этой традиции. Высказывается и другая точка зрения, в соответствии с которой успехи Гитлера в области внешней политики следует объяснять разобщенностью, слабостью и иллюзиями других мировых держав, которыми он воспользовался так же, как слепотой и неспособностью оценить опасность нацизма правыми и националистическими партиями внутри страны. Есть исследователи, считающие, что внешнеполитические авантюры Гитлера, риск, на который он пошел, начав войну в 1939 году, были способом отвлечь внимание от экономических проблем и социальной напряженности внутри страны, с которыми он не мог справиться, т. е. оценивающие их как некую реставрацию социального империализма, характерного для конца XIX столетия.

Таковы данные историографии, из которой следует исходить при любой попытке составить представление о первых двух годах нацистского режима, при этом нельзя забывать о том, что революция Гитлера была «революцией постепенной», характер которой (подобно «поэтапной» революции Сталина) выявлялся только по мере того, как одна стадия сменяла другую; особенно важно помнить об особом характере этого процесса при рассмотрении его начального периода, когда Гитлер делал все возможное, чтобы скрыть свои подлинные цели и намерения.

Восьмого февраля, спустя неделю после прихода к власти, Гитлер с предельной откровенностью изложил на заседании кабинета первоочередную задачу намеченных им преобразований: «Последующие пять лет должны быть посвящены превращению немцев в народ, вновь способный

держат оружие». Когда министр труда (Зельдте), соглашаясь с канцлером, заметил, что помимо военных, существуют и другие задачи, чисто экономические, которыми нельзя пренебрегать, Гитлер повторил:

«Каждое общественно финансируемое мероприятие, направленное против безработицы, следует рассматривать в плане его эффективности с одной точки зрения: будет ли такой проект способствовать превращению немцев в народ, пригодный к военной службе. Такой подход должен доминировать всегда и во всем».

Заканчивая выступление, он повторил: «На ближайшие 4—5 лет главным должен стать принцип: все для вооруженных сил».

Концепция Гитлера «превращение немцев в народ, вновь способный держать оружие» — включала не только перевооружение Германии. Это было главной задачей, но основной, без которой создание военной промышленности теряло всякий смысл, была психологическая мобилизация народа Германии, возрождение духа национального единства и национальной гордости, утрата которых, по мнению Гитлера, и привела к катастрофе 1918 года и расчленению нации в период веймарской интерлюдии.

Геббельс, возглавивший министерство народного просвещения и пропаганды — первое министерство, созданное Гитлером — очень хорошо понял свою задачу. На первой же пресс-конференции он объявил собравшимся:

«Создание нового министерства я считаю революционным актом, свидетельствующем о том, что новое правительство не намерено обойти народ Германии своим попечением...»

«Недостаточно, чтобы граждане Германии в той или иной степени примирились с нашим режимом; недостаточно, чтобы они ограничились нейтральным отношением к нам; наша задача заключается в том, чтобы упорно работать с людьми до тех пор пока они не капитулируют перед нами, пока они не усвоят наши взгляды, пока они не только вь н у ж д е н ы будут принять то, что происходит в Германии сегодня, но и смогут это принять».

Обойдя своих конкурентов внутри партии, Геббельс убедил Гитлера предоставить ему полномочия осуществлять контроль не только над прессой, радио, кино и театром, но подчинить государственному департаменту культуры и все остальные виды искусств, включая литературу, музыку, и изобразительные искусства. Именно Геббельс был тем представителем новой власти, который приветствовал «Сожжение книг» — акцию, организованную Корпорацией немецкого студенчества 10 мая 1933 года: «Эта грандиозная и символическая акция показала всему миру — духовные основы Ноябрьской Республики уничтожены. Из их пепла фениксом восстанет дух нового времени».

Слово «пропаганда» не отражает всей радикальности поставленной Гитлером задачи: это было не что иное, как трансформация сознания людей, соответствовавшая постоянно повторяемому им убеждению, что историю творят не экономика и прочие материальные факторы; политика, вера и воля — вот те силы, которые определяют ход истории, к силам, определяющим ход истории он относил и собственную уникальную способность воздействовать на массы.

Внедрение нацистской идеологии в сознание масс, мобилизация нации — таковы были главные задачи, стоявшие перед партией до прихода нацистов к власти, такими же оставались они и теперь, когда она стала единственной партией в Германии. «Наше мировоззрение,— писал Гитлер в «Майн кампф», — это нетерпимость, оно властно требует исключительного и полного признания, и полнейшего подчинения жизни идеям национал-социализма». Слово Gleichschaltung так же лишено красок, как слово «пропаганда»; оно переводится как «унификация действий» и скорее искажает, чем отражает агрессивный пафос того процесса «политизации» Германии, к которому со всей решимостью приступили нацисты. Активизируя работу среди населения, начатую еще до 1933 года, нацисты создали многочисленные объединения и организации, буквально пронизывающие все сферы общественной жизни страны, они либо подчиняли, либо уничтожали ранее созданные профессиональные и добровольные объединения в области спорта, благотворительности, искусств и образования. Такой же была их политика в молодежном и женском движениях и в движении ветеранов. Как замечает Иоахим Фест:

«Одна из главных истин, интуитивно понятых Гитлером благодаря испытанному в юности одиночеству, состояла в том, что люди хотят чувствовать принадлежность... Было бы ошибкой видеть одно лишь принуждение в практике зачисления каждого гражданина в какую-либо группу, в зависимости от его возраста, профессии и даже вкусов по части спорта и развлечений; такого рода практика, по словам Роберта Лея, оставляла людям возможность только ночевать дома».

Считая слово — как письменное, так и устное — недостаточным для пропаганды своих идей, Гитлер и Геббельс широко прибегали к мифу, ритуалу и церемонии. Масштабы таких зрелищ, как ежегодный праздник урожая в Бюкберге около Хамельна, или слет НСДАП, состоявшийся в Нюрнберге в 1934 году, когда придворный архитектор Гитлера Альберт Шпеер и его любимый режиссер Лени Рифеншталь объединили творческие усилия, чтобы дать впечатляющее воплощение «Триумфу воли», — поражал современников, но еще более впечатляло состояние слитности каждого со всеми в возрожденном «единении народа», во всеобъемлющем единении этнического сообщества, олицетворением ко-

торого была мифическая фигура Адольфа Гитлера. Это было нечто большее, чем пропагандистская акция, это было приобщение к глубинам общего чувства, одинаково ощущаемого и вождями, и последователями.

Если отвлечься от националистических настроений, разделяемых большинством немцев, то даже в первые эйфорические годы режима заявления нацистов о том, что весь народ Германии разделяет идеи национал-социализма, следует признать сильно преувеличенными. Беспорным выражением этого явился раскол в протестантской церкви. Весной 1933 года нацистское движение Немецких христиан (или, как они себя называли «Штурмовиков Иисуса Христа»), выступило с инициативой «унификации действий» протестантских церквей и объединения их под эгидой рейхс-епископа, военного священника Людвиг Мюллера. Они предложили ликвидировать выборные церковные советы, положить в основу руководства церквями «принцип фюрерства», осуществить программу «расового очищения» и положить конец отделению церкви от государства.

Спротивление приняло форму движения за Истинную церковь, «независимую от государства и неподвластную давлению правящих верхов». Его возглавляли два пастора из Берлина — Мартин Наймюллер, бывший капитан подводной лодки, и юный Дитрих Банхоффер, их поддерживал ведущий теолог лютеранской церкви Карл Барт. С особой силой точка зрения участников сопротивления выражена в Барменской декларации, появившаяся в мае 1934 года (см. параграф 5: «Мы протестуем против ложного учения, наделяющего государство правом распоряжаться частной и общественной жизнью людей...»), а затем в меморандуме от июня 1936 года, в котором резкой критике подвергались идеология нацизма, преследования евреев, противозаконные действия гестапо и культ Гитлера.

Тех, кто снова и снова решался протестовать, было немного, это были люди большой отваги; большинство занимало позицию нелегкого компромисса с властью, однако и нацисты со своей стороны вынуждены были сменить тактику, отвергнув идею «унификации».

На первых заседаниях образованного им кабинета Гитлер говорил о том, что народу Германии понадобится 30—40 лет для того, чтобы усвоить идеи национал-социализма; граждан преклонного и пожилого возраста он относил к категории «потерянного поколения», поскольку их шкала ценностей формировалась в другом, ушедшем мире. Вот почему идеологическое воздействие следовало сконцентрировать на молодежи.

Характерно, что различные ведомства, занятые распространением идей нацизма среди молодежи, как правило, враждовали и были неспособны к согласованным действиям. Германская система образования, основанная на прин-

ципе федеральности, была реорганизована и подчинена общему национальному министерству образования, однако министру (Бернгарду Русту), так и не удалось утвердить инструкции для школ из-за непрекращающейся борьбы между Гессом и Борманом в партийных верхах (участие в ней принимали также Лей и Геббельс) по вопросам ведомственной подчиненности того или иного из параграфов.

«Основной задачей школы», согласно директиве Руста от 18 сентября 1934 года, являлось «воспитание молодежи, готовой к служению народу и отечеству в духе идей национал-социализма». С немалой ясностью была определена и роль нацистской Лиги учителей (НСЛБ) в которую очень скоро вошли многие, а к 1937 году — 97 % всех учителей средней школы (их всегда было непропорционально много в рядах НСДАП):

«Национал-социализм — мировоззрение, требующее абсолютного признания, оно не должно быть объектом случайного, преходящего интереса... Молодежь Германии больше не должна стоять перед выбором — как это было в эпоху либерализма, с ее так называемой «объективностью», — духом каких идей руководствоваться в начале жизненного пути: материализма или идеализма, расизма или интернационализма, религии или атеизма; мы должны, исходя из принципов идеологии национал-социализма, сознательно формировать мировоззрение молодых людей.

Достижение этой цели должно осуществляться посредством тех же методов, благодаря которым движение смогло покорить нацию: внушения и пропаганды.

Влияние нацистской идеологии было особенно очевидным в преподавании истории, биологии («расовая теория»), немецкого языка и литературы; кроме того, значительно увеличилось количество часов, отводимых для занятий спортом и физической подготовкой. Вне школы существовала «Гитлерюгенд» — организация, созданная Бальдуром фон Ширахом, назначенным в июле 1933 года фюрером молодежного движения рейха; постепенно «Гитлерюгенд» стала единственной организацией молодежи Германии, куда в обязательном порядке входили все юноши и девушки от 10 до 18 лет, что в конечном итоге было закреплено законом в марте 1939 года.

В университетской среде было много членов нацистской партии и до 1933 года, а с апреля этого года членство в нацистском союзе Немецкого студенчества (того самого, которое выступило инициатором сожжения книг) стало обязательным для всех. Четыре месяца студенты должны были отбывать трудовую повинность, два месяца — в лагерях СА, т. е. отдавали дань духу «Народной общности» и получали опыт — познания самого себя через действие и — познания мира через получение академических знаний, образования; нацисты позаимствовали эти два положения из

программы существовавшего ранее независимого молодежного движения и использовали для решения собственных идеологических задач.

В университетских кругах национал-социализм стал господствующей идеологией не только для студенчества. В результате чистки 1933—1934 годов было уволено или ушло в отставку 15 % из 7700 университетских преподавателей со стажем, 18 % уволенных были преподавателями естественных наук. Однако большая часть немецкой профессуры поддерживала режим: 700 подписей было поставлено под декларацией в поддержку режима, составленной в ноябре 1933 года. Мартин Хайдеггер, один из самых влиятельных философов нашего столетия, в своем обращении к студентам при вступлении в должность ректора Фрейбургского университета заявил: «Никакие догматы и идеи более не будут законами вашего бытия. Только фюрер, воплощает настоящую и будущую реальность Германии и ее закон».

В марте 1935 года, вновь вводя всеобщую воинскую повинность, Гитлер заявил, что надеется, как на само собой разумеющееся, на преданность вооруженных сил идее государственности в ее национал-социалистическом понимании; он также надеется, что офицерский корпус будет комплектоваться «с соблюдением жестких критериев расовой чистоты, не отраженных в законодательных нормах» (что предполагало предоставление свидетельств об арийском происхождении), и что офицерами запаса будут назначаться только лица с положительным отношением к национал-социализму, те, кто «не проявляли не только враждебного, но даже индифферентного отношения к нацизму».

Таким образом, вооруженные силы, должны были, по словам Гитлера, стать «учителями в школе милитаризма для нации». Еще большие надежды возлагались на СС — одну из самых быстро растущих вотчин нацистов, шеф которой, Генрих Гиммлер, был фанатиком расизма биологической ориентации и иступленным проповедником создания новой нацистской элиты, в основу которой был положен отбор по расовому принципу, антихристианская идеология и нерассуждающая готовность к выполнению любого приказа.

IV

Хотя Гитлер постоянно твердил о первичности политики, он был достаточно проникновенен, чтобы понимать, что подобно тому, как Великая депрессия и заявления нацистов о том, что они найдут выход из кризиса, оказались тем мощным фактором, который помог НСДАП завоевать голоса избирателей, ничто не будет столь эффективно способствовать национальному возрождению, к которому он призывал, как экономический успех.

Выслушивая экономистов радикального толка, таких как Отто Вагнер, Гитлер однако этим и ограничился, и стал канцлером, не беря на себя никаких обязательств. Поскольку Гитлер хотел покончить с безработицей в четыре года, как он публично объявил, а также завершить перевооружение Германии (о чем было сообщено только на заседании кабинета), ему, по причинам вполне практического характера, не было смысла подвергать экономику реорганизации по неопробованным радикальным схемам; напротив, ему необходимо было тесное сотрудничество с существующей в экономике системой. Однако Гитлер руководствовался не только соображениями целесообразности. Гарольд Джеймс дает краткое, но исчерпывающее объяснение отношения Гитлера к экономике:

«В гитлеровской экономике ничего социалистического не было... Коллективизм нацистов был политическим, не экономическим, оставляя индивидуума действующей силой экономического развития. Постоянные заявления нацистов о том, что они намерены «социализовать» людей, а не предприятия, были свидетельством того, что широкомасштабные программы государственного управления экономикой не были нужны».

Далее Джеймс указывает на то, что приверженность Гитлера культу Воли привела к довольно необычному для того времени настойчиво повторяемому фюрером утверждению, что именно новаторы, такие изобретатели как Порш и семья Юнкерсов, производивших самолеты, являлись главной движущей силой экономики, люди этого типа вызывали восхищение у Гитлера. Этих предпринимателей, чью инициативу только подрывала бюрократическая трестовая система, Гитлер считал основным рычагом новаторства, а новаторство считал основным ключом к будущему. В отличие от тех членов НСДАП, которые будучи романтиками настроенными аграриями, расценивали индустриализацию как великое зло, Гитлер с энтузиазмом относился к техническому прогрессу и не опасался, что он будет способствовать росту безработицы: «Если строительство автобана потребует вдвое меньше труда, я просто удвою его протяженность».

Гитлер также надеялся, что экономический успех поможет решить основную задачу нацистской идеологии — задачу возвращения рабочего класса к «идее нации». Наблюдаемое им в Вене отчуждение немецких рабочих, распространение среди них марксизма с его идеей классовой борьбы, заместившей идею национальной солидарности, произвело на него неизгладимое впечатление. Даже на выборах в марте 1933 года Гитлеру не удалось поколебать преданность избирателей партиям социал-демократов и коммунистов, сторонники которых тогда все еще составляли более 30 % от общего числа избирателей. Это еще больше укрепило реше-

мость Гитлера разорвать оковы «еврейско-марксистской лжи» и вернуть рабочий класс к идее германского «единого народа».

Параллельно с запретом на деятельность двух политических партий рабочего класса, Гитлер начал борьбу с профсоюзами. Последними были ликвидированы христианские профсоюзы (с ними Гитлер расправился спустя несколько недель после заключения конкордата с Ватиканом); Гитлер намеревался создать более крупное объединение трудящихся, насчитывающее 4,5 млн. членов. Профсоюзные лидеры, напуганные сокращением численности своих организаций, вызванным волной успехов НСДАП и неудавшимися попытками политического сопротивления нацистам, выступили с предложением разорвать свои связи с социал-демократами и начать сотрудничать с правительством Гитлера. Однако надежды на то, что это поможет им сохранить возглавляемые ими организации, оказались тщетными. Пока Комитет действий по защите немецких рабочих во главе с Робертом Леем был занят секретной работой по составлению планов создания Германского трудового фронта (ДАФ), Геббельс приступил к подготовке еще одного пропагандистского зрелища, по размаху сравнимого только с Днем Потсдама.

1 мая — День международной солидарности трудящихся — был провозглашен Днем Труда и стал праздноваться официально. В Берлине на аэродроме Темпельхоф был проведен митинг, собравший более миллиона рабочих и членов их семей, праздник был посвящен чествованию «производителей всех классов» и прославлению национал-социализма как движения, способного сгладить устаревшие социальные различия, покончить со снобизмом и классовой борьбой, и установить отношения взаимного уважения между различными группами, составляющими нацию. Выступая на митинге, Гитлер высказал порицание тем, кто свысока относится к физическому труду, пел дифирамбы трудолюбию немецкого народа — важнейшему достоинству нации — и объявил о том, что ликвидация безработицы является первоочередной задачей нового режима.

Утром следующего дня Германия увидела другое лицо нового режима: в 10 утра СА и вспомогательные подразделения полиции заняли все помещения, принадлежавшие профсоюзам, собственность и средства которых были конфискованы. Через неделю состоялось открытие первого конгресса Германского трудового фронта — новой организации, скоро объединившей всех рабочих и предпринимателей Германии.

НСБО (Национал-социалистическая организация производителей ячеек), которая была создана Грегором Штрассером для проведения радикальной антикапиталистической политики во взаимоотношениях с предпринимателя-

ми и которая к августу 1933 года насчитывала в своих рядах миллион членов, расценивала этот шаг, как попытку присвоить себе функции профсоюзов и использовать Трудовой фронт для представительства интересов рабочих и защиты их прав в отношениях с предпринимателями. Однако Гитлер расправился с профсоюзами вовсе не для того, чтобы снова увидеть, как коллективный договор рядится в новые одежды. Деятельность НСБО отныне стал контролировать мюнхенский политический отдел партии, и наиболее радикальные руководители НСБО были изгнаны.

В соответствии с законом, принятым 19 мая 1933 года, регулирование отношений между трудом и капиталом было возложено на «уполномоченных по труду» — по одному на каждый крупный производственный район, что составляло 12 уполномоченных для всей Германии; практически это были отчасти чиновники, отчасти юристы, представлявшие интересы предпринимателей.

Независимо от того, какой была реакция рабочих, политика нацистов в области трудовых отношений защищала интересы предпринимателей. Отношения германского большого бизнеса с новым политическим руководством поначалу складывались не без труда. Вызванные Герингом на встречу с Гитлером 20 февраля накануне выборов (которые, как обещал Фюрер, должны были стать «последними») двадцать пять ведущих магнатов немецкой промышленности вынуждены были создать фонд выборов, составивший 3 млн. марок. Однако их надежды на то, что главная организация крупных промышленников — Имперский союз немецкой промышленности (РДИ, председатель — Крупп фон Болен) — сможет сохранить свою независимость, не оправдались, с ними грубо расправились нацисты, когда 1 апреля группа бдительности под руководством Отто Вагенера ворвалась в помещение главного управления союза и заняла его силой. Протесты не привели ни к каким результатам: в мае Имперский союз немецкой промышленности объявил о «добровольном самороспуске» и вместе с другими индустриальными ассоциациями был объединен в новую организацию, действующую под эгидой нацистов.

Тем не менее, опасения вызванные тем, что радикалы подобные Вагенеру или активисты НСБО будут определять экономическую политику, оказались беспочвенными. С роспуском профессиональных союзов и рабочих советов промышленники снова, к великому своему удовольствию, оказались хозяевами в собственном доме. Еще большее влияние на отношения между трудом и капиталом оказал драматический поворот в экономической активности, когда в период с 1933 по 1936 год безработицу, достигавшую 6 млн. человек, сменила нехватка рабочих рук.

Антогонизм по отношению к крупному капиталу был характерен не только для членов нацистской партии, состо-

явших в НСБО, но также для тех, кто представлял интересы различных групп средней буржуазии, мелких предпринимателей, ремесленников, розничных торговцев. Средние слои населения — широко представленные в партии, ждали, что после прихода нацистов к власти будут удовлетворены их требования — такие, как закрытие крупных универсамов и потребительских кооперативов. В ходе предвыборных кампаний эти требования выдвигались как основные, кроме того, они были включены в программу нацистской партии, поэтому Гитлеру не просто было их игнорировать.

По этой причине Отто Вагнер, представлявший ту часть партии, в которой было выражено стремление покончить с крупными монополистическими формами концентрации капитала, был назначен Уполномоченным рейха по экономике. Результатом этих настроений была попытка Отто Вагнера захватить цитадель монополий — РДИ. Многие акции партии и СА на местах в первые дни нового режима проводились без санкций верховного руководства, кульминациями их явились общенациональный бойкот, объявленный 1 апреля еврейским фирмам, и штурм правления РДИ, предпринятый в этот же день Вагнером.

Однако подобная наступательная тактика встретила сильное сопротивление не только со стороны представителей большого бизнеса, но и у тех руководителей НСДАП, которые приняли их сторону; самым решительным противником антикапиталистической кампании был Геринг. Для того, чтобы воспрепятствовать Вагнеру занять пост министра экономики, Геринг убедил Гитлера назначить на это место Курта Шмитта — исполнительного директора мюнхенского страхового общества «Альянс», а также ввести еще одну должность — должность государственного секретаря, им стал Ганс Поссе, бывший чиновник Веймарской администрации, для работы в министерстве экономики был привлечен и Готфрид Федер, старый активист партии, однажды сильно поразивший фюрера, автор нацистской программы 1920 года, содержавшей требование «покончить с рабским служением прибыли». Показательным для экономической политики нацистов был случай с фирмой еврея Германа Титца, владельца нескольких универсамов, запросившего правительство о пересмотре сроков погашения долговых обязательств. Гитлер решительно возражал, но вынужден был уступить, необходимость пойти навстречу еврейскому предпринимателю была аргументирована тем обстоятельством, что банкротство этой фирмы и других крупных магазинов приведет к потере десятков тысяч рабочих мест и вызовет волну повышения цен.

Летом 1933 года был распущен «Боевой союз промышленного среднего сословия» и Отто Вагнер окончательно исчез с политического горизонта. Было создано новое объединение представителей этого сословия — Национал-социалистическая

организация ремесленников, торговцев и кустарей (НАГО), деятельность которого строго контролировалась Гессом и другими представителями партийного руководства. В знаменательной речи произнесенной на заседании кабинета 6 июля, Гитлер указал на то, что революция завершена и ее революционные преобразования не должны распространяться на область экономики: «История знает больше революций, победивших на первом этапе, нежели тех, какие, достигнув успеха, сумели закрепить его и удержаться на взятых высотах. Революция — отнюдь не перманентное состояние».

Однако существовал один сектор экономики, в котором идеология одерживала верх над экономическими и политическими соображениями. Этим сектором было сельское хозяйство. «В данный момент и в дальнейшем необходимо отделять экономику крестьянства от капиталистической рыночной экономики».

Снижение налогов, уменьшение выплат по долговым обязательствам сразу же облегчило положение сельскохозяйственных районов наиболее пострадавших в ходе Депрессии; жители этих районов обеспечили нацистам самый большой процент голосов на выборах. В идеологии национал-социализма был сильно выражен элемент аграрного романтизма, что было отражением глубоко укоренившегося недоверия к городской индустриальной цивилизации. Сторонники крестьянства призывали к защите этой части населения как «биологического источника обновления крови в политическом организме», в соответствии с фантазиями Гиммлера, крестьянство, пополняя войска СС, должно было сыграть важную роль в политике заселения расово-полноценными немецкими колонистами того «жизненного пространства», которое предстояло завоевать на Востоке.

Руководитель аграрно-политического отдела национал-социалистической партии Вальтер Дарре был именно тем человеком, который был способен осуществить такого рода идеи на практике. Под его руководством нацисты еще до своего прихода к власти смогли обеспечить себе устойчивое положение в аграрно-хозяйственной палате и во всех ассоциациях, представляющих интересы крестьянства (таких как Имперская лига земледельцев и т. д.). После отставки Гугенберга Гитлер сделал Дарре министром сельского хозяйства и четвертым нацистским членом кабинета. Таким образом Дарре получил возможность объединить деятельность аграрно-политического отдела партии (АА) с работой различных органов сельскохозяйственного самоуправления и деятельностью соответствующего министерства. Главным образом благодаря этому он смог приступить к осуществлению программы, предусматривавшей стабилизацию частной собственности на землю, тотальный контроль над рынком и ценами, создание территориально-административной си-

стемы управления сельским хозяйством.

Если Сталин видел в кулаке главное препятствие для осуществления программы модернизации сельского хозяйства, то Гитлер провозгласил крестьянство «вечно живой основой немецкой нации». Для того, чтобы подчеркнуть значение, которое нацистское правительство придавало крестьянству — «будущему народа» — в 1933 году был учрежден День немецкого крестьянства, который отмечался 1 октября, он стал таким же национальным праздником как День труда, отмечавшийся 1 мая. Ежегодно в Бюкебурге проводилась демонстрация, в которой в 1933 году приняли участие полмиллиона, а в 1935 году — один миллион крестьян, собранных для того, чтобы слышать Гитлера.

Вопреки «принципу фюрерства» и мифологизации личности Гитлера, в первый период нацистского правления (а именно до 30 июня 1934 года) Гитлер был так же не свободен, как любой из политиков: он был вынужден лавировать, раздавать противоречивые обещания, идти на нежелательные компромиссы. Критики нацизма всегда считали, что партия, которая на пути к власти раздает столь разные обещания различным социальным группам, добившись окончательной победы, будет обречена на раскол. С предельным напряжением миллионы его сторонников следили за тем, как Гитлер, не обманувший их ожиданий, удерживается на плаву, не давая захлестнуть себя волнам противоречивых политических потоков. Во многих районах страны гаулейтеры и руководители СА не сидели сложа руки в ожидании приказов из Берлина — они действовали по собственной инициативе; и из речи Гитлера, произнесенной на заседании кабинета в июле 1933 года, становится ясно, с какими трудностями ему и Герингу пришлось столкнуться в стремлении сохранить положение под контролем.

Если сделать скидку на неразбериху и изменения в тактике, которыми всегда сопровождаются любые революционные преобразования, то нетрудно убедиться в том, что линия Гитлера применительно к экономике, несмотря на все временные отходы и отклонения, была вполне последовательной. Без сомнения, среди участников нацистского движения было много таких, которые в первые полгода после прихода нацистов к власти ждали радикальных перемен в экономике. Гитлера нельзя отнести к сторонникам подобных преобразований: обвинять его в том, что он «не сумел» провести фундаментальные реформы, значило бы пройти мимо того обстоятельства, что он, по сути, и не ставил себе целью их проведение. Для Гитлера важен был только политический аспект революции — решительное изменение в соотношении сил внутри страны, осью которого было уничтожение «марксистских» левых партий и профсоюзного движения. Разрешив поставленную задачу, Гитлер не собирался делать достоянием гласности свои планы по дальнейшему

использованию полученной власти до тех пор, пока не подготовит пути материальной и психологической мобилизации немецкого народа, «восстановления способности защищать державу», что, как он заявил кабинету, займет пять лет.

Нельзя сказать, что Гитлер недооценивал экономику, просто его отношение к экономике было сугубо прагматическим. Рабочим, занятым в строительных работах на его вилле в Берхтесгадене, он сказал:

«Сейчас много говорят об экономике — об экономике частного предпринимательства и кооперативной экономике, социализированной и частнособственнической. Поверьте мне, в экономике решающим фактором являются не теории, а эффективность».

Гитлеру нужны были определенные результаты, и если экономика в рамках существующей системы могла в короткие сроки обеспечить выход из депрессии и ликвидацию безработицы, а в более отдаленном будущем, но все-таки достаточно быстро — перевооружение германской армии, он не видел необходимости ломать сложившуюся систему экономических отношений, вводя радикальные изменения, которые по его мнению были лишены смысла. Будущее германской нации призваны были обеспечить не экономические и социальные преобразования, но завоевание дополнительного жизненного пространства, которое станет возможным, как только у Германии появится достаточная для этого мощь.

V

В области перевооружения и внешней политики положение было таким же: продолжение начатой прежними правительствами линии сотрудничества с промышленными магнатами, с рейхсвером и министерством иностранных дел. Все мероприятия нового канцлера, если их рассматривать в ограниченной перспективе 1933—1935 годов, создают обманчивое впечатление преемственности курса Гитлера с политической его предшественников.

Усилия предшественников фюрера: Брюнинга, фон Папена и фон Шлейхера — были направлены на то, чтобы обеспечить отмену репаративных обязательств в ходе Лозаннской конференции 1932 года и признание паритета Германии Всемирной конференцией по разоружению. В 1922 году Советская Россия приступила к производству запрещенных видов вооружений, (таких например, как самолеты и отравляющие газы), в 1926 году — Германия начала разрабатывать секретные планы по перевооружению. В 1928 году министерством обороны был утвержден план, в соответствии с которым к 1932 году в Германии должно было быть сформировано 16 дивизий, в свою очередь в 1932 году был утвержден план, которым было предусмотрено создание

армии численностью в 21 дивизию (300 000 чел.) к 1938 году. Даже планы Гитлера по экспансии на Восток (тщательно скрываемые в это время) были продолжением старой темы «собираемые немецких земель», звучавшей в пангерманской пропаганде с 1890 года и исподволь устремленной к достижению гегемонии Германии в Восточной Европе, каковая и была достигнута в 1917 году, но утрачена после Брест-Литовска.

3 февраля 1933 года, через четыре дня после избрания его канцлером, Гитлер на встрече с генералами рейхсвера не сказал ничего, что можно было бы расценивать как новый поворот во внешней политике, он развивал те же идеи достижения общегерманской цели — «избавления от оков Версаля» и возрождения военной мощи Германии. Ответ Гитлера на вопрос, каким образом он собирается использовать военный потенциал Германии после того, как этот потенциал будет накоплен, был намеренно уклончивым. В сделанном генералом Либманом конспекте данного выступления фюрера, читаем: «Сейчас говорить об этом преждевременно. Быть может, в борьбе за новые рынки экспорта, быть может — и это, пожалуй, предпочтительнее — в завоевании нового жизненного пространства на Востоке и неукоснительной германизации последнего».

Гитлер пообещал не привлекать рейхсвер к подавлению беспорядков внутри страны; однако это вызвало тревогу среди кадровых военных, опасавшихся соперничества со стороны штурмовиков, чья армия насчитывала 2,5 млн. человек, способных встать в строй в случае чрезвычайного положения; само существование СА подрывало позиции профессиональной армии и глава СА Рем не скрывал своих намерений заменить рейхсвер народной милицией. В декабре 1933 года эта тревога послужила импульсом для принятия министерством обороны новой программы, в соответствии с которой численность армии, насчитывавшей в мирное время 21 дивизию, увеличивалась до 63 дивизий в случае войны. Проект такого рода требовал введения всеобщей воинской повинности и освобождал рейхсвер от необходимости использовать народную милицию Рема в качестве резерва.

В течение всего периода, необходимого для перевооружения армии, главной заботой Гитлера была необходимость скрывать свои подлинные намерения. В своей речи 3 февраля он заметил, что именно в этот период Германия будет наиболее уязвима для противника. «Это время покажет, есть ли во Франции государственные деятели. Если есть, они не дадут нам времени и нападут на нас сами, возможно с помощью своих восточных саттелитов». Давая интервью иностранным корреспондентам, Гитлер использовал их как возможность успокоить политические круги Англии и Франции, и в первой же своей речи по вопросам внешней

политики (17 мая) искусно сочетал заверения в мирных устремлениях своего режима со взвешенной конституцией «справедливых претензий» Германии к союзной коалиции, учет которых не мог не вылиться в пересмотр условий Версальского договора.

«Нынешнее поколение обновленной Германии,— говорит он — которое видело нищету, невзгоды и страдания собственного народа, столь глубоко на себе испытало все безумие нашего времени, что оно и помыслить не может о причинении таких же страданий другим народам. Любовь и уважение к национальным традициям собственной страны заставляет нас уважать национальные чувства других народов, жить с ними в мире и дружбе — наше самое искреннее, самое сердечное желание... Французы, поляки — наши соседи, и мы знаем, что никакой поворот истории не изменит такого положения дел...»

Мир только выиграл бы, если бы применительно к Германии эти реалии были бы правильно оценены Версальским договором. Ибо договор, действительно рассчитанный на долгий срок, не должен способствовать открытию новых ран и расстраиванию старых, напротив, он должен способствовать тому, чтобы раны закрывались, чтобы они заживали... Тем не менее ни одно германское правительство по собственной инициативе не нарушит условий этого договора, пока он не уступит место новому, более справедливому.

Однако юридический характер этого договора должен быть признан всеми. Условия договора должны предусматривать определенные права не только для победившей стороны, но и для побежденных».

На сессиях Женевской конференции по разоружению, проходивших на протяжении всего 1933 года, представители Германии выдерживали линию, препятствующую успеху женевских переговоров, и угрожали покинуть конференцию, действуя в соответствии с инструкциями, полученными от министерства обороны и министерства внутренних дел, чья тактика шла в разрез с линией Гитлера, склонного к проведению более осторожной политики. Только в октябре 1933 года фон Бломберг смог убедить Гитлера выполнить угрозу, но с этого момента Гитлер резко изменил линию поведения. Первый внешнеполитический скандал Гитлера заключался в том, что, покинув 14 октября Конференцию по разоружению, спустя два дня Германия вышла из Лиги наций, последовав примеру Японии, покинувшей Лигу наций в мае. Главным в аргументации Гитлера был следующий довод: если страны-участницы серьезно относятся к провозглашенному ими принципу равноправия, то они должны или сами пойти на разоружение, или признать право Германии на перевооружение немецкой армии. Используя прием, который со временем станет хорошо известен всем, вслед за заявлением о выходе из Лиги наций Гитлер произнес эмоци-

ональную речь, переданную по радио, в которой он отрекался от каких-либо намерений агрессивного характера, называя Францию «нашим древним, но славным соперником», и заявил, что «всякий, кто помышляет о войне между двумя нашими странами, — сумасшедший».

Не сомневаясь в том, что немецкий народ после всего того, что пришлось испытать Германии в унижительном положении государства, пребывающего под надзором стран-победительниц и зависящего от двумысленных заверений Лиги наций, поддержит его декларацию независимости, Гитлер объявил 12 ноября — ровно день спустя после пятнадцатилетия перемирия, заключенного в 1916 году, — днем всенародного плебесцита и выдвинул другой широковетельный пропагандистский лозунг: «За честь и равноправие!» Гитлер обладал безошибочным политическим чутьем. Как показали результаты референдума, 95 % тех, кто принял в нем участие, высказали свое одобрение политике фюрера, 39 млн. голосов были отданы избирателями кандидатам нацистского «единства» на одновременно проходивших выборах в рейхстаг, и хотя эти цифры были получены не без вмешательства пропагандистского аппарата нацистов с его приемами подтасовки данных, они бесспорно отражали преобладающее настроение нации.

Успех миролюбивого курса Гитлера, которому удалось ввести в заблуждение и расколоть общественное мнение в ряде демократических государств Запада, лишь укрепил презрение фюрера к лидерам этих демократий. Заверения в мирных устремлениях во внешней политике приносили ему те же дивиденды, какие заверения соблюдать законность приносили во внутренней. Обманчивая убежденность в том, что активность национал-социализма может быть ограничена, ставшая роковой для немецких правых, была свойственна Англии и Франции и объясняется стремлением лидеров этих стран сохранить иллюзию стабильности политической ситуации. В результате они оказались втянуты в политику умиротворения, которая привела к развалу европейской системы безопасности, созданной с целью предотвратить возрождение военной мощи Германии. Благодаря этому Гитлер получил свободу маневра, смог приступить к перевооружению армии, отказаться от соблюдения условий Версальского договора, т. е. сделать первые шаги к возобновлению германской экспансии. С осуществлением этих акций, Гитлер получил преимущества, которых не было ни у одного из его предшественников: ему практически удалось добиться объединения народа Германии. Перевооружение обеспечивало оптимальное решение политических и экономических проблем Германии, одинаково приемлемых и для промышленников, и для армии, для националистов из государственного аппарата, для сотрудников министерства иностранных дел и дипломатического корпуса, рав-

но как и для рядовых членов партии и просто «людей с улицы».

Парадоксально, но именно Кремль и Ватикан оказались первыми державами, засвидетельствовавшими факт международного признания нового режима в Германии. В мае 1933 года в Берлине был подписан договор между СССР и Германией о продлении веймарского соглашения о сотрудничестве, заключенного в 1926 году; в июле был подписан конкордат между Ватиканом и Германией. Предпринимаемые в это же время попытки Муссолини договориться о подписании четырехстороннего соглашения между Италией, Англией, Францией и Германией (несмотря на то, что это соглашение так и не было подписано) свидетельствуют о молчаливом согласии сторон считать нацистскую Германию равноправным членом мирового сообщества.

Продолжая проводить линию искусного камуфляжа по дипломатическим каналам, Гитлер приказал генеральному уполномоченному по гражданской авиации Герингу приступить, в условиях строжайшей секретности, к созданию военно-воздушных сил, в свое время запрещенных Версальским договором. Преодолев сопротивление генералитета рейхсвера, Геринг настоял на выделение военной авиации в отдельный род войск с подчинением особому министерству, которое возглавил специалист по вопросам гражданской авиации и убежденный нацист Эрих Мильх.

Задача, стоявшая перед новой боевой авиацией, была аналогична той, которую адмирал фон Тирпиц ставил перед военно-морским флотом накануне 1914 года в своей знаменитой «теории риска»: увеличение численности военно-морского флота Германии рассматривалось как оптимальное средство увеличения риска развязывания военных действий для предполагаемого противника и, тем самым, снижения опасности превентивного удара по Германии на период, необходимый рейху для перевооружения. Несмотря на то, что наличие у Германии военно-воздушного флота было официально признано Гитлером лишь в марте 1935 года, с лета 1933 года Англия уже располагала неофициальной информацией, вызывающей тревогу, в результате чего теория риска приобретала практическую значимость и Гитлер получил возможность спровоцировать ухудшение отношений между Англией и Францией. В ноябре 1933 года Гитлер направил в Лондон в качестве «уполномоченного по вопросам разоружения» своего личного представителя Риббентропа, который должен был выяснить возможные перспективы заключения соглашения между Англией и Германией, в соответствии с которым, в обмен на предоставление свободы действий в Восточной Европе, Германия предоставляет Англии гарантии безопасности. Предложение подписать двухстороннее морское соглашение, которое в будущем должно было послужить основой для пакта о ненападении,

сделал в конце ноября английскому морскому атташе главнокомандующий военно-морским флотом Германии Редер, в декабре с этим же предложением обратился к британскому послу сам Гитлер.

Использование Риббентропа для дипломатической миссии было первой ласточкой. В первый год своего канцлерства фюрер не собирался производить какие-либо замены в дипломатическом корпусе, на посту министра иностранных дел он оставил фон Нейрата, прислушиваясь к рекомендациям официальных лиц, он не заменил ни одного из дипломатических представителей Германии за рубежом (исключение составил Вашингтон — посол Германии в США сам подал в отставку). Однако уже в 1934 году Гитлер начал проявлять большую независимость и министерству иностранных дел пришлось понять, что среди членов партии есть лица с большими амбициями в области внешней политики. Среди них такие крупные функционеры партии, как Геббельс, Геринг, Риббентроп, гаулейтер Боль, возглавлявший отдел зарубежных организаций, деятельность которого была направлена на объединение немецких землячеств в других странах, (АО), и Розенберг — руководитель внешнеполитического отдела НСДАП (АПА).

Бывший торговец шампанским, о котором Геббельс ска- зал: «Он купил имя, женился на деньгах и украл место в правительстве», — Риббентроп был одним из наиболее упорных просителей, он убедил Гитлера (очень ценившего знания и осведомленность этого коммерсанта в языках и обычаях других стран) использовать его для поручений дипломатического характера. Организовав собственное «Бюро Риббентропа», он сосредоточил все усилия на претворении в жизнь излюбленной идеи Гитлера о заключении союза с Англией, льстил фюреру и поддерживал его скептическое отношение к профессионалам. Завоевав доверие Гитлера, Риббентроп смог добиться больших успехов, в 1938 году он заменил фон Нейрата на посту министра иностранных дел, под его началом министерство иностранных дел превратилось во «вспомогательный аппарат» (выражение фон Вайцеккера, статс-секретаря министерства, использованное для характеристики униженного положения, в котором оказалось ведомство, игравшее важную роль в системе жизнеобеспечения государства).

Вторым удачным маневром Гитлера, нарушавшим все традиции немецкой дипломатии, был пакт о ненападении с Польшей, заключенный в январе 1934 года. Именно Польша являлась той страной, само существование которой было оскорбительно для немецких националистов. После первой мировой войны Германия вынуждена была уступить Польше Познань, Западную Пруссию и Верхнюю Силезию, польский коридор отделял от рейха Данциг и Восточную Пруссию. Польша была ключом к «санитарному кордону»,

построенному французами для защиты Восточной Европы от Германии.

После прихода к власти Гитлера маршал Пилсудский предложил Франции нанести Германии упреждающий удар. Нежелание Франции поддержать предложение Пилсудского заставило последнего выбрать альтернативный курс, предложенный Гитлером, и заключить с Германией мирный договор. Гитлер видел большие преимущества подобного шага, который одновременно позволял свести на нет давно уже вызывавшую тревогу рейхсвера возможность агрессии со стороны Польши и лишить смысла все попытки Франции создать антигерманскую коалицию. Кроме того, у Гитлера появилась возможность заявить, что подписанием германско-польского соглашения он заложил основы защиты Европы от большевизма.

Этот шаг не получил популярности в Германии; возвращение территорий, отошедших в конце войны к Польше, стояло во главе угла программы пересмотра веймарских соглашений. Однако интересы Гитлера в Восточной Европе отнюдь не сводились к тому, чтобы перекроить существующие границы, они предусматривали гораздо более масштабную цель — завоевание жизненного пространства, что было делом будущего; в текущий же момент, как и предполагал Гитлер, его желание заключить пакт о ненападении с Польшей получило заметный международный резонанс, явившись прецедентом для целого ряда двухсторонних соглашений, посредством которых Гитлер оказался в силах нейтрализовать все попытки организации коллективной безопасности.

Международный престиж Гитлера не пострадал вследствие начавшегося ухудшения отношений с Россией, принявшего форму острой пропагандистской войны, что противоречило веймарским традициям германо-советской дружбы, начало которым было положено рапальским договором 1922 года. Эволюция идеологии нацизма, перешедшего от антимарксистских лозунгов, главной темы предвыборных кампаний НСДАП, к призывам к крестовому походу на большевизм, приносила несомненные выгоды, привлекая на сторону Гитлера консервативные круги в Европе и в Германии. Вопрос об участии в этом походе Польши до 1939 года оставался открытым.

Если договор с Польшей был большой удачей Гитлера, то третья его инициатива в области внешней политики была лишена всякого смысла. Одним из мотивов, повлиявших на решение Пилсудского подписать предложенный Гитлером пакт о ненападении, было австрийское происхождение фюрера, позволявшее надеяться на то, что Гитлер не разделяет традиционной прусской враждебности к Польше. И действительно, кому как не Гитлеру — австрийцу по происхождению, ставшему германским канцлером — подобало пре-

творить в реальность самую заветную из своих политических амбиций, влив австрийских немцев в состав Великой Германии? Австрийские нацисты уже признали Гитлера своим вождем, была начата массовая кампания в поддержку национал-социалистов Австрии, подкрепляемая экономическим бойкотом, и все эти действия имели целью свергнуть венское правительство Дольфуса путем внутригосударственного переворота.

Польско-германский пакт был результатом трезвого расчета, в случае же с Австрией Гитлер, поддавшись эмоциям, действовал вопреки здравому смыслу. Он плохо представлял себе возможности австрийских нацистов и проявил политическую недалекость, т. к. не смог рассчитать какими будут последствия от угроз и бойкота Австрии для его отношений с Францией, наложившей в 1931 году вето на присоединение Австрии к Германии, а также с Италией, которую наряду с Англией он всегда рассматривал как потенциального союзника в случае, если удастся изолировать Францию. Муссолини, у которого были собственные интересы в Западной Европе, объявил себя защитником австрийского канцлера Дольфуса и присоединился к Англии и Франции, опубликовав совместную декларацию о необходимости сохранения суверенитета Австрии. Во время попытки нацистского путча 25 июля 1934 года, когда Дольфус был смертельно ранен в своей резиденции австрийскими нацистами, жена и дети канцлера находились в Италии под покровительством Муссолини. Это был второй путч, окончившийся неудачей: нацисты были побеждены, тысячи сторонников Гитлера бежали в Германию. Муссолини отдал приказ частям итальянской армии занять Бреннерский перевал, а в послании к австрийскому правительству обещал поддержать законную власть в ее борьбе за сохранение независимости страны.

У Гитлера не оставалось выбора: ему пришлось отречься от причастности к заговору. По его приказу убийцы Дольфуса были выданы Австрии, германский посол был отозван из Вены, а на его место отправлен католик (и по-прежнему вице-канцлер в гитлеровском кабинете министров) фон Папен с миссией исправить создавшееся положение.

Конец 1934 года был неудачным для дипломатии Гитлера. Министр иностранных дел Франции Луи Барту приступил к осуществлению проекта образования союза восточноевропейских государств, а Россия дала согласие на постоянное представительство в Совете Лиги наций. Гитлер реагировал на это, давая все новые интервью иностранным корреспондентам, в которых то и дело звучало слово «мир». «Если дело только в Германии, — заявил он корреспонденту английской газеты «Дейли мейл» Уорду Прайсу, — то войны больше не будет никогда. Эта страна, как никакая другая, знает, что такое бедствия войны».

Австрийское фиаско ясно показывает, что ограниченными возможностями маневрирования обладал Гитлер в начале 30-х годов, он мог действовать только в рамках ревизионистской программы, не отклоняясь от политического курса прежних правительств. Но считать подобное положение вещей несовместимым с долгосрочными замыслами Гитлера, изложенными в «Майн Кампф» было бы так же неверно, как считать красноречивые заявления Гитлера в его приверженности миру несовместимыми с приятием им факта войны и сопряженных с ней опасностей как неизбежных. Подобно проводимой им антисемитской кампании, эти долгосрочные планы Гитлера не были оформлены в четко составленный «план агрессии» с определением сроков тех или иных операций; как в тактике, так и в сроках Гитлер был оппортунистом до мозга костей, примером подтверждающим это, может служить его вечно менявшееся отношение к Великобритании — стране, к союзу с которой он всегда стремился, но которая так и не стала союзницей Германии. Все его планы носили приблизительный характер, они были неким магнитным полюсом, к которому возвращалась его стрелка-курс после любого тактического отклонения или изменения программы. Первые годы канцлерства и начало дипломатической карьеры фюрера отмечены такой вехой как германско-польский пакт о ненападении, ставший еще одним подтверждением склонности Гитлера к политическому маневрированию, поскольку вопрос о том, станет ли Польша союзником Германии в ее крестовом походе на большевизм, или, напротив, ей предстоит быть поделенной между Россией и Германией и более того, уничтоженной накануне вторжения в Советский Союз — оставался открытым.

VI

Первый этап гитлеровской революции отмечен рядом драматических событий, последовавших за вступлением Гитлера на пост канцлера в январе 1933 года; его кульминацией стал июль, когда нацистская партия была признана единственной партией в однопартийном государстве. Конец этого первого этапа был ознаменован еще более драматическими событиями, разыгравшимися 30 июня 1934 года, в итоге которых Гитлер провозгласил себя «Верховным Судьей немецкого народа» и после смерти Гинденбурга, объединив все официальные титулы германской Империи, стал президентом, канцлером и в довершении всего фюрером Великой Германии. В этот начальный период политический курс нового режима «колебался между продолжением революционных преобразований и торможением революции»; главным был вопрос о роли партии в однопартийном государстве на данном этапе, когда историческая фаза су-

цествования национал-социализма как движения завершилась. Попыткой Гитлера ответить на этот вопрос был выдвинутый в июле 1933 года лозунг «единства партии и государства». «Партия ныне стала государством. Вся власть принадлежит правительству рейха». По существу это было постановкой, но никак не решением вопроса.

В Советском Союзе понятие однопартийного государства имело вполне определенный смысл; это означало, что партия определяет политику государства и управляет государством. Многие члены нацистской партии считали, что придя к власти, НСДАП также возьмет на себя управление государством — как в законодательной, так и в исполнительной функции. Однако к лету 1934 года вопрос об управлении государством был решен по-другому. В Германии возникла альтернативная модель управления — триада «партия-государство-фюрер», причем последнее звено было самым главным, это была довольно аморфная система управления с неясной и меняющейся иерархией полномочий.

«Революция снизу» — иными словами, всплески спонтанной активности партийных функционеров и штурмовиков на местах при исполнении ими обязанностей рейхскомиссаров и специальных уполномоченных — была тем энергетическим мотором, который давал возможность Гитлеру, прибегая к давлению и угрозам, продолжать «революцию в верхах». Но как только она завершилась, возникла необходимость, как отмечает Брейчер, «защитить полученную власть от неконтролируемых посягательств партии».

В кругах, игравших важную роль в экономике и политике Германии, возникла сильная оппозиция со стороны тех, кто опасался, что продолжение революции приведет к полному развалу государственных структур. Ситуация становилась критической и требовала незамедлительной реакции правительства. Министр внутренних дел Фрик и Геринг, возглавлявший министерство внутренних дел Пруссии (аппарат которого значительно превосходил по численности ведомство Фрика), объединившись с другими министрами консервативного толка, выступили в поддержку закона «О восстановлении профессионального статуса государственной службы» (7 апреля 1933 года), и еще до конца месяца Геринг в Пруссии приступил к упразднению «армии уполномоченных, угрожавшей подорвать и окончательно дискредитировать авторитет государства». В это же время Гитлер принял решение о создании партийного комитета в Мюнхене, во главе которого он поставил своего заместителя по партии Гесса, наделив его полномочиями самостоятельно решать все вопросы, связанные с управлением партией; данная акция имела целью предотвратить прямое вмешательство партии в деятельность государства. Не отличавшийся большими способностями, но безмерно предан-

ный Гитлеру Гесс был именно тем человеком, на которого можно было положиться; при помощи своего заместителя Бормана, он мог стать посредником между отдельными партийными боссами и Гитлером после того, как последний стал канцлером.

Теперь, когда численность партии значительно возросла, партия могла стать такой, какой ее хотел видеть Гитлер: не элитарным объединением личностей, призванных вести вперед нацию, а массовой организацией, способной поднять дух народа и подчинить его своему влиянию. Несмотря на то, что партий были заблаговременно созданы «теневые» департаменты, дублирующие почти все государственные службы, партийные функционеры не слились с государственной бюрократией, и только четверым из них — Герингу, Геббельсу, Фрику и Дарре — удалось встать во главе государственных ведомств. Даже в 1937 году только пять из двенадцати существовавших возглавляли действительные члены нацистской партии, остальные семь министров не состояли в рядах НСДАП.

После слияния в июне с националистами «Стального шлема» сильно возросла и численность штурмовых отрядов, что составляло проблему более серьезную нежели партийная. В отличие от других нацистских лидеров рейха и федеральных земель, стремившихся занять руководящие посты как в партийных, так и в государственных организациях, Рем умышленно держал свою многочисленную армию коричневорубашечников на заметной дистанции от государства. Это обеспечивало его независимой властью, СА он откровенно отводил роль силы, призванной «довести до конца национал-социалистическую революцию», в ходе которой «серая громада» рейхсвера (ре. ульярной армии) будет поглощена «коричневым полководьем» штурмовых отрядов. В июне 1933 года он опубликовал статью в нацистском ежемесячном журнале, где говорил об особом положении СА и СС, которые наряду с армией и полицией, «выступают как третья сила нового государства, предназначенная для выполнения особых задач».

«Весь ход событий, имевших место с 30 января по 21 марта 1933 года, не соответствует сути и назначению немецкой национал-социалистической революции...»

СА и СС не позволят немецкой революции погрузиться в сон; они не позволят тем, кто не участвовал в боях, предрешать ее на пути к достижению поставленных целей... Коричневая армия — это свежие силы нации, ее последний бастион против коммунизма.

Если некие буржуазные простофили довольствуются тем, что государственный аппарат получил другое название, и сетуют на то, что национальная революция слишком затянулась, то в последнем мы с ними согласны. Действительно, давно пора от национальной революции перейти к нацио-

нал-социалистической. Устраивает их это или нет, мы будем продолжать нашу борьбу. Если они, наконец, поймут, в чем ее суть — мы с ними! Если не захотят — без них! А если понадобится — и против них!»

Постепенно СА превратились в армию недовольных, требовавших продолжения революционных преобразований с тем, чтобы довести до конца намеченные преобразования и удовлетворить все их притязания.

Шестого июля, выступая на конференции руководителей «третьего рейха», посвященной необходимости закончить революцию, Гитлер высказал ряд замечаний, направленных против такого рода настроений, распространившихся среди штурмовиков. Разделяя эту точку зрения, Фрик и Геббельс заявили в своих выступлениях, что «нацистская революция закончена», Геббельс призывал быть бдительным и не поддаваться проискам «скрытых большевистских элементов, разглагольствующих о второй революции». По приказу Геринга в Пруссии были расформированы вспомогательные подразделения полиции; были проведены акции с целью передать под юрисдикцию полиции концентрационные лагеря, созданные СА и СС, а также предотвратить акты терроризма.

Однако эти меры не подействовали на Рема, которому Гитлер, несмотря на запрет Геринга, разрешил ввести должности полномочных представителей СА в Пруссии; в то же время на сентябрьском совещании руководителей рейха Гитлер вновь с негодованием обрушился на адвокатов второй революции, называя их своими персональными врагами, «с наркотическим опьянением которых в один прекрасный день мы покончим, совершенно неожиданно для них». Но в то время это были только слова, некоторые из высказываний Гитлера осенью 1933 года показывают, что у него не было ясного плана действий. Ничего не менял в создавшемся положении и законопроект «Об обеспечении единства партии и государства», выдвинутый Фриком. Заявления о том, что «после победы национальной революции» партия становится «олицетворением идеи германского государства и связана с ним нерасторжимыми узами», значило ничуть не больше, нежели провозглашенное за полгода до этого «единство партии и государства». Гесс и Рем получили министерские назначения, однако, поскольку назначение партийных боссов создавало «неразрушимую связь партии и государства», оно срабатывало в пользу последнего, войдя в состав руководящего органа — кабинета министров — Гесс и Рем оказались в нем министрами без портфелей, не получив каких-либо полномочий присущих исполнительной власти.

Сводки по опросам общественного мнения во всех частях рейха, которые были хорошо известны Гитлеру, свидетельствуют о значительном снижении политической актив-

ности населения в первой половине 1934 года. Наблюдался спад энтузиазма, характерного для лета 1933 года, вспышка которого повторилась осенью в связи с выходом Германии из Лиги наций и отказом от участия в Международной конференции по разоружению. Не прибавил популярности новому режиму и суд над коммунистами, обвиненными в поджоге рейхстага, в ходе процесса нацисты потерпели фиаско и вынуждены были освободить всех обвиняемых, кроме молодого голландца ван дер Люббе. Обещанные экономические блага все еще не стали реальностью, и хотя популярность самого фюрера не пострадала, росло недовольство масс коррумпированностью и наглостью местных партийных боссов.

Более всего, — делает заключение Иэн Кершоу, — отвратительная личина «третьего рейха» проявлялась в высокомерии и хулиганских выходках помешанных на силе штурмовиков, чье вызывающее поведение после того, как все «нарушители спокойствия» из левых партий и другие «антисоциальные элементы» были устранены, было глубоко оскорбительным для чувств представителей средних классов Германии с их приверженностью к общественному порядку и строгим моральным нормам.

По двум причинам разного характера Рем и его СА представляли для Гитлера проблему особого рода. Поскольку СА являлись вооруженной силой партии, а рейхсвер — вооруженной силой государства, диалектика единства партии и государства обнаруживала здесь один из самых опасных своих подводных камней, ибо могла вылиться не только в столкновение соответствующих юрисдикций, но и в вооруженное противостояние. Сложность ситуации для Гитлера усугублялось еще и тем, что с Ремом его связывали давние личные отношения. Рем как штабной офицер армейского регионального командования в Мюнхене был непосредственным начальником Гитлера в то время, когда движение только зарождалось. Столкновение между ними по вопросу о назначении СА (Гитлер отстаивал политическую концепцию, Рем стремился к созданию полувоенной организации) закончилось разрывом, и в 1925 году Рем был отстранен от руководства СА. Когда в 1931 году, не сумев справиться с мятежными, не признающими ограничений тактики «соблюдения законности» штурмовиками, Гитлер предложил Рему снова стать во главе СА, проблема несовместимости взглядов политически ориентированных членов партии и ее добровольческих отрядов возродилась во всей остроте.

Теперь, когда Гитлер стал канцлером, Рем прилагал не больше усилий, чем в двадцатые годы, чтобы следить за своими высказываниями, и не скрывал собственного презрительного отношения к компромиссам с существующим порядком, на которые шел Гитлер. Между тем, Гитлер не только ввел Рема в состав кабинета, в конце года он нали-

сал ему теплое благодарственное письмо, в котором превозносил заслуги Рема перед революцией. Однако все это только укрепило главу штурмовиков в уверенности, что на самом деле «Адольф» разделяет его взгляды, но скрывает это. Рем продолжал открыто критиковать режим и политику нового правительства, устраивал внушительные смотры и демонстрации сил СА по всей Германии, приступил к снабжению народной армии дополнительными вооружениями, часть которых закупал за границей.

Усиление активности СА, происходившее пока без определенной цели, явилось вызовом авторитету Гитлера, который он не мог игнорировать в условиях достаточно неблагоприятных по многим обстоятельствам. Для того, чтобы не попасть в критическое положение, Гитлер вынужден был действовать и заставить Рема прекратить разговоры о второй революции. Угроза конфронтации СА с рейхсвером, численность СА, достигшая 2,5 млн. человек, тот факт, что постепенно разговоры о «действиях» начали приобретать среди командиров штурмовиков серьезный характер — все это не исключало такой ситуации, когда под вопросом могли оказаться сами основы гитлеровского режима. Новый план по введению всеобщей воинской повинности, разработанный рейхсвером с целью подорвать позиции СА, свидетельствовал о том, что кадровые военные не намерены бездействовать в ожидании обострения противоречий, они не без основания рассчитывали на поддержку консервативных кругов и широкой общественности, т. к. поведение штурмовиков все чаще вызывало всеобщее недовольство. Гитлер хорошо запомнил урок, который получил во время путча 1923 года: никогда не идти на открытый конфликт с армией, и меньше всего это было допустимо теперь, когда страна была все еще уязвима для интервенции извне и он полностью зависел от генералитета в выполнении первоочередной задачи — перевооружения Германии. И наконец, ухудшение здоровья престарелого президента означало, что, вероятно, в ближайшем будущем решится вопрос о выборе его преемника. Гитлер был настроен решительно: никто другой не должен был стать главой государства, поэтому мятеж, или даже угроза мятежа СА могла значительно уменьшить его шансы, лишив поддержки армии, которой, без сомнения, принадлежала главная роль в принятии решения о кандидатуре преемника фон Гинденбурга на посту главнокомандующего, равно как и президента.

В начале января 1934 года Гитлер вызвал Рудольфа Дильса, шефа прусского гестапо, тайной государственной полиции и приказал ему заняться сбором компрометирующих фактов о «Реме и его дружеских привязанностях» (Рем, как и некоторые другие руководители СА, был гомосексуалистом), а также об участии СА в террористических акциях. «Это самое важное задание из всех, которые Вы

когда-либо получали», — сказал он Дильсу. Гитлер все еще надеялся избежать прямой конфронтации с оппозицией, однако не оставалось никаких сомнений насчет того, чью сторону он примет, если придется выбирать. 21 февраля, принимая в Берлине Антони Идена, он доверительно сообщил ему, что намерен сократить численность СА на две трети и проследить, чтобы остальные подразделения не получали оружия и не проходили воинской подготовки. Через неделю генералитет рейха, руководители СА и СС были приглашены на совещание в министерство обороны, на котором Гитлер ознакомил собравшихся с проектом соглашения между армией и СА, в соответствии с которым круг обязанностей СА сводился к второстепенным функциям, перед штурмовыми отрядами, как основная, была поставлена та же задача, которая стояла перед партией: воспитание нации в духе национал-социализма. Обращаясь к руководителям СА, Гитлер призывал их не чинить ему препятствий в создавшейся сложной обстановке, добавив, что расправится с каждым, кто попытается это сделать.

Генералы были удовлетворены. На совещании Рем не терял самообладания, но оставшись в кругу своих соратников, поклялся, что никогда не примет условий, поставленных Гитлером, о чем сразу же и сообщил Гитлеру один из офицеров его штаба Виктор Лутц. Еще одно сообщение было сделано министром обороны генералом фон Бломбергом, который обращал внимание Гитлера на тот факт, что СА создали собственную службу для охраны своих многочисленных штабов; только в одном из военных округов численность таких отрядов достигала 6000—8000 человек, вооруженных пулеметами и винтовками.

В марте началась планомерная изоляция неуправляемых СА. Высокомерие, публично демонстрируемое Ремом и его ближайшими помощниками, восстановило против них многих: рейхсвер, гаулейтеров, партийные ведомства, Геринга и Гимmlера, чьи отряды СС были выделены из состава СА и постепенно превращались в самостоятельное подразделение национал-социалистической партии. Гимmlер уже подчинил себе политическую полицию в Баварии, а вскоре распространил свою власть и на другие земли, включая Пруссию, где возглавляемая им служба и получила название «гестапо». Если наблюдение за СА и их руководством выполнялась только гестапо, то подготовка к военным действиям, необходимость в которых могла возникнуть, осуществлялась в ходе тесного сотрудничества СС и рейхсвера.

К июню тяжелые тучи кризиса нависли над Германией. Отбывая на летние каникулы, фон Гинденбург сказал вице-президенту: «Положение ухудшается, Папен. Попытайтесь его улучшить». Зная, что президент, которому исполнилось 87 лет, может больше не вернуться в Берлин, Гитлер 4 июня

встретился с Ремом, имел с ним продолжительную беседу, в ходе которой предпринял последнюю попытку убедить его принять условия соглашения и тем самым не допустить конфликта. Рем согласился с планом, предложенным Гитлером: в июле штурмовикам предоставлялись отпуска, перед этим Рем должен был провести совещание в Бад-Висзее с руководством СА, на котором предполагалось обсудить ближайшие перспективы движения. Однако выражения, которые употреблял Рем в своем «Приказе по соединениям», извещавшем штурмовиков об отпуске, составляло мало надежды на то, что Гитлеру удалось убедить Рема.

«Если враги СА думают, что штурмовики не вернутся из отпуска, пусть наслаждаются этой иллюзией, пока есть возможность. Придет день, и эти люди получат тот ответ, которого заслуживают; мы ответим им так, как нас заставит необходимость. Сегодня СА — это судьба Германии, и так будет всегда!»

VII

Оставшиеся дни июня Геринг и Гиммлер были заняты сбором «доказательств» преступного заговора лидеров СА, готовивших военный переворот с целью насильственного свержения существующего режима и слияния армии, СА и СС в единые вооруженные силы под командованием Рема. Согласно этой версии, Гитлер оставался на посту канцлера, фон Шлейхер (якобы являвшийся центральной фигурой заговора) становился вице-президентом. Все доказательства имели гипотетический характер, но они сыграли свою роль и были использованы Герингом и Гиммлером как оправдание тех действий, которые они собирались предпринять, чтобы перехватить инициативу и расправиться путем ареста и расстрела с предполагаемыми заговорщиками, причем список участников заговора постоянно пополнялся новыми именами по мере того, как всплывали лица, с которыми требовалось свести давние счеты.

Сейчас трудно сказать, верил ли Гитлер тому, что ему сообщили. Приняв окончательное решение действовать, он мог внушить себе, что все, о чем он узнал, правда. Вопрос о том, насколько верны предположения о действительных намерениях Рема устроить путч, был не так важен для Гитлера, как то обстоятельство, что, пока Рем остается на прежних позициях и хочет заменить армию штурмовиками, он представляет собой, по определению Иоахима Феста, «постоянную угрозу потенциального путча», который мог привести к конфликту с армией, что означало бы конец гитлеровского режима.

Придя к подобному заключению, Гитлер должен был решить, может ли он смириться с нависшей над ним угрозой особенно в ситуации, когда он мог стать приемником Гин-

денбурга. Коль скоро сложившееся положение его не устраивало, способов изменить его было не так уж много. Гитлер не мог заставить Рема просто уйти в отставку: обладая большой властью, Рем мог начать мятеж, которого хотел избежать фюрер. Устроить суд над Ремом он тоже не мог: Рем знал слишком много и слишком велика была опасность повторения скандальной истории подобной процессу по делу о поджоге рейхстага. Оставался один выход: форсировать события и, как говорят уголовники, «пришить дело» противнику.

Гитлер, однако, медлил с принятием окончательного решения и на это были причины. Нанести удар СА — значило нанести удар движению, с помощью которого он пришел к власти; расправой со старым товарищем он ублажал все те консервативные круги Германии, которые он (как правильно догадывался Рем) тайно ненавидел. Неожиданный выпад представителя этих кругов фон Папена, который в своем выступлении в Марбурге в довольно резкой форме указал правительству на то, что революция должна быть закончена, вызвал гнев Гитлера, — в нем были еще сильные радикальные настроения. Однако навестив больного президента в его поместье и посвятив три дня уединенным размышлениям на вилле Оберцальцберг, Гитлер пришел к убеждению в необходимости изменить создавшееся положение.

Очевидно 26 июня, сразу после возвращения в Берлин, Гитлер одобрил план операции, составленный Герингом и Гиммлером; роли были распределены, отступать он уже не мог. Днем начала операции была выбрана суббота 30 июня. Рано утром Гитлер неожиданно прибыл в отель в Бад-Висзее, в котором для встречи с ним собралось все руководство СА. Пройдя по комнатам, где все еще спали, Гитлер арестовал всю верхушку СА, включая Рема. Арестованные были под конвоем отправлены в Мюнхен. В Мюнхене и Берлине операция продолжалась под руководством Геринга и Гиммлера; в течение субботы и воскресенья арестованных расстреливали без какого-либо намека на судебное разбирательство. Но только в воскресенье вечером Гитлер отдал, наконец, приказ расстрелять Рема, предварительно предоставив тому возможность покончить жизнь самоубийством — возможность, от которой Рем отказался.

Действительное число жертв осталось неизвестным; по официальным данным — 87 человек, но с учетом тех, кто был казнен местными властями, сводившими старые счеты, это число возрастает до нескольких сотен. Одновременно с расправой над Ремом и руководством СА были найдены и уничтожены некоторые другие лица, издавна неугодные фюреру. Среди них — Грегор Штрассер, второй человек в партии, главный сподвижник фюрера наряду с Ремом; бывший канцлер, генерал фон Шлейхер и его адъютант

генерал фон Бредов; фон Кар (которого Гитлер ненавидел еще со времен путча 1923 года) и Эдгар Юнг — автор марбургской речи фон Папена. Брюнинг, получив информацию о готовившейся расправе, которую проигнорировал фон Шлейхер, успел вовремя покинуть страну, чем спас себе жизнь.

Несмотря на то, что Гитлер действовал решительно и сам арестовал Рема, его нервы не выдержали нагрузки, и всех, кто видел его 30 июня, поразило почти невменяемое состояние фюрера. Первым его побуждением было скрыть истинный масштаб происшедшего. По приказу Геринга полиция уничтожила «все документы, относящиеся к событиям последних двух дней»; публикация некрологов в газетах была запрещена, 3 июля в газетах среди 20 других постановлений правительства промелькнули две строчки декрета: «Меры, предпринятые 30 июня, 1—2 июля для подавления попытки государственного переворота, считать законными действиями государства, направленными на обеспечение безопасности».

На следующий день в Берлине состоялась церемония награждения всех участников резни 30 июня, от Гиммлера до рядовых охранного батальона СС, именными кинжалами. Гитлер, однако, продолжал хранить гробовое молчание на протяжении еще десяти дней — явление, для его поведения крайне нехарактерное. Это молчание можно объяснить отвращением и шоковым состоянием, наступившим после столь резкого разрыва с собственным прошлым, а также известной растерянностью, т. к. Гитлер вряд ли знал, как преподнести общественности то, что по существу было равнозначно массовому убийству «по приказу фюрера» — фразе, звучавшая при каждом выстреле эсэсовцев.

Сообщения, поступавшие из всех районов Германии и подтвержденные пражским центром СДПГ, свидетельствовали о том, что действия Гитлера не вызвали почти никакой критики, более того, энергия с которой он действовал вызвала повсеместное восхищение. Создавалось впечатление, что версия о заговоре штурмовиков практически не подвергалась сомнению; всеобщее удовлетворение активными действиями фюрера по расправе со штурмовиками отражало отвращение граждан к СА. Пропагандистский аппарат Геббельса всеми возможными средствами стимулировал такого рода реакцию, однако в широких кругах зрело ожидание, что Гитлер сам обратится к народу и даст более внятное объяснение случившемуся.

Запутанное и растянутое выступление Гитлера в Рейхстаге 13 июля нельзя отнести к разряду его удачных представлений. Но все-таки он продемонстрировал присущее ему умение улавливать настроение масс и точно выбирать соответствующую линию поведения. Он подчеркнул развращенность Рема и других главарей СА, являвшихся гомо-

сексуалистами, вновь говорил о том, что не считает революцию перманентным процессом и в качестве оправдания своим действиям привел аргумент о необходимости поддержания порядка и обеспечения безопасности граждан.

Заканчивая выступление, он отчетливо, без обиняков заявил, что считает, что его собственная власть превышает власть закона:

«Если кто-то подойдет ко мне и спросит, почему я не обратился в официальные судебные инстанции, которые должны были бы вынести приговор преступникам, я отвечу: это был час, когда только на мне лежала ответственность за судьбу народа Германии, именно поэтому я стал верховным судьей немецкого народа...»

Я отдал приказ расстрелять зачинщиков заговора, это значит, что я отдал приказ до конца выжечь язву разврата, разъедающую здоровую плоть немецкой семьи... Пусть знают все, что порядок и безопасность — это главные условия существования нации и никто безнаказанно не может покушаться на эти основы! И впредь тот, кто поднимает руку на государство, будет обречен на неизбежную смерть».

Политические круги Запада были потрясены не столько тем, что фюрер объявил о приоритете собственной воли над волей закона, сколько тем, что официально санкционированное убийство было использовано в качестве метода расправы с потенциальными противниками. Однако в самой Германии широкие круги населения отнеслись с одобрением к акции Гитлера, которая была воспринята как шаг, позволивший предотвратить еще большее кровопролитие, более того, восторженное отношение вызвала отвага фюрера, сумевшего стать над условностями закона и действовать в соответствии с естественным чувством справедливости. «Немцы с одобрением говорили, что ни один из прежних канцлеров рейха не осмелился бы поступить так, как поступил он».

Эта точка зрения была свойственна не только «человеку с улицы», ведущий специалист по гражданскому праву, профессор берлинского университета Карл Шмитт опубликовал 1 августа 1934 года в «Немецком юридическом журнале» статью под названием «Фюрер защищает закон», где он пел дифирамбы массовым казням, считая их актом правосудия, исполненным фюрером в соответствии с требованиями «естественной справедливости», являющейся «высшим законом» Нового Порядка.

Спустя 9 лет в своем выступлении перед командным составом СС в Познани (4 октября 1943 года) Гиммлер, оправдывая политику уничтожения расово-неполноценных народов и политических противников, намеренно вернулся к выстрелам, прозвучавшим 30 июня 1934 года, — первому прецеденту не ведающей почтения к закону безжалостности, возведенной в принцип существования нацистского режима.

13 июля в речи Гитлера вновь прозвучали заверения в том, что рейхсвер остается единственной вооруженной силой в государстве, которая никогда не станет «оружием политики». Генералы получили полное удовлетворение: соперники рейхсвера были ликвидированы. Тот факт, что среди казненных оказались такие видные представители германского генералитета, как фон Шлейхер и фон Бредов, отнюдь не омрачили эйфории собравшихся, от имени офицерского корпуса рейхсвера фон Бломберг выразил Гитлеру благодарность и поздравил с успешным окончанием операции.

После решительной расправы с радикальными элементами в нацистской партии Гитлер смог, наконец, почувствовать, что ему удалось успокоить армию и другие консервативные круги Германии, которые спустя три недели после этого выступления воздали ему сторицей; при единодушной поддержке армии и консерваторов Гитлер стал президентом после смерти Гинденбурга и одновременно был назначен Главнокомандующим вооруженными силами, назначение на эти посты прошло гладко, без осложнений и задержек.

Гитлер, уже являвшийся лидером единственной партии в стране, а также главой правительства, занял положение, которое можно назвать уникальным. Он еще более укрепил собственные позиции, устранив институт президентства, с исчезновением которого прервалась связь с традициями прошлого, последним звеном в которой был Гинденбург. Отменив титул президента, Гитлер ввел другой, особый титул. Если раньше все офицеры, солдаты, государственные служащие, включая министров давали присягу на верность конституции, то теперь каждый «перед лицом Господа» присягал на верность «Адольфу Гитлеру, фюреру Германского рейха и Немецкого народа». «С восстановлением персональной присяги,— замечает Мартин Брожат,— произошла частичная реставрация монархии».

«Реальная власть Гитлера как фюрера превышала масштабы власти любого монарха. Понятие «помазанника божьего» уступало место тезису о том, что Фюрер — это спаситель, избранный Проведением, и в то же время — олицетворение неосознанной воли народа и посредник, ее воплощающий».

Для того, чтобы отпраздновать акт мирной передачи власти, сгладить впечатление от событий 30 июня и отметить окончание революции, Гитлер и Геббельс устроили грандиозное представление, не уступавшее «Дню Потсдама», — «Церемонию последних почестей почившему президенту». После окончания речи Гитлера на мемориальном заседании рейхстага, посвященной этому событию, прозвучал похоронный марш из оперы Вагнера «Гибель богов», под звуки которого начался военный парад. Его принимал новый главнокомандующий вооруженными силами. Местом

погребения Гинденбурга стал мемориальный комплекс Танненберг, воздвигнутый в честь победы, одержанной над Росией в 1914 году. В конце траурной церемонии прозвучали слова вагнеровского прощания: «Теперь ты входишь в Валгаллу...». Их произнес Гитлер.

Результаты референдума, проведенного с целью выяснения отношения населения к законности вносимых в конституцию поправок, как всегда свидетельствовали о всеобщем одобрении проекта предлагаемых изменений, однако количество ответивших «да» несколько сократилось в сравнении с референдумом 1933 года. Очевидно, это можно объяснить тем, что агитационная кампания, проводившаяся накануне референдума, проходила вяло, и Гитлер не принимал в ней участия. Если причиной было отсутствие фюрера, то съезд партии, прошедший в Нюрнберге месяцем позже полностью компенсировал это упущение. Вряд ли можно найти более яркое свидетельство изошренности нацистской пропаганды, нежели снятый во время съезда 1934 года режиссером Лени Рифеншталем фильм «Триумф воли», сделавший достойным современников и архитектурный шедевр Шпеера «Собор света» со 134 прожекторами освещавшими здание. Первый вариант этого фильма был снят годом раньше на «Съезде победителей»; он назывался «Триумф веры», но его пришлось забраковать, т. к. во многих кадрах фильма появлялся Рем. Гитлер сам избрал новый вариант названия и предложил положить в основу сюжета две темы: тему Воли, преодолевающей все препятствия, и тему единства фюрера, партии и народа. Образ Гитлера доминировал здесь над всеми и затмевал все: с первых кадров, когда его самолет, идя на посадку, отбрасывал крестообразную тень на маршировавших по улицам штурмовиков и толпы ликующего народа, и до завершающих, когда Гесс произносил магическую формулу: «Партия — это Гитлер, Гитлер — это Германия, а Германия — это Гитлер. Гитлер! Зиг хайль!»

Гитлер мастерски играл свою роль — роль ритуальной фигуры в мифе, мифе о Вожде, возникшем из безвестности, чтобы вершить судьбы нации. Часть предназначенной ему миссии ясно обозначена в следующем высказывании: «Национал-социалистическая революция, как процесс действия революционных сил, завершена». Окончательно определен и характер взаимосвязи партии и государства: Гитлер стал официально признанным главой партии после расправы с СА, — и государства после смерти Гинденбурга. На съезде партии в 1934 году он заверил своих соратников: «Не государство управляет нами, скорее мы управляем государством. Не государство создало нас, скорее мы создали государство».

Фрик, министр внутренних дел, поспешил опубликовать разъяснение, в котором подчеркивалось, что Гитлер отнюдь не имел в виду превосходство партии над правительством;

СТАЛИН И ГИТЛЕР В СРАВНЕНИИ

Конец 1934 года

Сталин: в возрасте от 55—56 лет

Гитлер: в возрасте 45 лет

его заявление просто означало, что «руководящие деятели партии, занимая высшие должности в государственном аппарате, управляют государством». Но Фрик не прокомментировал другое высказывание фюрера, где тот утверждал, что руководство «в Германии сегодняшнего дня обладает властью, для которой нет ничего невозможного», и далее «за окончательной консолидацией сил национал-социализма» последует «реализация программы национал-социализма под руководством верховной власти».

Кризис 1934 года предоставил возможность примирить точку зрения тех, кто считал Гитлера настоящим оппортунистом, с мнением других, которые предполагали, что у Гитлера был определенный план и что, говоря о «реализации программы под руководством верховной власти», он имел в виду нечто конкретное. И если антикризисная политика Гитлера в 1934 году, когда он с трудом мог предвидеть ход развития событий, была действительно политикой оппортунизма, то конечный результат его усилий нельзя назвать случайным.

Точно также было бы ошибкой предположить, что Гитлер предвидел трудности, возникшие при осуществлении программы перевооружения, или заранее представлял себе практическую целесообразность советско-германского пакта о ненападении. Однако лишь с большой натяжкой можно считать простым совпадением то, что спустя три недели после расправы с СА, не имея никаких планов на будущее, он повысил статус СС, выделив их из состава СА и объявив самостоятельной организацией, в основе которой лежал принцип слепого подчинения фюреру. Таким образом, недисциплинированные и, следовательно, ненадежные войска СА, он заменил организацией, ставшей более совершенным орудием его политики, способной наряду с функциями СА, выполнять и многие другие задачи — особенно те, которые возникали в свете перспективы создания расистской империи на Востоке, являвшейся конечной целью программы фюрера. Наличие у Гитлера вполне определенных планов подтверждает и тот факт, что, спустя неделю после торжественного обещания рейхсверу сделать армию единственной вооруженной силой государства, Гитлер предоставил ту же привилегию СС, первоначальная численность которых составляла одну дивизию, однако в дальнейшем, как показали события, на базе СС были созданы особые войска, по существу явившиеся революционной альтернативой регулярной армии, произошло то, о чем некогда мечтал Рем, не сумевший добиться этого при жизни.

I

В знаменитом курсе лекций по философии истории, прочитанном в берлинском университете за сто лет до того, как Гитлер стал канцлером, Гегель говорил о роли «всемирно-исторических личностей», являющихся орудиями, с помощью которых «Воля мирового Духа» осуществляет замысел Провидения.

«Их следует называть героями, поскольку они черпали свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующей системой хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия, из внутреннего духа, всё еще невидимого, не врывающегося в наш мир и разрывающего его на куски, как скорлупу. (Таковыми были Александр, Цезарь, Наполеон.) Они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно. То, что является истиной для их времени, для их мира.

...Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Поэтому всемирноисторических людей, героев какой-нибудь эпохи, следует признать пронизательными людьми; и их действия, и их речи — лучшие в данное время».

В ответ на возражение, что деятельность таких людей часто бросает вызов морали и является причиной больших бедствий для других, Гегель сказал следующее:

«Ведь всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приурочена моральность, чем та сфера, которую составляют образ мысли частных лиц, совесть индивидуумов... Но нельзя... к всемирноисторическим деяниям и к совершающим их лицам предъявлять моральные требования, которые неуместны по отношению к ним. Против них не должны раздаваться скучные жалобы

на тему о личных добродетелях, смирения, любви к людям и сострадательности».

«Такая великая личность, — добавляет он далее, — «вынуждена распотать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути».*

Независимо от того, читали ли Сталин или Гитлер эти высказывания, в них очень отчетливо выражена присущая обоим уверенность в том, что они отмечены особым предназначением и, следовательно, нормы обычного человеческого поведения не имеют к ним никакого отношения. В свою очередь именно уверенность такого рода обеспечивает возможность для непосредственного сравнения этих двух исторических фигур.

Конец 1934 года является наиболее удобным моментом, когда можно прервать хронику событий и приступить к такому сравнению, чему есть две причины. Разрядив напряженность между СА и армией, что дало ему возможность стать преемником Гинденбурга, Гитлер сосредоточил в своих руках всю полноту власти и с этого момента сравнение между ним и Сталиным можно вести примерно на равных основаниях. Вторая причина состоит в том, что именно 1934 год является для обоих неким водоразделом, позволяющим оглянуться назад и сравнить их пути к власти от начала карьеры каждого до конца этого года, и в то же время — взглянуть вперед и расставить ориентиры на будущее.

Гитлер считал себя избранником, которому Провидение доверило спасти народ Германии от позора военного поражения и упадка Веймарской республики; он должен был вернуть немцам их бывшее историческое положение господствующей расы и обеспечить будущее, создав новую Империю германской расы на Востоке Европы. Сталин видел свою миссию в том, чтобы покончить с вековой отсталостью России, превратить крестьянскую страну в современную индустриальную державу и одновременно построить первое в мире социалистическое государство. Ни одна из задач не могла быть выполнена без значительных материальных затрат и бесчисленных человеческих жертв, но на сцене мировой истории, действующими лицами которой были оба, цена ничего не значит. История оправдала бы и простила им все, как прощала их предшественникам — в том случае, если бы они добились успеха.

Процесс возникновения подобного рода убежденности остается тайной. В одной из предыдущих глав я проанализировал связь между убежденностью в своем предназначении и нарциссизмом, этот термин используется для описания такого психологического состояния, когда субъект на-

столько поглощен собой, что никто и ничто в мире не занимает его больше нежели его собственная персона, в сравнении с которой все остальное кажется менее реальным. Нарциссические личности убеждены в том, что обладают особыми качествами, им свойственно чувство превосходства над окружающими, и если придуманный таким человеком образ подвергается критике, разоблачению или разрушению, у него возникает очень бурная реакция, часто рождается желание отомстить.

Даже признав существование такой связи, трудно объяснить, почему из множества случаев, в которых прослеживается нарциссизм, только у этих двух индивидуумов он обусловил такое развитие характеров, дал психологический импульс такой силы, что каждый из них ощутил себя предназначенным для исполнения исторической миссии, что сделало его неуязвимым для разочарований, неудач, чувств вины, угрызений совести, сомнений и враждебности на протяжении всей жизни, в которой оба узнали взлеты небывалого успеха и вкус всеобщего поклонения (в случае с Гитлером оно продолжает существовать и после его поражения).

Можно лишь гадать о причинах возникновения такого рода убежденности, однако это не лишает смысла гипотезу, подтверждаемую массой доказательств, что именно эта убежденность была главным стержнем в карьерах этих деятелей, несмотря на большие различия в их характеристиках, окружении и обстоятельствах, а также несопоставимости идеологических концепций, под знаком которых протекала деятельность обоих.

В биографии Сталина реализации особого предназначения препятствовали два обстоятельства, одно из этих обстоятельств имело место и в биографии Гитлера. Общим для этих людей было то, что оба начинали с нуля, с самой нижней ступени общественного положения, без каких-либо особых преимуществ в талантах или происхождении. Сталин был в более выгодном положении, т. к. в отличие от Гитлера уже в двадцать лет знал, чего хочет. И тем не менее почти половину последующих 18 лет он провел в тюремном заключении или в ссылке. Гитлеру исполнилось тридцать, когда он понял, что его призвание не в искусстве, а в политике, именно в это время он открыл в себе дар оратора. Каждому, кто мог наблюдать Сталина или Гитлера в возрасте до 30 лет, само предположение, что тот или другой сыграют одну из главных ролей в истории XX столетия, показалось бы абсурдным.

Материальные трудности, испытанные Сталиным в начале его политической карьеры, были полностью компенсированы неожиданной удачей, когда в конце 1917 года сразу после возвращения из сибирской ссылки он стал членом революционного правительства. Однако опыт первой поло-

* Перевод А. М. Водена. Гегель, Философия истории, Москва, 1935, стр. 29, стр. 64, стр. 32.

вины жизни, проведенной среди антисоциальных элементов, воров и других отщепенцев, когда он был лишен нормально общения и сам превращался в «кито», как говорят грузины, в босяка, оставил след — психологические комплексы, от которых он так и не освободился. Сформировался тяжелый характер: Сталин был груб, невоспитан, необразован, в основе его революционности лежали мотивы, окрашенные скорее ненавистью и озлоблением, чем идеалистическими устремлениями. Он был человеком, который никому не доверял и не вызывал доверия, был убежден, что (как вспоминает Троцкий) «хорошая драка — лучший способ решения проблемы». Еще одним, вероятно, наследственным качеством, объясняемым его кавказским происхождением, была мстительность, безупречная память обо всех обидах и оскорблениях и неизменная готовность к мести, независимо от того, сколько лет прошло после нанесенной обиды. Одна из хорошо известных историй о Сталине была рассказана Серебряковым. Однажды, когда в группе товарищей обсуждался вопрос о том, какой день, по мнению каждого из присутствующих, можно считать удачным, Сталин сказал: «Для меня это тот день, когда у меня возникает остроумный замысел виртуозной мести врагу, мне удастся блестяще довести его до конца, прийти домой и спокойно уснуть».

Эта грубость — отсутствие воспитания, культуры, — о которой Ленин говорил, что «это пустяк, который может приобрести решающее значение», в дальнейшем была не так заметна, но всю жизнь оставалась органичной чертой Сталина. И после того, как он стал могущественным правителем России, Сталин по-прежнему выходил из себя, в гневе набрасываясь на того, кто ему противоречил или раздражал, мог внезапно изменить свое отношение к человеку, за чем, как правило, следовал арест или исчезновение того, кто перестал пользоваться его доверием.

Эти первобытные свойства (которые Троцкий и другие члены Политбюро называли у Сталина «азиатскими») были особенно заметны на фоне остальных революционеров, многие из которых провели годы изгнания в европейской эмиграции, и несмотря на то, что и они были по-своему небезупречны, смогли приобрести некий лоск европейской воспитанности и образованности. Это затрудняло положение Сталина, он был вынужден скрывать неприязнь к тем, кто был лучше образован, жил за границей, знал языки. Он завидовал той легкости, с которой другие излагали теоретические вопросы в статьях и устных дискуссиях. В дальнейшем, имея дело со следующим поколением деятелей партии, чей уровень не особенно отличался от его собственного, Сталин научился извлекать выгоду из свойственного ему отсутствия интеллигентности и образованности, но еще долгое время он не мог освободиться от комплекса неполно-

ценности, мешавшего ему полностью войти в образ законного наследника Ленина.

Еще одним препятствием, которое пришлось преодолеть Сталину, было отрицательное отношение Коммунистической партии ко всякому проявлению культа личности. Лидеры партии, как истинные марксисты, гордились тем, что, принимая решения, исходили из научного анализа объективных факторов, а не личных пристрастий и соображений. И хотя практика существенно расходилась с теорией, Сталин прекрасно понимал, что любой намек, обнаруживающий его убежденность в историчности предназначенной ему миссии, будет фатальным для его карьеры.

С ранних лет Сталин научился скрывать свои замыслы, и те, кто часто встречался с ним в 20-е годы, впоследствии с удивлением поняли, какой образ, вынашивал в себе этот человек уже тогда. Замечание Ленина по поводу его грубости сильно подействовало на Сталина, а поскольку он был непревзойденный лицемер и лицедей, то в ближайшие несколько лет, приучив себя к сдержанности, играл роль скромного, наделенного житейским здравым смыслом представителя партийного руководства, придерживающегося центристского курса действий. Сталин никогда не наносил удара сам, он действовал через других, Каменева и Зиновьева он сделал орудием борьбы против Троцкого, и когда они стали настойчиво требовать исключения Троцкого из партии, Сталин умело создавал видимость недовольства и сдержанного несогласия с их предложением. Значительно позже Троцкий понял, что самым опасным его противником был третий член тройки, а не Каменев и Зиновьев. Когда Каменев, почувствовав угрозу, исходившую от Сталина, на XIV съезде партии в 1925 году осудил «теорию единоличного руководства», Сталин холодно ответил, что Каменев, без сомнения, прав и только коллективное руководство является единственно возможным принципом управления партией. По его словам, именно оппозиция пыталась вывести из Политбюро ряд товарищей; пять из них, по его мнению «незаменимых», Сталин тут же назвал поименно; впоследствии троим из них он же вынес смертный приговор.

Интриги, с помощью которых за шесть лет Сталин смог уничтожить как соперников, так и оппозицию — это точный слепок с политики Маккиавелли; все приемы и уловки, рекомендуемые флорентийским мэтром, нашли место в политической методике Сталина. Подобно Гитлеру, Сталин обладал точным чувством момента и такой же развитой интуицией, позволявшей ему определять сильные и слабые стороны противника. Без сомнения, Сталин был выдающимся организатором и руководителем, но при этом имел дурной характер и отличался тяжелым темпераментом. Так например, удивительная обстоятельность, способность входить во все подробности парадоксально сочеталась в нем

с инстинктивной подозрительностью — особенно по отношению к собственным сотрудникам и тем, кто демонстрировал ему свою преданность. Хитрость и коварство были его второй натурой. Всегда, когда мог, он предпочитал действовать тайком и интриговать за кулисами, избегал открытой конфронтации, вынуждая противника первым обнаружить свои враждебные намерения, он следил за ним и, захватив врасплох, находил кого-то, кто вонзал нож в спину ничего не подозревавшего врага.

Процесс восхождения Сталина к власти, если проследить его по документам, озадачивает сложностью схемы осуществления замысла: обходные пути, тактические отступления, ходы конем, изменения направления действий — все эти элементы оппортунизма сочетались в нем с целеустремленностью, ни на минуту не упускающей из виду единственной цели — усиления его личной власти. Успешное продвижение к цели рождало все возрастающую уверенность, с которой Генеральный Секретарь — отнюдь не фюрер — разоблачал фракционеров и уклонистов; заявляя, что он действует только от имени партии и Ленина, Сталин на самом деле скрывал собственные интриги. И лишь во время празднования его пятидесятилетия, в декабре 1929 года, руководящая роль Сталина впервые была провозглашена партией — вначале эпизодически, а затем громко и единодушно на «Съезде Победителей» в 1934 году; но никогда Сталин не говорил об этом сам. Кульминация и сам процесс возвышения Сталина отмечены печатью его личности, его тактики в 20-е годы, тактики политика, осторожно, исподволь, усиливающего свою власть, что резко отличало его от Гитлера, с первых же дней существования партии открыто заявившего о своем исключительном положении в ней.

Цитаты из Гегеля, приведенные в начале главы, дают представление о благоприятной ситуации, в которой оказался Гитлер благодаря культурной традиции заложенной литературой и философией Германии XIX века, с ее глубоко укоренившейся верой в «историческую личность» — по определению Дж. П. Стерна, «властную, устойчивую личность, которая предъявляет свои требования миру и своими действиями пытается преобразовать его в соответствии со своими представлениями».

В присущей ему неповторимой манере Ницше подводит итог этим воззрениям. Будущее, заявляет он, принадлежит политику-художнику, политическому лидеру, который явится творцом в иной области.

«Такие существа не подотчетны; они появляются, как судьба, беспричинно, безрассудно, бесцеремонно, безоговорочно. Они неожиданны, как вспышка молнии, слишком ужасные, слишком внезапные, слишком неумолимые, слиш-

*ком «иные», чтобы можно было их ненавидеть... Ими движет тот ужасный эгоизм художника, художника с пронзительным взглядом, который наперед чувствует себя бесспорно оправданным в своем «творении», как мать в своем ребенке».**

Стерн дополняет эту цитату из Ницше двумя высказываниями Муссолини — еще одного «художника с пронзительным взглядом»: «Когда толпа становится воском в моих руках, когда я вызываю ее восхищение, веру в меня, или когда я смешиваюсь с толпой и толпа почти сминает меня, я чувствую себя ее частицей», и «Ленин — это художник, который работал с людьми, как другие работают с мрамором или металлом».

Эти идеи обрели новую силу в послевоенной Германии, познавшей горечь поражения, разобщенности, где многие «патриотически настроенные» слои общества не признавали ценностей Веймарской демократии. Муссолини в Италии показал, как такие идеи претворяются в действия, и это произвело сильное впечатление на Гитлера. Как только Гитлер осознал, что сферой реализации его призвания является скорее политика, нежели искусство, Германия с ее мировоззренческой традицией, обеспечила его аудиторией, к которой он мог апеллировать совершенно естественно. Если марксизм, с традиционным для него враждебным отношением к роли личности в политике, мешал Сталину, вынужденному скрывать свои честолюбивые замыслы и подлинную индивидуальность, то у Гитлера, напротив, были все возможности совершенно свободно проявлять себя.

Гитлер всегда мог рассчитывать на успех, обращаясь к «патриотически настроенной» аудитории. Первым подтверждением этого успеха было быстрое восстановление позиций, утраченных им после унижительного провала путча 1923 года, достигнутое в ходе вызвавшей всеобщее восхищение речи на последовавшем судебном процессе. Тем не менее, когда на исходе 1924 года он вышел из тюрьмы, ему пришлось начать все сначала, восстановливая нацистскую партию в гораздо менее благоприятной для нацистов обстановке кратковременного подъема и стабилизации экономики, выпавших на долю Германии в конце 20-х годов. Гитлер не мог знать, что этот период будет непродолжительным; годы экономического подъема стали испытанием его веры во «всемирноисторическую роль» собственной персоны и его силы воли.

Придававший огромное значение силе человеческой воли, Гитлер и в этом имел возможность опереться на идеи немецких мыслителей XIX века, в частности двух, таких как Шопенгауэр, автор книги «Мир как воля и представле-

* Цит. по пер. К. А. Свасьяна. Ницше Ф. Соч. в 2-х томах, М.: Мысль, 1990, стр. 463.

ние» (по свидетельству личного секретаря, Гитлер мог цитировать по памяти целые пассажи этого труда); вторым был Ницше, собрание сочинений которого Гитлер преподнес Муссолини — этому «выдающемуся государственному мужу», чей марш на Рим доказал Гитлеру, что исторический спад преодолим и историю можно изменить к лучшему. Гитлер не признавал никаких трудностей, обусловленных характером поставленной задачи. Во всех неудачах он видел только некомпетентность исполнителей и их злую волю. Аналогичной была и точка зрения Сталина, считавшего, что трудности коллективизации — результат некомпетентности представителей власти на местах, не сумевших с достаточной решительностью осуществлять программу, и ожесточенного сопротивления кулаков и прочих вездесущих врагов народа и вредителей, которые, как он полагал, его окружают.

У обоих сила воли и целеустремленность всегда сочетались с тактической гибкостью. Добиваясь личной власти, Сталин не переставал демонстрировать показную приверженность принципу «коллективного руководства», что очень напоминает прокламируемую Гитлером приверженность принципу «законности», под прикрытием которой он смог осуществить политическую революцию и свергнуть законную власть.

У Сталина было то преимущество, что он являлся одним из ведущих деятелей партии, уже пришедшей к власти и монополизировавшей ее. Ни разу на пути к диктаторскому правлению ему не пришлось бороться за победу на выборах или прилагать усилия для завоевания голосов избирателей. В отличие от Гитлера он никогда не обращался к широким массам, «народ», на чьих страданиях и лишениях Коммунистическая партия возводила здание своей законной власти, был для Сталина абстракцией. Его путь наверх — это карьера функционера и аппаратчика, идущего к власти через интриги внутри партаппарата. Почти все его речи произносились на тех или иных партийных собраниях или совещаниях, где ему приходилось спорить с оппортунистами, отвечать на критику, но все это — в рамках марксизма, на виду у аудитории, численность которой все время возрастала и которая всегда была готова засыпать критическими замечаниями и провалить в ходе голосования предложения его оппонентов.

К демократическим методам Гитлер был привержен не больше, чем Сталин; однако он вынужден был признать (довольно, впрочем, неохотно), что для того, чтобы добиться положения, в котором он сможет покончить с демократией, ему придется или пойти еще на один путч (что было исключено), или, участвуя в демократических процедурах, бороться за голоса избирателей, несмотря на то, что именно демократию Гитлер винил во всех бедах постигших Германию.

Оригинальность Гитлера-политика отчасти состоит в том, что он сумел увидеть слабые стороны традиционных правых партий. Его противники, марксисты, доказывали необходимость искать опоры в массах и Гитлер воспользовался их опытом; он стал первым политиком, которому удалось привлечь массы к антидемократической, антимарксистской, националистической платформе. Гитлер и Геббельс создали особый политический стиль, который по существу был насмешкой над институтами демократии, представлявшими им свободу действий, целью которых было уничтожение самих этих институтов. Нацисты не делали секрета из своих намерений. Выставив свою кандидатуру на выборах в рейхстаг в 1928 году, Геббельс одержал победу и занял одно из 12 мест, принадлежавших в парламенте нацистской партии. Накануне выборов в статье, опубликованной в «Дер Ангриф» он писал:

«Мы идем в рейхстаг не для того, чтобы получить оружие демократии прямо из ее арсеналов. Мы становимся депутатами рейхстага для того, чтобы парализовать Веймарскую демократию с ее же помощью. Если демократия так глупа, что предоставляет нам бесплатный проезд и ежедневное пособие для выполнения нашего демократического долга, это ее дело... Мы будем использовать все средства для того, чтобы революционизировать существующее положение. Если на этих выборах нам удастся провести в различные парламентские органы 60—70 членов партии, агитирующих за НСДАП, то в дальнейшем государство возьмет на себя финансирование боевых структур нашей партии... Муссолини тоже вошел в парламент, однако вскоре он уже входил в Рим во главе своих чернорубашечников... Не нужно считать, что парламентаризм — это наш Дамаск... Мы входим сюда как враги! Как волки, вторгающиеся в стадо овец. Теперь вы не среди своих, мы тоже здесь!»

В 1928 году никто не обратил внимание на эти пророчества, но спустя 2 года нацисты получили 7 млн. голосов и 107 мест в парламенте, став самой большой партией, представленной в рейхстаге. И оказалось, что предсказание Геббельса в полной мере сбылось.

Гитлер сам создал свою партию и ему не пришлось прибегать к тем способам, которые вынужден был использовать Сталин, скрывавший свои замыслы. У Гитлера не было необходимости маскировать исключительность своего положения — положения фюрера, единственного лица в партии, определяющего ее политику и отдававшего распоряжения. Любой, кто вступал в НСДАП даже в середине 20-х годов знал об этом и был с этим согласен. В отличие от старых большевиков, которые с сожалением вспоминали дни, когда партией руководил Ленин, когда партийная линия была предметом свободного обсуждения, и которые в глубине души так и не смогли признать Сталина законным наслед-

ником Ленина, равным ему по масштабу, нацисты из Alte Kämpfer («старой гвардии») могли поворчать, но никогда не подвергали сомнению право Гитлера быть фюрером партии.

Поэтому необходимость добиться признания не волновала Гитлера так, как она волновала Сталина, и нацистская партия не знала того ряда конвульсивных чисток, которые испытало руководство коммунистической партии. Гитлеру не было нужды применять принцип «разделяй и властвуй»; у него не было соперников, которых следовало бы бояться. И Грегор Штрассер, и Рем расходились с Гитлером во взглядах на политику, тем не менее оба прекрасно понимали, что не смогут заменить его. Чистка в штурмовых отрядах Рема в 1934 году не противоречит этому обстоятельству. Не стоит забывать, что поводом для недовольства Рема и СА был не тот факт, что они были настроены против Гитлера, но боязнь того, что Гитлер настроен против них. Гитлер же дал согласие на эту чистку весьма неохотно, преследуя определенную цель — стремясь заручиться поддержкой армии накануне решения вопроса о преемнике Гинденбурга.

Так же, как Сталин, Гитлер был исполнен ненависти: ненависти к «ноябрьским преступникам», которые предали Германию, к марксистам, которые сооблазнили честного немецкого рабочего, к евреям, заговор которых имел целью подорвать основы превосходства арийской расы, к буржуазному миру, который отверг его в Вене, к одетым во фрак и цилиндры национал-консерваторам, смотревшим на нацистов свысока, находя их слишком грубыми и вульгарными и не видя в них достойных соперников. Он поклялся отомстить им всем, и он это исполнил. Однако, несмотря на то, что Гитлер был неловок в светском общении, несмотря на то, что не забывал обид и всегда сводил счеты с обидчиками, он отнюдь не страдал комплексом неполноценности; многих он презирал и свысока относился к ним, считая их слабыми и неспособными к величию. «Ненависть — это вино для него, — писал Раушнинг, — она опьяняет его. Нужно слышать его обличительные тирады, чтобы понять, как он упивается ненавистью».

Сталин почерпнул ощущение своей исторической миссии из чувства принадлежности к племени марксистов-ленинцев, на долю которых, как он был убежден, выпало открытие закономерностей исторического развития, и к партии, которую он считал инструментом для воплощения этих идей в жизнь. Гитлер также считал себя личностью, влияющей на ход истории, в этом он видел свое призвание. «Человек без чувства истории, — заявлял он, — это человек без глаз и ушей». Но историю Гитлер понимал не так, как Сталин: его мысли блуждали в прошедших веках, отрывочные знания — те, что он почерпнул из разного рода книг, складывались в упрощенное и очень предвзятое толкование событий миро-

вой истории. «Я часто думаю о причине гибели древнего мира», — вещает Гитлер в своих «Застольных беседах». Его излюбленное объяснение состояло в следующем: христианство — изобретение еврея (Савла из Тарса, более известно как апостол Павел) — сыграло в истории древнего мира ту же разрушительную роль, какую в Европе сегодняшнего дня играет большевизм — изобретение еврея Карла Маркса.

Рассматривая собственную персону в этой исторической перспективе, Гитлер верил, что родился в такое же критическое время — время распада либерально-буржуазного мира XIX столетия. Будущее окажется во власти еврейско-большевистской идеологии ведомых марксистами масс, если Европа не будет спасена расовой идеологией нацизма, носителем которой призвана стать новая элита; в создании этой элиты Гитлер и видел свою миссию. Германские племена, покоровшие Римскую империю, были варварами, но они заложили фундамент новой энергичной цивилизации, пришедшей на смену отмирающему порядку. Перед нацистами стояла та же задача — прийти на смену умирающей цивилизации Запада.

Сталин и Гитлер во многом были похожи. Стремление подчинить своей воле окружающих было сильно выражено у обоих, оба отличались нетерпимостью к критике и возражениям, были догматичны в своих убеждениях. Но по темпераменту они были полной противоположностью друг другу.

Гитлер постоянно твердил о силе воли как о решающем факторе в политике, но впечатление силы, которое он тщился произвести, было, в отличие от Сталина, лишено естественности; чувствовалось, что создание подобного образа требует от него определенных усилий. Его манера себя вести была скорее экзальтированной, нежели спонтанной, он отличался театральностью жестов, был резок и неуклюж в движениях.

Столкнувшись с необходимостью принимать решение, Гитлер медлил, колебался, уходил от окончательного ответа. Он испытывал трудности не только в процессе принятия решений, но даже выбрав тот или иной вариант, часто менял его, иногда этот процесс тянулся неделями, доводя до отчаяния его подчиненных. Он должен был созреть, прийти к убеждению, что пришло время действовать, и всегда был очень чувствителен к тому впечатлению, какое принятое им решение могло произвести на общественность, как оно могло отразиться на образе фюрера. Примерами могут служить его упорный отказ прибегнуть к девальвации, допустить любую форму инфляции или осуществить призыв на военную службу женщин в период боевых действий. И даже приняв решение, он с большой тревогой ожидал результатов, доводя себя до нервного возбуждения, находившего

выражение в приступах гнева, упреках, даже отчаянии. В критических ситуациях Сталин вполне владел собой, Гитлер же оказывался во власти эмоций.

Подобные проявления темперамента можно было бы объяснить неспособностью твердо придерживаться намеченной цели. Однако при рассмотрении событий в их развитии на протяжении довольно продолжительного отрезка времени становится ясно, что на самом деле под ними скрывалась непримиримая решимость, смелость, которая часто заставляла врасплох врагов (как, впрочем, и союзников), способность не смиряться с поражением и безжалостность, свойственная Гитлеру, который так же, как и Сталин, никогда не задумывался о том, ценой каких человеческих жертв и страданий он добивается выполнения замысла.

Можно было легко обмануться той быстрой сменой настроений, которая была свойственна Гитлеру. Если Сталин производил впечатление сдержанного и уверенного человека, то Гитлер был существом, легко поддающимся возбуждению. Сталин скрывал свои чувства и говорил не больше того, что следовало сказать. Гитлер поддавался эмоциям и говорил не умолкая. При этом ему удавалось скрыть свою способность к холодному расчету. Когда Гитлер доводил себя до обычных для него припадков гнева, казалось, что он совершенно не управляет собой: искаженное яростью лицо покрывалось пятнами, он визжал пронзительным голосом, выкрикивал ругательства, дико размахивал руками, колодил кулаками по столу. Однако всем кто его хорошо знал, было известно, что внутри Гитлер сохраняет «ледяную холодность» — выражение, которое часто употреблял он сам.

Сталин был таким же актером, но не показывал этого. Скрытность Сталина только усиливали бушевавшие его страсти. Впервые признаки паранойи, проявившейся позднее, стали заметны во время так называемого «шахтинского» процесса. Сталин тогда заявил: «Есть внутренние враги, товарищи. Есть внешние. Об этом никогда нельзя забывать». Только в период, когда происходила кампания по ликвидации кулачества как класса, его паранойя обнаружилась в полной мере.

Параноидальный комплекс лежал в основе националистических настроений Гитлера, параноидальная мотивация привела его и в политику: он должен был защитить немцев империи Гамбсбургов, окруженных врагами — славянами, марксистами, евреями; он считал, что Великую Германию предали и внутренние враги, вонзившие нож в спину империи в 1918 году; страдал от необходимости выполнять унижительные условия Версальского договора и выплачивать репарации внешним врагам Германии. С самого начала своей карьеры он откровенно апеллировал к тем многочисленным гражданам Германии, которые, как и он, испытывали те же параноидальные ощущения, считая себя жерт-

вами тайного заговора скрытых врагов — капиталистов, социал-демократов, профсоюзов, большевиков, евреев, союзных держав. Все они готовы были откликнуться на призывы политика, который не только разделял, но и уверенно подтверждал их подозрения, это была толпа потенциальных неопитов, ждущих собственного мессии, способность высвободить и объединить их энергию.

Отклик этих людей выражен в элементарном чувстве, о котором говорили все 600 рядовых и руководящих членов НСДАП, вступивших в партию до 1933 года (опрос проводился в 1938 году Теодором Абелем): «Я верю в то, что Адольф Гитлер, наш вождь, послан народу Германии свыше, как наш Спаситель, несущий свет во тьму».

Неизменный успех, который сопровождал все выступления Гитлера, объясняется и тем, что в отличие от Сталина, Гитлер наряду с параноидальными наклонностями обладал еще и способностью воздействовать на массы, очаровывая их, т. е. особого рода магнетизмом. Изначально «божий дар», которым Бог награждал святых и пророков, даже в мирском варианте (впервые определенном Максом Вебером) мог быть поставлен на службу как созидательным, так и разрушительным целям. В XX веке примером первого были Ганди и Франклин Рузвельт, Гитлер — классический образец негативного служения.

Гитлер всегда считал себя «избранным» — тем, кого Провидение избрало из множества живущих одновременно с ним и, одарив необычной способностью воздействовать на людей, облекло особой миссией. Свой талант Гитлер использовал для привлечения последователей, которые своим восхищением подтверждали его сверхчеловеческую одаренность и особое призвание. Готовые согласиться со всем, что он говорил только потому, что это говорил он, они так же беспрекословно были готовы выполнить все его приказы — только потому, что их отдавал он.

Магнетизм Гитлера, его актерские способности с особой силой проявлялись у него как оратора: речи Гитлера неизменно отличались от традиционных выступлений других политических лидеров. Даже весьма искушенных. Если рассматривать речи Гитлера с общепринятой точки зрения, приходится признать, что в них было много недостатков. Его выступления были слишком затянуты, он часто повторялся, был многословен, с трудом начинал выступление и слишком резко его обрывал в конце. Однако все это не меняло дела: в его речах была сила и обнаженность страсти, всю глубину ненависти, ярости и угроз доносило само звучание его голоса. Еще одна фраза из Ницше хорошо объясняет механизм того воздействия, какое производил Гитлер на аудиторию: «Люди верят в истинность того, что им удается внушить».

Гитлер имел особое чутье, он чувствовал аудиторию,

понимал мысли и настроения собравшихся людей, вот почему, начинал он свои речи неуверенно, ему нужно было ощутить, чем дышит зал, проникнуться настроением публики. Спустя много лет после разрыва с Гитлером Отто, брат Грегора Штрассера, писал:

«Гитлер реагировал на вибрации человеческого сердца как самый точный сейсмограф, или как беспроводный приемник, и это позволяло ему с уверенностью, какую могла обеспечить только одаренность подобного рода, выполнять функцию некоего репродуктора, делающего всеобщим достоянием запретные инстинкты, заветные желания, чаяния, мятежные настроения целой нации».

Но Гитлер не только эксплуатировал эмоции своей аудитории, ему удавалось большее. К нему самому можно вполне отнести слова Ницше, опубликованные в 1878 году:

«У всех великих обманщиков можно подметить одно явление, которому они обязаны своим могуществом. Во время самого акта обмана, под впечатлением всякого рода подготовлений, таинственности голоса, выражения лица, жестов, среди эффективнейшей декорации, ими овладевает вера в самих себя; и именно эта вера так чудесно и убедительно действует потом на окружающих».*

Связь была двухсторонней, Гитлер давал своим слушателям уверенность и надежду, реакция аудитории подкрепляла его чувство уверенности в себе, его самооценку, подтверждавшие созданный им образ. В этом смысле мифический образ Гитлера был в такой же степени творением его поклонников, — в нем они воплощали свои подсознательные стремления — как и самого фюрера, внушавшего им эти стремления.

Сталин не обладал подобным даром. Способности такого типа были бы неуместны и вызвали бы обратную реакцию у тех слушателей, перед которыми выступал Сталин: ведь это были не толпы на митингах во время предвыборных кампаний, а замкнутый мир центральных органов власти коммунистической партии России. Неприязнь, с которой пришлось бы столкнуться всякому, кто дерзнул бы разыграть роль Наполеона Бонапарта в дни термидорианского террора, очевидна на примере Троцкого — единственного из последователей Ленина, обладавшего способностью воздействовать на аудиторию и дорого заплатившего за это.

Философско-историческая традиция, на которую опирался Гитлер, позволяла ему открыто заявлять о своих притязаниях и реализовывать их. Сталин со своей стороны был лишен такого рода непосредственной связи-взаимообмена с теми, перед кем он выступал, и не только потому, что не был столь одаренным оратором, как Гитлер (а кто был?),

* Пер. С. Л. Франка, Ф. Ницше, Сочинения в 2 т., Т. I. стр. 274, М.: Мысль, 1990. (Прим. переводчика)

дело еще и в том, что он принадлежал к другой культуре с другими традициями.

Параноидальные понятия: конспирация, преследование — обрели плодотворную почву в истории русского марксизма, развивавшегося как подпольное движение, да и во всей русской истории, которая еще со времен восстания декабристов 1825 года отличалась приверженностью к тайным обществам. Однако все, что было отмечено магнетизмом, способностью вызывать поклонение окружающих, вызывало недоверие — вероятно, потому, что будило ассоциации с религией или с теми мощными иррациональными стихиями русской жизни (описанными, например, Достоевским) против которых восстали интеллектуалы из старшего поколения русских марксистов. Только после смерти Ленин стал объектом поклонения, при жизни он протестовал против любых попыток возвеличить и прославить его имя.

Сталин, который отождествлял себя с Лениным, со временем мог претендовать на некую долю величия, заключенного в магии этого имени, и, воспользовавшись благоприятным случаем, положить начало культу собственной личности. Однако трудно себе представить, чтобы в 1934 году Сталин мог неожиданно удостоиться столь восторженной встречи, как та, которую описывает Шпеер, путешествовавший с Гитлером по Тюрингии. Многотысячная толпа приветственными криками и дождем цветов встретила Гитлера, вышедшего из гостиницы, где они со Шпеером сделали незапланированную остановку. Обернувшись к Шпееру, Гитлер сказал: «До сих пор так приветствовали только одного немца — Лютера. Во время его странствий по стране люди собирались отовсюду, чтобы приветствовать его. Сегодня они приветствуют меня!»

Сталин делал вид, что ему претят лесть и восхваления, но если для Гитлера восхищение окружающих было чем-то самым собой разумеющимся, то у Сталина эта потребность оставалась неудовлетворенной, что заставляло его прибегать к различным уловкам. Вот как об этом пишет в своих мемуарах Хрущев: «Осторожно, но настойчиво он внедрял в сознание окружающих идею о том, что его личное отношение к Ленину отличается от того, которое он излагает для широкой общественности». Лазарь Каганович быстро понял намек:

«Выпрямив спину и откинувшись в кресле, Каганович имел обыкновение провозглашать: «Товарищи, пришло время, мы должны сказать народу правду. Все в партии говорят о Ленине и ленинизме. Пора нам честно признаться самим себе. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он работал в партии? Что под его руководством было сделано? Сравните это с тем, что сделано под руководством Сталина! Пришло время сменить лозунг «Да здравствует Ленин!» на лозунг — «Да здравствует Сталин!»

Во время его напыщенной тирады мы молчали, не глядя друг на друга. Сталин всегда начинал спорить с Кагановичем, но в спор вступал только он один. «О чем ты говоришь? — скажет Сталин. — Как можно об этом говорить!» По тону Сталина можно было догадаться, что он надеется, что кто-то будет с ним несогласен. В деревне часто ведут себя так же...

Сталин принимался укорять Кагановича: «Что такое Ленин? Ленин — это высокая башня. А что такое Сталин? Сталин — это мизинец». Каганович воодушевлялся еще больше. Споры Сталина с Кагановичем повторялись еще чаще, так было до самой смерти Сталина. Никто никогда не вмешивался, последнее слово всегда оставалось за Сталиным.

II

Подозревая руководство партии в том, что, несмотря на аплодисменты и поддержку его политики, большая часть партийной верхушки никогда не признает его равным Ленину и тем более не воспримет его в той роли, какую он отвел себе сам, Сталин так и не смог справиться с этой подозрительностью. Недоверие к окружающим усиливало ту свойственную ему черту характера, какую отмечали все, кто знал его в первые годы деятельности: самонадеянность, склонность полагаться только на самого себя. Немногие из тех, кого он знал, казались ему значительными людьми (Ленин, быть может, единственное исключение), поэтому его мало волновало впечатление, которое он на них производил. Любой, кто начинал бороться с ним, очень скоро понимал, какой силой воли обладает этот человек, совершенно лишенный каких-либо привязанностей; эти то качества и позволили ему выдержать три года ссылки в ледяных просторах Сибири без всякого общения, в котором, по всей видимости, он не нуждался. Десятилетиями подавляемая убежденность в собственном особом предназначении сделала его человеком замкнутым и трудным для окружающих, но когда это чувство оформилось в амбициозную потребность стать признанным преемником Ленина, оно было подкреплено волевым импульсом огромной силы.

Как Сталин, так и Гитлер считали жестокость несомненным достоинством; подавлять ее имело смысл только из соображений практической целесообразности. Русское революционное движение возвело в ранг особой добродетели пренебрежительное отношение к жизни отдельного человека, так мало значившей в борьбе за более равноправное и справедливое общество. Ради счастливого будущего эсеры решались на акты индивидуального террора, большевики — на акты массового террора, в ходе которого уничтожению подлежали целые классы (кулаки, буржуазия). Терро-

ризм открыто проповедовали Ленин и Троцкий, неподкупный Дзержинский, первый руководитель ЧК, со свойственным ему фанатичным пафосом самопожертвования сделал террор устоявшейся практикой советского государства. Если для Сталина и существовали какие-то сдерживающие начала, то убежденность в том, что на него возложена историческая миссия, автоматически исключала для него соображения нравственного порядка, способность к сочувствию, освобождала от чувства вины за миллионы погубленных в ходе выполнения этой миссии жизнью. Сталин был уверен, что действует, как личность, уполномоченная историей.

С моим утверждением можно и не согласиться, но я уверен, что для понимания мотивации действий этих политиков следует учитывать то обстоятельство, что как Сталин, так и Гитлер серьезно верили в историческую значимость той роли, которую, по мнению обоих, им суждено было сыграть; поставить под сомнение это предназначение в глазах того и другого было кощунством: любая человеческая жизнь значила слишком мало в сравнении с этим высоким предназначением. Как бы скептически не относились они к потребностям и претензиям других, собственные потребности и претензии никогда не становились объектами их скепсиса. Себя эти двое видели не тиранами или злодеями, но вождями готовыми посвятить всю свою жизнь служению высоким целям и призванными побуждать следовать своему примеру других — тех, кому им удалось сообщить это ложное чувство моральной правоты и уверенности в себе.

Будь целью и побудительным мотивом Сталина только власть, только наслаждение властью как таковой, он никогда бы не решился, едва расправившись с оппозицией как правой, так и левой, на предпрятие столь рискованное, столь полное опасностей, как вторая революция. Будь он просто твердокаменным реалистом, добившись главенствующего положения и убрав всех конкурентов на пути к власти, Сталин хотя бы на время остановился, чтобы прочувствовать радость победы. Добиваясь власти ради самой власти, Сталин не стал бы доказывать ни самому себе, ни тем, над кем он одержал победу, что именно он является преемником Ленина, политическим деятелем такого же масштаба.

Логика моих рассуждений отнюдь не направлена на то, чтобы, воскрешая теорию о «великой личности» в истории, высказать предположение, будто один Сталин смог бы свершить столь глубокий переворот в русской жизни, не опираясь на энтузиазм — или по крайней мере добровольное сотрудничество — многих тысяч членов партии. Разочарованные опытом НЭПа, с его половинчатыми компромиссами, многие коммунисты были убеждены, что план Сталина воскресит боевой дух партии и обеспечит прорыв

к социалистическому обществу. Для того, чтобы поддержать наступательный порыв, Сталину пришлось проявить необычную силу воли, ему понадобились все присущие ему качества руководителя, весь артистизм, вся убежденность в той особой исторической роли, какую призвана сыграть коммунистическая партия России и он сам как вождь этой партии.

Опыт «революции сверху» наложил неизгладимую печать на индивидуальность Сталина. Итогом явились не сомнения и угрызения совести, а усиление уже имевшихся параноидальных наклонностей, в дальнейшем сыгравших свою роль в ходе беспрецедентных чисток и судебных процессов конца 30-х годов — классический пример явления, охарактеризованного Гарольдом Лассвелом, как «проекция индивидуальных аффектов личности на общественно значимые объекты».

Первый из известных диагнозов, определивших у Сталина паранойю, был поставлен в декабре 1927 года, во время проходившей в Москве международной научной конференции. Ведущий невропатолог России, ленинградский профессор Владимир Бехтерев, произвел большое впечатление на иностранных делегатов, что привлекло внимание Сталина, попросившего Бехтерева навестить его. После встречи со Сталиным (22 декабря 1927 года) Бехтерев сказал своему ассистенту Мнухину, что у Сталина типичный случай паранойи и, что во главе государства ныне стоит очень опасный человек. Внезапная болезнь и смерть Бехтерева, наступившая прямо в гостинице вызвала неизбежные подозрения, что профессор был отравлен по указанию Сталина. Как бы то ни было, правильность диагноза, поставленного Бехтеревым, подтверждает и ведущий советский психиатр, профессор Е. А. Личко в статье, опубликованной в «Литературной газете» в сентябре 1988 года. В числе прочего Е. А. Личко указывает на то, что факты подтверждают следующее: внешние обстоятельства и трудные ситуации провоцировали у Сталина параноидальные приступы, которые обычно следовали волнами; периоды обострения сменялись сравнительно спокойными периодами. Профессор Личко полагает, что такие приступы психостении были у Сталина в 1929—1930 годах (результатом явилась кампания против кулачества), затем в 1936—1937 годах (что привело к чисткам в руководстве партии и армии). «Вероятно,— замечает Е. А. Личко — приступ имел место и в самом начале войны, в первые дни которой Сталин фактически устранился от руководства страной. И последний — в конце жизни, в период так называемого «дела врачей».

Не вдаваясь в дебаты о правомочности психологического подхода к истории, можно выдвинуть два положения, которые не вызовут возражений. Суть первого состоит в том, что необходимо проводить различие между душевной

болезнью, делающей человека недееспособным, и разного рода болезненными состояниями индивидуума, в которых человек, обнаруживая психопатические признаки, полностью отдаст себе отчет в том, что делает и способен нести ответственность за свои поступки.

Совершенно очевидно, что в случаях Сталина и Гитлера мы имеем дело не с душевным заболеванием, а с проявлением параноидальных наклонностей. Два хрестоматийных руководства по психиатрии — «Справочник по современной психиатрии» (Гарвард) и «Учебник по психиатрии» (Оксфорд) — приводят следующий перечень основных признаков параноидальной личности: хорошо систематизированная, не поддающаяся изменениям маниакальная система, развивающаяся в среднем возрасте, инкапсулированная в такой степени, что не вызывает ослабления других ментальных функций; личность остается незатронутой и способна действовать в соответствии с требованиями окружающей среды.

Второе положение вкратце можно свести к следующему: не зависимо от того пользуемся ли мы психиатрическими терминами греческого происхождения или словами обычного разговорного языка, симптомы параноидальных состояний: хроническая подозрительность, эгоцентричность, зависть, обостренная чувствительность, мания величия — вся эта симптоматика налицо в воспоминаниях людей, близко общавшихся со Сталиным.

Сталин остро реагировал на критику, возражения, неприятные известия — на все то, что могло нанести ущерб созданному им образу, дать толчок отрицательным эмоциям, сомнениям в себе или угрызениям совести. Стремясь оградить себя от неприятных раздражителей, угрожающих его самооценке, он развил несколько психологических приемов, которые Роберт Такер условно разделил на три категории, определив их как подавление, рационализация и проецирование.

Первая категория наиболее простая. Истинность фактов, вызывающих опасения или тревогу, Сталин отрицал категорически, тех же, кто сообщал ему об этих фактах, обвинял в саботаже, умышленном преувеличении опасности и других грехах, что оказывало сильное воздействие на окружающих, удерживая их от попыток подвергать себя подобному риску.

Наиболее известным примером, который следует отнести к рационализации, является реакция Сталина на критику Ленина, обвинившего его в грубости. Принимая критику, Сталин смог истолковать предъявленное ему обвинение в грубости в свою пользу — как доказательство собственной преданности делу партии: «Да, я груб, товарищи, но я груб с теми, кто грубо и предательски подрывает основы партии, кто способствует расколу в партии».

Третий прием проецирование — находил выражение в том, что Сталин наделял других теми поведенческими мотивами и импульсами, которые он отказывался видеть в себе. Можно привести множество примеров того, как, намереваясь предать друга или союзника, Сталин оправдывал свои действия в собственных глазах и глазах окружающих тем, что обвинял жертву в предательстве, которое вынашивал сам.

Едва ли есть необходимость подробно обосновывать то общеизвестное обстоятельство, что Сталин умел лгать и лицемерить с тем же совершенством, какое демонстрировал во всех остальных проявлениях своей политической деятельности. И все-таки нельзя не отметить, что несмотря на то, что подавляющее большинство его широковещательных заявлений (об успехах коллективизации, о выполнении пятилетнего плана, об улучшении жизни русского народа) были столь вопиюще неправдивы (о чем было известно и тем, кто становился слушателями этих победных сообщений) — что возникает предположение: все это могло быть результатом бессознательного самообмана, когда Сталин принимал за реально осуществленное то, что на самом деле существовало лишь в его воображении, что он только хотел видеть.

Наиболее распространенный симптом параноидального состояния — сочетание мании величия с манией преследования, когда параноик считает себя объектом преследования, уверен в существовании заговора против него. Все это приводит к тому, что он с крайней подозрительностью и недоверием относится к окружающим и всегда стремится нанести удар предполагаемым врагам, прежде чем те смогут навредить ему. В равной степени характерен для паранойи и системный характер маниакальных представлений: обращая внимание на значимые детали, параноик объединяет их в логическую схему и с помощью различных ухищрений находит основания для подтверждения ее соответствия жизни, действительному положению вещей. В мире параноика ничего не бывает случайным.

Политическая деятельность того типа, в которой участвовали Сталин и Гитлер, способствовала проявлению еще двух отличительных особенностей паранойи. Во-первых, маниакальные настроения имеют тенденцию к усилению в той мере, в какой они опираются на ядро реального факта. Для Сталина таким ядром стала издавна существовавшая в русской революционной деятельности практика тайных заговоров, сопровождавшаяся постоянным возникновением фракций, между которыми разгоралась ожесточенная борьба. Эта атмосфера способствовала тому, что вначале Сталин начал просто замечать то, что потенциально угрожало его положению, затем преувеличивать угрозу, закончил же тем, что стал предпринимать определенные шаги для того, чтобы ее предотвратить.

Во-вторых, развитие личности параноидального типа отнюдь не означает ее усугубляющегося бессилия. Напротив, параноики проявляют большие способности в области высокой политики, они прекрасные ораторы, организаторы, руководители. В критических ситуациях они используют преимущественно маниакальную уверенность в себе, ощущают прилив сил, уверенность в собственной правоте, их стимулирует возможность упорного преследования противника.

Сталин всегда отличался подозрительностью, а во время коллективизации его подозрительность приобрела навязчивый характер. Во всем, что не получалось, он винил жертвы этих неудач. Виновны были кулаки, оказавшие сопротивление раскулачиванию, крестьяне, не сдавшие государству выращенное ими зерно, украинские националисты, вынашивающие заговор против Советского государства. Он не доверял никому, кроме самого себя; даже его жена оказалась предательницей, она предала его, совершив самоубийство. Повсюду он видел врагов, подозревая даже ближайших своих помощников. Дочь Сталина, Светлана, пишет: *«А уж когда отца «убеждали факты», что ранее хорошо известный ему человек, оказывается, дурной, тут с ним происходила какая-то психологическая метаморфоза... Прошлое и сейчас зло для него — в этом и была вся неумолимость и вся жестокость его натуры. Прошлого, — совместно, общего, совместной борьбы за одинаковое дело, многолетней дружбы, — всего этого как не бывало, оно им зачеркивалось каким-то внутренним, непонятным жестом, — и человек был обречен. «А-а, ты меня предал», — что-то говорило в его душе, какой-то страшный дьявол брал его в руки, — «ну и я тебя больше не знаю!»* Не обладая той силой магнетизма, с помощью которой Гитлер завоевывал и удерживал преданность своих последователей, Сталин заложил в фундамент своей власти способность внушать страх. Он считал, что из всего руководства коммунистической партии только он один может довести революцию до конца, так как только он — не интеллигент, не бывший эмигрант, а человек из народа — понимает, какой власти испокон веков подчинялся русский народ, и что нужно, чтобы управлять этим народом и впредь: нужно держать этот народ в страхе и страданиях. Ключом к власти над страной (это понимали еще Петр I и Иван Грозный) был страх, в котором неизменно пребывал сам государственный аппарат, сообщавший ощущение этого страха народу. Формы власти могли меняться, страх же по-прежнему оставался самой действенной силой.

Сталин решил убрать Ягоду, в течение двух лет возглавлявшего службу государственной безопасности. Его преемником стал Ежов, с приходом которого начался самый страшный период жесточайшего террора, получивший в России название «ежовщины». Подобно своему предшест-

веннику, Ежов жил в постоянном страхе. Но наступил благоприятный по убеждению Сталина момент, и Ежов тоже был ликвидирован.

В политике нет места доверию — таков был один из главных принципов Сталина, резко отличавший его от Гитлера. Гитлер в такой степени доверял своим помощникам, что, например, Гиммлер и Геринг полностью отвечали за деятельность определенных государственных сфер, и они в полной мере оправдали его доверие.* У Сталина, напротив, именно руководство партии вызывало наибольшие подозрения, даже после того, как он расправился со всеми соперниками в Политбюро. Слишком многие из тех, кто примкнул к нему в 1929—1930 годах, кто помогал ему осуществить «вторую революцию», считали себя соучастниками победы, были связаны тесным общением, предпочитали высказывать независимые мнения и, в отличие от Молотова и Кагановича, не понимали, что без Сталина они были бы ничем. Как только у Сталина возникли подозрения, вызванные независимостью его соратников, ему понадобилось совсем немного времени, чтобы прийти к убеждению, что эти люди его враги, замышляющие против него заговор, что он должен опередить их, заменив в Политбюро и Центральном Комитете другими товарищами — теми, кто четко и ясно понимал бы, что они всего лишь орудия его воли.

Подозрительность Сталина была тесно связана с острым недостатком уверенности в себе — отражением сомнений и чувства неполноценности, которые, сколько бы он ни подавлял их в себе, продолжали жить в его подсознании, нарушая душевный покой. Со стороны Сталин казался человеком большого самообладания, непоколебимой уверенности в себе, но внутри него бушевали страсти: страстное желание единоличной власти, которая освободила бы его от необходимости прислушиваться к мнениям и советам других, жажда отмщения, ненависть к оппозиции и, как мы уже убедились, потребность в признании, в самоутверждении.

Добившись того, что партия, государственный аппарат и силы безопасности оказались в полном его подчинении, Сталин мог не опасаться каких-либо прямых выпадов; теперь он мог себе позволить начать переписывать историю революции так, чтобы представить себя ближайшим сподвижником Ленина. Культ Сталина был задуман как поклонение ближайшему последователю Ленина; он хотел, чтобы именно так воспринимали его массы советских людей, далеких от перипетий партийной жизни. Но он также жаждал признания и со стороны тех, над кем он одержал верх: уце-

* Полет Гесса в Англию не противоречит сказанному; его секретная миссия была предпринята для того, чтобы вернуть доверие Гитлера, а не для того, чтобы совершить предательство.

левших ленинцев, которые, участвуя в работе центральных органов партии, наблюдали его восхождение к власти с близкого расстояния. Но Сталина не удовлетворяло номинальное признание его победителем — он претендовал на то, чтобы гвардия ленинцев без нажима и внешнего принуждения провозгласила его, как некогда Ленина, в о ж д е м пролетарского государства. Это объясняет ту настойчивость, с которой снова и снова Сталин требовал, чтобы в ходе судебных процессов обвиняемые (среди них было немало старых большевиков) покорно расписывались в собственных ошибках, заявляя, что «прав» неизменно бывал товарищ Сталин.

Накануне первых процессов над старыми большевиками, в начале 1936 года, Николай Бухарин — еще редактор «Известий», но уже не член Политбюро — посетил Париж с целью приобретения архива бывшей социал-демократической партии Германии, в котором хранились рукописи Маркса. Он встретился с двумя деятелями меньшевистской партии, находившимися в эмиграции и являющимися посредниками в этом деле, Николаевским и Федором Данном, и долго беседовал с ними. Бухарин не склонен был корчить из себя олимпийца, он не скрывал от Андре Мальро и многих других, что Сталин намерен убрать его. Это парижское признание, наряду с тем, что говорил Бухарин два года спустя, когда был арестован и предстал перед судом, доказывает, что он, как никто другой из жертв Сталина, сознавал мотивы поведения Генерального секретаря и причины, по которым он сам и подобные ему должны были не просто умереть, но и покаяться перед смертью*.

Бухарин близко знал Сталина — вначале соратника и друга (Бухарин часто бывал в Зубалово, где его все очень любили), потом оппонента, в дальнейшем противника, и, в конечном счете, человека, который вынес ему смертный приговор. То, что он говорил о Сталине, было опубликовано в 1964 году вдовой Дана:

«Вы говорите, что не знаете его, а мы — знаем. Его несчастье в том, что он не в состоянии убедить каждого, и себя в том числе, что он величайший человек нашего времени; и эта его несчастье — самая человеческая (а быть может и единственная человеческая) черта в нем. Но вот что в нем совершенно лишено человечности, скорее в этом есть что-то от дьявола, так это то, что из-за этого своего чувства он не может не мстить всем, всем вообще и особенно тем, кто лучше и значительнее. Если кто-то в большей степени одарен как оратор — он обречен! Сталин не даст ему жить, потому что этот человек всегда будет напоминанием о том, что он, Сталин, не первый и не лучший».

У Гитлера параноидальные склонности ощутимы уже

* См. далее гл. 12, кн. 2.

на первых этапах его карьеры (это можно понять, читая «Майн Кампф»). Но враги, с которыми он сражался, не были конкретными людьми, как у Сталина; они представляли собой нечто абстрактное и собирательное (например, евреи, марксисты и т. д.). В отличие от Сталина, подозрительно относившегося не только к товарищам по партии, но и к ближайшим своим сотрудникам, Гитлер был на удивление доверчив и лоялен по отношению к своему окружению. Однако, начиная с 30-х годов, по мере того, как шла вверх кривая его успехов, Гитлер становился все более агрессивным и самоуверенным. Параноидальные симптомы с особой силой проявились тогда, когда на смену триумфам пришли усилия, направленные на предотвращение поражения Германии после сталинградского фиаско (январь 1943 года), и он начал видеть в генералах и офицерах рейхсвера изменников рейха. К 1944—1945 годам он внушил себе, что каждая неудача являет собой доказательство измены, и в конце концов перестал доверять даже тем, кто составлял его ближайшее окружение.

Несмотря на отчетливо выраженные психопатологические элементы в поведении обоих лидеров, нельзя не признать, что и Гитлер, и Сталин обладали качествами выдающихся политиков (этого долгое время не замечали многие исследователи). Оба отличались большой скрытностью: «Я пользуюсь одним старым принципом, — сказал Гитлер Курту Людке — говорить только то, что нужно, тому, кто это должен знать, и только тогда, когда следует». Шахт, который постоянно полемизировал с Гитлером, писал: «Ни разу не обронил он лишнего слова. Говорил только то, что намеревался сказать, ни одного секрета не выболтал. Во всем у него был холодный расчет». Оба были интриганы и настраивали людей друг против друга, говоря одному одно, другому — прямо противоположное. Поступки обоих казались непредсказуемыми, неожиданность они сделали инструментом власти и даже люди из их близкого окружения не знали, как они намерены поступить. Никто из тех, кого Сталин вызывал к себе, не мог и предположить, что его ждет. Сталин имел обыкновение начинать беседу с неожиданного вопроса, говорил о чем-нибудь незначительном, внезапно переходя к интересующей его проблеме, при этом тональность разговора совершенно менялась, принимая угрожающий характер. Сталин начинал придирается к случайным словам, неудачным выражениям, это заставляло собеседника нервничать, и, ловивший огрехи оппонента, вождь ухитрялся так исказить услышанное, что из них выстраивалась целая система, доказывающая отклонения от линии партии, враждебность и предательство.

Для Гитлера, как и для Сталина, было характерно постоянное недоверие к профессионалам высокого уровня, особенно к экономистам; во время войны он распространил эту

неприязнь и на генералитет. Отказываясь признать сложность той или иной проблемы, он утверждал, что при наличии воли любая проблема разрешима. Подобно Сталину, Гитлер гордился своей способностью сводить сложное к простому. Шахт, чьи советы Гитлер игнорировал, вынужден был признать: «Гитлер часто находил удивительно простые решения для проблем, которые казались другим неразрешимыми... Его решения часто были грубы, но почти всегда эффективны». Чем жестче было упрощенное решение, предложенное Гитлером, тем оно было результативнее: почти в каждой ситуации сила или угроза силы решала дело. Сталин действовал так же.

Сравнивая Сталина и Гитлера, обращаешь внимание на множество совпадений. Успех Сталина, как и успех Гитлера, первоначально объясняется благоприятно сложившимися историческими обстоятельствами, поддержкой окружающих и просто везением. Общим было и то, что если бы не поражение в войне, вряд ли Сталин получил бы возможность начать свою карьеру; то же относится и к Гитлеру. Но, в отличие от Гитлера, Сталин не создал собственной партии, он оказался в правительстве в результате революции, к которой поначалу был настроен отрицательно и в которой собственное его участие в сравнении с Лениным и Троцким было довольно скромным. И только благодаря поддержке Ленина он сумел сохранить свое место в правительстве, в котором был отнюдь не на высоте, но в итоге получил пост, положивший начало его будущей карьере.

Нельзя не отметить, что элемент везения сыграл большую роль в карьере обоих лидеров: именно тогда, когда нацисты потеряли 2 млн. голосов, когда Грегор Штрассер вышел из партии и будущее НСДАП было весьма проблематично, фон Папен во второй раз предложил Гитлеру провести с ним переговоры; что касается Сталина, то он был буквально спасен преждевременной смертью Ленина в 1924 году, как раз тогда, когда он занял резко отрицательную позицию в отношении Сталина и готов был выступить с предложением о смещении последнего с поста Генерального секретаря. Однако вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что эти важные, но не основополагающие факторы умалют ту роль, которую сыграл сам Сталин, то же самое можно сказать и о Гитлере.

Бесспорно, в 1929—1930 годах Гитлер был так же зависим от расположения к нему «Национальной оппозиции», как и раньше в Баварии. Но, даже не сбрасывая со счетов ошибки, совершенной фон Паленом, фон Шлейхером и окружением Гинденбурга, которые несомненно виновны в успехе Гитлера, нельзя не удивиться той виртуозности, с которой Гитлер, оценив ситуацию, сумел взять на вооружение тактику «законности», при этом постоянно поддерживая уверенность своих соратников по партии в том, что

в нужный момент «законность» будет выброшена за борт. С этим можно сравнить лишь изощренное интриганство Сталина, натравливавшего друг на друга членов Политбюро и одновременно исподволь формировавшего эшелон собственных сторонников в партии. Это был период, когда оба выучились скрывать свои истинные цели, выжидая пока противники предоставят им возможность действовать.

Причина, по которой политики типа Гинденбурга и фон Папена, хоть и воротили носы, но искали сотрудничества с нацистами заключалась не в том, что нацисты им нравились, а в том, что Гитлер мог обеспечить их тем, чего им так недоставало, — поддержкой масс. Обращение правых радикалов к массам было собственным изобретением Гитлера (который воспользовался методикой социал-демократов, известной ему еще с довоенной Вены), более того, по его инициативе правая партия смогла впервые создать под своим началом организацию массового типа. Так же оригинален Гитлер был в способах использования пропаганды и ведения предвыборной кампании. Задолго до успеха на выборах в тридцатых годах (к которым он шел, заблаговременно создав НСДАП), Штрассер, Геббельс и другие лидеры признали, что без Гитлера не было бы нацистской партии.

Обращает на себя внимание тот факт, что после небывалого успеха на выборах в сентябре 1930 года, Гитлер потерпел поражение и последующие выборы не принесли ожидаемых результатов, несмотря на крайний радикализм его предвыборной кампании, обусловленной стремлением получить большинство голосов. Однако нельзя не отметить и того, что в шумихе предвыборной кампании, среди пропагандистских трюков, Гитлер сумел остаться здравомыслящим человеком; он предвидел и такой вариант и в случае неудачи на выборах готов был пойти на переговоры, понимая, что это единственный путь взять власть в свои руки; характерно, что при этом он наотрез отказался занять какой-либо иной пост, кроме поста канцлера. Его нежелание идти на какие-либо компромиссы еще раз подтверждает его политическую дальновидность: он сознавал, что лишь пост канцлера откроет перед ним все возможные перспективы, как и произошло на самом деле.

Со дня, когда Гитлер стал канцлером, он захватил инициативу и не упустил ее все шесть месяцев — до тех пор, пока не была завершена его политическая революция, получившая красноречивое название «унификация действий». Смесь наглости, террора и различного рода посулов — такова была тактика Гитлера, вынужденного балансировать между «революцией снизу», олицетворением которой были СА, партийные функционеры на местах и Геринг, под началом которого оказалась вся Пруссия — и силами консервативной коалиции. Своих высокопоставленных партнеров (президента, военных, чиновников госаппарата) Гитлер про-

должал убаюкивать ритуальным повторением магических заклинаний: «законность», «последовательность», «уважение к конституции», «национальное единство».

Подобно всем революциям, эта революция была периодом всеобщего замешательства, неразберихи, импровизации и самодеятельности. Гитлер не смог бы справиться со всем этим хаосом без мощной поддержки других, в частности Геринга, Геббельса и Фрика. Несмотря на повсеместный хаос, на собственные колебания, обусловленные темпераментом, Гитлер твердо придерживался избранного курса и трезво оценивал свои возможности. Летом 1933 года он объявил о конце революции, а годом позже расправился с теми, кто был с этим не согласен. Сомнения, разноречивые слухи, компромиссы, изменения курса и свойственный революционной политике разлад — за всем этим пора увидеть и признать главное, которое заключается в том, что Гитлер, равно как и Ленин в 1917—1918 годах, и Сталин, уничтоживший за шесть лет своих соперников и приступивший в 1929—1930 годах ко «второй революции», всегда сохраняли постоянство цели, верно выбирали момент для ее осуществления и при этом неизменно стремились к успешному завершению намеченного.

Забудем образ, увековеченный Чарли Чаплиным в «Великом диктаторе», и обратимся к фактам. Возьмем политику Германии с сентября 1930 года до момента четырьмя годами позже, на котором мы остановились, и спросим себя, кто из перечисленных ниже политиков проявил больше здравого смысла и политического предвидения? Гинденбург, фон Папен и фон Шлейхер; Брюнинг и Каас; лидеры социал-демократов и профсоюзов; коммунисты; фон Бломберг и рейхсвер; Грегор Штрассер и Рем — или Гитлер? Человек, которого недооценивали все остальные?

Все другие партии и профсоюзные организации были распущены. Гугенберг и Каас были отстранены от политической деятельности; фон Шлейхер, Штрассер и Рем — мертвы. Лучшее, что можно сказать о Брюнинге — это то, что у него хватило здравого смысла вовремя уехать из Германии и остаться за границей до конца войны; о фон Папене, уверявшем всех, что он положил на лопатки Гитлера и нацистов — то, что ему сохранили жизнь и отослали в Вену, предварительно расстреляв автора его речи, Эдгара Юнга. Социал-демократы и коммунисты наблюдали за расправой с их влиятельными организациями из-за тюремной решетки или из-за границы. При этом коммунисты все-таки продолжали свою вечную распрю с социал-демократами и тешили себя «правильностью» партийной линии, в соответствии с которой победа нацистской партии была ничем иным как прелюдией к окончательному триумфу коммунистической партии. Только Бломберг и рейхсвер, а также представители крупного капитала имели все основания поздравить себя

с тем, что угроза радикальных перемен, исходившая от СА и антикапиталистических фракций НСДАП, была устранена. Впрочем, их удовлетворенность вполне вписывалась в планы Гитлера: он по-прежнему мог рассчитывать на их доброжелательное сотрудничество в решении таких приоритетных для него задач, как наращивание военной мощи Германии и ликвидации безработицы.

Именно «миф Гитлера», его легендарный образ, как это ни удивительно, позволяет ясно увидеть две стороны его личности как политического деятеля: с одной стороны — его апелляцию к иррациональным, инстинктивным началам в натурах мужчин и женщин, с другой — многочасовые раздумья над тем или иным возможным вариантом действий и его преимуществом над другими.

Я уже говорил о потребности в «героическом руководстве», как об одном из наиболее характерных элементов немецкого романтизма XIX века, с его «культом германской нации». В 1918 году, когда многие немцы испытывали гнев и недоумение, с новой силой проявилась тоска по Вождю; это желание часто принимало форму почти мистического ожидания «того, кто осенен благодатью божьей и высоким предназначением», существовал особый язык для выражения этого ожидания. Приведу два примера подобной риторики времен Веймарской республики: *«В безысходности нашей мы взываем к Вождю. Он укажет нам путь и свершение, необходимое дабы народ наш мог обрести свою честь и достоинство. Вождя нельзя создать; вождя нельзя и избрать. Вождь являет себя тем, что осознав историю своего народа, занимает свое место в ней»*. Спорадические проявления «культы фюрера» в нацистской партии были отмечены и в 1922 году, за год до мюнхенского путча; симптоматично, что именно в 1922 году состоялся поход Муссолини на Рим. Создается впечатление, что сам Гитлер окончательно уверился в том, что он — фюрер, а не «барабанщик» в нацистском движении, лишь во время тюремного заключения, после восторженной реакции на произнесенную им в суде речь, когда он убедился, что приверженцы нацизма связывали свои надежды с ним, а не с деморализованной партией. По существу именно тот факт, что Гитлер руководил партией, послужил основой для возрождения НСДАП после 1925 года. Назначение Геббельса главой пропагандистского аппарата и триумф на выборах 1930 года положили начало распространению «мифа Гитлера».

Существуют убедительные свидетельства того, что при отсутствии последовательной программы действий именно личность Гитлера стала центром притяжения, который обещивал нацистам голоса избирателей и приток новых членов в ряды их организации, несмотря на то, что в то время противники нацизма не были склонны придавать большого значения фигуре фюрера. Позднее Геббельс утверждал

(и надо признаться не без оснований), что «миф Гитлера» — самое выдающееся достижение его пропагандистского аппарата. Немаловажно, однако, что и Геббельс — во многих отношениях самый циничный из нацистских лидеров — подобно самому Гитлеру поверил в сотворенный им миф. Он исповедовал культ, созданию которого способствовал сам. Геббельс участвовал в последнем гротескном действии «третьего рейха», он единственный из всех нацистских боссов присоединился к Гитлеру, прощальное подтверждение верности фюреру было скреплено печатью убийства. Умертвив членов своей семьи, Геббельс покончил с собой.

Секрет властного воздействия мифа заключался в сочетании искренней веры народа с изощренной обработкой общественного мнения. После нацистского переворота Гитлер стал символом Volksgemeinschaft («национального единства») — таким его представляла пропаганда, таким он был для партии и миллионов немцев вне партии: Гитлер стоял выше отдельных корпоративных интересов; архитектор реставрируемой Германии, неподкупный, фанатически преданный фатерланду, защитник чести родной страны, ее прав от покушения со стороны как внутренних, так и внешних врагов, он в то же время был выходцем из народа, обычным немцем, ефрейтором, награжденным Железным Крестом первой степени, знавшим, каково простому солдату на фронте. Степень его популярности не была постоянной, но всегда превышала популярность нацистской партии, и особенно подъема достигала в результате таких событий, как расправа с СА в 1934 году, ремилитаризация Рейнланда в 1936 году, оккупация Праги, последовавшая за его пятидесятилетним юбилеем в апреле 1939 года. Влияние Гитлера не знало границ, люди разных классов, разных религиозных убеждений, уроженцы разных провинций Германии, юные и старые, мужчины и женщины — никто не оставался равнодушен к его проповедям, исполненным натиска и проникновенной силы: в душах одних этот натиск будил дремавшие фанатизм и агрессивность, в сердцах других — затрагивал струны преданности и эмоциональной отзывчивости.

Никто не относился к «мифу Гитлера» с такой серьезностью, как сам Гитлер, равно озабоченный и тем, как миф внедряется в сознание народа, и тем, какова была реакция народа на распространяемую легенду. Прежде, чем принять какое-либо решение, он тщательно оценивал, как оно могло повлиять на общественное мнение, как могло отразиться на образе «фюрера». Пока чувство особого предназначения, составлявшее сердцевину гитлеровского «мифа» («С уверенностью лунатика я иду путем, который указывает Провидение») — уравновешивалось «ледяной холодностью» расчетов политика-прагматика, оно было для него источником неиссякающей силы. Но успех оказался фатальным для Гитлера. Когда у его ног оказалась половина Европы, ма-

ния величия овладела фюрером, он уверился в собственной непогрешимости. Вместо того, чтобы пользоваться существующим мифом, он стал ждать от сотворенного образа самопроизвольных чудес, в результате таланты Гитлера потускнели, его стала подводить интуиция. Вера в особый дар, каким наделило его Провидение, помогала Гитлеру одерживать верх там, где терпел поражение более скептический Муссолини. Свою «всемирноисторическую роль» Гитлер сыграл вплоть до горького конца. Однако та же иллюзия, которая защищала его покрывалом веры, ввела его в грех, заставив поверить в то, что он — нечто большее, нежели просто человек. Истории, пожалуй, неведом более разительный пример того, как вымышленный образ разрушает своего создателя с той неумолимостью, с какой образ «фюрера» уничтожил Адольфа Гитлера.

В середине 30-х, когда до катастрофического конца оставалось еще 10 лет, Гитлер осознал, что способность людей к энтузиазму и добровольным жертвам неизбежно ослабевает, если время от времени не стимулировать ее впечатлениями новых эффектных успехов. И до конца 1941 года ему это удавалось почти без перерывов. Референдумы, проводимые в это время, без всякого нажима извне показывали всеобщее одобрение политики Гитлера внутри страны, результаты опросов также свидетельствовали о безусловной и искренней поддержке начинаний Гитлера во внешней политике и его успешных кампаний на первых этапах войны.

Тот факт, что Гитлер мог рассчитывать на поддержку общественности, оказывал воздействие и на тех, кто критически относился к нацистскому режиму как за рубежом (не исключая и Сталина), так и в самой Германии. Дипломатические круги других стран, предсказывавшие рейху быстрый конец, пересмотрели свои оценки. Националисты элитарных консервативных кругов, у которых не было сомнений в том, что признавая Гитлера своим партнером в январе 1933 года, они смогут сдерживать нацистов в проявлении крайностей их радикализма, и которые в 1934 году поздравляли себя с тем, что после расправы с СА угроза «второй революции» миновала, в дальнейшем вынуждены были признать, что миф Гитлера обеспечил его независимую позицию на политической арене, что он больше не нуждается в их поддержке и неуязвим для какого-либо нажима с их стороны.

Поразительным является то, что несмотря на «институционализацию магнетической власти Гитлера» (выражение Яна Киршоу), после его избрания канцлером, а затем и главой государства, миф Гитлера продолжал доверять над сознанием таких «рыцарей» фюрера, как второстепенные функционеры нацистской партии и гаулейтеры, многие из которых еще задолго до 1933 года принадлежали к старым бойцам-ветеранам и теперь располагали значительно мень-

шими возможностями его видеть. Вовлеченность Гитлера в политическую жизнь, компромиссы его правления, расправа с СА, свертывание «второй революции», крах надежд рядовых членов партии, рассчитывающих на то, что они займут ключевые позиции в государстве — все это могло развезть в глазах этих людей «миф фюрера», вызвать циничное к нему отношение, заставив воспринимать его как пропагандистский трюк для обработки масс. Однако все обстояло совсем не так. Для старой гвардии, да и более молодых активистов партии и СС именно в фигуре Гитлера (которую они продолжали видеть в мифическом свете и преданность которой сохраняли по-прежнему) как и раньше воплощалась сокровенная «идея нацизма». Личность фюрера представляла в их глазах живым символом единства партии и в то же время — гарантией того, что главными ее целями остаются первоначально провозглашенные Гитлером задачи: борьба с большевизмом, завоевание «жизненного пространства» и уничтожение евреев.

В отличие от Гитлера, Сталин намеренно избегал прямого контакта с народом. Его преследовал страх перед покушением, в толпе он чувствовал себя не уютно, ему не хватало умения Гитлера завладеть массовой аудиторией, он знал, что, чем меньше его видят те, кем он правил, тем легче внушить свой образ — человека недостижимого и всевидящего. Таким образом, культ Сталина — русский аналог культа Гитлера — хотя и выполнял ту же функцию, отличался по своему характеру.

Они отличались, например, по времени возникновения. Применительно к Сталину о первом проявлении его культа можно говорить с 1929 года (оно было сопряжено с его пятидесятилетним юбилеем), однако постоянной чертой общественной жизни России этот культ становится лишь во второй половине 1933 года. Разница очевидная, если учесть, что «миф Гитлера» зародился на раннем этапе его карьеры, когда ему было тридцать с небольшим — а не пятьдесят с лишним, как Сталину — и спонтанно возник в среде его соратников по партии еще до того, как это осознал сам Гитлер, в то время крайне далекий от рычагов государственной власти.

Первые проявления культа Сталина относятся к октябрю 1929 года и отмечены всеми признаками инициативы, исходившей из официальных источников. В газетах появились статьи под заголовками примерно такого рода: «Под мудрым руководством нашего великого и гениального вождя и учителя Сталина»; на страницах официальной биографии, которая подчеркивала тождественность Ленина и Сталина как ведущих фигур в мировом революционном движении, титул «вождь» употреблялся только применительно к имени Сталина.

«Все эти годы после смерти Ленина Сталин, являвшийся

*самым выдающимся из продолжателей дела Ленина, его самым верным учеником, вдохновителем важнейших мероприятий партии в борьбе за построение социалистического общества — стал всеми признанным Вождем партии и Коминтерна».**

Второе различие между культурами состоит в следующем: Сталин всячески подчеркивал свою связь с Лениным; имело место как бы ретроспективное «рукоположение», установление апостольской преемственности — традиция через Ленина восходящая к Марксу и Энгельсу. Гитлер не нуждался в подобном «рукоположении».

С конца 1933 года — возможно под влиянием растущей популярности Гитлера в Германии — был разработан целый ритуал. Художники, скульпторы, музыканты, поэты и журналисты были призваны к высокому служению; чеканились медали, рисовались портреты. Подобно бюстам Августа — обязательной принадлежностью каждого города Римской империи, портреты Сталина были распространены повсеместно. Вскоре на территории СССР не осталось ни одной школы, учреждения, фабрики, шахты или колхоза, стены которых не были бы украшены портретами Сталина, не было ни одной организации, которая удержалась бы от восторженных приветствий «нашему любимому вождю» по случаю каких-либо праздников.

В создании культа Сталина участвовало и партийное руководство. На ленинградской партийной конференции, проходившей накануне «съезда победителей», собравшегося в январе 1934 года, не кто иной как Киров, заявил: «Личность такого масштаба, как Сталин — трудно постижима. За прошедшие годы не было никого, кто так отдавал бы себя всего работе, нет ни одного большого начинания, ни одного призыва, ни одной директивы в нашей политике, автором которой не был бы товарищ Сталин». В этом же месяце в «Правде» был опубликован поэтический опус со знаменательным двухстишием:

Теперь, когда мы говорим Ленин,
мы подразумеваем Сталин.

Однако я не уверен, что Киров или кто-нибудь из членов Политбюро верил в своего вождя так, как Грегор Штрассер (именно Штрассер, а не кто-то другой), когда в начале 1927 года он определил отношения между Гитлером и рядо-

* В другой статье, инициированной сверху и опубликованной в газете «Правда», поэт-публицист Демьян Бедный провозглашал: «Вот почему мы имеем право смотреть на портрет Ленина, нарисованный Сталиным (детский образ орла, парящего над могучими вершинами Кавказа), как на автопортрет, родившийся на уровне его подсознания». Предложить написать такое мог только сам Сталин. Обе цитаты приводятся по книге Такера «Сталин как революционер» (ст. 470—473).

выми членами партии в своем воззвании, написанном в духе германского неофеодализма, как отношения между Вождем и вассалами:

«Вождь и вассалы! Только древней Германии с ее аристократизмом и с ее демократией, ведомы те отношения между ведущим и ведомыми, свойственные только германскому духу, которые и составляют суть структуры НСДАП... Друзья, поднимем правую руку и вместе гордо воскликнем, готовые к борьбе и преданные до конца: «Хайль, Гитлер!»

Столь личностное отношение к человеку, а не к возглавляемой им организации, противоречило социалистической традиции и этике марксистско-ленинской партии, в арсенале ценностей которой существовал только авторитет партии, но отнюдь не ее лидера. Черты русского национализма и псевдорелигиозной окрашенности, какую приобрел культ Сталина, объясняются тем, что Сталину удалось оживить мощные древние инстинкты народного духа, оказавшиеся подавленными после ликвидации царизма и запрещения православной церкви. В отсутствие этих символов веры народ получил новый объект для почитания — не партию, но государство с его единовластным правителем, преемником царей, и наследником Ленина и революции. Фигуры самодержавных правителей прошлого — таких, как Петр I и Иван Грозный — обладали в России необыкновенной притягательной силой, становясь объектами поклонения и для Сталина, и для рабочих и крестьян этой страны, заполняя пустоту, зиявшую между правительством и народом. С началом Великой Отечественной войны Сталин, который для многих был просто именем и изображением, стал средоточием чувств патриотизма и национальной гордости, своего рода чудотворной иконой: с его именем миллионы шли в бой и на смерть.

Такая эволюция культа Сталина еще больше сближает его с мифом Гитлера, и в том, и в другом случае налицо — стремление к поклонению, заменяющему религиозное, тогда по Мессии, принимающем облик Вождя, жажда спасения, а не готовность решать проблемы. Ян Киршоу отмечает, что еще в 1932—1934 годах в сознании немцев наметилась тенденция воспринимать фюрера отдельно от его соратников по партии: начала действовать легенда «если бы только фюрер знал». Расправа с Ремом была воспринята как свидетельство готовности Гитлера действовать со всей решимостью в случае, когда от фюрера не удалось долее скрывать вероломство СА, обманувших его доверие. Явление в точности такого же порядка (т. е. стремление снять со Сталина всякую вину за злодеяния якобы свершенные его подручными) наблюдается в Советском Союзе, причем не только среди крестьянской массы, но и среди интеллигенции. Илья Эренбург в своих мемуарах признается, что думал о Стали-

не как о некоем ветхозаветном Боге, и вспоминает, как во время встречи с Пастернаком, когда повсюду свирепствовали репрессии, тот произнес все ту же фразу: «Если бы он знал». Кто знает, сколько простых советских людей, узнавая о чистках и процессах, которые Сталин обрушивал на партию и интеллигенцию, в простоте душевной заключало, что «вождь» — совсем как Гитлер в случае с СА! — всего-навсего освобождается от недобрых советчиков и тех, кто действительно повинен в страданиях народных, — и рукоплескало ему?

III

Благодаря современной технике оба диктатора пользовались возможностями, далеко превосходящими те, какие имели в своем распоряжении политические лидеры прошлого. Как Гитлер, так и Сталин поистине были вездесущи: их лица смотрели на вас с каждого рекламного щита, со стен учреждений, с кадров кинохроники, их голоса звучали по радио, а радио должны были слушать все. При этом трудно найти в истории другие фигуры, о которых было бы так мало известно с точки зрения их индивидуальной, человеческой сути, ускользавшей даже от тех, кто работал с ними рядом и соприкасался с ними почти ежедневно. Генерал Йодль ближайший советник Гитлера по военным вопросам, писал своей жене в 1946 году, ожидая суда в Нюрнберге:

«Я спрашивал себя: «Знал ли я вообще этого человека, рядом с которым прожил столько трудных лет?.. Даже сегодня я не знаю, что он думал, знал, намеревался сделать; мне известно лишь, что я сам об этом думал или мог предположить».

По мнению тех соратников Сталина, которым удалось остаться в живых — таких как Хрущев, — Сталин был человеком столь же непостижимым, его реакции были непредсказуемы, предугадать, «прочитать», по внешнему виду его намерения было невозможно.

Оба диктатора стремились скрыть свою истинную индивидуальность, извлекая в то же время максимальные выгоды из тех личностных особенностей, какие были им присущи. Успех обоих в политике во многом определялся их способностью так же тщательно скрывать от союзников, как и от противников собственные мысли и намерения. Они не только не обнаруживали своих целей или планов на будущее, но и избегали делать достоянием окружающих свое прошлое. Все попытки выяснить какие-то обстоятельства их биографий, найти людей, знавших их в прошлом, были обычно обречены на неудачу, а после прихода их к власти, становились небезопасными. Миф Гитлера и культ личности Сталина оставались главным стержнем их власти, поэтому все, что могло нарушить стройность официальной версии, пресекалось.

Всячески способствуя популярности создаваемого пропагандой образа, Гитлер и Сталин делали все возможное, чтобы сведения о их частной жизни были недоступны широкой общественности. Это важно иметь в виду, поскольку даже в тех случаях, когда удается приподнять занавес, скрывающий их личную жизнь от любопытства посторонних (благодаря, например, мемуарам Шпеера и «Двадцати письмам к другу» Светланы Аллилуевой), возникает вполне определенное впечатление, что ни в том, ни в другом случае она не способствует прояснению причин их успешного продвижения в общественной сфере. Понять их успех еще сложнее, когда становится ясно, что оба банальны и лишены каких-то человеческих чувств.

В 20-е годы, когда Сталин уже был Генеральным секретарем партии и членом Политбюро, когда, несмотря на узы коллективного стиля руководства, он начал чувствовать, как растет его влияние, нормализовалась, наконец, и его семейная жизнь. Именно эти годы его дочь вспоминает как самые счастливые, ее мать, Надежда Аллилуева, создавала в Зубалово уютный дом, который всегда был полон гостей (среди них Киров, Орджоникидзе, Бухарин — все трое друзья ее матери) и родственников, часто устраивались вечеринки, пикники, и ее отец с удовольствием занимался благоустройством дома и прилегающих к нему участков.

Эти дни закончились задолго до наступления 1934 года. Репрессии, обрушившиеся на крестьянство в ходе кампании, организованной Сталиным, трагически отозвались в его собственном доме. Сведения о событиях, происходящих в деревне, дошли до жены Сталина. Надежда Аллилуева была на двадцать лет младше своего мужа (ей исполнился только 31 год, когда она покончила с собой), она была активным членом партии и в первые годы их брака идеализировала мужа. Однако изменившееся положение Сталина, власть и привилегии, из него проистекающие, изменения в характере мужа, которые проявились в 20-х — начале 30-х годов, — все это тревожило ее. Стремясь к независимости, она стала студенткой Промакадемии, где специализировалась по химии синтетических волокон, на занятия ездила общественным транспортом (это право ей пришлось отстоять).

От своих товарищей-студентов, мобилизованных для проведения коллективизации, она узнала о том, что творилось на Украине, и рискнула поговорить об этом с мужем. К этому времени отношения между ними были уже натянутыми, как-то она даже ушла из дому, забрав двух детей. Очевидно, она уже думала о самоубийстве, так как просила своего брата, командированного в Берлин, привезти ей пиштолет, но не объяснила, для чего ей нужен такой подарок.

Вечером 8 ноября в Кремле в квартире Ворошиловых

между супругами произошла ссора. Когда в присутствии всех Сталин оскорбил жену, она ушла из комнаты, где собирались гости, и долго гуляла по двору Кремля с подружкой Полиной Молотовой, а потом ушла к себе. Оттуда она позвонила на дачу, чтобы узнать, не там ли Сталин. Хрущев, который слышал эту историю от прислуги, рассказывает, что дежуривший тогда Власик сказал, что Сталин там. А на вопрос Надежды, один ли он, добавил: «Нет, с ним женщина». Хрущев говорит, что, как потом узнали, это была жена Гусева. Послужило ли это причиной, неизвестно, но в середине ночи Надежда застрелилась.

Светлана почувствовала, что отец потрясен случившимся; в то же время смерть матери привела его в ярость. «Он был потрясен, потому что не понимал: за что? Почему е м у нанесли такой ужасный удар в спину?». Появилось сообщение о ее смерти, но о самоубийстве не было сказано ни слова; предсмертная записка Надежды Аллилуевой была уничтожена. Сталин пришел на гражданскую панихиду вместе с друзьями и родственниками покойной. Несколько мгновений он молча стоял над гробом, потом вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, чтобы уйти прочь, проговорил: «Она ушла как враг!» Никакой вины он не чувствовал. На похороны он не пошел, на отпевании не присутствовал и впоследствии ни разу не навещал ее могилы.

Потеря отнюдь не побудила Сталина к изменению политического курса: 27 ноября, выступая в Центральном Комитете, он произнес речь, в которой с такой злобой и в таких выражениях угрожал крестьянству, что и в дальнейшем эта речь не была опубликована. Но он так и не смог примириться со смертью Надежды; ее самоубийство положило конец его семейной жизни. Квартиру в Кремле, где это произошло, он поменял на другую, перестал ездить в Зубалово, предпочитая новую дачу в Кунцево, которая была построена на окраине Москвы.

Резко разрывая с родственниками жены не произошло. Ее родителям, которых он знал еще по Тифлису, было разрешено жить в Зубалово. Однако постепенно Сталин изолировал себя от всего, что связано с нормальными человеческими отношениями. Детей он поселил в своей новой кремлевской квартире, где сам никогда не ночевал. Заботы по обслуживанию и детей, и его самого легли на плечи людей из госбезопасности. Для Светланы такая жизнь была равносильна тюремному заключению. Всеми вопросами, связанными с жизнью Сталина и его семьи, занимался Николай Власик, во время Гражданской войны служивший у него ординарцем. Получив чин майора (а затем и генерал-лейтенанта) НКВД, Власик присвоил себе неограниченные полномочия; прикрываясь именем Сталина, он создал целую вотчину с полным штатом обслуживающего персонала и многочисленными резиденциями, оборудованными для ком-

фортабельной жизни руководителя государства, в которых сам Сталин практически не бывал. Сталину нужна была только власть, собственность его не интересовала. В последние годы он переехал в маленький деревянный дом рядом с дачей. По словам Волкогонова, после его не осталось никаких ценностей. Дешевая мебель и репродукции на стенах. Ночью он укрывался простым солдатским одеялом. Помимо маршальской формы у него было не более двух простых костюмов, одна пара фетровых сапог с вышивкой и деревенский овчинный тулуп.

Хотя сексуальная жизнь Сталина и не отмечена какими-то нарушениями (что, судя по всему, можно было сказать и о Гитлере), особого интереса к женщинам он никогда не проявлял: он не уважал в женщинах личностное начало. Его «сестрой-хозяйкой» в Кунцево стала официантка из Зубалова Валечка — «молодая женщина с курносым носиком и веселым, звонким смехом», как описывает ее Светлана. Она была «пухленькой, аккуратной, ловко прислуживала за столом и никогда не вмешивалась в разговоры»; женщины такого типа нравились Сталину гораздо больше, чем первая жена его сына Василия, о которой Сталин с презрением говорил: «Идейная женщина... селёдка с идеями, кожа да кости». Валечка оставалась с ним до самой его смерти и была горячо предана его памяти.

В 1934 году Сталин регламентировал свою жизнь и редко нарушал установившийся распорядок дня: он просыпался почти в полдень, ехал из Кунцево в Кремль, работал до 6—7 вечера, обедал с другими партийными руководителями в комнате рядом с кабинетом, а иногда с сыном и дочерью в квартире, расположенной этажом ниже его кабинета, в котором они жили, но где он никогда не ночевал. Сталин имел привычку по ночам звонить руководителям государственных и партийных органов и засыпать их вопросами. Это заставляло многих из них засиживаться в своих кабинетах далеко за полночь в тревожном ожидании звонка, который мог раздаться. На дачу Сталин возвращался после полуночи, иногда под утро.

Нередко после обеда он приглашал обедавших с ним на просмотр советского или иностранного фильма. Кино для обоих диктаторов было практически единственной возможностью увидеть, как живут в других странах, а для Сталина — и в его собственной. За исключением летних поездок в Сочи, к Черному морю, Сталин почти не выезжал из Москвы. По свидетельству Хрущева, после января 1928 года Сталин ни разу не выезжал в сельские районы Москвы, опустошенные его мероприятиями. После убийства Кирова в начале декабря 1934 года он ни разу не побывал в Ленинграде — даже несмотря на героическую девятидневную блокаду, которую пережил этот город во время войны. Москву же он видел из-за занавесок бронированного «пак-

карда», стремительно скользившего в сопровождении охраны по шоссе, соединяющем Кунцево с Кремлем, перекрытому на время его проезда. Почти все совещания, которые устраивал Сталин, проходили в Кремле; самые ответственные — в его личном кабинете, украшенном посмертной маской Ленина. Проводя совещание, он, как правило, назначал председательствующим кого-либо из присутствующих (обычно Молотова), а сам ходил взад-вперед по кабинету, внезапно прерывал хождение и усаживался на ручку кресла.

Историчность роли, избранной Сталиным, с напряжением и одержимостью из нее проистекающими, так повлияла на судьбу Сталина и его родных, что ни у него, ни у его близких личная жизнь не сложилась. Оба его сына плохо кончили. Якова, своего старшего сына от первого брака, Сталин третировал — главным образом потому, что тот напоминал ему о собственном грузинском происхождении. Когда в начале войны Яков оказался в немецком плену, отец отрезал от него как от изменника («русские в плен не сдаются»); позже он отклонил предложение немцев обменять его. Его младший сын Василий после неудачной карьеры в авиации стал алкоголиком и умер в 41 год. Во время войны была арестована жена Якова; после войны Сталин приговорил к 10 годам одиночного заключения сестру своей жены Анну Аллилуеву, а жену брата Надежды, Евгению посадили в тюрьму по обвинению в отравлении собственного мужа, Павла Аллилуева, который на самом деле умер от сердечного удара в 1938 году в период повальных чисток. В том же году был арестован и расстрелян муж Анны Станислав Реденс. В 1942 году аналогичная судьба постигла брата его первой жены Александра Сванидзе. Трагичной оказалась судьба всех членов семейства Аллилуевых — только потому, что в их жизнь вошел человек, которого они спасли, предоставив ему кров и убежище вначале на Кавказе, а затем в Петербурге, когда он, никому не известный революционер, находился на нелегальном положении.

Единственным существом, чье расположение что-то значило для Сталина, чье теплое отношение он пытался, пусть довольно неловко, сохранить, была его дочь Светлана. После самоубийства матери она росла по существу в неволе, в мрачной безыкой обстановке Кремля, лишенная дружеского участия. Сталин пытался следить за ее успехами в школе, называл «хозяйшккой», усаживал по правую руку от себя во время обедов, происходивших в будничные дни. Если после обеда присутствовавшие отправлялись в кинозал, расположенный в другом конце Кремля, «отец со смехом говорил, выталкивая меня вперед: «Ну, веди нас, веди, хозяйка, а то мы собьемся с дороги без руководителя!» И я шествовала впереди длинной процессии, в другой конец безлюдного Кремля, а позади ползли гуськом тяжелые бро-

нированные машины и шагала бесчисленная охрана... Кино заканчивалось поздно, часа в два ночи: смотрели по две картины или даже больше».

Иногда, чтобы развлечься, Сталин брал Светлану в театр или в оперу. Отдыхая в Сочи, он посылал ей фрукты, сопровождал эти гостинцы коротенькими записочками, в которых обращался к ней: «Моя воробушка!» — или «Моя хозяйшкка!». Но любое проявление независимости с ее стороны сердило Сталина, например, когда она начала носить короткие юбки, он не раз своими придирками доводил ее до слез, заставляя одеваться так, как одевались девочки ее возраста во время его молодости. Когда она повзрослела и начала отстаивать свое право жить так, как считает нужным, Сталин не перестал грубо вмешиваться в ее жизнь — особенно когда у нее возникли теплые чувства к человеку, которого он невзлюбил. В 1942—1943 годах его нетерпимость привела к отчуждению между ними, длившемуся довольно долго. И тем не менее Светлана пишет: «Но его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду. Я любила его так же сильно, как он меня». Ее «Письма к другу» — трогательное описание неудачных попыток найти общий язык с человеком, замкнувшимся в себе, одержимым ролью, которую он для себя избрал, утратившим способность отвечать на чувства других.

Гитлер относился к типу «безнадежных холостяков»; его семейная жизнь закончилась в тот момент, когда он покинул родительский дом и уехал в Вену. «Семейным» в его жизни можно назвать только один период — время, когда его сводная сестра Анжела переехала к нему в качестве экономки, взяв с собой двух своих дочерей. С остальными родственниками он не поддерживал связей, хотя в своем завещании, составленном в 1938 году, сделал распоряжение в пользу Анжелы, своей сестры Паулины, сводного брата Алоиса и некоторых других родственников, живущих в деревне Шпиталь, откуда родом была его мать и где он несколько раз проводил летние каникулы. На первый взгляд может показаться, что Гитлер больше нравился женщинам и был не столь равнодушен к ним, как Сталин. В начале своей карьеры он пользовался покровительством замужних дам из высшего света — таких, как Элен Бехштейн и Уинифред Вагнер, оказывавших ему большую поддержку. Многих женщин покоряла его магнетическая сила; существуют достоверные свидетельства того, что во время его выступлений на митингах представительницы слабого пола буквально впадали в истерическое состояние. Гитлер придавал большое значение тому, что большой процент от числа избирателей, голосовавших за НСДАП, составляли женщины; одна из причин, мешавших ему жениться, заключалась, по его словам, в том, что он не хочет разочаровывать своих

поклонниц. Ему нравилось окружать себя красивыми женщинами. В подобных ситуациях, замечает в своих мемуарах Шпеер:

«Гитлер вел себя как выпускник школы танцев на прощальном вечере. Он был смущенно-предупредителен, действовал строго по правилам, отпускал ровно положенное число комплиментов, встречал, провожал и на австрийский манер целовал руку».*

Единственное, что могло оказаться фатальным для женщины, познакомившейся с Гитлером, — это неосторожно обнаруженная претензия на интеллектуальность или попытка вступить с ним в дискуссию; подобно Сталину Гитлер презирал женщин, осмелившихся иметь собственные взгляды, они не могли рассчитывать на повторное приглашение.

Только к двум женщинам он проявлял чувства более глубокие, нежели мимолетный интерес; обе были на двадцать лет младше его. О Гели Раубаль он говорил как о единственной большой любви своей жизни: она была дочерью его сводной сестры Анжелы Раубаль, которую он пригласил вести дом, когда в 1928 году снял виллу в Оберцальцберге. Тогда Гели было 17 лет. На протяжении трех лет Гитлер был сильно увлечен этой девушкой, в Мюнхене она сопровождала его повсюду. Гели нравилось появляться с дядей, особенно в 1929—1930 годах, когда восходила его политическая звезда и он приобретал известность. Однако она страдала от его ревности и инстинкта собственника, он совершенно не давал ей жить своей жизнью. Когда Гитлер узнал, что Гели ответила взаимностью на ухаживания его зошера Эмиля Мориса, разразился жуткий скандал, он запретил ей общаться с другими мужчинами и не разрешил выехать в Вену, где она собиралась учиться пению.

В сентябре 1931 года Гели покончила с собой выстрелом из револьвера; это самоубийство так же сильно подействовало на Гитлера, как смерть жены на Сталина. Долгое время он был безутешен и, очевидно, под влиянием этого потрясения навсегда отказался от мяса и алкоголя. Комната Гели в Оберцальцберге сохранялась нетронутой, несмотря на позднейшую перестройку виллы; складывалось впечатление, что хозяйка только что из нее вышла. Портреты Гели украшали кабинеты фюрера в Мюнхене и Берлине, в дни ее рождения и смерти перед ними всегда появлялись живые цветы, Гитлер ни разу не позволял себе забыть об этих датах.

О Еве Браун Шпеер писал: «Для любого историка она будет разочарованием». Хорошенькая глупенькая блондинка с круглым личиком и голубыми глазами, она работала приемщицей в фотоателье Хоффмана, где с ней и познакоми-

лся Гитлер. Он подарил ей цветы, произнес несколько комплиментов, время от времени приглашал ее на загородные прогулки. Инициатива полностью исходила от Евы; она охотилась за Гитлером, говорила всем, что он любит ее, что она заставит его жениться на ней. Не сумев добиться его расположения, она избрала другой способ привлечь его внимание: осенью 1932 года Ева попыталась покончить жизнь самоубийством. Этот год был критическим для Гитлера: именно тогда он был особенно уязвим для скандала — прошел лишь год после самоубийства Гели. По свидетельству Хоффмана, с самого начала наблюдавшего как развиваются их отношения, «именно так Ева Браун добилась своего и стала любовницей Гитлера».

Однако это принесло ей мало радости. В дневнике Евы, сохранившемся после ее смерти, много жалоб на невнимательность Гитлера, на то, что он пренебрегал ею и унижал ее, все это привело ко второй попытке самоубийства, снова предпринятой с целью привлечь его внимание. Гитлер делал все возможное, желая скрыть их отношения; даже его любовницей она считалась только в узком кругу приближенных фюрера. В 1936 году Ева смогла наконец занять место фрау Раубал, исполнявшей обязанности экономки на вилле Бергхоф, она стала сидеть слева от Гитлера, когда он присутствовал на ланче. Но Гитлер редко разрешал ей приезжать в Берлин, или появляться в обществе вместе с ним; во время больших приемов или обедов, на которых ей так хотелось присутствовать, Еве Браун не разрешалось покидать свою комнату наверху. Ева страдала от той же тирании, которой Гитлер замучил Гели, придираясь ко всяким мелочам. Ей запрещалось танцевать, курить, общаться с мужчинами; только в тайне от него, рискуя быть обнаруженной, она могла позволить себе делать то, что ей хотелось.

Презрительное отношение Гитлера к женщинам, его тщеславие, самовлюбленность хорошо видны из нижеследующего отрывка из мемуаров Шпеера, передающего тираду, произнесенную Гитлером в присутствии Евы Браун:

«Спутницей мужчины с развитым интеллектом должна быть женщина примитивная и глупая. Представляю, что было бы, если помимо всего прочего, у меня была бы женщина, которая вмешивалась во все мои дела... Я никогда не смогу жениться. Только подумайте, сколько было бы проблем, если бы и были дети! Моего сына в конце концов попытались бы сделать моим преемником. У такого человека, как я, мало шансов иметь сына с такими же способностями. Вспомните сына Гете — совершенно бессмысленная личность!

Многим женщинам я нравлюсь, потому что не женат. Особенно это было заметно в дни нашей борьбы. Та же ситуация, что у актера кино: женившись, он теряет нечто,

* Цит. по: Э. Фромм «Анатомия деструктивности», Вопр. фил., 1991, № 9, стр. 140. Пер. М. Б. Гендовского. (Прим. перевод.)

и это мешает женщинам по-прежнему обожать его. Он перестает быть кумиром, которым был до сих пор».

Только во время войны, когда светской жизни практически не стало, положение Евы несколько упрочнилось, хотя Гитлера она видела теперь значительно реже. Во всяком случае он стал проще и естественнее вести себя в ее присутствии, перестал актерствовать, сидя перед Евой на террасе виллы Бергхоф, он мог играть с собакой, мог заснуть, развалившись в кресле, что бывало довольно часто. Самым большим достоинством Евы Гитлер считал ее преданность, которая в конечном итоге была вознаграждена. Ее заветным желанием, целью, к которой она стремилась, был законный брак. Ева мечтала стать фрау Гитлер и в предпоследний день их жизни Гитлер сделал ее своей женой, произошло это в подземелье берлинского бункера. Через сорок восемь часов после этого события они вместе ушли из жизни, совершив самоубийство — на этот раз по желанию самого Гитлера.

Несмотря на присутствие неопровержимых доказательств, есть веские основания полагать, что Гитлер был неспособен к нормальным сексуальным отношениям — по причинам то ли физиологического, то ли психического характера (а вероятно всего, и те и другие играли определенную роль). Путци Ханфштенгель, с которым Гитлер проводил немало времени в середине 30-х годов, утверждал, что Гитлер был импотентом и его «бурлящая нервная энергия» не получала нормальной разрядки*.

«В области секса он обитал как бы на ничьей земле, только один раз он почти нашел для себя женщину (Гели), мужчин в его жизни не было, никто не мог дать ему облегчения... Моя жена быстро раскусила его: «Путци, — сказала она, — поверь мне — он бесполой».

Эрих Фромм, комментируя сведения, изложенные Ханфштенгелем, делает следующее заключение: «Я думаю, что как минимум, можно быть уверенным, что с женщинами, стоящими ниже его, сексуальные отношения складывались по анально-садистскому типу, с женщинами, вызывающими его восхищение — по мазохистскому».**

До того, как Гитлер стал канцлером, он никогда не жил в Берлине. Приезжая в столицу, он обычно останавливался в номере отеля «Кайзерхоф». В Мюнхене, после того, как нацисты превратили Дворец Барлоу в резиденцию НСДАП,

* После войны, интервьюируя Ханфштенгеля для радио, я слушал, как он, сидя за фортепьяно, наигрывает Вагнера, которого часто исполнял для Гитлера, и тут с недодражаемой вульгарностью он охарактеризовал природу сексуальности Гитлера: «Понимаете, он мог ударять только по черным клавишам и никогда по белым».

** Цит. по: пер. М. Б. Гендовского (Э. Фромм, «Анатомия деструктивности», Вопр. фил., 1991, № 9, стр. 141.

Гитлер сменил комнату, которую снимал, на квартиру из девяти комнат в фешенебельном квартале, протянувшемся вдоль реки Изар, на втором этаже дома № 16 по Принцрегентенштрассе. Но настоящим домом для него был Бергхоф — вилла в Оберзальцберге, находившаяся вблизи Берхтесгадена у австро-германской границы, эти места порекомендовал ему Дитрих Эккарт еще в начале 20-х годов.

В первые свои приезды он останавливался в пансионате, затем снял простенькую виллу «Хаус Вашенфельд» в горах. В конце 30-х годов был построен большой роскошный дом на месте прежнего бунгало, эта вилла получила название «Бергхоф». Борман окружил Бергхоф целым рядом построек с дорогами, заборами под колючей проволокой, помещениями для охраны, гаражами, домом для гостей и другими строениями, которые совершенно не гармонировали с характером местности. Но ничто не могло изменить привязанности Гитлера к этому месту. На всю жизнь именно Бергхоф стал его настоящим домом. «Здесь и только здесь, — заявил он в интервью в 1936 году, — можно дышать, думать, жить... Тут я понимаю, кто я и что мне еще предстоит осуществить».

После того, как Гитлер стал канцлером, Шпеер оборудовал для него новый, внушительный кабинет в официальной резиденции фюрера (бывшей резиденции Бисмарка), затем, в январе 1938 года, он же получил подряд на сооружение нового здания резиденции канцлера, которое было выстроено за 12 месяцев, на строительстве было занято 450 рабочих, трудившихся в две смены.

Оставаясь лидером НСДАП, Гитлер самоустранился от административной работы, предоставив решение всех вопросов, кроме самых главных, Гессу, Шварцу и другим функционерам Главного управления НСДАП в Мюнхене. Первый год своего пребывания на посту канцлера, еще при жизни Гинденбурга, Гитлер создавал видимость ежедневной деятельности в канцелярии и придерживался определенного рабочего расписания. Однако это не соответствовало его темпераменту. Он ненавидел совещания, и вскоре промежутки между заседаниями кабинета стали довольно продолжительными в дальнейшем удлинялись все больше и больше. В приемные часы он предпочитал заниматься с кем-нибудь, но и это происходило довольно редко. Административная деятельность мало привлекала Гитлера, поскольку не соответствовала его представлению о самом себе как о художнике-политике ницшианского типа, который не должен проявлять склонности к регулярным занятиям.

После смерти Гинденбурга Гитлер вернулся к привычному образу жизни, он все больше устранился от дел, предоставив право решать все вопросы какому-либо из двух секторов государственной администрации: имперской канцелярии, начальником которой был Ламмерс, или канцеля-

рии президента, которую возглавлял Мейснер; в дальнейшем к ним прибавилась партийная канцелярия, или канцелярия фюрера, которую возглавил Борман. Труднодоступный для министров и партийных функционеров, он отказывался читать документы, длиннее страницы, но сохранял за собой исключительное право принимать наиболее важные решения. Искусство политики в «третьем рейхе» заключалось не в подаче прошений о новых назначениях и не в участии в различных формальных совещаниях; важнее всего было суметь привлечь к себе внимание фюрера в любой неформальной обстановке, в любом месте, в любое время, оказавшись тем последним человеком, чьи аргументы сильнее всего подействуют на Гитлера; нужно было уметь не падать духом, не терять надежды (как показывает опыт зачастую обоснованной) на то, что он скажет «Согласен», после чего уж наступала очередь министров, административных лиц, партийных боссов, ожесточенно споривших друг с другом о том, на что именно дал согласие фюрер.

Так же, как Сталин, Гитлер был ночной птицей. Он редко появлялся раньше полудня, поскольку был занят чтением газет (спать он ложился далеко за полночь, можно сказать на рассвете). Обед в резиденции фюрера начинался в 2—3 часа пополудни и заканчивался в половине пятого. За столом, как вспоминает Шпеер, собиралось сорок-пятьдесят человек, среди них, как правило, один-два гаулейтера или партийные руководители другого ранга, находившиеся в столице проездом, несколько министров кабинета, члены его свиты, но среди гостей никогда не бывало военных или лиц других профессий.

Геббельс и Геринг появлялись на этих обедах только тогда, когда им что-то было нужно. «По правде говоря, — обронил как-то последний в разговоре со Шпеером — «уж больно паршиво там кормят. И потом эти партийные тупицы из Мюнхена!» И то, и другое соответствовало истине. Гитлер был воинствующим вегетарианцем и трезвенником, за столом запрещалось курить, еда была очень непритязательной. Что касается общества, то оно отличалось отсутствием живых и оригинальных людей. Гитлер настороженно относился к новым людям и избегал приглашать тех, кто своим умом и манерами мог бы нарушить негласный ритуал безусловного превосходства фюрера в узком кругу его приближенных. Застольное общение было весьма тривиальным, только появлявшийся иногда Геббельс вносил оживление, стараясь позабавить Гитлера злой сплетней о ком-нибудь из партийных боссов, как правило рассказанной с тайным умыслом. «Мне часто думалось, — добавляет Шпеер, — что эта компания бездарей собирается в том же месте, где Бисмарк вел блестящие беседы с друзьями и политическими единомышленниками».

Жизнь в Оберзальцберге была еще более скучной, там негде было уединиться, приходилось выдерживать привычный однообразие, выслушивать один и тот же повторяющийся репертуар из анекдотов и надоевших разговоров. Между обедом и ужином маленькая процессия под предводительством Гитлера следовала в чайный павильон. «Там вся компания в одних и тех же выражениях высказывала восхищение видом, открывшимся из павильона. На все восторги Гитлер отвечал одними и теми же словами». Здесь Гитлер часто пускался в один из своих нескончаемых монологов, до которых был большой охотник; во время затяжной речи фюрера присутствующие героически боролись со сном, да и сам Гитлер часто засыпал, так и не договорив. Через час или два гости собирались к ужину, после которого довольно поздно начинался киносеанс. Картины часто повторялись, иногда это был фильм, который все уже видели в прошлый раз. «В такие дни я спрашивал себя, — пишет Шпеер, — делает ли Гитлер хоть что-нибудь?» Однако долгие периоды видимого безделья, особенно в Оберзальцберге, не проходили даром. Гитлер в это время вынашивал решение, окончательно оформлялись его мысли, заряжался энергией перед важным выступлением. Когда период вызревания заканчивался, за ним следовал взрыв активности, и тут-то Гитлер демонстрировал неистощимую энергию.

Гитлер был не из тех людей, с которыми возможна обычная беседа. Если говорил фюрер, все вокруг могли только слушать его; если говорил кто-то другой, он впадал в задумчивость и не обращал внимания на говорящего. Его неумение слушать, нежелание вступать в обсуждение каких-либо проблем означало только, что он оказался в интеллектуальной изоляции, замкнувшись в кругу тех убеждений, которые приобрел в первой половине жизни; инстинкт подсказывал ему, что не стоит обнаруживать собственные взгляды, коль скоро у кого-то может возникнуть искушение их оспорить. Так, несмотря на постоянные разговоры об интересе к истории, Гитлер совершенно не понимал того, что всякая точка зрения на те или иные события подвержена постоянным изменениям по мере поступления новых данных или в результате дискуссий. Он никогда не приглашал к себе историков или профессионалов в других областях (исключение составляли только эксперты по техническим вопросам), ведь они могли разрушить «гранитные основы» его Weltanschauung (мировоззрения), которые по существу были ничем иным, как набором упрощенных расистских и псевдонаучных банальностей, циркулировавших в Германии и Австрии на рубеже веков.

Но Гитлер был убежден (или пытался убедить себя), что самобытность органично проистекает из той роли, которую ему суждено исполнить. Раушнинг так описывает впечатление от монологов Гитлера, свидетельствующих об этой убежденности:

«Он говорил без остановки, пытаясь изобразить некое подобие творческого горения... По существу его взгляды были смесью плохо понятой идеи Ницше и вульгаризацией идей современной философии. Всю эту чепуху он выплескивал с видом пророка и гения. Казалось, он не сомневается в том, что эти идеи — его собственные. Не имея представления об истинном происхождении этих идей, он считал их плодом собственных размышлений и озарений, посетивших его во время уединенной жизни в горах».

Уверенность, в которой Гитлер изрекал открытые им истины, так действовала на членов партии и избирателей, что его претензии на самобытность мышления находили у них полное признание, несмотря на то, что они не только не вдумывались в то, что он им говорит, но часто и вообще не понимали, о чем идет речь; для них он был эрудитом, не уступающим марксистам в способности найти идеологическое обоснование действиям партии.

Во многих отношениях Сталин резко отличался от Гитлера. Он пришел к власти не потому, что был одаренным оратором, его власть — результат умелого манипулирования партийным аппаратом; он не был бюрократом, привязанным к стереотипу процесса администрирования как такового, но возможности, протекающие из этого процесса, прекрасно понимал. В начале этой главы я уже обращал внимание читателя на это отличие между фюрером и Генеральным секретарем, на высшую степень самоуверенности первого и предельное самообладание второго. Всегда, с неизменным интересом Сталин вникал во все детали административной работы, у него хватало времени и терпения внимательно читать докладные записки службы госбезопасности, а также материалы о деятельности партийных руководителей, предоставляемые его секретариатом.

Размеры страны, неразвитость системы коммуникаций, обуславливали существование больших районов, в которых власть Сталина была меньше, чем он предполагал, или не так эффективна, как ему хотелось. Причиной тому были объективные факторы, но отнюдь не отсутствие заинтересованности, или усилий со стороны Сталина. И каждый партийный секретарь, каковы бы ни были масштабы его власти в области, и как бы далеко от Москвы ни была его вотчина, вполне мог ожидать, что однажды к нему нагрянет кто-то из ближайших помощников Сталина (Молотов, Каганович или Ворошилов) и наведет порядок, по-своему расправившись со всем партийным руководством, одних отправив в тюрьму или ссылку, других поставив к стенке.

После расправы с Ремом и верхушкой СА Германия не знала массовых чисток. Однако «третий рейх» обладал бы гораздо более совершенной системой управления, если бы в ходе дальнейших репрессий был положен конец протекци-

онизму и коррупции, затронувшим многих гаулейтеров, или устранены пороки в деятельности министерств с их дублирующими структурами, межведомственной борьбой и недостаточной эффективностью; в частности объектами подобных мероприятий имели все основания стать и империи Геринга и Лея. Гитлер мог смещать генералов и министров, только формально состоявших в партии (как, например, Шахт), но всегда с большим нежеланием шел на какие-либо репрессии против членов старой нацистской гвардии; даже на операцию против Рема он решился с большим трудом. Каковы бы ни были недостатки последних, Гитлер высоко ценил верность и преданность этих людей и, что характеризует его не худшим образом, в свою очередь отвечал им удивительной терпимостью и лояльностью.

Преданность и надежность Сталин ценил так же мало, как чувство благодарности. Всегда кого-нибудь в чем-нибудь подозревая, меньше всего он доверял старым большевикам. Даже ближайшие его соратники по «второй революции», члены Политбюро и Центрального Комитета были по его приказу казнены, доведены до самоубийства или погибли в лагерях.* История «третьего рейха» не знала подобного явления, почти вся группа лидеров нацистской партии просуществовала до конца режима.

По-видимому, у Сталина не было личных друзей или знакомых, почти все, с кем он обедал, принадлежали к той же горстке руководящих лиц, с которыми он работал; иногда за обедом присутствовал случайный гость — как правило, какой-нибудь партийный секретарь с Украины или Кавказа, который оказался в Москве. За столом говорили о делах, очень много пили, и, если после обеда не шли смотреть фильм, то Сталин, который отличался язвительной насмешливостью, развлекался тем, что угощая своих гостей, спаивал их до невменяемого состояния.

Создается впечатление, что подобные обеды были единственным и постоянным видом отдыха для Сталина. Хрущев пишет: «Вряд ли был еще один руководитель такого уровня, который бы проводил в застольях столько времени, сколько Сталин, часами он просто сидел за столом, ел и пил».

Для того, чтобы окружающие почувствовали силу его личности, Сталин не нуждался в демонстрации приступов гнева и экзальтированном поведении, характерном для Гитлера. Иногда он выходил из себя, но отнюдь не от того, что хотел произвести впечатление; и конечно, у него не было потребности говорить не умолкая. Сталин не отличался впечатляющей внешностью, каждому фотографу приходилось учитывать его небольшой рост (всего 5 футов 4 дюй-

* См. главу 12, кн. 2.

ма)* и повышенную чувствительность вождя к этому обстоятельству; но в любой группе людей он выделялся, чувствовалось, что этот человек — «Начальник», кроме того он был известен своей жестокостью.

Он гордился своей пронзительностью, «Сталина не проведешь», — говорил он; свойственный Гитлеру полет фантазии, мысли фюрера о расе, о расцвете и угасании наций не вызвали бы у Сталина ничего, кроме презрения. Если ему по мере того, как он старел, и начинали являться видения и зловещие образы вроде тех, что вдохновили Гойю на цикл офортов «Капричос», он никого в это не посвящал и с величайшей тщательностью скрывал истинные свои мысли.

Как Сталин, так и Гитлер прекрасно представляли себе важность всех видов искусства и необходимость держать их под контролем, поскольку оба стремились влиять на мысли и чувства людей. Однако до 1934 года всецело поглощенные политической деятельностью они не могли уделять наслаждениям должного внимания, как впрочем и личной жизни.

Оба любили кино; кроме того, Сталин получал большое удовольствие от театра и оперы, к которым его приобщила жена, проявляя большой интерес к репертуарам и часто критиковал спектакли, которые шли на московской сцене. С несомненным уважением до конца жизни относился он к художникам и писателям, несмотря на то, что некоторых из них подверг репрессиям. Судя по его библиотеке, по количеству книг в ней с пометками, сделанными его рукой, Сталин, в отличие от Гитлера, любил читать. Его библиотека в основном состояла из книг по политике, марксизму, истории. При общении с ним было видно, что Сталин знает русскую классику, тогда как Гитлер был едва знаком с классикой немецкой литературы. Чаще всего Сталин цитировал Чехова, Гоголя, Горького, сатирика Салтыкова-Щедрина, Толстого, иногда даже Достоевского и Пушкина.

Любимым композитором Гитлера был Вагнер, и на протяжении 30-х фюрер не упускал возможности появиться на его ежегодном фестивале в Байрейте. К произведениям других композиторов он оставался равнодушен, исключения составляли оперетты «Летучая мышь» Штрауса и «Веселая вдова» Легара. Ему нравились легкие развлекательные фильмы. Искусствами, к которым он проявлял наибольший интерес (и в которых считал себя неоспоримым авторитетом), были живопись и графика — и в том, и в другом Гитлер, по собственному убеждению, мог снискать признание; а также архитектура, на попрание которой он, опять-таки по собственному убеждению, мог бы создать шедевры.

О его интересе к живописи свидетельствует тот факт, что

* 165 см.

по его указанию не раз проводилась чистка картинных галерей Германии, об этом же свидетельствует и его собственная коллекция картин, которую он собирал довольно активно. Эстетический вкус Гитлера определяли его взгляды на историю, расистские фантазии, все его мировоззрение, сформировавшееся в условиях довоенной Вены. Итальянский Ренессанс восхищал его, но предпочтение он отдавал немецкой романтической живописи XIX века, от «сочных» жанровых сценок Эдварда Грюцнера, до картин на героические, аллегорические, идиллические и историко-патриотические сюжеты, которые по существу являлись изобразительным эквивалентом искусства Вагнера, но без его гениальности. Самого высокого мнения Гитлер был о таких живописцах, как Макарт, Шпицвиг, Мензель. Еще в 1925 году он сделал эскизы к проекту Немецкой национальной галереи, а в 30-х годах начал собирать работы немецких художников XIX века для музея, который намеревался открыть в Линце — австрийском городе, в котором началось его увлечение Вагнером и архитектурой.

В 1938 году Гитлер побывал в Италии; после поездки, под влиянием переполнявших его итальянских впечатлений он решил превратить Линц в «величайший музей мира», не уступающий Риму и Флоренции. Во время войны, когда половина европейского континента оказалась оккупирована немцами, появилась возможность «перераспределить» сокровища европейского искусства. При посредстве Ганса Поссе, генерального директора Дрезденской галереи, и целого штата консультантов Гитлер собрал коллекцию, к концу войны насчитывавшую 10 000 полотен, часть которых была куплена принудительным путем, часть просто конфискована; кроме картин, в коллекцию вошли рисунки, гравюры, гобелены, скульптура, мебель. Под влиянием Поссе Гитлер расширил сферу своих коллекционерских интересов; наряду со своим любимым XIX веком он начал собирать живопись и более ранних периодов. В числе 6755 полотен, хранившихся на дне соляного рудника в Альт-Ауссе, были произведения Рубенса, Рембрандта, Вермеера, Леонардо да Винчи и Микеланджело, а также алтарное убранство Гентского собора работы братьев Ван Эйк. Поступивший в последние недели войны из ставки фюрера приказ (предусматривающий смертную казнь за неповиновение) взорвать хранилище и уничтожить все содержимое, к счастью, так и не был выполнен.

Архитектура была той областью, в которой Гитлер мог реализовать то художественное дарование, которое, как он верил, было заложено в нем. С помощью Шпеера и других архитекторов его идеи и наброски воплощались в рабочие чертежи, а затем в укрупненные макеты, которыми он не переставал любоваться. Это были плоды его гения, им предстояло затмить славу таких восхищавших Гитлера шедев-

ров, как здания Парижской и Венской опер, Дворца правосудия в Брюсселе и венской Рингштрассе, которые были образцами того «воздушного борокко», которое было столь любимо кайзером Вильгельмом II — стиля, по замечанию Шпеера, «Характерного для Римской империи времен упадка».

У Гитлера была прекрасная память, он помнил в деталях все параметры зданий, которые его восхищали. Его собственные проекты должны были в два-три раза превышать размеры известных шедевров — такова была степень гигантомании, свойственной Гитлеру, у которого величина господствовала над стилем. Как и многие тираны, начиная с египетских фараонов, он тщился запечатлеть свое могущество в «нетленных» творениях, подобных пирамидам.

В молодом архитекторе Альберте Шпеере Гитлер видел себя, таким он мог бы стать, если бы внешние обстоятельства не помешали этому. «В мои двадцать восемь лет — пишет Шпеер — я стремился к свершениям. Я готов был продать свою душу, как Фауст. И я нашел своего Мефистофеля». Гитлер очень близко, пожалуй, ближе, чем с кем-нибудь еще, сошелся со Шпеером; с ним он отдыхал, подолгу болтал, как когда-то с единственным другом своей юности Кубичеком. Обычно, вспоминает Шпеер, «он принимался рассуждать о том, что только монументальная архитектура сохраняет память о великих мужах прошлого. Что осталось от императоров Рима? Как бы мы помнили о их существовании, не будь зданий, переживших их?» Восприняв рассуждения Гитлера буквально, Шпеер приступил к разработке проектов, предусматривавших использование специальных материалов и методов строительства, позволявших «возводить здания, которые даже спустя сотни или тысячи лет (таковы были наши расчеты!) и в полуразрушенном состоянии будут не менее величественны, чем сооружения Рима, послужившие для их прототипом».

Среди проектов, разработку которых Гитлер поручил Шпееру, был один, поражающий своей грандиозностью. Комплекс из стадиона и ансамбля зданий, предназначенный для проведения партийных съездов в Нюрнберге: колоннада этого комплекса вдвое превышала размеры терм Каракаллы в Риме. Однако еще масштабнее был проект реконструкции центра Берлина, разработанный Гитлером в 1936 году, он должен был по замыслу затмить реконструированный Хаусманом центр Парижа, по великолепию задуманное «было сопоставимо только с роскошью Древнего Египта, Вавилона и Рима». Широкий проспект длиной в три мили должен был соединить триумфальную арку высотой в 240 футов с увенчанным куполом зданием для собраний, рассчитанным на 180 000 человек. Купол предполагалось поднять на высоту 900 футов, моделью для него был купол Пантеона в Риме, с тою лишь разницей, что верхнее отвер-

стие проектируемого купола диаметром в 152 фута — было больше, чем весь купол Пантеона или собора Святого Петра. Резиденция фюрера должна была занимать площадь в 6 млн. кв. футов. Стоимость этих сооружений не обсуждалась, как нечто малозначительное. Был изготовлен макет нового Берлина длиной 100 футов. Гитлер любил демонстрировать его тем посетителям, к которым благоволил, поражая слушателя бесконечным потоком цифр. Если он был в Берлине, в любое время дня и ночи (в том числе и во время войны) Гитлер мог вызвать Шпеера, чтобы еще раз обсудить и полюбоваться макетом проекта, который он считал своим шедевром.

Удовольствие от проекта было, однако, неполным. Его омрачало то обстоятельство, что русские предполагали построить в Москве в честь Ленина Дворец Советов, высота которого значительно превышала проектируемые Гитлером размеры. Сталин не мнил себя архитектурным гением, но, как и Гитлер, понимал роль архитектуры в утверждении представления о мощи власти. Оба они отличались провинциальным мелкобуржуазным вкусом, отвергали модернизм, предпочитая монументальные сооружения, впечатляющие грандиозностью размерами. Сталин тоже решил перестроить столицу и для реализации своих планов учредил Академию архитектуры. Допуск в круг привилегированных, огромные зарплаты, роскошные квартиры и мастерские стали наградой тем архитекторам, которые повернулись лицом к солнцу. Зачастую на строительстве применялся принудительный труд, а единственными инструментами были лом и лопата, как при возведении пирамид.

Сталин посещал все совещания комитета по строительству Дворца Советов, который проектировался, как самое большое здание в мире, увенчанное статуей Ленина высотой в 100 футов. Фасад здания должен был быть обращен к Кремлю; для того, чтобы освободить место для его сооружения, Сталин приказал взорвать самый большой храм Москвы. Отклонив все предложения Ле Корбюзье и других виднейших новаторов архитектуры по возведению нового мегаполиса, Сталин отдал предпочтение более традиционному плану застройки столицы; утвержденный в 1936 году, план был рассчитан на 10 лет. О том, как будет выглядеть новая столица, можно было судить по московскому метрополитену, строительство которого началось в эти годы (первая линия была открыта в 1935 году) под руководством Кагановича и Хрущева.

Претворению всех этих планов в жизнь помешала война («Война навсегда закончит все их стройки», — с удовлетворением заметил Гитлер); Дворец Советов так и не был построен, как и купольное здание Гитлера. Но в отличие от Гитлера, закончившего жизнь в развалинах Берлина, Сталин воочию увидел, как претворяется в реальность план

реконструкции Москвы с её шестью небоскребами, возведенными вместо намечавшегося Дворца Советов, и кондитерским чудом — Московским государственным университетом, завершённым в год его смерти на Ленинских горах.

Марксистский режим являлся по распространённому определению режимом «безбожников», и Сталин склонен был подвергать осмеянию религию еще с тех пор, как учился в тифлисской семинарии. Гитлер воспитывался как католик; он был под большим впечатлением от иерархии и могущества католической церкви, заявляя, что учится у церкви искусству воздействия на человеческую природу. Он с презрением относился к протестантским священнослужителям: «Мелкие людишки, покорные как собаки, они еще и потеют, когда с ними говоришь. У них нет ни религии, к которой можно относиться всерьёз, ни того, что стоило бы защищать, как защищают Рим».

Вековая власть церкви, «незыблемость ее позиций» вызвали уважение Гитлера. Он не нашел времени, чтобы проникнуть в суть её учения, почитая его уделом рабов, а религиозная этика вызывала у него отвращение. «Если довести христианство до его логического предела, его можно свести к систематическому культивированию человеческого поражения».

Совесть Гитлер считал «еврейской выдумкой, позорной как обрезание» (о ней он вспоминал только тогда, когда это было выгодно по политическим мотивам, например, в случае обвинения лидеров СА в гомосексуализме); он игнорировал жалобы на непристойное поведение Штрейхера, на взятничество и злоупотребление властью многих партийных бонз, считая все это незначительным в сравнении с их преданностью движению, их деятельностью на пользу нацизму. Что касается Сталина, то он просто собирал всю компрометирующую информацию в досье, которое составлялось на каждого из членов КПСС — для того, чтобы в нужный момент использовать эти сведения для передачи в руки НКВД.

Истовые попытки некоторых соратников фюрера (таких, например, как Гиммлер) возродить язычество, или прислушаться к тому, что «говорят звезды» (Гесс), неизменно вызывали язвительные насмешки со стороны Гитлера. В подобных случаях, он, как и Сталин, был материалистом, последователем рационализма XIX века с его верой в прогресс науки, которая со временем разрушит все мифы и которая уже доказала абсурдность доктрин христианства. С другой стороны необходимость внедрения мифа о собственной персоне в массовое сознание требовала каких-то обоснований; поэтому подобно Наполеону, он часто говорил о Провидении, поскольку только рожденное высшей силой ощущение избранности могло послужить ему оправданием и прощанием. «У русских было право критиковать

своих попов, — сказал он однажды, — но критиковать Высшее начало они права не имели. Нет сомнения в том, что мы слабые создания и что Творческая сила существует».

Нанося удар по русскому крестьянству, Сталин покушался не только на имущество, но и на веру этих людей; защита веры была одним из главных аргументов того сопротивления, которое деревня, особенно в ее женской части, оказывала коллективизации. Только начав культивировать русский национализм, Сталин несколько смягчил свое враждебное отношение к Православной церкви. Политические мотивы заставляли Гитлера умерить свой антиклерикализм, избегая публичных выпадов в адрес церкви, несмотря на то, что Борман и другие лидеры стремились спровоцировать его на это. Но он обещал себе, что в свое время еще сведет счеты со священнослужителями как католической, так и протестантской церкви, и тогда сделает это без всяких угрызений совести.

Сталин и Гитлер были материалистами не только в смысле неприятия религии: оба были полностью лишены гуманности. Для каждого из них существовал только один человек — он сам. Все остальное человечество было орудием для достижения поставленной цели или препятствием, которое следовало устранить. Для обеих жизнь воплощалась в политике и власти, все остальное: отношения между людьми, чувства, знания, вера, искусство, история, науки — существовало лишь постольку, поскольку могло служить целям политики.

Примечательно в обоих этих людях была лишь роль, которую они себе присвоили. В частной жизни они были неинтересны и безлики. Роль каждого из них предполагала такое видение мира, которое несмотря на множество различий между этими политиками, было одинаково негуманно. В рамках этого видения мира было дозволено все: насильственно переселять народы, уничтожать классы, поработать или истреблять целые расы; жертвовать миллионами жизней в военное, да и в мирное время; подавлять индивидуальность мужчин и женщин громадами таких понятий как государство, народ, партия, армия; принудительно сгонять их в гигантские промышленные комплексы, колхозы, трудовые и концентрационные лагеря.

IV

Инструментом, при помощи которого оба политика пришли к власти, была партия: для Сталина — Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), для Гитлера — Национал социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП). Идеология этих партий, стоящие перед ними задачи были настолько различны, что конфронтация между ними носила открытый и непримиримый характер, однако

структура и функции этих партий имели много общего. Например, обе были полной противоположностью демократическим партиям, существующим для того, чтобы обеспечить открытое и конституционное состязание за право обладать властью; цель КПСС и НСДАП была иной — не допустить подобной конкуренции и добиться постоянной монополии на власть. Правомерность такой позиции обе партии обосновывали тем, что являются партиями нового типа с высокими требованиями, предъявляемыми к членам организации, обязанным соблюдать строжайшую дисциплину в выполнении приказов вышестоящих партийных руководителей.

Основные различия между этими партиями обусловлены различиями в историческом опыте. В отличие от нацистов большевики — до тех пор пока не пришли к власти в 1917 году — не были оппозиционной партией, они были организацией, находящейся на нелегальном положении. Концепция Ленина, заключавшаяся в том, что партия революционного авангарда подготавливает смену общественной формации, действуя через свои ячейки, пронизывающие все общество, берет начало в теориях русских народников XIX века. При этом Ленин исходил не только из ситуации, в которой находились большевики, вынужденные уйти в подполье, но и из убеждения, что революцию могут подготовить только профессиональные революционеры, она не должна быть результатом исторической эволюции или стихийных действий рабочего класса.

Одержав победу над противниками, КПСС стала партией, сформировавшей правительство страны, но по-прежнему, сохраняя верность ленинской традиции, оставалась партией авангарда, мобилизующей массы на поддержку своих начинаний, оторванной от народа: руководящая роль партии, ее политика никогда не зависела от мнения масс.

По-другому складывалась история нацистской партии, НСДАП никогда не была подпольной организацией благодаря политике «легальности», которой придерживался Гитлер, и всегда действовала открыто. В начале 30-х годов НСДАП стала массовой партией (к концу 1932 года ее численность составляла 800 000 человек), её нельзя было назвать партией далекой от народа, НСДАП получила на выборах такой высокий процент голосов, какого до сих пор не получала ни одна из немецких партий за всю историю Германии.

Разный исторический опыт сказался и на личном положении Гитлера и Сталина. Традиция коллективного руководства сохранялась в КПСС до 1934 года; создается впечатление, что Сталин не мог справиться с этой тенденцией. Главной причиной, побуждавшей сохранять принцип коллективного руководства, было предъявляемое большевикам обвинение в измене европейским социал-демократическим

традициям. Разрыв этот начался еще во времена Ленина, и меньшевики-эмигранты, равно как и лидеры социалистического движения на Западе, ставили его на вид большевикам.

Чем более, с началом насильственной коллективизации 30-х годов, курс КПСС отклонялся от политики социалистических партий Запада, чем яростнее становились атаки Коминтерна, в котором доминировали русские, на «социальных фашистов», тем выгоднее было Сталину создавать видимость преемственности марксистских традиций и подкреплять это витиеватыми фразами, обосновывающими его верность истинному учению. После 1934 года взаимоотношения Сталина с партией радикально изменились, но в начале 30-х годов «культ партии», проповедником которого он был, являлся лучшим ответом на обвинения в культе личности.

Поскольку у Гитлера не было предшественника, уже в 20-е годы он объявил об исключительности собственного положения в НСДАП и все последующие годы неизменно оставался фюрером нацистской партии. В НСДАП не существовало предварительных обсуждений тактики или политики, решения не принимались путем голосования, выносить их было прерогативой фюрера. Гитлер не прибегал к процедуре выборов, он сам занимался назначением и смещением должностных лиц, определял состав различных комиссий, полагаясь только на собственное мнение. Уничтожив Рема и Штрассера, он покончил с оппозицией. Партия существует для действий, а не для болтовни, с гордостью повторяли нацисты.

Гитлер и члены НСДАП не изменили своего отношения к партии, которую продолжали считать революционной. Тактика легальности отнюдь не означала преобразования партии в конституционную, она лишь открывала НСДАП возможность использовать демократические свободы, гарантируемые Веймарской конституцией, для свержения Веймарского режима. После того, как это произошло, Гитлеру предстояло решить, какой должна быть роль партии в условиях, когда власть в стране перешла в руки её лидеров.

В Советском Союзе решение подобного вопроса оказалось довольно простым: в стране было сформировано коммунистическое правительство. И на протяжении последующих семнадцати лет не только государственная администрация, но и экономика, национализированная промышленность, коллективизированное сельское хозяйство, а также вооруженные силы — все действовало в условиях прямой руководящей роли партии. Центральным органом власти был не Совет народных комиссаров (в дальнейшем переименованный в Совет министров), а Политбюро, члены которого, входя в Совнарком в качестве председателя, заместите-

ля председателя и народных комиссаров ведущих отраслей хозяйства, с неуклонностью обеспечивали проведение решений Политбюро в жизнь через систему государственного управления. Ничто не подтверждает с такой очевидностью власть партии, как тот факт, что самый могущественный человек в России не был ни главой государства, ни главой правительства, ни даже членом Совета народных комиссаров, но обладал практически неограниченной властью, занимая пост Генерального Секретаря и являясь членом Политбюро партии.

Одной из главных проблем России было отсутствие квалифицированных и опытных специалистов, способных управлять хозяйством страны. В первые годы коммунисты вынуждены были прибегать к услугам «буржуазных» и иностранных специалистов: первые остались со времен царизма, вторых — приглашали из-за рубежа; и тех и других подозревали во враждебном отношении к новому режиму. В 1928 году Сталин развернул кампанию против специалистов на производстве, но уже спустя три года стало ясно, что страна не может обойтись без них и контракты были возобновлены. В рядах партии были способные люди, но их всегда не хватало. Внутрпартийные чистки (со времен Гражданской войны до 1934 года их было четыре) были направлены против взяточников, бездельников и авантюристов, равно как и против «уклонистов» и «оппозиционеров». Колебания численности партии отражают процессы, в ней происходившие. В марте 1921 года в партии было зарегистрировано 730 000 человек (включая кандидатов в члены КПСС), в то время население страны достигало 120 млн. человек. В начале 1933 года численность партии возросла до 3,5 млн. членов, но к концу 1934 года в результате чисток сократилась до 2,35 млн., а в 1937 году — до 2 млн.; партия становилась организацией в большей степени элитарной, чем массовой. Сталинский лозунг «Кадры решают все» отразил первоочередную задачу, стоявшую в то время перед партией: набрать и подготовить молодое поколение партийцев в количестве, достаточном, чтобы заполнить пустоты, образовавшиеся в результате чисток.

Поскольку Гитлер заявил, что «завоевание власти — процесс, который никогда не кончается», члены НСДАП, особенно *Alte Kämpfer*, многое принесли в жертву в ходе борьбы, теперь, когда власть была завоевана, считали себя вправе ожидать, что все посты и льготы, которые связаны с деятельностью правительства в развитом государстве, достанутся им; по существу они стремились к тому, чего добились коммунисты в Советском Союзе. Радикально настроенные члены НСДАП хотели большего: Рем и Са — заменить рейхсвер народной армией; приверженцы корпоративного государства — покончить с зависимостью экономики от крупного капитала и банков (как это и было

зафиксировано некогда в программе партии); НСБО (Национал-социалистическая организация производственных ячеек) — восстановить равновесие между трудом и капиталом.

В течение короткого периода бурной весны 1933 года казалось, что все так и будет, но уже к июлю 1934 стало ясно, что это не произойдет никогда. Гитлеру нелегко было принять решение, но решившись, он действовал так жестоко и целенаправленно, уничтожая СА как самостоятельную организацию, что никаким сомнениям относительно того, что революция (или данная ее фаза) завершена места не было.

Эта акция была обусловлена серьезными политическими мотивами: Гитлеру нужны были гарантии, которые обеспечили бы ему пост канцлера после смерти Гинденбурга и главной из них была поддержка армии. Основной же причиной изменения политического курса было другое: Гитлер понял, что в партии нет достаточного количества людей, способных взять на себя ответственность за управление государством. Эта же проблема стояла перед Россией, с той существенной разницей, что в Германии сохранились в целости структуры профессиональной государственной службы, управления бизнесом и вооруженными силами, причем уровень их эффективности могли позавидовать многие страны. Рассмотрев открывавшуюся перспективу, Гитлер пришел к заключению, что попытка заменить эти структуры или перевести их в ведение его товарищей по партии, значительно уступавших в образованности, опыте и квалификации тем, кто уже трудился в этих областях, весьма осложнила бы решение тех задач, которые фюрер считал первоочередными: возрождение экономики и военной мощи Германии.

Характерно, что при этом Гитлер уклонился от ясного определения той роли, которую он отводит партии в будущем. Как всегда, он предпочел сохранить за собой право выбора и избежал окончательного решения; он, например, отказался прояснить характер взаимодействия партии и государственного аппарата, не дав внятного, удовлетворяющего обе стороны, объяснения относительно сфер действия и юрисдикции каждой из них.

Членам партии предоставлялось только косвенное участие в триумфах нового режима, для них по-прежнему была открыта возможность испытывать воодушевляющее чувство единства со своим фюрером; по-прежнему его речи зажигали слушателей на ежегодных партийных съездах. Миф Гитлера по-прежнему действовал безотказно, многие жили надеждами, рожденными намеками фюрера, вещавшего о великих задачах, которые им предстоит решать в будущем. Гаулейтеры наслаждались неограниченной властью на местах и, что не менее важно, своим правом раздавать должности во вверенных им местностях. Большая часть членов

партии была трудоустроена, но, за исключением немногочисленной партийной верхушки, на низовых уровнях чудовищно разбухшего государственного или партийного аппарата. Те из них, кто удостоился более высоких постов (ярким примером этой категории был Геринг), приобрели повадки министров и государственных деятелей. Остальным уже трудно было тешить себя иллюзиями, что они — та элита, из которой в дальнейшем образуется новый правящий класс. С июля 1934 года чисток в НСДАП не было, поэтому численность партии продолжала расти. К концу года в ней насчитывалось почти 2,5 млн. членов. Учитывая то обстоятельство, что население Германии было в два с лишним раза меньше, чем население СССР, можно считать нацистскую партию партий скорее массового, чем элитарного типа. После победы нацистов роль партии в основном оставалась той же: она состояла в воспитании и мобилизации масс на выполнение задач, провозглашенных Гитлером.

Разумеется, Гитлер никогда не отрекся бы от партии, которую создал и с помощью которой пришел к власти, однако его зависимость от партии кончилась. Помимо того, что он был главой партии, он стал главой государства, главой правительства, и что всего важнее — «фюрером германского рейха и германского народа». Так начался процесс, в ходе которого Германия из однопартийного государства превратилась в диктаторское.

Несмотря на то, что положение Коммунистической партии в период с 1933 по 1934 год было гораздо более устойчивым, первые же признаки того, что Сталин движется в аналогичном направлении — от олигархии к диктатуре — вызвали опасения у некоторых членов Политбюро и Центрального Комитета, членом так называемой «оппозиции». Разница между Германией и Россией в данном случае заключалась в том, что в Германии если и существовали отдельные члены партии, обвинявшие Гитлера в измене идеалам нацистского движения, то в целом партия и СА не оказывали сопротивления его курсу. В России же, независимо от того, существовала ли реальная оппозиция политике Сталина или нет, последний был убежден в её наличии и действовал теми же методами, какие применял Гитлер для расправы с СА, только в куда более широких масштабах.

Переход к диктаторскому правлению требовал создания организации, которая смогла бы стать послушным орудием в руках одного человека, беспрекословно выполняя его приказы, невзирая на законы и ограничения любого свойства. Ни НСДАП, ни КПСС не соответствовали этому назначению; помимо всего прочего Сталину в России нужно было во что бы то ни стало уничтожить все, что еще оставалось от партии, которую знал Ленин. Осуществить подобную миссию можно было лишь посредством тайной поли-

ции, при Гитлере в такой роли выступило СС, при Сталине — НКВД.

Советская тайная полиция — ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) — была создана по решению Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года. ЧК разместилась в здании на Лубянке, прежде принадлежавшем московской страховой компании. Это произошло спустя всего год после того, как Временное правительство ликвидировало ненавистную царскую охранку, хорошо известную лидерам большевистской партии, в ряды которой успешно внедрялись её агенты*. Ленин, не колеблясь, создал большевистский аналог этой организации. Он, прихотливый в восторг, читая о якобинском терроре в пору Великой Французской революции, еще в 1905 году предвидел повторение этого явления в России, причем считал его неизбежным. И Ленин, и Троцкий рассматривали террор как важнейший компонент революции. Первая казнь, выполненная без суда сотрудниками ЧК, имела место 24 февраля 1918 года; о масштабах деятельности этого учреждения в тот период, когда им руководил Дзержинский, говорилось выше.

Формально ЧК была упразднена в феврале 1922 года, на деле же эта секретная служба претерпела целый ряд трансформаций (ГПУ — НКВД — КГБ), не изменив своей сути. Поворотным пунктом в её истории стала коллективизация, сопровождавшаяся кампанией против кулачества. Аресты без санкции прокурора, казни без суда стали широко распространенной практикой; в геометрической прогрессии росло число узников так называемых трудовых лагерей, появившихся еще в 1918—1919 годах. Специальным постановлением от 7 апреля 1930 года лагеря, которых становилось все больше, были переданы в ведение ГУЛАГа (Главного управления лагерей). Во главе этой организации был поставлен Ягода — бывший помощник провизора в Нижнем Новгороде, поступивший на работу в ЧК во время Гражданской войны и знакомый Сталину еще по Царицину. В 1930 году, в год назначения Ягоды, число заключенных достигало 600 000 человек, в 1931—1932 годах — составило 2 млн., большая часть заключенных находилась в лагерях. Эти цифры утроились и даже возросли в четыре раза в 30-е годы, когда начались чистки и судебные процессы над врагами народа.

* Один из наиболее прославившихся агентов охранки Роман Малиновский стал главным доверенным лицом Ленина в России и ввел большевистских депутатов в Четвертую Думу. В 1908—1909 годах четверо из пяти членов петербургского городского комитета большевистской партии были агентами охранки. Постоянно циркулировавшие слухи о том, что Сталин был агентом охранки, не получили бесспорного подтверждения.

Задолго до прихода к власти Гитлер и другие лидеры нацизма прекрасно понимали, что дают насилие и террор. Придя к власти, нацисты начали кампанию террора против коммунистов и социал-демократов, особенно активно члены этих партий преследовались после пожара рейхстага. СА сполна использовали предоставленную им возможность арестовывать, избивать и даже пытаться тысячи людей, с которыми зачастую просто сводили счеты, накопленные в уличных схватках, происходивших в течение двух последних лет. К лету 1933 года Гитлер, обеспокоенный бесчинствами штурмовиков, запретил использовать СА в качестве вспомогательных подразделений полиции. Однако конституционные свободы, отмененные в 1933 году (в частности, запрет на арест без санкции прокурора), так и не были восстановлены.

Конфронтация с Ремом и СА летом 1934 года навела Гитлера на размышления о необходимости в элитарной военизированной организации, которая была бы более дисциплинирована и лучше обучена, чем СА, и, подобно НКВД, подотчетна только ему одному и беспрекословно выполняла бы все его приказы. Как массовые организации, ни партия, ни СА — не отвечали этим требованиям. Такой организацией стали для Гитлера СС — «охранные отряды», появившиеся в марте 1925 года в Мюнхене. Возникшие из небольшой группы личной охраны фюрера, его «штурмовой команды», они сохранили те же функции и назначение и пользовались особым покровительством Гитлера и других нацистских лидеров. Первоначально СС входили в состав СА, но под руководством честолюбивого Гимmlера, назначенного рейхсфюрером СС в январе 1929 года, стали быстро наращивать численность (к концу 1929 года она составляла 10 000 человек, а к весне 1933 года возросла до 50 000 человек); постепенно изменился и характер этой организации. Тактика Гимmlера была направлена на оболечение СС от СА. Если СА, в ряды которых набирали всех желающих, безработных и молодых представителей рабочего класса, в 1929—1930 годах тоже активно наращивали свою численность, то Гимmlер, во что бы то ни стало стремившийся к формированию элитарных подразделений, придерживался иного направления, с самого начала производился тщательный отбор кандидатов в «охранные отряды».

В апреле 1934 года Гимmlер и Гейдрих окончательно сосредоточили в своих руках руководство политической полицией (гестапо), а летом вооруженные отряды СС сыграли решающую роль в расправе с лидерами СА. В ознаменование заслуг Гимmlера СС были выделены из состава СА, получили статус самостоятельной организации с правом формирования вооруженных подразделений — «отрядов для поручений», положивших начало «Ваффен-СС» —

эсэсовским соединениям, образовавшим особый род германских войск во время войны. В ведение СС были переданы концентрационные лагеря, для охраны которых использовались караульные отряды — отряды «Мертвой головы».

Таким образом, в июле 1934 года произошли два важных события: СА утратили прежние позиции и с завершением политической революции были превращены в организацию ветеранов нацистского движения, не игравшую серьезной роли в структуре нового государства; в то же время началось преобразование СС в орган исполнительной власти нового государства — государства фюрера, которое намеревался создать Гитлер, в его преторианскую гвардию, независимую ни от государства, ни от партии и, в обход положений конституции и требований закона, подчиняющуюся только фюреру.

Маловероятно, что в 1934 году Гитлер предвидел, во что выльется эта идея. Однако стрелка компаса, безошибочно отражавшая устремление его воли к единоличной власти, обусловленной не формальным статусом Гитлера, а его провиденциальной миссией, с самого начала его карьеры указывала именно такое направление, как ранее указывала фюреру ориентиры на создание НСДАП. Если Гитлер и не предвидел, как далеко в этом направлении он пойдет, инстинкт подсказывал ему, что двигаться нужно именно в эту сторону. В середине 30-х годов активность СС характеризовалась следующими данными: на 10 000 заключенных трех главных концентрационных лагерей приходилось 4000 человек охраны; однако с началом войны она значительно возросла, достигнув пика в 1944 году, когда СС стали силой, по существу, альтернативной рейхсверу. Общая численность моторизованных и танковых дивизий СС (Ваффен-СС) достигла 910 000 человек, а три концентрационных лагеря, переданных под эгиду СС в 1937 году, выросли в целую рабовладельческую империю на оккупированном востоке Европы, по размерам и происходившим в ней ужасам вплотную уподобившуюся другой — той, которую Сталин и НКВД создали в России.

V

Наряду с разведкой и государственной безопасностью были и другие не менее важные области, контроль над которыми как Гитлер, так и Сталин стремились осуществлять единолично. По большей части эти области в рамках обоих режимов совпадали. Однако в подходе обоих диктаторов к экономике было существенное различие.

Как марксист Сталин, естественно, считал, что ключ ко всем прочим социальным и политическим проблемам принадлежит тому, кто управляет экономикой. Объявив себя верным последователем Ленина, Сталин одержал серьез-

ную победу над оппозицией в споре о НЭПе и настоял на прекращении политики компромиссов. Выступая как продолжатель дела Ленина, Сталин со свойственной ему энергией приступил к завершению национализации средств производства, распределения и обмена в сельском хозяйстве, в промышленности и торговле, поскольку считал это необходимым условием укрепления той власти, захват которой Ленин осуществил в 1917 году, но не довел до конца. Лидер огромной отсталой страны, он был убежден, что только в условиях плановой экономики осуществимо создание той материальной базы, которая позволит русскому народу покончить с вековой отсталостью.

Поскольку в глазах Сталина попытка добиться этого с помощью пятилетнего плана была единственным способом решения этой задачи, все было подчинено одному — успешному завершению намеченного любой ценой. Сосредоточение капиталовложений в отраслях, производящих не предметы потребления, но средства производства; подготовка управленческих кадров, а также квалифицированных трудовых ресурсов, призванных осуществить этот прорыв; повышение производительности труда — таковы были выдвинутые Сталиным первоочередные задачи.

То, что Сталин пытался осуществить в России, стало реальностью в Германии еще в прошлом веке, когда были заложены основы экономической и военной мощи этой страны, позволившей ей развязать Первую мировую войну. Поэтому задача, стоявшая перед Гитлером, была иной, ему предстояло восстановить военный и промышленный потенциал страны и экспансией на восток обеспечить будущее Германии, т. е. вернуться к империализму в его классическом направлении. Предварительное условие возрождения Германии заключалось в отмене ограничений Версальского договора, первоочередная задача — в перевооружении.

Гитлер обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что восстановление экономики и сокращение безработицы как ничто другое будет способствовать популярности нового режима. На одном из первых заседаний кабинета, сразу после избрания его канцлером, Гитлер настойчиво подчеркивал ту мысль, что экономическое возрождение отнюдь не самоцель возглавляемого им правительства, но лишь средство для решения более серьезной задачи — «возвращения народу Германии его способности снова держать оружие», именно эта задача и должна была лечь в основу того критерия, по которому следовало оценивать все меры, связанные с ликвидацией безработицы и увеличением рабочих мест.

Гитлер был уверен в реальности одновременного восстановления экономики страны и перевооружения ее армии. Конечный результат подтвердил правильность его точки зрения: экономика Германии была восстановлена, немецкая

армия — перевооружена. Вопрос о взаимосвязи этих процессов — то есть о значимости вклада процесса перевооружения в экономическое возрождение — можно, думается, оставить на усмотрение историков экономических отношений. Несомненно одно: экономику Гитлер рассматривал как средство к достижению цели. Именно в этом, а не в предпочтении капитализму, таилась причина подавления Гитлером антикапиталистических настроений нацистской партии. Он принял решение, которое носило прагматический характер: кратчайшим путем и к перевооружению, и к восстановлению экономики был путь сотрудничества с существующими экономическими структурами, а не погружение их в неуправляемое хаотическое состояние посредством крайних социально-политических экспериментов, которые могли вызвать сильное сопротивление в обществе. Однако, как и в случае с генералитетом, готовность Гитлера сотрудничать с промышленниками на первых этапах осуществления его программы вовсе не означала того, что он позволит представителям крупного финансового и промышленного капитала (таким, как Шахт) определять направление политики, рассчитанной на длительный период. Взаимоотношения Гитлера как с военными, так и с промышленниками на протяжении 30-х годов отнюдь не были неизменными, и вопрос о государственном контроле над экономикой в условиях гитлеровского «государства фюрера» получил совсем иное решение в 1936 году, когда по инициативе Гитлера был принят четырехлетний план экономического развития Германии.

1934 год стал своеобразным водоразделом в таких областях, как внешняя политика и оборона. Именно в этом году Сталин осознал реальность нацистской угрозы для Советского Союза. Таким был начальный этап дипломатических отношений между двумя общественными системами, определившими для всего мира лицо 40-х годов, которые после смерти Гитлера перешли в «холодную войну».

До 1934 года Сталин, который был слишком поглощен преобразованиями, начатыми внутри страны, мало интересовался внешней политикой. В 1928 году на VI конгрессе Коминтерна он смог добиться того, что был признан вождем международного коммунистического движения, но задачи этого движения рассматривал только с точки зрения интересов России. Конгресс постановил: «Суть международного коммунистического движения воплощается в подчинении частных и местных интересов решениям, принятым руководящими органами Коммунистического Интернационала, а также в неукоснительном выполнении всех этих решений».

На практике это вылилось в перенесение Исполнительного комитета Коминтерна в Москву, где его работой

первоначально руководил Молотов, а затем один из менее известных сотрудников Сталина Мануильский. Компартиям Германии, Франции, Италии и других стран Исполком спускал приказы, что по существу стало его единственной функцией, поскольку приказы не обсуждались; не случайно, после 1928 года не было проведено ни одного конгресса (лишь в 1935 году был собран VII конгресс, явившийся практически последним конгрессом Коммунистического Интернационала).

На VI конгрессе Коминтерна по настоянию Сталина была принята резолюция, предписывавшая коммунистам всего мира сосредоточить усилия на борьбе с социалистическими партиями, объявленными «особенно опасными врагами пролетариата, более опасными, чем явные противники грабительского империализма».

Эта резолюция имела большое значение для КПГ (Коммунистической партии Германии), уступавшей по численности только ВКП(б) и набравшей на выборах 1932 года более 5 млн. голосов. Если бы коммунисты объединились с социал-демократами, то в июле 1932 года, когда нацисты получили 13,7 голосов, блок КПГ и СДПГ был бы представлен 13,2 млн. голосов, а в ноябре того же года две эти партии сообща получили бы 13,2 млн. голосов, то есть на 5,5 млн. больше нежели нацисты, получившие только 11,7 млн. голосов. Однако, следуя линии, навязанной Сталиным, немецкие коммунисты сосредоточили усилия на борьбе с социал-демократами (которых в коминтерновском понимании считали «социал-фашистами»), причем КПГ зашла так далеко, что в 1932 году солидаризовавшись с нацистами, выступала против СДПГ во время стачки транспортных рабочих в Берлине.

Ошибочная позиция Сталина объясняется тем, что его (так же, как в 1917—1919 годах Ленина) привлекала иллюзорная перспектива участия дружеской коммунистической Германии, с ее индустриальными ресурсами и квалифицированной рабочей силой, в модернизации России. Упорствуя в своем заблуждении, продиктованном стремлением принимать желаемое за действительное, Сталин верил в то, что возрастающий успех нацистов будет способствовать радикализации народных масс Германии, заставив их объединиться под эгидой КПГ, что в конечном счете приведет к победе коммунистов в этой стране.

Большой удачей советской дипломатии было установление особых отношений с Веймарской Германией, ознаменовавшихся подписанием Рапалльского договора (1922 года), основой этих отношений стало общее для России и Германии положение отверженных государств, оказавшихся в оппозиции к Союзу общеевропейской безопасности, созданному державами-победительницами после 1918 года. В области внешней политики подписание Рапалльского

договора означало окончание дипломатической изоляции России и уменьшение угрозы агрессивных действий со стороны антибольшевистской коалиции капиталистических стран. В 1926 году в Берлине был подписан советско-германский договор о нейтралитете, который был возобновлен в 1931 году. В области экономики Германия стала важнейшим торговым партнером Советского Союза: на ее долю приходилась одна четверть общего объема импорта и экспорта страны. В области вооружений негласное сотрудничество между двумя странами открыло Германии возможность не только производить и испытывать различные типы вооружений, включая самолеты и танки (что было запрещено Версальским мирным договором), но также проводить учения на территории Советского Союза; при этом советская сторона получила выгодную возможность ознакомиться с передовой военной технологией и перенять опыт немецких военных.

Начало 30-х годов отмечено наибольшей активностью торгового и военного сотрудничества между этими странами. Сталин стремился, чтобы особые отношения с Германией развивались и дальше. Запрет КПГ не вызвал никакой реакции со стороны Сталина, он не только не высказал протеста, но напротив полномочные представители СССР (Литвинов, Крестинский, Молотов) в первые месяцы нацистского режима делали все возможное, чтобы заверить немецкую сторону в неизменности курса советской политики в отношении Германии и в желании советской стороны продлить берлинский договор о нейтралитете от 1926 года.

В январе 1934 года, выступая на XVII съезде ВКП(б), Сталин, начинавший осознавать возрастающую опасность войны, сказал:

«Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии, не помешал СССР установить улучшенные отношения с этой страной».

В тот день, когда произносилась эта речь, Гитлер заключил пакт о ненападении с Польшей — пакт, не только противоречивший традициям прусской дипломатии, но по существу направленный против СССР. Сталин так и не признал сделанную им ошибку, однако был вынужден, правда довольно неохотно, скоординировать внешнеполитический курс перед лицом несомненной угрозы, исходившей для Советского Союза как со стороны фашистской Германии, так и со стороны агрессивной Японии, оккупировавшей в 1931 году Маньчжурию. Стоит заметить, что отнюдь не заботы о Коминтерне, о деле мировой революции или планы опасных авантюр, подобных гитлеровскому путчу в Австрии, потерпевшему фиаско, являлись определяющими мотивами внешнеполитического курса Сталина; куда серьезнее

он был озабочен внутренними интересами России, ее экономическим развитием и необходимостью обеспечить стране мирное существование для осуществления намеченных планов. Он был вполне искренен, когда в том же докладе, сделанном в январе 1934 года, заявил: «Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами — тот всегда найдет у нас поддержку». И тут же посчитал нужным добавить: «А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы и впредь неподобно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород».

В области внешней политики и безопасности страны позиция Гитлера столь же сильно отличалась от позиции Сталина, как в области экономики. Разница заключалась в том, что именно для каждого из них было главным и первоочередным. Так, например, Гитлер считал экономику только средством к восстановлению военной мощи Германии. Для Сталина существовала другая иерархия приоритетов: главной для него была модернизация экономического и социального устройства России, вот почему в области внешней политики он руководствовался необходимостью обеспечить стране возможность мирного завершения своей «второй революции».

В 1933—1934 годах Гитлер был также озабочен проблемой обеспечения внешней безопасности Германии. Преследования евреев, социалистов, коммунистов; массовые аресты, концентрационные лагеря, сообщения о пытках; бойкот предпринимателей-евреев, ликвидация профсоюзов, сжигание книг — все это становилось известно за рубежом, впечатление от этих сообщений усиливалось рассказами очевидцев (50 000 человек попросили убежища в других европейских странах); провозглашенные нацистами фанатизм и национализм самого крайнего толка ввергли в шоковое состояние западные демократии, вызывая тревогу в общественных и политических кругах. Как Гитлер, так и рейхсвер со всей серьезностью относились к возможности военной интервенции со стороны Франции, которую непременно поддержала бы ее союзница Польша. Прошло всего 10 лет с момента оккупации Францией Рура, три года после того, как французы ввели войска в Рейнланд. Интервенция под предлогом контроля за соблюдением условий Версальского договора в 1933—1934 годах, — то есть раньше, чем могло быть заключено перевооружение Германии, — означала бы конец всем планам Гитлера.

В области внешней политики, как и в экономике, некоторые из членов партии настаивали на радикальных мерах: реорганизации консервативного германского МИДа и отставки министра иностранных дел фон Нейрата, не являвшегося членом НСДАП. Гитлер разрешил Розенбергу и Риббентропу создать параллельное партийное ведомство,

занимавшееся внешней политикой, однако германско-польский пакт о ненападении — самая удачная акция гитлеровской дипломатии за два года его власти — был заключен благодаря энергии и предприимчивости Геринга, еще одного дилетанта, вторгнувшегося в сферу дипломатии.

Опасность, какую таили в себе в первый критический период существования режима радикальные инициативы со всей очевидностью продемонстрировали события в Австрии, где нацисты предприняли неудавшуюся попытку свергнуть правительство Дольфуса. В конце 1934 года Германия оказалась в полной дипломатической изоляции. Значимость своевременно заключенного с Польшей пакта о ненападении была в ощутимой мере нейтрализована успехами Франции в Восточной Европе, где ей удалось восстановить союзнические отношения, создав в этой части континента Малую Антанту; отказ Германии участвовать в работе конференции по разоружению и ее выход из Лиги наций, столь сильно ободривший националистически настроенных немцев, были нивелированы событием такого масштаба, как вступление СССР в Лигу наций (сентябрь 1934 года), свидетелемствававшим об изменении политического курса России.

Сталин получил урок, из которого сделал выводы; Гитлер — тоже. В 1935 году был подписан договор о взаимопомощи между Францией и Россией; Коминтерн приступил к реализации политики Народного фронта, основной задачей которого было сплочение всех демократических сил в антифашистский блок, образованию которого коммунисты, следуя указаниям Сталина, до сих пор так успешно препятствовали. Однако в том же году были отменены положения Версальского договора, ограничившие права Германии на перевооружение, было подписано двухстороннее морское соглашение между Англией и Германией; таковы были результаты дипломатии Гитлера, искусно игравшего нежеланием западных демократических государств быть втянутыми в войну и их страхом перед коммунизмом.

На данном этапе Гитлер видел определенные преимущества в том, чтобы оставить фон Нейрата на посту министра иностранных дел и не производить никаких замен в традиционной структуре дипломатической службы; для специальных миссий он мог использовать Риббентропа и Геринга, а также отдел партийных организаций за рубежом, возглавляемый гаудейгером Бодем, который занимался объединением немецких этнических групп в других странах (немецкая диаспора насчитывала 27 млн. человек), то есть по существу выполнял те же функции, что и Коминтерн, под руководством Сталина объединявший и координировавший действия коммунистических партий. Спустя какое-то время отпала необходимость в той иллюзии респектабельности, которую создавал фон Нейрат для консервативных кругов

внутри страны и за рубежом; к тому времени Германия стала достаточно сильной, чтобы Гитлер смог показать свое истинное лицо и задавать тон в международной политике.

Более важными были для Гитлера его отношения с генералитетом. В конце 1934 года он не решился оспаривать позицию верхушки рейхсвера, традиционно не желавшего считаться ни с чьими мнениями, кроме собственных. Без поддержки армии было бы бессмысленно претендовать на пост канцлера после смерти Гинденбурга; не случайно в те дни Гитлер признавался: «Все мы прекрасно знаем, что, если бы в дни революции армия не встала на нашу сторону, сегодня мы не были бы там, где находимся». Позже Гитлер утверждал, что в первые годы своего правления избегал конфликта с армией, предвидя, что с введением всеобщей воинской повинности получит определенные преимущества и тогда сможет по-другому строить свои отношения с генералитетом:

«Я был уверен, что в итоге приток в вермахт широких народных масс, воодушевленных духом национал-социализма и возрастающей мощью национал-социалистического движения, позволит мне справиться с оппозицией, продолжающей существовать в армии, и особенно — ее офицерском корпусе».

Если это заявление соответствует действительности, то перед нами еще один пример проницательности фюрера: спустя четыре года обнаружилось разительное несоответствие офицерского корпуса, (насчитывавшего в 1933 году всего 4000 человек) текущим нуждам армии, численность которой выросла в четыре раза. После того, как списки офицерского корпуса пополнились 25 000 новых имен (в основном это были представители нового поколения более, нежели современники фон Рейхенау, склонные сочувствовать идеям нацистского движения) элитарный дух офицерства и традиционный для него консерватизм оказались размыты настолько, что офицерский корпус вряд ли смог бы сохранить автономность своего положения, если бы Гитлер решил вмешаться в дела вермахта. Симптоматично, что 16 марта 1935 года, делая историческое заявление о том, что Германия приступает к перевооружению и вводит всеобщую воинскую повинность, Гитлер не счел необходимым предварительно поставить в известность Верховное командование и Генеральный штаб армии о своем намерении довести численность армии до 12 корпусов и 36 дивизий в мирное время; это сообщение было для них полной неожиданностью.

Какое-то время Гитлер предполагал, что военные с энтузиазмом отнесутся к предоставленной им возможности перевооружения. Однако на встрече с представителями Генерального штаба летом 1941 года он, не без горечи, говорил об иллюзиях, утраченных за пять лет его канцлерства:

«Пока я не стал канцлером, я думал, что Генеральный штаб — это мастиф, которого нужно крепко держать за ошейник, так как он угрожает всем и каждому. Прошло время, и я понял, что Генеральный штаб — все что угодно, только не мастиф. Генералитет постоянно чинил препятствия лобому из действий, которое я считал необходимым... Мне все время приходилось использовать плеть и подгонять мастифа».

На исходе 1934 года «время использовать плеть» еще не пришло, но генералы, считавшие, что заключенная летом сделки с Гитлером надолго останется в силе, обманывали себя. Их должны были бы насторожить два обстоятельства. Во-первых, несмотря на сопротивление армейского командования, Гитлер пошел навстречу Герингу, выделив военно-воздушные силы в самостоятельный род войск с подчинением особому министерству. Во-вторых, произошло возвышение Гимmlера и превращение СС в самостоятельную вооруженную силу, подчиненную лично Гитлеру; таким образом у армии появился соперник, угрожающий ее господствующему положению несравненно сильнее нежели Рем и СА.

Той Красной армии, которую Сталин знал по Гражданской войне, уже не существовало. Бывшие офицеры царской армии, первоначально составлявшие три четверти ее численности (или 48 000 человек) постепенно исчезали и в 1930 году их число сократилось до 4 500, что составляло всего 10 % общей численности рабоче-крестьянской армии. К 1934 году 68 % офицеров и старших командиров Красной армии являлись членами Коммунистической партии. Численность регулярной армии достигла 562 000 человек: сильнейшей ее частью были кадровые военные, составлявшие от 10 до 60 % общей численности (особенно высок процент кадровых военных был в механизированных родах войск). Остальную часть вооруженных сил составляли лица, мобилизованные на двухгодичную действительную службу, которой предшествовала допризывная подготовка, тоже длившаяся два года. Граждане, призванные на срочную военную службу, как правило, отбывали ее в различных армейских округах в качестве солдат пехоты.

Армия перестала быть крестьянской, но в ней по-прежнему было много солдат, набранных из деревень, поэтому политическое воспитание (не менее 2 часов в день) занимало важное место наряду со строевой подготовкой. В годы коллективизации армия проходила испытание на политическую благонадежность. Только благодаря армии, которую Сталин и руководство партии использовали для подавления крестьянских восстаний и блокады Украины, они смогли удержаться у власти. Насколько известно, дисциплина в рядах вооруженных сил в то время оставалась на высоком уровне, серьезных проблем не возникало. Данные по чи-

сткам подтверждают это: в 1929 году в армии стали объектом чисток всего 3,5 % членов партии, тогда как в гражданских организациях этот показатель достиг 11,7 %. На 1933 год аналогичное соотношение составило — 4,3 % и 17 %.

Однако ни в каких обстоятельствах Красной армии не было ведомо положение, характерное для немецкой армии, знавшей вкус независимости и игравшей доминирующую роль в системе политической власти Германии. «Для того, чтобы исклЮчить превращение институтов государства в гнезда заговоров», как гласит декрет Троцкого, изданный в 1918 году, а также для того, чтобы организовать работу по политическому просвещению, была создана особая служба политических комиссаров. По существу это была сеть агентов, имевшихся во всех частях и подразделениях армии и подчинявшаяся только военному отделу Центрального Комитета партии.

В 20-е годы эта своеобразная форма двойного управления армией была модернизирована. Командир стал главным ответственным лицом в войсках, комиссар — его заместителем по политической части, однако комиссары по-прежнему были связаны с политическим руководством, не зависимым от военного командования, поэтому трения сохранились, с особенной остротой проявляясь на высших командных уровнях, где многие военачальники были ветеранами Гражданской войны. Однако не могло быть и речи о том, чтобы Сталин отменил институт политических комиссаров, более того, параллельно ему была введена еще одна форма контроля, осуществляемая органами ГПУ. Служба госбезопасности имела своих агентов на всех уровнях, не подчиняясь ни военному командованию, ни системе политических комиссаров, ее агенты строго следили за лояльностью тех и других.

Наиболее уязвимой стороной Красной армии была ее недостаточная оснащенность современной техникой и отсутствие технических знаний и навыков у рядового состава. Одним из главных аргументов в пользу осуществляемой Сталиным ударной программы индустриализации была необходимость создать оборонную промышленность, отвечающую стандартам современной технологии. В ходе первой пятилетки был заложен фундамент оборонной промышленности, и, по мере того, как Сталин начинал осознавать опасность, грозящую со стороны враждебно настроенных Германии и Японии, нуждам Красной армии стали придавать первоочередное значение. В ходе второй пятилетки (1933—1938 годы) темпы роста оборонной промышленности России в 2,5 раза превышали темпы развития всех остальных отраслей промышленности страны.

Сталин стремился к продолжению тесного военного сотрудничества между Россией и Германией, которое позволив Германии негласно осуществить перевооружение вер-

махта, приносило определенные выгоды и Красной армии. Вынужденный, хоть и крайне неохотно, согласиться на разрыв этих отношений, на котором настаивал Гитлер, Сталин, однако, постарался сделать все возможное, чтобы не отставать от Германии в наращивании военной мощи: в 1934 году численность русской армии была увеличена с 562 000 до 940 000, в 1935 году — до 1 300 000. Согласно перспективному плану к 1939 году армию предстояло полностью укомплектовать кадровыми военными. Бюджет сухопутных и военно-морских сил возрос с 1 млрд. 420 млн. рублей в 1933 году до 23 млрд. 200 млн. рублей в 1938 году, и к 1940 году вновь был увеличен более чем вдвое. Особое значение придавалось таким видам вооружений, как танки, артиллерия, самолеты. Большое внимание уделялось сырьевой самобеспеченности оборонной промышленности; за Уралом строились новые военные заводы.

Сталин всячески способствовал процветанию Красной армии, военно-морского флота и НКВД. Военным была повышена заработная плата, для них были введены различные льготы, в связи с чем значительно возросло количество желающих поступить в военные учебные заведения. При этом служба политработников и контроль со стороны НКВД обеспечивали достаточные гарантии от возникновения того корпоративного духа профессиональной военной среды, с которым вынужден был бороться Гитлер. В конце 1934 года любой беспристрастный наблюдатель пришел бы к выводу, что Сталин добился больших успехов в обеспечении контроля над вооруженными силами, чем Гитлер. И тем не менее, именно Сталин в 1937 году совершенно неожиданно вынес смертный приговор ряду ведущих армейских военачальников, которых обвинил в государственной измене; это было началом жесточайшей чистки в рядах командного и офицерского состава Красной армии. В 1938 году позиции Гитлера во взаимоотношениях с генералитетом были достаточно устойчивы, ему не пришлось прибегать к методам подобным тем, которые использовал Сталин; и лишь несколькими годами позже в июле 1944 года, после неудавшегося покушения на его жизнь (заговор генералов) он высказал сожаление о том, что не последовал в свое время примеру Сталина и не провел столь же безжалостных репрессий в командовании германской армии.

VI

Контроль над средствами массовой информации и над деятельностью различных групп и организаций — две другие жизненно важные сферы, обнаруживающие характерные черты общности между обоими режимами.

К концу 1934 года и Гитлер и Сталин широкообъявили, что итогом их деятельности стало достижение

единства нации. Любая оппозиция была лишена права на существование. И в России, и в Германии (как, впрочем, и во всяком обществе) правительство могло рассчитывать, с одной стороны, на аполитичность рядовых граждан, их склонность верить в него, на привычку к конформизму и послушанию, и на честолюбие, карьеризм, корыстную заинтересованность тех или других членов общества — с другой, стремясь добиться необходимого минимума согласия с его политикой. Ни один из режимов, однако, не доверял случайности и стихийности, пытаясь подавлять любые их проявления. Общим как для коммунистов, так и для нацистов было то, что любой человек, любая группа лиц, действовавших по собственной инициативе, непременно вызвали подозрения властей; первоочередной задачей обоих режимов было обеспечение непрерывной поддержки всех правительственных начинаний мобилизованными для этого массами. Ни в каком другом отношении обе эти системы так не походили одна на другую.

Естественно, что условия, в которых действовали первые и вторые, были совершенно разными. Нацисты имели дело с нацией, уровень образования и грамотности которой был достаточно высок; обращаясь к ней, они могли широко использовать радио, прессу, кино и театр. Руководимая Сталиным Коммунистическая партия должна была действовать среди населения, значительная часть которого была все еще неграмотна, уровень образования был очень низок; кроме того, возможности использовать средства массовой информации: газеты, радио и кино — были в этой стране весьма ограничены. Форсированный марш, которым Сталин выводил русский народ из состояния экономической и культурной отсталости к рубежам нового века, требовал массовых мероприятий, направленных на ликвидацию неграмотности, на просвещение миллионов крестьян, находившихся на очень низком уровне бытовой культуры; однако прежде, чем пропаганда новых веяний возымела свое действие, толпы деревенского люда хлынули в города. Необходимость всеобщего начального образования, повышение дисциплины и производительности труда — таковы были первоочередные задачи, которые ставила Коммунистическая партия. Эти задачи были решены в Германии еще в прошлом веке. Уровень образования немцев, их привычка к дисциплине в сфере общественных отношений и на производстве позволили Гитлеру и Геббельсу использовать для воздействия на массы самые современные технические средства.

Сталину пришлось столкнуться с озлобленностью крестьянства, вызванной жестокостью политики, которую он применял к самому многочисленному классу страны, классу, который впоследствии целой армией агитаторов и пропагандистов предстояло убедить в преимуществах советского

строю. Замечу для сравнения, что политический курс Гитлера, направленный на возрождение экономики и отмену условий Версальского договора, не мог не вызвать энтузиазма в самых различных слоях населения Германии.

У коммунистов были и некоторые преимущества. Россия являлась огромной страной, гораздо более отдаленной, нежели Германия, от остальных стран Европы. Связи России с основным направлением европейских политических и экономических традиций были исторически гораздо слабее, культурный слой в этой стране был значительно тоньше, представители интеллигенции, многочисленные по сравнению с остальным населением, к тому же не всегда единодушные в своем приятии ценностей западной культуры, в ходе революции и Гражданской войны были почти уничтожены. Эти географические и исторические особенности облегчили возможность изоляции России от внешнего мира, чем и воспользовалась советская пропаганда.

К этому следует добавить многовековую российскую бедность, недостаток ресурсов, малочисленность квалифицированных специалистов; все эти обстоятельства осложняли работу пропагандистов и ставили перед партией задачи, требующие срочного решения. Низкий уровень развития средств массовой информации заставлял руководство страны использовать методы устной агитации и пропаганды. Как правило, эту работу выполняли члены партии, которые своими призывами, своим личным примером воздействовали на людей, работавших на заводах, шахтах и в колхозах. В Германии, где уровень культурного и экономического развития был значительно выше, нацисты чаще использовали косвенные методы обработки сознания людей, разными способами маскируя пропагандистскую направленность той или иной акции. Учитывая эти многочисленные различия, представляется тем более знаменательным, что и тот и другой режим с одинаковым пристрастием следили за настроениями граждан, используя при этом очень схожие методы.

Как в России, так и в Германии существовал мощный аппарат, с помощью полиции и служб безопасности осуществлявший практику «принудительного убеждения». Эта методика с одинаковой силой действовала и на тех, кого арестовывали и отправляли в лагеря, и на тех, кто пока оставался на свободе. Надежда Мендельштам пишет о том, как во время репрессий в России никто не осмеливался упоминать имена тех, кто внезапно исчезал, и даже наедине с друзьями люди не решались говорить о том, что знают о существовании лагерей. Этот заговор молчания, в который оказывались включены все, и порожденный им всепроникающий страх разрушали доверие между людьми, способствовали появлению чувства неотвратимости происходящего и бессмысленности всякой борьбы.

В Германии, где режим поддерживали более широкие слои населения и где нацисты реже прибегали к арестам, принцип новой власти был таким же, как в коммунистической России: никто не имел права на инакомыслие, а те, кто на это решался, знали, чем они рискуют. В соответствии с декретом «О распространении преднамеренно клеветнических слухов» от 21 марта 1933 года («День Потсдама») за критику действий правительства предусматривалось тюремное заключение, а крайние её проявления карались каторжными работами.

Однако, ни одно общество (тем более — ни одно современное индустриальное общество) не может функционировать, коль скоро оно сплошь состоит из запуганных и трусливых людей. Если порядок опирается только на пассивную поддержку — этого недостаточно. После того, как принцип «обязательно, иначе...» становится хорошо знакомым каждому гражданину, в ход пускают все мыслимые ресурсы, призванные обеспечить добровольное согласие* людей, любыми средствами доводя до их сознания, что сотрудничество с властями делает возможным все: награды, различные льготы и перспективы — не только в служебной карьере, но также в области образования, социальной и культурной деятельности. Единственным условием было то, что право распределять все льготы и преимущества принадлежало партии либо государству, или осуществлялось под контролем партийно-правительственных инстанций и могло происходить только официальным путем. Так установилась возвратно-поступательная связь между террором, пропагандой и организованностью, причем Сталин в 30-е годы больше уповал на террор, а Гитлер — на пропаганду, и оба придавали большое значение организованности.

Нацисты, как ни одно другое политическое движение в истории, уделяли внимание психологическим факторам. Начиная с 20-х годов, когда проявилась необычайная одаренность Гитлера, в первой половине 30-х, когда магнетизм Гитлера сыграл немалую роль в успехах нацистской партии, да и в дальнейшем, когда нацисты пришли к власти, внимание к психологии оставалось характернейшей особенностью нацистского режима. На съезде партии в 1934 году, формулируя концепцию «тотальной пропаганды», Геббельс заявил:

«Среди различных видов искусства, с помощью которых оказывается воздействие на людей, первое место принадлежит пропаганде... Без нее невозможно выполнение грандиозных задач в век, когда действуют массы... Нет такой

области общественной жизни, которая бы не испытывала воздействия пропаганды».

К этому времени Гитлер и Геббельс уже явили беспрецедентное свидетельство использования возможностей радио в ходе выборов в марте 1933 года. Умело координируя работу службы новостей, проводя ежедневные пресс-конференции в возглавляемом им министерстве, издавая непрерывный поток директив и конкретизируя рекомендуемую к пропагандистскому использованию терминологию, Геббельс сумел распространить контроль от эфира к печатным средствам информации. Ненацистские газеты, например «Франкфуртер цайтунг», не были запрещены только потому, что их существование гарантировало некоторое разнообразие стиля, ибо угрюмая монотонность могла оттолкнуть читательскую аудиторию и тем самым сократить сферу воздействия пропаганды. Инструкции Геббельса, адресованные всем средствам массовой информации, сводились к формуле: «единая воля в разнообразном выражении».

В СССР, где партия руководила государством, аналогичные функции осуществлялись не министерством, а двумя из шести главных отделов Секретариата ЦК, работой которого, как Генеральный секретарь партии, руководил Сталин: отделом агитации и массовых мероприятий и отделом культуры и пропаганды. С легкой руки отца русского марксизма Плеханова (1856—1918) в Советском Союзе закрепилось различие между понятиями «пропаганда» и «агитация». Первое сводилось к «ознакомлению отдельных товарищей с несколькими идеями» и предполагало определенную интеллектуальную изощренность в приобщении к истинам марксизма-ленинизма; второе ограничивалось «изложением одной или нескольких идей, рассчитанным на народные массы», как правило путем простой аргументации и выдвижения лозунгов. В 1934—1935 годах в процессе реорганизации эти отделы были объединены в один — «Культпроп», который в дальнейшем снова распался на пять отделов: партийной пропаганды и агитации, печати и издательской деятельности, образования, культурно-просветительной работы, науки.

Однако составлять планы, издавать директивы, подготавливать материалы — лишь одна сторона дела, каким-то образом все это нужно было претворять в действия. Для этого существовало третье звено триады «террор-пропаганда-организованность». В обеих странах именно партия являлась силой, объединившей массы в различные организации. Партия контролировала деятельность таких организаций как профсоюзы, молодежные организации (Комсомол, «Гитлерюгенд»), спортивные, культурные и профессиональные объединения различного типа; непосредственно воздействовала на массы через систему своих первичных организаций.

* В России этот прием получил известность как принцип «добровольно — обязательно». См. Л. Л. Унгер. «Тоталитарная партия». Кембридж, 1974, стр. 31.

Именно в этом Гитлер видел роль нацистской партии после того, как она стала единственной партией в государстве. Отказав ей в праве управлять государством, он настойчиво твердил о том, что партия — это основа существования рейха. «Завоевание власти, — заявил он на съезде партии в 1935 году, — «это процесс, который не кончается никогда». Революции прошлого терпели поражение только потому, что их лидеры оказались неспособны понять, «что взять власть — это еще не все, главное — обучить людей». Под «обучением» подразумевалось внедрение в умы граждан Германии такой идеологии, которая объединила бы народ в одно целое. Отводя массовой нацистской партии такую роль в обществе, Гитлер оценивал её перспективную численность в 10 % от численности населения страны; стоит заметить, что НСДАП, в рядах которой к 1939 году состояло более 5 млн. человек, почти достигла этого уровня.

В конце 20-х годов нацисты начали внедряться и создавать новые организации, объединявшиеся по профессиональному принципу, к этому времени все независимые союзы и объединения оказались под контролем ВКП(б), или прекратили свое существование, за исключением православной церкви, которая выжила, но подверглась постоянным преследованиям. Наиболее важными из прочих массовых организаций были, с точки зрения обеих партий, молодежные и профсоюзные.

«Гитлерюгенд» возникла в 1926 году и была организацией, созданной нацистской партией. Под руководством Бальдура фон Шираха Союз гитлеровской молодежи к 1933 году поглотил все другие молодежные организации Германии. К концу 1934 года в рядах Союза было 3,5 млн. членов; к концу 1936 года принадлежность к этой организации стала обязательной для всех немцев мужского и женского пола с 10 до 18 лет. «Гитлерюгенд» стал составной частью государства фюрера; руководитель его подчинялся непосредственно фюреру, но финансировала деятельность Союза НСДАП.

Коммунистический союз молодежи (Комсомол) был создан в 1917 году в Петрограде, его первый съезд состоялся в 1918 году. Комсомол играл главную роль в ходе коллективизации, а также выполнении пятилетнего плана; многие руководители ударных бригад были комсомольцами. Численность комсомола возросла с 3 млн. в 1931 году до 4 млн. в 1936 году. Основной задачей комсомольцев был ударный труд; в дальнейшем к ней прибавилось воспитание молодежи в духе коммунистических идей; активность комсомола распространялась также на области культуры, спорта и различные виды общественной деятельности. К 1939 году в комсомоле насчитывалось уже 9 млн. членов. Организационная структура комсомола и пионерской организации (его филиала для подростков с 9 до 15 лет) повторяла структуру

партии, с тем же региональным и областным подчинением нижестоящих организаций. Хотя формально комсомол был самостоятельной организацией, партия осуществляла строжайший контроль над его деятельностью, рассматривая комсомол как школу подготовки новых партийных кадров.

Деятельность молодежных организаций в Германии и СССР следует рассматривать в общем контексте программы преобразований, предпринятых как коммунистами, так и нацистами в системе воспитания. Эта программа предусматривала реорганизацию школьной системы обучения и подготовки учителей, составление новых учебников, корректировку учебных планов с целью выделения часов для ознакомления с марксистско-ленинской (в Германии — расистской) интерпретацией истории, в СССР марксистской экономической теории, у нацистов — расистским биологическим учением. Проникновение нацизма в студенческую среду еще до 1933 года и готовность академических кругов принять новый порядок символизировали конец традиции критического мышления, которой славились университеты Германии. В Советском Союзе сложившаяся система высшего образования характеризовалась сознательным разрывом с традициями как русской, так и европейской школ образования.

Воспитательный эффект перечисленных преобразований усиливали всеобщая трудовая повинность и служба в рядах вооруженных сил, сопровождавшиеся принудительным политическим просвещением. Общая картина усилий, предпринятых как тем, так и другим режимом, позволяет понять, какое значение и коммунисты, и нацисты придавали завоеванию умов и сердец молодого поколения, воспитанию молодежи, лояльной по отношению к новой власти; с каким вниманием НСДАП и ВКП(б) относились к задаче «создания нового человека» (шаблон, общий для обеих партий), убеждения которого отличались бы враждебностью и нетерпимостью к любым иным взглядам и убеждениям.

В коммунистической России так же, как и в Германии, профсоюзы утратили свою первоначальную функцию, заключавшуюся в том, что, представляя интересы рабочих, эти организации добивались удовлетворения их требований о заработной плате и улучшений условий труда. Хотя в России эти организации сохранили свое название, их основной задачей стала организационная деятельность среди рабочих (особенно — выходцев из деревни; профсоюзные деятели следили за тем, чтобы рабочие выполняли приказы начальства, не нарушали трудовую дисциплину, боролись за повышение производительности труда; кроме того, через профсоюзы распределялись различные льготы. Немецкие профсоюзы, издавна являвшиеся одним из главных объектов враждебности правых партий и НСДАП, были распущены и их имущество передано Немецкому трудовому

фронту — организации, которая к 1934 году окончательно рассталась со своими амбициями и после серии чисток отказалась влиять на развитие экономической и социальной политики. И в Германии, и в Советской России были вновь введены «трудовые книжки», что означало возвращение к контролю над миграцией рабочей силы, заменившему систему свободного коллективного договора. В качестве компенсации Немецкий трудовой фронт получил право отстаивать высокий статус физического труда («Труд облагораживает») и бороться за возвращение «соблазненного марксистами» рабочего класса в лоно «народного единства», в основе которого лежала не классовая солидарность, а единение нации.

Работодателей, равно как и рабочих, в обязательном порядке вынуждали стать членами этой гигантской организации, объединившей 25 млн. «солдат труда» — иными словами практически половину населения Германии. Численность Трудового фронта намного превосходила численность партии, эта организация располагала большими финансовыми возможностями, чем НСДАП, однако считалась вспомогательной по отношению к партии. Программа Трудового фронта была направлена на ликвидацию различий между классами; в круг её забот входила и организация досуга рабочих (в СССР в 30-х годах проблемы досуга попросту не существовало). Рабочим предоставлялись дополнительные льготы, такие как субсидии для проведения отпуска, сборные домики; в 1938 году 10 млн. или две трети рабочих страны приняли участие в кампании по проведению отпусков, получившей название «Сила через радость». Программа Трудового фронта предусматривала также организацию многочисленных культурных и спортивных развлечений для народа.

Сталин и Гитлер сознавали несомненную значимость выступлений деятелей литературы и искусства в поддержку их режимов. Оба диктатора также понимали, что эффект подобных выступлений будет сильнее, коль скоро люди искусства будут объединены в соответствующие организации, якобы действующие на основе принципа добровольного участия. В мае 1933 года на заседании директоров театров Геббельс говорил о том, что в соответствии с требованиями нового режима «все события культурной жизни должны быть связаны с осознанной политико-идеологической пропагандой», а все, что связано с «еврейско-либеральным направлением, которому деятели культуры следовали во времена Веймара, должно быть вырвано с корнем». Под председательством Геббельса был учрежден Совет рейха по культуре, в состав которого входили Советы по литературе, театру, музыке, изобразительному искусству, кино, печати и радиовещанию.

Те, кто отличался повышенным честолюбием, оппорту-

нисты и посредственности поспешили предложить свои услуги и привести собственное творчество в соответствие с пожеланиями новых хозяев. Всем, кто занимался тем или иным видом творческой деятельности, включая издателей, изобретателей и представителей обслуживающих профессий, предлагалось обзавестись членством в соответствующем Совете. Те, кто отказывался или был исключен из регистрационных списков Совета, не имели права продавать и демонстрировать свои произведения, им вообще запрещалось заниматься тем, что они избрали своей профессией. Председателем Совета по музыке стал Рихард Штраус; однако творчество многих немецких художников, музыкантов, писателей, ученых, чьи имена составляли славу Германии и культуры XX века, подверглось запрету, а сами они оказались перед необходимостью покинуть родину — потеря, оказавшаяся для Германии невозвратимой.

В начале века и в первые десять лет после революции Россия также пережила вспышку удивительной творческой активности в области литературы и других искусств.* Но к середине 30-х годов большинство из тех, кто был знаменит в то время, либо умерли (а некоторые, как Маяковский, покончили жизнь самоубийством), либо оказались в эмиграции; некоторые перестали творить. В течение короткого периода в конце 20-х годов, приступая ко «второй революции», Сталин начал поощрять «культурную революцию»: большая свобода была предоставлена представителям молодого поколения, комсомольцам, членам РАПП (Революционной ассоциации пролетарских писателей), которых Бухарин назвал «жертвами революционного авангардизма». Их активность позволила Сталину утверждать, что «революция сверху» — не что иное, как реакция на воинственный призыв низов. Однако уже в начале 30-х годов он вмешался в процесс культурной революции, стремясь привести интеллектуальную и культурную активность в стране в соответствие с линией партии, которую все в большей степени определял он сам.

В декабре 1930 года Сталин появился в Институте красной профессуры и, обращаясь к советским философам, заявил, что пора «сгрести и вычистить весь навоз, накопившийся в вопросах философии и науки» и в особенности так называемый «меньшевистский идеализм». Основным органом философской науки стал журнал «Большевик», курируемый ЦК; был определен новый курс советской философии — «разработка материалистической диалектики на основе работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»; таким образом Сталин наконец получил признание как теоретик.

* Это время отмечено такими именами, как Блок, Шагал, Дягилев, Наум Габо, Кайдинский, Малевич, Маяковский, Мейерхольд, Пастернак, Прокофьев, Скрябин, Станиславский, Стравинский.

В свете того, сколь серьезно Сталин относился к своим занятиям философией, небезинтересен следующий факт: с 1925 по 1928 год в самый разгар борьбы с левой оппозицией, дважды в неделю Сталин приглашал к себе для занятий философа Яна Стэна, заместителя директора Института Маркса-Энгельса. Сталин хотел глубже знать диалектику, философию Гегеля и Канта отправную точку учения Маркса. Стэн был глубоко удручен не только взглядами Сталина на философию, но и его отношением к политике и тем впечатлением о честолюбивых замыслах Сталина, которое он вынес из их бесед. Упреки в «меньшевистствующем идеализме», которые выдвигал его тогдашний ученик, адресовались школе А. М. Деборина (1881—1963), к которой принадлежал и Стэн. В 1937 году по прямому приказу Сталина Стэн был арестован и казнен в Лефортовской тюрьме 19 июня того же года.

В октябре 1931 года наступила очередь историков: они удостоились выговора от Сталина. Его замечания были изложены в статье (на этот раз не анонимной) в журнале «Большевик» и в теоретическом журнале историков «Пролетарская революция». Сталин обвинил историков в мнимой объективности и «гнилом либерализме». Только архивные крысы могли не понять, что оценку партиям и вождям следует давать, исходя из дел, выполненных ими, а не из произнесенных деклараций». Сталин призывал историков «поставить изучение истории партии на рельсы большевистской науки и усилить бдительность по отношению к Троцкому и другим фальсификаторам истории нашей партии, систематически срывая с них маски». Коммунистическая академия была напугана этой статьей вождя, все её институты и отраслевые журналы, начиная с экономики и права и кончая техническими науками, (не исключая конечно исторических дисциплин) включились в борьбу с «троцкистско-меньшевистскими взглядами», очищая вверенные им отрасли от любых проявлений этой ереси. Выступая перед слушателями Красной профессуры, Каганович в недопускающем возмущении тоне, объявил о том, что статью Сталина нужно воспринимать как директиву, следуя которой советская интеллигенция всеми силами должна способствовать распространению идей марксизма-ленинизма среди членов партии нового поколения, комсомольцев, и в то же время со всей отчетливостью осознать, что партия — отнюдь не средоточие разных течений, как ошибочно полагал Радек, но «монопольный поток», сметающий все преграды на своем пути.

Прежде всего историкам следовало избавиться от «гнусных клеветников», которые пренебрегали ролью Сталина в истории партии и «безмерно преувеличивали» роль Троцкого в 1917 году и позже. Большинство ученых-историков, целиком зависевших от партии, обеспечивающей их работой, привилегиями, квартирами, ринулись, обгоняя друг

друга, исполнять волю Сталина; аналогичную картину можно было наблюдать и в других странах, таких, как Китай, где так же устанавливался тоталитарный режим.

Обоим, Сталину и Гитлеру, было свойственно враждебное отношение к любым видам экспериментирования, особенно в области модернистского искусства, и к «прогрессивным» идеям в области образования, семьи, юриспруденции, пышным цветом расцветавшим в 20-е годы в России и в Германии. Если Гитлер проклинал «культур-большевизм», то Сталин ополчался на «формализм» и «буржуазный индивидуализм». Если Гитлер считал модернизм течением, «инспирированным евреями», то Сталин говорил о растлевающем влиянии «продажного мира капитала». К 1934 году каждый пришел к необходимости введения не только политической, но и интеллектуальной и эстетической цензуры. Борман как будто выражал взгляды обоих вождей, когда писал: «Культурная работа — это работа политическая, ... а не уход от политики, это претворение политических задач через практическое руководство этой сферой, которая имеет непосредственное и глубокое влияние на людей».

Сталин, придавая большое значение «работе» с современными писателями, старался сфокусировать их творчество в направлении, высвечивающем те или иные преимущества советской власти; он превратил в большую пропагандистскую кампанию возвращение на родину крупнейшего русского писателя социалистической ориентации Максима Горького, которого он смог убедить вернуться в Советский Союз из итальянской эмиграции. В 1932 году Сталин присутствовал на заседаниях комиссии, созданной ЦК для подготовки декрета «О перестройке литературно-художественных организаций». В 1934 году он поддержал провозглашенный Горьким принцип «социалистического реализма». Этот принцип заключался в «использовании изобразительных средств XIX века в литературе, драматургии и других видах творчества для отображения характеров советских людей («положительный герой») и безоблачного счастливого будущего («положительный конец»). Созданные в соответствии с декретом Союз советских писателей и Союз композиторов призваны были следить за тем, чтобы творчество их членов соответствовало задачам, которые ставила партия.

Однако Сталин отнюдь не считал контроль, осуществляемый этими организациями достаточным; он по-прежнему лично следил за процессами, происходящими во всех областях культуры, выделяя лучшие книги, пьесы, оперы и даже научные теории, он же выносил порицание произведениям, казавшимся ему плохими. Хорошо известна его гневная реакция на яркое произведение двадцатидевятилетнего Шостаковича — оперу «Леди Макбет Мценского уезда». В «Правде» появилась заметка без подписи, озаглавленная

«Сумбур вместо музыки». В ней говорилось о том, что музыка этой оперы — сплошная какофония и извращенчество, образчик «левацкой деформации», которой отмечены многие произведения в области новейшей музыки и других искусств. Опера была тут же снята с репертуара театров (Шостакович больше не написал ни одной оперы), были проведены многочисленные партийные собрания, на которых осуждались ошибки Шостаковича, его пример должен был послужить предостережением для других.

Сталин требовал от искусства, чтобы его произведения запечатлевали не реально существующую советскую действительность, но ту действительность, которая представляла ему в воображении, или ту, которая, как ему казалось должна существовать. Он нуждался в этом не только из соображений политического характера, скорее дело было во внутренней потребности, продиктованной инстинктивным желанием сократить разрыв между мечтой и реальностью. Те писатели и художники, кто в своем творчестве с успехом руководствовался «генеральной линией», воспевая самые головокружительные достижения Советской власти во всех областях жизни страны, очень скоро заметили, что возможность удостоиться премий и наград возрастает в геометрической прогрессии, когда они воздают должное поистине исторической роли Великого Вождя, ведущего благодарный советский народ к Земле обетованной.

Контроль над литературой и другими видами искусства Гитлер поручил Геббельсу, а также Совету рейха по культуре. Личное вмешательство фюрера осуществлял только в те области, в которых считал себя знатоком — изобразительное искусство и архитектуру. Подобно Сталину, он предпочитал традиционные стили периода 1880—1924 годов, ненавидел все виды современного искусства, в которых опять-таки подобно Сталину, усматривал явное доказательство слабости духа и упадка западного мира. Отбор картин для экспозиции в стенах мюнхенского Дворца германского искусства (первый камень в фундамент Дворца он заложил в 1933 году, открытие было намечено на 1937 год) привел фюрера в такую ярость, что вначале он пригрозил отменить церемонию открытия, затем передумал и поручил своему фотографу Хоффману составить новую экспозицию. Но даже Хоффману не удалось убедить Гитлера отвести хотя бы один зал для работ, выполненных в более современном стиле. Вместо этого Гитлер организовал другую выставку под названием «Упадочное искусство», на которой были представлены 730 полотен таких мастеров, как Нольде, Грош, Клее, Пикассо, Матисс, Ван Гог и Сезанн. В Мюнхене и других городах, где ее экспонировали с июля по ноябрь 1937 года, ее посетили два миллиона человек. Это был самый большой успех в истории. Некоторые боялись упустить последнюю возможность посмотреть любимые вещи;

были и такие, кто приходил поглазеть и посмеяться, разделяя взгляды Гитлера и нацистов на современное искусство как на отталкивающее, угрожающее, искажающее реальность. Когда Гитлер выбрасывал из картинных галерей Германии произведения модернистов, которые сейчас считаются шедеврами одного из великих периодов европейского искусства на основании закона 1938 года «Об изъятии образцов декадентского искусства», он мог не кривя душой сказать, что он предоставил всем желающим возможность самим убедиться в том, что это за искусство.

И в России, и в Германии партия осуществляла связь с массами через сеть своих первичных организаций. В основу организационной структуры ВКП(б) был положен территориально-производственный принцип, это означало, что члены партии объединялись по месту работы или службы (завод, учреждение, армейское подразделение); члены НСДАП объединялись по месту жительства. ВКП(б) продолжала традиции своей предреволюционной деятельности, когда большевики предпочитали поддерживать контакты с единомышленниками, прямо на рабочих местах, т. к. это был лучший способ скрыть нелегальную работу партии. В 30-е годы структура партии отразила зависимость ее численности от повышения производительности труда, являвшейся первоочередной задачей ВКП(б); увеличивалось и число первичных организаций (в 1927 году их было 39 000, а спустя 10 лет — 102 500). На крупных промышленных предприятиях и в государственных учреждениях партийные организации были разбиты на множество подразделений, так как первичные ячейки могли объединять небольшое число людей.

«Каждый большевик — агитатор» — таким был один из первых лозунгов партии, которому она и в дальнейшем придавала огромное значение. Рядовые члены партии, комсомольцы и беспартийные активисты образовывали целую армию агитаторов, работавших в первичных организациях. Этих людей выбирали по их способности убедить аудиторию не только словом, но и личным примером; соответственно такой человек должен был «хорошо разбираться в производстве» — иными словами справляться с плановыми заданиями и, разумеется, хорошо знать текущую линию партии, заметим, что именно такими были требования, предъявляемые к мастерам, начальникам цехов и т. п. Агитатор должен был хорошо знать всех членов своей ячейки, быть в курсе их нужд, проблем их личной жизни, равно как и их трудовых будней на заводе или в колхозе. Очень долго такой способ воздействия на каждого гражданина оставался наиболее эффективным, открывая партии возможности быть поистине вездесущей.

Нацистская партия, являясь массовой организацией, насчитывавшей в своих рядах миллионы, придавала такое же

значение индивидуальной пропагандистской деятельности, как ВКП(б). Члены НСДАП знали, что их долг «всегда и везде считать себя посланниками, несущими слово фюрера». Личное общение как канал пропагандистского воздействия оказывало на людей такое влияние, которого трудно было добиться с помощью средств массовой информации; оно было гораздо эффективнее, так как личное мнение другого человека действует на слушателя сильнее, чем повторение официальных лозунгов. Членов партии инструктировали, что они не должны отмалчиваться, когда в их присутствии высказываются взгляды, критикующие нацизм, или излагается информация, порочащая режим; им надлежало опровергнуть клевету, а о содержании подобных бесед сообщать в соответствующие органы. Доносительство destructively действовало на взаимоотношения людей, что прекрасно сознавало руководство секретных служб, которое, нанимая осведомителей, стремилось не только к получению необходимой информации, но и к нагнетению атмосферы общего недоверия. Многие очевидцы свидетельствуют, что доносительство стало подлинным национальным пороком в Советском Союзе, одни становились осведомителями, желая отомстить тем, кому завидовали или не любили, другие — чтобы заполучить чью-то квартиру или рабочее место.

Поскольку нацисты не были так, как русские, озабочены повышением производительности труда, в основу структуры их организации был положен «блок жилых домов» с 40—50 проживающими в нем семьями; возглавлял это объединение «блок-лидер», который должен был знать лично каждого, кто входит в его организацию. В его обязанности входило регулярное посещение каждого семейства; он следил за тем, чтобы все знали о лозунгах и требованиях властей, посещали партийные собрания, принимали участие в проводимых партией мероприятиях. Такой человек был не только плетью партии, подгоняющей стадо, он был и сторожевым псом, бдительно стерегущим каждого подопечного, и коль скоро он подозревал что-то неладное, ему надлежало тут же сообщить об этом вышестоящим руководителям. После гестаповцев блок-лидеры были самыми непопулярными в любом окружении людьми: и те, и другие держали население в постоянном страхе — в чем собственно и состояло их основное назначение.

VII

Идеология (в широком смысле слова — система взглядов и убеждений) есть у каждой политической партии, независимо от того, признает это партия или нет. Однако идеология режимов, созданных Сталиным и Гитлером, носила специфический характер; это была система взглядов,

принять и разделить которую обязан был каждый гражданин страны; любое отступление от провозглашенных истин считалось тяжким преступлением.

Несопоставимость идей нацизма и коммунизма, их абсолютная противоположность была ясна любому стороннику той или иной из названных идеологий, более того, всякий, кто считал себя нацистом, был антимарксистом, и наоборот, быть коммунистом — значило быть антифашистом. Компромисс был невозможен. Однако для беспристрастного наблюдателя даже в то время (и уж наверняка — в наши дни) функциональное сходство между двумя этими системами была так же принципиальна и очевидна, как их содержательная несопоставимость.

Эту точку зрения развивал Жорж Сорель, автор книги «Размышления о насилии», вышедшей в 1908 году (с которой были хорошо знакомы как Ленин, так и Муссолини, оба безмерно восхищавшие автора), где он изложил свою концепцию «социального мифа». По мысли Сореля, «социальный миф» — не заранее продуманный план действий, не научное предвидение или утопический проект, но идея-озарение, которая может воодушевить массы, побудить их действовать. Наиболее известный из приводимых им примеров — пример всеобщей забастовки; маловероятно, считает Сорель, что такая забастовка вообще могла бы произойти, если бы не идея о ней. Важна именно идея, она так сильно действует на рабочих, что убеждает их, что они способны действовать сообща: «Конечная цель — ничто, движение — все».

Между идеологиями нацизма и коммунизма, без сомнения можно провести параллель, рассматривая их в функциональном плане, а не в содержательном. «Раса», «класс», «буржуазия», «евреи» — понятия, которые трудно рассматривать как социальные категории, скорее это некие символы, вызывавшие реакцию масс, положительную в одних случаях (как например, «народ», «пролетариат»), или резко отрицательную в других («капиталисты», «кулаки»). Во время беспорядков (коллективизация в России), или периодов социальной нестабильности (возобновление кризиса в пору Великой Депрессии в Германии) потенциальные возможности этих символов бывали очень велики, в них фокусировались страхи и ненависть населения. И Гитлеру, и Сталину история виделась борьбой, для первого это была борьба между расами, борьба с евреями, принимавшими то обличье капиталистов, то коммунистов; для второго — борьбой между классами, между революцией с одной стороны, и врагами советской власти, с другой, с «агентами иностранных держав», с империалистами, которые стремились покончить с завоеваниями социализма и реставрировать прежний общественный порядок.

Все революционные движения нуждаются в оправдании

тех действий, которые они предпринимают во имя изменения существующего положения вещей. Кроме того, в случае удачного завершения революции, они нуждаются в легитимизации власти, пришедшей на смену прежней с традиционным для нее типом правительства. Для обслуживания именно этих запросов любого революционного движения и существует идеология. И не столь принципиально, что Гитлер находил естественным использовать терминологию личного характера, заявляя, что в качестве фюрера он призван защищать чистоту арийской расы и спасти европейскую цивилизацию от большевизма; Сталин в свою очередь провозглашал: «Партия», «Революция» (на самом деле и под тем и под другим подразумевая самого себя), и призывал к их защите от классовых врагов, фашистов и агрессоров всего мира.

Другая важная функция идеологии — мобилизующая: в 1932 году, когда НСДАП участвовала в пяти предвыборных кампаниях, ее члены должны были добиться максимального количества голосов избирателей; члены ВКП(б) в ударном темпе провели коллективизацию и выполнить пятилетний план в четыре года. При этом оба лидера взывали к национальным чувствам своих народов, Гитлер — муссируя раздраженность, вызванную неутешительным исходом проигранной войны и унижительными условиями Версальского договора; Сталин — выдвигая лозунг «построения социализма в одной стране», которая, несмотря на отсталость, непременно одержит верх над капиталистическими державами, и народ которой, в случае войны или вражеского вторжения, обязательно встанет на защиту отечества (что и произошло, несмотря на все, происходившее в эти годы).

В идеологии германского нацизма, как и в идеологии Коммунистической партии Советского Союза отчетливо различимы два плана. Общепринятыми и официально признанными были такие элементы нацизма, как консерватизм и национализм; радикальные же настроения и дух расизма (из которых впрочем не делали секрета) были распространены только в среде партийного руководства и ветеранов движения. Советский Союз декларировал в масштабах партии и страны (да и всего мира) идеологию марксизма-ленинизма; но у нее был и второй план — сталинизм, о котором никогда не говорилось открыто. Соотношение между тем и другим планом в каждом случае было различным, но для сравнения режимов оно приобретает немалое значение.

Совершенно ясно, что Гитлер смог получить массовую поддержку на выборах и стать членом коалиционного кабинета правых партий постольку, поскольку его считали представителем националистических кругов консервативного толка, враждебно настроенных к Веймарской республике и Версальскому договору. Это впечатление подкреплялось

призывами Гитлера к единению нации, к примату национального над классовым в политике, его антимарксистскими убеждениями, его ненавистью к модернизму, его приверженностью к авторитарным ценностям, таким, как воля, дисциплина, порядок, чиновничество — ко всему тому, на чем в прошлом зиждилось величие Германии.

От других партий правого крыла нацизм отличался двумя особенностями. Первая заключалась в том, что в мировоззрении нацистов реакционность в политическом и культурном плане сочеталась с восторженным отношением к техническому прогрессу. Опыт войны показал молодому поколению немцев, что техника «не бездушна и безлична» что она может быть включена в разряд романтизированных иррациональных ценностей, которые были им дороги. Гитлер с восторгом относился к техническому прогрессу, в нем он видел олицетворение «арийской воли». Символом культуры «третьего рейха» стал автобан, и Геббельс, выступая на открытии Берлинской автомобильной выставки 1939 года так определил этот аспект идеологии нацизма:

«Мы живем в век металла и романтики. Если буржуазия видит в технике чуждое и враждебное начало, то национал-социализм смог постичь, как наполнить бездушный каркас техники ритмом и горячими импульсами нашего времени».

Отличался нацизм и еще одной особенностью, привлекавшей рядовых немцев — необычностью политического стиля. Нацисты были лишены снобизма и напыщенности, характерных для предвоенной Германии, они всегда были готовы к общению с людьми и, добиваясь их расположения, охотно пользовались различными приемами и новинками техники.

Представители старшего поколения «получивших образование и имеющих собственность» со сдержанным отвращением относились к этой стороне нацизма, считая популистские приемы нацистов средством привлечь избирателей. Даже после шокового периода «унификации» они все еще тешили себя иллюзиями, что расправа Гитлера с СА и его отказ поддержать радикальные требования некоторых членов партии означают, что, говоря об окончании революционной фазы национал-социалистического движения, фюрер вполне искренен. Но они ошибались. Не только стремление получить максимальное количество голосов избирателей определяло стиль нацистской политики — он был выражением тех радикальных настроений, которые существовали в рядах движения и не находили выхода в социальной и экономической сферах.

Тем не менее, национал-консерваторы, голосовавшие за Гитлера, не были разочарованы. В апреле 1939 года он подвел итог своим обещаниям и свершениям: расправился с демократией и восстановил авторитарную власть, покончил с безработицей и возродил экономику страны, возвра-

тил Германии «провинции, украденные у нас в 1919 году», ему же принадлежала заслуга «восстановления тысячелетней исторической общности германского жизненного пространства», последнего он добился, аннексировав Австрию и оккупировав Чехословакию. Все это ощутило приблизило Германию к реализации той «национальной» программы, которая казалась неосуществимой еще в 1933—1934 годах и нашла легко объяснимую поддержку большей части населения рейха.

Хотя в 1939 году Германия вступила в войну отнюдь не с тем энтузиазмом, который так порастил Гитлера в 1914 году, серия быстрых и легких побед 1939—1940 годов положила начало периоду национального подъема и триумфа, какого не знала история страны. Мечты националистов о Великой Германии сбылись: Европа была во власти рейха, Франция потерпела поражение, Британия была уничтожена и изолирована, Россия нейтрализована. Возникает вопрос, почему, добившись такого успеха, Гитлер не захотел или не смог остановиться. Для того, чтобы ответить на этот вопрос необходимо дать некоторые предварительные разъяснения, проливающие свет на истоки идеологии нацизма, восходящие к 30-м годам.

В «Майн кампф», написанной в 20-е годы, Гитлер изложил основы своего расистского мировоззрения; они явились его личным вкладом в идеологию нацизма, продемонстрировав отличия от других форм национализма, и от идеологии других фашистских движений.

В 40-х годах, после начала войны с Россией, огромные усилия рейха были направлены на создание империи рабов на Востоке, что вполне соответствовало идеям во внешнеполитической концепции Гитлера.

Многие из тех, кто поспешил присоединиться к партии, когда успехи нацистов стали очевидными, не придавали большого значения расистским идеям Гитлера и его антисемитизму. Большинство историков, писавших о Гитлере в позднейшие годы, также полагают, что нацизм, как явление, гораздо проще истолковывать в терминах традиционных рационалистических понятий — таких, как классовые интересы, капитализм, национализм, милитаризм, стремление к власти ради нее самой; не придавая должного внимания политической стороне тех эксцентричных расистских мифов, которые вызревали в воображении Гитлера, такого рода исследователи чаще всего усматривают в них всего лишь персональную идеосинкразию фюрера. В соответствии с распространенной точкой зрения нападение на Россию и попытку основать новую германскую империю на Востоке следует рассматривать как результат неразрешимых противоречий, существовавших в области социальных и экономических отношений, которые Германия не могла разрешить имеющимися в ее распоряжении средствами. Эти

противоречия якобы и заставили или подтолкнули деятелей нацистского режима искать решений в войне и дальнейшей экспансии, в конечном итоге приведших рейх к катастрофе.

Я думаю, нет необходимости приводить здесь противоположные точки зрения «целсвивиков» и «структуралистов», выбор между которыми должен был бы сделать читатель, так как существуют факты, не требующие доказательств. Гитлер поступал определенным образом не потому, что его вынуждали обстоятельства, и не потому, что он искал выход из тупика, он был готов принять любую аргументацию социально-политического характера, любые проекты, сулящие экономические выгоды, если благодаря этим аргументам намеченные им цели приобретали еще большую значимость. Можно, разумеется спорить, что в каждом конкретном случае превалировало: мистические озарения Гитлера или социальноэкономические силы, так или иначе на них влиявшие, но я убежден, что методологически эту взаимосвязь вернее определить в соотношении «и... и...», нежели «или... или...»

«Расовая теория» оставалась путеводной звездой Гитлера на протяжении последних 20 лет его жизни. Даже придя к власти, Гитлер плохо представлял себе, где, как и когда сможет он реализовать свои идеи на практике и будет ли вообще у него такая возможность. Ничего конкретного, никаких планов и сроков выполнения намеченных целей у Гитлера не было. Только в 1940—1941 годах был разработан план вторжения в Россию (план «Барбаросса»), между тем уже в 30-е годы Гитлер стал тревожиться о своем здоровье, опасаясь, проживет ли достаточно долго, чтобы «выполнить стоящую передо мной задачу».

Гитлер любил повторять, что пока не пришло время для осуществления идеи, нет смысла даже пытаться её реализовать. В период предвыборных кампаний начала 30-х годов он понял, что идеи расизма, в которых для него заключалась суть нацизма, не способствуют популярности НСДАП у избирателей, поэтому вместо проповеди антисемитизма — главной темы его выступлений в 20-е годы — он заговорил об угрозе марксизма. До того, как он пришел к власти, в беседах с Отто Вагнером и другими, Гитлер не раз замечал, что «только мы можем составить ясное представление о расовых вопросах. Для нас эти вопросы являются ключевыми. Но для широкой публики — это яд».

Именно в расистской теории таится корень того противоречия, которое для многих оказалось загадкой: парадокс заключается в том, что политический лидер, живое олицетворение революционности, призывающий к экстремизму и, в конце концов, применивший тактику экстремизма в 30-е годы, придя к власти, отказывается продолжать революцию и перейти от преобразований в области политики к преобра-

зованиям в социальной и экономической областях.

В 1933—1934 годах Гитлер разумеется вынужден был соблюдать осторожность из тактических соображений, поскольку тогда его положение было нестабильным и он нуждался если не в поддержке, то во всяком случае в неизменно терпимом отношении со стороны национал-консервативных кругов Германии. Но и позже, в 1938 году, когда он почувствовал, что достаточно силен для того, чтобы сместить Шахта, приступить к осуществлению четырехлетнего плана и отправить в отставку консервативную верхушку министерства иностранных дел и рейхсвера, он почему-то не приступил к реформам внутри страны, которые могли бы превратить Германию в корпоративное государство (что соответствовало духу первоначальных идей нацизма), не восстановил гильдии с тем, чтобы положить конец крупным корпорациям и предоставить рабочим право контролировать их деятельность.

Дело в том, что (по словам Отто Штрассера), Гитлер считал, что эти идеи не лучше марксизма. Реализация этих идей приведет к тому, что их взрывная энергия обратится внутрь страны, вызвав раскол нации, тогда как, напротив, нужно способствовать ее объединению, а значит устремить энергию агрессии во внешний мир, за пределы государства. Гитлер предлагал столь же, если не более радикальное решение: с социальными проблемами Германии он намеревался справиться, направив усилия нации на создание новой германской империи на славянском Востоке. Эта империя должна была стать столь же могущественной, как Римская — в античную эпоху, или как Британская империя в Индии, превзошедшая древний мир в жестокости эксплуатации. Никакие революционные преобразования внутри страны не могли дать народу Германии того морального удовлетворения и тех материальных выгод, которые были бы достигнуты в результате осуществления планов, имевших целью превратить немецкую нацию в расу господ.

В 30-е годы, когда Гитлер был поглощен восстановлением экономической и военной мощи Германии, его программа была выдержана в духе национализма, расистские элементы в ней отсутствовали. Но он никогда не считал военные успехи и успехи в области внешней политики, которыми был для него отмечен период с 1933 по 1940 год, конечным этапом задуманных им преобразований. Это были только средства к окончательному решению проблемы будущего Германии — решению, к которому пришел он сам и которое было венцом его честолюбивых замыслов. Но от публичных заявлений о планах подобного рода Гитлер воздерживался. До самого конца 1939 года строго выдерживалось впечатление, что главными целями внешней политики Германии является отмена Версальского договора и реализация исторической мечты о Великой Германии. Расистские тенденции

не превалировали над националистическими в идеологии нацизма, но именно эти идеи все больше и больше стимулировали германскую политику на Востоке, особенно после того, как было принято решение о нападении на Россию. И даже после того, как в результате успешных военных действий немецким войскам удалось дойти почти до Москвы и Ленинграда, а позднее — продвинуться еще дальше на восток до самого Кавказа, активная деятельность по санации оккупированных территорий в соответствии с расистской теорией Гитлера велась достаточно скрытно.

Но каждый, кто принадлежал к замкнутому кругу нацистского руководства, был в курсе того, сколь сильно владела фюрером идея «жизненного пространства» на Востоке, равно как и с другими расистскими замыслами, рожденными воображением Гитлера. Многие лидеры нацизма — такие, например, как Дарре, Гиммлер, Розенберг, Кох разделяли точку зрения Гитлера, считая, что конечная цель нацистской революции — создание германской империи на Востоке, и в 40-е годы принимали активное участие в её воплощении.

Еще летом 1932 года (то есть до того, как нацисты пришли к власти) Дарре, получивший от Гиммлера задание составить подробную родословную нацистской элиты (особенно тех ее представителей, которые входили в СС) для того, чтобы в дальнейшем использовать эту информацию для селективного отбора, имеющего целью создание новой расовой аристократии, — сделал на эту тему сообщение в узком кругу, где присутствовал и Гитлер. Изложив в общих чертах основные моменты «политики восточного пространства», которое, по его предположениям, должно было простираться от Балтийского моря на севере до Черного моря и Кавказских гор на юге, Дарре принялся доказывать, что только посредством истребления местного населения и колонизации освободившихся земель немецкими поселенцами может быть обеспечен порядок на завоеванных Германией территориях.

Спустя два года, в ходе той же недели в июле 1934 года, когда Гитлер положил конец надеждам СА на вторую революцию, он предоставил СС статус самостоятельной организации, что со временем позволило Гиммлеру и Гейдриху превратить СС в инструмент нацистской расистской идеологии. Четвертого сентября на заседании кабинета министров Геринг объявил присутствующим, что перевооружение Германии «началось с простой мысли: столкновение с Россией — неизбежно».

Симптоматичен и тот факт, что Гитлер, не предпринимавший сколько-нибудь серьезных попыток урегулировать конфликтные отношения и примирить интересы различных группировок в сферах экономической, административной и законодательной деятельности нового режима, проявлял

неизменную требовательность в областях, так или иначе связанных с его расистскими воззрениями: во внешней политике, в вопросах перевооружения и военной стратегии. Хорошо известен и тот факт, что несмотря на бесконечные споры о власти и полномочиях, на интриги, непрекращавшиеся среди главарей нацизма до самого последнего дня, в высшем эшелоне власти начисто отсутствовали идеологические разногласия. Авторитет фюрера, его взгляды не подвергались сомнению до самого конца.

Его авторитет составлял одно целое с его идеологией, ту основу власти, которая была заложена в 20-е годы, в период восстановления партии, когда у рядовых членов партии вошло в привычку повторять: «Наша идеология — Адольф Гитлер». Как справедливо замечает Артур Швейцер, используя для проповеди своего учения магнетические способности, Гитлер смог избежать нестабильности, которую Макс Вебер считает одним из главных недостатков власти харизматического типа, которой обладал Гитлер. Больше того, в глазах своих последователей он сумел придать нацистскому движению мистико-героический ореол, окрасив его в милленаристские тона: недаром «Тысячелетний» — или «Третий рейх» вызывал в памяти ассоциации с «Третьим веком», предсказанным Иохимом да Фьоре* и другими «ересями» средневековья. Образ «царства Христова на земле» содержал моральный императив, позволявший члену СС чувствовать себя носителем «высшего закона» при совершении убийств по приказу (кстати, та же убежденность была свойственна Дзержинскому; аналогичным образом Ленин и Троцкий обосновывали правомерность терроризма). Отнюдь не ставя под сомнение такие «исконные добродетели» как лояльность, послушание, честность, самодисциплина, товарищество и отвага (о них Гиммлер не уставал твердить тем, кто вступал в ряды СС), тот образ Священного рейха будущего, который изобразил Гитлер, как бы переводил эти традиционные ценности в иной ряд, ставя на службу антигуманным целям режима.

Расистская теория Гитлера вовсе не противоречила традициям немецкого национализма; можно сказать, что она явилась их более экстремальным выражением. Даже открытие второго Восточного фронта было воспринято большей частью армии и гражданского населения Германии в традиционно националистическом свете защиты интересов фатерланда. Но для членов СС и официальных представителей нацистской партии, исполнявших свои обязанности на оккупированных территориях Востока, именно расистские

* Им. в виду Иохим Флорский (ок. 1132—1202), считавший неизбежным наступление на земле тысячелетнего царства Святого духа — «царства мира и справедливости» при истреблении «нечестивых». (Прим. ред.)

идеи были тем звеном, которое связывало их с Гитлером, придавая оттенок законности тем чудовищным преступлениям против человечества, которые были на их совести — насильственное переселение и варварское уничтожение миллионов невинных людей (поляков, русских, украинцев); преступления нацистов достигли кульминации в «холокосте» — планомерном истреблении еврейского населения по всей Европе. Среди немцев (и шире европейцев) можно найти и других, кто устно и письменно проповедовал расистские взгляды, но только Гитлер задался целью претворить идеи расизма в практику, начав в 30-е годы с подготовки специально обученных подразделений СС, он закончил тем, что, добившись наивысшего успеха, в пагубном стремлении осуществить свои мрачные фатназии поставил на карту будущее Германии. Свообразие личности Гитлера лежит не в характере его идей, но в той скрупулезности, с которой он постарался воплотить их в реальность.

VIII

Подобно тому, как Гитлер опирался на национально-авторитарную традицию, характерную для Германии, Сталин руководствовался идеями марксистско-ленинского учения. С того момента, как он вступил в РСДРП, марксизм стал для него теорией, системой взглядов, усвоенных на всю жизнь, и языком, на котором он говорил и мыслил до конца своих дней. Так же, как все остальные члены партии большевиков, он взял на вооружение те дополнения, которые внес в канонический марксизм Ленин (о роли партии, об империализме). Да и одна из важнейших причин, обусловивших возможность победы Сталина над его оппонентами; заключалась в том, что ему удалось утвердить себя в качестве главного авторитета в толковании ленинского теоретического наследия.

В отличие от Гитлера, Сталин никогда, даже в узком кругу, не претендовал на оригинальность во взглядах и убеждениях. На вопросы о его мировоззрении он отвечал, что руководствуется идеями, раз и навсегда сформулированными Марксом и Лениным, и ему нечего к ним прибавить. Принимая во внимание масштаб претензий Сталина, столь неожиданную скромность нельзя оставить без объяснений.

Сталин столкнулся с трудностями, которых не знал Гитлер. Во-первых он, как до него Ленин, вынужден был отвечать на критику со стороны меньшевиков и социалистов Запада, предъявлявших ему обвинения в измене идеям марксизма и социализма, а в дальнейшем — и Троцкого, обвинившего Сталина в измене ленинизму. На протяжении 30-х годов Сталину приходилось постоянно реагировать на такого рода нападки. Его обвиняли в том, что официальная

идеология Советского Союза, оперирующая традиционными понятиями социалистического учения — такими, как демократия, социальная справедливость, свобода и равенство — значительно расходятся с реальными фактами советской действительности; и даже в том, что разработанный Сталиным вариант коммунистической доктрины искажает дух коммунистического учения, как в его марксистской, так и в марксистско-ленинской разработке. Заложенные в процессе его внедрения традиции приукрашивания и систематической фальсификации действительности вылились в ту интеллектуальную и нравственную деградацию, от которой Коммунистическая партия впоследствии так и не смогла освободиться.

Что до нацизма, то он порождает собственные, отличные от этих, формы деградации. На пути к власти, стремясь к достижению поставленных целей, Гитлер готов был использовать любые лозунги и призывы; он говорил о «законности», «преемственности», «антикапиталистической направленности», об уважении к традиционным и христианским ценностям; в первое время его канцлерства звучали заверения в миролюбии и уважении к правам других наций. Однако оппортунизм Гитлера не влиял на его идеологию. Если из тактических соображений следовало акцентировать националистический дух учения, умалчивая о его расистских целях, это не означало, что из них делали тайну, любой желающий мог ознакомиться с этими взглядами, прочитав «Майн Кампф». У Гитлера и нацистов не было расхождения между целями и средствами, используемыми для их достижения, когда пришло время для их реализации в 1941—1945 годах; в этом они существенно отличались от Сталина и Коммунистической партии. Сама суть нацизма несла в себе порочное начало, она и обусловила его конец. Стремление к господству, к порабощению и истреблению других народов — были целями, олицетворявшими зло, и любое социальное движение, вдохновляющееся подобными задачами, не могло не испытать на себе их разлагающего влияния.

Порочность коммунистической идеологии скрывалась в средствах достижения целей. Социальная справедливость, большие свободы, равенство, уничтожение эксплуатации и отчуждения — все это гуманные, возвышенные устремления. Но средства, применяемые для их достижения, были настолько антигуманны, что полностью компрометировали коммунистов. Это столь же справедливо применительно к Ленину и Троцкому, как и к Сталину. Вот что об этом пишет Лежек Кулаковский, бывший польский коммунист и философ-марксист:

«Если вы добиваетесь равенства, увеличивая неравенство, итог такой борьбы может быть только один — неравенство; если вы хотите добиться свободы, используя методы

массового террора, то результатом будет массовый террор; если вы хотите строить справедливое общество с помощью страха и репрессий, результатом будут — страх и репрессии, но не всеобщее братство...

Расправа с «классовым врагом», отмена гражданских свобод, явный террор принимались как неизбежное зло, без которого не построить новое общество. Сегодня мы ясно видим — средства определяют результаты, но коммунистический способ мышления всегда полагал верным обратное».

В основе захвата власти, предпринятого Лениным в 1917 году, лежал довольно рискованный расчет на то, что вслед за политическим переворотом, совершенным большевиками, произойдут соответствующие изменения в социальной и экономической сферах жизни России. Данный расчет не оправдался: революционные преобразования не обнаружили тенденции к распространению, большевики оказались в изоляции, ожидать помощи из-за рубежа не приходилось. Гражданская война помешала осознать это, но едва лишь она окончилась, коммунистическое руководство вынуждено было трезво оценить обстановку: перед ними была страна, экономические и социальные отношения в которой не прошли той стадии капиталистической трансформации, какая по Марксу является обязательным условием победы социалистической революции; у обнищавшего, отсталого, изможденного государства не было достаточных внутренних ресурсов, чтобы осуществить такого рода трансформацию.

У Ленина было слишком мало времени для того, чтобы найти решение этой проблемы, ему удалось лишь наметить два возможных направления ее решения. Одно из них было реформистским: в его основу была положена новая экономическая политика и длительная «культурная революция», которая с помощью образования должна была изменить менталитет населения, что предполагало ликвидацию неграмотности и добровольное участие граждан в кооперативном движении, ведущим к социализму; для решения этой задачи была необходима «целая историческая эпоха», как минимум одно-два десятилетия. Эта программа была «политическим завещанием Ленина» (как назвал ее Бухарин), сложившимся в последние годы его жизни. Ранее Ленин предлагал революционный вариант решения проблемы; в ноябре 1920 года он говорил «об изменении, которое разрушает старый порядок до основания, а не осторожно, медленно и постепенно преобразует его, стараясь произвести как можно меньше разрушений». Таким был курс, которому первоначально отдавал предпочтение Ленин — резкий и насильственный разрыв с прошлым России. Именно этот курс избрала новая власть в период военного коммунизма, а затем, к великому сожалению многих коммунистов, сделала резкий поворот в сторону НЭПа.

Причина возрастающего влияния Сталина заключалась

в том, что ему удалось убедить большую часть руководства компартии в необходимости вернуться к прежнему революционному курсу: только таким образом можно было завершить революцию в три-четыре года (на что десять лет назад рассчитывали те же деятели партии, не исключая и Ленина). У Сталина было множество сторонников, подобно ему считавших необходимым отказаться от идеи осуществить требуемые преобразования посредством ограниченного вмешательства государства в различные сферы деятельности его граждан. Только используя всю государственную мощь и применяя все необходимые силовые методы можно, преодолев инерцию сложившегося уклада, заставить общество (иными словами, десятки миллионов людей) в течение четырех-пяти лет, а не двух-трех десятилетий, перейти к новому образу жизни. Изошренная тактика предусматривала кратчайшие сроки для ломки общественных стереотипов под давлением государственной власти, нанесение одновременных ударов по промышленности и сельскому хозяйству, что способствовало еще большей дестабилизации, углублению кризиса, затронувшего все стороны жизни. В результате оказались утрачены все привычные ориентиры: подавленные творившимся вокруг хаосом, люди теряли способность к сопротивлению.

Кулаковский не преувеличивает, называя эти меры, «самой массивной военной операцией», из тех, которые когда-либо государство обрушивало на собственных граждан.» Следствием этого в идеологическом плане явилось возникновение некой новой, сталинской разновидности социалистической идеологии, оказавшейся на практике наиболее вопиющим извращением марксистского канона.

Процесс фальсификации марксистского учения начался раньше — с выдвижения лозунга «социализм в одной стране». По существу предавая забвению ту интернациональную перспективу, которая, по убеждению Ленина и самого Маркса, составляла значимую часть марксистской теории, Сталин в то же время, тенденциозно манипулируя цитатами, утверждал, что мысль о возможности построения социализма в одной стране принадлежит Ленину. Этот же прием он использовал, формулируя два других основополагающих постулата сталинизма. Первым из них была облегченная в каркас неопровержимой исторической догмы его персональная уверенность в том, что по мере приближения окончательной победы социализма классовая борьба приобретает все более ожесточенные формы, соответственно требуя все более жестких мер по отношению к его противникам. «Не было в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены», — заявил Сталин в апреле 1929 года. И продолжая выступления, добавил, что Бухарин не может этого понять, поскольку подходит к вопросу как обыватель, а не как марксист.

Подтверждением этого постулата на практике было насильственное проведение коллективизации, которую Сталин охарактеризовал как борьбу классов в деревне. В «Майн Кампф» Гитлер писал: «Искусство руководства заключается в умении сконцентрировать внимание людей на одном враге, что создает впечатление принадлежности к одной общности у сторонников различных точек зрения». Сам Гитлер нашел такого «одного врага» в «еврействе», Сталин в «кулаке», а затем во «врагах народа»; и то, и другое, и третье олицетворяло «враждебные силы», с которыми во что бы то ни стало надлежало сражаться.

И Сталин, и Гитлер с одинаковым усердием следовали избранному лозунгам (Гитлер — «чистоты расы», Сталин — «классовой борьбы»), служившим основанием для массового уничтожения лиц, попадавших в категории «расово неполноценных» и «классовых врагов». В течение последующих 25 лет Советский Союз (а после второй мировой войны — и правительства других социалистических стран), готовясь к проведению тех или иных репрессивных акций, к подавлению какого бы то ни было сопротивления, неизменно выдвигали концепцию классовых врагов как «объективно» существующего фактора исторического процесса. Каждый, кто оказывал сопротивление коллективизации — или просто подозревался в этом, — оказывался зачислен в «кулаки». Несмотря на то, что по словам самого Сталина, кулаки составляли не более 5 % населения России, все ужасы насильственной коллективизации крестьянства проходили под знаком «ликвидации кулачества как класса» — иными словами той последней противодействующей силы, с которой следовало справиться, чтобы сделать сельское хозяйство социалистическим.

Вторым постулатом стало заявление Сталина в июне 1931 года о том, что в связи с большой текучестью рабочей силы возникла необходимость покончить с уравниловкой в оплате труда. Хозяевам и профсоюзным деятелям, считавшим принцип равной оплаты краеугольным камнем советской системы, Сталин заявил, что это они «отходят от марксизма, отходят от ленинизма». Ибо, по его словам:

«Маркс и Ленин говорят, что разница между квалифицированным и неквалифицированным трудом будет существовать при социализме даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница... «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Кто прав — Маркс и Ленин или уравниловцы?»

С введением оплаты по труду на первый план выдвинулся фактор его производительности; появилась возможность систематически повышать трудовые нормы и в конечном итоге — узаконить трудовые книжки, закреплявшие работника за определенным предприятием, что было нару

шением тех принципов, за торжество которых продолжали бороться профсоюзы капиталистических стран на Западе. Когда Маркс еще в XIX веке столкнулся с подобными идеями, изложенными Нечаевым в его «Основе для будущего социалистического строя», при котором «люди должны производить как можно больше, а потреблять как можно меньше», а все личные отношения должны быть строжайшим образом регламентированы, он с негодованием воскликнул: «Чудесная модель казарменного коммунизма!» Для сталинского образца социализма не найти более точного и лаконичного определения; в то же время Сталин не переставал повторять, что при советском социалистическом строе «навегда покончено» с эксплуатацией и отчуждением.

Главным достижением Сталина явилась трансформация советской идеологии в свете приспособления ее к важнейшей особенности «сталинской революции» — всемерному использованию мощи государственной машины, подмене социалистического строительства государственным, созданию не государства всеобщего благосостояния, но государства, которое Роберт Такер определил как «мощное, высокоцентрализованное, бюрократическое, военно-индустриальное государство Советской России».

Завершить программу принудительной коллективизации и создать разветвленную систему трудовых лагерей Сталину удалось благодаря такой организации, как ОГПУ, и отчасти — армии. Устрашающими символами расцветшего в 30-е годы государства сталинского типа стали могущества органов безопасности, существование лагерей и нагнетаемый ими страх. Второй особенностью режима был рост полномочий и привилегий партийно-бюрократического аппарата, существовавшего за счет бесправного и обескровленного гражданского населения.

Соответствовало ли это известному тезису Маркса об «отмирании государства»? И здесь Сталин оказался на высоте положения. На XVI съезде партии в 1930 году он заявил:

«Мы за отмирание государства. И вместе с тем, мы стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющего самую мощную и самую могучую из всех существовавших до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, оно целиком отражает марксову диалектику».

Таким образом, подобно тому, как с приближением победы социализма обостряется классовая борьба, чем ближе стирание границ между классами, тем более могущественным и всевластным (если следовать данной модели марксистской диалектике) должно быть государство в момент,

предшествующий его непосредственному отмиранию.

Без сомнения, среди членов партии, собравшихся, чтобы приветствовать Сталина на Съезде победителей (январь 1934 года), помимо Бухарина, были и другие представители старой большевистской гвардии, которые сознавали — как сознают нынешние исследователи — что вместо той социалистической идеологии, которая некогда привела их в партийные ряды, Сталину небезуспешно удалось утвердить новую — куда более жестокую и антигуманную. Сталин находил веские аргументы в пользу дальнейшего «развития» марксистско-ленинского учения, ссылаясь, например, на то, что Маркс имел весьма смутное представление о путях построения социализма, а затем коммунизма. В частности, ни он, ни Энгельс не дали каких-либо рекомендаций по преобразованию такой отсталой страны как Россия, где капиталистические отношения пребывали на эмбриональной стадии развития, в индустриальное социалистическое государство. На этот вопрос не смог ответить и Ленин, несмотря на то, что он был выдающимся революционным деятелем и смелым мыслителем. Сталин был уверен, что он знает, как преобразовать Россию в социалистическое государство, и что для этого существует один-единственный путь, который он и избрал. О том, был ли в действительности возможен другой, споры продолжают до сих пор.

В подтверждение своей правоты Сталин мог бы сослаться на то, что Россия оказалась первой страной мира, где были реализованы два важнейших пункта программы Маркса: ликвидированы все виды частной собственности в сельском хозяйстве (включая собственность на землю), в промышленности и в торговле; кроме того, были ликвидированы классы (буржуазии, капиталистов, земледельцев, включая кулаков — сельских капиталистов). Он мог привести в свою пользу и аргументы такого рода: несмотря на то, что примененные методы и полученные результаты значительно отличались от тех, которые хотелось бы видеть многим марксистам, не было такого коммуниста, который считал бы, что возможна революция без большого числа жертв и страданий; особенно хорошо понимал это Ленин. По мнению Сталина, его революция, в отличие от революций 1905 и 1917 годов, резко и необратимо покончила с прошлым, открыв для русского народа перспективы новой жизни.

Но в январе 1934 года Сталин говорил не об этом. Он говорил о том, что именно марксизм был тем учением, которое «одержало победу на одной шестой части земного шара» — в той стране, которую обвиняют в извращении марксизма:

«Чему обязана наша партия этим своим преимуществом? Тому, что она является марксистской партией, партией ленинской. Она обязана тому, что руководствуется в своей

работе учением Маркса, Энгельса и Ленина... Да, товарищи, мы обязаны своими успехами тому, что работали и боролись под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина».

В этом, без сомнения, были определенные политические преимущества. За время жизни Сталина марксизм стал самым популярным учением века, а марксизм-ленинизм был взят на вооружение большинством революционных движений новейшего времени. И для самого Сталина неоспоримые истины марксизма-ленинизма были источником, в котором он черпал энтузиазм, позволивший ему осуществить свою вторую революцию. Воодушевленность идеями марксистско-ленинского учения распространялась далеко за пределами России.

Однако как бы не были важны эти соображения, они не определяют главного. Главное заключалось в характере Коммунистической партии, сутью которой было наличие общей идеологии, основывающейся на том, что представлялось некой научно-обоснованной суммой тезисов об историческом процессе и обществе — тезисов в глазах новообращенных столь же бесспорных, как догматы католической церкви в глазах рядовых католиков.

Идеология представляла определенную важность и для Гитлера, однако не была проблемой первостепенного значения для нацистской партии. Большинство ее членов удовлетворялись лозунгом «Наша идеология — Адольф Гитлер» и оставляли на усмотрение фюрера сущность этой идеологии. С точки зрения коммуниста эквивалентом «мифа о фюрере» был «культ партии» — хранительницы истинной и неизменной доктрины, не подлежащей обсуждению, а её генеральная линия — воплощением высшего авторитета в толковании и приложении этой доктрины. Именно партия и «таинство» этой доктрины, то есть реализованной в ней марксистской идеологией, становились критериями истины. Таким образом, вместо того, чтобы подвергать сомнению авторитет партии или силу магического воздействия доктрины, противопоставив ей некую собственную идеологию, то есть впасть в грех отступничества (в котором он неизменно винил своих оппонентов) — Сталин так и не смог откровенно признаться ни себе, ни партии, что сохраняя первоначальную форму, он изменяет содержание. Памятуя о том, какой урон ему и другим членам «тройки» удалось нанести партийной репутации Троцкого, изобретая и приписывая ему «троцкизм», он отнюдь не стремился позволить кому-бы то ни было проделать то же самое со «сталинизмом» (кстати, само слово он строго запретил употреблять). Применительно к Гитлеру, идеология заключалась в том, что фюрер определял как таковую; в случае Сталина она сводилась к тому, как, по мнению Генерального Секретаря, ее определяли Маркс и Энгельс.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	5
Предисловие	7
Предисловие к русскому изданию	10
Введение	13
Глава первая. ИСТОКИ Сталин: 1879—1899 Гитлер: 1889—1908	17
<i>(От рождения до девятнадцати лет)</i>	
Глава вторая. ШКОЛА ЖИЗНИ Сталин: 1899—1917 <i>(в возрасте от 19 до 37 лет) Гитлер: 1908—1918</i> <i>(в возрасте от 19 до 29 лет)</i>	66, 35
Глава третья. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. НО- ЯБРЬСКИЙ ПУТЧ Сталин: 1917—1918 (в воз- <i>расте от 37 до 38 лет) Гитлер: 1918—1923 (в воз-</i> <i>расте от 29 до 34 лет)</i>	66 35
Глава четвертая. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ Ста- <i>лин: 1918—1924 (в возрасте от 38 до 44 лет)</i>	118
Глава пятая. СОЗДАНИЕ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ <i>Гитлер: 1924—1930 (в возрасте от 35 до 41 года)</i>	168
Глава шестая. ПРЕЕМНИК ЛЕНИНА Сталин: 1924— <i>1929 (в возрасте от 44 до 50 лет)</i>	212
Глава седьмая. ГИТЛЕР В ПРЕДВЕРИИ ВЛАСТИ <i>Гитлер: 1930—1933 (в возрасте от 41 до 43 лет)</i>	263
Глава восьмая. РЕВОЛЮЦИЯ СТАЛИНА Сталин: <i>1928—1934 (в возрасте от 48 до 55 лет)</i>	311
Глава девятая. РЕВОЛЮЦИЯ ГИТЛЕРА Гитлер: <i>1933—1934 (в возрасте от 43 до 45 лет)</i>	373
Глава десятая. ГИТЛЕР И СТАЛИН В СРАВНЕНИИ <i>Гитлер и Сталин в конце 1934 Сталин (в возрасте</i> <i>54—55 лет) Гитлер (в возрасте 45 лет)</i>	400

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научно-популярное издание

Буллок Алан

ГИТЛЕР И СТАЛИН: ЖИЗНЬ И ВЛАСТЬ

Сравнительное жизнеописание

В 2 томах
Том 1

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Сдано в набор 19.04.94. Подписано в печать 18.05.94. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура Кудряшевская энциклопедическая. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 50 000 экз. Заказ 925.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415 и АО «Ключ». 214016, Смоленск, ул. Победы, 20.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Сталин в школьные годы

Сталин в ссылке в Сибири

Гитлер в школьные годы

Сталин. Фотография из полицейского архива

Гитлер на Одеон плац, август 1914 года

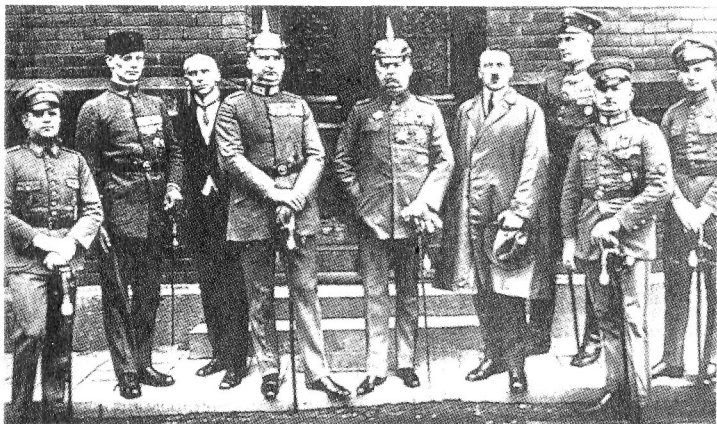
Сталин — генеральный секретарь. Около 1924 г.

Гитлер, демобилизованный с фронта

Сталин, Рыков, Зиновьев и Бухарин. Около 1924 г.

*После неудачного путча. Подсудимые (слева направо):
Перне, Вебер, Фрик, Крибель, Людендорф, Гитлер,
Брюкнер, Рем, Вагнер. Ноябрь 1923 г.*

Восьмой съезд партии большевиков. 1919 г.

*Гитлер выступает на собрании руководства нацистской
партии. 1925 г.*

Похороны Феликса Дзержинского. 1926 г.

Гитлер — уличный оратор. Мюнхен, 1923 г.

Гитлер с фон Гинденбургом. 3 марта 1933 г.

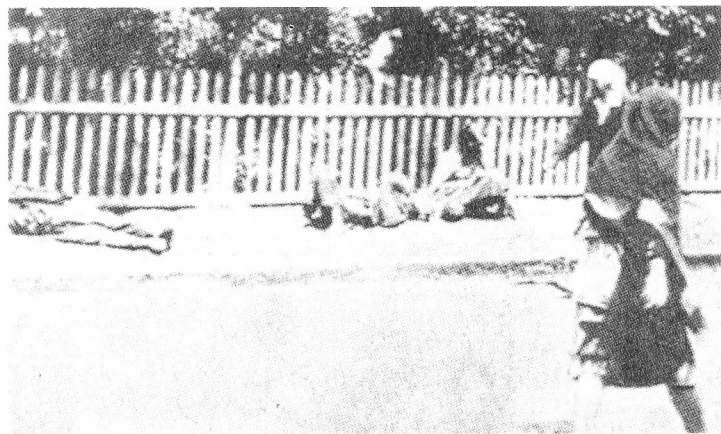
Гитлер покидает партийный митинг. 1930 г.

Гитлер, Гиммлер и Геринг после расправы над Ремом. 1934 г.

Титичный колхоз в России. Около 1930 г.

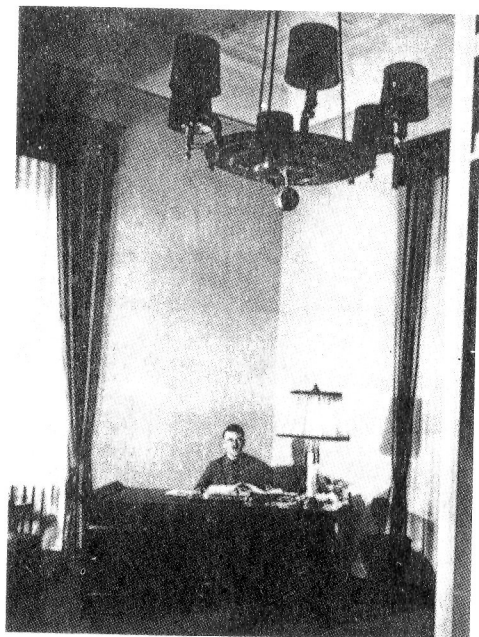
Голод на Украине

Колхозная бригада.

Съезд победителей

Гитлер в коричневом доме. Мюнхен, 1931 г.

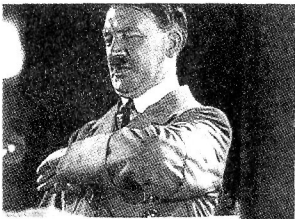
Гитлер в Нюрнберге, сентябрь 1933 г.

Гитлер и Рем.

Гитлер на отдыхе с Гели Раубаль

Гитлер произносит речь.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ГЕРМАНИИ /1919-1933/

П А Р Т И И	НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 19 ЯНВАРЯ 1919		6 ИЮНЯ 1920		4 МАЯ 1924		7 ДЕКАБРЯ 1924		20 МАЯ 1928		14 СЕНТЯБРЯ 1930		31 ИЮЛЯ 1932		6 НОЯБРЯ 1932		5 МАРТА 1933		12 НОЯБРЯ 1933		П А Р Т И И										
	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%	КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%	КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%	КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%	КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%	КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%	КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ	%		КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТОВ									
ИМЕЮЩЕ ПРАВО ГОЛОСА	36.766.500	-	423	35.949.000	-	459	38.375.000	-	472	38.987.300	-	493	41.224.700	-	491	42.957.700	-	577	44.226.800	-	608	44.373.700	-	584	44.665.800	-	647	45.141.900	-	661	ИМЕЮЩЕ ПРАВО ГОЛОСА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ГОЛОСА	30.400.300	82,7	-	28.196.300	78,4	-	29.281.800	76,3	-	30.290.100	77,69	-	30.753.300	74,6	-	34.970.900	81,4	-	83,39	-	35.471.800	79,93	-	39.343.300	88,04	-	42.988.100	95,2	-	ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ГОЛОСА	
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ /СОЦИАЛИСТЫ БОЛЬШИНСТВА/	11.509.100	37,9	165	6.104.400	21,6	102	6.008.900	20,5	100	7.881.000	26,0	131	9.153.000	29,8	153	8.577.700	24,5	143	7.959.700	21,6	133	7.248.000	20,4	121	7.181.600	18,3	120	-	-	СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ /СОЦИАЛИСТЫ БОЛЬШИНСТВА/	
НЕЗАВИСИМАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ	2.317.300	7,6	22	5.046.800	17,9	84	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	НЕЗАВИСИМАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ	
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ	-	-	-	589.500	2,1	4	3.693.300	12,6	62	2.709.100	9,0	45	3.264.800	10,6	54	4.592.100	13,1	77	5.282.600	14,6	89	5.980.200	16,9	100	4.848.100	12,3	81	-	-	КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ	
ЦЕНТРИСТСКАЯ ПАРТИЯ	5.980.200	19,7	91	3.845.000	13,6	64	3.914.400	13,4	65	4.118.900	13,6	69	3.712.200	12,1	62	4.127.900	11,8	68	4.589.300	12,5	79	4.230.600	11,9	70	4.424.100	11,7	74	-	-	ЦЕНТРИСТСКАЯ ПАРТИЯ	
БАВАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ	-	-	-	1.238.600	4,4	21	946.700	3,2	16	1.134.800	3,7	19	945.600	3,0	16	1.059.100	3,0	19	1.192.700	3,2	22	1.094.600	3,1	20	1.073.600	2,7	18	-	-	БАВАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ	
ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ	5.641.800	18,6	75	2.333.700	8,3	39	1.655.100	5,7	28	1.919.800	6,3	32	1.505.700	4,9	25	1.322.400	3,8	20	378.800	1,0	4	336.500	1,0	2	334.200	0,8	5	-	-	ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ	
ГЕРМАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ	1.345.600	4,4	19	3.919.400	13,9	65	2.964.400	9,2	45	3.049.100	10,1	51	2.679.700	8,7	45	1.578.200	4,5	30	436.000	1,2	7	661.800	1,9	11	432.300	1,1	2	-	-	ГЕРМАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ	275.100	0,9	4	218.600	0,8	4	692.600	2,4	10	1.005.400	3,3	17	1.397.100	4,5	23	1.362.400	3,9	23	146.900	0,4	2	110.300	0,3	1	-	-	-	-	-	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ	
ГЕРМАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ	3.121.500	10,3	44	4.249.100	14,9	71	5.696.500	19,5	95	6.205.800	20,5	103	4.381.600	14,2	73	2.458.300	7,0	41	2.177.400	5,9	37	2.959.000	8,8	52	3.136.800	8,0	52	-	-	ГЕРМАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ	
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ	-	-	-	-	-	-	1.918.300	6,5	32	907.300	3,0	14	810.100	2,6	12	6.409.600	18,3	107	13.745.800	37,4	230	11.737.000	33,1	196	17.277.200	43,9	288	39.638.800	92,2	661	НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ ГЕРМАНИИ
ДРУГИЕ ПАРТИИ	209.700	0,6	3	651.200	2,5	5	2.059.700	6,9	19	1.389.700	4,4	12	2.903.500	9,2	28	3.724.300	10,5	49	1.119.300	2,8	9	1.526.100	4,4	11	766.146	1,9	7	-	-	ДРУГИЕ ПАРТИИ	

1 КОЛИЧЕСТВО НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ГОЛОСОВ : 3.349.383